

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

экономические и социальные перемены

№ 4 (164)
июль — август 2021

ГОСУДАРСТВО
И ОБЩЕСТВО

СОЦИОЛОГИЯ
МОЛОДЕЖИ

МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ

ГЕНДЕР
И СЕМЬЯ

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Кулешова Анна Викторовна —
кандидат социологических наук, член российской
Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) (Россия)

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2021. — № 4 (164). — 515 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Е. В. Князева

Response rate — показатель качества опроса или методическая проблема?
Как мы считали достижимость респондентов
в комбинированном исследовании 4

С. В. Жучкова, А. Н. Ротмистров, Е. А. Шабанова

Имеет ли метод индикаторной переменной преимущества перед анализом
полных наблюдений при обработке пропусков
в категориальных регрессорах?23

Я. А. Багина, А. Д. Говорова, С. К. Нарьян

«Один в поле не воин» или «третий лишний»?
Тандемные интервью в качественном исследовании53

О. Л. Чернозуб

Двухкомпонентная модель поведения человека:
может ли социология чему-то научить маркетинг? 77

В. С. Вершина, Е. М. Долгова, О. А. Оберемко, О. А. Тхагужокова

Этюд о барбершопах в России: кейс связи микро- и макроуровней
в качественном исследовании99

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

Н. Е. Тихонова

Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны:
состояние и динамика в 2008—2020 гг.121

Д. Е. Карева, О. Е. Кузина

Динамика пенсионных стратегий и пенсионного поведения россиян
в 2005—2020 гг. 139

В. И. Чой

Восприятие южнокорейцами и россиянами культуры стран-партнеров 165

А. А. Шабунова, К. Е. Косыгина, Г. В. Белехова

Доверие и социальное неравенство: российский кейс 186

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: июль — август 2021..... 212

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Е. В. Тыканова, К. А. Тенишева

Восприятие беспорядка и социальный контроль в новых жилых массивах:
опыт социологического исследования 232

Н. С. Киреева

Предпочтения пользователей сервисов совместного пользования (шеринга)
вещей: результаты исследования статистики поисковых запросов 258

А. С. Адельфинский

Причины бегового бума 2010-х:
кейс-стади крупнейшего марафона России 275

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

С. Ю. Барсукова, А. В. Звягинцев, Л. С. Лаптиева, Э. И. Сафиуллина

Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях..... 300

Н. А. Нартова, А. М. Фатехов

Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения
образования к обретению ответственности и потере оптимизма? 319

А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Л. Н. Духанина, М. В. Сапоровская

Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи..... 345

С. И. Чудинов, Г. Н. Сербина, Ю. О. Мундриевская

Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте»
на примере фанатского сообщества «керченского стрелка»..... 363

О. Е. Акимова, С. К. Волков, Е. Г. Ефимов

Привлекательность российских территорий: оценка мнений центениалов 384

МИГРАЦИЯ

К. И. Казенин, И. В. Стародубровская

Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции..... 405

Н. В. Латова

Миграционные установки и предпочтения российских специалистов
в контексте концепции человеческого капитала 429

В. М. Пешкова

Транснациональное детство. Часть I: постановка вопроса и обзор основных
теоретико-методологических подходов 451

ГЕНДЕР И СЕМЬЯ

Н. В. Колесник

Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов 468

А. О. Макаренцева, Н. И. Галиева, Д. М. Рогозин

(Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения..... 492

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1855](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1855)

Е. В. Князева

RESPONSE RATE — ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ОПРОСА ИЛИ МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА? КАК МЫ СЧИТАЛИ ДОСТИЖИМОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ В КОМБИНИРОВАННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Правильная ссылка на статью:

Князева Е. В. Response rate — показатель качества опроса или методическая проблема? Как мы считали достижимость респондентов в комбинированном исследовании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 4—22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1855>.

For citation:

Knyazeva E. V. (2021) Response Rate — An Indicator of the Research Quality or a Methodological Problem? How We Estimated the Response Rate in the Mixed Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 4–22. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1855>. (In Russ.)

RESPONSE RATE — ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ОПРОСА ИЛИ МЕТОДИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА? КАК МЫ СЧИТАЛИ ДОСТИЖИМОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ В КОМБИНИРОВАННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

КНЯЗЕВА Елена Владимировна — кандидат социологических наук, руководитель, ведущий научный сотрудник, Социологический информационно-исследовательский центр «Пульт», Одесса, Украина

*E-MAIL: knyazeva.elena.mail@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5625-768X>*

Аннотация. Подробная и точная информация об отказах от участия в социологических опросах, а также уровень достижимости респондентов считаются ключом к научным исследованиям и имеют особое значение для сбора высококачественных данных. В статье представлены результаты эксперимента по расчету уровня достижимости респондентов (response rate) на материалах актуального коллаборативного опросного исследования «Открытое мнение — Санкт-Петербург. Образ идеального губернатора», проведенного в течение мая-июля 2019 г. Основное внимание в статье сосредоточено на методических и технических трудностях сбора, кодирования и интерпретации параданных в комбинированном (mixed) опросе (с раздельными подвыборками телефонного и уличного опросов). Для оценки результативности опросов, а также для анализа отказов использована стандартная методика Американской ассоциации изучения общественного мнения (AAPOR). Описаны основные проблемы, возникающие при попытке рассчитать уровень достижимости респондентов и оценить качество па-

RESPONSE RATE — AN INDICATOR OF THE RESEARCH QUALITY OR A METHODOLOGICAL PROBLEM? HOW WE ESTIMATED THE RESPONSE RATE IN THE MIXED SURVEY

*Elena V. KNYAZEVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Center, Leading Researcher
E-MAIL: knyazeva.elena.mail@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5625-768X>*

¹ Sociological Information and Research Center «Pulse», Odessa, Ukraine

Abstract. Detailed and accurate information on the refusal rate in sociological surveys, as well as the response rate, are considered the key to scientific research and are of particular importance for collecting high-quality data. The article presents the results of an experiment to calculate the response rate based on the materials of the current collaborative survey «Open Opinion — St. Petersburg. The Image of the Ideal Governor», conducted in May—July 2019. The article focuses on the methodological and technical difficulties of collecting, coding and interpreting paradata in a mixed survey (with separate subsamples of telephone (CATI) and street (face-to-face) surveys). The standard methodology of the American Association for Public Opinion Research (AAPOR) was used to assess the effectiveness of the surveys, as well as to analyze their failures. The author describes the main problems that arise during the assessment of the response rate and paradata quality in a mixed survey with disposition codes recommended by the AAPOR. The study shows that paradata registered during the survey contain many omissions and inaccuracies, as well as errors in coding refusals,

радных в комбинированном опросе с применением диспозиционных кодов, рекомендованных Американской ассоциацией изучения общественного мнения, а именно: зарегистрированные в процессе опроса параданные содержат много пропусков и неточностей, а также ошибки кодирования ответов, которые приводят к неверным расчетам уровня достижимости и оценкам результативности исследования в целом. Основная проблема — качество параданных. Информация, представленная в статье, в первую очередь предназначена для того, чтобы привлечь внимание исследователей к данной проблеме и ее последствиям. Предложены ее возможные решения, которые варьируются от повышения квалификации интервьюеров, ориентированных на сбор сопутствующих исследованию данных и внедрение автоматической системы учета параданных, до разработки стандартизированной, хорошо документированной и воспроизводимой процедуры сбора параданных, адаптированной к разным методам сбора данных и российскому контексту.

Ключевые слова: открытое исследование, комбинированный опрос, параданные, уровень достижимости респондентов, AAPOR

Благодарность. Автор выражает благодарность Содружеству «Открытое мнение» за открытые массивы данных и материалы исследования «Открытое мнение — Санкт-Петербург. Образ идеального губернатора», которые позволили заглянуть в глаза «объективности» и представить результаты проделанной работы, акцентируя внимание на трудностях, с которыми при-

which lead to bias in estimations of the response rate and effectiveness of the survey. The main problem is the paradata quality. The information presented in the article is primarily intended to draw the attention of researchers to this problem and its consequences. The author proposes possible solutions, which range from improving the qualifications of interviewers, developing the process of collecting the data accompanying the survey, and introducing an automatic system for recording paradata, to developing a standardized, well-documented and reproducible procedure for collecting paradata, adapted to different methods of data collection and Russian context.

Keywords: open research, mixed methods, paradata, response rate, AAPOR

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the Open Opinion Project for the open data sets and materials of the «Open Opinion — St. Petersburg. The Image of the Ideal Governor» study, which allowed to examine the «objectivity» and present the results of the study, focusing on the difficulties that the researchers had to face together with unresolved methodological problems. Also, many

шлось столкнуться исследователям, и нерешенных методических проблемах. Также огромная благодарность коллегам Марии Мацкевич, Игорю Задорину, Владимиру Звоновскому, Роману Кузнецову, Юлии Баскаковой, Надежде Корытниковой за советы и конструктивную критику в процессе работы над материалами исследования.

thanks to my colleagues Maria Matkevich, Igor Zadorin, Vladimir Zvonovsky, Roman Kuznetsov, Yulia Baskakova, and Nadezhda Korytnikova for the advice and constructive criticism they provided in the process of working on research materials.

Введение

В научном и публичном дискурсе продолжает набирать актуальность тема отказов от участия в опросах общественного мнения. Повсеместно исследователи транслируют мнение, что в последние годы достижимость респондентов (response rate) снижается (см., например, [Романович, 1996; Рогозин, 2004, 2008; Юдин, 2008; Османов, Рогозин, 2013; Корытникова, 2013; Паниотто, Харченко, 2012]). В связи с этим ученые все чаще выражают озабоченность по поводу качества данных и занимаются поиском стратегий их сбора, которые позволили бы преодолеть данную тенденцию. Считается, что высокий показатель уровня достижимости респондентов обеспечивает большую точность результатов социологического исследования, из-за чего его величина часто используется для оценки качества данных в целом. Однако в действительности высокий уровень отказов от участия в опросе оказывается проблемой лишь тогда, когда группы респондентов и «неответивших» отличаются друг от друга по одному или нескольким параметрам.

Следует отметить, что социологи начали указывать на снижение величины откликов уже более четверти века назад. Начиная с конца 70-х годов прошлого века осуществляются попытки введения общеотраслевых стандартов, поиск смыслов, интерпретаций и методов расчета показателя достижимости респондентов в социологических опросах. При поддержке CASRO американские ученые Ф. Вайзман и П. Макдональд организовали исследование, в котором сорок директоров проектов в фирмах CASRO получили параданные трех опросов, для каждого из которых их попросили рассчитать процент откликов (response rate). В результате сорок специалистов выдали двадцать девять разных значений этого показателя, который варьировался от 12% до 90%, а наиболее часто упоминаемое значение приводилось только три раза [Wiseman, 2003]. После этого Совет директоров CASRO¹ сформировал специальную рабочую группу с целью выработки стандартизированного определения показателя достижимости (response rate), которая рекомендовала следующую формулу его расчета: response rate (коэффициент ответов)² = количество законченных интервью / количество всех единиц

¹ CASRO — Council of American Survey Research Organizations (Совет американских исследовательских организаций), основан в 1975 г. Это ассоциация организаций, занимающихся исследованиями в области опросов. В Совет входят более 275 компаний и исследовательских центров в США и за рубежом. Веб-сайт: <http://www.casro.org>.

² Response rate = Number of completed interviews with reporting units / Number of eligible reporting units in the sample. См.: CASRO on the Definition of Response Rates // CASRO. URL: <https://www.insightsassociation.org/issues-policies/best-practice/casro-definition-response-rates> (дата обращения: 29.07.2021).

наблюдения, удовлетворяющих критериям выборки. Однако проведя несколько экспериментов по расчету показателей достижимости в разных опросных компаниях, авторы формулы пришли к выводу, что во многих случаях невозможно ее обосновать и определить правильность выбранных для расчетов отчетных единиц.

В конце 1990-х годов в разработку стандартов расчета показателя достижимости включилась Американская ассоциация изучения общественного мнения (AAPOR). В 2016 г. она выпустила рекомендации³, в которых указывалось, как следует определять и рассчитывать этот показатель в разных типах опросов. AAPOR предложила «Стандартные определения», которые включают конечные коды, сгруппированные в четыре основные категории:

- 1) Лица, соответствующие критериям отбора и опрошенные (интервью у них взяты);
- 2) Лица, соответствующие критериям отбора, но не были опрошены;
- 3) Лица с неизвестным статусом, не опрошенные (контакт не состоялся);
- 4) Лица, не соответствующие критериям отбора, не опрошенные.

Помимо этого, AAPOR предлагает шесть альтернативных формул расчета коэффициента ответов с помощью калькулятора RR⁴ — электронной таблицы Excel, вычисляющей показатели результативности опроса после того, как исследователь вводит диспозиционные коды⁵. Разработчики надеялись, что с внедрением рекомендаций CASRO и AAPOR в профессиональном сообществе будет достигнута стандартизация отчетности по показателям результативности опросов, однако этого не случилось. На практике в большинстве исследований, сообщающих о коэффициенте достижимости, не указывается, как он был рассчитан. Это затрудняет или даже делает невозможным сравнение таких коэффициентов в разных типах опросов.

Таким образом, проблема интерпретации терминов и методов расчетов коэффициента по-прежнему существует. В качестве основных причин можно назвать использование разных определений и стратегий регистрации конечных кодов, применение более сложных методов сбора данных и регистрации параданных. Поэтому особенно важно, чтобы исследователи не только информировали об уровне достижимости, но и подробно описывали характеристики диспозиционных кодов, а также то, как был рассчитан показатель результативности исследования. В противном случае сообщаемые показатели не дают практически никакой полезной информации и могут приводить либо к завышению, либо к занижению уровня достижимости. Несмотря на то, что нормативный характер стандартов AAPOR представляет собой «передовой опыт», социологи-исследователи заинтересованы в их эмпирическом применении и выработке общих, понятных кодов, указывающих на результат интервью. Поэтому мы провели анализ отказов респондентов от участия в опросе на базе исследования «Открытое мнение — Санкт-Петербург.

³ Standard Definitions: Final Dispositions of Case Codes and Outcome Rates for Surveys // AAPOR. URL: https://www.aapor.org/AAPOR_Main/media/publications/Standard-Definitions20169theditionfinal.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

⁴ Подробнее см.: Response Rates — An Overview: AAPOR Response Rate Calculator 4.1 // AAPOR. URL: <https://www.aapor.org/Education-Resources/For-Researchers/Poll-Survey-FAQ/Response-Rates-An-Overview.aspx> (дата обращения: 20.07.2021).

⁵ Количественные значения параметров исследования.

Образ идеального губернатора», задаваясь вопросами, как фиксируются отказы в социологических исследованиях и насколько стандарт AAPOR распространен среди исследовательского сообщества? С какими трудностям сталкиваются исследователи в процессе сбора и кодирования параданных? Каковы риски искажения качества результатов и к чему может привести неправильная интерпретация конечных кодов? Какие имеются ограничения при сборе и анализе параданных в комбинированном исследовании?

Эмпирическая база исследования

Статья подготовлена на основе результатов опроса «Открытое мнение — Санкт-Петербург. Образ идеального губернатора»⁶, проведенного с мая по июль 2019 г. содружеством профессиональных социологов «Открытое мнение»⁷ в Санкт-Петербурге. В проекте участвовали специалисты из разных исследовательских центров России и ближнего зарубежья, включая автора данной публикации. Основное внимание исследователей фокусировалось на представлениях петербуржцев о предпочтительных для них качествах градоначальника.

Полевые работы выполнялись четырьмя разными исследовательскими компаниями⁸. Опрос проводился методом формализованного интервью. Использовался комбинированный (mixed) тип выборки с отдельными подвыборками для телефонного (CATI)⁹ и уличного (face-to-face) опросов. Общий объем выборочной совокупности составил 1012 респондентов: 512 приняли участие в телефонном опросе (B1T1 и B2T2) и 500 — в уличном, где для 250 интервью использовались бумажные анкеты (B3S1) и для еще 250 — планшеты (B4S2). Телефонный и уличный опросы проводились по единой анкете. По замыслу разработчиков ее вопросы должны были одинаково восприниматься как при личном контакте, так и при телефонном интервью, хотя на практике имелись некоторые различия в восприятии, связанные с методом.

При подготовке данной статьи мы использовали данные, предоставленные рабочей группой проекта «Открытое мнение», — финальный массив с результатами опроса и массив «отказов». Мы сосредоточили внимание на трех исследовательских вопросах:

⁶ Подробнее об исследовании, его целях, методике, инструментарии и результатах см.: Открытое мнение: Санкт-Петербург: Результаты проекта // Открытое мнение. Независимый социологический проект. 2019. URL: <https://openopinion.ru/sankt-peterburg> (дата обращения: 20.07.2021).

⁷ Команда содружества «Открытое мнение» на протяжении ряда лет занимается исследованиями, направленными на улучшение существующих методов опроса, а также ищет альтернативные способы социологического измерения. Применяя передовые методы исследований, команда «Открытое мнение» старается быть максимально прозрачной в отношении качества полученных данных и того, как они собираются. В этом содружество следует возникшей в начале XXI века концепции открытой науки, фундаментальные принципы которой — открытые данные, открытая методология, открытая экспертная оценка. Проекты, подобные «Открытому мнению», стремятся внести вклад в изменение процедуры проведения социологических исследований, сделав открытость данных их нормой. Полное раскрытие информации об опросе «Образ идеального губернатора» — методологии, описания выборки и дизайна исследования, а также другой специфической информации можно рассматривать как вклад Содружества в развитие концепции открытой науки.

⁸ Из этических соображений компании-исполнители в массиве закодированы как B1T1, B2T2, B3S1 и B4S1. Для различения этих компаний в статье мы будем использовать маркеры: B1T1 и B2T2 — компании, проводившие телефонный опрос; B3S1 и B4S1 — уличный.

⁹ CATI — Computer Assisted Telephone Interview.

- 1) Насколько информативны собранные в процессе опроса параданные?
- 2) Различаются ли те, кто согласился участвовать в опросе, и те, кто отказался принять в нем участие, по своим социально-демографическим характеристикам?
- 3) Зависят ли уровень достижимости респондентов и качество сбора параданных от интервьюеров, участвующих в исследовании?

Насколько информативны исходные данные об отказах от участия в опросе?

Значительная по объему и важная часть работы по решению методологических и организационных проблем комбинированного исследования «Образ идеального губернатора» освещена в «Аналитическом отчете о результатах исследования»¹⁰. Вопросам расчетов важных показателей качества выборки, анализу достижимости респондентов, их отказов и неответов посвящен «Методический отчет о проведении исследования»¹¹. Он также содержит анализ систематических ошибок, связанных с отказами как на уровне всего опроса в целом, так и в случае конкретных методов сбора данных. Как правило, данные об отказах (параданные), фиксируемые в процессе исследования, зависят от его типа и должны быть четко изложены организаторами — указаны в описании методологии и отмечены в полевом этапе [Лебедев, 2020]. Учитывая, что сбор параданных в исследовании «Образ идеального губернатора» не ставился как необходимая задача, специальные контактные формы для регистрации отказов не разрабатывались, чтобы не увеличивать нагрузку на интервьюеров и стоимость опроса. Поэтому наше внимание было сосредоточено на анализе ключевых параметров исследования, указанных в методике формирования выборочной совокупности и в инструментарии уличного и телефонного опросов. Поскольку эти данные в силу определенных причин фиксировались различными способами, мы будем рассматривать их только как «минимальное раскрытие».

Так, в «Методике формирования выборочной совокупности респондентов уличного опроса»¹² было четко указано, кто должен быть исключен из исследования, а также какую информацию необходимо фиксировать интервьюеру, а именно:

- число людей, приглашенных к опросу, которые не являлись жителями Петербурга,
- число людей, для которых квоты были уже превышены (возраст, пол, образование),
- количество запланированных интервью,
- количество проведенных интервью,
- количество отказов,

¹⁰ Подробнее см.: «Образ идеального губернатора» (ОМ—Санкт-Петербург). Аналитический отчет о результатах исследования // Открытое мнение. Независимый социологический проект. 2019. URL: <https://openopinion.ru/uploads/s/f/k/O/fk0srzydghw/file/DZ30NmCk.pdf?preview=1> (дата обращения: 26.07.2021).

¹¹ Подробнее см.: Проект «Открытое мнение — Санкт-Петербург». Методический отчет о проведении исследования // Открытое мнение. Независимый социологический проект. 2019. URL: <https://openopinion.ru/uploads/s/f/k/O/fk0srzydghw/file/D8eMTaw7.pdf?preview=1> (дата обращения: 26.07.2021).

¹² Подробнее см.: Открытое мнение: Санкт-Петербург. Инструментарий: Методика (уличный опрос) // Открытое мнение. Независимый социологический проект. 2019. URL: <https://openopinion.ru/sankt-peterburg> (дата обращения: 26.07.2021).

- количество случаев, когда респондент не подходил по скринингу (вопрос S0),
- количество случаев, когда респондент не подходил по квотам (вопрос S2 и Q32),
- количество прерванных интервью,
- характеристики интервьюеров (пол, возраст, образование, в каком опросе участвует).

Помимо этого, в процессе опроса интервьюеры/операторы должны были фиксировать параметры, перечисленные в разделе «Параданные»¹³ анкеты для уличного/телефонного опроса¹⁴, такие как:

- дата опроса,
- время опроса (B1 — начало интервью, B2 — конец интервью),
- название колл-центра, который проводил опрос (для телефонного опроса) / бригада (для уличного опроса),
- интервьюер (фамилия, имя или номер), который проводил опрос,
- точка опроса (для уличного опроса),
- характеристики набора телефонного номера: ошибка (нет гудка); неверный номер; номер не обслуживается и т. п.; нет ответа; вне зоны действия сети; занято; взяли трубку (для телефонного опроса).

Первое затруднение, с которым мы столкнулись в процессе работы, — значимые различия в параданных комбинированного опроса. Данные об отказах, предоставленные колл-центрами и организациями, проводившими уличные интервью, оказались несопоставимы, поэтому не имело смысла анализировать их на уровне исследования в целом. Некоторые типы параданных отсутствовали в массивах отказов по результатам уличных опросов либо фиксировались разными способами в случае телефонных интервью. Все это приводило к ошибкам измерения (см. табл. 1).

Таблица 1. Сведения о предоставленных параданных (массив «Отказы»)

База «Отказы»	B1T1	B2T2	B3S1	B4S2
Интервьюер/оператор	+	+	+ точка опроса	+ точка опроса
Дата опроса	+	+	+	+
Время начала и окончания разговора	+	+	–	–
Длительность интервью	+	+	–	–
Имя отказавшегося	+	–	–	–

¹³ Речь идет об отказах от участия в опросе. Отказы — это информация, которая традиционно собирается в рамках опроса, при этом никакой дополнительной формы для фиксации не требуется, вопросы об отказах встроены в опросник.

¹⁴ Подробнее см.: Открытое мнение: Санкт-Петербург. Инструментарий: Анкета опроса // Открытое мнение. Независимый социологический проект. 2019. URL: <https://openopinion.ru/sankt-peterburg> (дата обращения: 26.07.2021).

База «Отказы»	B1T1	B2T2	B3S1	B4S2
Статус разговора	+	–	результат обращения	–
Телефон отказника	+	+	–	–
Возраст отказника	+	+	+	+
Пол отказника	+	+	+	+
Основное занятие	+	–	+	
Образование	+	–	–	+
Прописка	–	–	–	+
Район проживания	–	–	–	+

Отсутствие единого классификатора параданных для всех типов опроса сделало невозможным расчет коэффициентов результативности для массива целиком. Кроме того, в массиве отказов невозможно различить «недостигнутых респондентов» и «отказавшихся», чтобы оценить их влияние на возможные смещения. Попытка закодировать параданные так, как рекомендовано в методике AAPOR [Стандартные определения..., 2016], то есть с использованием диспозиционных кодов, не увенчалась успехом. Например, такой важный для телефонных опросов показатель, как «результаты дозвона», в массивах отказов отсутствовал или был представлен в другой модификации, как «статус разговора» (см. табл. 2).

Таблица 2. Категории отказов в массиве телефонного опроса B1T1

	Абсол. значение	%
Бросили трубку	382	10,5
Категорический отказ	3018	82,96
Неверный номер	3	0,08
Нет ответа	13	0,36
Получен ответ	150	4,12
Результативная анкета	70	1,92
Всего	3637	100

Время начала и окончания разговора фиксировалось только в телефонных опросах, но не в уличных, хотя если при проведении интервью с использованием бумажной анкеты это действительно затруднительно, то при наличии планшета такие данные должны отмечаться автоматически. Также было установлено, что на качество и полноту данных влияют интервьюеры/операторы: в массиве отказов

оказались как отчеты, в которых отсутствовала большая часть параданных, так и такие, где все требования методики их фиксации были соблюдены. К сожалению, первых было значительно больше. Из тринадцати заданных параметров только по четырем имелись полные сведения, а именно:

- ФИО интервьюера/оператора,
- дата опроса,
- пол респондента,
- возраст респондента.

Всего мы проанализировали четыре массива параданных — для двух телефонных опросов и двух уличных. Остановимся на каждом из них подробнее.

Анализ параданных в телефонных опросах

Не имея единой инструкции, колл-центры сами настраивали запись разговоров/контактов в процессе опроса. Для проведения телефонных интервью оба центра использовали случайную выборку стационарных и мобильных номеров. Такая выборка всегда содержит какую-то часть несуществующих телефонных номеров. Судя по массивам «отказов», в ходе телефонных опросов идентификация таких случаев не производилась. Следовательно, проблематично было отличить номера респондентов, не отвечающих критериям отбора, от подходящих.

Отдельная проблема связана с тем, как следовало бы интерпретировать различные сигналы и к какой категории их отнести. Еще одна трудность касалась того, как интерпретируется окончательный результат разговора, который связан с процедурой отбора, структурой выборки и характером обращения оператора к респондентам.

В телефонном опросе B2T2 все случаи, в которых никто не ответил после заранее определенного количества звонков, были закодированы как «неподходящие случаи» — таких оказалось 1 628. В телефонном опросе B1T1 были выделены такие категории, как «категорический отказ» (3 018), «бросили трубку» (382), «неверный номер» (3), «нет ответа» (13), «получен ответ» (150) и «результативная анкета» (70) — всего 3 637 случаев (см. табл. 3).

Таблица 3. **Количество зафиксированных отказов по партнерам**

Код из выборки	B1T1 (CAT1 1)	B2T2 (CAT1 2)	B3S1 (F2F 1)**	B4S2 (F2F 2)**
Завершенные интервью	261	251	250	250
Количество зафиксированных отказов	3 637	1 628	173	412
Коэффициент ответов (RR3)*	7 %	13 %	59 %	38 %

* Коэффициент ответов RR3 рассчитывается как отношение полностью взятых интервью ко всем телефонным номерам (ко всем респондентам), включенным в выборку, и показывает в ней долю опрошенных респондентов.

** F2F — face-to-face.

Отметим, что выборка была распределена поровну между двумя колл-центрами. Каждый получил 37 500 телефонных номеров, по которым необходимо было провести не менее 250 полных интервью (не все номера из выборки были задействованы). В результате исследовательский центр В1Т1 опросил по телефону 261 респондента, а центр В2Т2—251¹⁵. В первом случае процент ответивших составил 13%, во втором — 7% (см. табл. 3). Возникает вопрос, насколько достоверны такие расчеты и правомочно ли делать вывод о том, что уровень достижимости в опросе, проведенном В2Т2, почти вдвое выше, чем у В1Т1, если случаи, не отвечающие критериям отбора, могли быть просто исключены из расчета? Ведь именно это могло привести к ошибкам измерения и завышению показателя достижимости. Интересно также, в каких случаях в опросе В1Т1 контакту присваивался статус «категорический отказ». AAPOR рекомендует «категорическими» считать «отказы, в которых потенциальный респондент просит, чтобы его „исключили из списка“, прямо говорит „не звоните снова“ или угрожает судебным иском, если будут предприняты усилия по повторному контакту»¹⁶. В процессе консультаций с руководителем опросного центра В1Т1 выяснилось, что при формировании массива отказов неверно были объединены параметры «категорический отказ» и «больше не звонить». А вариант «больше не звонить» оператор/интервьюер мог отмечать по субъективным причинам — например, из-за проблем на линии, плохой слышимости, включения автоответчика и т. д.

Анализ параданных в уличных опросах

В случае с уличными опросами применение методики AAPOR в принципе невозможно, так как, во-первых, данная техника сбора данных не пользуется популярностью на Западе в целом и в США в частности. Во-вторых, применять рекомендации AAPOR, сформулированные для интервью face-to-face, к уличным опросам неправомерно, так как в этих случаях используются разные принципы построения выборки, а также образцы регистрации параданных, которые на практике наших опросов не применяются.

Отметим, что выборка для уличного опроса (500 человек) была распределена между восемнадцатью районами Санкт-Петербурга, при этом 250 анкет делалось на планшетах (B3S 1), и еще 250 — на бумажных носителях (B4S 1). Каждая исследовательская компания составила список точек для проведения уличного опроса. Работа была распределена так, что на каждую точку приходилось от десяти до пятнадцати респондентов, а на каждого интервьюера — не более двадцати опрошенных. Полевая активность интервьюеров визуально контролировалась, а после завершения работ был проведен выборочный контроль интервью¹⁷. Такой подход дает интервьюерам больше свободы действий при выборе респондентов,

¹⁵ «Образ идеального губернатора» (ОМ—Санкт-Петербург). Аналитический отчет о результатах исследования // Открытое мнение. Независимый социологический проект. 2019. С. 8. URL: <https://openopinion.ru/uploads/s/f/k/O/fkOsrzydghw/file/DZ30NmCk.pdf?preview=1> (дата обращения: 26.07.2021).

¹⁶ Исходная цитата: «Researchers also often distinguish between „hard“ and „soft“ refusals, though the definitions of these terms vary by organization and within organizations. Certainly, refusals where a potential respondent asks to be „taken off the list“, explicitly says „do not call me again“, or threatens legal action if efforts are made at re-contact should be considered hard refusals and not re-contacted». Источник: Survey Refusals. AAPOR Report: Current Knowledge and Considerations Regarding Survey Refusals. AAPOR Task Force on Survey Refusals, September 8, 2014. URL: <https://www.aapor.org/Education-Resources/Reports/Survey-Refusals.aspx> (дата обращения: 14.08.2021).

¹⁷ Там же. С. 9—10.

однако может привести к высокому, но предвзятому количеству ответов из-за чрезмерной представленности в выборке более склонных к сотрудничеству лиц. При равном числе опрошенных число отказов у компании B3S1, использовавшей планшеты, составило 412 случаев, а у компании B4S1, использовавшей бумажную анкету, отказов оказалось вдвое меньше — 173 (см. табл. 3).

Не имея возможности рассчитать все коэффициенты результативности в силу отсутствия необходимых исходных данных, мы ограничились вычислением коэффициента достижимости RR3¹⁸ для телефонных (без разбивки по стационарным и мобильным телефонам) и уличных опросов (см. табл. 3).

В целом показатели достижимости находятся в пределах значений, типичных для техники опроса, использованной той или иной компанией-исполнителем. Согласно расчетам, телефонные интервью показали самый низкий коэффициент достижимости — 7 % (B1T1) и 13 % (B2T2) соответственно. Самый высокий показатель — 59 % — продемонстрировал уличный опрос с использованием бумажной анкеты, и 38 % оказалось у планшетного опроса. Мы объясняем эти различия следующими причинами.

Во-первых, применение окончательных кодов AAPOR зависит от интерпретации отказов и качества данных. Ошибки кодирования могут возникать из-за отсутствия понимания того, как осуществлялись полевые работы. Неправильные спецификации могут напрямую влиять на расчеты показателя достижимости. Этим объясняется разный уровень отказов в телефонных опросах.

Во-вторых, низкий уровень достижимости в телефонных опросах может быть связан как с поведением респондентов, так и с техническими факторами, специфичными для данного метода опроса.

В-третьих, большее разнообразие результатов в опросах CATI по сравнению с уличными может объясняться тем, что уличный опрос начинается с отбора конкретного человека, а телефонный — со списка номеров, которые не содержат никакой личной информации. По данным в массиве невозможно отследить последовательность, конверсию, число и результативность попыток дозвона.

В-четвертых, если предположить, что около 50 % всех сгенерированных номеров не связаны с фактическим доступом к телефону (проверить эту гипотезу на данном конкретном примере не представляется возможным, но она имеет право на существование), то соответственно доля лиц с неизвестным статусом и не опрошенных и лиц, не соответствующих критериям отбора и не опрошенных, в телефонных интервью может быть больше, чем в уличных.

Наконец, высокий показатель достижимости в уличных опросах может объясняться тем, что случаи, не отвечающие критериям отбора, исключены из расчета доли ответивших. Однако меньшее количество ответов означает, что исследователи тратят больше ресурсов на то, чтобы связаться и опросить людей по телефону. В целом, чем больше взаимодействия между потенциальным респондентом и людьми, собирающими данные, тем выше уровень достижимости.

Таким образом, даже на основании анализа ограниченной информации наглядно видно, что на уровень достижимости и число отказов существенно влияют:

¹⁸ Интерпретацию коэффициента см. под таблицей 3.

метод сбора данных, качество параданных и ошибки измерения. Все эти проблемы указывают на то, что уровень достижимости не может считаться надежным показателем качества исследования. Во всяком случае, пока...

Характеристика основных демографических параметров «отказников»

Одной из методических задач нашего исследования было выявление характеристик людей, которые отказываются принимать участие в опросе, а также понимание того, насколько они отличаются от опрошенных.

Анализ показал, что возрастные параметры индивидов, отказавшихся от интервью, и респондентов, вошедших в выборочную совокупность, совпадают либо незначительно различаются (от 1 % до 7 %) во всех типах опроса (см. табл. 4).

Таблица 4. Основные демографические параметры «отказников»

Значения шкалы	В1Т1 (телефонный опрос 1)		В2Т2 (телефонный опрос 2)		В3S1 (уличный опрос 1)		В4S2 (уличный опрос 2)		Все опрошенные (N = 1 012)
	частота	%	частота	%	частота	%	частота	%	
<i>Возраст отказавшихся</i>									
18—29 лет	12	18	17	18	34	20	56	18	17
30—44 лет	18	27	30	32	54	31	74	24	31
45—59 лет	14	21	24	25	40	24	83	27	25
60 лет и старше	22	33	23	25	43	25	94	31	28
Всего	66	100	94	100	171	100	307	100	100
<i>Пол отказавшихся</i>									
Мужской	59	57	499	41	81	47	323	81	44
Женский	44	43	733	59	91	53	75	19	56
Всего	103	100	1232	100	172	100	398	100	100

На основании этих сравнений можно сделать вывод, который тем не менее требует дальнейших наблюдений и проверки, что по признаку «возраст» те, кто отказывается от участия в опросе, практически не отличаются от опрошенных респондентов. Возможно, этот параметр достаточно устойчив к разным методам сбора данных и может служить критерием оценки внешней валидности всего исследования в целом.

С переменной «пол» ситуация иная. Только в двух опросах — телефонном В2Т2 и уличном В3S1 (с использованием бумажных анкет) — распределения по полу у отказавшихся участвовать в исследовании и опрошенных респондентов отклоняются незначительно — в пределах 3 %. В телефонном опросе В1Т1 и уличном опросе В4S2 (с использованием планшетов) по признаку «пол» зафиксированы существенные различия: мужчины в несколько раз чаще отказывались от ин-

тервью (см. табл. 4). Несоответствие гендерных половозрастных характеристик «отказавшихся» соответствующей структуре выборочной совокупности, наблюдаемое при использовании разных техник опроса, может свидетельствовать как о предвзятости при отборе участников исследования, так и о значительном различии групп тех, кто согласился и не согласился в нем участвовать, а также о том, что методика исследования сама по себе влияет на достижимость респондентов.

Влияние интервьюеров на уровень отказов

Можно предположить, что, если не использовать стандартизированные инструменты сбора параданных, интервьюеры/операторы могут повлиять на их полноту и качество и стать источником систематических ошибок измерения в опросах.

Наш анализ показал, что у разных интервьюеров уровень отказов значительно колеблется. Возможно, это связано с их опытом или отношением к работе, однако проверить это предположение нам не представилось возможным.

Рассмотрим на примере телефонных опросов, влияют ли интервьюеры на уровень достижимости респондентов. В. Б. Звоновский и Ю. В. Соловьева утверждают, что «использование CATI при проведении телефонных опросов теоретически позволяет собирать значительный объем параданных, необходимый для расчета характеристик достижимости, отказов и кооперации <...>. Программы, управляющие системами CATI, традиционно собирают в автоматическом режиме такие данные, как длительность интервью, число звонков, число состоявшихся интервью у каждого оператора-интервьюера» [Звоновский, Соловьева, 2017: 60]. В анализируемых нами телефонных опросах параданные собирались автоматически, поэтому у нас была возможность изучить число отказов и длительность разговора у каждого оператора-интервьюера (см. табл. 5).

Таблица 5. Отказы у интервьюеров

Интервьюер	В1Т1				В2Т2			
	Число случаев (n)	Доля отказов, %	Среднее время разговора, сек	Станд. отклонение	Число случаев (n)	Доля отказов, %	Среднее время разговора, сек	Станд. отклонение
1	1048	98	18,92	25,632	54	83	40,74	29,536
2	1	**	38	***	9	47	56,44	17,501
3	69	86	24,43	19,967	5	46	30,8	22,421
4	1243	94	18,23	25,068	1	67	46	***
5	7	*	19,86	19,987	729	99	27,76	8,935
6	13	**	19,15	5,728	1	25	54	***
7	17	*	18,76	16,123	9	81	42,56	11,458
8	8	**	30,63	24,715	99	90	27,8	9,91
9	595	97	13,78	31,836	4	24	21,5	27
10	15	**	30,4	34,278	2	60	45,5	64,347

Интер- вьюер	В1Т1				В2Т2			
	Число случаев (n)	Доля отказов, %	Среднее время разгово- ра, сек	Станд. отклоне- ние	Число случаев (n)	Доля отказов, %	Среднее время разговора, сек	Станд. откло- нение
11	216	93	25,74	37,44	18	72	44,94	12,609
12	4	*	29,25	11,701	9	81	46,89	19,199
13	37	*	39,49	101,659	1	14	0	***
14	166	83	25,83	29,644	4	71	31	36,028
15	105	91	24,78	17,683	20	20	43,9	18,784
16	93	96	16,57	12,243	1	**	39	***
17					9	81	53,67	28,262
18					2	67	55	29,698
19					2	**	33,5	7,778
20					2	40	9	0
21					2	15	4	5,657
22					1	20	0	***
23					179	90	41,57	22,853
24					56	85	30,66	29,243
25					366	99	19,3	8,732
26					2	13	18,5	10,607
27					1	4	0	***
28					24	89	31,83	11,293
29					1	17	0	***
30					3	60	26	1
31					10	77	48,7	23,372
32					2	67	36	14,142
Всего	3637	93	19,08	28,964	1628	87	28,95	16,367

*Одно результативное интервью.

** Данных нет или интервьюер не опознан в финальном массиве.

*** Стандартное отклонение не рассчитано.

Зафиксированные различия были вызваны в первую очередь организационными моментами. В телефонном опросе В1Т1 согласно финальному массиву и массиву отказов было задействовано в два раза меньше интервьюеров, чем в опросе В2Т2. На одного интервьюера-оператора в опросе В1Т1 пришлось максимум 81 результативное интервью, минимум — 4, а в опросе В2Т2—25 и 2 соответственно. Вопрос о том, почему респонденты оказались так неравномерно распределены между интервьюерами-операторами, остался открытым. Также необходимо отме-

титель существенный разброс в длительности разговоров. Интервьюеры-операторы В1Т1 тратили на разговор в среднем на десять секунд больше, чем интервьюеры-операторы В2Т2. Возможно, это одна из причин, почему уровень достижимости в опросе В1Т1 существенно ниже, чем в опросе В2Т2. Практически у всех интервьюеров В1Т1 (за исключением случаев, которые не удалось идентифицировать) зафиксирован высокий уровень отказов, который колеблется в интервале 83%-98%. Напротив, у интервьюеров компании В2Т2 разброс в уровне отказов оказался значительным — от 4% до 99%.

По техническим причинам мы не смогли рассчитать доли отказов для интервьюеров компании В4S2, проводивших опрос на планшетах: и в массиве отказов, и в финальном массиве они были закодированы. Можно только сказать, что в опросе, проводимом компанией В4S2, принимало участие 11 интервьюеров, и на каждого приходилось от 16 до 37 результативных интервью. Мы проанализировали доли отказов для уличного опроса с использованием бумажных анкет (компания В3S1): на одного интервьюера здесь приходилось от 15 до 60 результативных интервью, а средняя доля отказов составила 41% (разброс отказов между интервьюерами зафиксирован в диапазоне от 27% до 54%).

Мы полагаем, что на высокую дисперсию отказов у интервьюеров/операторов влияют следующие факторы:

1) Отсутствие понимания важности и полезности сбора параданных. Интервьюер должен понимать важность сбора параданных для компании и для себя лично (оплата труда).

2) Плохо составленные инструменты и инструкции по сбору параданных приводят к низкой мотивации для выполнения этого задания и, как следствие, существенному влиянию интервьюера на качество и полноту собранных данных об отказах.

Заключение

На основе материалов открытого исследования мы попытались рассчитать уровень достижимости респондентов в комбинированном опросе, сравнить и оценить качество параданных, полученных во время телефонных и уличных интервью. В результате мы выделили проблемы и ограничения, возникающие при сборе параданных в различных типах опросов: параданные содержат много пропусков и неточностей; они могут включать ошибки измерения, приводящие к неверным расчетам уровня достижимости и оценкам результативности исследования в целом. Мы пришли к выводу, что проблемы качества параданных связаны, прежде всего, с отсутствием единой методики, адаптированной к разным методам сбора данных. Однако эти проблемы усугубляются, если плохо проинструктировать интервьюеров по поводу важности сбора информации, связанной с отказами, в результате чего они относятся к этому разделу своей работы недостаточно ответственно.

Ни одна из исследовательских организаций, задействованных в изучаемом нами комбинированном опросе, не отслеживала уровень достижимости респондентов в соответствии со стандартами AAPOR. Это обусловлено тем, что диспозиционные коды, предложенные AAPOR, основаны на практике сбора данных в США и, не смотря на отдельные попытки [Звоновский, Соловьева, 2017], на се-

годняшний день нет четкого представления о том, как адаптировать их к российскому контексту. Восполнение этого пробела ставит перед отечественными исследователями актуальную методическую задачу: адаптировать расчет уровня достижимости респондентов к реальным условиям сбора данных, сделать эту процедуру стандартизированной, хорошо документированной и воспроизводимой.

Показатель уровня достижимости представляет большую ценность для методологии и практики опросных компаний. Потребность в сопоставимости растущего числа исследований, возрастающая значимость открытой науки — все это требует стандартизации процедур отчетности. Пока не сформированы общие критерии и стандарты сбора параданных и представления результатов, у исследователей будут возникать методологические проблемы и сложности [Ипатов, 2014]. Однако сбор сопутствующих основному исследованию данных требует дополнительно времени, финансовых затрат и более высокой квалификации интервьюеров. Следовательно, одной из проблем оказывается то, что не все интервьюеры понимают и принимают необходимость фиксации дополнительной информации в ходе опроса, что приводит к неточностям, пропускам и ошибкам [там же].

Делают ли низкие показатели отклика опрос ненадежным? Является ли количество ответов хорошим показателем качества опроса? Наш короткий ответ здесь — «нет». Как мы смогли убедиться, сами по себе показатели достижимости ничего не говорят о том, увеличивается ли систематическая ошибка при их низких значениях. Наше исследование показало, что систематическая ошибка, связанная с низким уровнем достижимости, не влияет на результаты опросов и оказывается управляемой проблемой.

Исходя из того, как общество продолжает меняться, а технологии развиваются, в будущем социологические исследования, вероятно, будут представлять собой комбинацию опросов и других форм сбора данных. Уменьшение количества ошибок при фиксации параданных должно стать целью каждой исследовательской организации. Для этого есть как минимум два пути. Первый — более тщательно обучать и инструктировать интервьюеров, контролировать их в полевых условиях. Второй — активно использовать методы автоматического сбора параданных. Для обоснования этих предложений необходимы дальнейшие исследования, направленные на понимание природы ошибок измерения и их последствий. Качественная и количественная оценка этих ошибок — сложная задача. Такие исследования дороги и, следовательно, редки. Но наш анализ показал (во всяком случае, мы на это надеемся), что дальнейшие подобные исследования оправданы.

Список литературы (References)

Звоновский В. Б., Соловьева Ю. В. Адаптация системы конечных кодов AAPOR к российской практике CATI-опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 59—72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.06>.

Zvonovski V. B., Solovieva Yu. V. (2017) Adaptation of the AAPOR Final Code System for CATI Technique in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 59—72. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.06>. (In Russ.)

Ипатова А. А. Использование параданных в анализе телефонных опросов // Телескоп. 2014. № 6. С. 34—31.

Ipatova A. A. (2014) The Use of Paradata in the Analysis of Telephone Surveys. *Telescope: A Journal of Sociological and Marketing Research*. No. 6. P. 34—41. (In Russ.)

Корытничкова Н. В. Стадии повышения уровня достижимости респондентов при проведении интернет-опросов // Социология: теория, методы и маркетинг. 2013. № 1. С. 80—94.

Korytnikova N. V. (2013) Stages of Increasing the Level of Reachability of Respondents When Conducting Internet Surveys. *Sociology: Theory, Methods and Marketing*. No. 1. P. 80—94. (In Russ.)

Лебедев Д. В. Параданные: определения, типы, сбор и возможное применение // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 4—32. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.915>.

Lebedev D. V. (2020) Paradata: Definition, Types, Collection, and Possible Uses. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 4—32 <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.915>. (In Russ.)

Османов Т. Э., Рогозин Д. М. Методическое представление общероссийского опроса по мобильным телефонам, или процедуры оценки качества выборочного исследования на примере опроса трудоспособного населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 2. С. 40—54.

Osmanov T. E., Rogozin D. M. (2013) Methodological Presentation of the All-Russian Survey on Mobile Phones, or the Procedure for Assessing the Quality of a Sample Study on the Example of a Survey of the Working-Age Population of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 40—54. (In Russ.)

Паниотто В., Харченко Н. Кризис в методах опроса и пути его преодоления // Вестник общественного мнения. 2012. № 1. С. 100—108. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom1_111.pdf (дата обращения: 26.07.2021).

Paniotto V., Kharchenko N. (2012) Crisis in Survey Methods and Ways to Overcome It. *Bulletin of Public Opinion*. No. 1. P. 100—108. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/vom1_111.pdf (accessed: 26.07.2021). (In Russ.)

Рогозин Д. М. Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе // Социологический журнал. 2004. № 1/2. С. 75—105. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/825/779> (дата обращения: 26.07.2021).

Rogozin D. M. (2004) Influence of the Interviewer on the Availability of Respondents in a Telephone Survey. *Sociological Journal*. No. 1/2. P. 75—105. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/825/779> (accessed: 26.07.2021). (In Russ.)

Рогозин Д. М. Конформная выборка в торговых центрах // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 22—49. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/982/936> (дата обращения: 26.07.2021).

Rogozin D. M. (2008) Conformal Sampling in Shopping Centers. *Sociological Journal*. No. 1. P. 22—49. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/982/936> (accessed: 26.07.2021). (In Russ.)

Романович Н. А. Отказы респондентов в зависимости от восприятия ими опроса и его методов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1996. № 4. С. 42—45.

Romanovich N. A. (1996) Respondents' Refusals Depending on Their Perception of the Survey and Its Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 42—45. (In Russ.)

Стандартные определения: Систематическое описание диспозиционных кодов и коэффициентов результативности для массовых опросов / Американская ассоциация исследователей общественного мнения; пер. с англ. А. А. Ипатовой, Д. М. Рогозина. 8-е изд. М.: АО «ВЦИОМ», 2016.

American Association of Opinion Researchers. (2016) Standard Definitions: Systematic Description of Disposition Codes and Performance Rates for Mass Surveys. Transl. from English by A. A. Ipatova, D. M. Rogozin. 8th ed. Moscow: VCIOM. (In Russ.)

Юдин Г. Б. Территориальная локализация и уровень неответов в массовом опросе // Социологический журнал. № 1. С. 49—72. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/983/937> (дата обращения: 26.07.2021).

Yudin G. B. (2008) Territorial Localization and the Level of Non-Responses in a Mass Survey. *Sociological Journal*. No. 1. P. 49—72. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/983/937> (accessed: 26.07.2021). (In Russ.)

Wiseman F. (2003) On the Reporting of Response Rates in Extension Research. *Journal of Extension*. Vol. 41. No. 3. URL: <https://archives.joe.org/joe/2003june/comm1.php> (accessed: 26.07.2021).

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.940](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.940)

С. В. Жучкова, А. Н. Ротмистров, Е. А. Шабанова

ИМЕЕТ ЛИ МЕТОД ИНДИКАТОРНОЙ ПЕРЕМЕННОЙ ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРЕД АНАЛИЗОМ ПОЛНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ПРИ ОБРАБОТКЕ ПРОПУСКОВ В КАТЕГОРИАЛЬНЫХ РЕГРЕССОРАХ?

Правильная ссылка на статью:

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н., Шабанова Е. А. Имеет ли метод индикаторной переменной преимущества перед анализом полных наблюдений при обработке пропусков в категориальных регрессорах? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 23—52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.940>.

For citation:

Zhuchkova S. V., Rotmistrov A. N., Shabanova E. A. (2021) Should the Missing-Indicator Method be Preferred to Complete Case Analysis When Handling Missingness in a Categorical Regressor? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 23–52. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.940>. (In Russ.)

ИМЕЕТ ЛИ МЕТОД ИНДИКАТОРНОЙ ПЕРЕМЕННОЙ ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРЕД АНАЛИЗОМ ПОЛНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ПРИ ОБРАБОТКЕ ПРОПУСКОВ В КАТЕГОРИАЛЬНЫХ РЕГРЕССОРАХ?

SHOULD THE MISSING-INDICATOR METHOD BE PREFERRED TO COMPLETE CASE ANALYSIS WHEN HANDLING MISSINGNESS IN A CATEGORICAL REGRESSOR?

ЖУЧКОВА Светлана Васильевна — младший научный сотрудник, Центр социологии высшего образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: szhuchkova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

Svetlana V. ZHUCHKOVA¹ — Junior Research Fellow, Centre of Sociology of Higher Education

E-MAIL: szhuchkova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4425-725X>

РОТМИСТРОВ Алексей Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: alexey.n.rotmistrov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2386-8710>

Alexey N. ROTMISTROV¹ — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Department of Sociological Research Methods

E-MAIL: alexey.n.rotmistrov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2386-8710>

ШАБАНОВА Екатерина Алексеевна — стажер-исследователь, Международная лаборатория прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: ekaterina.u.shabanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6430-1297>

Ekaterina A. SHABANOVA¹ — Research Assistant, International Laboratory for Applied Network Research

E-MAIL: ekaterina.u.shabanova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-6430-1297>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. Если в категориальном регрессоре есть пропущенные значения, то что лучше применить: анализ полных наблюдений или метод индикаторной переменной? Суть первого подхода состоит в исключении из анализа (в нашем случае — линейного регрессионного) наблюдений, содержащих пропуски хотя бы по одной из изучаемых переменных. Этот подход применяется по умолчанию во многих популярных приложениях, и, вопреки сложившимся

Abstract. If missingness is encountered in a categorical regressor, which approach is preferable: complete case analysis or the missing-indicator method? The former approach implies including in analysis (linear regression in our research) only the cases without missingness across analyzed variables. This approach is embedded in many statistical applications by default, and despite the opinion that its applicability

представлениям о его ограниченности, все больше исследований подтверждают его универсальность — даже в случае неслучайных пропусков. Метод индикаторной переменной, при котором пропущенные значения заменяются на валидные, а в пару исходной переменной создается дополнительная индикаторная, выступает более новой альтернативой, которая, в отличие от первого подхода, позволяет использовать информацию из всех наблюдений и при этом, гипотетически, также не приводит к искажению изучаемых статистических параметров. Посредством статистического эксперимента на симулированных данных, контролируя механизм порождения пропусков, их долю и спецификацию регрессионной модели, мы сравниваем полученные на основе каждого из подходов статистические оценки регрессионных коэффициентов на предмет их искажений: смещения и неэффективности. Согласно результатам, оба подхода не приводят к заметному смещению, однако метод индикаторной переменной приводит к менее эффективной оценке.

Ключевые слова: категориальные данные, пропуски в данных, случайные пропуски, неслучайные пропуски, анализ полных наблюдений, метод индикаторной переменной, регрессионный анализ, статистический эксперимент, метод Монте-Карло, симуляция данных, смещение, coverage

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования «Комплексное сравнение методов обработки пропущенных данных в социологических исследованиях» (№ 20-04-016) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследователь-

is rather restricted, up-to-date studies provide evidence for its wide applicability — even to missingness not at random. The missing-indicator method, according to which missing data are replaced with a single valid value and a new missing-indicator variable is created, pretends to be an alternative that keeps a full sample available for analysis and, hypothetically, does not lead to the deterioration of parameter estimates. By means of simulated data and a statistical experiment, controlling the factors of missingness mechanism, missingness proportion, and a regression model's specification, we compare parameter estimates produced by each approach to handling missingness — how biased and inefficient they are. According to the results, no approach leads to crucially biased estimates, but the missing-indicator method produces ineffective estimates.

Keywords: categorical data, missing data, missingness at random, missingness not at random, complete case analysis, missing indicator method, regression analysis, simulated data, statistical experiment, Monte Carlo technique, bias, coverage

Acknowledgments. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2020 (grant No. 20-04-016) and by the Russian Academic Excellence Project «5-100».

ского университета „Высшая школа экономики“ (НИУ ВШЭ)» в 2020 г. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Введение

Проводя количественные исследования, социологи постоянно сталкиваются с проблемой пропусков в данных. Она может быть сформулирована так: оценки статистических параметров, рассчитанных на основе наблюдений, содержащих пропуски, с высокой вероятностью искажены относительно этих же статистик, рассчитанных на основе этих же наблюдений, если бы они не содержали пропусков. Вслед за К. Доуртерти [Dougherty, 2016] под искажением статистической оценки параметра мы подразумеваем ее смещение и неэффективность. Смещением оценки называется ее отклонение от истинного значения параметра. В большинстве исследований проблемы пропусков речь идет именно о смещении [Morris, White, Crowther, 2019]. Неэффективность оценки в контексте проблемы пропусков — это расширение доверительного интервала статистики, построенного на основе наблюдений с пропусками, относительно доверительного интервала той же статистики, построенного на основе тех же данных, в которых вместо пропусков стоят истинные значения [Rubin, 1996].

Переход от традиционных опросных данных к большим данным не избавляет от проблемы пропусков, как это порой кажется, а усугубляет ее, поскольку, собирая опросные данные, социологи действуют превентивно — составляют качественную анкету, подбирают наиболее подходящий формат опроса, мотивируют и стимулируют респондентов, а собирая большие данные, они не могут (и не должны в парадигме нереактивных данных¹) влиять на наполненность источников информации².

Обнаружив в своих данных пропуски, прежде чем перейти к запланированным методам анализа данных, социологи прибегают³ к тем или иным подходам к обработке этих пропусков. Подходов к обработке пропусков много; все они в какой-то мере нацелены на предотвращение смещения оценок и на сохранение исходного размера совокупности [van Kuijk, Viechtbauer, Peeters, Smits, 2016]. Разнообразие подходов к обработке пропусков обусловлено множеством факторов, опосредующих их влияние на искажение оценок изучаемых параметров. Среди них упоминаемыми во многих, если не большинстве методологических работ, посвященных проблеме пропусков, оказываются механизм порождения пропусков и их доля.

Мы придерживаемся традиции различать три основных механизма пропусков, предложенных Л. Рубиным [Rubin, 1976]⁴:

¹ Нереактивные данные — данные, собираемые о человеке помимо его участия.

² Больше о проблеме пропусков в контексте больших данных см. [Giest, Samuels, 2020].

³ Порой даже не осознавая этого, так как популярные статистические приложения зачастую обрабатывают пропуски по умолчанию.

⁴ В оригинале эти механизмы называются соответственно: MCAR — missing completely at random, MAR — missing at random, MNAR — missing not at random.

1) полностью случайные пропуски (далее ПСП) — их возникновение не связано ни с наблюдаемыми, ни с ненаблюдаемыми данными (переменными и наблюдениями);

2) случайные пропуски (далее СП), возникновение которых в одной переменной не связано с ее собственными значениями, но связано со значениями некоторой другой переменной;

3) неслучайные пропуски (далее НП), возникновение которых обязательно связано с ее собственными значениями и опционально — со значениями некоторой другой переменной.

Для лучшего понимания этих механизмов можно представить себе онлайн-опрос, содержащий переменную о материальном положении респондентов. Пусть заметная доля малообеспеченных респондентов пропускает ее. Если причины пропусков многообразны и разнородны (например, невнимательность, нестабильное интернет-соединение и т. д.), то такую ситуацию мы отнесли бы к полностью случайному механизму возникновения пропусков. Если же доминирует одна причина — нестабильное интернет-соединение, и при этом она более характерна именно для малообеспеченных респондентов, то такую ситуацию мы отнесли бы к случайному механизму. Наконец, если малообеспеченные респонденты склонны не отвечать на вопрос о материальном положении, поскольку стесняются его, то такую ситуацию мы отнесли бы к неслучайному механизму.

При выборе подхода к обработке пропусков для предотвращения искажения оценок того или иного параметра важным представляется учет его природы. Другими словами, предполагая разные методы последующего анализа данных, содержащих пропуски, следует выбирать и разные подходы к обработке пропусков. В этом контексте водораздел проходит между одномерными методами анализа (описательными статистиками) и многомерными, поскольку во втором случае выбор подхода к обработке пропусков может повлиять на связи между анализируемыми переменными. В этой статье мы изучаем подходы к обработке пропусков в контексте популярного метода анализа данных — линейной регрессии (методом наименьших квадратов) — посредством статистического эксперимента на симулированных данных для стандартизации сравнения изучаемых подходов. В эксперименте контролируются следующие факторы: спецификация регрессионной модели, механизм порождения пропусков и их доля.

Статья построена следующим образом: сначала мы на уровне теории сравниваем наиболее популярные подходы к обработке пропусков и обосновываем выбор методов полных наблюдений и индикаторной переменной. Затем мы описываем методологию проводимого эксперимента — его дизайн, контролируемые факторы и используемые для анализа результатов метрики, а также формулируем гипотезы. После этого представляем результаты проведенного эксперимента — как в разрезе сформулированных гипотез, так и по вопросам, эксплицитно не ставившимся до его проведения.

Теоретическое сравнение подходов к обработке пропусков

Более или менее широко известны четыре подхода к обработке пропусков: 1) анализ полных наблюдений (complete case analysis, или listwise deletion), 2) анализ доступных наблюдений (available case analysis, или pairwise deletion), 3) импу-

тация значений, или заполнение пропусков (imputation) и 4) метод индикаторной переменной (the missing indicator method).

Анализом полных наблюдений (далее — АПН) называется исключение из дальнейшего анализа тех наблюдений, которые имеют пропуск хотя бы по одной анализируемой переменной. Из этого определения следует, в частности, что применение АПН в контексте регрессионного анализа может приводить к широкой вариации объема анализируемой совокупности в зависимости от числа анализируемых переменных, если последние содержат пропуски. Анализ доступных наблюдений похож на АПН, но предполагает более гибкое удаление наблюдений с пропусками: если применяемый метод анализа многоэтапен, то на разных его этапах удаляться из анализа могут разные наблюдения. Поясним эту гибкость на примере регрессионного анализа: поскольку он включает этап расчета корреляций между регрессорами и зависимой переменной, то можно для каждой такой корреляции брать во внимание все наблюдения, не имеющие пропусков только по двум рассматриваемым переменным, игнорируя, что по остальным регрессорам эти наблюдения могут иметь пропуски. Напротив, при использовании АПН в регрессионном анализе в расчете каждой корреляции участвуют только те наблюдения, которые не имеют пропусков и по остальным регрессорам.

Импутация — большая группа методов, к которой, в частности, относятся импутация на основе меры центральной тенденции (скажем, среднего арифметического значения) [Little, Rubin, 2002], множественной линейной регрессии [там же], деревьев решений [Ratner, 2011], так называемых hot-deck и cold-deck алгоритмов [Little, Rubin, 2002], логлинейного анализа [Schafer, 1997], кластеризации и латентно-классового анализа [Vermunt et al., 2008], анализа соответствий [Greenacre, Pardo, 2006] и т. д.

Метод индикаторной переменной (далее — МИП) предполагает добавление в переменную, содержащую пропуски, нового значения, отличного от всех исходных и маркирующего пропуски, а также создание в пару к ней новой бинарной или индикаторной переменной, показывающей наличие или отсутствие пропуска в соответствующих ей исходной переменной (столбец) и наблюдении (строка).

Среди перечисленных четырех подходов к обработке пропусков мы фокусируемся на сравнении АПН и МИП и **не** рассматриваем анализ доступных наблюдений и импутацию, поскольку применимость последних несколько ограничена. Дело в том, что анализ доступных наблюдений по самой своей сути релевантен только в контексте методов анализа данных, вычисления в которых можно разбить на этапы с участием двух переменных (скажем, меры парной связи, регрессия и т. п.) [Фабрикант, 2015]. В свою очередь, согласно многочисленным исследованиям, методы импутации релевантны только для данных, пропуски в которых относятся к механизму СП [Bartlett et al., 2014; Hughes et al., 2019]. Кроме того, методы импутации крайне многообразны и выбор из них следует основывать в том числе на содержательной специфике анализируемых данных [Akande, Li, Reiter, 2017], а симулированные данные для планируемого нами эксперимента очищены от содержательной специфики.

Для упорядочения теоретического сравнения мы вводим три критерия:

1) сохраняется ли в рамках каждого подхода исходный размер выборки;

2) чувствительны ли результаты применения подходов к типу шкалы переменной с пропусками (категориальная и континуальная);

3) чувствительны ли они к механизму порождения пропусков (ПСП, СП, НП).

Исходя из своего названия, АПН не сохраняет исходный размер выборки. Этот вид анализа не чувствителен к типу шкалы, поскольку при его использовании происходит удаление наблюдений с пропусками независимо от того, в переменной с каким типом шкалы пропуски находятся. В отношении критерия чувствительности к механизму порождения пропусков многие авторы считают, что анализ полных наблюдений допустим исключительно при условии ПСП, поскольку «только в этом случае подвыборка полных наблюдений может репрезентировать исходную выборку» [Ratner, 2011: 270]. Однако, как было замечено еще П. Эллисоном [Allison, 2005] и подтверждено недавними исследованиями [Bartlett et al., 2014; Bartlett, Harel, Carpenter, 2015; Hughes et al., 2019], эта точка зрения неверна: как минимум в контексте регрессионного моделирования применение АПН обычно не приводит к смещениям оценок параметров модели. Смещения могут возникнуть, лишь если пропуски в регрессоре обусловлены значениями зависимой переменной. Рассмотрим варианты этой ситуации. Пропуски в некотором регрессоре могут обуславливаться, во-первых, значениями только зависимой переменной (механизм СП) или же, во-вторых, и значениями зависимой переменной, и значениями самого этого регрессора (механизм НП), плюс те же два варианта, но с добавлением обусловленности пропусков в регрессоре значениями других регрессоров (тоже механизмы СП и НП соответственно). Было установлено, что первые два варианта могут привести к смещению оценки только константы, а вторые два — еще и к смещению оценок регрессионных коэффициентов при регрессорах [Bartlett et al., 2015: 732]. Тем не менее генерализовать эти противоречивые свидетельства *contra* и *pro* касательно почти универсальной применимости АПН следует с осторожностью, так как все они основаны на эмпирических, а не на симулированных данных.

МИП новее АПН. Возникнув в медицинских исследованиях из области этиологии [Miettinen, 1985], этот метод снискал популярность и в других науках, в том числе компьютерных и социальных, поскольку имеет ряд преимуществ по сравнению с АПН и другими конкурирующими подходами. Так, он сохраняет исходный размер выборки и, следовательно, применяемые после него методы анализа данных сохраняют свою статистическую мощь. При этом он более прост в применении и интерпретации по сравнению с импутацией (особенно множественной), которая тоже сохраняет исходный размер выборки [Groenwold et al., 2012]. Особенно это преимущество ценится в компьютерных науках, где распространены исследования на больших данных, в которых доля пропусков часто превышает 50%, а иногда достигает и 90% [Anagnostopoulos, Triantafyllou, 2014]. Тогда ради сохранения исходного размера выборки прибегают именно к методу индикаторной переменной, причем часто по умолчанию, скажем, при применении деревьев решений [Gentle, Hardle, Mori, 2012; Rokach, Maimon, 2010]. В социальных науках этот подход тоже прижился — можно составить обширный список исследований, в которых он используется (например, [Chen, Hossler, 2017; Gesser-Edelsburg et al., 2018; Rickles

et al., 2018; Trevizo, Lopez, 2016; Weiss et al., 2017; Zhelyazkova, Ritschard, 2018; Стребков и др., 2019] и т.д.).

В контексте регрессионного моделирования сохранение исходного размера выборки выглядит заманчиво, поскольку при большом числе регрессоров даже умеренная доля пропусков в каждом из них может привести к сокращению анализируемой выборки в разы, если использовать АПН. Что же касается МИП, то он гипотетически позволяет достичь баланса между сохранением исходного размера выборки и избеганием смещения оценок статистик [van Kuijk et al., 2016].

По второму критерию нашего анализа МИП претендует на нечувствительность к типу шкалы переменной с пропусками. Его применение выглядит особенно гармоничным по отношению к распространенным в социальных науках категориальным признакам, а интерпретация индикаторной переменной в социологическом контексте приобретает дополнительное содержание. Дело в том, что математически, с точки зрения частотного распределения значений (валидных и пропусков), именно категориальные признаки выглядят предпочтительными для использования метода индикаторной переменной, по крайней мере в рамках регрессионного моделирования [Donders et al., 2006]. Действительно, в случае категориального регрессора каждая его категория должна быть превращена в бинарную (фиктивную) переменную, и новая бинарная переменная (индикаторная) оказывается вполне однородна с ними. Напротив, в рамках континуального регрессора при использовании МИП все пропущенные значения концентрируются в один сильно выбивающийся из общего распределения столбец, что приводит к изменению параметров распределения регрессора относительно истинных. Однако поиск работ, в которых предпринято сравнение МИП и АПН в их применении к категориальным данным, почти не дал результатов⁵.

Дискуссионными вопросами остаются нечувствительность МИП к механизму порождения пропусков и в целом его способность давать неискаженные оценки. Согласно одним методологическим исследованиям, метод дает наиболее смещенные оценки параметров по сравнению со всеми конкурирующими подходами [Donders et al., 2006; van der Heijden et al., 2006; Henry et al., 2013; Jones, 1996; Knol et al., 2010]. Согласно другим, он, напротив, обеспечивает несмещенные оценки [Groenwold et al., 2012; White, Thompson, 2005]. Р. Грёнволд и соавторы [Groenwold et al., 2012] показывают, что МИП не приводит к смещениям, если применяется в рамках рандомизированных испытаний (в случае этой статьи — медицинских), в которых пропуски обычно не связаны с другими изучаемыми переменными и внешними факторами, и, напротив, приводит к смещениям, если применяется в рамках нерандомизированных испытаний, где велика вероятность иметь неслучайные пропуски. В терминах типологии Л. Рубина [Rubin, 1976] первая ситуация относится к механизму ПСП, а вторая к СП и НП. Если эти результаты верны и не обусловлены только рандомизацией или ее отсутствием, то они представляются противоречащими набирающей популярность в социальных науках логике наделять социальным (или социально-психологическим) смыслом пропущенные значения. Согласно этой логике, пропуски в социологиче-

⁵ Исключение составляет статья [Henry et al., 2013], в которой пропущенные значения содержатся в категориальной переменной «раса»; но эта работа основана на реальных данных, и в ней не контролируются никакие факторы, влияющие на результат сравнения.

ских данных часто обусловлены желанием информантов скрыть чувствительную или нежелательную информацию. Если исследователь помечает такое значение специальным кодом и интерпретирует не как отсутствие знания об информанте, а как намек на наличие у него скрываемой характеристики, то пропущенное значение перестает быть пропущенным, и математическая модель на этих данных должна иметь те же параметры, как если бы пропусков в данных не было вовсе. Например, в недавнем исследовании одной из онлайн-платформ для фрилансеров [Стребков и др., 2019] авторы допустили, что фрилансеры намеренно не заполняют некоторые социально-демографические пункты своего профиля, такие как пол, возраст, страна проживания, чтобы не столкнуться с дискриминацией и повысить шансы получения заказов. Описанная логика нашла подтверждение и в результатах статистического эксперимента, проведенного С. Жучковой и А. Ротмистровым [Жучкова, Ротмистров, 2018]. Так, когда внесенные вероятностным образом в категориальный предиктор дерева классификации пропуски концентрировались вместе с каким-либо из исходных валидных значений этого предиктора, в дереве наблюдалось наименьшее искажение его первоначальной структуры, правда, при условии, что доля пропусков невелика, а предиктор оказывался далеко от корня дерева.

Таким образом, относительно применимости МИП к пропускам, обусловленным разными механизмами их порождения, складывается своего рода научный пазл, требующий новых исследований. Не следует забывать, что и АПН долгое время позиционировался как метод, чувствительный к механизму порождения пропусков [Little, Rubin, 2002]. Затем его чувствительность была поставлена под сомнение [Allison, 2005] и, наконец, несколько раз опровергнута [Bartlett et al., 2014, 2015; Hughes et al., 2019].

Противоречивость научных представлений о нечувствительности изучаемых подходов к механизму порождения пропусков и в целом их способность давать неискаженные оценки может быть объяснена рядом причин. Во-первых, отсутствует стандартизированная методология сравнения методов обработки пропусков. Во-вторых, большинство⁶ проведенных сравнений базировались на эмпирических данных, причем на континуальных медицинских, поэтому в результатах могли отразиться и свойства методов, и особенности самих данных. Методологических исследований на симулированных данных крайне мало (например, [Choi, Dekkers, le Cessie, 2018; Жучкова, Ротмистров, 2018]), в них рассмотрены либо континуальные переменные, либо один механизм порождения пропусков. Цель нашей статьи — применить изучаемые подходы к категориальному регрессору, в том числе при наличии в модели континуального регрессора в разрезе всех механизмов порождения пропусков.

Методология

Исследование проводится в формате статистического эксперимента, идея которого заключается в том, чтобы задать исходные (истинные) параметры изучаемых моделей и переменных и выявлять вариацию оценок этих параметров под воздействием какого-либо фактора, контролируя все остальные факторы.

⁶ Исключения составляют статьи [Choi et al., 2018] и [Donders et al., 2006], в которых симулируются данные, но в этих статьях рассмотрены только континуальные переменные.

Мы используем линейную регрессионную модель⁷, метод наименьших квадратов. Зависимая переменная является континуальной, регрессоры — категориальной и континуальной переменными. В качестве исходно задаваемых параметров выступают параметры распределения переменных и регрессионные коэффициенты. В ходе эксперимента мы выявляем вариации их оценок, а также стандартных ошибок под воздействием трех факторов: механизма порождения пропусков, доли пропусков и спецификации регрессионной модели. Далее мы раскроем эти факторы и обоснуем важность их контроля.

1) Исходя из **механизма порождения пропусков** выделяют *полностью случайные пропуски (ПСП), случайные пропуски (СП) и неслучайные пропуски (НП)*. Раскрытая в предыдущем разделе методологическая традиция учитывать механизм порождения пропусков и противоречивость представлений о нечувствительности изучаемых подходов к этому механизму делают данный фактор ключевым в нашем эксперименте.

2) **Доля пропусков** рассматривается нами в трех значениях: 10%, 25% и 50%. Интуитивно ясно, что чем выше доля, тем труднее изучаемым подходам обработать пропуски корректно. Однако научная позиция требует измерить степень «ухудшения» работы каждого из них. Так, авторы данной статьи уже задавались этим вопросом, но относительно дерева решений CHAID, а не множественной линейной регрессии, и установили, что при доле пропусков 10% и 25% использование МИП позволяет получить примерно ту же структуру дерева, что и в случае отсутствия пропусков [Жучкова, Ротмистров, 2018]. Если проводить аналогию с регрессией, это соответствовало бы ситуации отсутствия серьезных смещений оценок параметров регрессионной модели. Однако при 50% пропусков дерево имеет крайне искаженную структуру, что ведет к ошибочным содержательным результатам [там же]. Наше предыдущее исследование тоже основывалось на статистическом эксперименте и симулированных данных, но рассматривался только один механизм пропусков — ПСП [там же]. В настоящей работе мы проверяем релевантность выводов, сделанных в 2018 г., в контексте множественной линейной регрессии и дополняем их рассмотрением остальных механизмов пропусков, а также применением АПН.

3) В рамках фактора **спецификация регрессионной модели** выделяют *модель с категориальным регрессором; с категориальным и континуальным регрессорами; с категориальным и континуальным регрессорами и эффектами их взаимодействия*. В этой статье мы делаем акцент на категориальном регрессоре как более релевантном для социальных наук и как менее изученном в контексте проблемы пропусков по сравнению с континуальными регрессорами. При этом совсем отказаться от рассмотрения последних было бы серьезным упрощением, далеким от реальной практики. Наконец, в наш эксперимент включены и эффекты взаимодействия категориального и континуального регрессоров, поскольку в объяснении социальных явлений, характеризующихся комплексностью, эффекты взаимодействия зачастую играют большую роль, чем главные эффекты [Morgan, Sonquist, 1963].

Статистический эксперимент возможен на реальных и на симулированных данных. Мы выбрали второе, чтобы не зависеть от возможной специфики реальных

⁷ В ее рамках все чаще применяется МИП, хотя АПН сохраняет свой приоритет. Конкурируют с регрессией в этом отношении разве что деревья решений.

эмпирических данных, которая могла бы привести вариацию оценок параметров, не связанную с экспериментальными факторами, а также чтобы не сужать генерализацию выводов из эксперимента до некоторой содержательной области. Этим наше исследование отличается от абсолютного большинства описанных выше работ, в частности тех, в которых демонстрируется универсальность АПН [Bartlett et al., 2014; Bartlett, Harel, Carpenter, 2015; Hughes et al., 2019].

*Процесс симуляции данных*⁸

Для регрессионного моделирования процесс симуляции данных начинается с симуляции регрессоров и переменной, отвечающей за случайную ошибку, которые затем подставляются в регрессионное уравнение нужного семейства функций, включающее константу. Для каждого из регрессоров и константы задаются коэффициенты, и на основании них, а также переменной, отвечающей за случайную ошибку, рассчитываются значения зависимой переменной. Для нашего эксперимента регрессоры и случайная ошибка симулируются, исходя из следующих теоретических распределений:

$$X \sim U(1, 3),$$

$$Z \sim N(0, 1),$$

$$\varepsilon \sim N(0, 25).$$

Поясним нотацию: категориальный регрессор « X » симулируется из теоретического дискретного равномерного распределения с тремя категориями: «1», «2», «3». Почему из равномерного? Дело в том, что для включения в регрессию категориальный регрессор обычно превращается в набор бинарных фиктивных переменных, один из недостатков которых — частотное преобладание категории «Другое» (обычно кодируемой как «0») над значащей категорией (обычно кодируемой как «1»). Наименее выражена эта диспропорция в случае, если категориальный регрессор распределен равномерно. Кроме того, равномерное распределение вполне характерно для исходных номинальных переменных. Континуальный регрессор « Z » симулируется из теоретического нормального распределения с математическим ожиданием 0 и стандартным отклонением 1. Переменная, отвечающая за случайную ошибку, симулируется из теоретического нормального распределения с математическим ожиданием 0 и стандартным отклонением 5.

Чтобы симулировать зависимую переменную « Y » для каждой спецификации (с категориальным регрессором; с категориальным и континуальным регрессорами; с категориальным и континуальным регрессорами и их эффектами взаимодействия), для трех созданных переменных (регрессор « X » дихотомизируется с отношением в референтную группу категории «1») задаются истинные значения регрессионных коэффициентов, отличия от которых после многократного внесения в данные пропусков и их обработки и выступают предметом анализа.

⁸ Все симуляции осуществлялись на языке программирования Python средствами пакетов «numpy» [Olliphant, 2006; van der Walt, Colbert, Varoquaux, 2011] и «pandas» [McKinney, 2010], а регрессионное моделирование — средствами пакета «statsmodels» [Seabold, Perktold, 2010].

В нашем эксперименте истинные значения регрессионных коэффициентов были следующие:

$$Y \sim 100 + 15 \cdot X_2 - 15 \cdot X_3 + \varepsilon,$$

$$Y \sim 100 + 15 \cdot X_2 - 15 \cdot X_3 + 12 \cdot Z + \varepsilon,$$

$$Y \sim 100 + 15 \cdot X_2 - 15 \cdot X_3 + 12 \cdot Z - 20 \cdot Z \cdot X_2 - 10 \cdot Z \cdot X_3 + \varepsilon.$$

В течение эксперимента регрессоры и переменная, отвечающая за случайную ошибку, а также зависимая переменная для каждой из трех спецификаций симулируются многократно и включают 2000 наблюдений, поскольку в социологических исследованиях обычно используются выборки такого или меньшего размера⁹. Назовем итерацией симуляцию одного набора переменных и создание из него наборов данных с пропусками разных механизмов и долей для АПН и МИП. Получается, что «физически» итерация охватывает 54 набора данных: $3 \times 3 \times 3$ уровней экспериментальных факторов $\times 2$ изучаемых подхода.

Пропуски трех разных механизмов вносятся только в категориальный регрессор «X» и не вносятся в континуальный регрессор «Z», поскольку последнее усложнило бы дизайн эксперимента и затруднило бы интерпретацию его результатов. Это будет разумно после того, как станут ясны особенности работы изучаемых подходов в категориальном регрессоре в разрезе экспериментальных факторов.

Пропуски механизма НП вносятся в «X» путем вероятностной¹⁰ замены двух его значений («1» и «2») из трех на пропущенные, причем при таком внесении пропусков не делается различие между этими значениями. Пропуски механизма СП вносятся, ориентируясь на значение «1» вспомогательной бинарной переменной с биномиальным распределением «D» $\sim \text{Bin}(2000, 0,8)$, пропуски механизма ПСП — путем вероятностной¹¹ замены любых его значений на пропущенные.

Пропуски вносятся для всех трех спецификаций, то есть три раза по три механизма — НП, СП и ПСП, причем для каждого механизма пропуски вносятся в 10 % наблюдений, в 25 % и в 50 % — итого, как было отмечено, на каждой итерации симулируются 27 наборов данных, к каждому из которых применяются параллельно АПН и МИП. На основе полученных 54 массивов рассчитываются точечные оценки регрессионных коэффициентов, их стандартные ошибки и доверительные интервалы — итого на каждой итерации получается 54 набора указанных показателей.

Важная ремарка — в рамках одной итерации каждая симулируемая спецификация имеет свой истинный образец, то есть симулируемая спецификация с категориальным регрессором симулируется на основе истинной спецификации с категориальным регрессором, симулируемая спецификация с категориальным и континуальным регрессорами симулируется на основе истинной спецификации с категориальным и континуальным регрессорами и т. д. Альтернативным мог бы быть

⁹ В текст статьи не вошло дополнение к эксперименту, в котором размер совокупности был снижен до 75 наблюдений (фактически это дополнительный экспериментальный фактор). Результаты основного эксперимента подтвердились при таком снижении.

¹⁰ Вероятности соответствуют уровням фактора «Доля пропусков».

¹¹ То же.

дизайн, предполагающий одну истинную спецификацию, скажем, с категориальным и континуальным регрессорами и эффектами их взаимодействия, на основе которой симулировались бы три изучаемые спецификации: с категориальным регрессором, с категориальным и континуальным регрессорами, с категориальным и континуальным регрессорами и их эффектами взаимодействия. Вероятно, наш дизайн несколько более далек от реальной практики, чем альтернативный, так как в реальной практике истинная спецификация априорно неизвестна. Однако в альтернативном дизайне фактически вводился бы дополнительный экспериментальный фактор — совпадение истинной и симулируемой спецификаций, что усложнило бы его. Мы же предпочитаем двигаться от простого к сложному, отдавая себе отчет в ограничениях своей работы, которые можно преодолеть в будущем.

Наш эксперимент включает 2 000 итераций¹², в результате чего получается 2 000 наборов точечных оценок, к которым применяются специальные метрики (о них ниже в этом разделе), позволяющие судить об искажении оценок. Выбранный дизайн эксперимента, таким образом, представляет собой симуляции Монте-Карло. Пошагово эксперимент выглядит следующим образом:

- 1) Выбрать одну из трех спецификаций (далее — «текущая спецификация»).
- 2) Вероятностным образом симулировать переменные « X », « Z », ε и « D » в объеме 2 000 наблюдений из заданных теоретических распределений.

- 3) Найти взвешенную сумму переменных « X », « Z » и ε с учетом истинных для текущей спецификации регрессионных коэффициентов, чтобы получить значения зависимой переменной « Y ». Регрессор « X » для этого дихотомизируется, а дихотомизированная переменная « X_1 » (отнесенная к референтной группе) не участвует в расчете значений зависимой переменной.

- 4) Выбрать долю пропусков (далее — «текущая доля пропусков») и механизм их порождения (далее — «текущий механизм»).

- 5) Внести пропуски в регрессор « X » согласно текущим механизму и доле пропусков. Если текущий механизм НП, то для внесения пропусков вероятностно (согласно текущей доле пропусков) выбрать те наблюдения, у которых по этой переменной имеются значения «1» и «2». Если текущий механизм СП, то ориентироваться на вспомогательную бинарную переменную « D »: для внесения пропусков в регрессор « X » вероятностно (согласно текущей доле пропусков) выбрать те наблюдения, у которых вспомогательная переменная имеет значение «1». Если текущий механизм ПСП, то для внесения пропусков в регрессор « X » вероятностно (согласно текущей доле пропусков) заменить любые его значения на пропущенные. Важная ремарка: поскольку между категориальным регрессором и зависимой переменной задана умеренная корреляция, а между ним и вторым регрессором — незначимая корреляция, то при текущем механизме НП пропуски в категориальном регрессоре связаны как с его собственными значениями, так и со значениями зависимой переменной. Следовательно, реализуется вариант, описанный в предыдущем разделе, который должен приводить к смещениям оценок регрессионных коэффициентов для АПН. При текущем механизме СП пропуски в категориальном регрессоре **не** связаны со значениями зависимой переменной, следовательно,

¹² В русле традиции компьютерных наук симулировать число итераций, примерно равное объему совокупности.

при таком варианте смещения оценок регрессионных коэффициентов для АПН **не** должны возникать. Таким образом, дизайн нашего эксперимента покрывает сразу две альтернативы, в которых для АПН следует ожидать противоположных исходов: присутствия смещения при механизме НП и отсутствия смещения при механизме СП. В этом отношении наш дизайн выглядит близким к реальной практике — он не покрывает только ситуацию выраженной связи между двумя регрессорами, но и в реальной практике исследователи стараются избегать таких ситуаций как коллинеарных.

6) Из массива данных с пропусками сделать две копии: одна для применения анализа полных наблюдений (далее — массив АПН), другая — для метода индикаторной переменной (далее — массив МИП). Из массива АПН наблюдения с пропусками удалить, а в массиве МИП каждое пропущенное значение заменить на категорию «4».

7) На массивах АПН и МИП построить регрессионную модель, соответствующую текущей спецификации; «записать» оценки коэффициентов, их стандартные ошибки и доверительные интервалы в базу с результатами.

8) Повторить шаги 1—7 для каждой комбинации уровней экспериментальных факторов. При этом проконтролировать, что начальное значение генератора случайных чисел (random seed) — одно и то же для всех комбинаций уровней экспериментальных факторов.

9) Выполнить 2 000 итераций для шагов 1—8, фиксируя для каждой новой итерации новое начальное значение генератора случайных чисел. Правило такое: для каждой итерации свое начальное значение. Это позволяет воспроизводить эксперимент повторно и непосредственно сравнивать оценки регрессионных параметров внутри итерации.

Результаты экспериментов анализируются с помощью традиционных для симуляционных исследований метрик [Morris et al., 2019]: среднего (mean или estimate), смещения (bias), среднеквадратичной ошибки (MSE) и покрытия доверительного интервала (coverage или coverage probability; далее — «покрытие ДИ»). Среднее — среднее арифметическое оценок анализируемого параметра (скажем, регрессионного коэффициента) по всем симуляциям, относящимся к рассматриваемому уровню фактора. Смещение — разница между рассчитанным средним и истинным значением параметра, которое задавалось при симуляции данных. Среднеквадратичная ошибка — средний квадрат отклонений всех оценок от истинного значения параметра. Смещение отражает отклонение оценок от истинного значения, а среднеквадратичная ошибка — еще и вариацию этого отклонения. Покрытие ДИ — доля доверительных интервалов, которые включают в себя истинное значение параметра, задаваемое при генерации данных. Эта метрика может говорить как о несмещенности оценки, так и о ее эффективности (возвращаясь к изложенному в разделе «Введение»). Как показано в работе К. Доугерти [Dougherty, 2016], эти два свойства оценки могут приходиться в противоречие, которое проявляется в интерпретации покрытия ДИ: малая ее величина вызывается тем, что истинное значение параметра попадает в малое число доверительных интервалов, следовательно, свидетельствует о смещенности; слишком большая ее величина обусловливается тем, что доверительные интервалы слишком широки из-за высокой стандартной ошибки

оценки, следовательно, свидетельствует о неэффективности. Условной границей между этими двумя ситуациями принято считать значение покрытия 0,95 [Morris et al., 2019]. Для оценок регрессионных коэффициентов рассчитываем все четыре метрики, а для стандартных ошибок коэффициентов — только среднее.

Ориентирами для интерпретации результатов эксперимента выступают гипотезы, опирающиеся на проанализированные выше статьи и оперирующие уровнями экспериментальных факторов:

Гипотеза 1 (механизм пропусков). Анализ полных наблюдений приводит к меньшим смещениям оценок регрессионных коэффициентов в случае ПСП и СП, а метод индикаторной переменной — только в случае НП. Часть этой гипотезы касательно АПН опирается на упомянутые в предыдущем разделе исследования этого подхода, показавшие, что при его использовании в рамках регрессии решающий фактор смещения оценок — это обусловленность пропуска в регрессоре значением зависимой переменной [Bartlett et al., 2014, 2015; Hughes et al., 2019]. Часть гипотезы относительно МИП объясняется описанной в том же разделе логикой, что именно неслучайный характер пропусков может оправдывать создание для них специальной категории.

Гипотеза 2 (доля пропусков). С увеличением доли пропусков в данных оба подхода (АПН и МИП) приводят к более смещенным оценкам, но для метода индикаторной переменной смещение растет быстрее, чем для анализа полных наблюдений. Эта гипотеза опирается на исследование М. Джонса [Jones, 1996], где в целом показывается, что МИП дает более смещенные оценки, чем АПН.

Гипотеза 3 (спецификация модели). Чем сложнее спецификация регрессионной модели, тем более смещенные оценки ее параметров дает метод индикаторной переменной. Эта гипотеза сформулирована, исходя из следующей логики: наличие индикаторной переменной может влиять на значения коэффициентов всех исходных переменных, поэтому чем больше в модели исходных переменных, тем больше потенциал этого влияния. Для АПН мы не ожидаем увидеть вариацию смещения при разных спецификациях, поскольку при симуляции данных исключили связь между наличием/отсутствием пропуска в категориальном регрессоре с одной стороны и континуальным регрессором и эффектами взаимодействия — с другой. Как мы уже подчеркивали, такая связь может приводить к смещению константы и коэффициентов регрессоров при условии связи наличия/отсутствия пропуска и зависимой переменной [Bartlett et al., 2015].

Во всех трех гипотезах речь идет именно о метрике смещения. В этом отношении мы придерживаемся традиции, отмеченной Т. Моррисом и соавторами: «зачастую смещение [bias] — центральный показатель результатов применения подхода. Частотная интерпретация вероятности опирается на несмещенность [unbiasedness] как на ключевое свойство статистической оценки» [Morris et al., 2019: 2086].

Результаты

На каждой из 2000 итераций эксперимента возникает по 27 наборов оценок параметров для АПН (анализа полных наблюдений) и МИП (метода индикаторной переменной), соответствующих комбинациям уровней экспериментальных факторов. Таким образом, результат статистического эксперимента выглядит как

массив из $(27 + 27) \times 2000$ строк, а столбцами этого массива выступают оценки изучаемых параметров (регрессионных коэффициентов и их стандартных ошибок). Для удобства рассмотрения гипотез исследования, отталкивающихся от факторов, полученный массив агрегируется в разрезе каждого фактора.

В таблице 1 представлены три метрики (смещение, среднеквадратичная ошибка и покрытие ДИ) для оценок всех регрессионных коэффициентов в разрезе механизмов пропусков и изучаемых подходов, то есть информация для проверки **гипотезы 1**, согласно которой для механизмов пропусков ПСП и СП ожидаются более низкие абсолютные величины смещения при использовании АПН, чем МИП, а для механизма НП ожидаются, наоборот, более высокие абсолютные величины смещения при использовании АПН, чем МИП. В реальности при использовании обоих подходов смещение пренебрежимо мало, а получаемые оценки максимально близки к истинным. Например, смещение оценки коэффициента при регрессоре « X_2 » для обоих подходов и всех механизмов пропусков варьирует от 0,002 до 0,007, что составляет 0,01%—0,05% от истинного значения параметра. Нет разницы между подходами и в степени вариации оценок коэффициентов. Следовательно, **гипотеза 1 не принимается**.

Таблица 1. Смещение, среднеквадратичная ошибка и покрытие ДИ оценки регрессионных коэффициентов в разрезе механизмов пропусков

Параметр	Механизм	ПСП		СП		НП	
		АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Константа	Смещение	–,001	–,001	–,001	–,001	–,007	–,007
Среднеквадратичная ошибка		,056	,056	,056	,056	,088	,088
Покрытие ДИ (%)		,953	,996	,947	,996	,948	,987
X_2	Смещение	,007	,007	,003	,002	,007	,007
Среднеквадратичная ошибка		,112	,112	,110	,110	,177	,177
Покрытие ДИ (%)		,950	,996	,954	,996	,946	,985
X_3	Смещение	,003	,003	–,004	–,004	,005	,005
Среднеквадратичная ошибка		,108	,108	,112	,112	,125	,125
Покрытие ДИ (%)		,955	,996	,954	,997	,950	,988
Z	Смещение	,003	,003	,001	,002	,001	,003
Среднеквадратичная ошибка		,037	,044	,037	,045	,052	,053
Покрытие ДИ (%)		,952	,972	,952	,976	,952	,973
$Z \cdot X_2$	Смещение	,000	,000	,001	,001	–,007	–,007
Среднеквадратичная ошибка		,105	,105	,108	,108	,168	,168
Покрытие ДИ (%)		,958	,997	,955	,997	,953	,995
$Z \cdot X_3$	Смещение	–,005	–,005	–,002	–,002	–,002	–,002
Среднеквадратичная ошибка		,115	,115	,115	,115	,125	,125
Покрытие ДИ (%)		,944	,997	,942	,998	,946	,996

Различие между подходами обнаружилось в величине покрытия ДИ¹³: для АПН оно в пределах нормы, то есть около 0,95, а для МИП превышает 0,95 и приближается к 1. Как мы упоминали, слишком высокая величина покрытия ДИ свидетельствует о слишком широких доверительных интервалах и, при отсутствии смещения (а в его отсутствие мы только что убедились), — о завышении стандартной ошибки. При завышенной стандартной ошибке оценки коэффициента последняя становится менее эффективной, чем была бы при отсутствии пропусков, из-за чего регрессор выглядит как менее статистически значимый. Завышение стандартных ошибок при использовании МИП характерно для всех трех механизмов пропусков.

МИП предполагает создание индикаторной переменной, которая при его применении включена в регрессию как главный эффект и, в соответствующей спецификации, — как часть эффекта взаимодействия. Коэффициенты при этих эффектах не имеют истинного значения, так как их нет в модели при отсутствии пропусков. Однако математически можно считать, что при отсутствии пропусков истинные значения коэффициентов равны нулю. Как показал наш эксперимент, даже если пропуски есть, но относятся к механизмам ПСП и СП, то средние оценок коэффициентов главных эффектов индикаторной переменной примерно равны нулю, а эффектов взаимодействия — существенно отклоняются от нуля. Для пропусков механизма НП оценки коэффициентов и главных эффектов, а также эффектов взаимодействия существенно отклоняются от нуля. Мы интерпретируем это так, что оценкам коэффициентов при индикаторной переменной удается отразить неслучайный характер пропусков.

В таблице 2 представлены те же метрики в разрезе изучаемых подходов и долей пропусков, то есть информация для проверки **гипотезы 2**, согласно которой с увеличением доли пропусков в данных ожидается рост абсолютных величин смещения при использовании АПН и МИП, причем при использовании второго — быстрее. Наблюдается ли этот рост? В общем случае — нет, монотонного увеличения не наблюдается, смещение увеличивается только для континуального регрессора «В» (причем интенсивнее именно в случае МИП). Однако сама величина смещения, вероятно, слишком мала, чтобы принимать ее во внимание, поэтому мы заключаем, что доля пропусков не сказывается на смещении регрессионных коэффициентов, то есть **отвергаем гипотезу 2**. Как видно, в разрезе долей пропусков повторяются закономерности, выявленные ранее в контексте механизмов пропусков: смещения не наблюдаются, вариация оценок между подходами не отличается, при этом доверительные интервалы оценок обладают гораздо более высоким покрытием в случае МИП, чем в случае АПН, снова свидетельствуя о проблеме завышения стандартных ошибок при применении первого подхода.

В таблице 3 представлены те же метрики в разрезе изучаемых подходов и спецификаций моделей, то есть информация для проверки **гипотезы 3**, согласно которой с усложнением спецификации (слева направо) ожидается рост абсолютных величин смещения при использовании МИП. Наблюдается ли рост этого смещения? Нет, поэтому **гипотеза 3 отвергается**.

¹³ В гипотезе речи о покрытии ДИ не было.

Таблица 2. Смещение, среднеквадратичная ошибка и покрытие ДИ оценок регрессионных коэффициентов в разрезе долей пропусков

Параметр	Доля	10%		25%		50%	
		АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Константа	Смещение	–,003	–,003	–,005	–,005	–,002	–,002
Среднеквадратичная ошибка		,041	,041	,054	,054	,104	,104
Покрытие ДИ (%)		,952	,986	,949	,994	,947	,999
X_2	Смещение	,007	,007	,009	,009	,000	,000
Среднеквадратичная ошибка		,085	,085	,107	,107	,206	,206
Покрытие ДИ (%)		,952	,985	,950	,995	,948	,998
X_3	Смещение	,001	,001	,003	,003	,000	,000
Среднеквадратичная ошибка		,081	,081	,100	,100	,164	,164
Покрытие ДИ (%)		,956	,986	,950	,996	,953	,999
Z	Смещение	,001	,002	,002	,003	,002	,004
Среднеквадратичная ошибка		,028	,030	,035	,040	,063	,071
Покрытие ДИ (%)		,953	,972	,952	,975	,950	,974
$Z \cdot X_2$	Смещение	,000	,000	,000	,000	–,007	–,007
Среднеквадратичная ошибка		,083	,083	,102	,102	,196	,196
Покрытие ДИ (%)		,957	,991	,958	,999	,952	1,000
$Z \cdot X_3$	Смещение	,000	,000	–,002	–,002	–,006	–,006
Среднеквадратичная ошибка		,085	,085	,102	,102	,167	,167
Покрытие ДИ (%)		,944	,991	,945	1,000	,943	1,000

Таблица 3. Смещение, среднеквадратичная ошибка и покрытие ДИ оценок регрессионных коэффициентов в разрезе спецификаций модели

Параметр	Спецификация*	1		2		3	
		АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Константа	Смещение	–,003	–,003	–,003	–,003	–,003	–,003
Среднеквадратичная ошибка		,066	,066	,066	,066	,066	,066
Покрытие ДИ (%)		,949	,991	,949	,991	,950	,997
X_2	Смещение	,006	,006	,006	,006	,006	,006
Среднеквадратичная ошибка		,133	,133	,133	,133	,133	,133
Покрытие ДИ (%)		,950	,991	,950	,991	,951	,996
X_3	Смещение	,001	,001	,001	,001	,001	,001
Среднеквадратичная ошибка		,115	,115	,115	,115	,115	,115
Покрытие ДИ (%)		,952	,992	,953	,992	,953	,997

Параметр	Спецификация*	1		2		3	
		АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Z	Смещение	—	—	,001	,003	,002	,002
Среднеквадратичная ошибка		—	—	,019	,029	,065	,065
Покрытие ДИ (%)		—	—	,950	,950	,953	,998
$Z \cdot X_2$	Смещение	—	—	—	—	-,002	-,002
Среднеквадратичная ошибка		—	—	—	—	,127	,127
Покрытие ДИ (%)		—	—	—	—	,956	,997
$Z \cdot X_3$	Смещение	—	—	—	—	-,003	-,003
Среднеквадратичная ошибка		—	—	—	—	,118	,118
Покрытие ДИ (%)		—	—	—	—	,944	,997

* *Примечание:* спецификация 1 — модель только с категориальным регрессором, спецификация 2 — модель с категориальным и непрерывным регрессорами, спецификация 3 — модель с категориальным и непрерывным регрессорами и их эффектами взаимодействия.

Та же картина наблюдается и для АПН. Таким образом, находит дополнительное подтверждение эмпирически выявленная закономерность о пренебрежимо малом смещении оценок регрессионных коэффициентов при обработке пропусков АПН и МИП — независимо от механизма пропусков в данных, их доли и сложности спецификации регрессионной модели. Как и ранее, видно, что подходы различаются только величинами покрытия ДИ: независимо от спецификации модели для МИП они и, следовательно, стандартные ошибки оценок коэффициентов существенно выше, чем для АПН.

Итак, ни одна из гипотез не нашла подтверждения. Помимо этого, эксперимент дал ряд важных результатов, которые касаются стандартных ошибок оценок регрессионных коэффициентов. Выше на основе величин покрытия ДИ мы сделали предварительный вывод, что применение МИП приводит к существенному увеличению стандартных ошибок оценок регрессионных коэффициентов. Средние значения стандартных ошибок в разрезе экспериментальных факторов приведены в таблице 4: они всегда в 1,5—2 раза выше для МИП, чем для АПН, что наглядно подтверждает упомянутый предварительный вывод.

Таблица 4. Средние стандартные ошибки оценок регрессионных коэффициентов в разрезе экспериментальных факторов

В разрезе механизмов пропусков						
Механизм	ПСП		СП		НП	
Параметр	АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Константа	,234	,404	,234	,403	,281	,406
X_2	,331	,571	,331	,571	,398	,575
X_3	,331	,571	,331	,571	,344	,492
Z	,185	,309	,185	,309	,209	,314

$Z \cdot X_2$,332	,620	,332	,619	,400	,686
$Z \cdot X_3$,332	,620	,332	,619	,346	,584
MIV	—	,572	—	,572	—	,541
Z · MIV	—	,619	—	,619	—	,638
В разрезе долей пропусков						
Доля	10%		25%		50%	
Параметр	АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Константа	,206	,258	,231	,357	,312	,598
X_2	,292	,365	,326	,505	,441	,846
X_3	,288	,361	,315	,490	,403	,783
Z	,162	,205	,180	,281	,236	,446
$Z \cdot X_2$,292	,389	,327	,562	,444	,974
$Z \cdot X_3$,289	,385	,316	,543	,405	,896
MIV	—	,513	—	,499	—	,675
Z · MIV	—	,548	—	,554	—	,775
В разрезе спецификаций модели						
Спецификация*	1		2		3	
Параметр	АПН	МИП	АПН	МИП	АПН	МИП
Константа	,250	,380	,250	,381	,250	,452
X_2	,353	,538	,353	,538	,353	,640
X_3	,335	,514	,335	,514	,336	,606
Z	—	—	,135	,168	,251	,454
$Z \cdot X_2$	—	—	—	—	,354	,642
$Z \cdot X_3$	—	—	—	—	,337	,608
MIV	—	,531	—	,531	—	,564
Z · MIV	—	—	—	—	—	,625

* *Примечание:* спецификация 1 — модель только с категориальным регрессором; спецификация 2 — модель с категориальным и непрерывным регрессорами; спецификация 3 — модель с категориальным и непрерывным регрессорами и их эффектами взаимодействия.

В таблице 4 заметны дополнительные закономерности. Во-первых, для обоих подходов характерно увеличение стандартных ошибок при росте доли пропусков. Для АПН это ожидаемо, ведь при росте доли пропусков уменьшается размер анализируемой выборки, для МИП такое объяснение не применимо. Во-вторых, при использовании обоих подходов стандартные ошибки выше, когда пропуски внесены согласно механизму НП, нежели ПСП и СП. Исключение составляют стандартные ошибки оценок коэффициентов регрессоров X_3 и $Z \cdot X_3$, которые ниже, когда пропуски внесены согласно механизму НП, нежели ПСП и СП. Особенность этих регрессоров в том, что они включают в себя переменную X_3 — именно эта категория осталась «нетронутой» при внесении пропусков согласно механизму

НП, при внесении же пропусков согласно механизмам ПСП и СП пропуски внеслись и в нее. В-третьих, при использовании МИП стандартные ошибки оценок коэффициентов регрессоров, которые участвуют во всех спецификациях (X_2 и X_3), выше в рамках самой сложной спецификации.

Что означает завышение стандартных ошибок на практике? Если два гипотетических исследователя строят одинаковые регрессионные модели на одних и тех же данных с пропусками, но один применяет АПН, а второй — МИП, то оба получат одинаковые оценки регрессионных коэффициентов, однако у первого они будут выглядеть более статистически значимыми (с точки зрения p -value), чем у второго. Возможно даже, что второй исключит какие-то регрессоры из уравнения как незначимые, а первый эти же регрессоры оставит в уравнении. В таком случае исследователи могут сделать разные содержательные выводы о наличии или отсутствии связи между рассматриваемыми регрессорами и зависимой переменной. Поскольку в социальных науках принято учитывать значимость связи при ее интерпретации, использование МИП не выглядит предпочтительным подходом.

Проверка трех гипотез и дополняющий ее анализ покрытия ДИ создают общее впечатление, что смещение оценок регрессионных коэффициентов пренебрежимо мало и почти не варьирует между уровнями экспериментальных факторов, тогда как стандартные ошибки этих оценок, во-первых, выше для МИП, чем для АПН, во-вторых, заметно варьируют между уровнями экспериментальных факторов. Чтобы подтвердить это впечатление строго статистически, мы прибегаем к дисперсионному анализу, который попутно позволяет сравнить вклады факторов (по величине суммы квадратов отклонений) в вариацию смещений и стандартных ошибок. В дисперсионном анализе в качестве зависимых переменных на первом этапе используются смещения оценок регрессионных коэффициентов, а на втором — их стандартные ошибки. В роли главных эффектов выступают три экспериментальных фактора, а также подход к обработке пропусков.

Поскольку в этой статье мы сфокусированы на категориальном регрессоре и во всех изучаемых спецификациях участвуют только созданные из него фиктивные переменные и константа (к которой относится одна из его категорий), далее мы рассматриваем только их. В следующих работах мы предполагаем постепенно преодолевать эти ограничения.

В таблице 5 мы видим похожую закономерность для смещений оценок константы и коэффициентов категориального регрессора: заметная сумма квадратов отклонений объясняется главными эффектами доли и механизма пропусков (их строки подкрашены серым). Хотя для каждого из коэффициентов только один из этих факторов преодолевает порог значимости 0,05, их влияние гораздо более заметно по сравнению с факторами спецификации регрессионной модели и подхода к обработке пропусков. Казалось бы, этот статистический результат противоречит сделанному ранее выводу, что смещение оценок регрессионных коэффициентов пренебрежимо мало и почти не варьирует между уровнями экспериментальных факторов. Однако учитывая, что статистическая мощность совокупности данных, на которых проводился эксперимент, велика, и что это может приводить к статистической значимости даже минимальной разницы между групповыми средними, мы предлагаем следующую дополнительную проверку:

рассмотреть величину смещения для самой неблагоприятной комбинации уровней факторов, то есть той, которая приводит к наибольшему абсолютному смещению. Чтобы найти такую комбинацию, мы применяем метод ChAID к смещениям оценок константы и коэффициентов категориального регрессора в качестве его зависимых переменных, и к экспериментальным факторам и подходам к обработке пропусков — в качестве его предикторов.

Таблица 5. Дисперсионный анализ, моделирующий смещения оценок константы и регрессионных коэффициентов категориального регрессора факторами: спецификация регрессионной модели, доля и механизм пропусков, подход к их обработке

Зависимые переменные	Смещение константы (%)		Смещение X_2 (%)		Смещение X_3 (%)	
	Сумма квадратов	p-value	Сумма квадратов	p-value	Сумма квадратов	p-value
Главные эффекты						
Спецификация	,00	1,00	,00	1,00	,00	,99
Доля пропусков	,12	,39	1,50	,00	,20	,42
Подход	,00	,99	,00	,99	,00	1,00
Механизм	,70	,01	,50	,15	1,58	,00

ChAID¹⁴ — это метод, позволяющий автоматически отбирать предикторы, которые оказывают значимый эффект на зависимую переменную, упорядочивать их по этой значимости, объединять категории предикторов, статистически значимо не различающиеся по своему эффекту на зависимую переменную, и находить комбинации значений предикторов, предсказывающие искомые значения зависимой переменной. Мы подаем в ChAID континуальные зависимые переменные, к которым в нем применяется F-статистика, что роднит его с дисперсионным анализом. ChAID относят к парадигме «data-driven». В сочетании с методами, относимыми к парадигме «theory-driven», он помогает развить и сделать более удобными для обзора и интерпретации результаты применения изучаемых подходов. Следуя этой логике, мы дополняем результаты дисперсионного анализа результатами ChAID. Конечно, можно было бы в рамках дисперсионного анализа рассмотреть групповые средние зависимой переменной для каждого уровня факторов и эффекты взаимодействия последних, но это гораздо более трудоемкая процедура, нежели применение ChAID (в этом и проявляется близость ChAID к парадигме «data-driven» по сравнению с дисперсионным анализом).

ChAID подтвердил выводы, сделанные нами на основе дисперсионного анализа: в трех построенных деревьях для константы и регрессионных коэффициентов первой расщепляющей переменной выступили механизм пропусков, их доля и снова механизм соответственно. К наибольшему абсолютному смещению для константы приводит неслучайный механизм пропусков (комбинации уровней факторов не сформировались). Для коэффициента X_2 к наибольшему абсолютному

¹⁴ ChAID — Chi-square automatic interaction detection.

смещению приводит, как ни странно, доля пропусков 10%—25%. Для коэффициента X_3 к наибольшему абсолютному смещению приводит комбинация случайного механизма пропусков и их доля 50%. На наш взгляд, эти статистические выводы подтверждают сформировавшееся ранее впечатление, что смещение оценок регрессионных коэффициентов пренебрежимо мало и почти не варьирует между уровнями экспериментальных факторов.

Для статистической проверки вывода, что стандартные ошибки оценок константы и регрессионных коэффициентов категориального регрессора, во-первых, выше для МИП, чем для АПН, а во-вторых, они заметно варьируют между уровнями экспериментальных факторов, мы также прибегаем к ChAID. Построенные им деревья приведены на рисунке 1 в Приложении. Они довольно разветвленные, поскольку стандартные ошибки действительно значимо варьируют между уровнями экспериментальных факторов, подходами к обработке пропусков, а также их комбинациями. Важно, что все три дерева демонстрируют похожую закономерность: самый значимый предиктор — спецификация регрессионной модели (стандартные ошибки ниже в спецификациях без эффектов взаимодействия и выше в спецификациях с эффектами); за ним в порядке убывания значимости следуют доля пропусков (стандартные ошибки тем ниже, чем ниже доля пропусков) и подход к обработке пропусков (стандартные ошибки ниже при применении АПН и выше при применении МИП). Последним по значимости расположился механизм пропусков, причем во всех узлах его уровня объединились полностью случайный и случайный механизмы. Что еще более интересно и в какой-то мере релевантно нашей первой гипотезе (хотя в ней мы предполагали преимущество МИП для неслучайных пропусков с точки зрения несмещенности, а не эффективности), — при применении АПН стандартные ошибки ниже для полностью случайного и случайного механизмов и выше для неслучайного механизма, а при применении МИП — наоборот. В целом же мы считаем статистически подтвержденным впечатление о большей статистической эффективности оценок при применении АПН, чем при применении МИП.

Чтобы этот вывод выглядел ближе к исследовательской практике, мы применили ChAID к длине доверительных интервалов оценок константы и коэффициентов категориального регрессора, выраженным в процентах от истинных значений этих коэффициентов (для сравнимости). Построенные деревья¹⁵ ожидаемо подтвердили описанную только что закономерность. Однако обратимся к комбинациям предикторов, приводящим к наиболее широкому доверительным интервалам и различающимся только подходом к обработке пропусков, — ее составляют спецификация с эффектами взаимодействия и доля пропусков 50%¹⁶. Такая комбинация приводит к доверительному интервалу, ширина которого при использовании АПН равна 0,01% от истинного значения константы, а при использовании МИП — 0,03%. Она же приводит к доверительному интервалу с шириной 0,12% от истинного значения коэффициента при X_2 , если использовать АПН, и 0,25%, если использовать МИП. Наконец, она приводит к доверительному

¹⁵ По структуре уровней и узлов они дублируют деревья с рисунка 1, поэтому мы не вставили их в статью.

¹⁶ Это те же самые узлы деревьев и рисунка 1, которые там приводят к максимальным стандартным ошибкам, что логично.

интервалу с шириной 0,11 % от истинного значения коэффициента при X_2 в случае АПН и 0,23 % — в случае МИП. Таким образом, АПН действительно обеспечивает более эффективную (до нескольких раз) оценку константы и коэффициентов категориального регрессора, чем МИП.

Заключение

Наше исследование было нацелено на комплексное изучение работы МИП (метода индикаторной переменной) с пропусками в категориальном регрессоре линейной регрессии методом наименьших квадратов. Своего рода эталоном выступил АПН (анализ полных наблюдений) — наиболее популярный подход для работы с пропусками, неожиданная универсальность которого становится предметом обсуждения в последние годы. Мы хотели внести свою лепту как в проверку универсальности АПН, так и в поиск ниши для МИП. Первое получилось даже сверх ожиданий: обнаружена неизвестная прежде нечувствительность АПН к пропускам в регрессоре, наличие/отсутствие которых связано с зависимой переменной (тем самым поставлены под сомнение некоторые результаты работы Дж. Бартлетта и соавторов [Bartlett et al., 2015]).

Априорным преимуществом МИП перед АПН считается сохранение исходного размера выборки для дальнейшего анализа без математических и интерпретативных сложностей. Мы показали, что если методом дальнейшего анализа выступает линейная регрессия, то сохранение исходного размера выборки не улучшает оценку регрессионных коэффициентов. Этому неподтвержденному нами преимуществу сопутствует неожиданно обнаруженный недостаток в виде завышенных стандартных ошибок оценок и расширенных доверительных интервалов. Кроме того, применение МИП оказалось не проще, чем АПН. Специфически социологическая логика применения МИП к неслучайным пропускам тоже не нашла своего подтверждения: выяснилось, что (а) МИП приводит не к меньшим смещениям, чем АПН, при неслучайных пропусках и (б) в части стандартных ошибок оценок регрессионных коэффициентов результаты МИП не всегда лучше при неслучайных пропусках, чем при случайных. Таким образом, мы не только не подтвердили статистически наличие ниши для МИП, но и поставили под сомнение предполагаемые его преимущества.

Исследование было проведено посредством статистического эксперимента на симулированных данных с контролем трех экспериментальных факторов: механизма пропусков, их доли и спецификации регрессионной модели. Такими строгостью и стандартизацией мы старались преодолеть ограничения предшественников. Однако и наша работа имеет ограничения. Во-первых, для внесения пропусков механизма СП мы использовали вспомогательную переменную, не участвующую непосредственно в регрессионной модели. Гипотетически, если вместо вспомогательной переменной использовать другой регрессор или зависимую переменную, результат мог бы отличаться от нашего. Во-вторых, мы вносили пропуски только в один регрессор; в реальной практике более вероятны пропуски сразу в нескольких регрессорах. В-третьих, важными экспериментальными факторами могут выступить размер выборки и совпадение/несовпадение истинной и симулируемой спецификаций. Включение в дизайн эксперимента этих факторов усложнит его как для проведения, так и для восприятия полученных результатов.

Тем не менее, основываясь на уже полученных в данном исследовании результатах, на наш взгляд, весьма весомых и неожиданных, можно двигаться дальше, постепенно усложняя эксперимент и приближая его условия к реальной практике.

Список литературы (References)

Жучкова С. В., Ротмистров А. Н. Возможность работы с пропущенными данными при использовании CHAID: результаты статистического эксперимента // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. № 46. С. 85—122.

Zhuchkova S., Rotmistrov A. (2018) Handling Missing Data with CHAID: Results of a Statistical Experiment. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical modeling*. No. 46. P. 85—122.

Стребков Д. О., Шевчук А. В., Лукина А. А., Мелианова Е. Г., Тюлюпо А. В. Социальные факторы выбора контрагентов на бирже удаленной работы: исследование конкурсов с помощью «больших данных» // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 3. С. 25—65. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-25-65>.

Strebkov D., Shevchuk A., Lukina A., Melianova E., Tyulyupo A. (2019) Social Factors of Contractor Selection on Freelance Online Marketplace: Study of Contests Using “Big Data”. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 25—65. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-25-65>.

Фабрикант М. С. Модель-ориентированный подход к отсутствующим значениям: множественная импутация в многоуровневой регрессии посредством R (на примере анализа опросных данных по гордости страной) // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2015. № 41. С. 7—29.

Fabrykant M. (2015) Model-Oriented Approach to Missing Values: Multiple Imputation in Multilevel Regression Using R (On the Example of Analyzing Survey Data). *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*. No. 41. P. 7—29.

Akande O., Li F., Reiter J. (2017) An Empirical Comparison of Multiple Imputation Methods for Categorical Data. *The American Statistician*. Vol. 71. No. 2. P. 162—170. <https://doi.org/10.1080/00031305.2016.1277158>.

Allison P. (2005) Imputation of Categorical Variables with PROC MI. In: *Proceedings of the SAS Users Group International Conference (SUGI)*. No. 30. P. 113—130. URL: <https://support.sas.com/resources/papers/proceedings/proceedings/sugi30/113-30.pdf> (accessed: 21.04.2021).

Anagnostopoulos C., Triantafillou P. (2014) Scaling Out Big Data Missing Value Imputations: Pythia vs. Godzilla. In: *Proceedings of the 20th ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining (KDD'14)*. P. 651—660. <https://doi.org/10.1145/2623330.2623615>.

Bartlett J. W., Carpenter J. R., Tilling K., Vansteelandt S. (2014) Improving upon the Efficiency of Complete Case Analysis When Covariates Are MNAR. *Biostatistics*. Vol. 15. No. 4. P. 719—730. <https://doi.org/10.1093/biostatistics/kxu023>.

Bartlett J. W., Harel O., Carpenter J. R. (2015) Asymptotically Unbiased Estimation of Exposure Odds Ratios in Complete Records Logistic Regression. *American Journal of Epidemiology*. Vol. 182. No. 8. P. 730—736. <https://doi.org/10.1093/aje/kwv114>.

Chen J., Hossler D. (2017) The Effects of Financial Aid on College Success of Two-Year Beginning Nontraditional Students. *Research in Higher Education*. Vol. 58. No. 1. P. 40—76. <https://doi.org/10.1007/s11162-016-9416-0>.

Choi J., Dekkers O. M., le Cessie S. (2018) A Comparison of Different Methods to Handle Missing Data in the Context of Propensity Score Analysis. *European Journal of Epidemiology*. Vol. 34. No. 1. P. 23—36. <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0447-z>.

Donders A. R. T., van der Heijden G. J. M. G., Stijnen T., Moons K. G. M. (2006) Review: A Gentle Introduction to Imputation of Missing Values. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 59. No. 10. P. 1087—1091. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2006.01.014>.

Dougherty C. (2016) Introduction to Econometrics. Oxford: Oxford University Press.

Gentle J. E., Hardle W. K., Mori Y. (2012) Handbook of Computational Statistics: Concepts and Methods. Berlin: Springer.

Gesser-Edelsburg A., Zemach M., Lotan T., Elias W., Grimberg E. (2018) Perceptions, Intentions and Behavioral Norms That Affect Pre-License Driving among Arab Youth in Israel. *Accident Analysis and Prevention*. No. 111. P. 1—11. <https://doi.org/10.1016/j.aap.2017.11.005>.

Giest S., Samuels A. (2020) 'For Good Measure': Data Gaps in a Big Data World. *Policy Sciences*. Vol. 53. No. 3. P. 559—569. <https://doi.org/10.1007/s11077-020-09384-1>.

Greenacre M., Pardo R. (2006) Subset Correspondence Analysis: Visualizing Relationships Among a Selected Set of Response Categories From a Questionnaire Survey. *Sociological Methods & Research*. Vol. 35. No. 2. P. 193—218. <https://doi.org/10.1177/0049124106290316>.

Groenwold R. H. H., White I. R., Donders A. R. T., Carpenter J. R., Altman D. G., Moons K. G. M. (2012) Missing Covariate Data in Clinical Research: When and When not to Use Missing-indicator Method for Analysis. *Canadian Medical Association Journal*. Vol. 184. No. 11. P. 1265—1269. <https://doi.org/10.1503/cmaj.110977>.

Henry A. J., Hevelone N. D., Lipsitz S., Nguyen L. L. (2013) Comparative Methods for Handling Missing Data in Large Databases. *Journal of Vascular Surgery*. Vol. 58. No. 5. P. 1353—1359. <https://doi.org/10.1016/j.jvs.2013.05.008>.

Hughes R. A., Heron J., Sterne J. A. C., Tilling K. (2019) Accounting for Missing Data in Statistical Analyses: Multiple Imputation Is Not Always the Answer. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 48. No. 4. P. 1294—1304. <https://doi.org/10.1093/ije/dyz032>.

Jones M. P. (1996) Indicator and Stratification Methods for Missing Explanatory Variables in Multiple Linear Regression. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 91. No. 433. P. 222—230. <https://doi.org/10.1080/01621459.1996.10476680>.

Knol M. J., Janssen K. J. M., Donders A. R. T., Egberts A. C. G., Heerdink E. R., Grobbee D. E., Moons K. G. M., Geerlings M. I. (2010) Unpredictable Bias When Using the Missing Indicator Method or Complete Case Analysis for Missing Confounder Values: An Empirical Example. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 63. No. 7. P. 728—736. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2009.08.028>.

Little R. J. A., Rubin D. B. (2002) *Statistical Analysis with Missing Data* (2nd ed.). Hoboken, NJ: Wiley.

McKinney W. (2010) Data Structures for Statistical Computing in Python. In: *Proceedings of the 9th Python in Science Conference*. P. 51—56. URL: <https://conference.scipy.org/proceedings/scipy2010/pdfs/mckinney.pdf> (accessed: 01.08.2021).

Miettinen O. S. (1985) *Theoretical Epidemiology: Principles of Occurrence Research*. New York, NY: John Wiley & Sons.

Morgan J., Sonquist J. (1963) Problems in the Analysis of Survey Data, and a Proposal. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 58. No. 302. P. 415—434. <https://doi.org/10.1080/01621459.1963.10500855>.

Morris T. P., White I. R., Crowther M. J. (2019) Using Simulation Studies to Evaluate Statistical Methods. *Statistics in Medicine*. Vol. 38. No. 11. P. 2074—2102. <https://doi.org/10.1002/sim.8086>.

Oliphant T. E. (2006) *A Guide to NumPy*. USA: Trelgol Publishing.

Ratner B. (2011) *Statistical and Machine-Learning Data Mining: Techniques for Better Predictive Modeling and Analysis of Big Data*. Boca Raton: CRC Press.

Rickles J., Heppen J. B., Allensworth E., Sorensen N., Walters K. (2018) Online Credit Recovery and the Path to On-Time High School Graduation. *Educational Researcher*. Vol. 47. No. 8. P. 481—491. <https://doi.org/10.3102/0013189X18788054>.

Rokach L., Maimon O. (2010) *Decision Trees. Data Mining and Knowledge Discovery Handbook*. Boston: Springer. P. 165—192.

Rubin D. B. (1976) Inference and Missing Data. *Biometrika*. Vol. 63. No. 3. P. 581—592. <https://doi.org/10.2307/2335739>.

Rubin D. B. (1996) Multiple Imputation after 18+ Years. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 91. No. 434. P. 473—489. <https://doi.org/10.1080/01621459.1996.10476908>.

Schafer J. L. (1997) *Analysis of Incomplete Multivariate Data*. London: Chapman and Hall.

Seabold S., Perktold J. (2010) Statsmodels: Econometric and Statistical Modeling with Python. In: *Proceedings of the 9th Python in Science Conference*. URL: <https://conference.scipy.org/proceedings/scipy2010/pdfs/seabold.pdf> (accessed: 01.08.2021).

Trevizo D., Lopez M. J. (2016) Neighborhood Segregation and Business Outcomes: Mexican Immigrant Entrepreneurs in Los Angeles County. *Sociological Perspectives*. Vol. 59. No. 3. P. 668—693. <https://doi.org/10.1177/0731121416629992>.

van der Heijden G. J. M. G., Donders A. R. T., Stijnen T., Moons K. G. M. (2006) Imputation of Missing Values is Superior to Complete Case Analysis and Missing-Indicator Method in Multivariable Diagnostic Research: A Clinical Example. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 59. No. 10. P. 1102—1109. <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2006.01.015>.

van der Walt S. S., Colbert C., Varoquaux G. (2011) The NumPy Array: A Structure for Efficient Numerical Computation. *Computing in Science & Engineering*. No. 13. P. 22—30. <https://doi.org/10.1109/MCSE.2011.37>.

van Kuijk S. M. J., Viechtbauer W., Peeters L. L., Smits L. (2016) Bias in Regression Coefficient Estimates When Assumptions for Handling Missing Data Are Violated: A Simulation Study. *Epidemiology Biostatistics and Public Health*. Vol. 13. No. 1. P. e11598-e11598—8. URL: https://cris.maastrichtuniversity.nl/ws/portalfiles/portal/64128744/Viechtbauer_2016_Bias_in_regression_coefficient_estimates_when_assu.pdf (accessed: 01.08.2021).

Vermunt J. K., van Ginkel J. R., van der Ark L. A., Sijtsma K. (2008) Multiple Imputation of Incomplete Categorical Data Using Latent Class Analysis. *Sociological Methodology*. Vol. 38. No. 1. P. 369—397. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9531.2008.00202.x>.

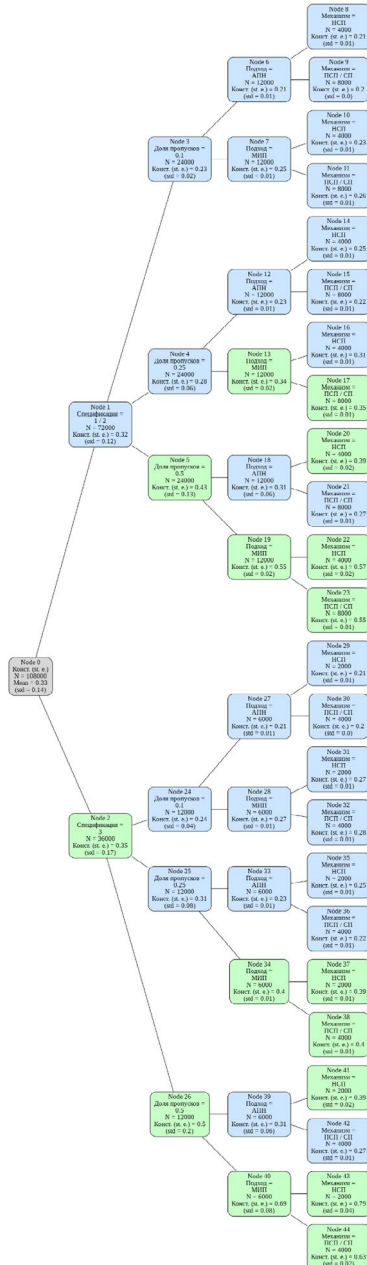
Weiss M. J., Bloom H. S., Verbitsky-Savitz N., Gupta H., Vigil A. E., Cullinan D. N. (2017) How Much Do the Effects of Education and Training Programs Vary Across Sites? Evidence From Past Multisite Randomized Trials. *Journal of Research on Educational Effectiveness*. Vol. 10. No. 4. P. 843—876. <https://doi.org/10.1080/19345747.2017.1300719>.

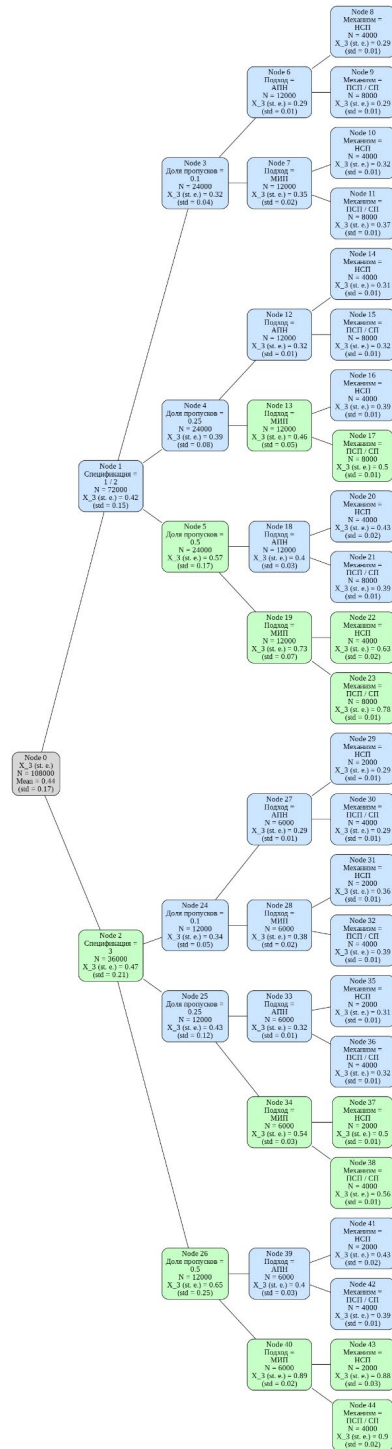
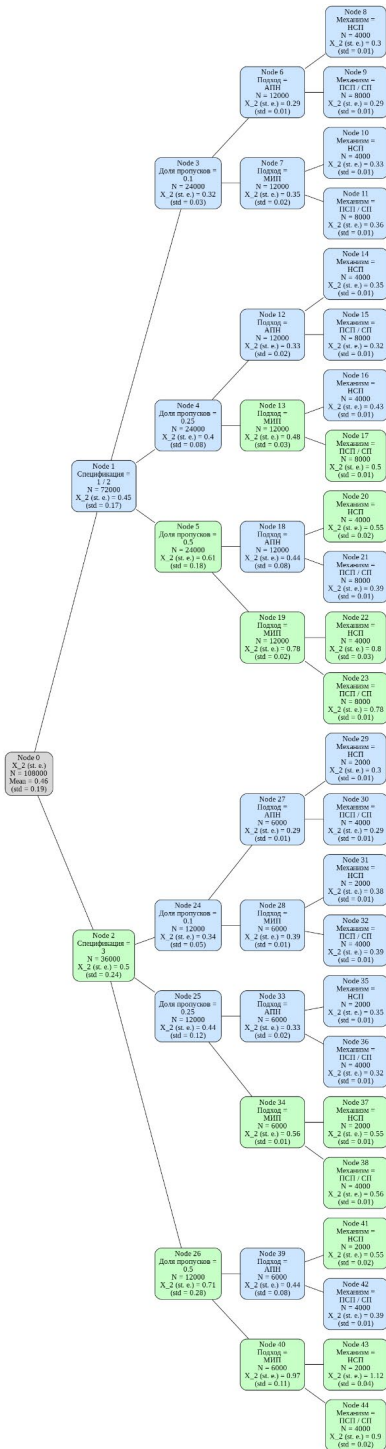
White I. R., Thompson S. G. (2005) Adjusting for Partially Missing Baseline Measurements in Randomized Trials. *Statistics in Medicine*. Vol. 24. No. 7. P. 993—1007. <https://doi.org/10.1002/sim.1981>.

Zhelyazkova N., Ritschard G. (2018) Parental Leave Take-Up of Fathers in Luxembourg. *Population Research and Policy Review*. Vol. 37. No. 5. P. 769—793. <https://doi.org/10.1007/s11113-018-9470-8>.

Приложение

Рис. 1. Деревья ChAID, моделирующие стандартные ошибки оценок константы и регрессионных коэффициентов категориального регрессора предикторами: спецификация регрессионной модели, доля и механизм пропусков, подход к их обработке

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1986](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1986)

Я. А. Багина, А. Д. Говорова, С. К. Нарьян

«ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН» ИЛИ «ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ»? ТАНДЕМНЫЕ ИНТЕРВЬЮ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Правильная ссылка на статью:

Багина Я. А., Говорова А. Д., Нарьян С. К. «Один в поле не воин» или «третий лишний»? Тандемные интервью в качественном исследовании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 53—76. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1986>.

For citation:

Bagina Y. A., Govorova A. D., Naryan S. K. (2021) Tandem Interviewing in Qualitative Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 53–76. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1986>. (In Russ.)

«ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН» ИЛИ «ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ»? ТАНДЕМНЫЕ ИНТЕРВЬЮ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

TANDEM INTERVIEWING IN QUALITATIVE RESEARCH

БАГИНА Яна Александровна — аспирантка Аспирантской школы по социологическим наукам, стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории социальных исследований города, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: yana.bagina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4376-9288>

Yana A. BAGINA¹ — Ph.D. Student, Doctoral School of Sociology; Research Assistant, Laboratory of Urban Sociology
E-MAIL: yana.bagina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4376-9288>

ГОВОРОВА Анастасия Дмитриевна — стажер-исследователь Научно-учебной лаборатории социальных исследований города, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший лаборант с высшим образованием сектора исследования социальных изменений качественными методами, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: agovorova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6411-2202>

Anastasia D. GOVOROVA^{1,2} — Research Assistant, Laboratory of Urban Sociology; Senior Laboratory Assistant with a Higher Education, Sector for the Study of Social Change by Qualitative Methods
E-MAIL: agovorova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6411-2202>

НАРЬЯН Светлана Кареновна — аспирантка Аспирантской школы по социологическим наукам, стажер-исследователь, Департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: svknaryan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5985-6864>

Svetlana K. NARYAN¹ — Ph.D. Student, Doctoral School of Sociology; Research Assistant, Department of Sociology
E-MAIL: svknaryan@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-5985-6864>

Аннотация. В статье рассматривается, как присутствие второго интервьюера меняет качественное интервью: какие ресурсы дает работа в паре и какие проблемы она вызывает. Интервью в паре мы называем тандемным, опи-

Abstract. The article examines how the presence of a second interviewer changes a qualitative interview. The authors call an interview done by two interviewers «tandem» following a few pieces of literature that reflect on the joint work of two interviewers.

раясь на немногочисленные работы, в которых предпринимались попытки отрефлексировать совместную работу двух интервьюеров как специфичную ситуацию.

Мы рассматриваем тандемные интервью как разновидность качественного интервью и групповой исследовательской работы в целом. С ними связано множество исследовательских практик, многообразие которых мы упорядочиваем по следующим параметрам: целенаправленность проведения интервью вдвоем, планирование тандемов, постоянство пар интервьюеров.

Статья основана на 23 полуструктурированных интервью с социальными и гуманитарными исследователями, практикующими интервью в тандеме. Большую часть интервью мы намеренно проводили в парах, чтобы отрефлексировать собственный опыт тандемной работы, поэтому в качестве дополнительного источника данных использовались 32 дневника членов нашей исследовательской группы.

Анализируя тандемные интервью через призму ресурсов и проблем, мы пытаемся создать относительно цельную картину этой исследовательской практики. Работу в тандеме можно считать ресурсом, поскольку она дает возможность разделить работу и привлечь к ней не-исследователей; привносит разнообразие благодаря разным характеристикам интервьюеров; способствует большему эмоциональному комфорту; создает условия для совместных обсуждений и анализа данных; позволяет обучать менее опытных исследователей.

The authors regard tandem interviews as a type of qualitative interview and group research in general. Within this study, research practices associated with this mode of interviewing are ordered according to the following parameters: purposefulness of conducting interviews together, planning tandems, consistency of pairs of interviewers.

The study is based on 23 semi-structured interviews with social and humanitarian researchers who conduct tandem interviews. In order to reflect on our own experience of tandem work, we conducted most of the interviews in pairs. Consequently, 32 diaries of our research team members were used as an additional data source.

By analyzing tandem interviews through the lens of resources and problems, the authors try to create a coherent picture of this research practice. Tandem work can be considered a resource because it provides an opportunity to divide work and attract non-researchers to it; brings variety due to the different characteristics of interviewers; promotes greater emotional comfort; creates conditions for joint discussions and data analysis; allows less experienced researchers to be trained.

At the same time, working in tandem implies a number of problems associated with the interaction of interviewers with each other and with the informant. These difficulties include communication breakdowns, disagreements due to crucial differences between interviewers; an informant or a colleague negatively reacting to one of the interviewers; distrust; shallow data; undesirability for studying certain groups; confidentiality and cop-

В то же время работа в тандеме имеет ряд проблем, связанных со взаимодействием интервьюеров между собой и с информантом: коммуникативные сбои; разногласия в связи с различиями интервьюеров; негативную реакцию на одного из интервьюеров со стороны коллеги или информанта; препятствия для установления доверительных отношений; меньшую содержательность интервью; нежелательность для изучения определенных групп; актуализацию вопросов конфиденциальности данных и авторских прав. Отдельно мы выделяем организационные сложности — координацию действий в поле, временные и финансовые затраты.

Ключевые слова: тандемные интервью, интервью в паре, качественные интервью, полевая работа, методология социологических исследований

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Мы благодарим исследователей, которые поделились с нами своим опытом проведения интервью в тандемах. Мы также благодарны нашим коллегам по проекту Нине Глазковой и Михаилу Дееву за совместную работу по сбору данных.

Введение

В качественных исследованиях, в которых используется метод интервью, по умолчанию предполагается, что оно проводится одним интервьюером [Квале, 2003]. Однако исследовательская практика показывает, что нередки случаи работы интервьюеров в паре или, иначе, в тандеме. Одни из первых упоминаний «тандемных интервью» можно найти в работах социологов Г. Кинкейда и М. Брайта [Kincaid, Bright, 1957a; 1957b]. Следующая волна упоминаний относится уже

right issues. Separately, we highlight organizational difficulties, such as coordination of actions in the field, time and financial costs.

Keywords: tandem interviews, interview in pair, qualitative interview, field work, methodology of sociological research

Acknowledgments. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University.

The authors are grateful to all the researchers who shared their experiences of tandem interviews. We would also like to thank our colleagues Nina Glazkova and Mikhail Deev for their contribution to data collection.

к 1970—1980-м годам [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984; Braithwaite, 1985; Seidler, Meyer, Gillivray, 1976; Skipper, McCaghy, 1972]. В наши дни тандемные интервью зачастую рассматриваются не в контексте социальных исследований, а в качестве практики, применяемой в правоохранительных органах (investigative interview) [Driskell, 2013; Driskell, Blickensderfer, Salas, 2013; Driskell, Salas, 2015]. Примечательно, что российских социологов тоже интересуют особенности интервью в тандемах — как в качественных [Ваньке, 2013; Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020; Полухина, 2017; Турчик, 2010], так и в количественных исследованиях [Рогозин, 2017]. Кроме того, некоторые авторы рассуждают о полевой работе в паре, где она описывается без использования специфических терминов [Бредникова, 2009], встречаются и отдельные ее упоминания в литературе о качественных методах [Штейнберг и др., 2009]. Таким образом, рефлексия относительно тандемных интервью, или интервью в паре, носит спорадический характер — едва ли можно сказать, что вокруг них сложилась полноценная дискуссия.

Тем не менее исследователи предпринимают попытки показать, как присутствие второго интервьюера влияет на ситуацию интервью. Их выводы за редким исключением основаны на собственном опыте и относятся скорее к преимуществам тандемов, нежели к их недостаткам. Учитывая фрагментарность обсуждений, мы полагаем, что необходимо более целостное представление о тандемах¹ как разновидности качественных интервью. В этой статье мы ставим вопрос о том, как присутствие второго интервьюера меняет работу исследователей: в каком случае оно становится ресурсом, давая преимущества по сравнению с интервью один на один, а в каком — проблемой, создавая дополнительные трудности. В своих выводах мы опираемся на данные полуструктурированных интервью с российскими исследователями, практикующими интервью в тандемах, и собственные исследовательские дневники.

Интервью в тандеме: обзор исследовательского опыта

Тандемные интервью нельзя назвать методологически разработанной темой. Их «невидимость» в литературе и отсутствие отдельных исследований на эту тему связаны, возможно, с непризнанием «подобного характера коммуникации как „особенного“, отличного от коммуникации один на один» [Турчик, 2010: 107]. Подтверждение тому — отсутствие общепринятого названия для интервью с двумя интервьюерами. Кроме того, есть разные варианты их определения — как метода, техники, формата или формы интервью. Несмотря на отсутствие устоявшегося языка описания, исследователи все же предпринимают попытки отразить собственный опыт использования тандемов, что позволяет делать некоторые предположения об их специфике.

Прежде всего, авторы обращают внимание на различие ролей, которые играют интервьюеры. Наиболее распространенное деление — на активную/первую и пассивную/вторую роли [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984; Driskell, 2013]. Например, разделение ролей может быть таким: один из интервьюеров задает вопросы и делает краткие заметки, а второй делает записи, наблюдает за ходом интервью,

¹ В этой статье мы будем использовать понятие «тандемы» в качестве сокращения названия «тандемные интервью». Оно также может быть использовано для описания парной работы в поле в целом.

задает дополнительные вопросы или следит за технической составляющей интервью (диктофон, камера). При этом в литературе, как правило, не рассматриваются примеры интервью с относительно равным участием интервьюеров, где они почти одинаково вовлечены в общение с информантами. Деление на роли не всегда носит фиксированный характер — в некоторых ситуациях роли могут меняться в ходе как одного интервью, так и в разных интервью.

Присутствие второго интервьюера влияет на ход разговора и характер получаемых данных. Второй исследователь может задать больше дополнительных вопросов, заполнить пробелы в рассказе информанта и указать на несоответствия, устранить недопонимания [Driskell, Salas, 2015; Kincaid, Bright, 1957b]. Тандемы избавляют исследователей от некоторых недостатков интервью один на один, например, ситуативной невозможности сменить тему разговора: при работе в команде второй интервьюер вовремя перехватывает инициативу и задает беседе новое направление [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984]. Присутствие двух интервьюеров также может исправить ситуацию, когда информант негативно реагирует на одного из них по каким-либо причинам, например, связанным с классовыми, гендерными, этническими характеристиками [Kincaid, Bright, 1957b]. Кроме того, использование тандемов может быть полезным в ситуациях, когда интервью сопровождается действием каких-либо отвлекающих факторов [Skipper, McCaghy, 1972]. Обсуждение совместно проведенных интервью помогает исследователям обнаруживать разные трактовки ситуации, способствует разработке гипотез, устанавливает связь между полевой и теоретической работой [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984; Kincaid, Bright, 1957a]. Исследовательские тандемы, таким образом, меняют ситуацию интервью и полевую работу в целом в сторону большего разнообразия.

Исследователи в гораздо большей степени говорят о преимуществах тандемных интервью, чем об их недостатках. Однако есть ряд проблем и неоднозначных ситуаций, которые показывают, что тандемы должны использоваться рефлексивно. В частности, второй интервьюер может не только поддержать коммуникацию, но и нарушить ее, например, когда оба интервьюера одновременно задают разные вопросы. В то же время именно такие сбои — перебивания, наложения и пр. — приближают интервью к привычной обыденной беседе, снижают степень формальности, что может делать ситуацию интервью более «нормальной» для информанта [Турчик, 2010; Braithwaite, 1985]. Один из самых спорных моментов — использование тандемов в исследованиях, посвященных сенситивным и табуированным темам. Некоторые исследователи полагают, что тандемные интервью способствуют более свободному разговору на сенситивные темы, поскольку обсуждение в компании двух людей может делать их более легитимными [Braithwaite, 1985; Kincaid, Bright, 1957b]. Другие же считают, что второй интервьюер может мешать достижению взаимопонимания. Каждый из трех собеседников выступает посредником между двумя другими, что усиливает напряженность и беспокойство [Driskell, Blickensderfer, Salas, 2013]. Другая проблема, связанная с тандемными интервью, — их стоимость [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984]. При одинаковом количестве временных и финансовых ресурсов интервьюеры, работающие в команде, могут охватить меньшую выборку, чем если бы они работали по одному. Однако

меньшее количество интервью, взятое двумя исследователями, может быть лучше с содержательной точки зрения: полученные данные будут более полными, а их последующее обсуждение сделает интерпретацию более однозначной и насыщенной [Kincaid, Bright, 1957b].

Представляется, что описанный в литературе опыт применения тандемов фрагментарен и не позволяет сформировать комплексное представление об этой разновидности интервью. Чтобы заполнить этот пробел, мы предлагаем рассмотреть совместную работу интервьюеров как ресурс, дающий исследователям ряд ценных возможностей, и как проблему, вызывающую ряд сложностей, на которые нужно тем или иным образом реагировать. Рассмотрение тандемных интервью с точки зрения ресурсов и проблем позволит исследователям более рефлексивно подходить к выбору метода сбора данных, планированию полевой работы и оценке полученных данных.

Методы исследования

Статья основана на 23 полуструктурированных интервью с социальными и гуманитарными исследователями, практикующими интервью в тандеме. Интервью длились от 37 и до 119 минут (в среднем 73 минуты). Все они за исключением двух были проведены онлайн. Гайд интервью содержал разделы, посвященные профессиональному опыту исследователя, его/ее знакомству с интервью в тандеме и дальнейшему опыту их проведения, степени планирования тандемной работы, особенностям взаимодействия с информантами и с коллегами. Мы также просили рассказать о методологических особенностях совместной работы по сравнению с работой в одиночку и спрашивали об отношении исследователей к этой разновидности интервью в целом.

Все информанты занимают научные должности в университетах и/или работают в других исследовательских организациях. Из них 15 имеют степень кандидатов наук, 2 — докторов наук и 6 не имеют научной степени. Географически наш проект охватил исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга. Среди участников исследования были те, кто: специализируется на качественной методологии; имеет публикации на тему тандемных интервью; участвует в командных исследованиях, предполагающих совместную полевую работу; организует студенческие экспедиции; преподает качественные методы исследований в университетах. Некоторые из участников нашего исследования работали в тандемах вместе. Мы старались охватить исследователей, имеющих разное отношение к тандемным интервью и разную степень методологической рефлексии относительно них. Для соблюдения конфиденциальности мы не указываем информацию об участниках исследования при цитировании интервью.

В качестве дополнительного источника данных мы использовали дневники нашей исследовательской группы, состоящей из пяти человек. Большую часть интервью, 16 из 23, мы намеренно проводили в парах, чтобы отрефлексировать собственный опыт тандемной работы. Материалом для анализа стали 32 дневника. Наш опыт отличен от описанного в литературе и большинстве интервью в одном немаловажном аспекте — 15 из 16 тандемных интервью мы провели онлайн. У онлайн-формата есть собственная специфика, связанная с техническими воз-

возможностями и ограничениями. Но ключевые характеристики тандемов, как мы считаем, мало зависят от формата — они в большей степени связаны с тем, что интервьюеров двое. Именно поэтому в дальнейшем анализе мы не разделяем онлайн- и офлайн-интервью.

Использование тандемных интервью: описание практики

Для создания комплексного представления о тандемных интервью необходимо зафиксировать ряд идей, которые позволят лучше понять, какое место они занимают в исследовательской практике: как они соотносятся с другими методами, как к ним относятся исследователи, какое разнообразие есть внутри этой разновидности интервью.

Прежде всего мы рассматриваем тандемные интервью как **разновидность качественного интервью (1) и групповой исследовательской работы в целом (2)**. В первом случае они противопоставляются интервью, проведенному одним исследователем. Во втором — встают в ряд с другими исследовательскими практиками, подразумевающими участие двух и более человек, например, методами сбора данных (наблюдение, опрос и т. д.) [Бредникова, 2009; Рогозин, 2017] или их коллективным анализом [Штейнберг и др., 2009]. Соответственно, тандемом можно называть гораздо большее количество практик, чем мы рассматриваем в этой статье. Здесь мы охватываем не только непосредственное общение с информантами, но и организацию интервью и рекрут, наблюдение в месте исследования, обсуждения после интервью и анализ данных.

Среди современных российских исследователей тандемные интервью существуют на уровне исследовательской практики, но **мало присутствуют на дискурсивном уровне**. Этот вывод поддерживает идеи, которые зарубежные авторы высказывали еще в 1950-х годах [Kincaid, Bright, 1957b]. Зачастую исследователи не воспринимают тандемы как особую разновидность интервью, даже несмотря на то, что сами имеют большой опыт работы в парах и рефлексии относительно нее. Некоторые участники исследования признавались, что до момента нашего разговора они не задумывались о том, что у подобных интервью может быть свое название. В отдельных случаях совместная работа даже не становилась предметом методологического обсуждения с коллегами. Отсутствие рефлексии и языка описания можно считать упущением, поскольку большой пласт ценного исследовательского опыта оказывается неартикулированным.

Тандемные интервью включают в себя широкий спектр исследовательских практик, отличающихся по ряду параметров. Наиболее заметными из них мы считаем: **целенаправленность, планирование тандемов, постоянство пар**. Тандемы могут быть стратегией: исследователи целенаправленно объединяются в пары, поскольку совместная работа видится ими как ресурс, дающий преимущества. В то же время возможны случаи, когда интервью в паре происходит спонтанно, с минимальной рефлексией о целях объединения в пару. Другой параметр — степень планирования тандемов. Высокая степень предполагает распределение ролей (кто и чем занимается) или даже разработку вербальных и невербальных сигналов для коммуникации интервьюеров между собой (например, как дать понять, что хочешь задавать вопрос). В других ситуациях взаимодействие

во время интервью лишь схематично обсуждается заранее или не обсуждается совсем, действия координируются непосредственно в процессе полевой работы. Целенаправленность и планирование — характеристики, не свойственные исключительно тандемным интервью. Однако их можно считать индикатором того, насколько рефлексивно исследователи подходят к тандемной работе и насколько она регламентирована. Постоянство пар интервьюеров — параметр, более специфичный для тандемной работы. Исследователи могут объединяться только для одного проекта, периодически встречаться в разных исследованиях или регулярно работать вместе. Этот параметр важен, поскольку складывающиеся между исследователями отношения потенциально влияют на ситуацию интервью и на подход коллег к организации совместной работы.

Практика тандемных интервью, как и интервью в целом, довольно разнообразна. Для упорядочения этой вариативности мы предлагаем использовать категории «ресурсы» и «проблемы».

Тандемная работа как ресурс

Описывая работу в тандеме как ресурс, мы подразумеваем, что присутствие двух интервьюеров позволяет разделять работу до, во время и после интервью между коллегами; сделать разговор более гибким; обсуждать интервью сразу по его завершении, а также лучше совместно анализировать и интерпретировать полученные данные. При рефлексивном использовании у тандемных интервью есть потенциал для создания условий, при которых у исследователей появляется возможность снизить индивидуальную нагрузку, установить лучший контакт с информантом, получить более разнообразные данные и сделать ситуацию интервью более эмоционально комфортной как для информанта, так и для обоих интервьюеров.

Разделение работы

Разделение работы — главный ресурс работы в тандеме. Коллеги по тандему могут распределить между собой объем работы и выполняемые функции, что помогает снизить индивидуальную нагрузку на каждого интервьюера и разнообразить получаемые данные. Наиболее известное в литературе по тандемам разделение — на активную роль (главного интервьюера) и пассивную (наблюдателя, периодически задающего вопросы). Однако исследовательская практика показывает, что этим разделение работы не ограничивается. В частности, интервьюеры разделяют тематические блоки вопросов, исходя из своих исследовательских интересов и экспертизы в теме. Коллеги по тандему также могут договариваться о характере включения в беседу каждого из них — когнитивном и эмоциональном [Ezzy, 2010]. Для одного исследователя нагрузка может оказаться слишком большой: «Ты отвлекаешься все время и как-то пытаешься сохранить эмоциональное состояние информанта и забываешь, о чем ты уже спросил» (инт. 19). В рамках предварительного или ситуативного разделения работы один из интервьюеров может взять на себя функцию контроля. Тогда он следит за тем, чтобы все нужные вопросы были заданы, а главные темы — охвачены, задает уточняющие вопросы [Kincaid, Bright, 1957b]. Это может сделать ситуацию интервью более комфорт-

ной для основного интервьюера: «<...> безопаснее и за собственное поведение, и за то, что что-то забыл, не сказал, не спросил» (инт. 11).

Помимо разделения работы в ходе интервью интервьюеры могут распределять подготовительную работу, исходя из своих интересов, областей экспертизы, планируемых ролей. Такое возможно также в случае тандема исследователя и не-исследователя: «Они нас натаскивали <...> на разговор о том, что такое [тема исследования]. <...> А мы их натаскивали на то, как быть интервьюером» (инт. 4). В рамках разделения подготовительной работы кто-то из интервьюеров может взять на себя работу по организации поля, транспортных перемещений.

Перечисленные выше способы разделения работы могут помочь интервьюерам **бороться с усталостью и выгоранием**, что является преимуществом в рамках отдельного интервью и всего исследования [Штейнберг и др., 2009; Полухина, 2017; Штейнберг, 2008]. Усталость ведущего интервьюера может привести к плохому контакту с информантом и даже к невозможности получить данные, в этой ситуации может быть полезно присутствие коллеги:

Один интервьюер уже выдохся и не может уже эти вопросы задавать, потому что на них уже начинает идти отказ один за другим. Второй подключался, и тут же с другой тональностью, другими примерами, и получалось вывести информанта на более открытый, продуктивный разговор. (Инт. 8)

Разделение работы между коллегами по тандему крайне актуально в случае **сложных ситуаций интервью**, например, когда присутствуют отвлекающие факторы [Skipper, McCaghy, 1972] или опрашивается сразу несколько информантов. Последнее может встретиться в этнографических или экспедиционных исследованиях, когда интервью разделяется на несколько индивидуальных:

[Информанты] такие энергичные, активные, им хочется и то, и другое показать и рассказать. И иногда было, что они <...> разбегаются <...>. И мы разошлись по разным местам. (Инт. 14)

Участие в интервью неисследователей

Говоря об интервьюерах в тандеме, мы чаще всего имеем в виду двух исследователей. Однако интервью в паре позволяет привлекать к работе неисследователей в роли, например, проводника в поле, переводчика, эксперта, технического помощника и т. д.

Переводчик [Resch, Enzenhofer, 2018] может значительно повлиять на коммуникацию с информантом: «На самом-то деле [переводчица], как я потом вот переслушивал, гораздо, что ли, тоньше задавала вопросы, чем я это видел» (инт. 3). Проводник в поле в роли второго интервьюера делает ситуацию интервью более комфортной для информантов, сглаживает углы в коммуникации исследователя и информанта, а также помогает исследователям понять контекст поля: «[Проводник] как клей в этой ситуации выступает...» (инт. 2). В случае тандема исследователя и эксперта в исследуемой теме и «наивность» первого интервьюера, и «экспертность» второго становятся ресурсом, позволяющим получить более

объемные и разнообразные данные. Технический помощник может избавить ведущего интервьюера от необходимости включать аудио- и видеозапись, контролировать заполнение сопутствующих документов (информированного согласия, договора о неразглашении и т. д.), а также дополнительных материалов, таких как ментальные карты, рисунки и т. д. [Полухина, 2017]. Это особенно актуально в случае большого количества используемой техники или материалов. Он также может записывать разговор в случае невозможности вести диктофонную запись.

Роль переводчика, проводника, технического помощника, эксперта и т. д. при наличии соответствующих навыков может взять на себя исследователь, однако в некоторых ситуациях возможность привлечения к сбору данных неисследователей оказывается очень ценной.

Характеристики интервьюеров

В тандемных интервью важнейшим ресурсом становятся **характеристики интервьюеров** [Kincaid, Bright, 1957b]. Воспринимаемые гендер, возраст, этничность, социо-экономический статус и т. д. могут помочь установить лучший контакт с информантом и получить более разнообразную информацию. Например, в случае тандема мужчины и женщины общение информанта с человеком с маскулинной презентацией может быть более жестким — «Он меня как, значит, котенка за шкирку возил по столу», в то время как феминная презентация может позволить установить лучший контакт: «Вот она этим воспользовалась и перевела его на себя. <...> Я мог как-то выдохнуть, посмотреть на эту ситуацию со стороны» (инт. 4).

Важной в ситуации тандемного интервью также может оказаться вариативность личных качеств интервьюеров, их интересов, исследовательского и жизненного опыта [Штейнберг и др., 2009]. Если для ведущего интервьюера коммуникация с информантом становится проблематичной, то ситуация тандемного интервью позволяет второму интервьюеру попытаться изменить ход разговора. Разница в воспринимаемых характеристиках, опыте или стиле интервьюирования позволяет интервьюерам чинить коммуникацию с информантом в случае ее поломки, а также дает возможность посмотреть на одни и те же данные с разных сторон. К тому же если интервьюеры — два человека с разным бэкграундом, повышаются шансы, что опыт кого-то из них будет схож с опытом информанта, что способствует лучшему пониманию ситуации. При этом само тандемное интервью как метод может быть важным ресурсом для коллег с разными исследовательскими интересами: если информант уникальный, интересный с разных точек зрения, то можно пойти к нему вдвоем и получить информацию, полезную для обоих интервьюеров.

Эмоциональная сторона тандемных интервью

Эмоции — ценный инструмент для понимания того, как устроен исследовательский процесс, как производится знание [Гудова, 2019; Hubbard, Backett-Milburn, Kemmer, 2001]. Исследователи продельывают большую эмоциональную работу в процессе интервью и полевой работы в целом. В тандемах у них есть возможность компенсировать некоторые эмоциональные издержки — работая в паре, они чувствуют больший **эмоциональный комфорт**. Разделение работы и ответственности создает ощущение уверенности, чувство плеча, снижает тревогу. Это

ярко проявляется, например, при входе в новое поле: *«Ходить парой, вдвоем — это снятие каких-то личных фобий, беспокойств и неудобства, дискомфорта, что ты один, чужак в новом для себя пространстве»* (инт. 19).

Аналогичные ощущения исследователи отмечали при интервьюировании высокостатусных информантов. Работа в тандеме сглаживает чувство неравенства, поэтому *«заходить в кабинеты»* вместе спокойнее. Подобный эмоциональный эффект от работы в паре становится сильнее, когда интервьюеры хорошо знакомы друг с другом и/или являются частью устойчивого (повторяющегося) тандема. После интервью, проведенного вдвоем, у коллег также есть возможность проговорить свои чувства и мысли, благодаря чему исследователь не остается с только что проведенным интервью один на один. Более того, опыт интервью со стороны интервьюеров, которые брали его вместе, оказывается разделенным, пережитым совместно. В случае, если два исследователя не знакомы или плохо знают друг друга, совместно проведенное в начале проекта интервью позволяет обоим убедиться в компетентности коллеги, установить профессиональное доверие. В результате оба исследователя могут чувствовать себя эмоционально комфортнее в отношении дальнейших интервью, которые коллега будет брать в одиночку.

Большой комфорт для интервьюеров во время тандемных интервью, по сравнению с индивидуальными, может быть связан с опасениями по поводу личной безопасности [Бредникова, 2009; Полухина, 2017]. Поход на интервью вдвоем воспринимается исследователями как более безопасный, чем ситуация интервью один на один. Так происходит, например, когда необходимо пойти к информанту домой, если по каким-то причинам у исследователей есть представление о потенциальной небезопасности информантов, например, в случае исследования футбольных фанатов, или поля, например, в случае исследования митингов. Это также может случиться, если интервьюеры плохо знакомы с полем, а также когда исследователи пока не обладают большим опытом полевой работы и находятся в учебной ситуации, такой как студенческий проект или учебная экспедиция:

И это тоже, ну, там старые дома с непонятными людьми. Вот, и это тоже означало вопрос безопасности, да. Поэтому тандемная работа была важной частью нашего обучения. (Инт. 16)

Ситуация тандемного интервью воспринимается некоторыми исследователями и информантами как более естественная и похожая на повседневную беседу [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984; Турчик, 2010], что делает ее более эмоционально комфортной. Это происходит благодаря тому, что ведущий интервьюер может поддерживать разговор в том направлении, в котором он «естественно» развивается, так как задача контроля за охватом тем гайда лежит на втором интервьюере [Wroblewski, Leitner, 2009]. Кроме того, два эмпатически слушающих интервьюера показывают информанту интерес к его или ее словам и легитимизируют ситуацию:

Когда тебе кивают двое человек, мне кажется — это круто. <...> Это такая хорошая поддержка, когда ты понимаешь, что твоя история интересна не только одному человеку, но и интересна многим. (Инт. 16)

Совместная рефлексия и анализ

Работа исследователей в паре дает **возможность обсудить интервью** сразу после его завершения. Подобные разговоры позволяют обмениваться мнениями после интервью, обсудить его методические и смысловые аспекты, предложить первые идеи по интерпретации данных, а также при необходимости оказать друг другу психологическую поддержку:

Иногда что-то идет не так, иногда ты просто устаешь. И вот сказать друг другу: «Слушай, мы молодцы. Мы хорошо поработали», или «Что-то сегодня пошло не так, информант какой-то сложный попался, так бывает, ничего страшного», или «Слушай, вот тут мы как-то накосячили, не так вопрос задавали, давай в следующий раз не будем так делать». (Инт. 16)

Тандемные интервью также позволяют проанализировать не только полученные данные, но и ход интервью и факторы, повлиявшие на него.

Важным этапом работы в тандеме является не только общий сбор данных, но и совместная работа над их **интерпретацией и анализом**. В таком случае тандемные интервью позволяют обеспечить триангуляцию, соотнести интерпретации разных интервьюеров между собой: *«Мы можем взглянуть под разными точками зрения. И вот это очень важно, потому что это контроль над субъективностью исследователя»* (инт. 9). К тому же при совместном анализе данных у интервьюеров есть возможность обсудить свои взгляды на методологические аспекты прошедшего интервью, зафиксировать разницу в воспринимаемой фактической информации [Kincaid, Bright, 1957b], а также более объемно и критически подойти к интерпретации полученных данных.

Работа в тандеме как обучающая практика

Тандемные интервью используются для **обучения исследовательским навыкам**, поэтому между интервьюерами с разным уровнем профессиональной подготовки может существовать договоренность о том, что более опытный коллега после интервью укажет менее опытному на положительные и отрицательные стороны интервью, возможные содержательные и методические ошибки [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984]. В исследовательской литературе встречается мнение, что тандемная работа двух интервьюеров с небольшим опытом не приносит значительных выгод, за исключением улучшения качества записей [Kincaid, Bright, 1957b], однако наши информанты утверждают, что в случае использования тандемных интервью как педагогической практики, например, в случае студенческих, дебютных работ такие тандемы могут быть более эмоционально комфортными для интервьюеров:

Можно сходить вдвоем, и тогда вы чувствуете просто моральную поддержку. То есть информант, как правило, <...>, когда речь идет о первом студенческом проекте, <...> оказывается человеком более уверенным в том, что происходит. Его как раз не беспокоит, сколько народу перед ним. А вот студентов это беспокоит. (Инт. 7)

Проблемы работы в тандеме

Работа в тандеме открывает для исследователей не только дополнительные ресурсы, но и дополнительные проблемы — трудности, которые возникают вследствие появления второго интервьюера. Это могут быть проблемы во взаимодействии между коллегами, связанные с согласованием действий на этапе подготовки к интервью; коммуникативными сбоями и конфликтами во время полевой работы; разногласиями на этапе анализа данных и представления результатов исследования. Другая группа проблем концентрируется вокруг взаимодействия с информантами — например, установления раппорта и возможности исследования определенных социальных групп. Организационные сложности также являются важной частью применения тандемных интервью. Далее подробнее рассмотрим все эти проблемы, которые могут повлиять на успешность взаимодействия в рамках интервью и командной работы в целом, а также качество полученных данных.

Взаимодействие с коллегой по тандему

Ситуация тандемного интервью значительно отличается от индивидуального интервью, поскольку с увеличением количества участников усложняется коммуникация между ними. Успешность интервью в этом случае зависит не только от взаимодействия интервьюера(ов) с информантом, но и от взаимодействия между коллегами по тандему, которое может быть в той или иной степени проблематичным, в особенности при сотрудничестве с новыми людьми. В этом случае могут возникать **коммуникативные сбои**, связанные с отсутствием устойчивых схем взаимодействия и слаженности, которая вырабатывается при постоянной тандемной работе с одним и тем же коллегой. К тому же работа в тандеме связана с **дополнительной когнитивной нагрузкой**, поскольку требует ориентации на двух собеседников — внимания как к информанту, так и к коллеге.

Различия в стилях мышления, ведения интервью, методологических основаниях, которых придерживаются интервьюеры, могут стать серьезными препятствиями для их успешного взаимодействия: появление второго исследователя может требовать изменения стратегий поведения, сложившихся в ходе индивидуального опыта работы, вследствие необходимости сочетать разные стили интервьюирования. Однако даже при схожести взглядов в ходе совместной работы они зачастую вынуждены ограничивать себя — особенно в роли второго интервьюера, — подавляя свои исследовательские интересы и взгляды, если их вопросы могут, например, вызвать непонимание информанта или негативную реакцию коллеги на «вмешательство» в интервью: *«Я не обо всем могу спросить так, как я хочу, потому что уже что-то спросили в похожем виде»* (инт. 8).

Конфликт целей интервьюеров, связанный с удовлетворением разных исследовательских интересов, может стать источником двух проблем. Во-первых, в этом случае велика вероятность, что интервью приобретет формат «перетягивания каната», когда исследователи поочередно «тянут» информантов в разные стороны. Во-вторых, участие исследователей с разными целями может влиять на их вовлеченность в интервью: *«Сидишь и думаешь: „Ну поскорее бы это закончилось“»* (инт. 5).

Однако **невовлеченность** (низкая степень включенности в интервью), которая более характерна для интервьюера-помощника, может быть связана не только с отсутствием интереса к обсуждаемой теме. Она может возникать, например, из-за поведения основного интервьюера, который *«забивает весь эфир собой»* (инт. 1); индивидуальных характеристик второго интервьюера (плохого знания языка, на котором ведется интервью, меньшей степени знакомства с информантом и пр.); ощущения собственной незначимости в интервью, поскольку коллега играет ведущую роль. Невовлеченность может отражаться на субъективных ощущениях интервьюера и иметь внешние проявления. Например, интервьюер может демонстрировать отсутствие интереса к информанту и разговору, задавая уже заданные вопросы или физически отдаляясь от собеседников. Такое поведение может снижать качество полученных данных и иметь серьезные последствия с точки зрения взаимодействия с информантами, вплоть до срыва интервью или закрытия поля для исследований. К тому же в случае невовлеченности одного из интервьюеров использование тандема не имеет смысла: его преимущества нивелируются, в то время как издержки остаются. Таким образом, по мнению некоторых информантов, для успешного протекания интервью необходимо, *«чтобы не было ощущения какой-то подчиненности, второстепенности»* (инт. 19).

Такие ощущения — один из множества примеров **отрицательных эмоций**, возникающих у интервьюеров в ходе совместной работы, связанных с поведением коллеги по тандему и распределением ролей в конкретном интервью. Активная роль может сопровождаться раздражением: дополнительные вопросы со стороны второго интервьюера могут восприниматься как нарушающие логику интервью. Также основной интервьюер может чувствовать дискомфорт из-за воспринимаемого внешнего контроля — оценки своей работы со стороны коллеги. Однако, как правило, роль помощника связана с большим спектром негативных эмоций. Они могут исходить из негативной оценки поведения коллеги — вопросов «невыпазд», неудачных исследовательских ходов и пр., — а также ощущения недостатка свободы и контроля над ситуацией интервью. При этом нередко поведение коллеги в роли ведущего сравнивается со своим поведением в аналогичной гипотетической ситуации.

В случае необходимости исправить ситуацию может возникнуть **конфликт между нормами взаимодействия и интересами интервью**. Видя, что в поведении основного интервьюера есть какие-то проблемы или разговор движется не в том направлении, помощник может более активно включиться в интервью. Однако зачастую второй интервьюер не предпринимает попыток изменить ход событий, поскольку старается *«профессионально держаться»* и соблюдать *«этику взаимодействия»*, а также испытывает чувство неловкости, связанное с необходимостью прервать коллегу и помешать его планам, нарушить установленные договоренности². В такой ситуации становится актуальной дилемма: сохранить отношения с коллегой, с которым предстоит работать в дальнейшем, или «спасти» интервью. Хотя решение «закрыть глаза» на недостатки поведения коллеги в процессе интервью может быть

² Это может препятствовать включению второго интервьюера в интервью и в обычной, некритической ситуации, в результате чего он может сократить свое участие до минимума, тем самым снизив положительный эффект от работы в тандеме.

способом достичь обеих целей, потому что «спасение интервью» с точки зрения целей исследования может ухудшить взаимодействие с информантом:

Худшее, что может случиться — это ваш информант поймет, что вы раздражены на своего напарника. Вы начнете его перебивать, затыкать или закатывать глаза посреди его реплики. (Инт. 5)

В большинстве случаев проблемы в поведении коллеги остаются непроговоренными ни во время, ни после интервью в связи с нежеланием испортить отношения, которое особенно важно при наличии между интервьюерами дружеских или иерархических отношений. Напротив, может происходить эмоциональная работа по «сглаживанию углов». В то же время, даже если между коллегами нет никаких дружеских и пр. отношений, негативные моменты взаимодействия могут не проговариваться из-за ощущения бессмысленности этого процесса: «*Взрослый человек, чего я буду переубеждать?*» (инт. 15), — но при этом сотрудничество в дальнейшем может прекратиться.

Работа в тандеме и связанные с ней проблемы не заканчиваются на этапе сбора данных: их интерпретация, анализ и дальнейшее представление результатов могут вызывать **разногласия относительно авторских прав**. Если по поводу собранных данных такой вопрос, как правило, не стоит (совместно собранные данные принадлежат обоим коллегам), то по поводу «*авторства идей*» исследователи могут быть не так единодушны.

«*Множественность исследователя на этапе сбора данных может в итоге привести и к множественности точек зрения по анализу и по предоставлению результатов*» (инт. 8), — и в этом случае проблема с авторскими правами решается проще, поскольку участники тандема могут отдельно друг от друга работать над совместно собранными данными и в разном виде представлять полученные результаты. Однако в случае совместной аналитической и интерпретационной работы могут возникнуть «*конфликт в продуктах*» и противоречие «*кому первому пришла эта идея в голову, кто первый это застолбил, кто главнее*» (инт. 8).

Взаимодействие с информантом

Как уже было показано, слаженность работы участников тандема во многом определяет успешность взаимодействия с информантом. С точки зрения участников исследования, интервьюеры не должны выносить напоказ свои противоречия³. Но взаимодействие информанта с каждым из интервьюеров, которое может складываться по-разному, также порой выступает источником проблем.

Например, могут проявляться **ограничения, связанные с реакцией информантов на одного из интервьюеров**, — на возраст, гендер, статус, специализацию, внешний вид и т. д. Все это потенциально оказывает негативное влияние на установление доверия с информантами и их открытость, готовность говорить на некоторые темы:

³ Хотя в некоторых случаях это, напротив, используется как целенаправленная стратегия: интервьюеры могут высказывать противоположные позиции, ожидая получить реакцию информанта и тем самым его собственное мнение о проблеме [Bechhofer et al., 1984].

Мы с ним [информантом] одного возраста. А рядом со мной студент. Конечно, он будет, во-первых, выражения выбирать, во-вторых, может в какие-то области — сфера личной интимной жизни — он не будет погружаться. (Инт. 10)

Подобные дополнительные **препятствия для возникновения доверительных отношений** с информантом могут быть критичными, поскольку уже само присутствие двух интервьюеров вместо одного, как показывают наши интервью с экспертами и анализ литературы [Driskell, Blickensderfer, Salas, 2013; Driskell, Salas, 2015], негативно сказывается на установлении раппорта. Большинство исследователей сходятся на том, что интервью один на один — это «более доверительная беседа» (инт. 6). В то же время тандемное интервью рассматривается как «перекрестный допрос», который ограничивает открытость информанта по отношению к интервьюеру и даже вызывает страх; когда приходит несколько незнакомых людей, «это может настораживать» (инт. 19), тем более информантов из уязвимых групп.

Особенно важным возникновение доверительных отношений с информантом становится при изучении чувствительных тем. Поэтому эксперты нередко считают, что тандемы мало применимы для подобных исследований, где необходимы «интимность», «близкий контакт» с информантом. Отмечается, что такой контакт установится скорее с одним человеком, тогда как в ситуации тандемного интервью необходимо, чтобы информант доверял обоим интервьюерам. К тому же зачастую только один человек в паре работает на поле эмоционального вовлечения, что может сдерживать информанта. Таким образом, ситуация тандемного интервью обеспечивает «эмоциональную дисциплину» не только для исследователей, но и для информанта.

«Обыденность» тандемного интервью — его «естественная» атмосфера, схожесть с повседневной беседой, которая зачастую оценивается как преимущество метода, — может **снижать содержательность** и сфокусированность разговора на цели исследования. Вследствие этого, по мнению некоторых исследователей, для получения необходимой информации может понадобиться несколько таких интервью с одним информантом. В то же время другие эксперты полагают, что присутствие второго человека со своими комментариями и дополнениями, напротив, формализует ситуацию интервью, что также снижает доверительность:

Тот факт, что вас присутствует двое, всегда вам напоминает о том, что это не ситуация посиделок в баре за чашкой чая, где вы друг другу душу изливаете. (Инт. 7)

При работе в тандеме актуализируется **проблема конфиденциальности информации**. Присутствие второго интервьюера может вызывать вопросы и сомнения у информантов, поскольку появляются сразу два человека, которые обещают конфиденциальность. В некоторых случаях сами информанты могут быть против интервью с двумя исследователями, поскольку хотят «**всячески анонимизировать интервью**» (инт. 13) и защитить себя. В связи с этим, по мнению исследователей, особенно важно заранее предупреждать информантов о количестве интервьюеров. В некоторых ситуациях, например при исследовании сложных полей и труд-

недоступных информантов, целесообразно предупреждать и о составе тандема, особенно в случае работы с коллегами, обладающими специфическими характеристиками (например, с иностранцами): «У информанта не должно быть никаких вопросов — кто это, что это, зачем это. Чем понятней ситуация, тем лучше» (инт. 19).

Особенности тандемного интервью, по мнению многих участников нашего исследования, делают этот метод **нежелательным для изучения определенных групп** информантов — например, рекрутируемых в рамках маркетинговых исследований или относящихся к труднодоступным группам, к которым сложно или невозможно вернуться. В таких исследованиях цена ошибки слишком высока, поэтому усложнение ситуации взаимодействия за счет увеличения числа ее участников воспринимается как рискованное. Возможное «неправильное» поведение коллег рассматривается как источник потенциальных проблем, поэтому некоторые исследователи предпочитают полагаться только на себя.

Другие группы, для изучения которых тандемы мало применимы, выделяются на основании особенностей информантов. Например, классические интервью один на один считаются предпочтительными для исследования уязвимых групп и людей с травматичным опытом, поскольку они нередко воспринимают исследователя-социолога как психолога и склонны открываться в доверительном разговоре один на один. С точки зрения участников нашего исследования, эти интервью также могут быть более удачным решением при работе с неразговорчивыми информантами, что может быть характерно для людей с низким социально-экономическим и образовательным статусом.

Применение тандемных интервью для исследования представителей этой социальной группы также осложняется отсутствием у них привычки быть на публике и их боязнью, что «кто-то за ними наблюдает, оценивает» (инт. 5). А тандемное интервью действительно в некоторой степени характеризуется «публичностью» и может легко «превратиться в лекцию» (инт. 3). Это может делать их проблематичными и для исследования высокостатусных информантов — экспертов, представителей бизнес-элиты и пр., для которых, напротив, публичность слишком привычна. В связи с этим некоторые исследователи также, несмотря на общую тенденцию применения метода, предпочитают индивидуальную работу с такими информантами во избежание сходства исследовательского интервью с журналистским.

Организационные сложности

Использование тандемных интервью связано с некоторыми организационными сложностями. Целенаправленный выбор тандемов как стратегии исследования требует установления договоренностей, четкой **координации действий** интервьюеров до, во время и после интервью, что вызывает определенные трудности. Важным аспектом полевой части исследования становится умение и необходимость согласовывать свои действия. В некоторых случаях исследователи, начинающие сбор данных в тандеме, впоследствии делают выбор в пользу индивидуальной работы из-за проблем, связанных с кооперацией.

Исследователи также рассматривают тандемы с точки зрения **финансовых и временных издержек** [Bechhofer, Elliott, McCrone, 1984]. Они могут представ-

ляться как «сверхзатраты», поскольку в случае работы в тандеме должен быть оплачен труд сразу двух интервьюеров. При этом фактически за время проведения одного тандемного интервью исследователи могли бы провести два отдельных интервью один на один.

Заключение

Тандемные интервью являются своего рода слепой зоной в методологии качественных исследований. Они отличны от ситуации интервью один на один, однако редко обсуждаются в литературе в качестве специфической разновидности интервью. Одно из подтверждений этого тезиса — незаметность тандемов на дискурсивном уровне из-за отсутствия командной рефлексии об их проведении. При этом на уровне исследовательской практики мы встречаем широкий спектр разнообразных ситуаций, которые могут быть упорядочены по параметрам целенаправленности действий, планирования тандемов и постоянства пар интервьюеров.

В этой статье мы попытались сформировать относительно цельную картину работы интервьюеров в тандеме с точки зрения ресурсов, которые они дают исследователям, и проблем, возникающих с появлением второго интервьюера. Мы считаем, что рефлексия относительно этой разновидности метода интервью важна, чтобы максимально использовать его ресурсы и работать с возникающими проблемами. Кроме того, она помогает понять, что одни и те же особенности тандемных интервью в разных ситуациях могут одновременно попадать в обе категории — и давать преимущества, и провоцировать трудности.

Тандемное интервью может быть ценным ресурсом, который улучшает ситуацию интервью или качество данных так, как этого нельзя было бы добиться в интервью один на один. Присутствие второго исследователя позволяет разделить работу и сделать разговор более похожим на естественную беседу, если этого требует контекст. Разница личных качеств интервьюеров, их интересов и опыта, а также воспринимаемых характеристик дает возможность установить лучший контакт с информантом, получить более разнообразную информацию и посмотреть на нее с разных точек зрения. Обсуждение интервью по его окончании дает возможность отрефлексировать совместную работу, предложить первые идеи по интерпретации данных, оказать друг другу эмоциональную поддержку. Совместный анализ данных позволяет сравнить разные точки зрения, обнаружить разные трактовки фактической информации, обеспечивает триангуляцию. Кроме того, тандемы — важная практика для обучения исследовательским навыкам. Таким образом, дополнительные возможности, которые предоставляют тандемные интервью, позволяют снизить нагрузку на каждого из интервьюеров, установить раппорт с информантом, сделать ситуацию более эмоционально комфортной и для интервьюеров, и для информанта, а также получить более разнообразные данные.

В то же время проведение интервью в паре провоцирует проблемы во взаимодействии коллег по тандему. К ним относятся, например, коммуникативные сбои, в том числе вызванные сильными различиями в стилях интервьюирования или целях исследователей; негативные эмоции по поводу интервью и совместной

работы; разногласия на последующих этапах сотрудничества. Парная работа также может отрицательно сказываться на взаимодействии с информантом, поскольку может вызывать у него негативную реакцию на присутствие сразу двух интервьюеров, на характеристики одного из них или взаимодействие между коллегами. Она также зачастую связана с трудностями в установлении доверительных отношений с информантом. Эти и другие особенности тандемных интервью накладывают ограничения на их использование при изучении некоторых социальных групп. Кроме того, тандемная работа сопровождается организационными сложностями, связанными с необходимостью согласования действий и финансовыми и временными издержками проведения интервью в паре.

Важно понимать, что далеко не все особенности тандемных интервью могут быть однозначно определены как ресурс или проблема, многие из них имеют как положительный, так и отрицательный эффект в зависимости от ситуации. Даже если второй исследователь не включается в разговор активно, выполняя другие функции и тем самым используя ресурсы тандема, одним своим присутствием он меняет ситуацию интервью для информанта, который реагирует на него и учитывает его в своем рассказе, что может стать проблемой. Например, в этом случае возникают дополнительные препятствия для возникновения доверительных отношений с информантом. В тандемном интервью обоим коллегам необходимо установить с ним хороший контакт, что делает его не вполне подходящим для работы с чувствительными темами. Однако именно в таких исследованиях, требующих от интервьюеров особенно тяжелой эмоциональной работы, тандемы могут стать ценным ресурсом благодаря возможности поддержать друг друга и разделить нагрузку.

Различия в характеристиках интервьюеров, с одной стороны, позволяют получить более разнообразные данные и их интерпретации, а с другой — могут препятствовать слаженной работе в рамках тандема, приводить к конкуренции между коллегами и ухудшать их коммуникацию с информантом. Присутствие сразу двух исследователей, участвующих в разговоре, позволяет сделать ситуацию интервью более «естественной» для информанта, однако это может отразиться на глубине полученных данных.

Тандемные интервью становятся ресурсом не только во время полевого этапа исследования. Совместная работа по интерпретации и анализу данных позволяет преодолеть субъективность исследователей и обеспечить триангуляцию. В то же время коллективные обсуждения и формирование общего мнения относительно полученных результатов могут заканчиваться конфликтами по поводу «авторства идей».

Благодаря обсуждениям и совместному анализу данных интервьюеры, работающие в тандеме, могут превратить в ресурс проблему, связанную с временными издержками такого способа сбора данных. С одной стороны, для проведения определенного количества интервью вдвоем необходимо в два раза больше времени, чем если бы интервьюеры работали по отдельности. Но с другой — проведение интервью в паре позволяет обоим исследователям одновременно получать полевую информацию и сразу анализировать ее, не дожидаясь тран-

скриптов. Таким образом, в условиях ограниченного времени тандемная работа на всех этапах исследования может быть крайне полезной.

В зависимости от ситуации особенности тандемных интервью, которые воспринимаются как ресурсы, могут серьезно осложнять полевую работу. В то же время то, что может считаться исключительно проблемой, в действительности может быть ресурсом. Например, конфликты и сложности во взаимодействии между коллегами со временем могут приводить к положительному результату, становясь основой для профессионального роста. Так или иначе, на успешность тандемного интервью и его «выигрышность» по сравнению с интервью один на один влияет множество факторов — от состава тандема и характеристик информантов до особенностей дизайна исследования. Их полезно учитывать при выборе метода сбора данных в каждом конкретном случае.

Целью нашей работы было сформировать относительно полное представление о практике тандемных интервью. Однако эту работу нельзя считать завершённой, поскольку наше исследование обладает рядом ограничений. Одно из них связано с выборкой: так как у всех наших информантов был опыт тандемов, вне поля зрения оказались исследователи, намеренно не использующие тандемные интервью. В нашу выборку попали те, кто относится к интервью вдвоем скептически и избегает их использования без крайней необходимости, но, возможно, исследователи, категорически отказывающиеся от интервью вдвоем, могли бы пролить свет на какие-то проблемы и ограничения, которые остались за пределами нашего анализа.

И в литературе, и в собранных нами интервью встречаются суждения исследователей об опыте информантов, однако судить о нем мы можем только очень осторожно, так как у нас нет к нему непосредственного доступа. Поэтому некоторые выводы, например предположение о большей «естественности» ситуации тандемного интервью или о том, что два эмпатически слушающих интервьюера легитимируют ситуацию интервью для информанта, носят только характер гипотез.

Собранные нами данные связаны с опытом российских исследователей, которые проводили тандемные интервью в России. Возможно, не все выделенные нами ресурсы и проблемы тандемных интервью носят универсальный характер. Продуктивно было бы рассмотреть тандемные интервью в более широком контексте, например, в других странах и на других языках.

Список литературы (References)

Бредникова О. «Чистота опасности»: field-фобии в практике качественного исследования // Уйти, чтобы остаться: Социолог в поле / под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 17—35.

Brednikova O. (2009) "Tidiness of Danger": Field Phobias in Qualitative Research. In: Voronkov V., Chikadze E. (eds.) *Leaving so as to Stay: A Sociologist in the Field*. Saint Petersburg: Aleteia. (In Russ.)

Ваньке А. В. Семантика маскулинной телесности в пространстве социальных различий. Диссертация на соискание ученой степени канд. социол. наук. М.: Институт социологии РАН, 2013.

Vanke A. V. (2013) *Semantics of the Masculine Body in the Space of Social Distinctions. A Dissertation for the Degree of Candidate of Sociology*. Moscow: Institute of Sociology of RAS. (In Russ.)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>.

Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *How to Collect Data in Qualitative Field Research*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1960-8>. (In Russ.)

Гудова Е. А. О «травме методом» и эмоциональной работе полевого исследователя // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 48. С. 58—82.

Gudova E. A. (2019) On “Trauma by Method” and Fieldworker’s Emotional Work. *Sociology: Methodology, Methods and Mathematical Modeling*. No. 48. P. 58—82. (In Russ.)

Квале С. Исследовательское интервью / пер. с англ. М. Р. Мироновой. М.: Смысл, 2003. Kvale S. (2003) *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Transl. from English M. R. Mironova. Moscow: Smysl. (In Russ.)

Полухина Е. В. Уралмаш как район рабочего: методические аспекты применения этнографического кейс-стади // Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов. Материалы международного симпозиума (Екатеринбург, 31 мая — 3 июня 2017 года) / под науч. ред. Л. Е. Петровой, М. С. Ильченко, А. А. Пронина, И. А. Ахьямовой. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017. С. 25—37.

Polukhina E. V. (2017) Uralmash as Neighborhood of Industrial Worker: the Specifics of the Ethnographic Case-Study Implementation. In: Petrova L. E., Il’chenko M. S., Pronin A. A., Akh’yamova I. A. (eds.) *Project ‘Uralmash’: Cultural Future of [Post] Industrial Cities*. Proceedings from the International Symposium (Ekaterinburg, 31 May — 3 June 2017). Ekaterinburg: Ekaterinburg Academy of Contemporary Art. P. 25—37. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Наблюдение во лжи: кто и зачем фабрикует данные массовых опросов? // Пути России. Война и мир / под ред. М. Г. Пугачевой, В. П. Жаркова. Т. XXII. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 110—133.

Rogozin D. M. (2017) Observation of Lies: Who and Why Falsify the Data of Mass Polls? In: Pugacheva M. G., Zharkov V. P. (eds.) *The Ways of Russia. War and Peace*. Vol. XXII. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 110—133. (In Russ.)

Турчик А. В. Конверсационный анализ речевого взаимодействия в ситуации исследовательского интервью. Диссертация на соискание ученой степени канд. социол. наук. М.: Институт социологии РАН, 2010.

Turchik A. V. (2010) *Conversational Analysis of Speech Interaction in a Research Interview Situation. A Dissertation for the Degree of Candidate of Sociology*. Moscow: Institute of Sociology of RAS. (In Russ.)

Штейнберг И. Е. Профилактика «профессионального выгорания» в полевой работе социолога // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2008. № 27. С. 188—203.

Steinberg I. E. (2008) Prevention of “Professional Burnout” in the Field Work of a Sociologist. *Sociology: Methodology, Methods and Mathematical Modeling*. No. 27. P. 188—203. (In Russ.)

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009.

Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Qualitative Methods. Field Sociological Research*. Saint Petersburg: Aleteia. (In Russ.)

Bechhofer F., Elliott B., McCrone D. (1984) Safety in Numbers: On the Use of Multiple Interviewers. *Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 97—100. <https://doi.org/10.1177/0038038584018001009>.

Braithwaite J. (1985) Corporate Crime Research: Why Two Interviewers Are Needed. *Sociology*. Vol. 19. No. 1. P. 136—138. <https://doi.org/10.1177/0038038585019001011>.

Driskell T. (2013) Investigative Interviewing: A Team-Level Approach. A Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Orlando: University of Central Florida.

Driskell T., Blickensderfer E. L., Salas E. (2013) Is Three a Crowd? Examining Rapport in Investigative Interviews. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. Vol. 17. No. 1. P. 1—13. <https://doi.org/10.1037/a0029686>.

Driskell T., Salas E. (2015) Investigative Interviewing: Harnessing the Power of the Team. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. Vol. 19. No. 4. P. 273—289. <https://doi.org/10.1037/gdn0000036>.

Ezzy D. (2010) Qualitative Interviewing as an Embodied Emotional Performance. *Qualitative Inquiry*. Vol. 16. No. 3. P. 163—170. <https://doi.org/10.1177/1077800409351970>.

Hubbard G., Backett-Milburn K., Kemmer D. (2001) Working With Emotion: Issues for the Researcher in Fieldwork and Teamwork. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 4. No. 2. P. 119—137. <https://doi.org/10.1080/13645570116992>.

Kincaid H., Bright M. (1957a) Interviewing the Business Elite. *American Journal of Sociology*. Vol. 63. No. 3. P. 304—311. <https://doi.org/10.1086/222223>.

Kincaid H., Bright M. (1957b) The Tandem Interview: A Trial of the Two-Interviewer Team. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 21. No. 2. P. 304—312. <https://doi.org/10.1086/266716>.

Resch K., Enzenhofer E. (2018) Collecting Data in Other Languages: Strategies for Cross-Language Research in Multilingual Societies. In: Flick U. (ed.) *The Sage Handbook of Qualitative Data Collection*. London: SAGE Publications. P. 131—146. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n9>.

Seidler J., Meyer K., Gillivray L. (1976) Collecting Data on Crowds and Rallies: A New Method of Stationary Sampling. *Social Forces*. Vol. 55. No. 2. P. 507—519. <https://doi.org/10.2307/2576239>.

Skipper J., McCaghy C. (1972) Respondents' Intrusion upon the Situation: The Problem of Interviewing Subjects with Special Qualities. *The Sociological Quarterly*. Vol. 13. No. 2. P. 237—243. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1972.tb00807.x>.

Wroblewski A., Leitner A. (2009) Between Scientific Standards and Claims to Efficiency: Expert Interviews in Programme Evaluation. In: Bogner A., Littig B., Menz W. (eds.) *Interviewing Experts*. London: Palgrave Macmillan. P. 235—251. https://doi.org/10.1057/9780230244276_12.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1946](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1946)

О. Л. Чернозуб

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: МОЖЕТ ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ЧЕМУ-ТО НАУЧИТЬ МАРКЕТИНГ?

Правильная ссылка на статью:

Чернозуб О. Л. Двухкомпонентная модель поведения человека: может ли социология чему-то научить маркетинг? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 77—98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1946>.

For citation:

Chernozub O. L. (2021) A Two-Component Model of Behavior Factors: Does Sociology Have Something to Teach Marketing?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 77–98. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1946>. (In Russ.)

ДВУХКОМПОНЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: МОЖЕТ ЛИ СОЦИОЛОГИЯ ЧЕМУ-ТО НАУЧИТЬ МАРКЕТИНГ?

ЧЕРНОЗУБ Олег Леонидович — руководитель, Центр социально-экономических исследований, Институт социологии управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

Аннотация. В последние годы нарастает волна критики в адрес авторов как политических, так и рыночных прогнозов. Это явление нельзя оценивать иначе как свидетельство несовершенства используемых ими моделей поведения человека. В электоральной социологии, где «цена» ошибок несоизмеримо более высока, стремление избежать их привело к некоторому прогрессу в этой области. Могут ли его результаты быть использованы в маркетинге?

В настоящей статье представлены результаты анализа теоретических предпосылок использования методологических находок электоральной социологии в маркетинге. Также дается метаанализ применения одной из этих находок — двухкомпонентной модели факторов поведения — для прогнозирования результатов голосования. Указанная модель основывается на комбинировании открытых (эксплицитных) и скрытых, или скрываемых (имплицитных), факторов поведения, рассматривая акт поведения как результат разрешения имеющегося между ними конфликта. Отмечая опыт

A TWO-COMPONENT MODEL OF BEHAVIOR FACTORS: DOES SOCIOLOGY HAVE SOMETHING TO TEACH MARKETING?

Oleg L. CHERNOZUB¹ — Head of Center for Socio-Economic Research, Institute for Sociology of Government
E-MAIL: 9166908616@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5689-8719>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. In recent years, there has been a growing wave of criticism against the authors of both political and market forecasts. This phenomenon testifies to the imperfection of the human behavior models they use. In electoral sociology, where the cost of mistakes is considerably higher, the desire to avoid them has led to some progress. Can its results be used in marketing?

This article presents the analysis of the theoretical prerequisites for using the methodological findings of electoral sociology in marketing. It also provides a meta-analysis of the application of one of these findings, a two-component behavioral model, to predict voting results. This model is based on a combination of open (explicit) and hidden (implicit) factors of behavior, considering the behavioral act as a result of resolving the conflict between them. Noting the experience of applying this model in the political sphere, the author formulates the question: can it be transferred to the field of market research?

The review of the theoretical premises of the observed difficulties shows, that

применения этой модели в политической сфере, автор задается вопросом: может ли он быть перенесен в область исследований рынка?

Как показывает рассмотрение теоретических предпосылок наблюдаемых затруднений, и в электоральном, и в маркетинговом прогнозировании проблемы имеют схожую природу. Это и открывает возможности для встречного заимствования ими методов преодоления данных проблем.

Ключевые слова: маркетинговый прогноз, прогноз спроса, микросоциология, социальное действие, теория поведения, факторы поведения, двухкомпонентная модель факторов поведения, эксплицитные факторы, имплицитные факторы, социальная установка, ГАТО, ТОД/ТБП, IAT, MODE, RIM

electoral and marketing forecasting faces problems of similar nature. This opens up opportunities for the reciprocal borrowing of methods to overcome these problems.

Keywords: market forecast, demand forecast, microsociology, social action, behavior theory, behavior factors, dual process model of cognition, two-component model of behavior factors, precursors of behavior, explicit factors implicit factors attitude structural theory of attitude, GATO, TOD/TBP, IAT, MODE, RIM

1. Введение

Мультидисциплинарный подход, используемый в настоящей статье, неизбежно порождает трудности структурирования предлагаемой информации. Рассматривая сходные проблемы экономической науки и социологии, мы поневоле вынуждены переключать внимание с одного предмета на другой, что, конечно, затрудняет целостное восприятие предлагаемого материала. Мы попытаемся хотя бы отчасти преодолеть это затруднение, дав краткий обзор содержания статьи и в явном виде обозначив логику изложения и взаимосвязь рассматриваемых вопросов.

Первый содержательный раздел «Электоральные и маркетинговые исследования: схожие проблемы, единый источник» открывается обзором внешних признаков неблагополучия, характерных для обеих научных дисциплин. Этот обзор ни в коей мере не претендует на полноту рассмотрения проблемы и ограничивается задачей показать, что, во-первых, существуют определенные проблемы, во-вторых, что они замечены не только профессиональным сообществом, но и потребителями соответствующих исследований. Понимаемая таким образом задача позволяет ограничиться рассмотрением только сферы прогнозов социального поведения (электорального и потребительского) как области, где признаки неблагополучия обнаруживаются в наиболее очевидном виде.

Вторая часть этого раздела представляет собой анализ теоретической основы как социологических, так и экономических моделей, лежащих в основе прогнозирования поведения обоих видов. По мнению автора, такой основой является

умозрительная конструкция «экономического человека», в своем поведении рационально преследующего собственную выгоду и максимизирующего полезность имеющихся в его распоряжении ресурсов. С одной стороны эта единая основа открывает принципиальную возможность продуктивных междисциплинарных заимствований, а с другой — сама по себе содержит ограничения, являющиеся источником по крайней мере какой-то части проблем, сходство которых для обеих наук вполне очевидно.

Завершается первый содержательный раздел обзором теоретических проблем и фундаментальных ограничений моделей поведения «максимизации полезности» с позиции экономической науки, где данные вопросы проработаны не в пример более глубоко¹.

Следующий раздел «От „экономического поведения“ к „двухкомпонентной модели“» посвящен изложению позитивной теории, претендующей заместить собой модель «экономического поведения», — двухкомпонентной модели факторов поведения. Ее базовое допущение заключается в том, что в реальности поведение человека определяется не только осознанными мотивами, но и мотивами, находящимися вне пределов контроля сознания субъекта действия. В этих условиях возникает самостоятельная проблема взаимодействия и даже конфликта этих мотивов. Структурная теория установки оказывается удачным инструментом, эффективно описывающим этот конфликт и позволяющим рассматривать совершенное действие как итог разрешения этого конфликта.

Наконец, итоговый раздел «Двухкомпонентная модель: первые успехи в электоральном прогнозировании и некоторые уроки для маркетинга» представляет некоторые первые результаты применения двухкомпонентной модели факторов к прогнозированию электорального поведения в рамках реальных эмпирических исследований 2016—2018 гг. Их результаты свидетельствуют о возникновении устойчивого синергетического эффекта, когда прогноз, учитывающий оба фактора, оказывается более точным, чем прогноз на основе каждого из факторов, используемых изолированно. Раздел завершается обзором предполагаемых сфер применения двухкомпонентной модели факторов поведения в маркетинговом планировании и маркетинговых исследований.

Анализу опыта практического применения рассматриваемой модели в некоторых из этих сфер будет посвящена вторая статья данного цикла. Она в меньшей степени затрагивает теоретические вопросы, фокусируясь на представлении и анализе значительного объема уникальных эмпирических данных.

2. Электоральные и маркетинговые исследования: схожие проблемы, единый источник.

Для любой из социальных наук способность к предсказанию поведения человека является наивысшей точкой развития теории, а его точность — единственным

¹ Это никак не ставит под сомнение ценность обширной дискуссии о современных проблемах эмпирической и теоретической социологии. В частности, вопросов онтологических изменений в мире, своего рода «деструктуризации», социального дерегулирования и падения роли структур, объективно приводящих к снижению прогнозируемости поведения. В качестве только одного из характерных примеров можно назвать «К вопросу о приближающемся конце социологии» [Vandenberghе, Fuchs, 2019]. Однако это — самостоятельная вселенная, обсуждение которой выходит далеко за рамки настоящей статьи.

надежным критерием действенности соответствующей модели. В этом смысле своевременное предвидение, например, тенденций политического и экономического развития, социальных беспорядков и экономических кризисов, является важнейшей общественной функцией рассматриваемых научных дисциплин. Несмотря на значительный прогресс, положение ни в одной из них в данной области нельзя признать удовлетворительным. Тем более актуальным представляется эффективный обмен наработанными достижениями, который, хотя и не имеет никаких методологических препятствий все еще остается исчезающе редким явлением.

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать возможность применения некоторых передовых наработок, полученных в последние годы на материале электоральной социологии в маркетинговых исследованиях. Эти частные дисциплины избраны исходя из того соображения, что именно в них накоплен наибольший опыт предсказания поведения людей. В одном случае — в качестве избирателей, в другом — в качестве потребителей. В обеих из них достаточно оперативно проверяются применяемые методы и наличествует довольно большое пространство для экспериментальной работы.

Немаловажно также, что как раз в силу открытости оперативной и достоверной проверке прогностической силы своих моделей именно две эти дисциплины подвергаются в последние годы довольно жесткой критике. Например, совсем недавно электоральная социология потерпела ряд болезненных поражений, выдав череду ошибочных прогнозов результатов выборов, часть из которых породила весьма чувствительные упреки в адрес отрасли в целом². В качестве таковых кейсов обычно указывают на следующие:

- парламентские выборы 2015 года в Великобритании;
- выборы в кнессет 2015 года в Израиле;
- референдум 2015 года в Греции;
- президентские выборы 2015 года в Беларуси;
- референдум по Brexit 2016 года в Великобритании;
- президентские выборы 2016 года в США;
- парламентские выборы 2017 года в Великобритании.

Ошибки прогноза на выборах в парламент Великобритании в 2015 г. и во время избрания президента США в 2016 г. оказались настолько резонансными, что были организованы отраслевые расследования, призванные выяснить, как могло получиться, что ошиблись не отдельные исследовательские агентства, а вся отрасль в целом. Результаты данных расследований весьма показательны, итоговый вывод заключается в том, что все было сделано правильно и улучшить точность

² Пресс-секретарь Барака Обамы Джош Эрнст: «Почти каждый опрос общественного мнения о предпочтениях американских избирателей перед выборами президента 8 ноября оказался ошибочным». См.: Белый дом признал ошибочность опросов о победе Клинтон // BBC: Русская служба новостей. 2016. 10 ноября. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-37931882> (дата обращения: 12.08.2021). Влиятельный исследовательский центр сообщил на своем сайте: «Результаты президентских выборов во вторник оказались сюрпризом почти для каждого... Как опросы могли настолько сильно ошибаться?» См. Mercer A., Deane C., McGeeney K. Why 2016 Election Polls Missed their Mark? // Pew Research Center. 2016. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/11/09/why-2016-election-polls-missed-their-mark> (дата обращения: 13.08.2021). См. также: Whiteley P. Four Reasons Why the Polls Got the U. S. Election Result so Wrong // Newsweek. 2016. November 14. URL: <http://www.newsweek.com/polls-2016-us-elections-trump-potus-hillary-clinton-520291> (дата обращения: 12.08.2021).

прогноза практически невозможно. В частности, указывалось на следующие факторы, которые могут влиять на качество прогноза, но находятся вне контроля исследователя:

1. Ошибки в конструировании и реализации выборки: остаются неохваченными избиратели, проживающие за пределами избирательного округа, но голосующие удаленно. Или, наоборот, опрашиваются лица, проживающие на территории округа, но не являющиеся избирателями.

2. Проблемы достижимости: сторонники одного из кандидатов представляют аудиторию, традиционно имеющую более высокий/низкий коэффициент отказов от участия в исследовании.

3. Проблема «последующего сдвига»: на момент проведения опроса избиратели имеют одно мнение, а позже меняют его. В качестве частного случая данной проблемы может рассматриваться так называемый недостаток интроспекции: если респондент не слишком вовлечен в политический процесс, он может и не разобратся в том, к какому кандидату на самом деле склоняются его симпатии, и совершенно искренне ответить неправильно.

4. Проблема сознательного умолчания: респонденты сознательно лгут, отвечая на вопросы анкеты, а на избирательных участках голосуют в соответствии со своими действительными предпочтениями³.

По сути, и первое и второе расследования пришли к схожим выводам о том, что точность электорального прогнозирования фактически достигла своего предела и отрасли предвыборных опросов осталось только умыть руки. В несколько вольном пересказе резюме обоих отчетов может быть представлено следующим образом: «Мы не можем проверить, говорит ли нам респондент правду о своем выборе, и мы не можем гарантировать, что он не изменит свой выбор в промежуток времени между моментом опроса и моментом выбора. Раз так, мы не можем отвечать за расхождения между результатами исследования и результатами голосования». Данная позиция выглядит весьма уязвимой не только с политических позиций взаимодействия индустрии и общества, но и с чисто научных. Респондент не может быть виновным в том, что сообщает исследователю не то, что последний от него ожидает. Если исследователь безосновательно исходит из презумпции «компетентности и добросовестности» респондента, то это проблема исследователя, а не респондента.

Ожидаемо не все согласились с подобным подходом [Rogers, Aida, 2012], и многочисленные альтернативные подходы, стимулируемые неудовлетворенностью заказчиков электоральных исследований, получили дополнительный толчок развитию. В числе наиболее успешных из них обычно называют следующие:

- прогнозные рынки [Arrow et al., 2008; Atanasov et al., 2015];
- опросы об ожиданиях [Rothschild, Wolfers, 2011; Graefe, 2014];
- контент-анализ социальных сетей [Tumasjan et al., 2010];
- экономические модели [Tufte, 1978].

На этом фоне следует особо отметить надежды и связанные с ними беспрецедентные авансы, выдаваемые направлению «больших данных» [Burrows, Savage, 2014].

³ Результаты расследования по итогам парламентских выборов 2015 г. в Великобритании см. [Sturgis et al., 2016]. Результаты расследования по итогам президентских выборов 2016 г. в США см.: [Kennedy et al., 2016].

Как бы там ни было, само разнообразие альтернативных подходов недвусмысленно указывает на неудовлетворенность потребителей рынка электоральных исследований и прогнозов имеющимся предложением, по крайней мере в части традиционных методов, основанных на опросах избирателей, хотя последние и остаются доминирующими как в академической, так и в прикладной сфере [Erikson, Panagopoulos, Wlezien, 2004; Newport, 2008; Perry, 1973, 1979; Vermunt, Magidson, 2005]. В целом же картина настолько неоднозначна, что уже в первой декаде наступившего века некоторые авторы находили возможным ставить вопрос о «кризисе эмпирической социологии» [Savage, Burrows, 2007].

Ситуация, которую мы наблюдаем в маркетинге, во многом сходна. В частности, с 1990-х годов указывалось на появление явных признаков недовольства заказчиков маркетинговых услуг их экономической эффективностью [Clancy, Krieg, 2000]. В последующие годы появилось значительное количество работ, раскрывающих эту тему более глубоко и предлагающих возможные альтернативы [Clancy, Krieg, McGarry Wolf, 2006], такие как нейромаркетинг [Lee, Broderick, Chamberlain, 2007; Fortunato, Giraldi, de Oliveira, 2014], экспериментальный маркетинг [Clancy, Krieg, McGarry Wolf, 2006], маркетинг, ориентированный на стоимость [Дойль, 2001] и т. п. В нашумевшей в свое время книге авторы пишут применительно к результатам опросов потребителей: «Не верьте, что люди будут поступать так, как они говорят» [Clancy, Krieg, 2000: 176]. Выход же ученые видят в более полном описании мотивов потребителей, в частности за счет комплексного учета всех трех классических компонент установки [ibid.: 122], в принципиальном отказе от выявления намерений в пользу изучения реального поведения потребителя в различных ситуациях, в том числе и специально моделируемых исследователем [Clancy et al., 2006].

Рассмотренные факты довольно определенно указывают на общий характер проблем, с которыми примерно в одинаковое время столкнулись как электоральная социология, так и маркетинг. Однако это сходство в том виде, в котором оно представлено выше, внешнее. Можно ли считать, что отмеченные дисфункции разных дисциплин, близкие по форме, имеют также и сходные основания? Имеются ли и достаточно близкие фундаментальные причины, открывающие, помимо прочего, возможности для корректного проецирования опыта одной дисциплины на предметное и методическое пространство другой?

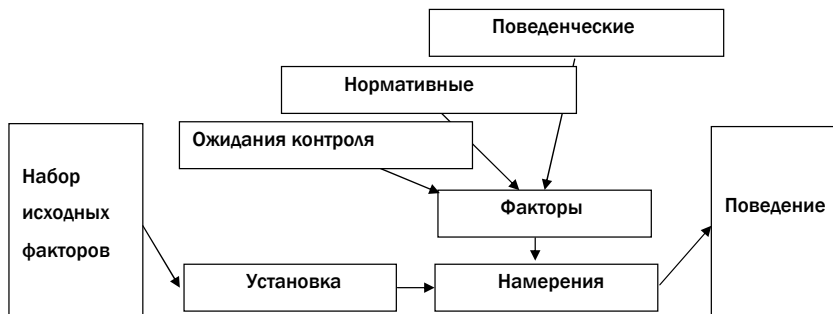
Представляется, что ответ на эти вопросы должен быть положительным. Теоретической предпосылкой для возможности корректного обмена методологическими и методическими наработками является признание обеими дисциплинами поведения человека в качестве материального носителя предметов своего изучения. По данному вопросу обе дисциплины⁴ имеют сходные, иногда сближающиеся даже до степени тождественности представления.

Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть господствующую в социологических моделях, связанных с изучением поведения, теорию обдуманного действия / теорию запланированного поведения (ТОД/ТЗП) [Fishbein, Ajzen, 2011], которая основана на интуитивно-очевидном допущении, что действия человека опреде-

⁴ По крайней мере — в рамках направлений «классической социологии», «неоклассической экономики» и «неоинституциональной экономики».

ляются ожиданиями их последствий. Чем более желательным представляется субъекту ожидаемый результат действия, тем выше мотивация его совершить и тем больше, при прочих равных условиях, вероятность того, что действие будет совершено (см. рис. 1).

Рис. 1. Классическая (однокомпонентная) модель прогнозирования поведения ТОД/ТЭП

Такое понимание совокупности ожиданий в отношении будущего действия сами авторы ТОД/ТЭП называют моделью установки на ожидаемую полезность («expectance-value model of attitude») [ibid.: 96]. Вполне очевидно, что социологическая модель установки на ожидаемую полезность полностью соответствует сложившемуся пониманию «экономического поведения», принятому в экономической науке [Walras, 1954; Friedman, Savage, 1948]. По сути, «обоснованное поведение» Фишбейна — Айзена является ничем иным, как частным случаем «экономического поведения». Если это так, то необходимой предпосылкой дальнейшего анализа будет обзор фундаментальных ограничений применимости моделей «экономического поведения».

В экономической науке фундаментальными критериями применимости модели «экономического поведения» являются следующие допущения:

- индивиды стремятся к «максимизации полезности»;
- индивиды имеют рациональные предпочтения исходов событий;
- индивиды действуют в своих интересах, пытаясь опереться на максимально полную информацию [Weintraub, 2007].

Как известно, данные допущения не безусловны даже применительно к деятельности экономических субъектов и тем более неочевидны — для всех прочих сфер, где модель «экономического поведения» принимается в качестве подразумеваемой аксиомы.

В частности, Дж. Тинтнер показал, что «максимизация полезности» недостижима по фундаментальным основаниям, так как решения экономического/социального агента порождают не единственный исход, а вероятностные интервалы исходов, которые могут пересекаться [Tintner, 1941a, 1941b, 1942]. Р. Кокс [Cox, 2001], М. Дюпре и Ф. Типлер [Dupré, Tipler, 2009] поставили под сомнение теоретические основания модели максимизации полезности М. Фридмана — Л. Саважа, а М. Аллэ [Allais, 1953; Allais, Hagen, 1979] и Д. Эллсберг [Ellsberg, 1961] получили

эмпирический материал, указывающий на обширные области поведения, где допущение о максимизации полезности не работает. Нобелевский лауреат Д. Канеман и А. Тверски показали, что даже в условиях удовлетворительного обеспечения исходными данными рациональные решения могут отвергаться по ряду оснований, имеющих психологическую природу [Tversky, Kahneman, 1992; Kahneman, 2011].

Закономерным образом открытие Д. Канемана и А. Тверски привело к появлению и бурному развитию альтернативных истолкований движущих сил поведения человека. В частности, в рамках «поведенческой экономики» активно разрабатываются модели «эвристического поведения» и «ограниченной рациональности», которые, как это достоверно установлено, имеют место в практической деятельности, но в полной мере пока не описаны [Goldstein, Gigerenzer, 2002; Kahneman, 2003; Shah, Oppenheimer, 2008; Талер, 2017].

Таким образом, в экономической науке наблюдается не только признание системных признаков эрозии конвенциональных теоретических парадигм, но и предпринимаются попытки их переосмысления и даже радикальной ревизии. С точки зрения предмета рассмотрения данной статьи этот процесс имеет весьма существенное значение, так как указывает на универсальный характер попыток выйти за пределы ограничений, задаваемых моделями «экономического поведения»⁵. Экономическая наука демонстрирует тот же вектор развития, который на протяжении последних десятилетий вызревает в рамках микросоциологии и социологических теорий действия. Более того, в социологии имеются также и некоторые, как представляется, ценные наработки в области прикладного использования идей преодоления прокрустова ложа «экономического поведения» в части понимания и прогнозирования социального действия.

Таким образом, между социологическим и экономическим подходом к изучению поведения человека имеется существенное сходство, локализуемое в области базовых допущений, то есть в самой основе всех дальнейших теоретических построений. В этом фундаментальном сходстве кроется, помимо прочего, и единая предпосылка характерных для обеих научных дисциплин проблем в области изучения и эффективного прогнозирования поведения человека, а именно — чрезмерное огрубление мотивов человека в модели «экономического поведения», развитие которой в направлении расширения принимаемых во внимание мотивов постепенно начинает рассматриваться как веление времени.

3. От «экономического поведения» к «двухкомпонентной модели»

Представленные выше аргументы в пользу наличия многочисленных ограничений использования модели «экономического поведения» приводят нас к выводу, что корректное применение этой модели и ее производных как к сфере электропозитивного поведения, так и к сфере маркетинга должно опираться на признание ненулевой вероятности того, что поведение одних избирателей/покупателей соответствует критериям «экономического поведения», а поведение других — не соответствует. Если это так, тогда использование модели «экономического поведения» в этих сферах всегда содержит риски неполноты описания факторов,

⁵ Невозможно не отметить также и бесспорные достижения в этой области, полученные в последнее время в социальной психологии и нейроэкономике.

определяющих действия, в отношении которых строится прогноз. Здесь встает задача восполнить дефицит информации для случаев, когда выбор избирателей не полностью описывается моделью «экономического поведения». Как уже отмечалось ранее [Chernozub, 2020a], данную модель отличает сознательное абстрагирование от внерассудочных влияний. М. Фишбеин и А. Айзен пишут: «В целом общее настроение и эмоции рассматриваются в нашей модели прогнозирования поведения как фоновый фактор <...> даже если они влияют на некоторые представления, эти влияния могут быть не настолько сильными, чтобы менять установки, воспринятые нормы, нормативные ожидания со стороны окружающих» [Fishbein, Ajzen, 2010: 248]. Сами же представления служат рассудочной основой поведения в целом: «люди определяют себе цели, чтобы поступать разумно, обоснованно, непротиворечиво, иногда даже автоматически, исходя из того, что они сами думают о своих поступках» [ibid.: 24]. Авторы модели подчеркивают, что поведение в их модели определяется как обоснованное не потому, что оно «всегда логично и рационально», а потому что в представлениях, в соответствии с которыми субъект пытается достичь желаемого результата, имеется рассудочная основа (cognitive foundation) поведения [ibid.: 24].

Подобное абстрагирование от эмоций и других внерассудочных факторов вполне оправдано для модели «экономического поведения», однако если мы видим, что такая модель не может исчерпывающе описывать поведение человека, возникает потребность дополнить факторы, лежащие в пределах сознания человека, факторами, также оказывающими влияние на поведение человека, но лежащими вне такой сферы [Arcuri et al., 2008; Choma, Hafer, 2009; Greenwald et al., 2009a, 2009b].

В рамках сформировавшегося в последние годы консенсуса первые стало принято называть эксплицитными, а вторые — имплицитными факторами.

Эксплицитные факторы осознаются человеком и, при наличии его желания, могут быть достоверно сообщены окружающим, например, в ходе электорального или маркетингового опроса. Имплицитные, напротив, скрыты от внешнего наблюдения, так как либо не осознаются самим их носителем, либо скрываются им от внешнего мира, а иногда — и от самого себя [Fazio, Olson, 2014]. Как видно из представленного определения, структура имплицитных мотивов весьма неоднородна, однако в настоящее время они продолжают рассматриваться как единая категория. Поэтому в рамках настоящей статьи мы также не будем затрагивать проблему внутренней структуры имплицитных факторов, рассматривая их как сущностно единую противоположность эксплицитным.

Принятие гипотезы о наличии иных, лежащих вне рационального поиска оптимальных решений «максимизации полезности» имплицитных факторов, обуславливающих либо, по крайней мере, влияющих на осуществление реального действия, приводит нас в область структурной теории установки.

Структурная теория установки постулирует наличие нескольких относительно независимых компонентов, к классификации которых имеется несколько подходов. Традиционная модель различает «когнитивную», «аффективную» и «конативную» компоненты [Katz, 1960; Smith, 2003], в то время как некоторые современные авторы предпочитают говорить об «эксплицитных» и «имплицитных» компонентах, которые формируют целостное отношение, определяют намерения, а в конечном

счете — и, собственно, реальные действия человека. М. Перуджини классифицировал современные структурные модели установки, сведя их к трем основным подходам [Perugini, 2005]:

1. **«Полная независимость»**. В рамках этого подхода эксплицитные и имплицитные компоненты рассматриваются как не взаимодействующие друг с другом и более того — как влияющие на различные типы поведения. Считается, что эксплицитные факторы влияют на преднамеренное поведение, контролируемое сознанием, в то время как имплицитные — на импульсивное поведение, которое не контролируется сознанием человека. Соответственно, чтобы правильно спрогнозировать поведение первого типа, необходимо опираться на эксплицитные, а второго типа — на имплицитные факторы.

2. **«Дополнительность»**. Оба компонента рассматриваются не как самостоятельные явления, имеющие свою природу, закономерности, траектории развития и т. д., но как проявления одного-единственного отношения, не вполне совпадающие друг с другом только из-за различий в методах измерения. В этом смысле результаты различных методов измерения дополняют и уточняют друг друга, позволяя представить установку в наиболее комплексной, полной форме.

3. **«Взаимодействие»**. Этот подход объединяет тех, кто, подобно сторонникам «независимости», считает эксплицитную и имплицитную компоненты установки самодостаточными явлениями, но не считает, что они определяют каждый свой «собственный» вид поведения. Фактическое действие человека в рамках данного подхода рассматривается как результат взаимодействия компонент.

В контексте данной классификации рассматриваемая в настоящей статье модель прогнозирования базируется на третьем подходе — «взаимодействии», рассматривающем эксплицитные и имплицитные компоненты установки как самостоятельные явления, имеющие свою природу и влияющие на поведение человека через некую «результатирующую» их взаимодействия. Особая механика этого взаимодействия формируется согласованным или несогласованным статусом установки.

В свою очередь, в пределах структурной теории установки потенциальная несогласованность последней рассматривается в рамках нескольких общих подходов.

1. Несогласованность отношения и поведения [Heider, 1958; Himmelfarb, Eagly, 1974; Kiesler, Collins, Miller, 1969; O'Keefe, 1990].

2. Несогласованность внутренних структурных элементов когнитивной компоненты [Festinger, 1957; Festinger, Carlsmith, 1959].

3. Противоречивость различных (например, сознательных и бессознательных) компонент самой установки [Rosenberg, 1956; Rosenberg et al., 1960].

Последний из перечисленных подходов к анализу состояний несогласованности установки на данный момент наименее изучен. Эксперименты М. Розенберга, выявив явление рассогласованности компонентов установки как таковое, не дали никакой информации о влиянии этой рассогласованности на поведение. Частично данная проблематика была затронута М. Роккато и К. Зогмайстер [Roccatto, Zogmaister, 2010]. В своем эксперименте на основе IAT⁶ они попытались

⁶ Implicit Attitude Test. См.: <https://implicit.harvard.edu/implicit/takeatest.html>; <https://www.projectimplicit.net/> (дата обращения: 12.08.2021).

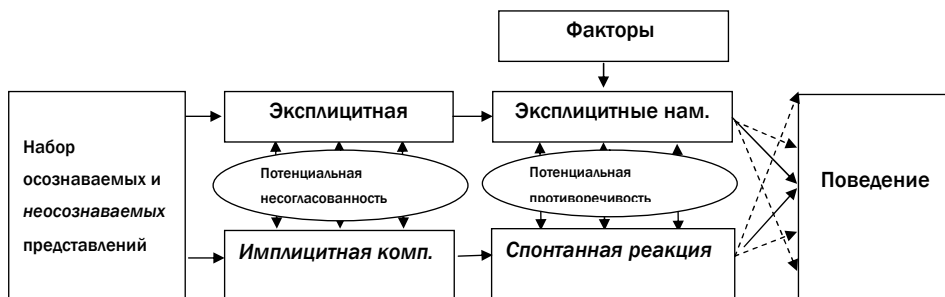
сопоставить политические установки и поведение респондентов при голосовании. Однако данные, описывающие непосредственно само электоральное поведение, были собраны с помощью самоотчетов респондентов. Это означает, что данная попытка, скорее всего, не может рассматриваться как полноценная проверка связи между установкой и поведением. Подобное предположение тем более имеет право на существование, если учесть данные о несоответствии самоотчетов действиям, полученные как раз на материале электорального поведения Т. Роджерсом и М. Аидой [Rogers, Aida, 2012].

Тем не менее М. Роккато и К. Зогмайстер пришли к ценному для нашего анализа выводу: «В частности, из представленных данных выяснилось, что взаимодействие между имплицитными и эксплицитными компонентами установки может задерживать (когда они не согласованы) или облегчать (когда они согласованы) принятие решения; важно, однако, что представленные данные предполагают, что окончательное поведение (например, участие в голосовании как таковое и содержание поданного бюллетеня) не зависит от взаимодействия между имплицитными и эксплицитными политическими предпочтениями» [Roccatto, Zogmaister, 2010: 272].

Вторая часть предлагаемой ими интерпретации кажется несколько противоречивой. Если статус согласованности/несогласованности установки влияет на решение действовать, то трудно представить, как это влияние не может повлиять на само «конечное» действие. Например, логично предположить, что избиратель, имеющий согласованную установку в отношении «своего» кандидата, с большей вероятностью явится на избирательный участок и проголосует, чем (при прочих равных условиях) тот избиратель, чьи компоненты установки конфликтуют друг с другом. Результаты исследований М. Перуджини также вполне поддерживают это предположение: «Эмпирические данные подтверждают, что прогноз того, является ли человек курильщиком или нет, оказывается более точным в случаях, когда имплицитные и эксплицитные компоненты установки развернуты в одном и том же направлении...» [Perugini, 2005: 43]. «Ключевой посыл заключается в том, что имплицитные и эксплицитные компоненты установки могут взаимодействовать, влияя на поведение» [ibid.: 53].

В теоретическом аспекте это означает существенную перестройку исходной модели ТОД/ТЗП [Fishbein, Ajzen, 2011] за счет обогащения ее самостоятельным потоком воздействий на поведение за счет имплицитных факторов (выделены курсивом).

Рис. 2. Двухкомпонентная модель прогнозирования поведения

Убеждения — это совокупность базовых факторов, влияющих на формирование установки, которую, несмотря на то, что ее структура может быть более сложной, авторы модели обозначили как «убеждения» [ibid.: 96].

Факторы ТОД/ТЗП — это воспринимаемые нормы, регулирующие поведение субъекта действия, ожидаемые им последствия своих действий и так называемые ожидания контроля, то есть его субъективная оценка степени добровольности совершения действия. Чем благоприятнее последствия действия, чем позитивнее поддержка этого действия со стороны формальных и неформальных норм референтных групп, чем глубже убежденность в добровольном характере принятого решения — тем выше вероятность совершения действия.

Эксплицитная компонента установки — осознанное отношение к объекту действия, которое может быть корректно сформулировано и сообщено окружающим.

Эксплицитные намерения — осознанные намерения, доступные для понятийного описания и критического анализа.

ИмPLICITная компонента установка — неосознаваемое отношение. Индивид может не замечать даже ее присутствия и тем более не понимать ни ее природы, ни ее силы или валентности. По данным Т. Уилсона и коллег [Wilson, Lindsey, Schooler, 2000], имPLICITное отношение активизируется автоматически и может быть или не быть подавлено сознательными (эксплицитными) факторами.

Спонтанная реакция — это бессознательные побуждения к действию, «автоматически» порождаемые имPLICITной установкой. Их иногда называют имPLICITными намерениями, несмотря на то, что они, будучи бессознательными, безусловно, не являются «намерениями» в прямом смысле этого слова.

Поведение — это реальный акт, представляющий собой конечный результат взаимодействия имPLICITных и эксплицитных факторов.

Представленная выше схема выглядит почти так же, как рефлексивная и импульсивная модель (RIM) [Strack, Deutsch, 2004], однако, фокусируясь на социальных драйверах поведения, она рассматривает не только психические механизмы формирования действия, но и социальные факторы этого процесса.

Таковы теоретические основы рассмотрения более широкого по сравнению с классической моделью «экономического поведения» спектра факторов, определяющих действия человека. Практическая форма построения «Двухкомпонентной модели прогнозирования поведения», примеры и результаты использования ее в электоральных исследованиях представлены ниже. Однако прежде, чем обратиться к вопросам практического применения представленных выше теоретических построений, необходимо сделать важное отступление в область того, какими средствами измерялась собственно имPLICITная компонента.

Как оказалось, задача эта весьма нетривиальна, поэтому в рамках многочисленных методических экспериментов ВЦИОМ автором был разработан, валидирован и отъюстирован измерительный инструмент, получивший в конце концов наименование «Графический ассоциативный тест отношения» (ГАТО) [Chernozub, 2020a, 2020b].

4. Двухкомпонентная модель: первые успехи в электоральном прогнозировании и некоторые уроки для маркетинга

Двухкомпонентная модель поведения изначально предназначалась для прогнозирования результатов выборов. Начиная с 2015 г. было проведено большое количество исследований, где она стабильно демонстрировала лучшие по сравнению с традиционными моделями результаты. Для оценки преимуществ двухкомпонентной модели прогнозирования поведения (экспериментальной) мы поставили задачу сравнить получаемые с ее помощью результаты с результатами традиционных моделей прогнозирования, которые, таким образом, выступили в качестве контрольных.

Для решения этой задачи среди традиционных моделей нами было отобрано три наиболее распространенных, каждая из которых является общепризнанным инструментом прогнозирования результатов голосования. Это немаловажно в контексте предметного пространства данной статьи — они же в несколько измененной форме используются и для прогнозирования потребительского поведения.

Каждая из контрольных моделей основывается на том допущении, что выбор агентом варианта действия является результатом действия эксплицитных факторов, приводящих к формированию осознанного намерения. Экспериментальные модели принимали во внимание как рациональные (эксплицитные), так и внерациональные (имплицитные) факторы поведения.

Модель «намерение». В «контрольном» режиме модель «намерение» означает принятие положительного прогноза голосования за соответствующего кандидата для респондентов, выбравших этого кандидата, при ответе на вопрос: «Если бы выборы состоялись в следующее воскресенье, за кого из этих кандидатов Вы бы проголосовали?»⁷ В маркетинге аналогом данного вопроса служит вопрос: «Какую из приведенных ниже марок вы намереваетесь купить во время ближайшего похода в магазин?», на практике применяющийся, конечно, в большом количестве разнообразных модификаций, отражающих специфику задач каждого конкретного исследования.

Модель «намерение + голосование» (likelihood to vote / vote intention — **LVVI**) дает такой прогноз для тех, кто одновременно заявил о своем намерении голосовать за конкретного кандидата и подтвердил свое намерение пойти на избирательный участок⁸. В маркетинговых исследованиях подобная конструкция для прогноза объема сбыта на определенный период используется в форме, когда вопрос о намерении купить конкретную марку некоего товара сопровождается вопросом о времени планируемого визита в магазин.

Модель «подтвержденное намерение» обеспечивает позитивный прогноз для тех, кто заявил о своем намерении голосовать за конкретного кандидата и в то же время положительно ответил на вопрос: «Является ли Ваше решение окончательным или оно все еще может измениться?»

Модель LVVI подтвержденная. Наконец, последняя модель использует все три фильтра одновременно. Иными словами, положительный прогноз в отноше-

⁷ Предлагается список баллотирующихся кандидатов, имеются варианты «ни за кого из этого списка», «затрудняюсь ответить», «не хотел бы отвечать на этот вопрос».

⁸ Вопрос модели «намерение» дополняется вопросом: «Намереваетесь ли Вы принять проголосовать на выборах _____?». Имеются варианты «еще не решил», «затрудняюсь ответить», «не хотел бы отвечать на этот вопрос».

нии голосования за определенного кандидата сохраняется только для тех, кто подтвердил свою готовность принять участие в голосовании, указал кандидата, за которого намеревается голосовать, и подтвердил, что это его окончательное решение.

В «экспериментальном» режиме каждая из рассмотренных моделей дополнялась имплицитным фильтром отношения: положительный прогноз голосования сохранялся *только для тех*, кто продемонстрировал положительное имплицитное отношение к соответствующему кандидату по данным теста ГАТО. Таким образом, на основании каждой из этих моделей был построен прогноз в «контрольном» (на основе только эксплицитной компоненты) и «экспериментальном» (с учетом двух компонент — и эксплицитной, и имплицитной) режимах.

В таблице 1 представлены данные усредненных отклонений прогнозов различных моделей от фактических результатов, позволяющие дать сравнительную оценку эффективности применения традиционных и экспериментальных моделей. Для оценки относительной точности результатов, полученных при помощи каждой из них, мы вычли значения фактических результатов соответствующих кандидатов из полученных для них прогнозных значений. Затем модуль полученного таким образом отклонения нормировался, делясь на фактический результат для данного кандидата. В итоге в таблице 1 представлены нормированные отклонения, усредненные по всем кандидатам, получившим 5% и более голосов на соответствующих выборах (четыре крупнейших партии на выборах в Государственную Думу и три кандидата — на президентских выборах). Таким образом, данные по семи кандидатам позволили построить 28 контрольных и 28 экспериментальных моделей, формируя массив из 56 альтернативных прогнозных значений, доступных для проведения сравнительного анализа.

Таблица 1. Сравнительный анализ усредненных отклонений экспериментальных и контрольных моделей (п. п., данные предвыборных опросов ВЦИОМ 2016—2018 гг.)

Прогнозные модели	Намерение	LVVI	Намерение подтв.	LVVI подтв.
Выборы в Государственную думу, 2016 г.				
Контрольный режим (только эксплицитные факторы)	25,3	24,9	28,9	16,6
Экспериментальный режим (эксплицитные + имплицитные факторы)	20,7	18,0	11,8	9,4
<i>Улучшение прогноза в экспериментальных моделях</i>	<i>4,6</i>	<i>6,9</i>	<i>17,1</i>	<i>7,2</i>
Выборы Президента РФ, 2018 г.				
Контрольный режим (только эксплицитные факторы)	23,4	9,6	25,3	53,2
Экспериментальный режим (эксплицитные + имплицитные факторы)	21,3	8,5	26,1	26,6
<i>Улучшение прогноза в экспериментальных моделях</i>	<i>2,1</i>	<i>1,1</i>	<i>-0,8</i>	<i>26,6</i>

Как следует из данных таблицы 1, среднее нормированное отклонение прогноза контрольных моделей от фактического результата на выборах в Государственную думу 2016 г. составило от 16,6 п. п. для модели «LVVI подтвержденная», до 28,9 п. п. для модели «Намерение подтвержденное». Для экспериментальных моделей данный показатель оказался в диапазоне от 9,4 п. п. для модели «LVVI подтвержденная» до 20,7 п. п. для модели «Намерение». Улучшение прогноза за счет перехода от однокомпонентной к двухкомпонентной модели факторов поведения составило от 6,9 п. п. до 17,1 п. п. для моделей «LVVI» и «Намерение подтвержденное», соответственно.

Для прогнозов результатов президентских выборов 2018 г. ошибка контрольных моделей составила от 9,6 п. п. для «LVVI» до 53,2 п. п. для «LVVI подтвержденная». Ошибка экспериментальных моделей — от 8,5 п. п. для «LVVI» до 26,6 п. п. для «LVVI подтвержденная». Улучшение прогноза составило от 1,1 п. п. до 26,6 п. п. В одном случае зафиксировано ухудшение прогноза на 0,8 п. п., которые на общем фоне всей совокупности полученных результатов выглядят относительно незначительной величиной.

Как видно из представленных данных, эмпирические исследования 2016—2018 гг. выявили достаточно устойчивую закономерность повышения точности прогнозов для всех моделей при переходе от традиционного к экспериментальному режиму их использования. Поскольку единственным параметром, отличавшим экспериментальные модели от контрольных, являлось использование данных о состоянии имплицитной компоненты установки, данное улучшение невозможно приписать никакому иному фактору. Более того, позднейший анализ показал, что точность прогноза, выполненного только на основе имплицитной компоненты, оказывается заметно ниже точности прогноза, выполненного на основе только эксплицитной компоненты, и что собственно улучшение точности прогноза дает именно сочетание обеих компонент в одной прогнозной модели. Все эти факты явным образом указывают на синергетический характер возникающего эффекта, что, в свою очередь, позволяет говорить о наличии у системы экспериментальных моделей свойства эмерджентности.

Раз двухкомпонентная модель факторов поведения человека работает применительно к электоральному поведению, будет ли она работать также и в отношении потребительского поведения? Насколько мы могли убедиться, никаких теоретических препятствий для этого не просматривается. В практическом плане также имеются первые, пусть пока фрагментарные, но вполне обнадеживающие результаты. В частности, совместно с одним из ведущих маркетинговых агентств нашей страны мы провели пилотный проект на рынке FMCG. Обобщение результатов этого прикладного исследования — тема самостоятельной статьи. Тем не менее уже сейчас вполне уверенно просматриваются некоторые очевидные области применения двухкомпонентной модели поведения в прикладном маркетинге. Дадим им краткую характеристику.

1. Прогноз продаж. Точно так же, как и на политическом, на товарном рынке покупатель каждого конкретного бренда образует «ядро» и концентрические круги «периферии» его покупательской аудитории. Таких кругов может быть несколько, они подвижны разными мотивами и поэтому закономерно различаются

вероятностью покупки целевого бренда. Правильно оценивая объем этих групп и вероятность их переключения в каждом цикле покупок, можно (и нужно) делать более точные прогнозы объемов продаж.

2. Маркетинговая стратегия. Правильная оценка состояния указанных выше генеральных факторов продаж (объем и вероятность покупки различных групп покупательской аудитории) открывает возможности для сознательного управления ими. В частности, на основе более точного сегментирования рынка, адекватной оценки инсайтов собственного бренда и брендов-конкурентов, учета и грамотного использования культурных особенностей потребителей.

3. Сегментирование рынка. В норме рядовой потребитель не в состоянии достоверно отразить реальные мотивы своего потребительского поведения. Поэтому его ответы на «когнитивные» (пропускаемые через сознание) вопросы анкеты маркетингового исследования заведомо искажены эффектами «недостатка интроспекции», а часто и «сознательного искажения». Дополнение измерения эксплицитных мотивов потребителя выявлением имплицитных мотивов позволяет сформировать объемную и более реалистичную картину сил, движущих его покупательским поведением, и провести корректное сегментирование рынка.

4. Бренд-инсайт. Часто параметры и даже измерения («пространства различия»), в рамках которых потребители различают бренды, достоверно неизвестны владельцам последних. Причина та же: потребители сами толком не знают, почему они на самом деле предпочитают один бренд другому. Что в действительности бренд «говорит» потребителю? А что «говорят» бренды конкурентов? Использование имплицитной компоненты позволяет внести ясность в этом вопросе. В особенности в тех случаях, когда дело касается товарных категорий и брендов, апеллирующих прежде всего к эмоциональной сфере восприятия потребителей.

5. Культурные факторы спроса. Часто культурные нормы и ценности настолько глубоко «въедаются» в сознание и подсознание человека, что он сам не осознает силу их влияния на свое поведение. В политической социологии мы используем инструмент «карта бессознательного», который в наглядном виде показывает, как интересующие нас объекты реального мира «ложатся» на систему глубинных предпочтений человека. Это открывает возможности сделать продуктовое и ценовое предложение более точным, а послание бренда — более понятным, спотыкающимся о меньшее количество барьеров, существование которых часто не осознается и самим потребителем.

Заключение

Проведенный анализ показал, что в электоральной социологии появились некоторые наработки, заимствование которых маркетингом выглядит довольно перспективным.

Во-первых, данные наработки действительно демонстрируют эффективность, причем делают это весьма устойчиво. В настоящее время накоплено огромное количество фактов, подтверждающих закономерный характер их относительно более высоких результатов. Иными словами, изучение вопроса об использовании передовых методов политической социологии в маркетинге целесообразно.

Во-вторых, для такого заимствования не обнаруживаются фундаментальных теоретических препятствий. Методологической основой обеих дисциплин выступает модель «экономического поведения» как основы деятельности человека. «Человек экономический», в рамках своей деятельности «максимизирующий полезность», — это аксиоматическое допущение лежит в основе господствующих научных парадигм как в социологии, так и в экономике.

В-третьих, уже сейчас обнаруживается целый перечень предметных областей маркетинга, где использование методического багажа электоральных опросов и электорального прогнозирования оказывается очевидно уместным. К таким областям относятся прогнозирование спроса и продаж, сегментирование потребителей, разработка новых брендов, конструирование инсайтов, бренд-лифтинг, ценовая политика, продуктовая стратегия и стратегия продвижения, маркетинговая стратегия в целом.

Нет сомнений в том, что массовое внедрение рассмотренных моделей и методов в практику маркетинга выявит какие-то затруднения, которые мы пока упускаем из виду. Однако эти затруднения наверняка будут носить частный, технический, иными словами — вполне преодолимый характер. В этом, помимо прочего, нас убеждает опыт применения ГАТО в рамках уже упоминавшегося исследования конкурентной ситуации на одном из рынков FMCG. Как оно проходило и к каким выводам привело совместную группу исследователей — в следующей статье.

Список литературы (References)

- Дойль П. Маркетинг, ориентированный на стоимость. СПб.: Питер, 2001.
Doyle P. (2001) *Marketing Strategies for Corporate Growth and Shareholder Value*. St. Petersburg: Peter. (In Russ.)
- Талер Р. Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать. М.: ЭКСМО, 2017.
Thaler R. (2017) *Misbehaving: The Making of Behavioral Economics*. Moscow: EKSMO. (In Russ.)
- Allais M. (1953) Le Comportement de l'Homme Rationnel Devant Le Risque: Critique des Postulats et Axiomes de L'Ecole Americaine. *Econometrica*. Vol. 21. No. 4. P. 503—546. <https://doi.org/10.2307/1907921>.
- Allais M., Hagen O. (eds.) (1979) *Expected Utility Hypothesis and the Allais Paradox*. Dordrecht: Reidel.
- Arcuri L., Castelli L., Galdi S., Zogmaister C., Amadori A. (2008) Predicting the Vote: Implicit Attitudes as Predictors of the Future Behavior of Decided and Undecided Voters. *Political Psychology*. Vol.29. P. 369—387.
- Arrow K., Forsythe R., Gorham M., Hahn R. (2008) The Promise of Prediction Markets. *Science*. Vol. 320. P. 877—878. <https://doi.org/10.1126/science.1157679>.
- Atanasov P., Rescober Ph., Stone E., Swift S., Servan-Schreiber E., Tetlock Ph.E., Ungar L., Mellers B. (2015) *Distilling the Wisdom of Crowds: Prediction Markets*

Versus Prediction Polls. *Academy of Management Proceedings*. No. 1. <https://doi.org/10.5465/AMBPP.2015.15192abstract>.

Burrows R., Savage M. (2014) After the Crisis? Big Data and the Methodological Challenges of Empirical Sociology. *Big Data & Society*. <https://doi.org/10.1177/2053951714540280>.

Chernozub O. L. (2020a) Implicit Factors and Voting Behaviour Inconsistency: From Theoretical Concept to Empirical Phenomenon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 17—40. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1584>.

Chernozub O. L. (2020b) Implicit Factors and Voting Behavior Inconsistency: From an Attitude to Behavior *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 71—89. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1796>.

Choma B. L., Hafer C. L. (2009) Understanding the Relation Between Explicitly and Implicitly Measured Political Orientation: The Moderating Role of Political Sophistication. *Personality and Individual Differences*. Vol. 47. P. 964—967.

Clancy K., Krieg P. (2000) *Counterintuitive Marketing: Achieving Great Results Using Uncommon Sense*. New York, NY: Free Press.

Clancy K., Krieg P., McGarry Wolf M. (2006) *Market New Products Successfully: Using Simulated Test Market Technology*. Lanham: Lexington Books.

Cox R. T. (2001) *Algebra of Probable Inference*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Dupré M. J., Tipler F. T. (2009) New Axioms for Bayesian Probability. *Bayesian Analysis*. Vol. 4. No. 3. P. 599—606. <https://doi.org/10.1214/09-BA422>.

Ellsberg D. (1961) Risk, Ambiguity, and the Savage Axioms. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 75. No. 4. P. 643—669. <https://doi.org/10.2307/1884324>.

Erikson R., Panagopoulos C., Wlezien C. (2004) Likely (and Unlikely) Voters and the Assessment of Campaign Dynamics. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 68. No. 4. P. 588—601. <https://doi.org/10.1093/poq/nfh041>.

Festinger L. (1957) *A Theory of Cognitive Dissonance*. Evanston, IL: Row & Peterson.

Festinger L., Carlsmith J. M. (1959) Cognitive Consequences of Forced Compliance. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 58. No. 2. P. 203—210. <https://doi.org/10.1037/h0041593>.

Fazio R., Olson M. (2014) The MODE model: Attitude-Behavior Processes as a Function of Motivation and Opportunity. In: *Dual Process Theories of the Social Mind*. New York: Guilford Press.

Fishbein M., Ajzen I. (2011) *Predicting and Changing Behavior: The Reasoned Action Approach*. New York; Hove: Psychology Press.

Fortunato V. C. R., Giraldi J. M. E., de Oliveira J. H. C. (2014) A Review of Studies on Neuromarketing: Practical Results, Techniques, Contributions and Limitations. *Journal of Management Research*. Vol. 6. No. 2. P. 201—220.

Friedman M., Savage L. J. (1948) Utility Analysis of Choices Involving Risk. *Journal of Political Economy*. Vol. 56. No. 4. P. 279—304.

Goldstein D. G., Gigerenzer G. (2002) Models of Ecological Rationality: The Recognition Heuristic. *Psychological Review*. Vol. 109. No. 1. P. 75—90. <http://dx.doi.org/10.1037/0033-295X.109.1.75>.

Graefe A. (2014) Accuracy of Vote Expectation Surveys in Forecasting Elections. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 78. No. S1. P. 204—232. <https://doi.org/10.1093/poq/nfu008>.

Greenwald A. G., Poehlman T. A., Uhlmann E. L., Banaji M. R. (2009a) Understanding and Using the Implicit Association Test: III. Meta-Analysis of Predictive Validity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 97. No. 1. P. 17—41.

Greenwald A. G., Smith C. T., Sriram N., Bar-Anan Y., Nosek B. A. (2009b) Implicit Race Attitudes Predicted Vote in the 2008 U. S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*. Vol. 9. P. 241—253.

Heider F. (1958) *The Psychology of Interpersonal Relations*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. <http://dx.doi.org/10.1037/10628-000>.

Himmelfarb S., Eagly A. H. (1974) Orientations to the Study of Attitudes and Their Change. In: Himmelfarb S., Eagly A. H. (eds.) *Readings in Attitude Change*. New York, NY: John Wiley & Sons. P. 2—49.

Kahneman D. (2003) Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *The American Economic Review*. Vol. 93. No. 5. P. 1449—1475.

Kahneman D. (2011) *Thinking, Fast and Slow*. New York, NY: Farrar, Straus and Giroux.

Katz D. (1960) The Functional Approach to the Study of Attitudes. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 24. No. 2. P. 163—204. <https://doi.org/10.1086/266945>.

Kennedy C., Blumenthal M., Clement S., Clinton J., Durand C., Franklin Ch., McGeeney K., Miringoff L., Olson K., Rivers D., Saad L., Witt E., Wlezien Ch. (2016) An Evaluation of 2016 Election Polls in the U.S. AAPOR. URL: <https://www.aapor.org/Education-Resources/Reports/An-Evaluation-of-2016-Election-Polls-in-the-U-S.aspx> (accessed: 14.08.2021).

Kiesler Ch.A., Collins B. E., Miller N. (1969) *Attitude Change. A Critical Analysis of Theoretical Approaches*. New York, N.Y.: John Wiley and Sons.

Lee N., Broderick A. J., Chamberlain L. (2007) What Is ‘Neuromarketing’? A Discussion and Agenda for Future Research. *International Journal of Psychophysiology*. Vol. 63. No. 2. P. 199—204.

Newport F. (2008) Who are Likely Voters and When Do they Matter. *Gallup*. URL: <http://www.gallup.com/poll/109135/who-likely-voters-when-they-matte.aspx> (accessed: 14.08.2021).

O’Keefe D.J. (1990) *Persuasion: Theory and Research*. Newbury Park, CA: SAGE.

Perugini M. (2005) Predictive Models of Implicit and Explicit Attitudes. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 44. No. 1. P. 29—45. <https://doi.org/10.1348/014466604X23491>.

Perry P. (1973) A Comparison of the Voting Preferences of Likely voters and Likely Nonvoters. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 37. No. 1. P. 99—109. <https://doi.org/10.1086/268063>.

Perry P. (1979) Certain Problems in Election Survey Methodology. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 43. No. 3. P. 312—325. <https://doi.org/10.1086/268524>.

Roccatto M., Zogmaister C. (2010) Predicting the Vote Through Implicit and Explicit Attitudes: A Field Research. *Political Psychology*. Vol. 31. No. 2. P. 249—274. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2009.00751.x>.

Rogers T., Aida M. (2012) Why Bother Asking? The Limited Value of Self-Reported Vote Intention. *Harvard Kennedy School of Government. Faculty Research Working Paper Series*. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1971846>.

Rosenberg M. J. (1956) Cognitive Structure and Attitudinal Affect. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 53. No. 3. P. 367—372. <http://dx.doi.org/10.1037/h0044579>.

Rosenberg M.J., Hovland C. I., McGuire W.J., Abelson R. P., Brehm J. W. (1960) *Attitude Organization and Change: An Analysis of Consistency Among Attitude Components*. Oxford: Yale University Press.

Rothschild D., Wolfers J. (2011) Forecasting Elections: Voter Intentions Versus Expectations. SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=1884644> (accessed: 14.08.2021).

Savage M., Burrows R. (2007) The Coming Crisis of Empirical Sociology. *Sociology*. Vol. 41. No. 5. P. 885—899. <https://doi.org/10.1177/0038038507080443>.

Shah A. K., Oppenheimer D. M. (2008) Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework. *Psychological Bulletin*. Vol. 134. No. 2. P. 207—222. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.2.207>.

Smith M. B. (2003) *For a Significant Social Psychology: The Collected Writings of M. Brewster Smith*. New York, NY: New York University Press.

Strack F., Deutsch R. (2004) Reflective and Impulsive Determinants of Social Behavior. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 8. P. 220—247.

Sturgis P., Baker N., Callegaro M., Fisher S., Green J., Will J., Kuha J., Lauderdale B., Smith P. (2016) *Report of the Inquiry into the 2015 British General Election Opinion Polls*. London: Market Research Society and British Polling Council.

Tintner G. (1941a) The Pure Theory of Production under Technological Risk and Uncertainty. *Econometrica*. Vol. 9. No. 3/4. P. 305—311. <https://doi.org/10.2307/1907199>.

- Tintner G. (1941b) The Theory of Choice under Subjective Risk and Uncertainty. *Econometrica*. Vol. 9. No. 3/4. P. 298—304. <https://doi.org/10.2307/1907198>.
- Tintner G. (1942) A Contribution to the Nonstatic Theory of Production. In: *Studies in Mathematical Economics and Econometrics*. Chicago: University of Chicago Press. P. 92—109.
- Tversky A., Kahneman D. (1992) Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. Vol. 5. No. 4. P. 297—323. <https://doi.org/10.1007/BF00122574>.
- Tufte E. (1978) *Political Control of the Economy*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Tumasjan A., Sprenger T. O., Sandner P. G., Welpel I. M. (2010) Predicting Elections With Twitter: What 140 Characters Reveal About Political Sentiment. *Proceedings of the 4th International AAAI Conference on Weblogs and Social Media*. AAAI Press. P. 178—185.
- Vandenberghe F., Fuchs S. (2019) On the Coming End of Sociology. *Canadian Review of Sociology / Revue canadienne de sociologie*. Vol. 56. No. 1. P. 138—143. <https://doi.org/10.1111/cars.12238>.
- Vermunt J. K., Magidson J. (2005) Factor Analysis with Categorical Indicators: A Comparison between Traditional and Latent Class Approaches. In: van der Ark L. A., Croon M. A., Sijtsma K. (eds.) *Quantitative Methodology Series. New Developments in Categorical Data Analysis for the Social and Behavioral Sciences*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. P. 41—62.
- Wilson T., Lindsey S., Schooler T. (2000) A Model of Dual Attitudes. *Psychological Review*. Vol. 107. No. 1. P. 101—126. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.107.1.101>.
- Walras L. (1954) *Elements of Pure Economics, or The Theory of Social Wealth*. Transl. by W. Jaffé. London: Allen and Unwin.
- Weintraub E. R. (2007) Neoclassical Economics. *The Concise Encyclopedia of Economics*. URL: <http://www.econlib.org/library/Enc1/NeoclassicalEconomics.html> (accessed: 14.08.2021).

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1780](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1780)

В. С. Вершина, Е. М. Долгова, О. А. Оберемко, О. А. Тхагужокова

ЭТЮД О БАРБЕРШОПАХ В РОССИИ: КЕЙС СВЯЗИ МИКРО- И МАКРОУРОВНЕЙ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Правильная ссылка на статью:

Вершина В. С., Долгова Е. М., Оберемко О. А., Тхагужокова О. А. Этюд о барбершопах в России: кейс связи микро- и макроуровней в качественном исследовании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 99—120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1780>.

For citation:

Vershina V. S., Dolgova E. M., Oberemko O. A., Tkhaguzhokova O. A. (2021) A Study of Barbershops in Russia: The Relationship between Micro and Macro Levels in a Qualitative Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 99–120. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1780>. (In Russ.)

ЭТЮД О БАРБЕРШОПАХ В РОССИИ: КЕЙС СВЯЗИ МИКРО- И МАКРОУРОВ- НЕЙ В КАЧЕСТВЕННОМ ИССЛЕДОВА- НИИ

ВЕРШИНА Виктория Сергеевна — студентка факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vikavershina12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4297-3084>

ДОЛГОВА Екатерина Михайловна — студентка факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: katerindooo@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5104-3110>

ОБЕРЕМКО Олег Алексеевич — кандидат социологических наук, заведующий методической лабораторией, ВЦИОМ, Москва, Россия; доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва
E-MAIL: ooberemko@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7967-2533>

ТХАГУЖОКОВА Оксана Аслановна — студентка факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: oksaanaa@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0328-884X>

A STUDY OF BARBERSHOPS IN RUSSIA: THE RELATIONSHIP BETWEEN MICRO AND MACRO LEVELS IN A QUALITATIVE RESEARCH

*Viktoria S. VERSHINA*¹ — Student at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: vikavershina12@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4297-3084>

*Ekaterina M. DOLGOVA*¹ — Student at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: katerindooo@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5104-3110>

Oleg A. OBEREMKO^{1,2,3} — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Methodological Laboratory; Associate Professor at the Department of Sociological Research Methods, Faculty of Social Sciences; Senior Researcher
E-MAIL: ooberemko@yandex.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7967-2533>

*Oksana A. TKHAGUZHOKOVA*¹ — Student at the Faculty of Social Sciences
E-MAIL: oksaanaa@list.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0328-884X>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia

³ Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Аннотация. В статье показан пример трансформации дизайна качественно-исследовательского исследования: как делался переход от поисковой открытой (open-ended) стратегии к директивной за счет формулирования, а затем и уточнения ключевого исследовательского вопроса (КИВ). Данная методологическая логика была использована при попытке объяснения сорокакратного роста количества барбершопов в России за 2013—2017 гг. и образовавшейся при этом дифференциации премиальных стандартов, о чем свидетельствуют различия в соответствии функциональному и социально-эмоциональному критериям премиальности в выбранных для сравнения сетях барбершопов. Диверсификация премиальных стандартов выражается преимущественно в качестве базовых услуг барбершопов, в паттернах обхождения с клиентами и в человеческом капитале персонала. В статье представлены только те сюжеты профессиональной деятельности барберов, которые обоснованно можно отнести к типичным. Декомпозиция ключевого исследовательского вопроса при повторном прочтении и кодировании интервью позволила обнаружить сегментацию барбершопов по степени их соответствия премиальным стандартам и предложить правдоподобную интерпретацию взрывному росту числа барбершопов в России.

Ключевые слова: дизайн качественного исследования, ключевой исследовательский вопрос, социология труда, социология рынков, сегментация рынка, премиальные услуги, барбершопы

Abstract. The article exemplifies the transformation in the qualitative research design: how by formulating and clarifying a key research question (KRQ) the transition from an open-ended search strategy to a directive one was made. This methodological logic was utilized to understand the forty-fold increase in the number of barbershops in Russia which happened in 2013–2017 and led to the differentiation of premium standards. The results of our study indicate the differences in the network of compared barbershops in accordance with the functional and social-emotional criteria of premium. The diversification of premium standards is expressed primarily in the quality of basic barbershop services, in customer service patterns and in the human capital of the staff. The article presents only those narratives of the professional activity of barbers that can reasonably be attributed to typical. Decomposition of the key research question during re-reading and coding of interviews allowed us to discover the segmentation of barbershops according to the degree of their compliance with premium standards and to offer a credible interpretation of the explosive growth in the number of barbershops in Russia.

Keywords: qualitative research design, key research question, sociology of work, sociology of markets, market segmentation, premium services, barbershops

Введение и методология исследования

С советских времен в России женщинам служили салоны красоты, а мужчины чаще довольствовались *просто парикмахерскими*. Гендерное равенство восторжествовало с появлением премиальных барбершопов, где стрижка стала в разы дороже, чем в обычных заведениях, куда ходили *просто стричься*, поскольку в цену, помимо базовой услуги, включался проведенный досуг в специфической мужской атмосфере¹.

Первоначально нами ставилась скромная задача поискового качественного исследования — описать какое-либо относительно новое повседневное городское профессиональное занятие. Барберов выбрали как представителей такого занятия, доступного для наблюдения и контакта, а поскольку сравнительное описание делать легче, чем монографическое, в эмпирический объект включили работников двух случайно выбранных сетей барбершопов.

Дизайн исследования был обычным для поискового качественного проекта: сначала мы провели наблюдение с недифференцированной задачей «фиксировать все, что вижу»; проанализировав протоколы наблюдений, мы уточнили имеющийся шаблон гайда для описания профессиональной деятельности (о трудовых буднях и приходе в профессию); взятые у шести мастеров интервью подвергли тематическому анализу. После этого стало ясно, что в *микроданных* интервью с мастерами, которых трудно отнести к экспертам по *макро*процессам на рынке бьюти-услуг, есть нечто, что может пролить свет на макропроцессы, в частности, объяснить отмеченный аналитиками рынка почти сорокакратный рост числа барбершопов в России в 2013—2017 гг.²

Таким образом, выполняя первичную описательную задачу, с освоением эмпирического материала мы приобрели знания, необходимые для того, чтобы сформулировать ключевой исследовательский вопрос (КИВ) для дальнейшего поиска: как объяснить резкий рост премиальных заведений в сфере парикмахерских услуг? Дальнейшая декомпозиция первоначального КИВ привела к формулированию частных гипотез и его уточнению для повторного анализа собранных данных. Эмпирическая часть нашего этюда состоит в извлечении из *всех* релевантных фрагментов собранных интервью малейших сведений, пригодных для объяснения события макроуровня.

Уточнение ключевого исследовательского вопроса (КИВ)

В коммерческом секторе логично ожидать, что рост количества заведений обеспечивался платежеспособным спросом мужчин, которые посчитали себя достойными высококласного обслуживания. Опираясь на общие знания по экономике, мы сформулировали три возможных источника платежеспособного спроса для сорокакратного роста числа барбершопов:

1) резкий рост российской экономики, сопровождавшийся ростом доходов россиян, в том числе мужчин;

¹ Что такое барбершоп? // Портал барбершопна MG gentlemen's club. 2019. 3 сентября. URL: <https://mgbarbershop.ru/2019/09/03/chto-takoe-barbershop> (дата обращения: 28.07.2021).

² Объем рынка барбершопов в 2017 году вырос на 48% // РБК: Исследования рынков. 2018. 20 апреля. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/10273> (дата обращения: 27.07.2021).

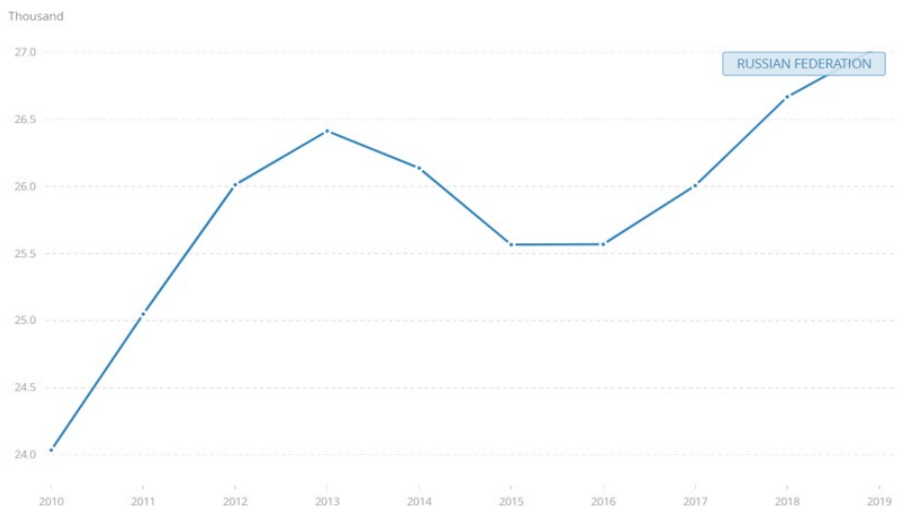
2) резкое расслоение, обеспечившее клиентам барбершопов опережающий рост доходов;

3) определенные группы мужчин стали перераспределять свои невыросшие доходы в пользу барбершопов, сократив потребление других товаров и услуг.

Для проверки этих предположений мы обратились к источникам, описывающим экономическую ситуацию и потребительские рынки в России.

1. Одним из индикаторов экономического роста считается прирост ВВП [Губанов, Жиляев, 2013]. В последние годы этот вроде бы объективный показатель стал предметом политизированных споров, в которых были заметны пессимисты и оптимисты. Как следует из представленных на рисунке 1 данных, с 2010 по 2013 г. в России наблюдался подъем экономики, и в 2013 г. ВВП имел максимальное значение. Именно в 2011 г., когда экономика находилась в фазе роста, в стране открылись первые барбершопы³. Затем в отечественной экономике произошел спад, и только в 2017 г. наметилась новая тенденция к постепенному росту ВВП⁴. Таким образом, бурный экономический подъем не стоит за радикальным расширением сетей барбершопов в России.

Рис. 1. ВВП России на душу населения в пересчете на курс доллара 2017 г.⁵

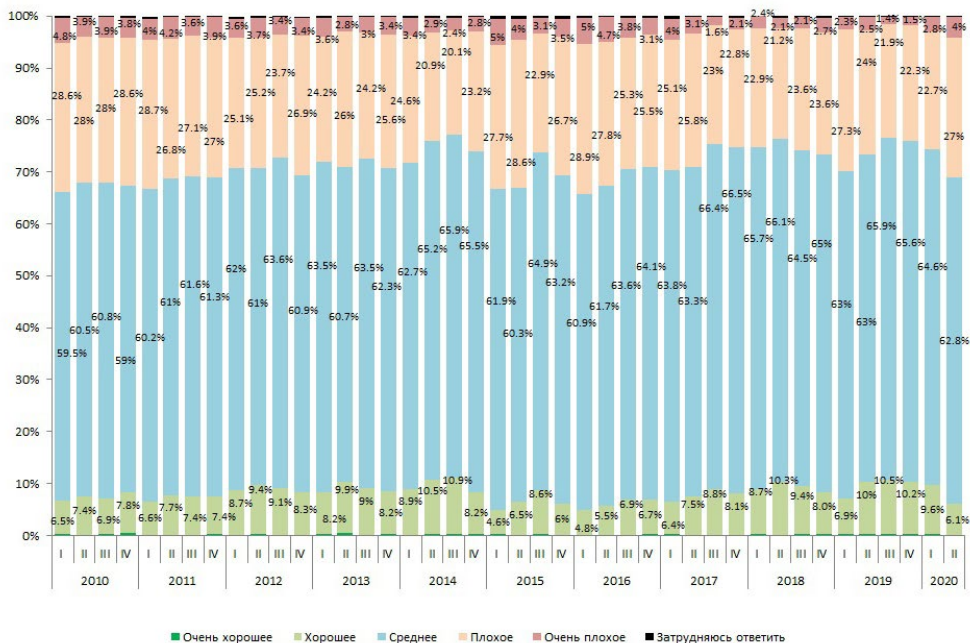
³ Мирсияпова Х. Жил да был брадобрей: как устроен бизнес мужских парикмахерских Chop-Chop // Forbes. 2014. 27 марта. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/pokupki/253031-zhil-da-byl-bradobrei-kak-ustroen-biznes-muzhskikh-parikmaherskikh-chop-c> (дата обращения: 1.08.2021).

⁴ Российская экономика: под влиянием кредитного цикла // Министерство экономического развития РФ. 2019. 26 августа. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/b90a44748de90be36f35d0e007b7fc15/190826.pdf> (дата обращения: 3.08.2021).

⁵ Источник: GDP (current US\$) — Russian Federation // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2017&locations=RU&start=2010> (дата обращения: 3.08.2021).

2. Прямых данных для проверки гипотезы об опережающем росте доходов у клиентов барбершопов у нас, к сожалению, нет. Однако доступные данные Росстата о динамике оценок россиянами своего материального положения (см. рис. 2) не содержат предпосылок для бурного роста числа барбершопов.

Рис. 2. Оценка россиянами текущего материального положения, 2010—2020 гг.⁶

3. В научно-исследовательской литературе потребление рассматривается как способ демонстрации и как мотив к социальной мобильности. Демонстративное потребление может использоваться для воспроизводства социально-классовых барьеров [Веблен, 2011], а также для заявления претензий на получение каких-либо благ [Баранова, 2011]. Г. Зиммель указывал, что посредством моды, использования в одежде специальных знаков и определенных брендов, путем демонстрации возможности потреблять не всем доступные товары высшие классы стремятся подчеркнуть свое социальное положение. Процесс, при котором низшие классы, подражая высшим, пытаются потреблять те же или внешне похожие вещи, Зиммель назвал «эффектом просачивания» [Зиммель, 1996]. Если принять, что мода служит не антагонистическим, а соревновательным мотивам престижного потребления, тогда стрижка в барбершопе демонстрирует следование модному стандарту [Гофман, 1994] ухоженного мужчины. При этом поддержание статуса иногда сопровождается столь значительными издержками, что утрачивает свою

⁶ Источник: Уровень жизни. Мнение населения о текущем материальном положении 2010—2020 гг. // Федеральная служба государственной статистики. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 07.06.2021).

экономическую обоснованность [Радаев, 2005]. В этой логике в обращении к услугам барбершопов видится удостоверение принадлежности к группе высокого достатка либо притязание на принадлежность к ней.

Теперь зададимся вопросом: переживала ли Россия взрыв моды на бороды? По данным ВЦИОМ⁷, в начале сентября 2019 г. 10 % россиян имели «короткую бороду», а раньше ее носили 13 %. Таким образом, количественного роста любителей аккуратной короткой бороды опрос 2019 г. не обнаружил. Длинных бород никогда не носили в прошлом 93 % россиян. При этом подавляющее большинство мужчин (91 %) ухаживают за своей растительностью на лице «самостоятельно», и лишь 8 % сообщили, что пользуются услугами парикмахера или барбера. Ношение бороды как следование моде отметили 9 % респондентов (то есть 9 % от тех 10 % мужчин, кто носит бороду, или 0,9 % от всех мужчин РФ), обязанность носить бороду по религиозным соображениям — 6 % (или 0,6 % от всех мужчин РФ). Но чаще всего бородачи ссылались на лень (35 % опрошенных, или 3,5 % от всех мужчин РФ) и привычку (30 % опрошенных, или 3,0 % от всех мужчин РФ). Разумеется, серийные данные были бы надежнее, но в открытом доступе их нет, поэтому приходится делать вывод по одному замеру: влияние культурных факторов (признаков взрывной моды) на рост спроса на услуги барбера не обнаружено.

Если не наблюдается факторов повышения спроса со стороны клиентов, остается предположить, что популярность барбершопов стимулируется стороной предложения: а) либо согласием на меньшую (ниже ожидаемой на рынке) выручку, б) либо несоблюдением премиального стандарта.

В первом случае (а) напрашивается параллель со стратегией демпинга, направленной на привлечение большего числа клиентов [Лазуренко, 2003]. Однако ценник российских барбершопов выступает одним из объективных признаков, отличающих салон от обычной парикмахерской⁸. К тому же странно от малых экономических агентов, каковыми являются барбершопы, ожидать запаса прочности для длительного демпинга. Остается второй вариант (б). Согласно определению, *премиум* — это «вложенный в упаковку подарок, который получает потребитель при покупке в дополнение к основному товару»⁹. В случае с барбершопами основным товаром считается стрижка, а дополнением — алкогольные и безалкогольные напитки, возможность «в мужской компании» сыграть в игровую приставку и т. д., находясь в стильном интерьере.

Премиальность услуг и товаров оценивается соответствием двум основным критериям: *функциональному* и *социально-эмоциональному* [Прокина, Сарыгина, 2005]. Первый аспект включает в себя высокое качество и уникальный дизайн, второй отражает философию бренда и нацеленность на определенный социальный статус потребителей. Следовательно, можно утверждать, что *всякий специфический для сети признак, который можно соотнести с функциональным и/или*

⁷ Мужская борода: лень или мода? (Аналитический обзор) // ВЦИОМ. 2019. 5 сентября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9880> (дата обращения: 13.08.2021).

⁸ Суворова Н. Chop-Chop: как бывшие редакторы GQ и татуировщик ввели в России моду на барбершопы // Inc. Russia. 2017. 5 июня. URL: <https://incrossia.ru/fly/chop-chop-kak-byvshie-redaktory-gq-i-tatuировщик-vveli-v-rossii-modu-na-barbershopy-i-sdelali-otl/> (дата обращения: 13.08.2021).

⁹ Радченко И. А. Учебный словарь терминов рекламы и Паблик Рилейшенз / под ред. Е. Е. Топильской. Воронеж: ВФ МГЭИ, 2007. С. 21.

социально-эмоциональным критерием премиальности, будет свидетельствовать о дифференциации премиальных стандартов. Теперь можно уточнить КИВ для повторного прочтения и кодирования интервью: какие элементы в описании мастерами своей профессиональной деятельности могут быть маркерами (не) соответствия критериям премиальности оказываемых услуг?

Такая конкретизация КИВ отражала некоторые инсайты описательного этапа: различия между сетями замечались в интерьере, в отношении к клиентам, ценовой политике¹⁰, внешнем виде мастеров, даже в отношении к наблюдателям. Тогда же возникла идея ранжировать сети по этим различиям. Сложность была в том, что без конкретного КИВ даже самые простые различия было затруднительно однозначно ранжировать. Например, маскулинный дизайн интерьера салона можно было интерпретировать как статусный барьер, атрибут места с претензионным характером. Без конкретного КИВ интерпретация данных допускала *отнесение к любой ценности*, теперь же нормирующей ценностью стала *премиальность услуги*.

Итак, на основе наблюдений и описательного анализа интервью мы предположили, что две **сети** барбершопов **А** и **Б** относятся к разным сегментам по степени их соответствия премиальным стандартам. При обнаружении такой сегментации мы получаем возможность понять природу сорокакратного роста числа барбершопов в России. В своем поиске признаков несоответствия премиальным стандартам из всех кодов описательного анализа интервью мы ограничились следующими:

- обучение профессии и процесс трудоустройства;
- взаимодействие с клиентами;
- взаимодействие с коллегами;
- взаимодействие с руководством и контроль.

Под сформулированный КИВ появилась возможность по-новому интерпретировать собранные данные. Для систематического сравнения мы использовали целевую контрастную выборку из шести барберов московских салонов: по три из каждой сети. Для максимизации разнообразия ситуаций мастеров отбирали в разных салонах. Конформность в отборе сетей реинтерпретации не подлежит: салоны сетей А и Б просто первыми попались на глаза.

Ограничения исследования

Проведенное исследование имеет существенные ограничения. Во-первых, в условиях жестких временных рамок на выполнение исследовательского проекта на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» опросить больше барберов, поговорить с клиентами и администраторами салонов, выйти на руководителей сетей не представлялось возможным.

Во-вторых, значимым ограничением мы считаем возможность генерализации результатов анализа. Так, выводы, сделанные относительно сети Б¹¹, с большой долей уверенности могут быть генерализованы на всю эту сеть в Москве, так как на момент сбора данных (октябрь — ноябрь 2019 г.) в столице у нее имелось

¹⁰ Прямо сравнить ценники двух сетей, чтобы установить, где дороже и, следовательно, «премиальнее», не получается: по-разному составлены прейскуранты и сходные услуги имеют специфические названия.

¹¹ Здесь представлены только те выводы, которые имеют твердые основания в данных: спонтанность разговора и повторяемость кодов. По этическим соображениям названия сетей мы не раскрываем.

всего семь барбершопов, и ни одна из них не была франшизой, что обеспечивало единство менеджмента и условий труда. Генерализация выводов на мастеров салонов сети А оценивается нами как менее надежная, так как все парикмахерские этой сети по России, включая Москву, считались франшизами. Следовательно, наряду с общими правилами и стандартами, у каждого филиала сети А было собственное руководство и специфические правила.

В-третьих, скромное количество интервью, конечно, не усиливает обоснованность выводов, однако мы представили только те сюжеты, *типичность* которых подтверждается *неоднократным* их упоминанием в независимых друг от друга интервью, взятых в разных салонах.

Наконец, в-четвертых, интервью проводились по месту работы, в окружении коллег и администратора салона. Присутствие третьих лиц во время интервью повышает шансы на приукрашивание действительности, но одновременно верифицирует свидетельства об отступлении от премиальности обслуживания.

Аспекты сегментации рынка барбершопов

Обучение профессии и процесс трудоустройства

В сети А никто из мастеров не сказал, что умел стричь до работы в сети. Напротив, все прошли сетевое обучение до официального приема на работу:

Меня взяли в <название сети> и обучали сначала, я очень благодарен за то, что меня взяли и обучили. (Б1, 21: 375—376)¹²

Р: ...Надо проходить квалификацию, сертификаты получать, дипломы. Проходишь обучение, потом они начинают принимать тебя на работу, стрижешь людей.

Инт.: То есть до этого не было никаких сертификатов барбера?

Р: До этого нет. Мне сказали обучиться, я ходил на обучение, сдавал. И потом приняли на работу. Официальная работа. (Б3, 24: 15—20)

Обучение в сети А не отменяет необходимости постоянно совершенствовать умения, в том числе посредством постоянного самонаблюдения и наблюдения за работой коллег, участия в мастер-классах и тренингах. Мастера отмечали, что в философии бренда принципиально важна ориентация на самостоятельное обучение и готовность отовсюду заимствовать новое:

Я постоянно у кого-то что-то новое беру. Я и видео-обучалки смотрю, постоянно обучаюсь разным стилям, поэтому я отличаюсь немного своей креативностью. (Б1, 21: 183—184)

В обучении новому мастер видит основу своей отличительной «креативности», степень которой, впрочем, он *скромно* не преувеличивает. В другом интервью мы видим, что *скромная* оценка собственного мастерства и наличие референтной

¹² Здесь и далее ссылки на интервью имеют следующий вид: 1) № интервью с барбером, 2) возраст барбера: 3) строки транскрипта.

группы, на которую надо равняться (барберы в Америке), вполне осознается как ресурс для профессионального роста:

Надо опыта набраться как бы. Барбершопы не просто парикмахерские. Вот в Америке барберы конкретно. Например, они с кем-то могут на улице курить или прям с клиентом общий язык найдут. Они в Америке. И все стрижки барбершопские какие есть, они все знают. Вот так. Ну, 70 % этого у меня есть. Но мне нужно время, чтобы опыта набраться. (Б2, 23: 360—365)

Здесь важны: а) наличие у мастера референтной группы и б) ощущение, что необходимо продолжать профессионально расти.

При скептическом отношении к коллегам и мастер-классам выручает внутренняя неудовлетворенность достигнутым мастерством:

Я не люблю ходить по этим тусовкам барберским и смотреть, что там делают. Потому что чему-то новому меня вряд ли научат. Посмотреть можно и в интернете. Если я почувствую, что что-то не так делаю. А так, в общем и целом, главное развиваться самому. (Б3, 24: 275—278)

Таким образом, все барберы озвучили понимание, что не владеют всеми навыками парикмахерского дела в совершенстве и им есть куда расти. Это можно отнести к признакам мастерства. Однако несоответствие премиум-классу видится в том, что мастеров готовят с нуля из новичков.

Испытанием при трудоустройстве в сеть А считается демонстрация стрижки модели перед владельцем франшизы. При этом владелец оценивает не только показанный результат собственно стрижки, но и слабо формализуемую перспективность работника:

...Ты должен постричь человека, они посмотрят, если я... Они оценивают как-нибудь твои умения, самого человека, твою личность, что ты из себя представляешь, и тогда они заинтересуются. (Б1, 21: 11—13)

Если есть талант и желание, то да. Дают шанс. Если видят, что ты справился, то берут на работу и будешь работать. (Б3, 24: 335—336)

Ясно, что каждый владелец франшизы имеет свое видение таланта и интересной личности и по собственным критериям оценивает выполненную работу, так что напрашивается вывод: в каждом салоне сети А могут быть свои стандарты, о чем прямо сказал один из барберов:

...В [разных салонах сети А] все по-разному. В одном так обслуживают, в другом так. Абсолютно по-разному. Где-то используют одну косметику, где-то другую. (Б1, 21: 338—339)

Итак, в сети А франшиза не предусматривает имплементации единых квалификационных стандартов при обучении мастеров. Это объясняет, почему при раскрытии темы профессионального становления мастера акцентировали внимание на самообучении и креативности.

В сети Б процесс фирменного обучения имеет специальное название — «академия». Выпускник академии проходит стажировку, по результатам которой арт-директор решает, оставить его работать в фирме или нет.

Я был одним из первых мастеров, который закончил академию в [название сети Б]. Там есть своя академия, куда можно прийти и учиться стричь. Я из второго набора, если мне не изменяет память. Просто я здесь остался. Меня взяли на стажировку после обучения. С тех пор я здесь и работаю. <...> Стажировка — это значит, что... в [конкретном салоне сети Б] есть отдельная комната, где стригут только стажеры. Они сами занимаются поиском себе клиентов. И все это под надзором арт-директора. Вот так вот прошло трудоустройство. То есть стажировка длилась месяца два-три... (Б6, 28: 8—11, 15—18)

В [название сети Б] эта система построена таким образом, что главный определяющий фактор, будешь ты работать или нет, — это то, что ты должен быть человеком, близким по духу именно самой компании, ее идеологии, концепции и т. д. За все эти моменты отвечает наш арт-директор, ты проходишь некий фильтр через него. <...> То есть сертификата о том, что я прошел обучение в какой-то школе, не было. Здесь нет таких людей, которые работают в [название сети Б] с какими-то классными школами: в парикмахерской среде тоже есть свои школы, свои лидеры мнения, боги, скажем так; и есть люди, которые пошли таким путем. (Б5, 25: 32—35, 66—70)

Описание процесса обучения барберскому мастерству в сети Б более насыщено. Вырисовывается три стадии подготовки внутри сети: 1) обучение, 2) стажировка, 3) командировка. На каждой ступени новичку увеличивают степень свободы для действия с возложением большей ответственности. Сеть признает только свое обучение, что предполагает сильную и хорошо проработанную политику бренда, опорой которой выступает арт-директор, лично отслеживающий всех выпускников корпоративной академии.

Жесткий подход к обучению и контроль за отбором персонала не отменяют необходимости постоянно самообучаться и самосовершенствоваться:

Это та самая профессия, в которой нет потолка, где ты будешь развиваться, совершенствоваться на протяжении всей своей жизни. <...> У тебя есть уже, условно говоря, какие-то фундаментальные знания, как собрать елку, но как ты ее будешь украшать — это твое дело. <...> Открытия происходят по сей день постоянно. (Б5, 25: 318—319, 325—327)

Однако по сравнению с сетью А тема самообучения занимает в интервью более скромное место, чем тема обучения и последующих стажировок. Чтобы попасть на обучение в сети Б, требуются не просто умения, а портфолио: задокументированные свидетельства умений, что представляет собой гораздо более высокий

уровень формализации конкурсного отбора по сравнению с сетью А. Но формализация отбора не отменяет, как и в сети А, важности слабо формализуемых свойств потенциального работника — личных качеств, соответствующих ценностям фирмы:

Еще помимо портфолио и работы немаловажны человеческие качества. Если Вы посмотрите на [сеть Б], то люди, хотя разные внешне, но суть одна. (Б4, 43: 91—92)

Здесь информант указал на то, что важные для фирмы качества работников могут скрываться под разными внешними атрибутами, но при этом работники сети Б разделяют общие ценности, что возможно только при наличии четко определенной корпоративной кадровой политики.

Ниже говорится, что нужные фирме качества работника в сети Б могут разглядеть и за формально неудовлетворительным результатом демонстрации навыков:

Я его стриг, и ему не понравилось. То есть я, скажем так, не выполнил определенный уровень. Но попал на следующий этап, то есть меня не отвергли. Я не знаю, почему. Наверное, я человек, близкий по духу компании, и я попал на обучение к арт-директору. (Б5, 25: 46—49)

Признание «я не знаю, почему» одинаково адекватно описывает непрозрачность для работников обеих сетей критериев отбора среди претендентов, однако процессы обучения и отбора сотрудников в сети Б представлены в интервью более контролируемыми и отрефлексируемыми.

Согласно опубликованному в СМИ в 2017 г. материалу, только в Москве у сети А насчитывалось более ста франшиз¹³, тогда как у сети Б на момент исследования в Москве было менее десятка салонов. Очевидно, что модель развития сети А не предполагает единого эффективного контроля, тогда как структура сети Б ориентирована именно на него.

Профессиональное становление в сети А рисуется в интервью плавно и демократично: пришли без специальных умений, *ходили на обучение*, потом приняли на работу. Между обучением и работой нет зазора, какого-то серьезного переходного испытания; и само обучение не описывается как самостоятельный этап, отделенный от производственного процесса. После перехода в мастера дальнейшее обучение также идет *без отрыва от производства*: через интернет-ресурсы, мастер-классы и конкурсы. Предпосылкой к последующему совершенствованию профессиональных навыков выступает сохранение способности к самообучению. Процесс обучения описывается как *гораздо менее институционализированный* по сравнению с сетью Б. То же самое относится и к стандартизации качества предоставляемых услуг.

В сети Б процесс обучения отделен от производства и символически обозначен как *обучение в академии*, завершение которого не гарантирует трудоустройства в сети. Такое обучение описывается в контексте *осознанного выбора* профессии и фирмы. Сам переход от обучения к трудоустройству орга-

¹³ Ссылку на эту статью мы не даем, чтобы не раскрыть название сети.

низован в виде двух промежуточных ступеней — стажировка и командировка в периферийный салон, где потенциальный сотрудник проверяется не только на усвоение навыков, но и на *соответствие духу фирмы*. Арт-директор действует по определенным стандартам подбора кадров и организации производственного процесса.

Наблюдения показали, что сеть А отличается предоставлением сопутствующих развлекательных услуг, таких как алкоголь, PlayStation, мужские журналы, телевизор с фильмами. Более сильная сфокусированность сети Б на базовой услуге вместе с другими указанными признаками может свидетельствовать о ее большем соответствии функциональному и социально-эмоциональному критериям премиальной услуги, нежели сеть А [Прокина, Сарыгина, 2005]

Взаимодействие с клиентами

Барберы сети А по-разному охарактеризовали режим поддержания разговоров с клиентами. В одном случае нарисована картина, близкая к техническому, чисто функциональному взаимодействию:

Да, конечно [разговариваем]. Обсуждаем стрижку, потом юмор, потом прощаемся. (Б3, 24: 102)

Начало и завершение общения — обсуждение стрижки и прощание — подчинены обязательным функциям взаимодействия в исследуемой ситуации: клиент не может получить услугу, хотя бы кратко не описав желаемого, а мастер не может не выяснить, какую именно услугу желает получить клиент; прощание — обязательный элемент любой межличностной коммуникации. Факультативным представляется только срединный элемент — юмор, закрепляющий технический (не содержательный) характер беседы барбера с клиентом.

В другом интервью функциональность беседы выходит за рамки технической барберской услуги в область комфортного пребывания клиента. Здесь барбер своим поведением сигнализирует саму возможность беседы, если клиент пожелает. Возможно, барбер сделает первый шаг к завязыванию разговора, но его развитие и тема целиком подчиняются желанию клиента:

Если человеку интересно разговаривать, то он будет разговаривать, а мы будем поддерживать разговор. Нет такого, что я разговариваю, а он молчит. <...> Если попросили, то мы с ними разговаривать можем, обсуждать любую тему можем. Мы это и должны делать. Но дисциплину, конечно, держим. Мы должны уважительно относиться к клиентам. Также, если они разрешат, то мы с их позволения на «ты» переходим. (Б1, 21: 228—230, 162—165)

Таким образом, клиенту дается выбор: вести беседу или нет, на какую тему и с какой степенью уважительности. Если он хочет поговорить, то барбер поддерживать разговор должен, ибо это способ показать *уважительное отношение к клиенту*.

Еще один вариант общения, когда барбер вынуждает клиента говорить по своей собственной инициативе:

Как бы вот так: если клиент не хочет разговаривать с барбером, мы вопрос ему даем, он через не хочу говорит нам. Если они хотят общаться и разговаривать сами — они сами... (Б2, 23: 398—400)

Этот пассаж информанта поддается объяснению в контексте приведенной ниже фразы: барбер может каким-то вопросом попытаться разговорить клиента, если видит риск, что клиент может заскучать. Такая инициатива не вполне вписывается в тактику, обозначенную выше Б2, — дисциплинированность ради уважения к клиенту. Все отмеченные особенности в цитатах трех барберов, возможно, находят свое объяснение в ситуации с франшизой в сети А: ее условия не регламентируют режим беседы с клиентом.

Однако общим паттерном для разных салонов может быть отсутствие беседы при определенных процедурах:

Если я делаю бороду или черную маску, он ложится, я делаю ему массаж и благодаря этой процедуре он засыпает. (Б1, 21: 220—221)

Да, он просто засыпает, и ты с ним не успеваешь пообщаться. Он говорит: «я уставший» или «когда по моей голове проходит машинка или ножницы, я вырубаясь». Ты с ним общаешься, он тебя слушает, но ты потом видишь, что у него в сон уже выходит. (Б3, 24: 105—108)

В последнем случае инициативная беседа барбера может описываться как своего рода намеренное убаюкивание уставшего клиента.

Еще один свойственный сети А паттерн — увязывание качества общения и оказываемых услуг с размером чаевых. Первый информант даже полагает, что высокое качество общения может нивелировать плохое качество стрижки:

Стрижку можно сделать ужасно, но смотря, как ты его обслужишь, он будет настолько летать от счастья, что тебе и 500, и 1 000 и 2 000 оставят. (Б1, 21: 241—242)

Второй информант смещает фокус с технической услуги на удовлетворенность проведением времени в ходе получения услуги:

Если мы нормально общаемся и нормально разговариваем, что клиент прям доволен будет от этого разговора, или ему скучно не будет, например, и он отдыхает. Без этого нам чаевые не дают. (Б2, 23: 133—135)

В третьем случае размер чаевых увязывается одновременно с качеством и стрижки, и проведенного времени:

Если ему очень понравилась стрижка, твой разговор, если он смеялся, то вероятность больше, что получишь чаевые. (Б3, 24: 127—128)

Таким образом, в сети А угадывается инструментальная интерпретация барберами общения и обхождения с клиентами ради чаевых, заметно превосходящих

штатный заработок: профессионал, если постарается (ради чаевых), найдет подход («ключик») к любому клиенту.

Барберы сети Б также отмечают важность коммуникации с клиентами, но ее характер связывается с возможностью найти общие темы для разговора:

Это зависит от человека, во-первых, и какие у вас точки соприкосновения. Вы знаете, что парикмахеры — филологи, экономисты, собачники. Тема сидит в кресле. (Б4, 43: 200—201)

Каким бы запасом тем ни обладал барбер, если он говорит, что «тема сидит в кресле», то центр беседы для него — клиент и только клиент. При этом общение с посетителями воспринимается как зона повышенной ответственности:

То есть работа с людьми — это работа с повышенной ответственностью тоже... Ты должен постоянно изучать, ты должен быть понимающим человеком в первую очередь, то есть не он тебя должен понимать, а ты его. (Б5, 25: 110—112)

Ответственность барбера — в том, чтобы изучать и понимать клиента, не ставить себя с ним в один ряд, не рассчитывать на его понимание.

Другая особенность сети Б заключается в том, что барбер не надеется на свою способность быть или стать универсальным собеседником для любого посетителя. Здесь понимают, что у каждого мастера может быть своя группа постоянных клиентов, которая формируется по признаку общности между ними:

На самом деле это правда, что все клиенты похожи на своего мастера. Мой контингент — актеры: студенты Шуки, ВГИКа, музыканты. У меня очень мало классических, власть имущих чиновников, бизнесменов. Они любят, когда им служат, а я себя не могу так ставить. (Б6, 28: 246—249)

Два различия между сетями становятся очевидными. При такой трактовке общности между барбером и клиентом в сети Б, во-первых, едва ли предполагается поверхностное, бессодержательное общение, например, просто юмор, как упомянул барбер из сети А. Во-вторых, в сети Б не проводится связи между разговором (обхождением) и размером чаевых. Даже напротив, барберы этой сети скептически отнеслись к такой взаимосвязи:

Раньше было так: были мастера, из которых не вышли привычки грубого маркетинга, когда ты пытаешься всем видом показать, что тебе нужно оставить чаевые. Это очень аккуратная тема. <...> Ему никто в жизни не даст, его до конца дней будут застывать в парикмахерской. (Б6, 28: 122—124, 129)

Инт.: А как ты думаешь, от чего зависит размер чаевых?

Р.: Много от чего. Боюсь рассуждать даже на эту тему. Не знаю... От положения Луны относительно Земли, наверное, как-то так. (Б5, 25: 206—208)

Итак, барберы сети Б видят в разговорах с клиентами возможность интересного времяпрепровождения и не навязывают им беседу ради чаевых.

Похоже, взаимодействие барберов с посетителями в двух сетях строится в соответствии с разными профессиональными стандартами: в сети А общение связывают с получением чаевых и признаком мастерства считают умение *подобрать ключ к каждому*. В сети Б связь общения с чаевыми считают грубым маркетингом и фокусируются на качестве базовых услуг. Эти признаки дают больше оснований отнести сеть Б к премиальному сегменту.

Взаимодействие с коллегами

В проведенных нами интервью описывались две категории взаимодействия с коллегами: 1) на рабочем месте в рабочее время и 2) вне работы.

В сети А, пока нет клиентов, возможны неформальные взаимодействия с коллегами, что подразумевает возможность непринужденно отдохнуть в рабочее время — шутить, смеяться, слушать музыку, смотреть фильмы и др.:

Можем сесть фотки посмотреть или обработать друг другу, такой фигней пострадать или еще что-то. Мы всегда общаемся, если не делаем какую-то работу, а так в основном мы все время вместе. Можем потусить, музыку поставить, потанцевать. (Б1, 21: 298—300)

Обсуждаем, веселимся, настроение друг другу поднимаем. (Б3, 24: 186)

Однако не всякий владелец салона разрешал подобную вольность, о чем сказал мастер, имевший опыт работы в разных салонах:

Раньше очень мало клиентов было, они (мастера) могли с клиентом зависнуть, играть также как между собой. Но это не от них зависело. Это зависело от владельца. (Б2, 23: 178—180)

Тем не менее все три мастера сети А подтвердили возможность выхода из рабочего взаимодействия в рабочее время на рабочем месте.

Столь же единодушно все три мастера говорили, что вне работы они с коллегами не встречаются. Прежде всего, из-за плотного графика:

Желание [встретиться вне работы] есть, но... Потому что у нас у всех разный график. Из-за того, что кто-то работает, мы не состыковываемся. (Б3, 24: 205—206)

У нас не получается пока [встречаться с коллегами помимо работы], потому что пока один отдыхает, другой работает. Есть барберы, которые умудряются встречаться, когда у них в один день выходной. Я вот хочу встретиться с барбером одним, увидеться. Он с другого салона... Погулять там, но тупо времени не хватает. (Б1, 21: 323—326)

Как сказать... половину жизни работаем. 12 часов работаем, 2 часа на дорогу, это уже 14 часов, правильно? Это на работу только. А дома кушаем и спим. Все. С друзьями куда-то пойти — на такое нет времени. Немного скучно каждый день такое. И в один

выходной только спать охота будет. А куда-то гулять или что-то делать — нет. (Б2, 23: 432—435)

Возможности для выбора досуга ограничены, что оправдывает *оппортунистическое поведение* — отдых от работы с коллегами по смене, пока отсутствие клиентов позволяет.

Итак, в сети А неформальное общение происходит во время простоев, что удовлетворяет потребности в общении с коллегами и не ставит ребром вопрос о поиске времени для встреч вне работы.

Барберы сети Б с коллегами на работе неформально не общаются, поскольку каждый занят своим делом, а для разговоров на отвлеченные темы нет времени: максимум, они могут позволить себе быстро обсудить деловые моменты:

Ой... Саш, как мы взаимодействуем во время работы? Человек вовлечен в работу. Если он сейчас не готов к общению, то, скорее всего, я доставать его не буду, [иронично] без применения насилия. (Б5, 25: 225—227)

При условии, что хочется с ними общаться. У нас нет особой комнаты. Нормально [времени на общение с коллегами], но недостатка не испытываю. (Б6, 28: 191—192)

Мы друг другу могли помогать, никто не обижался, не было зависти. Ты либо объясняешь, почему ты так сделал, либо понимаешь, что надо было по-другому как-то подойти: «А я делаю вот так, вот это классно», — в этом весь [дух салона] и был. (Б4, 43: 190—193)

Недостаток неформального общения между собой в силу загруженности на работе барберы восполняют вне рабочего пространства и времени:

Да, мы общаемся. Но мы разделяем понятия, что здесь мы в первую очередь работаем, а вне рамок [салона] мы можем выпить пива, сходить на футбол или еще что-то. Почему нет... Там уже другой уровень общения. (Б5, 25: 233—235)

В интервью упоминались организованные празднования дней рождения:

Да, мы отмечаем дни рождения. В [салоне] отмечаем дни рождения, да и в том же ресторане, по-разному бывает. Поздравить коллегу, с которым ты работаешь, это абсолютная норма. <...> У всех есть свои даты, приуроченные к чему-либо, как открытие первой парикмахерской или день рождения [название сети Б], какого-то его отделения и так далее. Это все отмечаем по-своему. (Б5, 25: 239—240, 243—245)

И даже совместные выезды в горы:

Это чисто команда [название сети Б] идет на Эльбрус. У нас есть среди мастеров профессиональный альпинист. У нас много таких взаимодействий с другими компаниями и ребятами. (Б6, 28: 205—207)

В сети Б строго разделяются общение внутри и вне рабочего пространства.

Таким образом, в сети А не разделяют формальное и неформальное взаимодействие: если нет клиентов, веселье может случиться прямо на рабочем месте, и, возможно поэтому, необходимости в дружеском общении за пределами барбершопа не возникает. Барберы же сети Б готовы находить время для неформальных контактов вне работы, поскольку в салоне их общение — исключительно функциональное. Следовательно, в сети Б мы наблюдаем дифференциацию режимов общения, предполагающую то, что можно назвать (новый код) эффективной корпоративной культурой. Она в сети Б выглядит более развитой.

Взаимодействие с руководством

Барберы сети А уважительно относятся к своему руководству, выполняют его требования, обращаются за советом, когда сами не могут справиться. Однако выделить общие характеристики этих взаимоотношений не представляется возможным, так как в каждом барбершоппе свой локальный менеджмент, с которым у барберов разные режимы взаимодействия: кто-то общается на «Вы», кто-то — на «ты», где-то прослеживается четкая иерархия, а где-то ее не видно. Так, первый барбер-информант общается с начальником на равных — как с человеком, с которым можно выйти за рамки формального общения:

Я про своего начальника не могу сказать плохо, нормальный чувак. Да, он меня может послать, я тоже могу его послать. (Б1, 21: 260—261)

При этом наличие большего жизненного и профессионального опыта не ставится под сомнение:

Он к нам как друг относится и всегда говорит: «Я вам советую, как друг — не как руководитель, а как друг. У меня ошибок много было в прошлом...». И начинает загонять про свое прошлое, мы прислушиваемся, он мотивирует хорошо при этом. Я про своего начальника не могу сказать плохо, нормальный чувак. (Б1, 21: 257—261)

Второй информант всю тему взаимоотношений с руководством свел к настроению владелицы салона:

Я говорю, что в неделе семь дней, да? Четыре дня она бывает другой, три дня другая. От характера зависит, от настроения, есть оно или нет. (Б2, 23: 161—162)

В третьем случае ситуация рисуется так, что внутри франшизы салона каждый мастер действует так, будто сам имеет свою франшизу:

*Инт.: Как строго соблюдается иерархия в вашем коллективе, в чем и как она проявляется?
Р.: Все люди. Нет главного. Есть люди, которые больше берут на себя ответственности, есть меньше. Грубо говоря, каждый занимается тем, чем он должен заниматься. То, что он создал вокруг себя атмосферу, — это заслуга каждого. С тобой это никак не отражается: выше или ниже, лучше стрижет, хуже. Коллектив есть коллектив. (Б3, 24: 154—159)*

Здесь мы находим подтверждение тезису об организационном разнообразии сети А. Все барберы, имеющие различную степень ответственности и самостоятельности, собраны в один коллектив.

В сети Б отношения с руководством описываются как неформальные, дружеские. Барберы стараются решать возникающие вопросы самостоятельно, но в затруднительных ситуациях, когда клиент нуждается во мнении со стороны, они могут обратиться за советом сначала к старшему барберу, а потом к руководителю салона. Мастера имеют контакт и с учредителями компании, которые всегда открыты для общения в социальных сетях. В сети Б формальная иерархия выстроена более отчетливо, но об ограничениях в коммуникации ничего не говорилось:

У нас есть общий Facebook. Наша внутренняя группа, в которой идут обсуждения <...>. Это просвещенная публика, поэтому отношения с ними соответствующие, дружеские. Ты не чувствуешь себя подчиненным, стоя рядом с ними. <...> У нас ее [иерархии] нет. А так, иерархия... мы подчиняемся расписанию, когда придет клиент. У каждого мастера начальник — это клиент, который пришел к тебе. Начальник на час. У нас не вертикаль власти, у нас все наравне. (Б6, 28: 155, 149—151, 164—167)

Оно [руководство] здесь [в случае возникновения проблемных ситуаций] уже выступит в качестве какого-то мэтра, старшего брата, который знает больше и даст мне нужные советы, рекомендации, как нужно поступать в данной ситуации. <...> Руководство учитывает, конечно, да. Компания, которая построена в целом вся на понимании, то есть наше руководство понимает людей, с которыми оно работает, соответственно, мы тоже понимаем, поэтому мы в целом движемся в каком-то нужном направлении — мы понимаем их, они понимают нас. (Б5, 25: 218—219, 94—97)

Итак, в сети Б барберы состоят с руководством в сетевых отношениях: в своей профессиональной деятельности они достаточно самостоятельны и независимы от начальства, которое, по всей видимости, им доверяет (а доверие основывается на поддерживаемых централизованно высоких профессиональных стандартах).

Подведя итог, можно сделать вывод, что демократизм в общении менеджмента и рядовых сотрудников отмечается в обеих сетях. Однако в сети А формальная иерархия не поддерживается единым стилем вертикальной коммуникации, тогда как в сети Б, в дополнение к менеджерской иерархии, установлена иерархия между барберами. Мы снова видим более развитую корпоративную культуру в сети Б.

Выводы и рефлексия

Заинтересовавшись резким ростом числа барбершопов, мы отвергли гипотезы о повышении спроса на их услуги под влиянием моды и роста доходов населения, остановившись на предположении, что этот рост стимулируется не спросом, а предложением. Далее мы сочли, что *всякий специфический для сети признак, соотносимый с функциональным и/или социально-эмоциональным критерием премиальности, будет свидетельствовать о дифференциации премиальных стандартов*, и уточнили КИВ следующим образом: какие элементы в описании мастерами

своей профессиональной деятельности могут быть маркерами (не)соответствия критериям премиальности оказываемых услуг?

В результате повторного прочтения собранных интервью в оптике уточненного КИВ мы обнаружили следующие различия между сетями А и Б:

— Во-первых, франшизная организация сети А не предполагает имплементации единого стандарта качества, что неизбежно должно приводить к различиям от салона к салону в трактовке *премиальности* оказываемых услуг, тогда как сеть Б организационно нацелена на соблюдение единого стандарта. В целом стандартизация способна а) повышать качество работы слабых мастеров и б) понижать качество сильных. В этом контексте для сети А актуальна скорее первая ситуация, поскольку здесь процесс трансформации ученика в мастера проще, а барьер входа — ниже.

— Во-вторых, обе сети обучают мастеров для себя, однако сеть Б отличает а) более высокий барьер входа для ученика, б) институционально более развитая система корпоративного обучения и в) более сложная траектория трансформации ученика в мастера.

— В-третьих, в сети А мастера преувеличивают значение общения для удовлетворенности клиента, тогда как в сети Б фокусируются на качестве предоставляемых услуг.

— В-четвертых, сотрудники сети Б строго придерживаются функционального общения внутри рабочего пространства, а для неформальных контактов готовы находить время вне работы. В сети А, если нет клиентов, веселье может случиться прямо на рабочем месте, и поэтому острой необходимости в дружеском взаимодействии за пределами барбершопа у сотрудников не возникает.

— В-пятых, в обеих сетях отмечается демократичность общения между мастерами, менеджментом и собственниками. Однако в сети А, в отличие от сети Б, формальная иерархия не поддерживается единым стандартом подобной коммуникации.

Все пять различий вполне соотносимы с функциональным критерием, поскольку касаются стандартизации (или ее отсутствия) в рамках корпоративной культуры (или ее отсутствия). В сети А работа по корпоративной стандартизации не может проводиться ввиду отсутствия единого тела корпорации.

Эти же различия соотносимы и с социально-эмоциональным критерием, по крайней мере, в части отражения философии бренда. Различие № 3 непосредственно касается ориентации на социальный статус потребителей [Прокина, Сарыгина, 2005]. В сети Б обнаружилось, что мастера относят клиентов к определенным социальным типам и общаются с теми (типами), которые им ближе, сосредоточиваясь при этом на качестве базовой услуги. В данном случае социальная типизация конструирует во взаимодействии скорее более высокий статус клиента, чем в сети А. Что же касается сети А, то в ней клиент конструируется как источник чаевых, к которому «подбирается ключик», а также как субъект с ограниченной способностью оценить качество получаемой услуги и слабой заинтересованностью в ней.

Приведенные различия мы считаем *типичными*, поскольку:

а) все высказывания о положении дел, из которых были выведены различия, производились информантами в режиме недирективных открытых вопросов¹⁴;

¹⁴ Демонстрация этого положения существенно увеличила бы размер текста; его обоснованность читатель может проверить, пройдя по ссылке к архиву проекта; архивные координаты всех цитат в тексте приведены, см.: URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1cm91HjvXqeOYK6bqR7XpigUM678DOH1K?usp=sharing> (дата обращения: 14.08.2021).

б) в тексте приведены только те различия, сведения о которых содержатся в интервью не менее чем четырех мастеров, из которых как минимум двое представляли одну и ту же сеть барбершопов;

в) независимость сведений, получаемых от каждого мастера, обеспечивалась их занятостью в разных салонах.

Эти три условия мы полагаем достаточными для признания *типичности* обнаруженных различий на минимальной *эффективной выборке* объемом 2 + 2.

Найденные различия сводятся к тому, что в сети Б корпоративная культура более развита, чем в сети А. Ясно, что теснота связи между развитостью корпоративной культуры сети барбершопов и ее соответствием социально-эмоциональным критериям премиальности услуг требует специальной демонстрации. Однако, вскрыв различия в корпоративной культуре двух сетей барбершопов, мы показали принципиальную возможность диверсификации (в сторону частичной *девальвации*) *премиальных стандартов* и тем самым пролили свет на загадку взрывного роста числа заведений без явных экономических и культурных (связанных с модой) предпосылок: под эгидой премиальности в разных салонах и сетях могут практиковаться самые разные стратегии по снижению издержек за счет упрощения премиальных стандартов: в качестве базовых услуг, в паттернах обхождения с клиентами, в человеческом капитале персонала и др. Что же касается спроса на премиальность — на отличие от *простой* парикмахерской без претензий, похоже, он сформировался давно и просто находился в ожидании адекватного предложения.

Список литературы (References)

Баранова А. В. Потребление как фактор социальной мобильности: возможности и ограничения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 5. С. 79—88.

Baranova A. V. (2011) Consumption as a Factor of Social Mobility: Opportunities and Limitations. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 14. No. 1. P. 79—88. (In Russ.)

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Либроком, 2011.

Veblen T (2011) *The Theory of the Leisure Class*. Moscow: Librocom. (In Russ.)

Гофман А. Б. Мода и люди: новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994.

Hoffman A. B. (1994) *Fashion and People: A New Theory of Fashion and Fashionable Behavior*. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Губанов А. Ю., Жилияев К. В. Отечественный опыт оценки темпов экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2013. № 11. С. 483—504.

Gubanov A. Yu., Zhilyaev K. V. (2013) Domestic Experience of Assessing the Rates of Economic Growth. *Scientific Works: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*. No. 11. P. 483—504. (In Russ.)

Зиммель Г. Мода // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М.: Юристъ, 1996.

Simmel G. (1996) Fashion. In: Simmel G. *Selected Works*. Vol. 2. Moscow: Yurist. (In Russ.)

Лазуренко Л. Г. Ценовые методы привлечения и удержания клиентов // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2003. № 4. С. 35—40.

Lazurenko L. G. (2003) Price Methods of Attracting and Retaining Customers. *Marketing and Marketing Research*. No. 4. P. 35—40. (In Russ.)

Прокина М., Сарыгина Е. Особенности продвижения товаров класса «премиум» // Реклама: теория и практика. 2005. № 2. С. 9—20.

Prokina M., Sarygina E. (2005) Features of Promotion of “Premium” Class Goods. *Advertising: Theory and Practice*. No. 2. P. 9—20. (In Russ.)

Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5—18.

Radaev V. V. (2005) Sociology of Consumption: Basic Approaches. *Sociological Studies*. No. 1. P. 5—18. (In Russ.)

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1831](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1831)

Н. Е. Тихонова

РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ МАССОВЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА В 2008—2020 гг.

Правильная ссылка на статью:

Тихонова Н. Е. Ресурсообеспеченность массовых слоев населения страны: состояние и динамика в 2008—2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 121—138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1831>.

For citation:

Tikhonova N. E. (2021) Resourcefulness of the Mass Strata of Population: State and Dynamics in 2008-2020. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 121–138. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1831>. (In Russ.)

РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ МАССОВЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ: СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА В 2008—2020 гг.

RESOURCEFULNESS OF THE MASS STRATA OF POPULATION: STATE AND DYNAMICS IN 2008–2020

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь, главный научный сотрудник Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: netichon@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5826-4418>

Natalia E. TIKHONOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Professor-Researcher; Principal Researcher at the Institute of Social Policy
E-MAIL: netichon@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5826-4418>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. На материалах общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН в статье показано, что обеспеченность россиян экономическим, квалификационным, властным и социальным ресурсами очень низка: четверть не обладает никакими из них, а треть — только одним. При этом ресурсообеспеченность постепенно уменьшается: за 2008—2020 гг. доля безресурсной группы выросла в относительном выражении почти на треть, а высокоресурсной сократилась на 21%. Значительный вклад в это внес начавшийся под влиянием пандемии коронавирусной инфекции экономический кризис. Уменьшилось число имеющих сбережения и резко выросла доля имеющих кредитно-долговую нагрузку, структура которой за этот период ухудшилась. Одновременно сократилась численность способных получить поддержку со стороны своего окружения в решении различных жизненных проблем и доля обладающих властным ресурсом, особенно в виде ресурса влияния у себя на работе. Что же касается квалификационного ресурса, то, хотя число людей с высшим образованием за это время значительно выросло, однако их дохо-

Abstract. Based on the data from all-Russian surveys carried out by the Institute of Sociology of the FCTAS RAS, the paper shows that the level of economic, qualification, power and social resources among Russians is very low: a quarter of the population do not have any of them, and a third part have only one. The population resourcefulness is gradually decreasing — in 2008–2020, the share of the group with no resources increased in relative terms by almost one third, and the highly resourceful group decreased by 21%. The last economic crisis caused by the pandemic significantly contributed to that. The share of those who have savings has decreased while the share of those who have creditor-debtor burden has sharply increased accompanied by the deterioration of the group structure. In parallel, the number of individuals who are able to receive support from their social surroundings to cope with life problems have decreased and the same goes for those who have power resources, especially potential to influence at work. As for the qualification resource, although the number of people with higher education has grown significantly during this time, their incomes have relatively dropped and the role of this resource

ды относительно упали и роль этого ресурса в обеспечении благополучия россиян уменьшилась. Все это говорит о снизившемся под влиянием череды экономических кризисов разной природы «запасе прочности» населения страны. Судя по устойчивости этого тренда, он сохранится и в будущем. Для эволюции социальной структуры российского общества, с учетом приоритетов реализуемой социальной политики государства, это означает усиление тенденций, прослеживавшихся все последние годы: постепенный рост численности «низов» с доминированием среди них неглубокой бедности, стабильность численности средних слоев на фоне все большей неустойчивости их положения, а также сокращение той части массовых слоев населения, которая является основой для формирования российского среднего класса. Среди других важных последствий снижения ресурсообеспеченности россиян — неизбежный рост среди них депрессивных, агрессивных и протестных настроений.

Ключевые слова: социальная стратификация, социальная структура, ресурсы населения, доходы населения, человеческий капитал, социальный капитал, властный ресурс, благосостояние

Благодарность. Исследование выполнено по гранту РФФ № 17-78-20125-П «Поведенческие стратегии населения в посткризисный период: как новые повседневные реалии жизни россиян скажутся на «коридоре возможностей» развития страны?».

in ensuring the well-being of Russians has decreased. All this indicates that the “safety margin” of the country's population has decreased under the influence of a series of economic crises of various nature. Judging by the stability of this trend, it will continue in the future. Taking into account priorities of the social policy of Russia we conclude that for the evolution of the social structure of Russian society this means an intensification of trends that have been traced in recent years: a gradual increase in the share of “lower classes” with the domination of shallow poverty among them; stability of the share of middle strata against the background of increasing instability in their status, and, finally, the decrease of the mass population strata which can be the foundation to develop the middle class in Russia. Among significant impacts of the decline in the resourcefulness of Russians is the inevitable growth of depressive, aggressive and protest moods among them.

Keywords: social stratification, social structure, population resources, population incomes, human capital, social capital, welfare

Acknowledgments. The study was carried out under the grant of the Russian Science Foundation No. 17-78-20125-P “Behavioral strategies of the population in the post-crisis period: How will the new everyday realities of the life of Russians affect the ‘corridor of opportunities’ for the development of the country?”.

Пандемия коронавируса и последовавший за ней экономический кризис, характеризовавшиеся сокращением доходов населения и усилением проблем с занятостью, резко актуализировали проблему ресурсообеспеченности россиян. С каким «запасом прочности» вступили представители массовых слоев населения страны в очередной экономической кризис и что это означает для будущего социальной структуры России? Ответы на эти вопросы тем более важны, что нынешний экономический кризис — уже третий за последние 12 лет. Как показали наши прошлые исследования, даже до пандемии ситуацию в массовых слоях населения страны можно было охарактеризовать в лучшем случае как «негативную стабилизацию» [Тихонова, 2019]. Стабилизацией ее можно было назвать, так как падение доходов после кризиса 2014—2016 гг. у россиян уже прекратилось, а материальное положение, по крайней мере субъективно, у большинства из них перестало ухудшаться. Однако это была негативная стабилизация, так как их материальное положение, ухудшившись за прошедший с 2014 г. период, стабилизировалось к 2019 г. на более низком, чем ранее, уровне.

Объектом нашего исследования выступали представители массовых слоев населения страны, его предметом стала их обеспеченность ключевыми видами ресурсов (экономическим, квалификационным, властным и социальным¹), а главными исследовательскими вопросами стали вопросы о состоянии ресурсообеспеченности россиян к началу пандемии, ее динамике с лета 2008 г., открывшего череду следующих друг за другом кризисов, а также последствиях этих изменений для социальной структуры российского общества.

Теоретико-методологической базой исследования выступал так называемый ресурсный подход к стратификации [Grusky, 2001; Sørensen, 2000; Авраимова, 2018; Бурдые, 2002; Кастельс, 2000; Радаев, 2003; Тихонова, 2006 и др.], предполагающий, что определенные виды ресурсов прямо влияют на место человека в системе общественных отношений, его жизненные возможности и мироощущение. Список таких ресурсов в литературе постепенно расширяется за счет тех из них, которые раньше не рассматривались как детерминанты места в стратификационной иерархии (например, когнитивные и некогнитивные особенности человека), однако в современном обществе начинают играть все более значимую роль.

В целом список ресурсов, значимых для успешности индивидов в социуме вообще и для определения их структурных позиций в частности, приобрел к настоящему времени в ходе как теоретического, так и эмпирического анализа данной проблемы многими зарубежными и отечественными учеными следующий вид:

- *экономический ресурс* во всех его традиционных видах (деньги, бизнес и т. д.);
- *квалификационный ресурс*, включая образование и навыки, то есть человеческий капитал²;
- *социальный ресурс* (включенность в сети социальных связей разного качества);

¹ Особая роль именно этих видов ресурсов в формировании определенного уровня благосостояния населения и их влияние на место россиян в социальной структуре общества были подробно обоснованы в [Тихонова, 2014].

² Понятие «человеческий капитал» используется в данном случае в его трактовке Г. Беккером [Becker, 1964].

- *властный ресурс* в различных его видах (политический, административный и т. п.);
- *символический ресурс*, связанный с престижностью тех или иных характеристик положения и поведения индивидов в сообществе;
- *физиологический ресурс* (здоровье, трудоспособность и т. п.);
- *культурный ресурс*, выступающий результатом социализации в определенных условиях;
- *личностный ресурс* (горизонт планирования, инициативность, ответственность, креативность, исполнительность и т. д.).

Эмпирической базой анализа выступают данные нескольких репрезентативных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН за период 2008—2020 гг. В их числе исследования: «Малообеспеченные в современной России: кто они? Как живут? К чему стремятся?» (март 2008 г., выборка 1750 человек), «Бедность и бедные в современной России» (апрель 2013 г., выборка 1600 человек), а также восьмая (март — апрель 2018 г., выборка 4000 человек) и десятая (сентябрь 2020 г., выборка 2000 человек) волны Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Модель выборки во всех этих исследованиях была одинаковой: в рамках каждого территориально-экономического района с учетом соответствующих данных статистики задавались квоты по типам поселений, полу, возрасту и социально-профессиональной принадлежности. Во всех случаях интервью проходили при личном контакте с респондентом.

Основные результаты исследования

Обеспеченность россиян **экономическим ресурсом** осенью 2020 г. была довольно низкой. Собственный среднемесячный доход на этот момент составлял всего 27 542 руб. (и 32 522 руб. у работающих). При этом он был сильно дифференцирован по разным типам поселений, составляя в среднем 40 822 руб. в Москве и Санкт-Петербурге, 28 596 руб. в центрах субъектов РФ, 24 921 руб. в райцентрах и 22 001 руб. в селах. Еще более глубока (от 33 005 руб. в Москве и Санкт-Петербурге до 16 242 руб. в селах) была дифференциация среднедушевых доходов в домохозяйствах респондентов из разных типов поселений. Это побудило нас использовать для анализа связанных с доходом проблем как абсолютные его показатели, так и показатель отношения соответствующего вида доходов к его поселенческой медиане.

Натуральные поступления от подсобного хозяйства входили в число основных источников доходов лишь у каждого пятого россиянина, причем роль этого источника доходов также была сильно дифференцирована по типам поселений (см. табл. 1).

Как видно из таблицы 1, для городских жителей, особенно в Москве и Санкт-Петербурге, характерна большая распространенность доходов от занятости по найму, а для жителей сел — трансферты и подсобное хозяйство. Однако более широкая распространенность подсобного хозяйства не может компенсировать характерный для сел более низкий уровень денежных доходов, поскольку доходы от него входят в число основных видов доходов лишь у трети сельских жителей. При этом подсобное хозяйство начинает использоваться активнее в условиях

экономических кризисов в любых типах поселений. Так, в условиях последнего кризиса доля рассматриваемых его как один из основных источников доходов выросла даже в столицах: в 2018 г. подсобное хозяйство называли в числе основных источников доходов семьи 2,3% москвичей и петербуржцев при 6,3% в 2020 г., а в целом по стране — 13,3% при 20,3% в 2020 г. Таким образом, население страны ответило на кризис способом, традиционно выручавшим его в кризисные периоды на протяжении многих десятилетий — ростом активности на приусадебных, садовых, дачных и т. д. участках. Однако у большинства россиян такая возможность отсутствует — лишь 40,0% из них имеют землю в собственности в любой из этих форм.

Таблица 1. Основные источники доходов домохозяйств из разных типов поселений, 2020 г., %*

Источники доходов	Москва и СПб.	Центры субъектов РФ	Райцентры	Села	По массиву в целом
<i>Доходы от занятости по найму</i>					
Заработная плата по основному месту работы	69,4	68,9	65,7	60,5	65,9
Разовые или временные приработки	23,8	15,1	15,9	17,3	16,8
Совместительство	11,5	5,3	5,5	3,8	5,8
<i>Доходы от занятости не по найму**</i>					
Подсобное хозяйство (на даче или приусадебном участке)	6,3	14,9	16,7	35,5	20,3
Собственный бизнес	2,0	4,2	1,9	2,6	2,8
<i>Доходы от имеющихся активов</i>					
Доходы от собственности, в т. ч. от сдачи в аренду имущества, проценты по вкладам и т. п.	5,6	4,8	4,0	3,9	4,4
<i>Трансферты</i>					
Пенсии, пособия и т. п. выплаты от государства	34,1	38,4	38,1	48,1	40,0
Помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей и т. п.	6,7	11,2	11,2	13,5	11,4

* В таблице приведены только те источники доходов, которые сами респонденты относили к числу основных. Это означает, что они могли получать и доходы иных видов, но те не оказывали значимого влияния на их финансовое положение. Светлым фоном выделены показатели, превышающие средние по массиву более чем на 3%, а темным фоном — меньше средних по массиву на ту же величину.

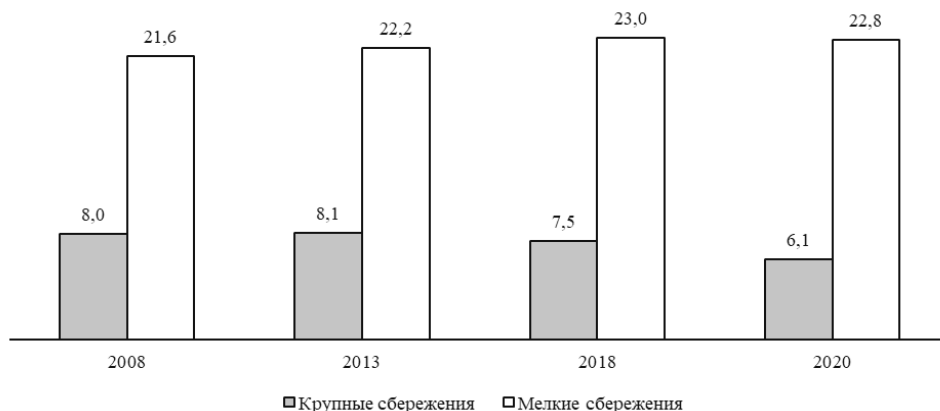
** И доходы от подсобного хозяйства, и доходы от собственного бизнеса обычно для представителей массовых слоев населения являются доходами от самозанятости, а не классической предпринимательской деятельности. С другой стороны, они отличаются по ряду существенных признаков от занятости по найму, поэтому мы выделили их в таблице в особую группу.

Если же говорить не о текущих возможностях, а о накопленных в различных формах прошлых доходах, то есть о способной приносить доход собственности (бизнес, вклады, имущество, которое можно было бы продать или сдать в аренду и т. п.), то и с ними у большинства россиян ситуация довольно сложная. Приносящие ренту активы в числе основных доходов домохозяйств можно встретить у очень

незначительной части массовых слоев — максимум у 7 % их представителей. При этом около половины населения не имеет в собственности, помимо занимаемого жилья, вообще никакой недвижимости. В крупных городах, где любая недвижимость относительно дороже, таких еще больше — около 60 %. Чаще же всего (58,2 %) обладателей какой-либо недвижимости, помимо занимаемого жилья, можно встретить в селах, где в подавляющем большинстве случаев эта недвижимость — просто приусадебный участок. Поскольку его стоимость, как правило, невелика и он играет значимую роль в обеспечении семьи продуктами питания, то его продажа (в большинстве случаев к тому же и объективно невозможная) скорее ухудшит, чем улучшит положение домохозяйства. Соответственно, имеющаяся у представителей массовых слоев населения недвижимость, помимо занимаемого жилья, в большинстве случаев нельзя рассматривать как реальный экономический ресурс, конвертируемый в денежную форму.

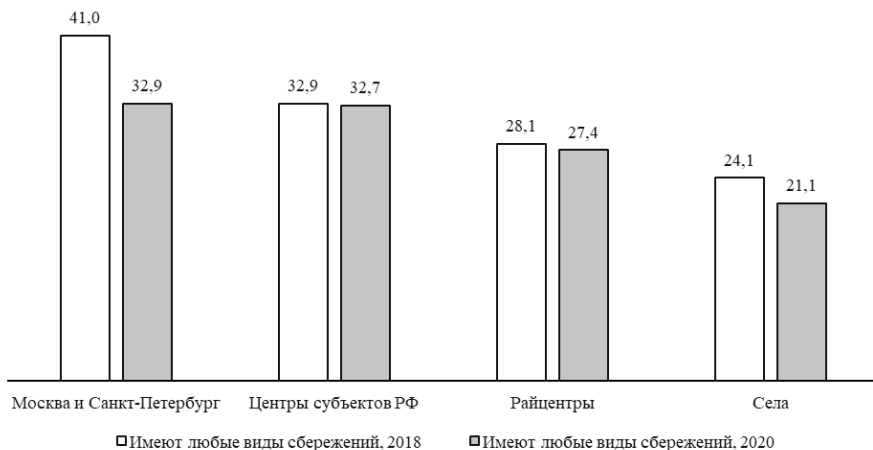
Что же касается сбережений, то их даже в относительно благополучное время обычно имели около трети россиян. Последний же кризис, сильно ударивший по возможностям их занятости и доходам, привел к активному использованию этих сбережений: 15,2 % опрошенных представителей массовых слоев населения сказали осенью 2020 г., что им уже пришлось потратить большую часть сбережений (или даже все) в связи с кризисом. Неудивительно в этих условиях, что общее число имеющих сбережения россиян сократилось и они остались всего у 27,7 %. Особенно резко (почти на четверть в относительном выражении) уменьшилась доля имеющих крупные сбережения, позволяющие прожить на них не менее года (см. рис. 1).

Рис. 1. Динамика наличия сбережений среди представителей массовых слоев населения за 2008—2020 гг., %

Сильнее всего тенденция сокращения числа имеющих сбережения проявилась в Москве и Санкт-Петербурге, по которым наиболее болезненно ударили ограничения деловой активности, введенные под влиянием пандемии (см. рис. 2). Неслучайно именно в них максимальным (16,3 %) было число тех, кто отмечал, что за время кризиса им пришлось активно использовать свои сбережения.

Рис. 2. Динамика наличия сбережений среди жителей разных типов поселений, 2018—2020 гг., %

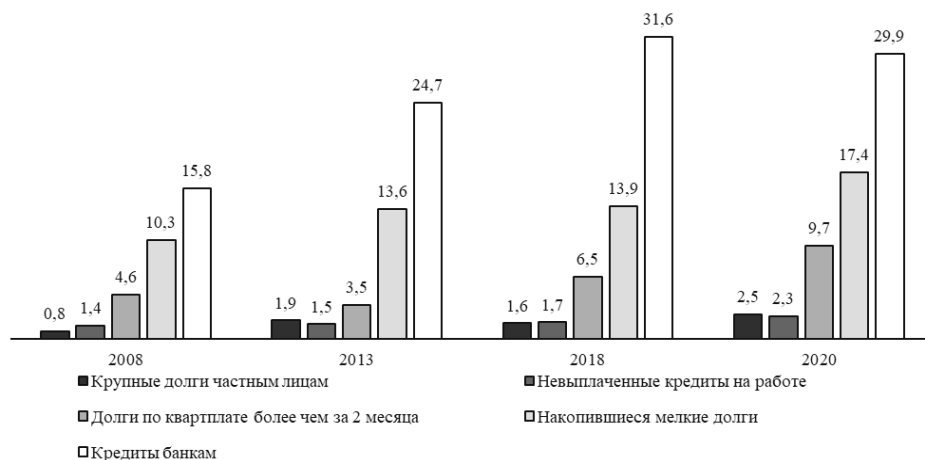
Таким образом, с точки зрения сокращения финансовой «подушки безопасности» россияне уже в первые месяцы пандемии пострадали довольно сильно. Об этом же говорят и данные других источников, согласно которым только в ходе первой волны пандемии коронавируса работающие россияне недосчитались 841 млрд руб. доходов, причем именно Москва и Санкт-Петербург понесли наибольшие потери — фонд оплаты труда в них снизился на 243 млрд и 69,8 млрд руб. соответственно³.

На фоне сокращения текущих доходов многие из тех, кто не смог использовать для компенсации этого сокращения отсутствующие сбережения, вынуждены были формировать или увеличивать долговую нагрузку. В сентябре 2020 г. доля имеющих те или иные виды кредитно-долговой нагрузки составляла 44,5%, хотя в 2018 г. ее имели 41,7%, а весной 2008 г. — всего 26,3% представителей массовых слоев населения. При этом структура этой нагрузки видоизменилась (см. рис. 3) — выросло число имеющих те ее виды, которые характерны сейчас в России прежде всего для наименее обеспеченных россиян [Тихонов, 2019], то есть накопившиеся мелкие долги и долги по оплате коммунальных услуг и квартплаты. Одновременно слегка сократилось число имеющих банковские кредиты, что объясняется частичным уходом заемщиков из-за сложностей получения кредитов в банках в микрофинансовые организации⁴, условия выплаты кредитов в которых относительно тяжелее.

³ Эксперты оценили потери россиян в пандемию в 16 млн средних зарплат // РБК. 2020. 16 октября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/10/2020/5f885dac9a79473eb1819daf> (дата обращения: 08.08.2021).

⁴ Анализ динамики долговой нагрузки населения России в IV квартале 2019 — I квартале 2020 года на основе данных бюро кредитных историй. Информационно-аналитический материал. М.: Банк России, 2020. С. 2. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/31946/inf-material_bki_2020q1.pdf (дата обращения: 08.08.2021).

Рис. 3. Динамика наличия разных видов долговой нагрузки среди представителей массовых слоев населения за 2008—2020 гг., %

Что же касается **квалификационного ресурса**, то обеспеченность им россиян, напротив, увеличивается. Это связано с дрящимся уже много лет ростом в России числа лиц, получивших высшее образование. К 2019 г. их доля достигла 34,2 % всех занятых (в возрастной группе 25—29 лет — 41,1 %) ⁵.

Однако роль этого ресурса для благополучия многих россиян снизилась. Если в 2008 г. средний собственный доход лиц с высшим образованием превышал аналогичный доход лиц без него в 1,48 раза, то к 2020 г. этот разрыв сократился до 1,39. В основном эта тенденция связана с ухудшением положения пенсионеров с высшим образованием и ростом безработицы среди россиян трудоспособного возраста, имеющих высшее образование ⁶, поскольку и в 2008 г., и в 2020 г. индивидуальный доход работающих россиян с высшим образованием превышал доход лиц с более низким образовательным уровнем в среднем в 1,38 раза. В то же время, учитывая, что ренты на высшее образование в 2010-х годах сохранялись в основном у представителей тех профессиональных групп, для которых оно не требуется, такая ситуация говорит о сохранении уже фиксировавшейся по отношению к концу 2000-х [Лукиянова, 2010] и середине 2010-х годов рядом отечественных исследователей [Модель, 2018; Тихонова, Каравай, 2018] тенденции роста неравенности в доходах населения страны. Снижение роли высшего образования при определении размеров заработной платы связано с нарастающим дисбалансом между числом лиц с высшим образованием и численностью рабочих мест, предполагающих этот образовательный уровень, то есть несоответствием спроса

⁵ Труд и занятость в России. 2019. Росстат. М., 2019. С. 25.

⁶ Доля безработных с высшим образованием в составе безработного населения страны выросла с 12,3 % в 2008 г. См.: Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2010. Росстат. С. 135. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B10_61/Main.htm (дата обращения: 08.08.2021), а также: Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2020 г. ФСГС РФ. Табл. 5.6. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения: 08.08.2021).

и предложения на соответствующий тип рабочей силы на рынке труда. Так, при доле лиц с высшим образованием в 34,2% всех занятых численность специалистов высшей квалификации составляла в 2018 г. лишь 24,6% всех занятых⁷.

Что же касается **властного ресурса**, который может существовать в различных формах — политического ресурса, административного ресурса, ресурса влияния на принятие решений у себя на работе, автономности труда и т. д., то мы, в силу особенностей использованной эмпирической базы, анализировали только две из них: административный ресурс и ресурс влияния. Административный ресурс напрямую связан с профессиональным статусом, поэтому как имеющих его мы рассматривали руководителей разного уровня, а также предпринимателей, руководящих наемными работниками. Таких в нашей выборке 2020 г. среди работающих россиян было 6,9%. Властный ресурс в форме ресурса влияния был распространен среди работающих россиян заметно шире, но характеризовал лишь около трети работающих. При этом даже наличие руководящей должности не гарантирует сегодня в России возможности влиять на происходящее у себя на работе — почти 30% руководителей не имеют этого влияния. Это означает, что они являются скорее «надсмотрщиками», выполняющими функции контроля за трудом других [Wright, 1997], чем лицами, принимающими решения. В целом почти две трети работающих россиян (62,1%) осенью 2020 г. были полностью лишены властного ресурса в его административной форме и/или в форме ресурса влияния. В обеих этих формах властный ресурс имели лишь 3,8% работающих.

Наличие властного ресурса важно, поскольку, как было показано в литературе, в стабильных экономических условиях этот ресурс дает в современном российском обществе ощутимый экономический эффект, снижает отчуждение в труде и обеспечивает более высокие статусные позиции [Тихонова, 2014; Коленникова, 2017]. Эту тенденцию подтверждают и наши последние данные. В сентябре 2020 г. среди профессионалов зарплату выше двух медианных зарплат в их типах поселений имеющие ресурс влияния у себя на работе получали в полтора раза чаще, чем не имеющие его (35,6% против 24,4%). Кроме того, этот ресурс даже в условиях пандемии позволял человеку сохранять более позитивное восприятие своего материального положения и своей жизни в целом — по всем этим позициям доля оценивших ситуацию с этими сторонами своей жизни как хорошую была у имеющих властный ресурс примерно в полтора раза выше, чем у не имеющих его. При этом объективно влияние этого ресурса на позиции человека на рынке труда и в целом в социально-экономических отношениях заметно меньше. Например, среди профессионалов, имеющих и не имеющих властный ресурс, доли тех, чье материальное положение в кризис улучшилось, составляли, соответственно, 16,7% и 12,3%, а тех, у кого оно ухудшилось, — 33,5% и 37,6%. Как видим, различия невелики, хотя и статистически значимы.

Учитывая роль властного ресурса для субъективного и объективного благополучия человека, существенно, что с 2008 г. по осень 2020 г. показатели обладателей этого ресурса среди работающих россиян уменьшились. Произошло это прежде всего за счет сокращения числа имеющих ресурс влияния — их доля

⁷ Труд и занятость в России. 2019. Росстат. М., 2019. С. 32.

упала в относительном выражении на 8,5 % (в 2008 г. она составляла 39,5 % при 36,4 % в 2020 г.).

Для общего субъективного благополучия человека и устойчивости его положения, особенно в кризис, важно также качество его **социального капитала**⁸. Помощь, получаемая от родственников, друзей, соседей и т. п., осенью 2020 г. была значимым источником доходов 11,4 % российских семей, и доля эта за период с весны 2008 г. выросла вдвое — тогда она составляла всего 5,8 %.

Однако если рассмотреть этот ресурс в его потенциальной форме, учитывая при этом также другие его значимые аспекты, то становится понятно, что у представителей массовых слоев российского общества этот ресурс скорее сокращается, чем растет. И решающий вклад в его сокращение внесли трудности середины и конца 2010-х годов (см. табл. 2). Наиболее тревожен значительный рост числа россиян, вообще не имеющих социального ресурса: с 2008 г. по 2020 г. их численность выросла практически в полтора раза и стала составлять около половины всех представителей массовых слоев. Особенно сложная ситуация с ним складывается в селах, где, в силу особенностей их инфраструктуры и относительно низкого уровня жизни, окружение человека, даже при желании, зачастую не в состоянии оказать ему необходимой поддержки. 59,6 % жителей сел осенью 2020 г. вообще не имели социального ресурса ни в какой форме (при 31,7 % в столицах и 40,6 % в центрах субъектов РФ), а у остальных доминировали такие его формы, как возможность взять в долг небольшую сумму денег (19,5 %) и поиск приработков (13,2 %).

Таблица 2. Специфика ресурса социальных сетей россиян, ИС ФНИСЦ РАН, 2008—2020 гг., % (отграничено по способности сетей оказать помощь соответствующего вида в 2020 г.)

Виды помощи, которые могут оказать социальные сети	Годы		
	2008	2013	2020
Возможность взять в долг довольно крупную сумму*	36,2	34,8	34,0
Поиск приработков	..**	..**	20,4
Обращение к хорошим врачам или устройство в хорошую больницу	25,1	24,4	18,2
Устройство на хорошую работу	17,6	14,5	12,3
Устройство детей в хорошую школу	8,2	6,8	7,7
Решение жилищной проблемы	4,5	6,9	6,8
Содействие в доступе к должностным лицам, способным помочь в решении их проблем	..**	..**	5,8
Поступление в хороший вуз	5,7	6,1	4,3
Продвижение по карьерной лестнице	4,5	3,8	3,6
Не имеют знакомых, способных оказать такого рода помощь	32,3	34,4	46,2

* В опросе 2020 г. эта позиция подразделялась на две, характеризующие возможность взять в долг до 100 тыс. руб. и более 100 тыс. руб. Соответствующие показатели составили в 2020 г. 27,8 % и 6,2 %.

** В опросах 2008 и 2013 г. эта позиция отсутствовала.

⁸ В соответствии с определением П. Бурдьё, социальный капитал — это «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе» [Бурдьё, 2002: 66].

Если, учитывая такие ключевые для определения жизненных шансов человека виды ресурсов, как экономический, квалификационный, властный и социальный, посмотреть на общую ресурсообеспеченность россиян⁹, разделив их по этому показателю на группы, то большинство населения страны оказывается в составе безресурсной и низкоресурсной групп. Чаще всего представители безресурсной группы проживают в селах (38,4%). Что же касается низкоресурсной группы, то это относительно чаще (30,7%) жители районных центров; причем те, кто все-таки имеет какой-то вид ресурсов, обычно (в 57,9% случаев) обладают социальным ресурсом либо в форме возможности взять в долг менее 100 тыс. руб. (28,9%), либо в форме помощи в поиске разовых и временных приработков (23,5%). Все остальные разновидности социального ресурса наблюдаются в данной группе гораздо реже. Таким образом, даже этот ресурс у представителей низкоресурсной группы довольно низкого качества. Для проживающих преимущественно в областных (28,5%) и районных (28,9%) центрах представителей среднересурсной группы также характерно наличие прежде всего социального ресурса (75,9%). Все остальные виды ресурсов в ней имеет меньшинство. Наконец, в состоящей в основном из жителей столиц (15,0%) и центров субъектов РФ (37,4%) представителей высокоресурсной группы большинство имеет все виды ресурсов, при этом максимален в ней показатель имеющих социальный, а минимален — показатель имеющих экономический ресурс (см. табл. 3). Однако наиболее характерно для нее не только наличие всех видов ресурсов у большинства ее членов, но и наличие у них властного ресурса, о значимости которого мы уже говорили выше: именно по нему отрыв данной группы от остальных максимален.

Таблица 3. Наличие различных ресурсов у россиян из групп с разной ресурсообеспеченностью, 2020 г., %

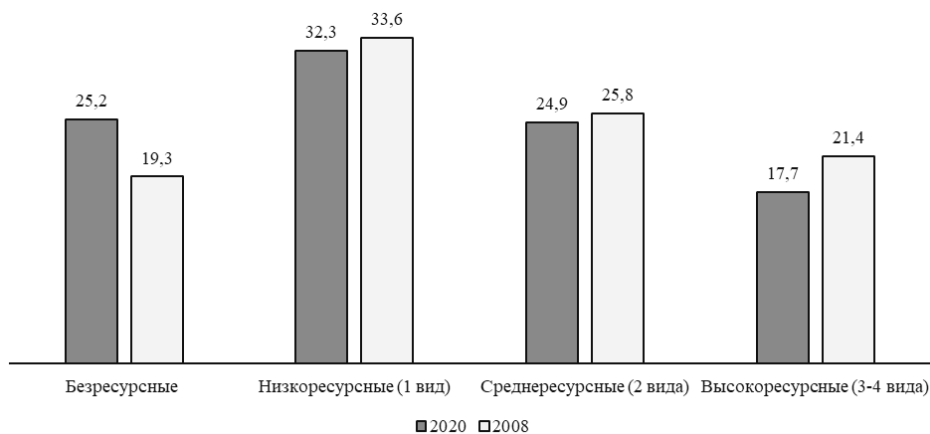
Имеющиеся виды ресурсов	Группы с разным числом располагаемых видов ресурсов			
	0	1	2	3—4
Экономический	0	18,0	40,6	66,9
Квалификационный	0	14,7	46,4	84,7
Властный	0	9,4	37,1	79,0
Социальный	0	57,9	75,9	92,1

Примечание. Серым фоном здесь и далее выделены позиции, составляющие более 50%, то есть типичные для данной группы в целом.

Если говорить о динамике численности групп с разной ресурсообеспеченностью, то за период с 2008 г. по 2020 г. заметно выросла доля группы безресурсных россиян, в состав которой переместилась часть более ресурсных групп, сокративших за эти годы свою численность. Особенно резко уменьшилась в составе массовых слоев населения доля высокоресурсной группы (см. рис. 4).

⁹ Индикатором нулевого значения экономического ресурса выступало отсутствие в собственности любых сбережений, квалификационного — отсутствие высшего образования, властного — отсутствие административного ресурса или ресурса влияния в любой его форме, социального — отсутствие среди окружения людей, способных оказать поддержку хотя бы в какой-то из рассматривавшихся форм.

Рис. 4. Динамика доли групп с разной ресурсообеспеченностью среди представителей массовых слоев населения, 2008—2020 гг., %

Понимание динамики ресурсообеспеченности россиян, так же как и принадлежности большинства представителей массовых слоев населения к без- и низкоресурсным группам, важно прежде всего потому, что ресурсообеспеченность человека прямо связана не только с его объективным материальным благополучием, но и с его субъективным благополучием, а также с прочностью его положения в кризисных условиях. Так, коэффициент Спирмена составлял в базе 2020 г. для взаимосвязи ресурсообеспеченности человека и его самооценок своего материального положения 0,342; соотношения его индивидуального дохода с поселенческой медианой зарплат — 0,305; самооценками собственной жизни — 0,253; чувств, с которыми он думает о собственном будущем, — 0,233.

Различия по всем этим сторонам жизни у представителей групп с разной ресурсообеспеченностью были очень существенными (см. табл. 4). Так, среди без- и низкоресурсных россиян большинство характеризовалось ухудшением их материального положения за последний год и пессимизмом в отношении собственного будущего, а работающая их часть в массе своей столкнулась на работе с такими негативными последствиями пандемии, как сокращение зарплаты, потеря работы, неоплачиваемый отпуск, задержки зарплаты и т. п. С другой стороны, для средне- и высокоресурсных россиян в большинстве случаев характерны относительно высокие индивидуальные доходы и уверенность в собственном будущем, а для высокодоходной — также тот уровень среднедушевых доходов, который обеспечивает в современной России образ жизни, типичный для среднего класса [Модель оходной стратификации..., 2018].

Учитывая упоминавшийся выше рост числа безресурсных россиян и сокращение численности высокоресурсной их группы в ходе кризисов 2008—2009 гг., 2014—2016 гг. и 2020 г., такая картина особенностей представителей этих групп свидетельствует с точки зрения эволюции социальной структуры российского общества не только об общем ухудшении положения массовых слоев насе-

ния страны, но и о локализации основной массы негативных последствий этих кризисов в группах с наименьшей ресурсообеспеченностью. С другой стороны, приведенные в таблице 4 данные говорят о подрыве благополучия в ходе этих кризисов, и особенно в ходе последнего кризиса, прежде всего в составляющих базу формирования среднего класса россиян. При этом для без- и низкоресурсных групп характерно большее единообразие оценок и в целом бóльшая однородность их положения, чем для средне- и высокоресурсных. Однако неуверенность в собственном будущем и страх перед ним, провоцирующие депрессивные настроения, чувство агрессии и готовность к протестам довольно широко распространены и в среднересурсной группе.

Таблица 4. *Некоторые аспекты жизни россиян с разной ресурсообеспеченностью, 2020 г., %**

Аспекты жизни	Группы с разным числом располагаемых видов ресурсов				По массиву в целом
	0	1	2	3—4	
<i>Объективные аспекты жизни</i>					
Соотношение индивидуального дохода с поселенческой медианой зарплат, в т. ч.:					
— не более 0,75 поселенческой медианы	26,6	21,0	12,8	6,0	17,8
— более 1,25 поселенческой медианы	36,5	42,5	54,4	73,6	49,3
Соотношение среднедушевых доходов в домохозяйстве с их поселенческой медианой, в т. ч.:					
не более 0,75 поселенческой медианы	43,5	35,7	22,7	13,5	30,6
более 1,25 поселенческой медианы	16,1	21,1	33,9	50,9	28,2
Динамика материального положения за последний год:					
— ухудшилось	57,8	50,1	40,6	34,0	46,9
— улучшилось	3,4	7,4	10,8	17,6	9,1
Испытали негативные последствия кризиса (сокращение зарплаты, потеря работы, неоплачиваемый отпуск, задержки зарплаты и т. п.)**	60,0	55,1	47,7	37,8	50,2
<i>Субъективные самооценки различных аспектов своей жизни</i>					
Самооценки материального положения:					
— хорошо	2,6	6,3	12,7	24,9	10,3
— плохо	47,1	29,1	18,1	11,0	27,7
Самооценки собственной жизни:					
— хорошо	8,5	21,5	26,5	39,4	22,7
— плохо	16,3	8,2	6,6	5,9	9,5
Видение личного будущего, в т. ч.					
— уверены в том, что оно будет благоприятным	20,1	34,5	39,7	56,0	36,1
— не уверены в этом	65,0	49,4	43,6	33,1	49,0
Думают о собственном будущем с беспокойством, страхом, отчаянием	56,0	42,6	39,3	27,4	42,5

* В таблице приведены полярные ответы. Ответы типа «удовлетворительно», «осталось тем же» и т. п., а также затруднившиеся с ответом в таблице не указаны.

** Данные приведены по работающим.

Выводы

Анализ ресурсообеспеченности массовых слоев населения России свидетельствует о том, что четверть их представителей не обладает никакими из ключевых ресурсов, способных облегчить их положение или упростить для них адаптацию в условиях экономических кризисов. Еще около трети входят в состав низкоресурсной группы, имеющей только один из таких видов ресурсов, как экономический, квалификационный, властный и социальный. Численность высокоресурсной группы, имеющей минимум три из этих четырех ключевых ресурсов, составляет менее 20 % населения страны.

Ресурсообеспеченность россиян постепенно уменьшается. С августа 2008 г. до сентября 2020 г. доля не имеющих ни одного из этих четырех ключевых видов ресурсов выросла в относительном выражении на 30,6 % (с 19,3 % до 25,2 %), а доля высокоресурсной группы в составе населения сократилась на 20,9 % (с 21,4 % до 17,7 %). Подобная динамика тем более парадоксальна, что численность имеющих такой, казалось бы, ключевой для современной экономики вид ресурсов, как квалификационный, за этот период значительно выросла. Однако, поскольку число рабочих мест для лиц с высшим образованием за это время увеличилось в меньшей степени, чем их численность, то дисбаланс спроса и предложения на соответствующем сегменте рынка труда привел к падению отдачи на этот вид ресурсов — по крайней мере, на тех рабочих местах, где предполагается соответствующий уровень образования. В результате текущие доходы россиян с высшим образованием за период 2008—2020 гг. относительно уменьшились.

Что же касается экономического ресурса, то какие-либо сбережения имели в сентябре 2020 г. лишь 27,7 % представителей массовых слоев. Это меньше, чем перед кризисом 2008 г., что говорит о снизившемся под влиянием череды экономических кризисов разной природы «запасе прочности» населения. Об этом же говорит и возросшая кредитно-долговая нагрузка россиян, структура которой за этот период резко ухудшилась, поскольку на фоне относительной стабильности численности имеющих долги частным лицам и организации-работодателю (с которыми обычно легче договориться о рассрочке в случае каких-то жизненных проблем) резко выросла доля имеющих кредиты в банках и микрофинансовых организациях. Увеличилась, особенно за время последнего кризиса, также доля имеющих накопившиеся мелкие долги и долги по квартплате — виды задолженностей, характерные для находящихся в наиболее тяжелом положении домохозяйств. Широкое распространение получила множественная кредитно-долговая нагрузка. В наибольшей степени кредитно-долговая нагрузка, в том числе и множественная, распространена в безресурсной группе, где она характерна для большинства.

Не могут «подстраховать» большинство россиян и второе жилье, дачи, гаражи и т. п. Во-первых, любая недвижимость помимо занимаемого жилья (от места на коллективной стоянке до второго жилья), как и сбережения, у большинства россиян отсутствует, и реже всего она встречается в крупных городах, где ее стоимость и ликвидность, как правило, наиболее высоки. А во-вторых, если говорить о низкоресурсных и безресурсных группах, то любая недвижимость встречается у них гораздо реже, чем у остальных россиян, а если и встречается, то это обычно

лишь приусадебные участки, поскольку все ликвидное имущество, если оно у них и было, они уже давно продали.

Распространенность властного ресурса среди работающих россиян за период с 2008 г. также сократилась. Произошло это прежде всего за счет уменьшения численности имеющих у себя на работе ресурс влияния на принятие решений. Это означает, что такая специфичная для российской производственной культуры черта, как концентрация всех полномочий только у руководящего административного ядра организации, а не распределение их в соответствии с компетенциями сотрудников, продолжает усугубляться. Данная тенденция, доходящая до отсутствия ресурса влияния на происходящее в зоне их ответственности даже у ряда руководителей (особенно среднего и низшего звена), противоречит глобальному экономическому тренду на максимально широкое распределение полномочий, распространение сетевых структур и т. д. Однако не менее значимы и социальные последствия усиления этой тенденции, поскольку нарастание отчуждения в труде негативно влияет на психологическое самочувствие работников. Кроме того, сокращение численности имеющих властный ресурс в производственных коллективах негативно сказывается на материальном положении работников, поскольку современная экономика предполагает наличие рент на властный ресурс даже в форме ресурса влияния.

Наконец, что касается социального ресурса, то ситуация с ним за период с весны 2008 г. также значительно ухудшилась. Почти у половины россиян нет уже даже этого вида ресурсов, и особенно тяжелая ситуация с ним складывается в селах. Учитывая растущую роль этого ресурса в современной России и общую плохую обеспеченность сельских жителей всеми видами ключевых ресурсов, можно ожидать нарастания разрыва в уровне и качестве их жизни с жителями всех типов городов, особенно — крупных.

Что же касается социальной структуры российского общества, то она будет эволюционировать под влиянием тенденций, прослеживавшихся еще до начала пандемии и усилившихся в ходе последнего кризиса. Продолжится увеличение численности безресурсной группы, при этом за счет наращивания трансфертов от государства в ней сохранится доминирование незначительной глубины их бедности или пребывание чуть выше ее границы. Можно ожидать и усиления ее самовоспроизводства в межпоколенческом масштабе. Низко- и среднересурсные группы сохранят свою численность, хотя за счет роста рисков «скатывания» в «низы» положение их представителей будет характеризоваться все большей неустойчивостью. Наконец, являющаяся основой для формирования среднего класса высокоресурсная часть массовых слоев населения продолжит сокращаться. Кроме того, данные нашего анализа свидетельствуют о формировании предпосылок для роста среди россиян депрессивных, агрессивных и протестных настроений, поскольку перспективы динамики их положения, учитывая долгосрочность вектора ухудшения их ресурсообеспеченности, выглядят довольно плачевно.

Список литературы (References)

Аврамова Е. М. Российское население в постсоветский период: опыт кризисов и социальные ресурсы развития. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.

- Avraamova E. M. (2018) Russian Population in the Post-Soviet Period: Experience of Crises and Social Resources of Development. Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)
- Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60—74.
- Bourdieu P. (2002) Forms of Capital. *Economic Sociology*. Vol. 3. No. 5. P. 60—74 (In Russ.)
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
- Castells M. (2000) The Information Age: Economy, Society and Culture. M.: SU HSE. (In Russ.).
- Коленникова Н. Д. Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №5. С.214-232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.12>.
- Kolennikova N. D. (2017) Characteristics of the Power Status of Employed Population in Modern Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 214—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.12>. (In Russ.)
- Лукьянова А. Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 14. № 3. С. 326—348.
- Lukyanova A. L. (2010) Return on Education: What the Meta-Analysis Shows. *Economic Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 14. No. 3. P. 326—348. (In Russ.)
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, меж-страновые сравнения / под общ. ред. Н. Е. Тихоновой. М., СПб.: Нестор-История, 2018.
- Tikhonova N. E. (ed.) (2018) Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5—16.
- Radaev V. V. (2003) The Concept of Capital, Forms of Capital and Their Conversion. *Social Sciences and Modernity*. No. 2. P. 5—16 (In Russ.)
- Тихонов А. А. Влияние изменений в системе неравенств на особенности финансового поведения россиян в 2003—2018 гг. // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 416—419. https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019.
- Tikhonov A. A. (2019) Impact of Changes in the System of Inequalities on the Characteristics of the Financial Behavior of Russians in 2003—2018. In: Gorshkov M. K. (ed.) *The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations*. Moscow: FCTAS RAS. P. 416—419. https://doi.org/10.19181/yadov_conf.2019. (In Russ.)
- Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. №9. С. 28—39.
- Tikhonova N. E. (2006) Resource Approach as a New Theoretical Paradigm in Stratification Research. *Sociological Studies*. No. 9. P. 28—39 (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Социальная структура России: теории и реальность. М. : Новый хронограф, 2014.

Tikhonova N. E. (2014) *Social Structure of Russia: Theory and Reality*. Moscow: New Chronograph. (In Russ.)

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010—2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 84—98. <https://doi.org/10.7868/S0132162518050082>.

Tikhonova N. E., Karavay A. V. (2018) Dynamics of some indicators of Russians' general human capital in 2010—2015. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—98. <https://doi.org/10.7868/S0132162518050082>. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 1. С. 27—47. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>.

Tikhonova N. E. (2019) “Negative Stabilization” and Factors of the Population Welfare Dynamics in Post-Crisis Russia. *Sociological Journal*. Vol. 25. No. 1. P. 27—47. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.25.1.6278>. (In Russ.)

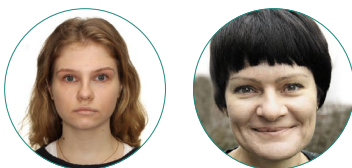
Becker G. S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press.

Grusky D. B. (2001) The Past, Present, and Future of Social Inequality. In: *Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. Boulder: Westview Press. P. 1—51.

Sørensen A. B. (2000) Toward a Sounder Basis for Class Analysis. *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 6. P. 1523—1558.

Wright E. O. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.766](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.766)

Д. Е. Карева, О. Е. Кузина

ДИНАМИКА ПЕНСИОННЫХ СТРАТЕГИЙ И ПЕНСИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН В 2005—2020 ГГ.

Правильная ссылка на статью:

Карева Д. Е., Кузина О. Е. Динамика пенсионных стратегий и пенсионного поведения россиян в 2005—2020 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 139—164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.766>.

For citation:

Kareva D. E., Kuzina O. E. (2021) Dynamics of Pension Strategies and Pension Behavior of Russians in 2005—2020. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 139—164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.766>. (In Russ.)

ДИНАМИКА ПЕНСИОННЫХ СТРАТЕГИЙ И ПЕНСИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН В 2005—2020 ГГ.

КАРЕВА Дарья Евгеньевна — аспирант, факультет социальных наук, Департамент социологии, кафедра экономической социологии, младший научный сотрудник, Институт социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: dkareva@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

КУЗИНА Ольга Евгеньевна — профессор, факультет социальных наук, Департамент социологии, кафедра экономической социологии, старший научный сотрудник, Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: kuzina@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4760-8780>

Аннотация. Цель исследования — выявить, как на протяжении 2005—2020 гг. менялись оценки достаточности будущей пенсии со стороны россиян, еще не вышедших на пенсию, а также их представления о путях обеспечения приемлемого уровня жизни на пенсии (в целом по России и в разрезе социально-демографических групп). Для этого авторы используют данные о пенсионных стратегиях россиян, собранные в ходе ежегодного «Мониторинга финансового поведения населения России (2009—2020 гг.)» НИУ ВШЭ, а также данные за 2005 г. «Мониторинга финансовой активности населения» (ЦИРКОН) и 2007 г. (НАФИ). Ключевой вывод работы заключается в том, что, несмотря на произошедшие демографические,

DYNAMICS OF PENSION STRATEGIES AND PENSION BEHAVIOR OF RUSSIANS IN 2005—2020

*Darya E. KAREVA*¹ — Ph.D. Student, Faculty of Social Sciences, School of Sociology, Department of Economic Sociology; Junior Research Fellow, Institute for Social Policy

E-MAIL: dkareva@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0003-2076-7391>

*Olga E. KUZINA*¹ — Professor, Faculty of Social Sciences, School of Sociology, Department of Economic Sociology; Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic Sociology

E-MAIL: kuzina@hse.ru

<http://orcid.org/0000-0002-4760-8780>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study aims to identify changes in the assessments of the future pension payments among Russians who have not yet retired in 2005—2020, as well as their perceptions of the ways to ensure an acceptable standard of living after retirement. The authors regard dynamics of the indicators in Russian population as a whole and across different socio-demographic groups. The study uses the data on the retirement strategies of Russians collected during the annual Monitoring of the Financial Behavior of the Russian Population (2009—2020) of the HSE University, and the data of the Monitoring of Financial Activity of the Population for 2005 (ZIRCON Research Group) and 2007 (NAFI Research Centre). The authors conclude that despite the demograph-

экономические, и институциональные изменения, пенсионные стратегии людей не изменились в лучшую сторону: все меньшее число россиян полагает, что пенсии им будет хватать для жизни, также уменьшается число тех, кто рассчитывает на получение дополнительных доходов на пенсии. Финансовые стратегии сбережений на пенсию, хотя и выросли в охвате, так и не стали распространенными.

Ключевые слова: пенсионные стратегии россиян, пенсионное поведение населения, реформа пенсионной системы Российской Федерации, достаточность будущей пенсии, дополнительные источники дохода на пенсии

Благодарность. В данной научной работе использованы результаты проекта «Соотношение формальных и неформальных источников хозяйственной власти в современной российской экономике», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

Введение

Во многих странах в связи с изменениями возрастной структуры населения — долгосрочной тенденцией старения населения — распределительные пенсионные системы, при которых выплаты пенсий осуществлялись из налоговых отчислений от заработной платы работников, были заменены на распределительно-накопительные, в которых индивиды в дополнение к социальным и страховым пенсионным системам получали возможность формировать индивидуальный пенсионный капитал и управлять им. В России пенсионная реформа подобного типа стартовала в 2002 г., когда была введена трехуровневая система пенсий, предполагающая помимо государственного пенсионного обеспечения и пенсионного страхования обязательную накопительную часть. Отчисления в накопительную часть были обязательны, однако у людей появилась возможность самим распоряжаться этими средствами: решать, в каком пенсионном фонде они будут накапливаться и в какой форме выплачиваться. После этого пенсионная система регулярно дорабатывалась и перестраивалась:

- изменялись размеры страховых тарифов;
- проводились монетизация льгот и переоценка пенсионных прав, заработанных до пенсионной реформы;

ic, economic, and institutional changes, individual pension strategies have not changed for the better. Fewer Russians believe that pension payments will be of sufficient amount for them to live, and the number of those who expect to receive additional retirement income declines. Financial strategies for retirement savings, although increased in coverage, have not yet become common.

Keywords: pension strategies of Russians, pension behavior, reform of Russian pension system, future pension sufficiency, additional sources of retirement incomes

Acknowledgments. The study uses the results of the project «The Ratio of Formal and Informal Sources of Economic Power in the Modern Russian Economy» carried out within the framework of the HSE Academic Fund Programme in 2021.

- изменялись размеры индексаций распределительной части пенсии и размеры региональных доплат к ней;
- вводилась система государственного софинансирования;
- изменялись правила инвестирования средств как в государственном, так и негосударственных пенсионных фондах;
- отменялись отчисления в накопительную пенсию для «молчунов» и «замораживались» для остальных
- наконец, был увеличен пенсионный возраст.

Провозглашенная цель реформ пенсионной системы состояла в обеспечении приемлемого уровня жизни пенсионеров и финансовой стабильности пенсионной системы. По сравнению с 2001 г. в 2019 г. средний размер пенсий в номинальном виде вырос в 17 раз (с 823,4 руб.¹ до 14163² руб.), в реальном — почти в четыре раза, однако при этом коэффициент замещения, измеряющий соотношение среднего размера пенсии и средней заработной платы, практически не изменился (в 2002 г. он составлял 32% [Ляшок и др., 2016], в 2019 г. — 31%³).

Каким образом изменились представления людей о стратегиях обеспечения приемлемого уровня жизни на пенсии в течение этого времени? Имеющаяся база данных не позволяет сделать вывод о причинно-следственной связи между изменениями в пенсионной системе и поведением населения, так как помимо реформирования пенсионной системы на поведение людей влияли и другие факторы. Тем не менее имеет смысл проследить за динамикой пенсионных стратегий населения в контексте происходивших экономических и институциональных изменений в обществе. Основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что в условиях постоянно изменяющихся правил население не меняет своих стратегий пенсионного поведения, не увеличивается доля тех, кто рассчитывает подготовиться к пенсии, используя финансовые инструменты.

В данной статье термин «пенсионная стратегия» определяется как субъективная оценка респондентами способов обеспечения приемлемого уровня жизни после достижения ими пенсионного возраста. Информационная база исследования — всероссийские опросы населения по выборкам, репрезентирующим взрослое (старше 18 лет) население Российской Федерации. Объем выборочной совокупности в каждой волне составляет 1600 человек, погрешность выборки — 3,4%. Время проведения опросов — 2005⁴, 2007⁵, 2009—2020⁶ гг. (ежегодно).

¹ Численность пенсионеров и средний размер назначенных пенсий по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров (по состоянию на 1 января) // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_p2.htm (дата обращения: 29.07.2021).

² Динамика среднего размера назначенных пенсий // Росстат. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/doc3—1—1.htm (дата обращения: 29.07.2021).

³ Уровень жизни населения // Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b19_01/lssWWW.exe/Stg/d12/3-1-0.doc (дата обращения: 29.07.2021).

⁴ «Мониторинг финансовой активности населения» (ЦИПКОН). // URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1047&T=m (дата обращения: 29.07.2021).

⁵ Данные опроса, проведенного НАФИ. // URL: <https://nafi.ru/projects/finansy/entsiklopediya-finansovogo-povedeniya-rossiyan/> (дата обращения: 29.07.2021).

⁶ «Мониторинг финансового поведения населения» (НИУ ВШЭ, ЛЭСИ). // URL: http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?ID_S=1544&T=m (дата обращения: 29.07.2021).

Институциональные факторы пенсионных стратегий населения

В исследованиях пенсионных стратегий россиян они определяются как источники дохода, на которые люди планируют жить на пенсии [Трегубова, Долбина, 2014; Кузина, 2013]. В нашем исследовании мы также будем опираться на такое понимание пенсионных стратегий. Так как занятость остается одним из наиболее распространенных видов пенсионных стратегий в России, решение о прекращении либо продолжении трудовой деятельности является одним из ключевых [Дорофеева, 2007]. Приоритетный мотив для ее продолжения — низкий уровень ожидаемого пенсионного обеспечения [Черкашина, 2011]. Помимо этого, наличие работы после наступления пенсионного возраста в России повышает вовлеченность пожилых людей в общественную жизнь, позволяет им сохранить социальные контакты и оставаться активной частью общества [Лежнина, 2008]. Занятость дает пенсионерам чувство собственной необходимости. Важное влияние на выбор пенсионных стратегий оказывают структура домохозяйства, пол, уровень образования и состояние здоровья [Малева, Синявская, 2005].

Влияние институциональных и социально-демографических факторов на пенсионные стратегии также изучается в других странах. Согласно исследованию С. Чан и Э. Х. Стивенс, на принятие решения о выходе на пенсию (прекращении занятости) в значительной степени влияют финансовые стимулы — выплаты системы социального обеспечения и наличие пенсионных планов. Как при контроле индивидуальных предпочтений людей, так и без их учета потенциальные пенсионные выплаты остаются ключевым фактором, определяющим продолжение занятости и пенсионные ожидания населения в США, но при включении персонализированных характеристик степень связи показателей становится ниже [Chan, Stevens, 2004].

Продление трудовой жизни оказывает положительное влияние на субъективную оценку здоровья пожилых, но этот эффект ограничен во времени. Сравнение респондентов, вышедших на пенсию и имеющих работу после 65 лет в Швеции, показывает, что при сохранении занятости вероятность иметь лучшее состояние здоровья в среднем возрастает на 6,8% [Anxo, Ericson, Miao, 2019]. При этом положительный эффект становится незначим после шести лет занятости на пенсии. Проведенный авторами регрессионный анализ для отдельных социально-демографических групп показывает, что продолжение занятости значимо положительно влияет на здоровье мужчин (7,8%); пожилых людей, имеющих супруга(у) (7,7%); средний уровень дохода.

Пенсионные ожидания населения зависят также от изменений пенсионной системы, в условиях которой они строятся. Р. Боттацци, Т. Джаппелли и М. Падулак оценили, как изменение пенсионной системы повлияло на пенсионные ожидания итальянцев. Ряд пенсионных реформ 1989—2002 гг. включал в себя повышение возраста выхода на пенсию и минимального числа лет занятости для получения права на пенсию, постепенное снижение пенсионных льгот и пр. Исследование показало, что эффект реформы значительно зависит от степени осведомленности населения о системе социального обеспечения и ее изменениях. Институциональные изменения повлияли на ожидания населения о пенсионных выплатах. Предпочтение личным сбережениям вместо пенсионных на 30%

чаще отдавали респонденты, владеющие информацией об устройстве системы. Следствием проведенных реформ стало резкое сокращение коэффициента замещения доходов трудоспособного периода пенсионными выплатами. Замещение пенсионных доходов частными накоплениями, наоборот, происходит медленно, что в условиях снижения размера пенсий может привести к недостаточным накоплениям на старость [Bottazzi, Jappelli, Padula, 2006].

Исследуя вопрос влияния институциональных изменений на пенсионные накопления в Германии, М. Доллс и его коллеги изучали введение правительством ежегодной рассылки писем с расчетом размера ожидаемых пенсионных выплат, подробным описанием пенсионной системы и иных индивидуальных особенностей с 2005 г. (тестовый период с 2001 по 2004 гг.). Такие письма получают граждане старше 27 лет, выплачивавшие взносы в фонд социального страхования не менее пяти лет. Немецкая пенсионная администрация предоставила людям информацию об ожидаемых пенсионных выплатах. Расчеты авторов показывают, что после получения такого письма, как правило, происходило увеличение частных пенсионных сбережений населения и заработной платы. Люди склонны завышать свои ожидания относительно будущего размера пенсии, поэтому повышение прозрачности в этом вопросе способствует формированию дополнительных сбережений и мотивирует к повышению доходов [Dolls et al., 2018].

Обзор изменений пенсионной системы РФ 2002-2020 гг.

Вплоть до 2002 г. в России функционировала система пенсионного обеспечения, при которой пенсии выплачивались за счет пенсионных взносов работающих граждан. Система была распределительной — все собранные пенсионные взносы шли на выплату текущих пенсий. В 2002 г. в результате пенсионной реформы была создана смешанная распределительно-накопительная пенсионная система⁷. Пенсия стала включать базовую, страховую и накопительную части. Базовая часть платилась всем гражданам, достигшим пенсионного возраста от трудового стажа. Страховая часть формировалась в соответствии со стажем и суммой страховых взносов работников. Накопительная часть трудовой пенсии состояла из обязательных и добровольных взносов граждан, в течение трех лет после реформы 2002 г. формировалась у мужчин 1953 г. рождения и моложе и у женщин 1957 г. рождения и моложе.

Однако с 1 января 2005 г. взносы на накопительную часть пенсии отменили для лиц 1966 г. рождения и старше. Для них накопительная пенсия была заменена страховой, в результате право на формирование накопительной пенсии осталось только у граждан не старше 1967 г. рождения.

С 2007 г. дополнительным источником формирования накопительной части пенсии стала программа выплат материнского (семейного) капитала. За 2007—2018 гг. было выдано около 9 млн сертификатов. Более 5 млн семей полностью распорядились материнским капиталом, 89% использовали средства для покупки

⁷ См. Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34443/ (дата обращения: 29.07.2021).

жилья, 10% — на оплату образования детей, лишь 1% был отправлен на финансирование накопительной пенсии матерей (около 4,5 тыс. женщин)⁸.

В 2008 г. была введена программа государственного софинансирования формирования пенсионных накоплений. Вступить в нее было можно в период с 1 октября 2008 г. по 31 декабря 2014 г. При добровольном перечислении на накопительную часть пенсии от 2 000 до 12 000 рублей в год государство удваивало этот взнос. Максимальное количество участников программы, сделавших взносы, было зафиксировано в 2013 г. — 1,8 млн человек, в 2018 г. охват уменьшился в три раза и составил 0,6 млн человек, столько же участников было в первый год реализации данной программы. Количество пенсионеров, получающих выплаты по программе в 2018 г., было небольшим — 26 тыс. человек, размер доплаты к пенсии составлял в среднем всего 1,5 тыс. руб.⁹

С 1 января 2010 г. базовая часть пенсии была включена в страховую, таким образом пенсия стала состоять из двух частей — страховой и накопительной¹⁰. Включение базовой части в страховую сопровождалось также и изменениями правил индексации. Если раньше уровень повышения базовой части зависел от уровня инфляции, а страховой — от уровня роста средней заработной платы в стране, то с 2010 г. увеличение размера пенсии стало зависеть от роста средней заработной платы в стране и доходов Пенсионного фонда РФ. Тариф страхового взноса был установлен на уровне 20%, который для лиц 1966 г. рождения и старше полностью шел на финансирование страховой части трудовой пенсии, тогда как для лиц 1967 г. рождения и моложе — 14%, остальные 6% предназначались для формирования накопительной части.

В 2010 г. была проведена валоризация трудовых пенсий — перерасчет пенсий в сторону увеличения за счет повышения расчетного пенсионного капитала, сформированного до 2002 г., на 10% и еще по 1% прибавится за каждый полный год общего трудового стажа до 1 января 1991 г.¹¹

С 1 января 2010 г. было введено понятие социальной доплаты к пенсии, которая стала предоставляться гражданам в виде денежной доплаты к пенсии до величины прожиточного уровня пенсионера, установленного в субъектах РФ. Данные Росстата свидетельствуют о том, что в 2010 г. впервые с 1992 г. средняя пенсия превысила прожиточный минимум пенсионера более чем в 1,5 раза. Тем не менее повышение размера пенсии не привело к росту коэффициента замещения пенсий относительно зарплат: соотношение среднего размера назначенных пенсий со средним размером начисленной заработной платы за указанный период

⁸ Сергей Чирков рассказал portalу «Будущее России. Национальные проекты» о реализации программы материнского капитала // Пенсионный фонд Российской Федерации. URL: http://www.pfrf.ru/press_center/~2019/04/25/180922 (дата обращения: 29.07.2021).

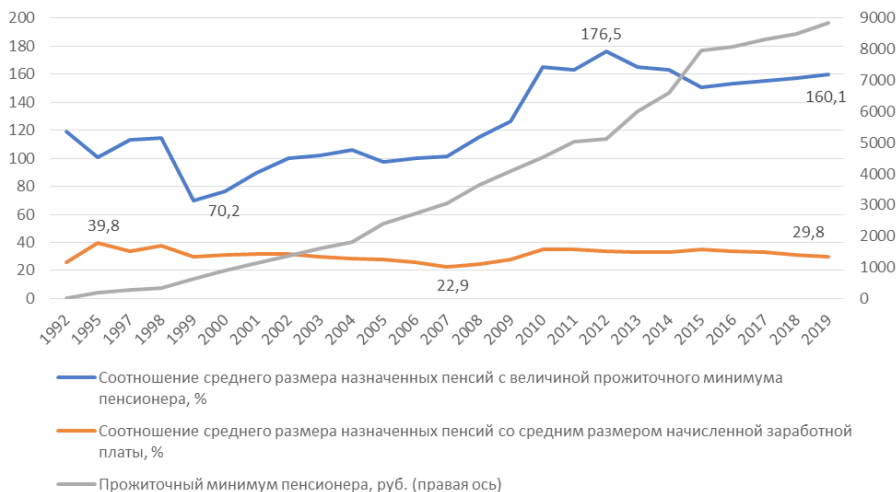
⁹ Годовой отчет Пенсионного фонда России // ПФР. 2018. С. 80. URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension-fund-Annual-report-2018.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

¹⁰ Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 213-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования“». Ст. 5. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89926/ (дата обращения: 29.07.2021).

¹¹ Там же. Ст. 30.1.

не достиг 40 %, а к 2018 г. снизился до 31 % (см. рис. 1). Для сравнения: в странах ОЭСР в среднем валовый пенсионный коэффициент замещения составляет чуть более 50 % при достаточно большом разбросе по странам. Наименьшие значения данного показателя в 2016 г. наблюдались в Великобритании (22 %), Польше (32 %), Австралии (32 %), наибольшие — в Нидерландах (97 %), Дании (86 %), Италии (83 %)¹².

Рис. 1. Динамика прожиточного минимума пенсионера и соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума и средней заработной платой в 1992-2019 гг.¹³

С 1 января 2011 г. тариф страховых взносов в ПФР увеличился до 26 %. Для сотрудников 1966 г. рождения и старше вся сумма взносов формировала только страховую часть трудовой пенсии, для работников 1967 г. рождения и младше 20 % шли на финансирование страховой части, 6 % — накопительной части¹⁴. Однако уже в 2012 г. тариф страховых взносов в ПФР был снижен с 26 % до 22 %, он действует по настоящее время (16 % — на формирование страховой части трудовой пенсии, 6 % — накопительной части).

С 2014 г. началось создание системы гарантирования сохранности пенсионных накоплений наподобие той, что разрабатывалась для банковских вкладов. На время преобразований обязательные отчисления на накопительную часть пенсии были приостановлены. Помимо этого, гражданам, имевшим право на накопительную часть (моложе 1967 г. р.), предложили отказаться от ее дальнейшего формирования. Если человек хотел сохранить накопительную часть, то ему/ей

¹² OECD Data. (2016) Gross Pension Replacement Rates. URL: <https://data.oecd.org/pension/gross-pension-replacement-rates.htm#indicator-chart> (дата обращения: 29.07.2021).

¹³ Источник: данные Росстат.

¹⁴ Федеральный закон от 24 июля 2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования». Ст. 12. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89925/ (дата обращения: 29.07.2021).

до 31 декабря 2015 г. необходимо было перевести ее из ПФР в негосударственный пенсионный фонд (НПФ) или частную управляющую компанию. При этом по умолчанию был выбран вариант присоединения к страховой системе — если человек ничего не предпринимал, то с 2016 г. он или она теряли накопительную часть. Тем не менее, несмотря на «подталкивание» (nudging) людей к отказу от накопительной части, доля тех, кто выбрал вариант ее сохранения, с 2015 г. стала расти. Если в 2014 г., по данным Пенсионного фонда России, 71 % от числа лиц, формирующих пенсионные накопления, были «молчунами»¹⁵, то уже в 2015 г. их доля снизилась до 67 %¹⁶, а в 2017 г. — до 55 %¹⁷.

Однако те, кто не захотел лишиться накопительной части пенсии и перешел в НПФ или частную управляющую компанию в расчете на то, что 6 % их доходов и дальше будут перечисляться на накопительную часть, не получили ожидаемого: мораторий (на момент написания данной статьи) был продлен до 2023 г.¹⁸ Через 12 лет после начала реформы, российская пенсионная система снова стала одноуровневой — с 2014 г. до завершения моратория все взносы поступают на страховую часть, а накопительная увеличивается только за счет средств, полученных в результате инвестирования ранее сделанных пенсионных накоплений, либо за счет добровольных взносов граждан.

С 1 января 2015 г. были введены «новая пенсионная формула» и понятие «индивидуальный пенсионный коэффициент» («пенсионный балл»), которым оценивается каждый год трудовой деятельности гражданина¹⁹. С одной стороны, поэтапно стали увеличиваться требования к минимальному стажу для получения права на пенсию по старости: с 5 лет до 15 лет²⁰. С другой стороны, баллы стали начисляться за социально значимые периоды жизни человека, такие как военная служба по призыву, отпуск по уходу за ребенком, период ухода за ребенком-инвалидом, гражданином старше 80 лет и др. Однако решающим стало то, что пенсионные права граждан стали формироваться в индивидуальных пенсионных коэффициентах, стоимость которых определяется федеральным законом о бюджете Пенсионного фонда РФ на очередной год и плановый период, при этом ежегодная индексация пенсионного коэффициента не может быть ниже инфляции за прошедший год.

С 2016 г. прекращена индексация пенсий работающим пенсионерам.

Наряду с институциональными изменениями в России произошло два кризиса в 2008 и 2014 гг., повлиявших на реальные доходы населения. Финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., был следствием банкротства

¹⁵ Годовой отчет Пенсионного фонда России // ПФР. 2014. С. 82. URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/godovoi_otchet_2014_1.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

¹⁶ Годовой отчет Пенсионного фонда России // ПФР. 2015. С. 88. URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension_fund_Annual_report_2015_1.pdf.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

¹⁷ Годовой отчет Пенсионного фонда России // ПФР. 2017. С. 84. URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/annual_report_2017_1.pdf (дата обращения: 29.07.2021).

¹⁸ Подписан закон о «заморозке» накопительной пенсии до конца 2023 года // Российская газета. 08.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/08/zamorozka-nakopitelnoj-pensii-prodlena-do-konca-2023-goda.html> (дата обращения: 29.07.2021).

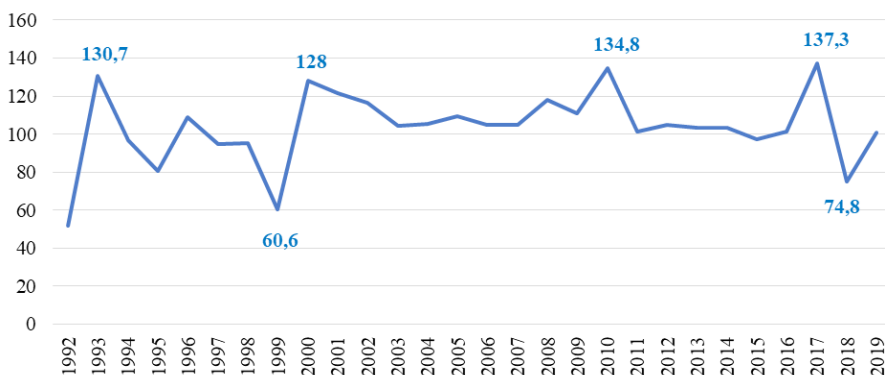
¹⁹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 29.07.2021).

²⁰ Там же. Ст. 35.

банков, падения фондового рынка и цен на нефть. В 2014 г. цены на нефть снова снизились, но в отличие от прошлого кризиса падение цен было плавным и длительным. Дополнительным, в сравнении с 2008 г., негативным фактором стали экономические санкции США и Евросоюза, ограничившие экономическую деятельность российских компаний и доступ к рынкам капитала для банков. Существенное снижение доходов бюджета от продажи нефтепродуктов, экономические санкции и большие социальные обязательства перед населением в 2014 г. привели к росту инфляционных ожиданий, ослаблению курса рубля и снижению потребительского спроса²¹.

В 1990-е реальный размер пенсий снижался, исключение составляют лишь 1993 г., когда была введена компенсационная выплата ко всем пенсиям, сопоставимая с минимальной пенсией по старости, и 1996 г. (выборы президента России), в который пенсии выросли на 8,7 % в реальном выражении. Начиная с 2000 г. экономический рост и благоприятная демографическая ситуация, связанная с тем, что на пенсию стали выходить люди, родившиеся в 1940-е годы, привели к увеличению реального размера пенсий. Средний размер пенсий в реальном исчислении не снизился и в кризисные годы 2008—2009 гг., однако начиная с 2011 г. происходит стабилизация реального размера пенсионных выплат, резкий рост реального размера средней пенсии и его снижение в 2018 г. связаны с единовременной выплатой, которую получили пенсионеры в 2017 г. накануне президентских выборов вместо индексации пенсии (см. рис. 2).

Рис. 2. Динамика реального размера назначенных пенсий, в % к предыдущему году, 1992—2019 гг.²²

Осенью 2018 г. был принят закон об увеличении пенсионного возраста до 60 и 65 лет для женщин и мужчин соответственно. По закону увеличение возраста, по достижении которого возникает право на пенсию, должно проходить поэтапно

²¹ <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/01/12/valyutnyj-krizis-20142015-gg> (дата обращения: 29.07.2021).

²² Источник: данные Росстат.

но и завершиться к 2028 г.²³ Впервые информация о том, что Правительство планирует увеличить пенсионный возраст в России, появилась в июне 2018 г. в разгар проходившего в это время Чемпионата мира по футболу. Первое чтение в Государственной думе закон прошел в июле, второе и третье — в сентябре 2018 г. В октябре 2018 г. закон одобрил Совет Федерации и подписал президент. Закон вступил в силу с 1 января 2019 г.

Помимо этого, с 1 января 2019 г. для людей, проработавших в сельском хозяйстве не менее 30 лет, проживающих в селе и не работающих на пенсии, установлена доплата 25 % от установленной фиксированной выплаты к страховой пенсии по старости и инвалидности²⁴. Также с 1 января 2019 г. пенсии ниже прожиточного уровня пенсионера индексируются после установления федеральной социальной доплаты, а не наоборот, как это было ранее²⁵.

В марте 2020 г. был принят федеральный закон, согласно которому пенсионные выплаты из негосударственных пенсионных фондов можно получать по достижении ранее установленного пенсионного возраста — 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин²⁶. При этом наличие страхового стажа исключено из оснований получения этих выплат, что может расширить потенциальную аудиторию НПФ.

Начиная с 2022 г. россияне старше 45 лет каждые 3 года до выхода на пенсию будут получать информацию о размере пенсии, накопленной гражданином, и способах ее повышения²⁷.

Наиболее существенные изменения пенсионной системы произошли в:

- 2002 г. — пенсионная система стала трехуровневой распределительно-накопительной;
- 2008 г. — вступила в действие система государственного софинансирования пенсий;
- 2014 г. — «заморожены» выплаты на формирование накопительной части пенсии;
- 2015 г. — введена «новая пенсионная формула», по которой обязательства государства перед пенсионерами исчисляются в пенсионных баллах, дальнейшее формирование накопительной части трудовой пенсии «молчунов» прекращено, а для остальных приостановлено (на момент написания данной статьи приостановка продлена до 2023 г.);
- 2016 г. — прекращение индексации пенсий работающим пенсионерам;
- 2018 г. — принят закон о поэтапном повышении пенсионного возраста.

²³ Федеральный закон от 10 октября 2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 29.07.2021).

²⁴ Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/ (дата обращения: 29.07.2021).

²⁵ Федеральный закон от 01 апреля 2019 № 49-ФЗ «О внесении изменений в статью 12.1 Федерального закона „О государственной социальной помощи“ и статью 4 Федерального закона „О прожиточном минимуме в Российской Федерации“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321404/ (дата обращения: 29.07.2021).

²⁶ Федеральный закон от 18 марта 2020 № 61-ФЗ «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона „О негосударственных пенсионных фондах“ по вопросам назначения негосударственных пенсий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_347922/ (дата обращения: 29.07.2021).

²⁷ ПФП в 2022 году проинформирует 29,6 млн россиян старше 45 лет об их пенсионных правах // ТАСС. 30.12.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10383503> (дата обращения: 29.07.2021).

Если говорить о макроэкономической динамике, то важными периодами являются:

- 2000—2008 гг. — период экономического роста;
- 2008 г. и 2014 г. — острые фазы кризиса;
- 2008—2014 гг. — период стабилизации;
- 2015—2020 гг. — рецессия, сопровождающаяся снижением реальных доходов населения.

Гипотезой исследования является предположение, что россияне должны были так или иначе реагировать на институциональные изменения пенсионной системы и динамику экономического развития России. Для того чтобы проследить за тем, как менялись представления россиян о стратегиях обеспечения приемлемого уровня жизни и их пенсионного поведения, мы использовали данные, собранные в ходе ежегодного «Мониторинга финансового поведения населения России» НИУ ВШЭ (2009—2020 гг.), а также данные за 2005 г. «Мониторинга финансовой активности населения» (ЦИРКОН) и 2007 г. (НАФИ). Опросы НИУ ВШЭ проходили осенью каждого года (октябрь — ноябрь).

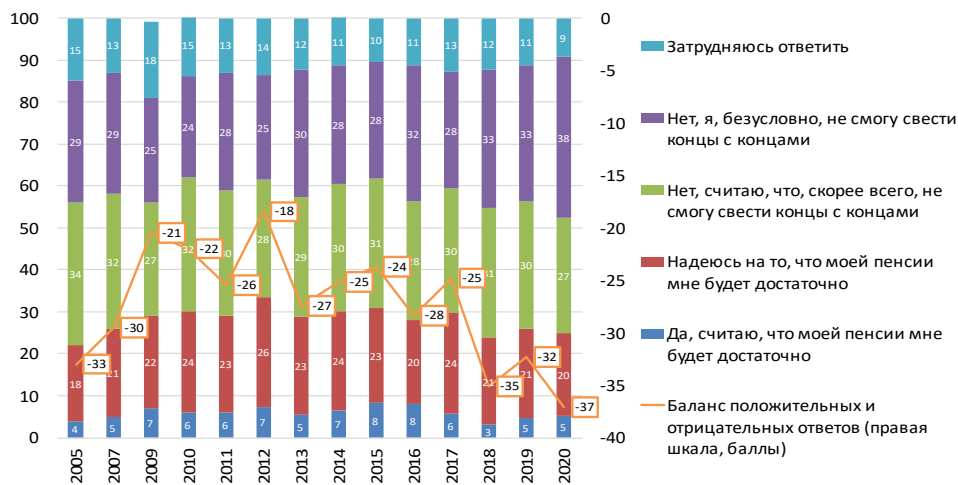
Оценки достаточности будущей пенсии

По законодательству Российской Федерации граждане России выходят на пенсию по достижении пенсионного возраста, пенсионный возраст различается для мужчин и женщин, а также для работников различных категорий. В настоящем исследовании пенсионерами считались те респонденты, которые дали утвердительный ответ на вопрос о том, являются ли они в настоящее время пенсионерами. Таковыми в 2020 г. были 33 % респондентов (N = 535 человек в выборке), доля пенсионеров за 2005—2020 гг. выросла с 26 % в 2005 г. на 7 п. п. В основном пенсионерами себя называли люди пенсионного возраста, однако в каждой волне были от 20 до 30 человек, которые были моложе. В этом случае мы их, тем не менее, относили к категории пенсионеров, поскольку это были люди, вышедшие на пенсию досрочно. Остальных респондентов мы отнесли к категории будущих пенсионеров.

Прежде всего нас интересовал, как люди, еще не вышедшие на пенсию, оценивали размер своей будущей пенсии, считали ли они ее размер достаточным для жизни. Данные свидетельствуют о том, что в 2020 г. лишь 5 % будущих пенсионеров считали, что их пенсии в старости будет достаточно, чтобы жить нормально. При этом 38 % опрошенных были полностью уверены в том, что на пенсию прожить будет невозможно, а остальные полагали такое положение дел весьма вероятным (27 %); еще 20 % хотели бы надеяться на это, но полностью не уверены в том, что это будет возможно; 9 % населения затруднились ответить на этот вопрос (см. рис. 3).

За период наблюдений доля тех, кто был уверен в том, что им будет достаточно их пенсии, была максимальной в 2015—2016 гг. (8 %), минимальной (3 %) — в 2018 г. Для расчета агрегированного индекса, позволяющего сравнивать динамику ответов за разные годы с учетом их распределения по предложенным вариантам мы использовали балансный метод: из доли положительных ответов вычитали долю отрицательных, причем положительные и отрицательные ответы, в которых люди были уверены, мы брали с весом 1, а ответы, в которых звучала некоторая доля сомнения («скорее всего») — с весом 0,5 (см. рис. 3).

Рис. 3. Динамика оценок достаточности будущей пенсии за 2005—2020 гг.²⁸, % от респондентов, еще не вышедших на пенсию²⁹

Во все годы измерений данного индикатора пессимистичные оценки преобладали над оптимистичными, о чем свидетельствует отрицательное значение индекса (см. рис. 3). Причем в кризисный 2009 г. и посткризисные 2010—2012 гг. оптимизма было несколько больше, чем в периоды экономического роста (2005 и 2007 гг.). После кризиса 2014 г. баланс положительных и отрицательных оценок практически не менялся вплоть до 2018 г., когда данный индекс снизился до самого низкого значения за весь период наблюдений, а в 2020 г. упал до рекордного минимума –37 баллов. В целом оценки достаточности будущей пенсии довольно стабильны: за 2009—2017 гг., несмотря на происходившие изменения как в пенсионной системе, так и в экономике страны, амплитуда индекса была невелика — 10 баллов (от максимального значения –18 баллов в 2012 г. до минимального –28 баллов в 2016 г.). Значительное снижение оценок достаточности пенсии в 2018 г. интересно тем, что решение правительства об увеличении пенсионного возраста, обнародованное летом 2018 г., одновременно предполагало направление сэкономленных таким образом средств на повышение пенсий неработающим пенсионерам. Однако реакция населения оказалась противоположной: индекс достаточности будущих пенсий снизился на 10 пунктов и достиг рекордно низкого уровня (–35 баллов), за два последующих года ситуация только ухудшилась.

Возможно, низкие оценки достаточности будущей пенсии типичны не только для россиян. Для сравнения мы приводим данные мониторингового опроса

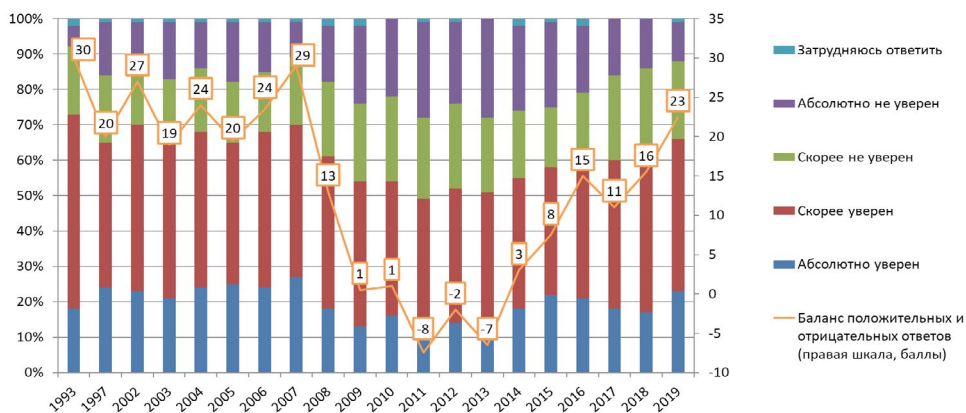
²⁸ Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, когда Вы станете пенсионером, будет ли размер Вашей пенсии (только той пенсии, которую будете получать Вы лично) достаточным для того, чтобы Вы могли жить на свою пенсию?» (карточка, один вариант ответа).

²⁹ Источник: данные ЦИРКОН (2005), НАФИ (2007), НИУ ВШЭ (2009—2020).

работающих американцев³⁰ относительно того, насколько они уверены в том, что им будет хватать доходов на пенсии, чтобы жить комфортно. Выбор США для сравнения объясняется тем, что валовый пенсионный коэффициент замещения в США в 2016 г. составил 38 %, что сопоставимо с российским (34 % в 2016 г.), при этом так же, как и в России, есть накопительная пенсия, которая позволяет людям самостоятельно накапливать средства для обеспечения необходимого уровня доходов после выхода на пенсию.

Сравнение американских и российских данных показывает, что уверенность работающих американцев значительно выше. В 2007 г. абсолютно были уверены в том, что на пенсии им будет хватать денег для комфортной жизни, 27 % работников, еще 43 % были уверены отчасти. В 2008 г. уверенность американцев начала снижаться, достигнув минимальных значений в 2011—2013 гг. Однако оптимизм работающих американцев даже в год с наиболее низкими оценками был выше российского уровня в любой из годов наблюдения. Уверенность американцев в том, что на пенсии им будет хватать денег для комфортной жизни, в 2020 г. почти достигла уровня 2007 г. Поскольку данные опросы проводятся в январе, эффект пандемии в 2020 г. еще не проявился (см. рис. 4).

Рис. 4. Динамика оценок достаточности будущей пенсии за 1993—2020 гг.³¹, % от работающих респондентов, США³²

При сравнении следует иметь в виду, что как выборки, так и формулировки вопросов в исследованиях не идентичны. В опросе НИУ ВШЭ задается вопрос об уверенности в том, что на пенсии доходы будут достаточны для жизни, а в американской анкете речь идет о комфортной жизни, при этом используются однотипные шкалы из четырех пунктов и вариант «затрудняюсь ответить». Выборки

³⁰ Employee Benefit Research Institute (EBRI) Retirement Confidence Survey. URL: <https://www.ebri.org/retirement/retirement-confidence-survey> (дата обращения: 29.07.2021).

³¹ Формулировка вопроса: «Вы уверены в том, что у Вас будет достаточно денег, чтобы жить комфортно в течение тех лет, когда Вы будете на пенсии?» (Are you confident that you will have enough money to live comfortably throughout your retirement years?).

³² Источник: Employee Benefit Research Institute and Greenwald & Associates, Retirement Confidence Survey, 1993—2020.

также различаются: в российском обследовании опрашиваются все, кто пока не вышел на пенсию, включая студентов, безработных, домохозяйек и т. п., тогда как американские данные основаны на опросе работающих. Таким образом, различие в формулировках вопросов увеличивает долю тех, кто уверен в достаточности будущей пенсии, для российской выборки, поскольку «жить комфортно» требует больше ресурсов, чем просто жить, а различие в выборках — для американской, поскольку работающие наверняка имеют больше оснований для оптимизма, чем те, у кого работы нет. Тем не менее разрыв слишком велик для того, чтобы считать его результатом различий формулировок и выборок: американцев, в той или иной степени уверенных в достаточности их будущих пенсий, около половины, а в нашем исследовании — не более трети, в 2020 г. эта доля сократилась до четверти (25 %) (см. рис. 3).

Еще одним важным для целей нашего исследования выводом является то, что на американских данных мы видим значительное снижение уверенности в достаточности будущей пенсии в 2008—2013 гг., однако уже с 2014 г. индекс снова растет, реагируя на улучшение экономической ситуации и ожиданий в будущем. Так, в 2014 г. многие из индексов Центра опросных исследований Университета Мичигана³³ превысили отметку в 100 баллов³⁴. Иными словами, оценки достаточности пенсии изменялись в соответствии с экономическим циклом, тогда как в России корреляции с циклом не наблюдалось. Среди существенных институциональных изменений в пенсионной системе США за указанный период можно выделить только один: в 2006 г. были введены правила автоматического участия работника в плане 401-k³⁵, однако эффект данного нововведения был нивелирован кризисом, начавшимся в 2007 г.

Таким образом, в России ни экономические циклы, ни радикальные реформы пенсионной системы не оказали существенного положительного влияния на оценки достаточности будущей пенсии. Большинство россиян, еще не вышедших на пенсию, на протяжении всего периода с 2005 по 2020 гг. пессимистично оценивали свое пенсионное будущее, полагали, что им не будет хватать пенсии для нормальной жизни, к 2020 г. оценки достигли минимальных значений после принятия закона об увеличении пенсионного возраста в 2018 г.

Полученные средние оценки достаточности будущей пенсии, возможно, скрывают за собой полярные мнения людей разных социально-демографических групп. Мы предположили, что молодые люди будут более оптимистичны, чем те, чья пенсия уже не за горами; молодежи присущи оптимизм и, возможно, надежда на то, что пенсионная реформа будет способствовать повышению уровня пенсионного обеспечения граждан. Поэтому те поколения, которые будут получать пенсию по накопительной схеме, должны быть оптимистичнее настроены в отношении ее размера.

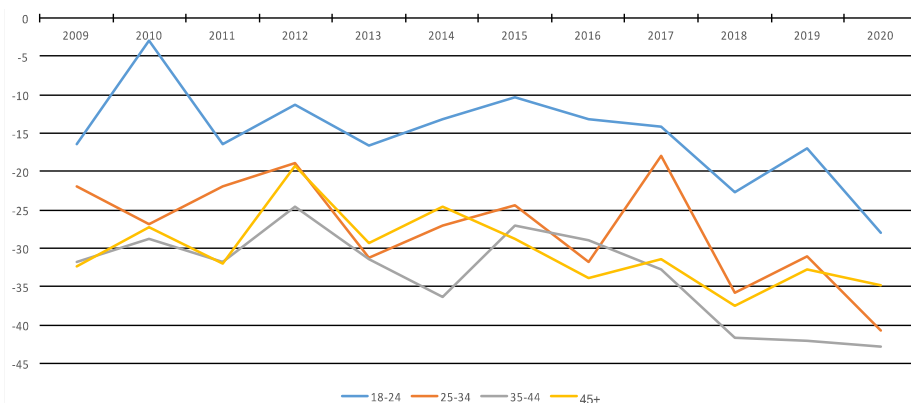
³³ Survey Research Center University of Michigan. URL: <https://data.sca.isr.umich.edu/charts.php> (дата обращения: 29.07.2021).

³⁴ Если значение индекса выше 100 баллов, то доля респондентов, давших положительные ответы на вопросы о текущем положении дел или об ожиданиях на будущее, выше доли тех, чьи оценки отрицательные. URL: <https://data.sca.isr.umich.edu/fetchdoc.php?docid=26396> (дата обращения: 29.07.2021).

³⁵ План 401 (k) — это пенсионный счет с установленными взносами с льготным налогообложением, который многие работодатели в США предлагают своим сотрудникам.

Однако сделанное предположение не подтверждается полученными данными: при сравнении распределения ответов по возрастным группам во всех волнах обследования видно, что среди молодежи пессимистично настроенных людей меньше по сравнению с другими возрастными группами, но в основном за счет тех, кто затрудняется ответить. Поэтому можно сделать вывод, что неуверенность в достаточности пенсий присутствует и у молодежи, только пока в неявном виде. Причем для группы людей близкого к пенсии возраста (старше 45 лет) минимальные оценки достаточности пенсии были получены осенью 2018 г. (–38 баллов), в год, когда был увеличен пенсионный возраст (см. рис. 5). В 2020 г. наиболее пессимистичными оказались люди в возрасте 35–44 года (–43 балла).

Рис. 5. Индекс достаточности будущей пенсии в разрезе возрастных групп, баллы³⁶

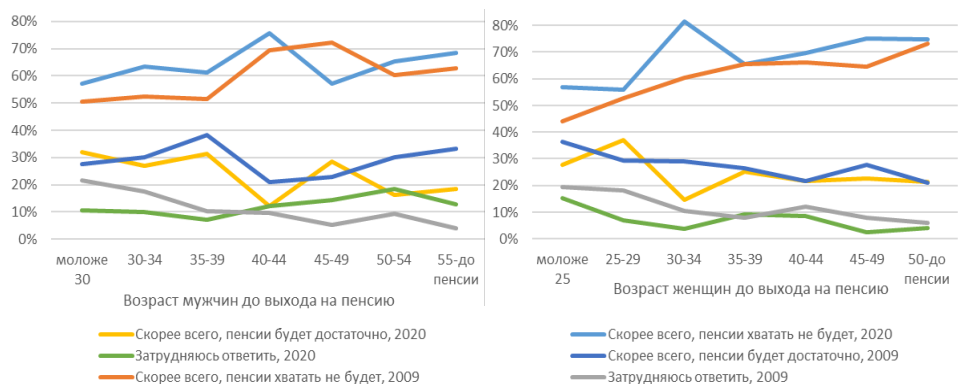

Для того чтобы понять, как изменились намерения россиян в отношении достаточности их будущей пенсии и возможности иметь дополнительные источники дохода, сравним ответы респондентов, участвовавших в первой волне обследования (2009 г.) и в последней из доступных на текущий момент (2020 г.). Разрыв в одиннадцать лет между опросами позволит оценить, произошли ли какие-то изменения в оценках достаточности пенсий в возрастных группах. Поскольку мужчины и женщины выходят на пенсию в разном возрасте, рассмотрим отдельно возрастные отличия мужчин и женщин, взяв за точку отсчета возраст выхода на пенсию (см. рис. 6).

Как в 2009 г., так и в 2020 г. при приближении к пенсионному возрасту доля пессимистичных оценок достаточности пенсии растет. Можно отметить, что в 2020 г. доля затрудняющихся с ответом мужчин-респондентов близкого к пенсии возраста увеличилась в сравнении с 2009 г. В отличие от более молодых респондентов, мужчины в возрасте 55 лет и старше реже имеют положительные ожидания относительно дохода на пенсии в 2020 г., хотя в 2009 г. эта возрастная группа была, наоборот, одной из наиболее оптимистичных. Ожидания женщин предпенсионного возраста в 2009 и 2020 гг., наоборот, практически не изменились (см. рис. 6).

³⁶ Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, когда Вы станете пенсионером, будет ли размер Вашей пенсии (только той пенсии, которую будете получать Вы лично) достаточным для того, чтобы Вы могли жить на свою пенсию?» (карточка, один вариант ответа). Источник: данные НИУ ВШЭ 2009-2020 гг.

Рис. 6. Оценка достаточности будущей пенсии в разрезе по полу и возрасту в 2009 и 2020 гг., % от респондентов, еще не вышедших на пенсию³⁷

Есть все основания предполагать, что не только возраст, но и текущее материальное положение оказывает влияние на оценку достаточности будущей пенсии: более обеспеченные индивиды могут быть настроены оптимистичнее, так как их заработки позволяют получать более высокую страховую пенсию и инвестировать в накопительную — как обязательную, так и добровольную части. Однако возможна и альтернативная гипотеза о том, что такой связи нет из-за распространенности теневых доходов, не влияющих на размер пенсии. Но даже если высокие доходы полностью легальны, страховая пенсия не даст высокого процента их замещения в силу ее перераспределительного характера: предельная величина базы для начисления страховых взносов в 2020 г. — 1,292 млн руб. в год³⁸, если люди хотят более высокую пенсию, то они должны накапливать ее самостоятельно.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что оценки достаточности будущих пенсий положительно связаны с размером получаемых доходов: чем выше доход, тем выше оценки. При этом в наименее доходной группе с 2013 по 2016 г. наблюдался рост индекса, однако к 2020 г. он вернулся к уровню 2013 г. В наиболее доходной группе снижение индекса зафиксировано в 2015 г. — после введения моратория, при котором все страховые взносы, уплачиваемые работодателем в Пенсионный фонд РФ, стали направляться на формирование пенсионных прав по страховой пенсии (см. рис. 7).

³⁷ Источник: данные НИУ ВШЭ 2009 и 2020 гг. При ответе на вопрос о достаточности пенсии варианты «Нет, я, безусловно, не смогу свести концы с концами» и «Нет, считаю, что, скорее всего, не смогу свести концы с концами» объединены в «Скорее всего пенсии хватать не будет»; «Надеюсь, на то, что моей пенсии мне будет достаточно» и «Да, считаю, что моей пенсии мне будет достаточно» объединены в «Скорее всего пенсии будет достаточно».

³⁸ Постановление Правительства РФ от 6 ноября 2019 г. № 1407 «О предельной величине базы для исчисления страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и на обязательное пенсионное страхование с 1 января 2020 г.» // Российская газета. 13.11.2019. URL: <https://rg.ru/2019/11/13/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 29.07.2021).

Рис. 7. Индекс достаточности будущей пенсии в разрезе доходных групп, баллы³⁹

Дополнительные источники дохода на будущей пенсии

Если оценки достаточности государственной пенсии настолько низки, то возникает вопрос, рассчитывают ли люди на какие-то другие источники доходов. Согласно полученным данным, около половины респондентов собираются жить только на пенсию, причем доля таковых увеличилась с 23 % в 2005 г. до 49 % в 2020 г. Впервые за все периоды наблюдения количество респондентов, не рассчитывающих на дополнительные источники доходов на пенсии, превысило число тех, кто рассчитывает иметь такие источники, в 2018 г. Максимальное значение индекса наблюдалось в 2014 г., когда на дополнительные источники рассчитывали 60 % респондентов. Начиная с 2015 г. прослеживается устойчивая тенденция на снижение индекса (см. рис. 8).

Начиная с 2014 г., во всех возрастных группах число тех, кто рассчитывает на дополнительные доходы на пенсии, уменьшается, причем наибольшее снижение за последние четыре года зафиксировано в возрастных группах 35—44 года и 45 лет и старше (см. рис. 9).

Поскольку, как мы покажем далее, основным дополнительным источником доходов на пенсии являются заработки, снижение доли тех, кто рассчитывает на дополнительные источники в 2018—2020 гг., скорее всего, объясняется увеличением пенсионного возраста и отсутствием перспектив на рынке труда. По данным исследования потребительского доверия The Conference Board, подготовленного в сотрудничестве с Nielsen⁴⁰, значение индекса потребительского доверия, в состав которого входит оценка положительных перспектив на рынке труда, в апреле — июле 2015 г. составляло 78. В том же периоде 2020 г. значение

³⁹ Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, когда Вы станете пенсионером, будет ли размер Вашей пенсии (только той пенсии, которую будете получать Вы лично) достаточным для того, чтобы Вы могли жить на свою пенсию?» (карточка, один вариант ответа). Источник: данные НИУ ВШЭ 2009—2020 гг.

⁴⁰ URL: <https://adindex.ru/news/researches/2020/07/17/283753.phtml> (дата обращения: 29.07.2021).

индекса значительно ниже — 62. Лишь 19% россиян оценивали свои перспективы на рынке труда как отличные или хорошие, тогда как в этот же период 2014 г. таковых было 28% (перед кризисом 2014 г. — в III квартале — 42%).

Рис. 8. Расчет на дополнительные источники дохода на пенсии, % от респондентов, еще не вышедших на пенсию⁴¹

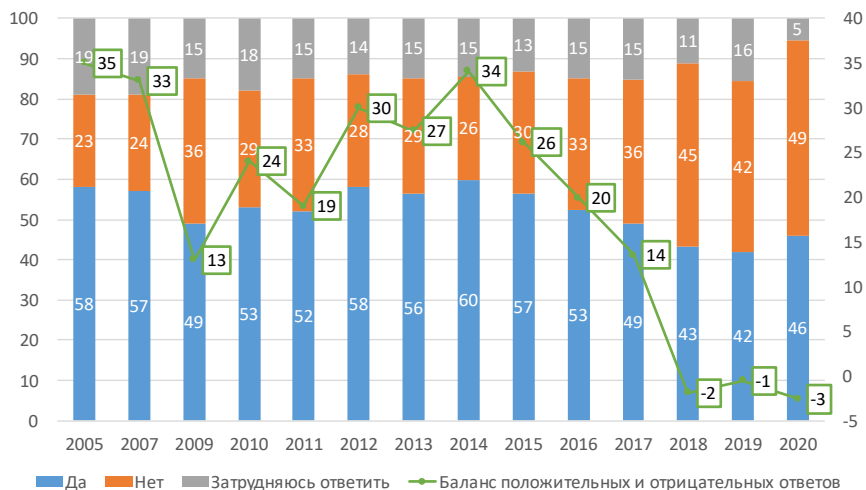
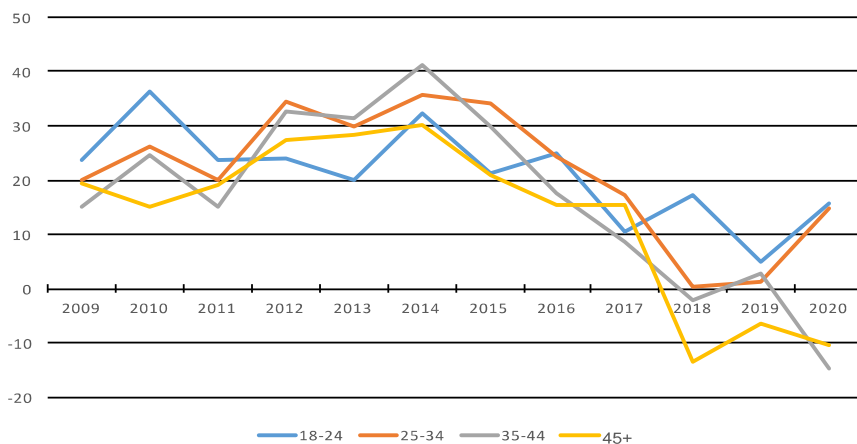

Рис. 9. Расчет на дополнительные источники дохода на пенсии в разрезе групп по возрасту, баллы⁴²

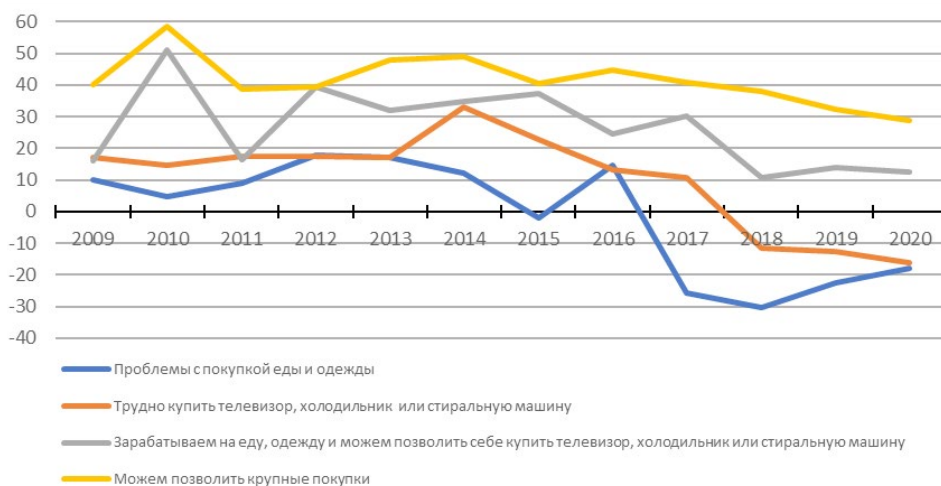

⁴¹ Источник: данные ЦИРКОН (2005), НАФИ (2007), НИУ ВШЭ (2009—2020). Формулировка вопроса: «Рассчитываете ли Вы кроме государственной пенсии на какие-либо дополнительные источники дохода после наступления пенсионного возраста?» (один ответ).

⁴² Формулировка вопроса: «Рассчитываете ли Вы кроме государственной пенсии на какие-либо дополнительные источники дохода после наступления пенсионного возраста?» (да / нет / затрудняюсь ответить) (карточка, один вариант ответа). Источник: данные НИУ ВШЭ, 2009—2020 гг.

В 2009—2020 гг. в высокодоходных группах расчет на дополнительные источники дохода на пенсии сохраняется приблизительно на одном уровне: почти две трети респондентов в данной группе рассчитывают на дополнительные источники дохода в пенсионный период, тогда как каждый четвертый — нет. В низкодоходных группах в 2009—2020 гг. доля тех, кто полагал, что у них на пенсии будут дополнительные источники дохода, была значительно ниже, чем в высокодоходных. Максимальные значения в группе респондентов, имеющих средства на крупные покупки, наблюдались в 2010 г. и 2012—2016 гг. (45—50%). После 2014 г. во всех группах доля рассчитывающих на дополнительные источники снизилась, а с 2017 г. среди наименее доходных групп такие респонденты оказались в меньшинстве, наш балансовый индекс для этих групп устойчиво ушел в отрицательные значения (см. рис. 10). В 2020 г. в группе респондентов с самыми низкими доходами, испытывавшими трудности с покупкой еды и одежды, 39% рассчитывали иметь дополнительные доходы на пенсии, а у 56% такого расчета не было.

Рис. 10. Расчет на дополнительные источники дохода на пенсии в разрезе групп по материальной субъективной оценке, баллы⁴³

На какие источники доходов помимо государственной пенсии рассчитывали будущие пенсионеры? В экономической теории предполагается, что в обществах с рыночной экономикой люди в течение жизни делают сбережения на старость, которые и позволяют им компенсировать нехватку дохода на пенсии. В традиционных обществах пожилые люди оказываются на попечении детей. В России наиболее часто встречающийся выбор — продолжать работать: в 2020 г. на то, что они продолжают работать по профессии, рассчитывали 36% из тех, кто планировал иметь дополнительные источники на пенсии, 36% собирались найти

⁴³ Формулировка вопроса: «Рассчитываете ли Вы, кроме государственной пенсии, на какие-либо дополнительные источники дохода после наступления пенсионного возраста?» (да / нет / затрудняюсь ответить) (карточка, один вариант ответа). Источник: данные НИУ ВШЭ 2009—2020 гг.

работу по силам, 9 % полагали, что добавкой к пенсии станут заработки супруга. В 2009—2017 гг. 81—84 % из тех, кто рассчитывал иметь дополнительные источники дохода на пенсии, собирались продолжать работать сами или рассчитывали на заработки супруга. Начиная с 2018 г. доля таковых начала снижаться: в 2020 г. их было уже 69 %. На помощь со стороны детей в 2020 г. рассчитывали 20 % по сравнению с 27 % в 2019 г.; на домашнее производство, продукты с собственного огорода и самообеспечение — 7 %. Как положительную тенденцию следует оценивать увеличение в 3,2 раза доли тех, кто полагает, что их личные сбережения или накопительная пенсия позволят поддерживать привычный уровень жизни: если в 2005 г. таких было 9 %, то в 2020 г. — 29 % (см. табл. 1).

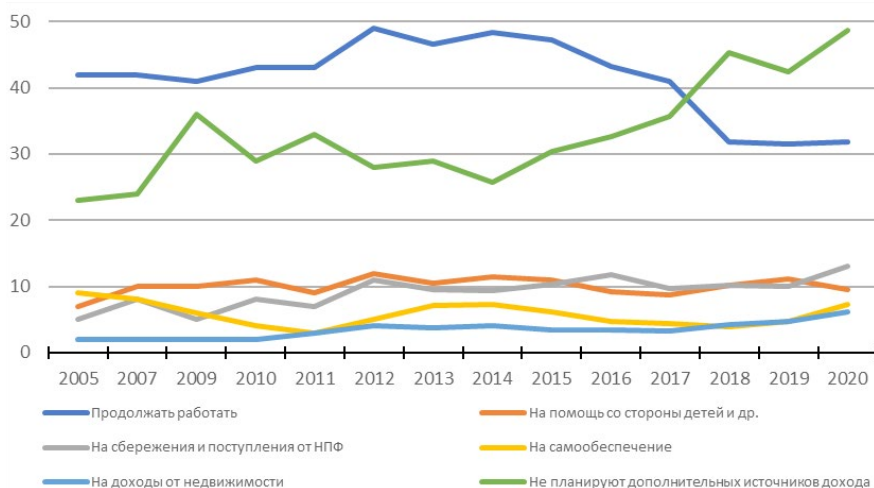
Таблица 1. Укрупненные источники предполагаемых дополнительных доходов на пенсии, % от тех, кто рассчитывает на дополнительные доходы на пенсии*

Источники	2005	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Работа	72	73	83	81	82	84	83	81	84	82	84	74	75	69
Помощь	12	18	20	21	17	20	19	19	19	18	18	24	27	21
Финансовые инструменты	9	14	11	15	14	19	17	16	18	22	20	23	24	29
Самообеспечение	15	14	13	8	6	8	13	12	11	9	9	9	11	7
Недвижимость	3	4	4	4	6	6	7	7	6	7	6	10	11	13
Пока нет ответа	13	14	6	14	11	1	7	7	8	12	11	11	8	5
Другое	1	1	1	2	0	0	0	0	2	1	1	1	0	2
Количество ответивших	602	670	553	582	605	670	662	690	627	580	538	488	441	504

* Источник: данные ЦИРКОН (2005), НАФИ (2007), НИУ ВШЭ (2009—2020). Вопрос-фильтр: «Рассчитываете ли Вы, кроме государственной пенсии, на какие-либо дополнительные источники дохода после наступления пенсионного возраста?» (да / нет / затрудняюсь ответить). Тем, кто ответил «да», задается вопрос: «Если да, то какие?» (вопрос предполагает множественный выбор, сумма процентов превышает 100).

Однако не следует забывать, что этот рост зафиксирован для уменьшающейся группы рассчитывающих на дополнительные доходы людей, поэтому в пересчете на всех еще не вышедших на пенсию россиян увеличение числа тех, кто финансово готовится к пенсии, не столь велико. Доля данной группы в общей численности всех не вышедших на пенсию россиян возросла с 5 % в 2005 г. до 13 % в 2020 г. Доля тех, кто рассчитывал продолжать работать, оставалась практически неизменной в 2005—2011 гг.: 41—43 %, однако в 2012 г. показатель вырос и до 2015 г. оставался на уровне 47—49 %, а с 2016 г. начал снижаться, в 2018 г. достиг минимального значения за весь период наблюдения (32 %) и остался на данном уровне в 2019—2020 гг. При этом, как мы показали ранее, с 2014 г. растет число тех, кто не рассчитывает на дополнительные к пенсии доходы: в 2020 г. таковых было уже 49 % (см. рис. 11).

Рис. 11. Укрупненные источники предполагаемых дополнительных доходов на пенсии, % от всех не вышедших на пенсию россиян⁴⁴

В 2020 г. женщины в 2,3 раза чаще рассчитывали на помощь детей на пенсии, причем подобная зависимость подтверждается из года в год. Расчет на натуральные доходы от самообеспечения чаще присутствует в низкодоходной группе 1 квинтиля (10,5%). На сдачу недвижимости в аренду в сельской местности респонденты практически не надеются (1,6%), в отличие от горожан (14%). Расчет на сбережения чаще встречается в городах-миллионниках (37%), в Уральском федеральном округе (31%), в группе 5 квинтиля (34%), тогда как в среднем по выборке значение данного показателя для респондентов, рассчитывающих на дополнительные источники дохода на пенсии, — 22%. Продолжать работать по профессии чаще собираются жители городов с населением свыше 1 млн человек (43%), а также респонденты 4-й квинтильной группы (45%). Работу по силам чаще других планируют искать респонденты из Дальневосточного федерального округа.

Источники доходов текущих пенсионеров

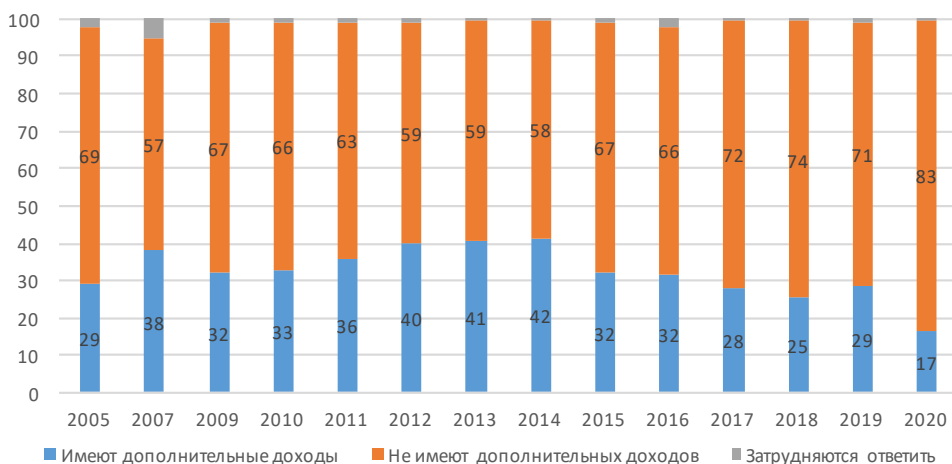
Мы описали, каким образом видят проблему обеспечения своих доходов люди, пока еще не достигшие пенсионного возраста. Представляется интересным сравнить данные стратегии с тем, каким образом нынешние пенсионеры обеспечивают себя. Мы не предполагаем найти полное соответствие или его отсутствие интерпретировать как нереалистичность планов будущих пенсионеров. Перенос результатов, полученных на данных о поведении нынешних пенсионеров, невозможен в силу наличия эффектов когорты и естественного выбытия, однако интерес

⁴⁴ Вопрос-фильтр: «Рассчитываете ли Вы, кроме государственной пенсии, на какие-либо дополнительные источники дохода после наступления пенсионного возраста?» (да / нет / затрудняюсь ответить). Тем, кто ответил «да», задается вопрос: «Если да, то какие?» (карточка, любое количество ответов). Источник: данные ЦИРКОН (2005), НАФИ (2007), НИУ ВШЭ (2009—2020 гг.).

представляет динамика пенсионного поведения людей, уже вышедших на пенсию: происходят ли положительные изменения в этой группе?

Доля пенсионеров, имеющих дополнительные доходы, меняется от волны к волне, причем в кризисные годы эта доля уменьшается, а в периоды стабилизации или экономического подъема — растет (см. рис. 12). Значительное увеличение в 2020 г. доли пенсионеров, не имеющих дополнительных источников, можно связать с последствиями пандемии коронавируса. Наличие дополнительного источника обусловлено возрастом: чем моложе пенсионер, тем выше вероятность того, что у него есть дополнительный источник дохода. В первые годы после достижения пенсионного возраста доля пенсионеров, имеющих дополнительные источники, максимальна: в 2020 г. среди пенсионеров до 65 лет включительно имели дополнительные источники дохода 26 % респондентов, после 65 лет — лишь 7 %.

Рис. 12. Доля пенсионеров, имеющих дополнительные доходы помимо государственной пенсии, % от всех пенсионеров⁴⁵

В вопросе, какие именно дополнительные источники дохода используют нынешние пенсионеры, полученные данные свидетельствуют о том, что в 2005 г. самообеспечение и выращивание продуктов на даче или в подсобном хозяйстве, а не рыночная занятость были наиболее распространенным источником дополнительных доходов для пенсионеров (13 % от всех пенсионеров). На втором месте была помощь со стороны детей (8 %). В 2020 г. доля тех, кто использовал стратегию самообеспечения, уменьшилась до 1 %, тогда как рыночная занятость пенсионеров по профессии, наоборот, выросла с 5 % в 2005 г. до 20 % в 2014 г., а затем уменьшилась до 8 % в 2020 г. Доля пенсионеров, нашедших оплачиваемую работу не по профессии, а по силам, также увеличилась с 5 % в 2005 г. до 14 % в 2013 г., к 2020 г. произошло снижение до 4 %. Начиная с 2015 г. работали

⁴⁵ Формулировка вопроса: «Имеете ли Вы, кроме государственной пенсии, какие-либо дополнительные источники дохода?» (да / нет / затрудняюсь ответить) (карточка, один вариант ответа). Источник: данные ЦИРКОН (2005), НАФИ (2007), НИУ ВШЭ (2009—2020 гг.).

менее трети пенсионеров, минимальный показатель был достигнут в 2020 г. — 12%. Значительное снижение занятости пенсионеров связано с пандемией коронавируса и необходимостью самоизоляции для людей старше 65 лет. Однако можно утверждать, что тенденция на сокращение занятости пенсионеров пока достаточно устойчива как среди тех, кто еще не вышел на пенсию, так и среди пенсионеров. При этом ожидания и действительность достаточно близки. В 2019 г. рассчитывали на продолжение работы после выхода на пенсию 32% людей, тогда как доля занятых среди пенсионеров в тот год составила 22%. О наличии помощи со стороны детей в 2020 г. сообщили всего 1% пенсионеров. Сбережения и пенсии из негосударственной системы пенсионного страхования не были популярны как в 2005 г., так и в 2020 г.

Таблица 2. Укрупненные источники дополнительных доходов пенсионеров, % от общей численности всех пенсионеров

	2005	2007	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Работа	10	18	22	26	30	32	34	33,5	24,8	23,4	22,3	20,4	22	12
Помощь со стороны детей	8	12	8	4	4	5	4,4	6,0	3,5	5,2	2,3	2,4	5	1
Сбережения и доходы из НПФ	1	1	2	1	2	1	0,7	1,7	1,0	0,6	0,8	1,6	1	1
Самообеспечение	13	12	4	4	2	1	4,6	5,2	2,7	3,4	2,7	3,0	1	1
Доходы от недвижимости	0	0	0	1	1	1	0,9	0,8	0,4	0,4	0,9	0,2	2	1
Другое	1	2	0	3	0	1	0,4	1,3	1,4	2	1	1,2	1	2
Количество ответивших, чел.	383	411	468	503	441	446	459	475	490	496	506	506	578	535

Источник: данные ЦИРКОН (2005), НАФИ (2007), НИУ ВШЭ (2009—2020).

Основные выводы

С 2005 по 2020 г., несмотря на произошедшие демографические, экономические, и институциональные изменения, пенсионные стратегии людей не изменились в лучшую сторону: уровень государственных пенсий по-прежнему оценивается как недостаточный, причем после повышения пенсионного возраста в 2018 г. оценки значительно ухудшились и достигли минимальных значений за весь период наблюдений с 2005 г. Негативное влияние на ожидания о достаточности будущей пенсии на респондентов высокодоходной группы также оказало введение моратория на перечисление взносов в накопительную часть пенсии. При этом все меньшее число россиян рассчитывает на получение дополнительных доходов на пенсии. Начиная с 2018 г. количество респондентов, которые не рассчитывают на дополнительные источники доходов на пенсии, превышает число тех, кто рассчитывает иметь такие источники. Особенно ухудшились ожидания респондентов мужского пола. Продолжение работы как источник дополнительного дохода становится все менее популярным как среди россиян, еще не достигших пенсионного возраста, так и среди пенсионеров. В 2020 г. на этот источник рассчитывали 32%

будущих пенсионеров, а имели работу 12 % пенсионеров. Финансовые стратегии сбережений на пенсию так и не стали распространенными, хотя и получили большее распространение: в 2020 г. лишь 13 % еще не вышедших на пенсию россиян ответили, что рассчитывают на сбережения или на пенсию из системы частных пенсионных накоплений, в 2005 г. таковых было еще меньше — 5 %. Среди пенсионеров сбережения и доходы из НПФ распространены и того меньше — 1 % как в 2005 г., так и в 2020 г.

Список литературы (References)

Дорофеева З. Е. Пенсионные стратегии в трансформирующемся обществе // Человек. Общество. Управление. 2007. № 2. С. 58—65. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2007_2/2007-2_Dorofeeva.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

Dorofeeva Z. E. (2007) Pension Strategies in a Transforming Society. *Human. Community. Management*. No. 2. P. 58—65. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2007_2/2007-2_Dorofeeva.pdf (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Кузина О. Е. Динамика пенсионных стратегий населения за 2005—2012 гг. // Мир России. 2013. Т. 22. № 4. С. 118—147. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4984/5345> (дата обращения: 30.07.2021).

Kuzina O. E. (2013) The Dynamics of Individual Retirement Strategies in Russia (2005—2012). *Universe of Russia*. Vol. 22. No. 4. P. 118—147. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4984/5345> (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Лежнина Ю. П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 178—195. URL: <https://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Rossijskie%20pensioneri.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

Lezhnina Y. P. (2008) Russian Pensioners: Standards of Living, Health, Employment. In: *Russia Reforming*. Vol. 7. P. 178—195. URL: <https://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Rossijskie%20pensioneri.pdf> (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Ляшок В. Ю., Назаров В. С., Орешкин М. С. Факторы роста размера пенсий в современной России // Финансовый журнал. 2016. Т. 29. № 1. С. 7—22. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/1/fm_2016_1.pdf (дата обращения: 30.07.2021).

Lyashok V., Nazarov V., Oreshkin M. (2016) Factors of Pension Growth in Modern Russia. *Financial Journal*. Vol. 29. No. 1. P. 7—22. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2016/1/fm_2016_1.pdf (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Малева Т. М., Синявская О. В. Пенсионная реформа в России: история, результаты, перспективы. М.: Поматур, 2005. URL: <http://pensionreform.ru/files/112107/pension.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2005) Pension Reform in Russia: History, Results, Prospects. URL: <http://pensionreform.ru/files/112107/pension.pdf> (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Треугова А. А., Долбина С. В. Статистическая оценка влияния социально-экономических и демографических характеристик на пенсионные стратегии росси-

ян // Учет и статистика. 2014. № 35. С. 54—62. URL: <http://uchet.rsue.ru/pdf/3-2014.pdf> (дата обращения: 30.07.2021).

Tregubova A. A., Dolbina S. V. (2014) Statistical Assessment of the Impact of Socio-Economic and Demographic Characteristics on the Pension Strategies of Russians. *Accounting and Statistics*. No. 35. P. 54—62. URL: <http://uchet.rsue.ru/pdf/3-2014.pdf> (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Черкашина Т. Ю. Работа на пенсии: необходимость или возможность? // ЭКО. 2011. Т. 3. № 4. С. 101—114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-na-pensii-neobhodimost-ili-vozmozhnost> (дата обращения: 30.07.2021).

Cherkashina T. Y. (2011) Work After the Retirement: Duty or Possibility? *ECO*. Vol. 3. No. 4. P. 101—114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rabota-na-pensii-neobhodimost-ili-vozmozhnost> (accessed: 30.07.2021). (In Russ.)

Anxo D., Ericson T., Miao C. (2019) Impact of Late and Prolonged Working Life on Subjective Health: The Swedish Experience. *The European Journal of Health Economics*. Vol. 20. No. 3. P. 389—405. <https://www.doi.org/10.1007/s10198-018-1005-z>.

Bottazzi R., Jappelli T., Padula M. (2006) Retirement Expectations, Pension Reforms, and Their Impact on Private Wealth Accumulation. *Journal of Public Economics*. Vol. 90. No. 12. P. 2187—2212. <https://www.doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.03.005>.

Chan S., Stevens A. H. (2004) Do Changes in Pension Incentives Affect Retirement? A Longitudinal Study of Subjective Retirement Expectations. *Journal of Public Economics*. Vol. 88. No. 7—8. P. 1307—1333. [https://www.doi.org/10.1016/S0047-2727\(02\)00223-2](https://www.doi.org/10.1016/S0047-2727(02)00223-2).

Dolls M., Doerrenberg P., Peichl A., Stichnoth H. (2018) Do Retirement Savings Increase in Response to Information About Retirement and Expected Pensions? *Journal of Public Economics*. Vol. 158. P. 168—179. <https://www.doi.org/10.1016/j.jpubeco.2017.12.014>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1743](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1743)

В. И. Чой

ВОСПРИЯТИЕ ЮЖНОКОРЕЙЦАМИ И РОССИЯНАМИ КУЛЬТУРЫ СТРАН-ПАРТНЕРОВ

Правильная ссылка на статью:

Чой В. И. Восприятие южнокорейцами и россиянами культуры стран-партнеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 165—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1743>.

For citation:

Choi W. (2021) Perception of the Culture of the Partner Countries by South Koreans and Russians. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 165–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1743>. (In Russ.)

ВОСПРИЯТИЕ ЮЖНОКОРЕЙЦАМИ И РОССИЯНАМИ КУЛЬТУРЫ СТРАН- ПАРТНЕРОВ

ЧОЙ Ву Ик — кандидат социологических наук, доцент, Институт российских исследований, Университет иностранных языков Хангук, Сеул, Республика Корея
E-MAIL: wooikchoi@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2014-1794>

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимного восприятия культуры жителями Южной Кореи и России. Работа основана на данных опроса, проводившегося с 2016 по 2018 гг. При разработке данных автор приходит к выводу, что южнокорейцы и россияне в целом положительно воспринимают культуру страны-партнеров, а также сотрудничество и экономические отношения между ними. За три года наблюдения взаимный интерес двух народов значительно вырос: доля респондентов, отмечающих низкий уровень своих знаний о культуре страны-партнера и одновременное желание знать больше, выросла как в Южной Корее — с 36 % до 51 %, так и в России — с 30 % до 47 %. Максимальный уровень заинтересованности в южнокорейской культуре наблюдается среди россиян с относительно высоким уровнем образования, лиц в возрасте старше 40 лет, а также среди проживающих в Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах. В Южной Корее в аналогичную группу попадают жители регионов Хонам, Кенги и Инчхон, а также лица в возрасте 40—49 и 50—59 лет. Более высокая заинтересованность в культуре наблюдается в группах респондентов, которые хотели бы знать больше о стране-партнере, имеют ту-

PERCEPTION OF THE CULTURE OF THE PARTNER COUNTRIES BY SOUTH KORE- ANS AND RUSSIANS

Wooik CHOI^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Institute of Russian Studies*
E-MAIL: wooikchoi@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-2014-1794>

¹ Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea

Abstract. The article considers mutual perception of culture by the inhabitants of South Korea and Russia. The work is based on data from a survey conducted from 2016 to 2018. Basing on the survey data analysis, the author concludes that South Koreans and Russians generally positively perceive the culture of the partner countries, as well as the cooperation and economic relations between them. Over the three years of observation, the mutual interest of the two nations has grown significantly: the share of respondents who note the low level of their knowledge about the culture of the partner country and the simultaneous desire to know more has grown both in South Korea — from 36 to 51%, and in Russia — from 30 to 47%. The maximum level of interest in South Korean culture is observed among Russians with a relatively high level of education, people over the age of 40, as well as among those living in the Far Eastern and Northwestern Federal Districts. In South Korea, residents of the Honam, Gyeonggi and Incheon regions, as well as people aged 40—49 and 50—59, fall into a similar group. A higher interest in culture is observed in the groups of respondents who would like to know more about the partner country, have tourism intentions and have sympathy

ристические намерения и испытывают симпатию к народу страны-партнера. В то же время существенной остается доля тех, кто относится к населению страны-партнера нейтрально, затрудняется с определением характера двусторонних экономических отношений, не испытывает особого интереса к стране-партнеру или ее культуре. Минимальная заинтересованность в культуре страны-партнера и в России, и в Южной Корее наблюдается в наиболее молодых возрастных группах: среди респондентов 20—29 и 30—39 лет. Эти категории населения должны оказаться в фокусе интереса исследователей и политиков при разработке планов дальнейшего сотрудничества, они должны стать адресатами программ культурных обменов, работающих на укрепление партнерских связей и создание позитивного имиджа стран-партнеров.

Ключевые слова: Южная Корея, Россия, опрос населения, культура, восприятие

Благодарность. Работа была поддержана Исследовательским фондом Университета иностранных языков Хангук в 2020 г., Министерством образования Республики Корея и Национальным исследовательским фондом Кореи (NRF-2019S1A6A3A02102950). Автор выражает благодарность госпоже Мун Суён, окончившей аспирантуру социологического факультета университета Чунан, за помощь в анализе статистических данных, используемых в статье.

for the people of the partner country. At the same time, the share of those who are neutral towards the population of the partner country, find it difficult to determine the nature of bilateral economic relations, and do not have a special interest in the partner country or its culture remains significant. The minimum interest in the culture of the partner country both in Russia and in South Korea is observed in the youngest age groups: among the respondents aged 20—29 and 30—39 years old. These categories of the population should be in the focus of interest of researchers and politicians when developing plans for further cooperation, they should become recipients of cultural exchange programs that work to strengthen partnerships and create a positive image of partner countries.

Keywords: South Korea, Russia, population survey, culture, perception

Acknowledgments. This work was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund of 2020 and by the Ministry of Education of the Republic of Korea and the National Research Foundation of Korea (NRF-2019S1A6A3A02102950). The author is grateful to Ms. Moon Sooyeon, who completed her postgraduate studies at the Department of Sociology, Chung-Ang University, for her help in analyzing the statistics used in this article.

1. Введение

В центре внимания данной статьи находится взаимное восприятие культуры жителями Южной Кореи и России — стран, являющихся экономическими партнерами. Такое внимание к изучению восприятия культуры продиктовано убежденностью, что именно культура, будучи «мягкой силой», играет серьезную роль в поддержании и развитии отношений между странами. В данном случае «мягкая сила» — это нематериальный ресурс, складывающийся из элементов культуры, идеологии и проч., создающий притяжение в международных отношениях, ведущее к добровольному действию, то есть сила, которая позволяет странам реализовывать свои интересы в рамках сотруднических отношений. «Жесткая сила», в противоположность мягкой, базируется на физических стимулах, таких как военные и экономические ресурсы [Nye, 2004]. В современном обществе постепенно более важным, чем военная мощь или экономические санкции, становится культурное влияние: привлекательность культур стран-партнеров друг для друга может стать важной движущей силой в поддержании политических и экономических отношений, в оказании взаимного влияния или разработке новой политики.

Целью данной работы является оценка восприятия жителями России и Южной Кореи культуры стран-партнеров. Автор исследует различия восприятия в различных группах населения, выделенных по полу, возрасту, уровню образования и региону проживания. Дополнительно в рассмотрение включены такие факторы, как уровень знаний о стране-партнере, туристические намерения, отношение к народу страны-партнера, а также восприятие сотрудничества и экономических отношений между двумя странами. Автор предполагает, что больший интерес южнокорейцев и россиян к культуре страны-партнера положительно связан с позитивным восприятием культуры другой страны в различных ее аспектах, а также сотрудничества и экономических отношений между двумя странами.

Приведенный в статье анализ основывается на данных опросов населения 2016—2018 гг. За три года, в течение которых проводился опрос, произошло много разнообразных важных в историческом плане событий, которые так или иначе оказали влияние на ситуацию на Корейском полуострове, а также на отношения между Южной Кореей и Россией. В частности, на 2016 г. пришлось северокорейские испытания ядерного оружия и ракет. В этом же году Дональд Трамп был избран президентом США и развернул политику америкоцентризма. В марте 2017 г. Китай ввел экономические санкции в отношении Южной Кореи, что привело к ухудшению южнокорейско-китайских отношений, в апреле 2017 г. начались работы по размещению в Южной Кореи противоракетного комплекса США THAAD. В этом же году произошел крен в сторону консерватизма кабинета министров премьер-министра Синдзо Абэ в Японии. Нельзя также не упомянуть встречи глав Южной Кореи и России (июль и сентябрь 2017 г., июнь 2018 г.), Зимнюю Олимпиаду в Пхёнчхане (февраль 2018 г.), несколько раундов межкорейского саммита (апрель, май, сентябрь 2018 г.), встречу в верхах между лидерами США и Северной Кореи (июнь 2018 г.). Все эти события нашли отражение в прессе двух стран и, как следствие, так или иначе повлияли на восприятие южнокорейцами и россиянами двусторонних отношений.

Представленный в статье анализ показывает, как изменилось восприятие южнокорейцами и россиянами культуры страны-партнера на фоне описанных событий, есть ли противоречия в представлениях двух народов, и таким образом вносит научный вклад в изучение двусторонних отношений, имеющих пока что недолгую историю. Оценка изменений в разрезе основных социально-демографических параметров позволяет предположить, какая социальная группа может выполнять роль лидера общественного мнения, а также определить, каким группам необходимо получать больше информации о стране-партнере для расширения культурных обменов между двумя странами и развития российско-южнокорейских отношений.

2. Направления существующих исследований

В настоящее время культурное взаимодействие стран рассматривается в качестве одного из факторов, связанных с развитием экономических отношений. Так, существующие исследования показывают, что культурные индикаторы и уровень доверия между европейскими странами влияют на параметры экономического обмена между ними [Guiso et al., 2009], а культурная близость между странами положительно связана с интенсивностью этих процессов [Felbermayr et al., 2010]. Описанные взаимосвязи стали проявляться сильнее после холодной войны [Gokmen, 2017; Vove, 2017]. Одновременно с этим экономическое сотрудничество увеличивает интенсивность культурного обмена между странами, что — в свою очередь — снова способствует укреплению экономического взаимодействия [Ко, 2013].

Обобщая результаты названных работ, можно сказать, что осведомленность о культуре другой страны и экономическое сотрудничество тесно взаимосвязаны. Кроме этого, можно предположить, что экономическое сотрудничество культурно отдаленных стран будет складываться труднее, чем сотрудничество культурно близких стран, однако за счет описанной выше положительной обратной связи экономические и культурные обмены будут постепенно углубляться. Примерами культурных обменов и экономического сотрудничества, происходящих одновременно, являются Европейский союз (EU) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) — международные организации, основанные с целью экономического взаимодействия в рамках одной и той же культуры.

Южная Корея и Россия принадлежат к разным культурам, и большую часть XX века эти страны основывались на принципиально разных идеологических и политических системах. Несмотря на то, что в 1884 г. Корея и Россия заключили Договор о дружбе и торговле, в XX веке во время японского правления в Корею и эпохи холодной войны между США и СССР отношения были разорваны. В 1990 г., с установлением дипломатических отношений между Южной Кореей и СССР, наступил поворотный момент: предполагалось, что отношения между двумя странами начнут развиваться заново. Эти ожидания были связаны, в частности, с тем, что во время встречи глав Южной Кореи и России на саммите Группы двадцати 2008 г. стороны договорились вывести отношения между странами на уровень стратегического партнерства. Однако, по мнению большинства экспертов, достигнутые успехи не оправдали ожиданий: на протяжении последующих лет был предпринят ряд попыток межстранового обмена в области политики и экономики, но, как

правило, они носили декларативный или временный демонстративный характер и происходили при смене власти [Ko Jae Nam, 2013; Shin Beom Shik, 2010].

Одновременно с этим взаимодействие между Россией и Южной Кореей не прекращалось и даже усилилось на уровне частных лиц — без участия правительства — в социокультурной сфере: в науке, живописи и других видах искусства, туризме. Постепенное углубление взаимопонимания между двумя народами за счет культурного обмена позволило сформировать позицию, что на текущем этапе развития было бы желательнее развивать отношения между двумя странами на основе устойчивых социокультурных обменов и взаимопонимания между двумя народами, а не ограничиваться одноразовыми мероприятиями и не сосредотачиваться только на сфере политики и экономики [Hong Wan Suk, 2009: 3—7]. На этом фоне возникла необходимость исследований, посвященных восприятию южнокорейцами и россиянами друг друга, в ответ на которую были проведены первые опросы населения.

С течением времени — после того как страны отметили двадцатилетие (2010), а затем двадцатипятилетие (2015) установления дипломатических отношений, — такие опросы стали привлекать еще более пристальное внимание. Благодаря им удалось получить численное представление об отдельных аспектах восприятия южнокорейцами и россиянами друг друга, а также о мнении двух народов по поводу двусторонних отношений.

Так, согласно опросу, проведенному среди россиян в 2009 г., наиболее популярной тематикой корейской культуры стали такие ее традиционные составляющие, как тхэквондо, женьшень, буддизм, конфуцианство и кимчи. В то же время такой контент массовой культуры, как телесериалы и кино, полностью отсутствовал среди ответов [Hong Wan Suk, 2009: 125—126].

В результате другого опроса, проведенного среди южнокорейцев и россиян в 2011 г., выяснилось, что россияне почти ничего не знают о корейском искусстве, литературе и кино. В то же время уровень знаний корейцев относительно культуры и искусства России можно назвать достаточно высоким. В частности, южнокорейцы с большой симпатией относятся к русской классической музыке и балету, а под влиянием этого склонны высоко оценивать всю российскую культуру. В противоположность тому, что южнокорейцы сравнительно хорошо осведомлены о российской культуре, искусстве и их ценности, о культуре и искусстве Южной Кореи знают крайне мало россияне [Choi Jinhee, 2011: 392—394].

Результаты опроса, проведенного «Левада-центром»¹ в 2013 г., можно вкратце обобщить следующим образом: «В целом россияне относятся к Корее хорошо, однако такое отношение опирается не столько на позитивный опыт взаимодействия России и Кореи, сколько на отсутствие негативного. Скорее, это отношение можно назвать нейтральным с отсутствием негативных ожиданий. Можно сделать вывод, что общественному мнению россиян о Корее еще только предстоит сформироваться» [Овакимян, 2013: 55].

В 2012 г. был проведен еще один опрос, ориентированный на определение имиджа страны-партнера. Согласно этому опросу, респондентами которого стали российские студенты, Южная Корея имеет имидж страны с развитой экономикой,

¹ Российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента.

наукой и технологиями, в которой в то же время сохраняется напряженность, связанная с разделением на Юг и Север [Yoon Youngki, Kim Seulki, 2012: 50]. В то же время в результате опроса южнокорейских студентов в 2015 г. выяснилось, что, хотя респонденты относятся к поколению, свободному от идеологии, они по-прежнему идентифицируют Россию в рамках устаревшей стереотипной формулы «Советский Союз = коммунистическое государство = диктатура» [Song Jung Soo, Kim Se Il, 2015: 41].

Несмотря на любопытность результатов подобных опросов, эти данные обладают рядом ограничений и недостатков. Во-первых, некоторые из упомянутых обследований были проведены неспециализированными организациями и без соблюдения стандартных правил массовых опросов.

Во-вторых, для получения сбалансированных данных, пригодных для проведения межстрановых сопоставлений, опрос следует проводить в обеих странах в одно и то же время, с использованием единого по содержанию опросника. В международной политической обстановке, а также в отношениях двух стран в любой момент могут произойти изменения, и в случае проведения опроса в разное время это может существенно снизить сопоставимость результатов. Однако обследований такого дизайна до настоящего времени реализовано не было.

В-третьих, опрос должен репрезентировать все население страны, а не определенную группу или группы. Только в том случае, когда респонденты отобраны системно из числа всего населения, полученные результаты можно признать представляющими восприятие всего населения страны.

В-четвертых, опросы должны иметь периодичность [Choi Wooik, 2017: 230—231] — это обеспечивает большую достоверность результатов.

Результаты опросов, проведенных с учетом обозначенных требований, могут быть полезны при принятии решений в таких разнообразных сферах, как государственная политика, экономическая деятельность предприятий и социокультурные обмены на частном уровне. Эти требования были учтены при планировании проекта «Исследование взаимного восприятия народов Южной Кореи и России», реализованного Институтом российских исследований Университета Хангук. Сформированная в рамках проекта база данных легла в основу представленного исследования; подробнее она описана в следующем разделе статьи.

3. Эмпирическая основа исследования, методы анализа и особенности переменных

В ходе реализации проекта «Исследование взаимного восприятия народов Южной Кореи и России» под руководством Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Республика Корея) был организован опрос мнений населения. Опрос проводился с использованием единой анкеты по репрезентативным на уровне населения стран выборкам в августе 2016 г., августе 2017 г. и мае 2018 г. (последняя волна проведена только в России). Операторами опроса стали специализированные социологические организации: «Хангук рисёрч» (HanKook Research) в Южной Корее и ВЦИОМ с российской стороны.

Совокупный объем выборки в России составил 1601 в 2016 г., 1205 — в 2017 г. и 2000 — в 2018 г.; опрос проводился по телефону. В Южной Корее опрос прово-

дился онлайн, а выборка насчитывала по 1000 респондентов в 2016 и 2017 гг. Анкета включала в себя 22 вопроса в 2016 г., 31 — в 2017 г. и 36 — в 2018 г. На протяжении всех трех лет содержание опроса неизменно охватывало такие ключевые темы, как вопрос об источниках информации о стране-партнере, уровне интереса к стране-партнеру, имидже страны-партнера, отношении к населению страны-партнера, степени туристической привлекательности страны-партнера, сферах взаимного сотрудничества, восприятия объединения Южной и Северной Кореи и т. д.; в то же время каждый год опросник обновляли и дополняли².

Автор этой работы опирается на методы одномерного и двумерного (перекрестного) анализа опросных данных. Основной переменной, находящейся в центре исследовательского интереса, является восприятие респондентами культуры страны-партнера, которое выявляется при ответе респондентов на закрытый вопрос: «Вам скорее интересна или нет корейская (русская) культура?» В качестве дифференцирующих переменных для перекрестного анализа отобраны четыре социально-демографических фактора (пол, возраст, образование, регион проживания респондента), три переменных, относящихся к восприятию культуры страны-партнера, и пять переменных, связанных с восприятием сотрудничества и экономических отношений между двумя странами³ (см. табл. 1).

Таблица 1. *Переменные перекрестного анализа*

Основная переменная	Дифференцирующие переменные
Наличие или отсутствие интереса к культуре страны-партнера	<p>— социально-демографические переменные: пол, возраст, образование, регион проживания,</p> <p>— переменные восприятия культуры: уровень знаний о стране-партнере, туристические намерения, отношение к народу страны-партнера,</p> <p>— переменные восприятия сотрудничества между двумя странами: общая оценка отношений между странами в последнее время, позиция по поводу заключения Соглашения о свободной торговле, оценка экономических отношений, оценка возможности стратегического партнерства, оценка сложившегося сотрудничества.</p>

В следующих разделах статьи последовательно приведены результаты анализа в разрезе трех обозначенных групп дифференцирующих переменных. В разделе 4 представлена динамика линейных распределений за 2016—2018 гг., а также описаны ключевые особенности переменных. В разделе 5 описаны результаты перекрестного анализа данных опроса за 2017 г. — последнего периода, когда обследование было проведено в обеих странах.

² Подробную информацию о методах проведения и содержании опроса можно найти на сайтах ВЦИОМ (<https://wciom.ru/>) и Института российских исследований Университета Хангук (<http://www.rus.or.kr/>): https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2018.pdf (дата обращения: 23.07.2021); https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2017.pdf (дата обращения: 23.07.2021); https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/rus_kor2016.pdf (дата обращения: 23.07.2021).

³ Подробную информацию о формулировке вопросов и закрытий к ним см. в Приложении к статье.

4. Характеристики респондентов и описательная статистика

К социально-демографическим характеристикам относятся пол, возраст, образование и регион проживания. Распределение опрошенных по всем включенным в анкету характеристикам приведено в таблице 2.

Таблица 2. *Линейное распределение ответов на вопросы анкеты, 2016—2018 гг. (в %)*

Страна		Южная Корея		Россия		
Год		2016	2017	2016	2017	2018
Общее число респондентов		1000	1000	1601	1205	2000
Пол	Мужской	49,8	49,6	44,7	44,7	45,2
	Женский	50,2	50,4	55,3	55,3	54,8
Возраст	19—29 лет	17,9	17,5	19,4	19,8	16,8
	39—39 лет	18,2	17,6	21,4	21,1	22,5
	49—49 лет	20,8	20,6	16,0	16,4	17,6
	50—59 лет	19,9	20,0	19,2	18,3	17,8
	60 лет и старше	23,3	24,3	24,0	24,5	25,4
Образование	Среднее и ниже	63,4	63,3	70,4	70,6	57,0
	Среднее специальное и выше	36,6	36,7	29,6	29,4	43,0
Регион проживания (Южная Корея)	Сеул	19,8	19,7			
	Кёнги — Инчхон	29,5	29,9			
	Ённам	25,8	25,7			
	Хонам	10,5	10,1			
	Чхунчхон	10,3	10,4			
	Канвон	3,0	3,0			
	Чечжу	1,1	1,2			
Регион проживания (Россия)	Центральный			24,7	29,5	25,2
	Северо-Западный			10,2	9,1	11,1
	Южный			10,4	9,3	12,0
	Северо-Кавказский			6,3	6,6	6,3
	Приволжский			22,6	19,5	20,4
	Уральский			7,2	8,6	8,0
	Сибирский			13,0	13,1	13,2
	Дальневосточный			4,5	4,4	3,8
	Крымский			1,2	—	—
Культура страны-партнера	Интересна	—	42,7	—	45,2	52,8
	Не интересна	—	43,5	—	51,6	44,1
	Затрудняюсь ответить	—	13,9	—	3,2	3,1

Туристические намерения 1 (5 вариантов ответа)	Бывал(а) и хотел(а) бы побывать еще	2,7	1,9	1,4	1,5	1,3
	Бывал(а), но не хотел(а) бы туда возвращаться	1,3	0,4	0,5	0,5	0,5
	Не бывал(а), но хотел(а) бы побывать	68,0	65,5	48,1	51,0	55,9
	Не бывал(а) и не хотел(а) бы побывать	21,1	28,7	49,1	46,4	41,7
	Затрудняюсь ответить	6,9	3,5	0,9	0,7	0,6
Туристические намерения 2 (3 варианта ответа)	Хотел(а) бы побывать	70,7	67,3	49,5	52,5	57,2
	Не хотел(а) бы побывать	22,4	29,2	49,6	46,9	42,2
	Затрудняюсь ответить	6,9	3,5	0,9	0,7	0,6
Уровень знаний о стране-партнере	Много знаю	1,4	0,5	1,3	2,6	2,7
	Мало знаю, но хотел(а) бы знать больше	36,2	50,8	29,6	37,7	46,5
	Мало знаю, эта страна меня не слишком интересует	54,6	39,6	42,0	33,5	32,5
	Ничего не знаю, эта страна меня не интересует	—	5,6	26,4	25,3	16,8
	Затрудняюсь ответить	7,8	3,6	0,6	0,9	1,5
Отношение к народу страны-партнера	Положительно, с доверием и симпатией	13,4	7,7	34,9	37,2	42,7
	Отрицательно, с недоверием и антипатией	15,0	18,3	6,3	6,3	2,4
	Нейтрально	59,6	59,7	54,4	49,0	50,8
	Затрудняюсь ответить	12,1	14,3	4,5	7,5	4,2
Отношения между двумя странами за последнее время	Скорее улучшились	17,3	18,1	24,2	28,2	34,3
	Скорее ухудшились	14,8	17,3	4,7	7,0	5,2
	Остались без изменений	43,6	45,2	46,5	45,7	45,8
	Затрудняюсь ответить	24,2	19,4	24,7	19,1	14,7
Заключение Соглашения о свободной торговле (ССТ)	Поддерживаю	—	61,1	—	85,2	87,4
	Не поддерживаю	—	7,00	—	7,4	6,9
	Затрудняюсь ответить	—	32,0	—	7,4	5,7
Возможность стратегического партнерства	Уже являются стратегическими партнерами	7,7	10,1	12,6	11,6	15,8
	Могут ими стать	69,1	63,5	52,6	51,5	56,8
	Не могут ими стать	7,3	10,8	13,6	16,1	11,2
	Затрудняюсь ответить	15,9	15,6	21,2	20,9	16,3
Экономические отношения между двумя странами	Конкурентные	26,8	24,4	19,9	18,8	18,5
	Партнерские	40,6	37,8	54,6	49,4	55,1
	Затрудняюсь ответить	32,6	37,8	25,5	31,8	26,4

Сотрудничество между двумя странами	Отвечает интересам (своей страны)	71,7	64,8	56,2	59,2	71,4
	Не отвечает интересам (своей страны)	7,6	16,9	14,2	13,1	8,6
	Затрудняюсь ответить	20,7	18,3	29,7	27,6	20,1

Обобщая результаты опросов 2016—2018 гг., можно отметить, что при оценке уровня своих знаний о стране-партнере доля выбравших ответ «мало знаю, но хотел(а) бы знать больше» выросла как в Южной Корее — с 36 % до 51 %, так и в России — с 30 % до 47 %. Напротив, доля ответивших «знаю мало, эта страна меня не интересует» снизилась в Южной Корее с 55 % до 40 %, а в России — с 42 % до 33 %. Можно предположить, что на это могли повлиять состоявшиеся в этот период зимние Олимпийские игры в Сочи (2014 г.) и Пхёнчхане (2018 г.), телефонный разговор между главами Южной Кореи и России по поводу межкорейского саммита (29 апреля 2018 г.) и другие общественно-политические события.

Доля россиян, интересующихся корейской культурой, на протяжении трех рассматриваемых лет стабильно составляло около 50 %. В то же время в Южной Корее, где по этому вопросу у нас имеются данные опроса только за 2017 г., доля тех, кто испытывает интерес к культуре России, и тех, кто не имеет такового, была примерно на одном уровне и составила 43 % и 44 % соответственно.

Отвечая на вопрос о туристических намерениях в отношении страны-партнера, большинство респондентов в обеих странах выбрали ответ «не бывал(а), но хотел(а) бы побывать». В Южной Корее доля выбравших этот ответ составила 68 % (2016 г.) и 66 % (2017 г.), а в России доля придерживающихся такой точки зрения увеличилась с 48 % в 2016 г. до 56 % в 2018 г. В то же время среди южнокорейцев доля ответивших «не бывал(а) и не хотел(а) бы побывать» составила около 20 %, а в России этот вариант выбрали более 40 % респондентов. Таким образом, туристические намерения россиян в отношении Южной Кореи выражены слабее, чем у корейцев в отношении России.

При оценке отношения к народу страны-партнера в обеих странах самым популярным вариантом был ответ «нейтрально» — его выбрали около 50 % респондентов и в Южной Корее, и в России. Разница между респондентами двух стран проявилась в том, что свое отношение к России охарактеризовали как «положительное, с доверием и симпатией» около 10 % южнокорейцев, тогда как в России таким образом относятся к Южной Корее примерно 40 % респондентов, что гораздо больше.

Вместе с результатами восприятия культуры эти данные показывают, что за три года южнокорейцы и россияне стали больше интересоваться друг другом. Тем не менее и в Южной Корее, и в России доля тех, кто испытывает интерес к культуре страны-партнера, и тех, кто не имеет такового, примерно одинакова; кроме того, большинство респондентов в обеих странах оценивает свое отношение к народу страны-партнера как нейтральное: без доверия и без антипатии.

Самым популярным ответом на вопрос об оценке изменений в отношениях между двумя странами за последние годы в обеих странах стал вариант «остались без изменений»: его выбрали около 45 % респондентов и в Южной Корее,

и в России. При этом позитивные изменения в отношениях между странами чаще отмечают жители России: среди них таким образом ситуацию охарактеризовали 34 % опрошенных (2018 г.), тогда как в Южной Корее — только 18 % (2017 г.).

Заключение Соглашения о свободной торговле (ФТА, ССТ) между Южной Кореей и Россией поддерживает большинство респондентов. В Южной Корее доля этой группы составляет 61 % (2017 г.), в России — 85 % (2017 г.) и 87 % (2018 г.). Таким образом, среди россиян эта инициатива пользуется гораздо большей поддержкой, чем среди южнокорейцев. При этом 32 % южнокорейских респондентов затруднились ответить на данный вопрос, и эту оценку можно назвать высокой.

Потенциальные возможности для стратегического партнерства видят 64 % респондентов в Южной Корее (2017 г.) и 57 % российских респондентов (2018 г.), еще по 10 % респондентов каждой из сторон считают, что страны «уже являются стратегическими партнерами». При этом доля тех, кто считает, что двустороннее сотрудничество «отвечает интересам» их страны, достигает 65 % в Южной Корее (2017 г.) и 71 % в России (2018 г.).

Около 40 % опрошенных в Южной Корее и около 50 % в России полагают, что экономические отношения между двумя странами являются партнерскими. В то же время доля охарактеризовавших отношения как конкурентные в Корее составила 25 %, а в России — около 20 %; затруднились ответить на этот вопрос около 35 % респондентов в Южной Корее и около 30 % — в России. Другими словами, несмотря на высокую долю тех, кто считает экономические отношения между двумя странами партнерскими, в обеих странах существенная часть населения не имеет определенного мнения по этому вопросу.

Объединение результатов опроса в том, что касается экономических отношений и сотрудничества, показывает, что южнокорейцы и россияне в целом считают, что отношения между двумя странами в последнее время не изменялись, однако Южная Корея и Россия могут стать стратегическими партнерами, а двустороннее сотрудничество отвечает интересам их стран. Существующие экономические отношения респонденты в обеих странах чаще характеризуют как партнерские, однако в то же время значительное число респондентов затрудняются с ответом на этот вопрос. Заключение ССТ поддерживают в обеих странах. При этом в целом почти по всем параметрам среди российских респондентов зафиксированы более позитивные оценки.

5. Перекрестный анализ: интерес к культуре страны-партнера

Распределение ответов на вопрос об интересе к культуре страны-партнера в разрезе основных дифференцирующих параметров приведено в таблице 3.

Прежде всего, можно отметить, что различия в интересе к культуре стран по отдельным социально-демографическим параметрам оказались незначительными. Так, в обеих странах разница в наличии или отсутствии интереса к культуре страны-партнера в зависимости от пола не является статистически значимой. Уровень образования также оказался статистически незначимым дифференцирующим признаком в случае южнокорейцев, тогда как среди россиян с образованием не ниже среднего специального доля тех, кому интересна культура Южной Кореи, оказалась на 7 п. п. ниже, чем среди россиян с более низким уровнем образования (50 % против 43 % соответственно).

**Таблица 3. Интерес к культуре страны-партнера
в разрезе основных дифференцирующих переменных (в %)**

		Южная Корея (2017)			chi2	Россия (2017)			chi2
		Инте-ресна	Не-инте-ресна	Затруд-няюсь отве-тить		Инте-ресна	Не-инте-ресна	Затруд-няюсь отве-тить	
Пол	Мужской	44,6	40,4	14,9	3,766	45,3	52,0	2,8	0,651
	Женский	40,7	46,4	12,9		45,1	51,3	3,6	
Возраст	19—29 лет	31,3	54,0	14,8	125,068 ***	38,0	62,0	0,0	45,465 ***
	39—39 лет	36,0	56,0	8,0		37,2	61,3	1,6	
	49—49 лет	45,1	44,7	10,2		53,3	42,1	4,6	
	50—59 лет	70,5	23,0	6,5		50,2	46,1	3,7	
	60 лет и старше	30,7	42,6	26,6		49,1	45,1	5,8	
Образование	Среднее и ниже	41,4	42,8	15,8	5,249 +	43,3	52,6	4,1	9,931 **
	Среднее специальное и выше	44,7	44,7	10,6		49,9	49,0	1,1	
Регион проживания (Южная Корея)	Сеул	28,3	42,9	28,8	97,391 ***				
	Кёнги — Инчхон	50,7	36,6	12,8					
	Ённам	43,6	46,3	10,1					
	Хонам	58,4	29,7	11,9					
	Чхунчхон	41,3	55,8	2,9					
	Канвон	16,1	71,0	12,9					
	Чечжу	8,3	91,7	0,0					
Регион проживания (Россия)	Центральный				431,531 ***	46,0	52,0	2,0	27,222 *
	Северо-Западный					51,4	41,3	7,3	
	Южный					43,2	54,1	2,7	
	Северо-Кавказский					34,6	65,4	0,0	
	Приволжский					45,7	51,7	2,6	
	Уральский					46,6	47,6	5,8	
	Сибирский					41,4	52,9	5,7	
	Дальневосточный					52,8	47,2	0,0	
Уровень знаний о стране-партнере	Много знаю	50,0	50,0	0,0	431,531 ***	77,4	19,4	3,2	210,913 ***
	Мало знаю, но хотел(а) бы знать больше	67,1	20,3	12,6		68,1	29,2	2,7	
	Мало знаю, эта страна меня не слишком интересует	19,9	71,0	9,1		34,3	60,2	5,5	
	Ничего не знаю, эта страна меня не интересует	5,4	76,8	17,9		22,4	76,6	1,0	
	Затрудняюсь ответить	2,9	14,3	82,9		45,5	45,5	9,1	

		Южная Корея (2017)			chi2	Россия (2017)			chi2
		Инте-ресна	Не-инте-ресна	Затруд-няюсь отве-тить		Инте-ресна	Не-инте-ресна	Затруд-няюсь отве-тить	
Туристические намерения 1 (5 вариантов ответа)	Бывал(а) и хотел(а) бы побывать еще	66,7	27,8	5,6	275,598 ***	72,2	27,8	0,0	188,798 ***
	Бывал(а), но больше не хотел(а) бы туда возвращаться	60,0	40,0	0,0		16,7	83,3	0,0	
	Не бывал(а), но хотел(а) бы побывать	57,1	30,1	12,8		62,9	35,3	1,8	
	Не бывал(а) и не хотел(а) бы побывать	12,2	76,7	11,1		25,2	70,3	4,5	
	Затрудняюсь ответить	5,7	31,4	62,9		50,0	25,0	25,0	
Туристические намерения 2 (3 варианта ответа)	Хотел(а) бы побывать	57,5	29,8	12,6	271,987 ***	63,2	35,1	1,7	187,424 ***
	Не хотел(а) бы побывать	12,7	76,3	11,0		25,1	70,5	4,4	
	Затрудняюсь ответить	5,7	31,4	62,9		50,0	25,0	25,0	
Отношение к народу страны-партнера	Положительно, с доверием и симпатией	77,6	15,8	6,6	79,506 ***	58,5	38,3	3,1	53,031 ***
	Отрицательно, с недоверием и антипатией	23,4	50,5	26,1		35,5	60,5	3,9	
	Нейтрально	44,0	44,8	11,2		38,1	58,8	3,1	
	Затрудняюсь ответить	43,4	43,4	13,3		33,7	61,8	4,5	
Отношения между двумя странами за последнее время	Скорее улучшились	66,9	28,7	4,4	252,510 ***	50,1	48,4	1,5	29,323 ***
	Скорее ухудшились	46,5	48,8	4,7		46,4	51,2	2,4	
	Остались без изменений	42,5	50,0	7,5		45,0	52,8	2,2	
	Затрудняюсь ответить	16,9	36,9	46,2		38,0	53,7	8,3	
Заключение ССТ	Поддерживаю	54,3	40,1	5,6	162,476 ***	47,9	49,6	2,4	47,537 ***
	Не поддерживаю	45,7	44,3	10,0		33,7	64,0	2,2	
	Затрудняюсь ответить	19,4	49,7	30,9		25,8	60,7	13,5	
Экономические отношения между двумя странами	Конкурентные	25,1	54,7	20,2	70,656 ***	44,9	53,3	1,8	17,162 **
	Партнерские	56,9	36,2	6,9		50,3	46,7	3,0	
	Затрудняюсь ответить	39,7	43,4	16,9		37,7	57,9	4,5	

		Южная Корея (2017)			chi2	Россия (2017)			chi2
		Интересна	Неинтересна	Затрудняюсь ответить		Интересна	Неинтересна	Затрудняюсь ответить	
Возможность стратегического сотрудничества	Уже являются стратегическими партнерами	79,2	18,8	2,0	217,746 ***	55,4	41,0	3,6	32,707 ***
	Могут ими стать	46,7	46,8	6,5		49,5	48,7	1,8	
	Не могут ими стать	13,0	49,1	38,0		38,0	58,3	3,6	
	Затрудняюсь ответить	23,7	41,0	35,3		34,8	59,2	6,0	
Сотрудничество между двумя странами	Отвечает интересам (своей страны)	49,7	40,0	10,3	142,425 ***	52,7	45,5	1,8	47,700 ***
	Не отвечает интересам (своей страны)	49,7	46,7	3,6		28,5	67,1	4,4	
	Затрудняюсь ответить	10,9	53,0	36,1		37,3	57,2	5,4	

Примечание: + $p < 0,1$; * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Доля тех, кому интересна культура страны-партнера, увеличивается с переходом в более старшие возрастные группы в обеих странах. Максимальные доли испытывающих интерес к культуре страны-партнера среди южнокорейских респондентов наблюдаются в группах от 40—49-летних (45 %) и 50—59-летних респондентов (71 %), а среди россиян — в группах 40—49-летних (53 %), 50—59-летних (50 %) и респондентов в возрасте от 60 лет и старше (49 %) ⁴.

В Южной Корее высокая доля тех, кто интересуется культурой России, наблюдается в регионах Хонам (58 %) и Кёнги — Инчхон (51 %), а в регионе Чечжу эта доля является самой низкой и составляет 8 %. В России больше всего интересуются культурой Южной Кореи в Дальневосточном федеральном округе (53 %), тогда как на Северном Кавказе доля тех, кто интересуется корейской культурой, сравнительно низкая — 35 % ⁵.

Интерес к культуре России высок в группах южнокорейцев, выбравших в ответ на вопрос об уровне знаний о России ответы «много знаю» (50 %) и «мало знаю, но хотел(а) бы знать больше» (67 %). Аналогичным образом россиян, которым интересна культура Южной Кореи, оказалось много среди тех, кто ответил «много знаю» (77 %) о Южной Корее или «мало знаю, но хотел(а) бы знать больше» (68 %). Иначе говоря, интерес к культуре стране-партнера тесно связан с объемом имеющихся

⁴ В этой статье было обнаружено, что и в Корее, и в России люди среднего и старшего возрастов больше интересовались культурой другой страны, чем молодые люди. Но в последние два-три года молодые люди во всем мире, включая Россию, стали больше интересоваться «халлю» (Корейской волной), чем раньше. Следовательно, нужно снова изучать уровень интереса к корейской культуре современной российской молодежи.

⁵ Необходимо более детальное исследование разницы в восприятии по регионам. В случае Хонама и Чеджу в Корее и Северного Кавказа в России размеры выборки невелики (10 %, 1 % и 7 % соответственно). Из-за этой проблемы точные результаты восприятия могут не быть получены по сравнению с другими регионами. С одной стороны, большинство жителей Хонама поддерживают Демократическую партию Республики Корея, которая является прогрессивной партией. В Южной Корее консерватизм имеет тенденцию быть антисеверокорейским, антикитайским и антироссийским. У прогрессивизма была противоположная тенденция. Следовательно, прогрессивные жители Хонама могут быть относительно лучше знакомы с Россией. Конкретный анализ и интерпретация социально-демографических причин требуют дальнейшего изучения.

о стране знаний, однако направление причинно-следственной связи в данном случае определить нельзя.

Среди южнокорейских респондентов, ответивших, что они относятся «положительно, с доверием и симпатией» к народу России, доля интересующихся культурой страны-партнера составляет 78 %, а среди россиян соответствующий показатель равен 59 %. По аналогии с ситуацией, описанной выше в отношении связи интереса к культуре с уровнем знаний о стране-партнере, для определения направления причинно-следственной связи здесь требуются дальнейшие исследования.

Схожим образом респонденты, имеющие туристические намерения в отношении страны-партнера, обозначают свой интерес к национальной культуре. При трех вариантах ответа на вопрос о туристических намерениях среди тех, кто ответил, что «хотел(а) бы побывать» в стране-партнере, доля испытывающих интерес к культуре страны-партнера в Южной Корее составляет 58 %, а в России — 63 %. Примечательно, что при более подробном анализе данных — с пятью вариантами ответа на этот вопрос — в группе россиян, ответивших, что бывали, но больше не хотели бы возвращаться в Южную Корею, интерес к этой стране сохраняют всего 17 %, тогда как среди южнокорейцев соответствующий показатель достигает 60 %. Другими словами, часть южнокорейцев, побывавших в России, но не желающих возвращаться, тем не менее считают, что им интересна культура этой страны.

Различия в восприятии изменений в экономических отношениях Южной Кореи и России в целом связаны с интересом к культуре стран-партнеров аналогичным образом. Так, респонденты, отмечающие улучшение отношений между странами на протяжении последних лет, чаще указывают на собственный интерес к культуре страны-партнера: в Южной Корее в этой группе интерес обозначили 67 % опрошенных, а в России — 50 %. Среди ответивших, что в области экономики между двумя странами складываются партнерские отношения, доля тех, кому интересна культура страны-партнера, также оказывается относительно высокой (57 % заинтересованных в Южной Корее и 50 % — в России). Наконец, в группе тех, кто при ответе на вопрос о возможности стратегического партнерства выбрал ответ «страны уже являются стратегическими партнерами» или «пока не являются, но могут ими стать», также выше доля интересующихся культурой страны-партнера: среди южнокорейских респондентов эти показатели составляют 79 % и 47 % соответственно, среди российских — 55 % и 50 %.

Среди жителей России, отметивших, что сотрудничество с Южной Кореей отвечает интересам их страны, доля интересующихся корейской культурой достигает 53 %. Среди южнокорейских респондентов соответствующий показатель составляет 50 %, при этом и в группе тех, кто считает, что двустороннее сотрудничество не отвечает интересам Южной Кореи, доля интересующихся культурой России равна 50 %. Таким образом, интерес жителей Южной Кореи к российской культуре проявляется вне зависимости от их отношения к двустороннему сотрудничеству.

Южнокорейские респонденты, поддерживающие заключение ССТ между двумя странами, в 54 % случаев интересуются культурой России, в то время как среди россиян доля не испытывающих интереса к культуре Южной Кореи оказывается высокой как среди поддерживающих заключение ССТ (50 %), так и среди его противников (64 %).

Описанные различия, за исключением наблюдаемых в разрезе пола в обеих странах и в разрезе образования в Южной Корее, являются статистически значимыми ($p < 0,001$). Более того, при анализе интереса к культуре страны-партнера относительно таких параметров, как уровень знаний о стране-партнере, туристические намерения, оценка отношений между странами за последние годы и возможность стратегического партнерства в случае Южной Кореи и уровень знаний о стране-партнере в случае России, значение хи-квадрата было большим по сравнению с другими переменными, что говорит о тесной связи между этими параметрами и наличием или отсутствием интереса к культуре страны-партнера.

6. Заключение

Проведенный анализ показывает, что южнокорейцы и россияне в целом положительно воспринимают культуру стран-партнеров, сотрудничество между ними и их отношения в области экономики. В частности, за 2016—2018 гг. интерес жителей этих стран друг к другу повысился. Однако заметной остается доля тех, кто относится к народу страны-партнера нейтрально, затрудняется с ответом на вопрос о характере двусторонних экономических отношений, не испытывает особого интереса к стране-партнеру или не имеет интереса к культуре страны-партнера; эти моменты заслуживают внимания при разработке политики взаимодействия России и Южной Кореи.

Максимальный уровень заинтересованности в южнокорейской культуре наблюдается среди россиян с относительно высоким уровнем образования, лиц в возрасте старше 40 лет, а также среди жителей Дальневосточного и Северо-Западного федеральных округов. В Южной Корее в аналогичную группу попадают жители регионов Хонам, Кенги и Инчхон, а также лица в возрасте 40—49 и 50—59 лет.

Двумерный (перекрестный) анализ данных опросов показывает, что в группах респондентов, которые хотели бы знать больше о стране-партнере, имеют туристические намерения и испытывают симпатию к народу страны-партнера, то есть среди тех, кто в целом настроен положительно, проявляется больший интерес и к культуре страны-партнера. В данном случае проведенное исследование не позволяет сделать однозначного вывода о направлении причинно-следственной связи, поэтому для разработки прикладных рекомендаций в сфере политики по развитию культурного обмена между странами этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Кроме этого, обнаружено, что интерес жителей Южной Кореи к российской культуре проявляется вне зависимости от их отношения к двустороннему сотрудничеству, а также нелинейно связан с их туристическим опытом и намерениями. Аналогичные диспропорции наблюдаются в отношении заинтересованности россиян южнокорейской культурой в связи с их отношением к заключению Соглашения о свободной торговле: доля граждан России, не интересующихся корейской культурой, не зависит от того, поддерживают ли они ССТ с Кореей. Уточнение этих взаимосвязей может стать предметом будущих исследований.

С целью улучшения взаимного восприятия южнокорейцев и россиян следует обратить пристальное внимание на следующие моменты. В обеих странах примерно половина респондентов охарактеризовали свое отношение к народу стра-

ны-партнера как «нейтральное». Минимальная заинтересованность в культуре страны-партнера и в России, и в Южной Корее наблюдается в наиболее молодых возрастных группах: среди респондентов 20—29 и 30—39 лет. Доля тех, кто затруднился с ответом на вопрос о характере двусторонних экономических отношений, в обеих странах составила около 30%. Кроме того, суммарная доля тех, кто мало знает и не испытывает особого интереса к стране-партнеру, и тех, кто ничего не знает и не интересуется страной-партнером, составила в Южной Корее 45% (2017 г.), а в России 49% (2018 г.). Наконец, в обеих странах доля респондентов, ответивших «неинтересна» на вопрос о культуре страны-партнера, превысила 40%. Эти группы населения должны оказаться в фокусе интереса исследователей и политиков при разработке планов дальнейшего сотрудничества, они должны стать адресатами программ культурных обменов, работающих на укрепление партнерских связей и создание позитивного имиджа стран-партнеров.

Список литературы (References)

Овакимян А. Образ Кореи в общественном мнении россиян // Вестник общественного мнения. 2013. № 2. С. 45—55.

Ovakimyan A. (2013) The Image of Korea in the Public Opinion of Russians. *Public Opinion Bulletin*. No. 2. P. 45—55. (In Russ.).

Bove V., Gokmen G. (2017) Cultural Distance and Interstate Conflicts. *British Journal of Political Science*. Vol. 47. No. 4. P. 939—949.

Choi Jinhee (2011) 20th Anniversary of Diplomatic Relations Between Korea and Russia and Cultural Exchange. *The Journal of Foreign Studies*. Vol. 18. P. 383—400.

Choi Wooik (2017) Changes in Korean-Russian People's Perceptions About the Neighboring Countries of the Korean Peninsula from 2016 to 2017: Focusing on the Perception of Korean People by Generations. *RUSSIAN STUDIES*. Vol. 27. No. 2. P. 227—254.

Felbermayr G., Toubal F. (2010) Cultural Proximity and Trade. *European Economic Review*. No. 54. No. 2. P. 279—293.

Gokmen G. (2017) Clash of Civilizations and the Impact of Cultural Differences on Trade. *Journal of Development Economics*. Vol. 27. P. 449—458.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2009) Cultural Biases in Economic Exchange. *The Quarterly Journal of Economics*. No. 124. No. 3. P. 1095—1131.

홍완석 (2009) 한-러 문화교류 기초조사. 서울: 문화체육관광부.

Hong Wan Suk (2009) A Basic Survey on Cultural Exchange between Korea and Russia. Seoul: Ministry of Culture, Sports and Tourism. (In Korean).

Ko Jae Nam (2013) The Evaluation of the Policies of the Previous Governments Against Russia and the Task of the Policies of Park Geun-hye's Government. *Analysis of Major International Problems*. No. 5. P. 1—21.

고정민 (2013) 국제간 경제협력·통합에서의 문화의 역할, 인문콘텐츠, 제28호. 73—90쪽.

Ko Jeong-Min (2013) Study on Role of Culture in Economic Cooperation and Integration, Humanity Contents. No. 28. P. 73—90. (In Korean).

Nye J. S. Jr. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, NY: Public Affairs.

Shin Beom Shik (2010) A Critical Review of “Strategic (Cooperative) Partnership” between Korea and Russia. *Korea and World Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 235—278.

Song Jung Soo, Kim Se Il (2015) Russia’s Images in the Eyes of Korean Students. A Search of Enhanced Cooperation and Mutual Recognition between Korea and Russia. Seoul: KASEUS. P. 33—42.

윤영기, 김슬기 (2012) 러시아에서 한국의 국가 이미지: 러시아 대학생들의 동북아 국가 이미지와 인식 차이 비교분석. *Russia & Russian Federation*, Vol. 3, No. 3. 서울: 한국외국어대학교 러시아연구소. 46—51쪽.

Yoon Youngki, Kim Seulki (2012) National Image of Korea in Russia — Comparative Analysis of the East North Asian National Image and Perception Difference of Russian University Students. *Russia & Russian Federation*. Vol. 3. No. 3. Seoul: Institute of Russian Studies of Hankuk University of Foreign Studies. P. 46—51. (In Korean).

Приложение. Формулировки вопросов в обследовании

Основная переменная

Если говорить в целом, то Вам скорее интересна или нет «корейская (русская) культура»? (Очень интересна / Скорее интересна / Скорее не интересна / Совершенно не интересна / Затрудняюсь ответить)

Дифференцирующие переменные (социально-демографические факторы)

1. Зафиксируйте пол респондента (Мужской / Женский)
2. Сколько полных лет Вам исполнилось? (_____ лет)
3. Какое у Вас образование? (Начальное, неполное среднее (9 классов школы и меньше) / Среднее образование (школа или ПТУ) / Среднее специальное образование (техникум) / Незаконченное высшее (с третьего курса ВУЗа), высшее образование)
4. Скажите, пожалуйста, в какой области, крае, республике Вы постоянно проживаете?

Дифференцирующие переменные (восприятие культуры)

1. Какое из следующих суждений лучше всего описывает Ваш уровень знаний о Южной Корее (России)? (Я много знаю о Южной Корее (России) / Я мало знаю о Южной Корее (России), но хотел(а) бы знать больше / Я мало знаю о Южной Корее (России), эта страна меня не слишком интересует / Я ничего не знаю о Южной Корее (России), эта страна меня не интересует / Затрудняюсь ответить)
2. Лично Вы когда-либо бывали или нет в Южной Корее (России) в качестве туриста и если не бывали, то хотели бы или нет побывать там в будущем? (Бывал(а) и хотел бы побывать еще / Бывал (а), но больше не хотел бы туда возвращаться / Не бывал(а), но хотел(а) бы побывать / Не бывал(а) и не хотел(а) бы побывать / Затрудняюсь ответить)
3. К представителям одних народов мы относимся положительно, с доверием и симпатией, к представителям других, напротив, отрицательно, с недоверием и антипатией. А как лично Вы относитесь к жителям Южной Кореи (россиянам)? (Положительно, с доверием и симпатией / Отрицательно, с недоверием и антипатией / Нейтрально без доверия, но и без антипатии / Затрудняюсь ответить)

Дифференцирующие переменные (восприятие сотрудничества и экономических отношений между двумя странами)

1. Как, на Ваш взгляд, за последний год-два изменились отношения между Россией и Южной Кореей в целом: улучшились, ухудшились или остались без изменений? (Скорее улучшились / Скорее ухудшились / Остались без изменений / Затрудняюсь ответить)

2. Вы поддерживаете или не поддерживаете заключение Соглашения о свободной торговле (ССТ) между Россией и Южной Кореей? (Полностью поддерживаю / Скорее поддерживаю / Скорее не поддерживаю / Совершенно не поддерживаю / Затрудняюсь ответить)
3. Какие отношения в области экономики складываются у России (Южной Кореи) с Южной Кореей (Россией) — конкурентные или партнерские? (Конкурентные / Партнерские / Затрудняюсь ответить)
4. На Ваш взгляд, Россия и Южная Корея могут или не могут быть стратегическими партнерами? (Страны уже являются стратегическими партнерами / Страны пока не являются стратегическими партнерами, но могут ими стать / Нет, не могут быть стратегическими партнерами / Затрудняюсь ответить)
5. Как, по-вашему, отвечает или не отвечает интересам России (Кореи) сотрудничество с Южной Кореей (Россией)? (Отвечает интересам России (Кореи) / Не отвечает интересам России (Кореи) / Затрудняюсь ответить)

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1785](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785)

А. А. Шабунова, К. Е. Косыгина, Г. В. Белехова

ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: РОССИЙСКИЙ КЕЙС

Правильная ссылка на статью:

Шабунова А. А., Косыгина К. Е., Белехова Г. В. Доверие и социальное неравенство: российский кейс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 186—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>.

For citation:

Shabunova A. A., Kosygina K. E., Belekhova G. V. (2021) Trust and Social Inequality: The Case of Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 186–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1785>. (In Russ.)

ДОВЕРИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО: РОССИЙСКИЙ КЕЙС

ШАБУНОВА Александра Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, директор, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: aas@vscc.ac.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3467-0921>

КОСЫГИНА Ксения Евгеньевна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: sene4ka.87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

БЕЛЕХОВА Галина Вадимовна — научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия
E-MAIL: belek-galina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6373-9043>

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи доверия и социального неравенства в российском обществе. Для достижения цели был использован комплексный подход, сочетающий теоретическую мультидисциплинарность социологических и экономических теорий. Исследование опирается на официальную статистику, обширные базы социологических данных международного, общероссийского и регионального уровней. Анализ статистических источников показал, что в российском обществе сохраняется избыточное неравенство (с 2003 г. коэффициент фондов не опускался ниже 15 раз, а индекс Джинни ниже 0,4). С применением метода двухмер-

TRUST AND SOCIAL INEQUALITY: THE CASE OF RUSSIA

*Aleksandra A. SHABUNOVA*¹ — *Doc. Sci. (Econ.), Associate Professor, Director*
E-MAIL: aas@vscc.ac.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3467-0921>

*Kseniya E. KOSYGINA*¹ — *Research Fellow at the Department of Reserach on Living Standard and Life Style of Population*
E-MAIL: sene4ka.87@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>

*Galina V. BELEKHOVA*¹ — *Research Fellow at the Department of Reserach on Living Standard and Life Style of Population*
E-MAIL: belek-galina@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6373-9043>

¹ Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia

Abstract. The article focuses on the study of relationship between trust and social inequality in Russian society. The methodological framework is an integrated multidisciplinary approach which combines sociological and economic theories. The research is based on official statistics and social surveys of international, national, and regional levels. The analysis shows that in Russia there is still excessive inequality (since 2003, the fund ratio has not dropped below 15 times, and the Ginny index is below 0.4). Using the method of two-dimensional distributions, we assessed the impact of social inequality on the level of generalized trust in Russia as a whole and the Vologda Oblast in particular. It was

ных распределений проведена оценка влияния социального неравенства на уровень обобщенного доверия в целом по России и Вологодской области. Выявлено, что для российского общества характерен низкий уровень социального доверия, вариации в сторону его повышения не прогнозируются. Существующее недоверие осложняется расслоением общества, сохранением значительных различий в уровне материального благосостояния населения, отсутствием взаимопонимания между бедными и богатыми.

Подтвержден факт зависимости уровня обобщенного доверия от экономической составляющей: со снижением материального благосостояния населения растет уровень недоверия. Делается вывод, что переменные неравенства и доверия образуют замкнутый круг с полюсами обратно пропорционального воздействия друг на друга. Практическая задача состоит в том, чтобы найти решение сложившейся ситуации. В качестве перспектив исследования обозначается выработка научно обоснованных предложений в решении проблемы соотношения социального неравенства и общественного доверия.

Ключевые слова: доверие, обобщенное доверие, социальное неравенство, российское общество, некоммерческий сектор, партисипаторный подход

revealed that the Russian society is characterized by a low level of social trust and its increasing trends cannot be predicted. The existing mistrust is compounded by the stratification of society, persistence of significant differences in the level of well-being of the population, and the lack of mutual understanding between the poor and the rich. The article confirms the fact that the level of generalized trust depends on the economic component: with a decrease in well-being of the population, the level of mistrust grows. We conclude that the variables of inequality and trust form a vicious circle with poles of inversely proportional impact on each other. The practical task is to find a solution to the current situation. As a further research prospect, the article indicates the development of science-based proposals in solving the problem of the relationship between social inequality and public trust.

Keywords: trust, public trust, social inequality, Russian society, non-profit sector, participatory approach

Введение

Актуальной проблемой современного мира является социально-экономическое неравенство регионов, государств, социальных слоев населения, людей. Неравенство, возникающее в различных сферах жизни: в доходах, в доступе к медицинской помощи, к хорошим рабочим местам, в жилищных условиях, в возможностях для детей из разных слоев общества, в доступе к образованию и т. д., — имеет значительные социальные последствия. Углубление и рост неравенства ведут

к снижению доверия людей друг к другу, а также к государственным, правовым и общественным институтам. Социальное неравенство и дефицит доверия — это причины, по которым в России медленнее, чем в развитых европейских государствах, идет формирование полноценного гражданского общества и социальных инноваций, что тормозит социально-экономическое развитие страны в целом [Лапин, Ильин, Морев, 2020; Козырева, Смирнов, 2019]. Доверие способствует консолидации общества, выступая основанием для отношений сотрудничества и солидарности, формирования гражданских ассоциаций, общественных и других социальных институтов, деятельность которых направлена на повышение качества жизни населения, решение социальных проблем, что помогает сократить социальное неравенство, затрудняющее общественное развитие.

Проблематика социального неравенства и доверия раскрывается в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных ученых. На фоне затяжного характера социального неравенства и особенностей исторического развития России возрастает необходимость выявления взаимосвязи между социальными феноменами неравенства и доверия в современной России, что и составило цель настоящего исследования.

Теоретические аспекты исследования:

о проблеме доверия и социального неравенства

Доверие рассматривается как важнейшее свойство отношений людей, существенный компонент всех устойчивых межличностных и институциональных связей и ключевая характеристика развитого человеческого общества [Hosking, 2010; Фукуяма, 2004; Селигмен, 2002]. Доверие как вера в то, что другие не обманут нас, выступает неотъемлемым условием социального порядка, а также частью «внедоговорной» основы контрактов, которая делает возможными многие формы социального обмена и взаимодействия [Fairbrother, Martin, 2013: 347].

Исследование доверия носит междисциплинарный характер и из-за обилия социологических, политологических, философских, экономических, культурно-исторических и других работ достаточно сложно обозначить четкие границы конкретной отрасли знания в отношении определения данной категории. С точки зрения экономической логики можно выделить несколько подходов к определению феномена доверия. В рамках рационального подхода доверие рассматривается как ожидание, основанное на рациональном расчете и формальных правилах поведения со стороны потенциального партнера [Yamagishi, 2011]. Второй подход к доверию основан на понятии «моральной нормы» (добродетели) и может быть проиллюстрирован определением Ф. Фукуямы: доверие как «ожидание того, что члены сообщества будут вести себя честно, проявляя готовность к взаимопомощи в соответствии с общепринятыми нормами, культурными традициями, обычаями, общими этическими ценностями» [Фукуяма, 2004: 52]. Третий подход базируется на теориях социальной идентичности и самостоятельной категоризации и сосредотачивает внимание на различиях в уровнях доверия [Gaertner, Dovidio, Houlette, 2010]. В частности, считается, что люди различают, по крайней мере, два разных набора социальных взаимодействий и, следовательно, две разные группы доверия: внутригрупповое и внегрупповое доверие [Delhey, Newton, Welzel, 2011].

Доверие как экономическая категория складывается в процессе взаимодействия объектов, для него характерны культурная и социальная обусловленность, динамичность и изменчивость, возможность конструирования с помощью разнообразных инструментов и технологий (социальная и экономическая политики, выборы, пропаганда и проч.).

Наиболее распространена классификация доверия по уровню взаимодействия, в соответствии с которой различают межличностное, институциональное и обобщенное (или генерализованное, социальное, системное, деперсонализированное) доверие. Межличностное доверие обращено к конкретному индивиду или группе, институциональное — к любой подсистеме общества, а обобщенное доверие — к любому неизвестному индивиду или группе. В заявленном исследовании акцент делается на обобщенном доверии, поскольку современные реалии «предполагают ежедневное взаимодействие с незнакомыми людьми», а значит, «общее доверие считается более важным, чем конкретное» [Ромашкина, Давыденко, Ушакова, 2018: 467]. Кроме того, обобщенное доверие («доверие людям вообще») чаще связывают с более высоким уровнем жизни [Fukuyama, 1995; Beugelsdijk, de Groot, van Schaik, 2004], эффективными политическими и гражданскими институтами [Rothstein, Stolle, 2008], толерантностью и субъективным благополучием.

Феномен доверия обладает мощным общественным эффектом. Во-первых, это один из важнейших факторов, определяющих характер социальных отношений, способствующих установлению горизонтальных и вертикальных общественных связей. Дж. Коулмен подчеркивает важность доверия как фундамента общественных институтов — когда отношения доверия переходят на макроуровень, они формируют систему доверия, где играют роль нормативных предписаний в системных отношениях [Коулман, 2001]. «Сужение поля доверия влечет за собой серьезные социальные проблемы — от различных форм напряженности и отчуждения до открытых конфликтов» [Шабунова, Гужавина, Кожина, 2015]. Во-вторых, доверие и нормы являются важной составляющей экономического роста, политической системы и качества государственного управления [Algan, Cahuc, 2014; Guiso, Sapienza, Zingales, 2011]. Р. Инглхарт и К. Вельцель установили наличие сильной корреляции между уровнем межличностного доверия и благосостоянием граждан, экономическими успехами страны в целом, а также приверженностью населения демократическим институтам и ценностям [Инглхарт, Вельцель, 2011: 22]. В то же время уровень обобщенного доверия существенно влияет на общественно-политическую активность индивидов, на выбор гражданской позиции [Гужавина, 2018: 259]. В-третьих, установка на доверие проявляет специфику национальной культуры и характеризует субъективное восприятие жизни в текущий момент.

Доверие — сложный конструкт с множеством взаимосвязанных измерений, и возможное влияние каждого из них на политическую и экономическую жизнь общества зависит от соответствующего социального контекста [Рукавишников, 2008]. В свою очередь, характеристики социального контекста включают в себя и уровень социального неравенства, под которым понимается специфическая форма дифференциации в обществе, когда отдельные индивиды или группы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравны-

ми жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей [Ильин, 2017]. Закономерно предположить, что неравенство как компонент социальных условий, в которых живут люди, может влиять на общественное доверие.

Большинство зарубежных исследований доказывают, что существует тесная связь между доверием и неравенством. На основе межстрановых сопоставлений и внутристранового анализа ученые получили эмпирические доказательства наличия отрицательной и статистически значимой связи социального неравенства со степенью обобщенного доверия [Zak, Knack, 2001; Uslaner, Brown, 2005; Uslaner, 2008; Leigh, 2006a; Cozzolino, 2011; Wilkinson, Pickett, 2009; Barone, Mocetti, 2016], подтверждая гипотетические предположения о том, что неравенство подрывает готовность людей доверять другим людям, особенно не являющимся членами их семей и близким кругом общения. Например, в работе [Alesina, La Ferrara, 2002] на основе данных социологического исследования населения США General Social Survey (GSS) за 1974—1994 гг. и статистических данных об уровне доходов и неравенстве (коэффициент Джини) обнаружено, что доверие ниже среди людей, которые живут в сообществе с высокой степенью неравенства доходов. В другом исследовании [Fairbrother, 2013] многоуровневый лонгитюдный анализ данных World Values Survey (WVS) за 1981—2008 гг. показал, что в странах, где неравенство увеличилось, население стало менее доверчивым. Д. А. Авдеева, используя данные WVS за 1998—2017 гг. для 103 стран, проанализировала корреляцию между уровнем обобщенного доверия и уровнем ВВП по ППС на душу населения и выявила, что «чем выше уровень доверия, тем более высоким оказывается уровень доходов» [Авдеева, 2019: 89].

Американские экономисты Э. Гулд и А. Хайдзен, как и американский политолог и социолог Р. Патнэм, утверждают, что социальное неравенство выступает важным фактором доверия, причем значение имеют неравенство возможностей (стартовые условия) и неравенство результатов (благополучия) [Gould, Hijzen, 2016; Putnam, 2015]. Профессора Эрик М. Усланер и М. Браун определили однозначную обратную зависимость: чем выше неравенство, тем меньше доверия. Рост неравенства обуславливает нисходящую динамику генерализованного доверия [Uslaner, Brown, 2005]. Даже в странах с низким уровнем неравенства, таких как Швеция, дисбаланс доходов в определенных возрастных группах может подрывать социальное доверие [Fabian, 2017; Gustavsson, Jordahl, 2008]. В то же время получены данные, показывающие, что после стабилизации в течение длительного периода определенного уровня неравенства оно оказывает на доверие меньшее влияние, в отличие от частого изменения масштабов неравенства в краткосрочном периоде [Hastings, 2018; Esping-Andersen, Nedoluzhko, 2017].

Общая логика объяснений возможного воздействия состоит в том, что неравенство доходов влияет на доверие из-за перестройки социальной жизни, из-за изменений в распределении доходов. Во-первых, «чем выше уровень экономического неравенства, тем выше „социальные барьеры“ между различными группами и тем меньше люди чувствуют связь с другими людьми, что, в свою очередь, препятствует формированию доверия» [Barone, Mocetti, 2016: 795]. Во-вторых, «движущим фактором может быть механизм эксплуатации: рост доходов одних групп может вызывать негодование у менее обеспеченных и бедных групп, которые в резуль-

тате могут чувствовать себя эксплуатируемыми, что порождает недоверие между социальными классами» [Hastings, 2018: 78]. В-третьих, изменяются восприятие и понимание справедливости: ущемленные в доходах слои считают, что у других есть несправедливые преимущества в распределении общественного богатства, тем самым возникают препятствия к доверительному отношению [Barone, Mocetti, 2016: 795]. В-четвертых, проявляется ресурсный конфликт — различные группы общества могут иметь разное представление о распределении общественных благ, что приводит к противостоянию мнений и конфликтам. Такое противостояние разрывает социальные связи и ослабляет формирование доверия и социальной сплоченности.

Чем более экономически стратифицировано общество, тем сильнее это влияет на обобщенное доверие [Tumin, 1953]. Возникают отдельные сферы повседневной жизни (изолированное жилье, частное образование, платное здравоохранение и т. д.), в которых исчезают понимание и доверие к «аутсайдерам» (эффект стратификации). Неравенство усиливает несправедливость — возрастают «нарушения закона, предвзятость судов, эгоизм власти <...>, которые попирают интересы рядовых граждан <...>, в результате чего появляется и усиливается протестная активность (от публичных выступлений до тихого бойкота инициатив, спускаемых сверху)» [Черныш, 2020: 25]. Теоретики конфликта (Р. Дарендорф) считают, что социальное неравенство мешает и тормозит прогресс общества. Когда в обществе перестают работать социальные лифты, позволяющие каждому индивиду эффективно и безболезненно реализовывать свои потребности в повышении социального и материального статуса, неравенство может стать деструктивным фактором, ведущим к социальной напряженности, создающим угрозу стабильности и препятствующим экономическому росту [Дарендорф, 2002].

Однако имеются работы, авторы которых не выявляют однозначной и значимой связи между неравенством и доверием. В частности, отсутствие связи между неравенством и доверием показано на примере Австралии [Leigh, 2006b], а также Китая [Whyte, 2010]. В работе [Fairbrother, Martin, 2013] отмечается, что снижение доверия в последние десятилетия нельзя объяснить ростом неравенства. Авторы обнаружили отсутствие продольной корреляции между неравенством и доверием и устойчивую негативную связь при поперечном анализе (то есть на уровне штатов США): в штатах с исходно высоким неравенством население менее доверчиво, однако в штатах, где рост неравенства доходов был выше среднего, доверие заметно не сократилось. По мнению ученых, такие результаты указывают на временной лаг в воздействии неравенства на уменьшение обобщенного доверия.

Вышеперечисленные исследования основаны на показателях объективного неравенства, чаще всего измеряемого через коэффициент Джини. При этом для межстрановых исследований характерен общий недостаток — из-за политических, социально-культурных, экономических различий между странами имеется риск фиксации ложной корреляции между переменными доверия и неравенства [Barone, Mocetti, 2016: 797].

Отдельный пласт составляют немногочисленные исследования взаимосвязи доверия и субъективного неравенства [Hu, 2017; Nishi et al., 2015; Janmaat, 2013]. Последнее рассматривается как уникальный конструкт, сочетающий восприятие человеком реальной ситуации и его представления об идеальном состоянии.

Установлено, например, что обобщенное доверие людей относительно ниже, когда они считают текущий уровень неравенства серьезной социальной проблемой [Ни, 2017: 17]. Однако при применении показателя субъективного неравенства необходимо учитывать, что оно обладает временным лагом, то есть объективно уровень неравенства изменился, но в субъективных оценках населения это еще не отразилось совсем или не в полной мере. Другими ограничениями показателя субъективного неравенства являются, например, недооценка людьми собственного благосостояния (уровня доходов), темпов изменения и масштабов неравенства, своего положения в распределении доходов.

Подведем итоги обзора литературы. Неравенству и доверию как самостоятельным категориям посвящено большое количество работ теоретического и эмпирического характера в различных областях знаний; широко представлены зарубежные исследования о влиянии неравенства на обобщенное доверие. Большинство существующих эмпирических исследований взаимосвязи между неравенством и доверием построены на объективной мере неравенства. Значительно меньше работ, опирающихся на субъективное неравенство. Однако причинно-следственная связь между неравенством и доверием еще далека от идентификации, в том числе между субъективным неравенством и обобщенным доверием. Попытка внести вклад в научную дискуссию относительно данных вопросов предпринята в настоящем исследовании.

Эмпирическая база и дизайн исследования

Кроме трудов российских и зарубежных ученых в области доверия и социального неравенства, информационную базу исследования составили репрезентативные социологические данные:

- Европейского социального исследования (The European Social Survey), которое проводится с 2001 г. с периодичностью один раз в два года, участвует более 20 стран (Россия с 2006 г.) (объем выборки — 1500—3000 человек в возрасте 15 лет и старше);
- Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения, проводимого НИУ ВШЭ и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и ФНИСЦ РАН (объем выборочной совокупности более 7000 домохозяйств и более 18 тыс. проживающих в этих домохозяйствах индивидов);
- общероссийского мониторингового проекта Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (общероссийская выборка 4000 человек);
- Мониторинга общественного мнения Вологодского научного центра РАН. Опрашивается 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Территория проведения — Вологодская область.

Выявление закономерностей проводилось по данным социологического исследования с использованием анализа двумерных распределений, то есть построения таблиц сопряженности. Расчеты выполнены с помощью программного пакета SPSS.

В основной части исследования рассматривается динамика обобщенного доверия и субъективного социального неравенства в российском обществе на международном, российском и региональном уровнях, выявляются взаимосвязи. Субъективное социальное неравенство измеряется по самооценке материального положения, покупательных возможностей и доходным группам.

Обобщенное доверие — это стандартная переменная, содержащаяся во многих опросах¹, относится к доверию человека к неопределенным лицам, за пределами дружеского круга и членов семьи. Обобщенное доверие обычно измеряется в ответе на вопрос: «Можете ли Вы вообще сказать, что большинству людей можно доверять, или же, когда имеешь дело с людьми, осторожность никогда не помешает?» Данная формулировка была предложена Дж. Роттером и М. Розенбергером в середине XX века и по настоящее время используется учеными в области гуманитарных наук для измерения уровня доверия [Rotter, 1967]. Может применяться следующая интерпретация: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять?»

В данном исследовании обобщенное доверие измеряется вопросом «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?» (для международных сравнений и национального анализа) и «Кому Вы можете доверять?» (для регионального анализа). Для дополнительной характеристики доверительных отношений выбраны:

— оценка взаимопонимания между людьми, которая измеряется вопросом «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми бедными и богатыми?» (для национального анализа),

— оценка отношения к существующим распределительным механизмам материальных благ между богатыми и бедными, которая измеряется степенью согласия с утверждениями «Богатые становятся богаче, а бедные — беднее», «Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие» (для регионального анализа).

Результаты исследования

Несколько слов о социальном неравенстве в России

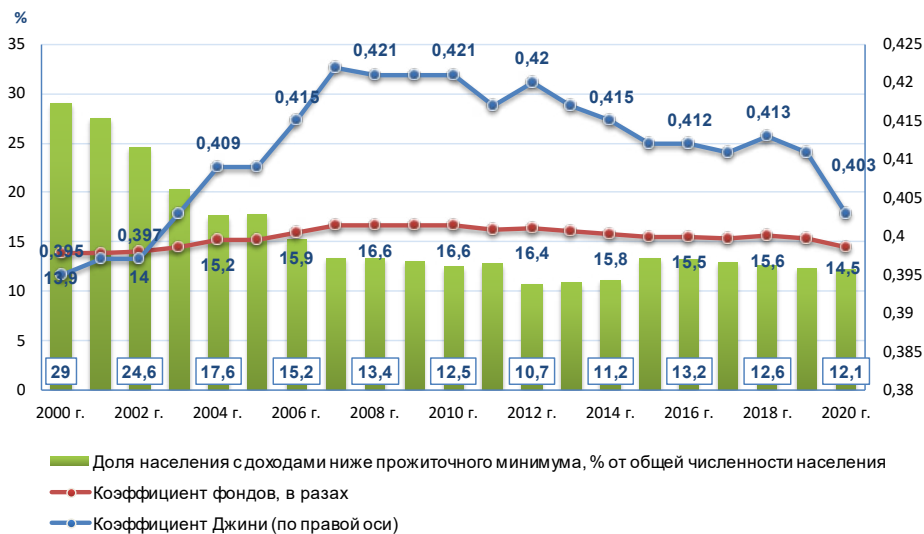
Повышение уровня и качества жизни, сокращение избыточного социального неравенства всегда постулируются как одни из приоритетных целей государственного управления. В частности, об этом говорится в январском (2020 г.) Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ и в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Однако следует понимать, что неравенство и расслоение людей по уровню дохода и материальным возможностям являются неотъемлемыми характеристиками современных экономических систем. «Положение людей остается фундаментально неравным во всех странах, включая и самые развитые постиндустриальные государства, и, несмотря на активную социальную политику,

¹ Например, Европейское социальное исследование (The European Social Survey), проводится с 2001 г. с периодичностью один раз в два года; ANES (American National Election Studies), проводится в США с 1980 г. в годы выборов и содержит переменные по доверию; Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, наблюдения ведутся с 1994 г.

до сих пор встречаются свидетельства бедности и массового экономического и социального неравенства» [Шкаратан, 2018: 7].

В России достигнуты некоторые успехи в сокращении неравенства и бедности, но проблема по-прежнему актуальна. Согласно официальным статистическим данным, коэффициент фондов, отражающий масштабы расслоения населения по уровню доходов, с 2003 г. не опускался ниже 15 раз (только в 2020 г. зафиксировано значение 14,5 раз). По современным меркам нормальным считается неравенство, при котором отношение доходов 10 % наиболее богатых к доходам 10 % наиболее бедных не превышает 6—8 раз [Анисимова, 2020: 127—128]. Значение индекса Джини, отражающего степень неравномерности распределения населения по денежным доходам, также с 2003 г. стабильно выше 0,400 (см. рис. 1). Такой уровень индекса Джини (выше 0,4), согласно позиции Всемирного банка, свидетельствует о наличии в стране избыточного неравенства².

Рис. 1. Динамика реальных денежных доходов населения и коэффициента фондов в России, 2000—2020 гг.³

Уровень бедности, то есть доля людей с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения, несмотря на заметное сокращение в начале «нулевых», с 2008 г. относительно стабильна и колеблется в пределах 11—13 % (см. рис. 1). По состоянию на 2020 г. численность бедного населения составляет 17,8 млн человек, или 12,1 % от общей численности населения. При этом порядка 10 % россиян находятся на границе бедности [Александрова, Ярашева, 2018]. Следовательно, по международным стандартам и по мнению ведущих отечественных исследователей [Глазьев, Локосов, 2012], российское общество уже более

² Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank. <https://doi.org/10.1596/978-1-4648-0958-3>.

³ Источник: Уровень жизни // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 17.08.2021).

двадцати лет находится за допустимыми границами социально-экономического неравенства. Важно и то, что стабилизация показателей неравенства в последние годы обеспечивается за счет снижения доходов наиболее обеспеченных массовых групп населения при одновременном обогащении «элитных и субэлитных слоев» [Тихонова, 2019], но материальное положение наименее обеспеченных групп населения значительно не улучшается.

Динамика обобщенного доверия и оценка социального неравенства в российских реалиях

Россия и европейские страны. Понимание текущей российской ситуации, связанной с обобщенным доверием, требует проведения сравнения с другими странами. Результаты Европейского социального исследования (волна 9, 2018 г.) показывают, что для населения России характерны более низкие показатели обобщенного доверия, чем в странах Европы (в 2018 г. они составили 4,6 и 5,1 балла соответственно; см. табл. 1). Аргументировать сложившуюся ситуацию возможно на основе суждений, отражающих субъективные представления о взаимоотношениях людей (см. табл. 1). Социальное окружение россияне чаще, чем европейцы, оценивают как потенциально не сопереживающее проблемам других людей (средний балл по этой переменной составляет 5,3 балла для России и 5,6 балла для стран Европы). Говоря об искренности и честности, жители России считают, что люди при предоставленной им возможности могут их использовать. В европейских странах население больше верит в то, что люди ведут себя честно (хотя последние замеры 2018 г. показывают схожие оценки по данному вопросу).

Таблица 1. Сравнение Российской Федерации и стран Европы по уровню доверия и субъективным представлениям о взаимоотношениях людей, 2012—2018 гг., средний балл (оценка по 10-балльной шкале, где «0» — негативное суждение, а «10» — позитивное)

Показатели	Российская Федерация				Европейские страны			
	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.	2012 г.	2014 г.	2016 г.	2018 г.
Вы считаете, что большинству людей можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?	4,4	4,6	4,5	4,6	5,0	5,2	5,5	5,1
Как Вы думаете, большинство людей постарались бы Вас использовать, если бы им представилась такая возможность, или же, на Ваш взгляд, люди постараются вести себя с Вами честно?	5,1	5,1	5,4	5,3	5,6	5,8	6,0	5,6
По Вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать друг другу или они чаще всего заботятся только о себе?	4,6	4,8	4,7	5,1	5,0	5,1	5,5	5,0

Источник: данные ESS. URL: <http://www.ess-ru.ru/>.

Общероссийский уровень. Социологические данные по теме обобщенного доверия, представленные НИУ ВШЭ, свидетельствуют о значительном снижении доверия в современном российском обществе: если в 1991 г. доля доверяющих составляла 37 %, то в период 2016—2019 гг. — не более 16 %. Фиксируется незначительное повышение уровня доверия в 2013 и 2016—2019 гг. (см. табл. 2). Возможным объяснением сдвигов в уровне доверия выступают мировые финансово-экономические кризисы, колебания в российской экономике, решения руководства страны и изменения в доходах граждан. Так, в 2013 г. важным фактором, влияющим на социальное самочувствие россиян, стал рост заработных плат в бюджетном секторе. Согласно «майским» указам президента 2012 г. повышение выплат коснулось военнослужащих силовых структур, федеральных гражданских служащих, работников сферы образования и здравоохранения. Однако в 2014—2015 гг. последовало сокращение совокупного месячного дохода домашних хозяйств от заработной платы на 9,1 %. При этом в 2016 г. доход от выплат по трудоустройству вырос на 10,6 % [Воронин и др., 2019].

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожными?»

Показатели*	Год										Изм. (+/-) 2019 г. к 1991 г.
	1991 **	2006	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	
Большинству людей можно доверять	37,4	15,9	15,8	19,4	17,6	14,7	16,0	14,6	15,6	16,4	-21
В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	37,4	57,2	47,5	44,8	44,3	42,5	44,3	42,3	44,6	42,6	+5,2
И то, и другое, в зависимости от человека, условий	22,5	27,0	36,8	35,8	38,1	42,9	39,7	43,1	39,9	41,4	+18,9

Источник: данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

* Исключаются варианты «затрудняюсь ответить», «отказ от ответа», «нет ответа» так как они не превышают ошибок выборки 3 %.

** Данные того же мониторинга из монографии доктора социологических наук П. М. Козыревой [Козырева, 2011].

Примечательно, что в России практически 30 лет уровень доверия остается на стабильно низком уровне, и вариации в сторону его повышения не выявляются. Однако растет удельный вес рационально настроенных граждан, которые считают, что доверять можно «в зависимости от человека и условий», то есть избирательно.

Переменной, тесно связанной с формированием доверительных отношений, выступает оценка взаимопонимания между людьми. Можно утверждать, что взаимопонимание лежит в основе доверия, так как при отсутствии точек соприкосновения снижается вероятность социальной коммуникации и широкого взаимодействия при решении общих задач. Исходя из логики настоящего исследова-

дования, важным будет рассмотреть отношения групп, различающихся по уровню благосостояния. На фоне стагнации доверия фиксируется следующая тенденция: за период наблюдений доля тех, кто считает, что взаимопонимание бедных и богатых недостижимо, превышает удельный вес ответивших, что взаимопонимание возможно. По итогам опроса 2017 г. сотрудничество бедных и богатых допускают 21 %; 37 %, напротив, говорят, что согласие невозможно. При этом минимальный разрыв между двумя крайними точками изучаемого показателя составляет 18 % в 2017 г., а максимальный — 34 % в 1998 г. Несмотря на то, что в динамике разрыв сокращается, однако остается достаточно существенным (см. табл. 3).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Возможно ли, на Ваш взгляд, взаимопонимание и сотрудничество между людьми бедными и богатыми?»

Показатели*	Год**									Изм. (+/-) 2017 г. к 1994 г.
	1994	1998	2001	2005	2007	2010	2015	2016	2017	
Уверены, что возможно	6,0	5,0	6,2	4,9	6,1	4,9	6,2	5,2	4,0	-2
Пожалуй, возможно	14,5	14,1	15,5	17,2	18,0	16,5	17,3	16,1	17,1	2,6
В чем-то возможно, в чем-то нет	30,1	28,3	36,0	37,1	33,4	33,7	38,0	40,8	41,7	11,6
Пожалуй, невозможно	25,5	25,6	20,9	24,4	24,2	25,6	22,1	21,2	19,0	-6,5
Уверены, что невозможно	23,9	27,1	21,4	16,4	18,2	19,3	16,4	16,7	18,2	-5,7
Затрудняюсь ответить	2,7	5,1	4,1	3,6	2,7	3,4	2,5	2,5	3,3	0,6

Источник: данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

* Исключаются варианты «отказ от ответа», «нет ответа» так как они не превышают ошибки выборки 3%.

** В 2018—2019 гг. вопрос не задавался.

Выявленные диспропорции относительно взаимопонимания людей из разных полюсов общества свидетельствуют об актуальности проблемы социального неравенства. О глубине социального неравенства и остроте его восприятия говорят социологические данные о значимых социально-экономических проблемах российского общества [Мареева, 2018]. Самым болезненным для современного общества и для домохозяйств является неравенство доходов (84 % и 69 %), при этом в сравнении с данными 2015 и 2018 гг. неравенство доходов стало восприниматься более остро. Несправедливое распределение и перераспределение доходов, богатства и материальных благ ведет к формированию немонетарных неравенств (возможностей), которое выражается в асимметричном доступе к социальным благам и услугам. Неслучайно на втором месте в числе наиболее острых неравенств стоит доступ к медицинской помощи, а на третьем — к жилищным условиям. Обращает на себя внимание тот факт, что за четыре года рейтинг неравенств не изменился, практически по всем типам наблюдается прирост негатив-

ных оценок (см. табл. 4). Следовательно, для современного общества характерно заметное снижение возможностей, обеспечивающих каждому его члену высокий уровень жизни.

Таблица 4. Восприятие остроты различных неравенств россиянами в 2015, 2018 гг., %* (ранжировано по неравенствам, болезненным лично для респондентов)

Тип неравенства	Самые болезненные для общества в целом			Самые болезненные для себя (семьи)		
	2015 г.	2018 г.	Изм. +/- п.п. (2018/2015 г.)	2015 г.	2018 г.	Изм. +/- п.п. (2018/2015 г.)
Доходов	82	84	2	66	69	3
В доступе к медицинской помощи	59	70	11	39	51	12
Жилищных условий	61	64	3	30	36	6
В доступе к хорошим рабочим местам	50	52	2	23	38	15
В возможностях для детей из разных слоев общества	31	33	2	18	19	1
В доступе к образованию	40	48	8	16	23	7
В обладании собственностью	18	20	2	12	16	4
В наличии знакомств с «нужными людьми»	10	9	-1	11	10	1
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	8	9	1	10	11	1
В физических возможностях	7	6	-1	9	9	0
В возможностях пользования компьютером и интернетом	3	4	1	3	4	1
Таких неравенств нет	3	2	1	9	9	0

Источник: мониторинговое исследование Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорегиональном контекстах».

* Данные приведены по работающим россиянам.

Приведенные данные формируют представление о социальных проблемах российского общества, однако не отражают связи между неравенством и доверием. Более подробно остановимся на рассмотрении уровня обобщенного доверия в зависимости от материального положения (самооценка), так как именно неравенство по доходам ощущается людьми как самое болезненное для общества в целом и для себя в частности. Результаты российского мониторинга свидетельствуют о том, что малообеспеченные и среднеобеспеченные слои общества с осторожностью относятся к посторонним людям и демонстрируют

более низкий уровень доверия в отличие от высокообеспеченного населения (см. табл. 5). Респонденты, наиболее высоко оценивающие свое материальное благосостояние, чаще отмечают, что большинству людей можно доверять, нежели респонденты с низкими самооценками собственного материального положения (17 % против 10 %). Население, относящее себя к нищим, в большей степени, чем богатые, склонно с осторожностью относиться к незнакомым (47 % против 33 %; см. табл. 5).

Таблица 5. **Уровень обобщенного доверия в зависимости от материального положения, 2019 год (в % по строке)**

Материальное положение (по самооценке)**		Показатели обобщенного доверия*			
		Большинству людей можно доверять	В отношениях с людьми всегда надо быть осторожным	И то, и другое, в зависимости от человека, условий	Затрудняюсь ответить
Нижний уровень	Низшая ступень	10,3	47,4	38,7	3,4
	2-я ступень	12,3	46,4	40,1	1,3
	3-я ступень	15,7	40,9	42,5	0,9
Средний уровень	4-я ступень	16,9	42,1	40,0	0,8
	5-я ступень	16,2	44,6	38,3	0,8
	6-я ступень	18,1	35,1	46,4	0,5
Верхний уровень	7-я ступень	22,0	43,6	33,6	0,6
	8-я ступень	32,1	39,5	27,2	1,2
	Высшая ступень	16,7	33,3	50,0	0,0
Затрудняюсь ответить		15,7	15,7	18,5	22,9

Источник: данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (PMЭЗ НИУ ВШЭ).

* Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что большинству людей можно доверять или что в отношениях с людьми всегда надо быть осторожным?»

** Ответы на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?»

Таким образом, для России по сравнению со странами Европы характерен стабильно низкий уровень социального доверия. Отсутствие положительной динамики не позволяет прогнозировать улучшение ситуации в ближайшей перспективе. Существующее недоверие осложняется высоким уровнем социального неравенства, наличием значительных различий в уровне материального благосостояния населения, отсутствием взаимопонимания между бедными и богатыми. Более того, подтвержден факт зависимости уровня обобщенного доверия от материального положения населения.

Региональный уровень (на примере Вологодской области). В условиях федерализма любой социальный феномен развивается, распространяется, а иногда и зарождается в пределах территориальных единиц. Доверие не исключение, поэтому важно проанализировать динамику обобщенного доверия, провести

оценку социального неравенства и выявить их взаимосвязь в региональном пространстве. Представим характеристику перечисленных аспектов на примере одного из регионов России — Вологодской области. Выбор региона обусловлен наличием необходимых социологических данных за продолжительный период времени, не ограниченный одним годом.

Следует обозначить, что в региональном измерении формулировка вопроса, отражающая суть обобщенного межличностного доверия, предлагается в несколько ином виде, чем в общероссийском мониторинге и Европейском социальном исследовании. Представляется, что незначительные несоответствия в инструментарии не исказят основные тренды. Обоснованием является схожее распределение ответов респондентов. В частности, вне зависимости от территории проведения опроса и инструментария доля «доверяющих большинству» ниже удельного веса «не доверяющих». Отметим, что по состоянию на 2021 г. высокий уровень обобщенного межличностного доверия демонстрируют 19% вологжан, тогда как не доверяют никому четверть жителей области (25%). В динамике уровень недоверия в региональном социуме достаточно стабилен (см. табл. 6).

Таблица 6. **Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?»**
 (в % от числа опрошенных)

Показатель	Год										Изм. 2021 г. к 2011 г.
	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Только самым близким друзьям и родственникам	56,5	52,5	53,4	55,7	61,1	64,2	56,6	54,1	54,0	55,8	-0,7
В наше время никому нельзя доверять	24,7	27,9	27,9	23,5	25,5	24,8	27,0	28,5	26,5	25,2	0,5
Большинству знакомых мне людей можно доверять, доверять можно всем людям без исключения*	18,6	16,8	15,3	15,1	13,3	12,0	15,2	17,4	19,5	19	0,4

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.

* В связи с тем, что доля ответов «доверять всем людям без исключения» мала (2—3%, что не превышает ошибки выборки), для дальнейшего анализа эта группа была объединена с респондентами, считающими, что «большинству знакомых людей можно доверять».

По аналогии с общероссийскими данными рассмотрим оценки жителей региона в отношении существующих распределительных механизмов материальных благ между богатыми и бедными, что отчасти отражает степень взаимопонимания двух полярных слоев общества. Свидетельством несправедливости такого распределения является то, что более половины населения области (56% в 2018—2020 гг.) придерживается мнения «богатые становятся богаче, а бедные — беднее» (см. табл. 7). Данный взгляд разделяет большая часть как мало- и среднеобеспеченного населения, так и представителей высокодоходной группы, среди которых

после 2016 г. отмечается рост доли согласных с этим мнением (с 41% в 2016 г. до 54% в 2020 г.). Наряду с этим в региональном сообществе слабо распространено убеждение о возможности улучшения материального положения за счет приложения собственных усилий, особенно среди малообеспеченных граждан (см. табл. 7). За период наблюдений (2000—2020 гг.) происходят волнообразные изменения: в ходе восстановительного роста экономики уверенность в собственных силах во всех доходных группах повышалась, но в период кризиса и стагнации 2013—2016 гг. веру в собственные силы потеряли мало- и среднеобеспеченные слои населения. К 2020 г. ощущение уверенности в данных слоях укрепилось (19% и 25%). В группе высокообеспеченного населения доля рассчитывающих на себя в деле обеспечения собственного материального благополучия весьма нестабильна (53% в 2014 г., 32% в 2019 г., 42% в 2020 г.). Подобная динамика настроений высокообеспеченного населения, скорее всего, объясняется падением экономической активности в периоды стагнации и экономических кризисов. Представленные данные позволяют сделать вывод, что выявленные пассивные установки бедных и малообеспеченных негативно влияют на их экономическую, прежде всего трудовую, активность, формируют сценарии «недостижения успеха», создавая тем самым опасность углубления социального неравенства в регионе и, как следствие, снижения уровня доверия в обществе.

Таблица 7. **Мнения о жизни в обществе в группах населения Вологодской области, выделенных по уровню дохода (в % от общего числа опрошенных)**

Доходные группы	Год									Изм. 2020 г. к 2010 г.
	2000	2005	2008	2013	2014	2016	2018	2019	2020	
<i>Богатые становятся богаче, а бедные — беднее</i>										
20% наименее обеспеченных	59,8	35,5	45,3	51,9	39,6	51,7	54,9	53,2	53,5	-6,3
60% среднеобеспеченных	55,4	41,4	48,3	45,4	45,3	49,8	59,1	57,5	60,8	5,4
20% наиболее обеспеченных	49,5	35,3	35,4	40,5	34,7	41,0	48,7	50,6	53,8	4,3
В среднем по области	54,6	39,7	45	45,7	41,6	47,7	56,0	55,7	55,9	1,3
<i>Сейчас каждый, кто может и хочет работать, способен обеспечить свое материальное благополучие</i>										
20% наименее обеспеченных	24,2	21,7	24,9	18,2	11,6	14,6	20,9	22,7	19,3	-4,9
60% среднеобеспеченных	25,6	26,0	34,1	33,0	27,6	24,6	24,2	27,7	24,4	-1,2
20% наиболее обеспеченных	32,8	38,5	51,0	45,5	53,4	44,1	39,4	32,0	42,2	9,4
В среднем по области	27,0	27,9	35,6	32,3	28,9	27,3	26,5	26,6	25,3	-1,7

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.

В ходе исследования проанализированы ответы «не доверяющих никому» жителей области в зависимости от уровня дохода и покупательной способности (см. табл. 8). Выявлено, что среди наименее обеспеченного (по уровню дохода) населения выше доля тех, для кого характерна высокая степень недоверия, нежели чем в высокодоходной группе (34 % против 23 % в 2020 г.). С точки зрения качественной характеристики материального положения самых недоверчивых людей больше среди тех, кто может купить только еду, а приобретение других товаров вызывает у них трудности (30 % в 2020 г.). Поскольку анализируемые переменные (самооценка покупательной способности и уровень доверия) принадлежат к номинальной шкале и имеют более двух категорий, то между их кодировками невозможно установить порядкового отношения и, следовательно, они не могут быть расположены в определенном, рационально объяснимом порядке. Наилучшим средством для анализа таких зависимостей считается тест хи-квадрат, а также при необходимости можно провести анализ наблюдаемых и ожидаемых частот, нормированных остатков. Расчеты критерия хи-квадрат за 2019—2021 гг. (см. табл. 8) подтвердили наличие связи между переменными «уровень доверия» и «самооценка покупательной способности».

Таблица 8. Динамика уровня недоверия в группах населения, выделенных по материальным аспектам жизни, % вариант ответа «В наше время никому нельзя доверять»

Материальное положение	Год								Изм. 2021 г. к 2010 г.
	2010	2013	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
<i>Доходные группы</i>									
20 % наименее обеспеченных	34,2	35,3	37,0	36,6	29,2	35,1	40,0	33,7	-0,5
60 % среднеобеспеченных	26,8	27,8	23,4	23,3	26,4	30,6	24,4	21,5	-5,3
20 % наиболее обеспеченных	18,0	20,4	17,2	15,9	19,9	19,3	16,7	22,5	4,5
<i>Покупательная способность*</i>									
Покупка различных товаров не вызывает трудностей	20,4	15,7	н.д.	15,7	24,7	27,3	20,7	15,0	-5,4
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов	19,3	22,1	н.д.	17,4	21,6	24,5	21,5	24,9	5,6
Денег хватает в лучшем случае на еду	39,2	46,5	н.д.	36,9	35,0	33,1	33,4	29,5	-9,7

Источник: Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области / ВолНЦ РАН.

* Критерий хи-квадрат:

2019 год — значение хи-квадрат равно 20,120 при уровне асимптотической значимости 0,000 и 0 % случаев с ожидаемой частотой менее 5.

2020 год — значение хи-квадрат равно 55,120 при уровне асимптотической значимости 0,000 и 0 % случаев с ожидаемой частотой менее 5.

2021 год — значение хи-квадрат равно 37,927 при уровне асимптотической значимости 0,000 и 0 % случаев с ожидаемой частотой менее 5.

Таким образом, наблюдаемая динамика общественного мнения позволяет говорить о том, что региональные данные коррелируют с общероссийскими в части сохранения глубины социального неравенства и отсутствия изменений в уровне доверия. Длительность подобных негативных явлений рискует привести к росту не только социальной, но и психологической дистанции между людьми, обострить отношения между полярными группами, снизить сплоченность российского общества, затруднить прохождение социально-ориентированных правительственных инициатив. В то же время следует понимать, что, во-первых, социальное неравенство — органичный атрибут любого государства, функционирующего в условиях рыночной экономики, во-вторых, изменение притязаний составляет часть человеческой природы, а в-третьих, «механическое» повышение среднедушевых доходов как мера по сокращению неравенства «с определенного момента начинает негативно влиять на качественные характеристики населения (например, его естественный прирост)» [Локосов, Рюмина, Ульянов, 2018: 33]. Поэтому можно предположить, что политика по сокращению неравенства, особенно построенная на денежных вливаниях в оплату труда бюджетной сферы и в адресную социальную поддержку, может не оказать желаемого воздействия на укрепление социального доверия в долгосрочной перспективе. В связи с этим необходимо стремиться к стимулированию общественного доверия и нивелированию негативных последствий неравенства и другими средствами.

Важность решения задачи повышения обобщенного доверия путем сокращения неравенства признается и обсуждается на высшем государственном уровне. Так, в марте 2020 г. состоялось заседание научно-методического семинара Аналитического управления Аппарата Совета Федерации в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации на тему «Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства». Участники семинара отметили, что основой роста доверия в стране являются рост экономического благосостояния населения, развитие предпринимательской активности и конкурентных условий ведения бизнеса, сокращение регуляторных и нормативно-правовых рисков. Важными инструментами повышения обобщенного доверия, вносящими вклад и в снижение неравенства, выступают также результативная социальная и экономическая политика, прозрачность деятельности органов власти, активное участие граждан в управлении на разных уровнях. Отдельно выделяются различные формы совместной деятельности людей и проявления гражданской активности. В данном контексте показательно, что в последние годы растет активность экспертных кругов и общественности в плане обсуждения законодательных инициатив (например, дискуссии по поправкам в Конституцию), повышается готовность населения к массовым гражданским акциям и их реализация, что может служить свидетельствами недоверия людей к некоторым законодательным нормам и решениям органов государственной власти⁴. Поэтому

⁴ Материалы научно-методического семинара Аналитического управления в рамках подготовки заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации на тему: Доверие как критический фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. 2020. URL: <http://council.gov.ru/media/files/ZuyffAndc55HCTkMIVsA5A1r22tq2ZQx.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).

важно создавать и развивать условия для законной деятельности объединений людей по решению волнующих их вопросов. Тем более что в российском обществе существует достаточное разнообразие форм совместной деятельности и практик гражданского общества — волонтерство, благотворительность, добровольные объединения, а также некоммерческие организации.

Заключение

Социальное неравенство было, есть и всегда будет неизбежным и необходимым явлением во всех обществах и на всех этапах исторического развития. Современная Россия не исключение. Исследование показало, что в нашей стране сохраняется избыточное неравенство (с 2003 г. коэффициент фондов не опускался ниже 15 раз, а индекс Джинни ниже 0,4). Остроту проблемы и глубину социального неравенства подтверждают общероссийские и региональные социологические данные, подробный анализ которых представлен в статье.

Приведенные расчеты и социологические исследования свидетельствуют, что социальное неравенство воздействует на показатели обобщенного доверия. Взаимосвязь переменных доверия и неравенства подтверждает анализ двумерных распределений и расчеты критерия хи-квадрат. Однако данная связь естественным образом опосредуется воздействием частных факторов личностного восприятия: информированностью, оценкой ситуации, психологическими и этическими установками, осознанием справедливости и др. Так, малообеспеченные граждане причиной бедности называют отсутствие возможности улучшить уровень жизни путем приложения собственных усилий, а высокодоходные группы имеют противоположное мнение, хотя в обществе, тем не менее, доминирует точка зрения, что «богатые становятся богаче, а бедные — беднее».

Но, несмотря на подобные индивидуальные «помехи», мы можем констатировать, что в целом категории неравенства и доверия образуют некий замкнутый круг с полюсами обратно пропорционального воздействия друг на друга. Практическая задача состоит в том, чтобы найти выход из этого круга безысходности. А это значит создать такие условия для достижения соотношения переменных доверия и неравенства, при которых определенный уровень неравенства в конкретной сфере уравнивается максимально возможным уровнем доверия в той же сфере. Назовем такой уровень неравенства *допустимым неравенством*. В каждом конкретном случае поиск параметров допустимого неравенства является актуальной задачей как для научных, так и для практических работников, аппарата государственного управления. В качестве примера можно напомнить, как решался вопрос допустимого неравенства в сфере заработной платы в Советском Союзе. Тогда использовался метод государственного регулирования путем утверждения отраслевых и профессиональных положений, квалификационных требований, тарифных коэффициентов, тарифных ставок, должностных окладов, премиальных систем, районных коэффициентов и т. п. В условиях рыночной экономики господствует правило частного регулирования, которое при отсутствии необходимой соизмеримости воспринимается как посягательство на социальную справедливость, что влечет за собой снижение доверия к действиям конкретного регулирующего субъекта и государства в целом.

В сохранении социальной стабильности в обществе заинтересованы субъекты общественного сектора, частного бизнеса и государственные структуры. И, по нашему мнению, решение проблемы соотношения социального неравенства и общественного доверия видится в разработке научно обоснованных предложений, воспринимаемых большинством населения как социально справедливые. Выработка таких предложений — перспективное направление для дальнейшего развития настоящего исследования.

Список литературы (References)

Авдеева Д. А. Доверие в России и его связь с уровнем экономического развития // *Общественные науки и современность*. 2019. № 3. С. 79—93. <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>.

Avdeeva D. (2019) Trust in Russia and Its Connection With the Level of Economic Development. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 79—93 <https://doi.org/10.31857/S086904990005087-7>. (In Russ.)

Александрова О. А., Ярашева А. В. Усиление селективности социальной политики и перспективы снижения бедности // *Народонаселение*. 2018. № 1. С. 4—22.

Alexandrova O. A., Yarasheva A. V. (2018) Strengthening the Selectivity of Social Policy and Poverty Reduction Prospects. *Population*. No. 1. P. 4—22. (In Russ.)

Анисимова Г. В. Обострение социально-экономического неравенства в России // *Общество и экономика*. 2020. № 9. С. 125—134. <https://doi.org/10.31857/S020736760011355-9>

Anisimova G. V. (2020) The Aggravation of Socio-Economic Inequality in Russia. *Society and Economy*. No. 9. P. 125—134. <https://doi.org/10.31857/S020736760011355-9>. (In Russ.)

Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О. Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994—2017 гг. // *Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)*. 2019. Вып. 9. С. 7—107.

Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O. (2019) Socio-Economic Behavior of Russian Households in 1994—2017. *The Bulletin of the Russia Longitudinal Monitoring Survey National Research University Higher School of Economics (RLMS-HSE)*. No. 9. P. 7—107. (In Russ.)

Глазьев С. Ю., Локосов В. В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2012. № 4. С. 22—41.

Glazyev S. Y., Lokosov V. V. (2012) Assessment of the Critical Threshold Values of the Indicators of the State of Russian Society and Their Use in the Socio-Economic

Development Management. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4. P. 22—41. (In Russ.)

Гужавина Т. А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 252—268. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.16>.
Guzhavina T. A. (2018) Social Capital of the Urban Community: Trust, Solidarity, Responsibility. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 4. P. 252—268. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.4.58.16>. (In Russ.)

Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002.

Darendorf R. (2002) *The Modern Social Conflict. Essay on Politics of Liberty*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Ильин В. А. «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 9—23. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.1>.
Ilyin V. A. (2017) “Crony Capitalism” — a Source of Social Inequality in Modern Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 10. No. 6. P. 9—23. <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.1>. (In Russ.)

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.

Inglehart R., Welzel K. (2011) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Kozyreva P. M. (2011) *Trust and Its Resources in Modern Russia*. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. Доверие в нестабильном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 134—147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019) Trust in Unstable Russian Society. *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 134—147. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.10>. (In Russ.)

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121—139.

Coleman J. (2001) Social and Human Capital. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 121—139. (In Russ.)

Лапин Н. И., Ильин В. А., Морев М. В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. Т. 46. № 1. С. 4—17. <https://doi.org/10.31857/S013216250008378-8>.

Lapin N. I., Ilyin V. A., Morev M. V. (2020) Extremal Inequalities and the Social State (part 1). *Sociological Studies*. Vol. 46. No. 1. P. 4—17. <https://doi.org/10.31857/S013216250008378-8>. (In Russ.)

Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Качество населения и региональная экономика: прямые и обратные связи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 32—42. <https://doi.org/10.15838/esc/2018.1.55.2>.

Lokosov V. V., Ryumina E. V., Ul'yanov V. V. (2018) Population Quality and Regional Economy: Direct and Indirect Correlation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 1. P. 32—42. <https://doi.org/10.15838/esc/2018.1.55.2>. (In Russ.)

Мареева С. В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. № 26. С. 101—120. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>.

Mareeva S. V. (2018) Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population. *Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 9. No. 3. P. 101—120. <https://doi.org/10.19181/vis.2018.26.3.527>. (In Russ.)

Ромашкина Г. Ф., Давыденко В. А., Ушакова Ю. В. Обобщенное доверие: концептуализация и измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. Т. 11. № 4. С. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>.

Romashkina G. F., Davydenko V. A., Ushakova J. V. (2019). Generalized Trust: Conceptualization and Measurement. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 11. No. 4. P. 464—486. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2018.406>. (In Russ.)

Рукавишников В. О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17—25.

Rukavishnikov V. O. (2008) Interpersonal Trust: Measuring, and Cross-Country Comparisons. *Sociological Studies*. No. 2. P. 17—25. (In Russ.)

Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.

Seligmen A. (2002) The Problem of Trust. Moscow: Ideya-Press Publishing House. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5—18. <https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9>.

Tikhonova N. E. (2019) Social Policy in Modern Russia: New Systemic Challenges. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 2. P. 5—18. <https://doi.org/10.31857/S086904990004334-9>. (In Russ.)

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: Издательство АСТ, 2004.

Fukuyama F. (2004) Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)

Черныш М. Ф. Концептуальные основы социальной политики: достоинство, справедливость, равенство // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 1. С. 8—30. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7051>.

Chernysh M. F. (2020) Conceptual Foundation of Social Policy: Dignity, Justice, Equality. *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 1. P. 8—30. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7051>. (In Russ.)

Шабунова А. А., Гужавина Т. А., Кожина Т. П. Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2. С. 7—19.

Shabunova A. A., Guzhavina T. A., Kozhina T. P. (2015) Trust and Social Development in Russia. *Problems of Territory's Development*. No. 2. P. 7—19. (In Russ.)

Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35>.

Shkaratan O. I. (2018) Socio-economic Inequality in the Modern World and the Forming of New Kinds of Social Stratification in Russia. *Mir Rossii*. Vol. 27. No. 2. P. 6—35. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-2-6-35>. (In Russ.)

Alesina A., La Ferrara E. (2002) Who Trusts Others? *Journal of Public Economics*. 2002. Vol. 85. No. 2. P. 207—234. [http://doi.org/10.1016/S0047-2727\(01\)00084-6](http://doi.org/10.1016/S0047-2727(01)00084-6).

Algan Y., Cahuc P. (2014) Trust, Growth, and Well-Being: New Evidence and Policy Implications. *Handbook of Economic Growth*. Vol. 2. P. 49—120. <http://doi.org/10.1016/B978-0-444-53538-2.00002-2>.

Barone G., Mocetti S. (2016) Inequality and Trust: New Evidence From Panel Data. *Economic Inquiry*. Vol. 54. No. 2. P. 794—809. <http://doi.org/10.1111/ecin.12309>.

Beugelsdijk S., de Groot H., van Schaik A. (2004) Trust and Economic Growth: A Robustness Analysis. *Oxford Economic Papers*. Vol. 56. No. 1. P. 118—134. <https://doi.org/10.1093/oep/56.1.118>.

Cozzolino P. J. (2011) Trust, Cooperation, and Equality: A Psychological Analysis of the Formation of Social Capital. *British Journal of Social Psychology*. Vol. 50. No. 2. P. 302—320. <https://doi.org/10.1348/014466610X519610>.

Delhey J., Newton K., Welzel C. (2011) How General is Trust in Most People? Solving the Radius of Trust Problem. *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 5. P. 786—807. <https://doi.org/10.1177/0003122411420817>.

Esping-Andersen G., Nedoluzhko L. (2017) Inequality Equilibria and Individual Well-being. *Social Science Research*. Vol. 62. P. 24—28. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2016.12.010>.

Fabian S. (2017) Who are Your Joneses? Socio-Specific Income Inequality and Trust. *Social Indicators Research*. Vol. 134. No. 3. P. 877—898. <https://doi.org/10.1007/s11205-016-1460-9>.

Fairbrother M. (2013) Two Multilevel Modeling Techniques for Analyzing Comparative Longitudinal Survey Datasets. *Political Science Research and Methods*. Vol. 2. No. 1. P. 119—140. <https://doi.org/10.1017/psrm.2013.24>.

Fairbrother M., Martin I. W. (2013) Does Inequality Erode Social Trust? Results From Multilevel Models of US States and Counties. *Social Science Research*. Vol. 42. No. 2. P. 347—360. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.09.008>.

Fukuyama F. *Trust: Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: Simon and Schuster, 1995.

Gaertner S. L., Dovidio J. F., Houlette M. A. (2010) Social Categorization. In: Dovidio J. F. Hewstone M., Glick P., Esses V. M. (eds.) *The SAGE Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination*. London: Sage Publications Limited. P. 526—543.

Gould E. D., Hijzen F. (2016) Growing Apart, Losing Trust? The Impact of Inequality on Social Capital. IMF Working Paper WP/16/176. International Monetary Fund.

Guiso L., Sapienza P., Zingales L. (2011) Civic Capital as The Missing Link. *Handbook of Social Economics*. Vol. 1. P. 417—480. <http://doi.org/10.1016/B978-0-444-53187-2.00010-3>.

Gustavsson M., Jordahl H. (2008) Inequality and Trust in Sweden: Some Inequalities Are More Harmful Than Others. *Journal of Public Economics*. Vol. 92. No. 1—2. P. 348—365. <http://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2007.06.010>.

Hastings O. P. (2018) Less Equal, Less Trusting? Longitudinal and Cross-Sectional Effects of Income Inequality on Trust in U. S. States, 1973—2012. *Social Science Research*. Vol. 74. P. 77—95. <http://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2018.04.005>.

Hosking G. (2010) *Trust: Money, Markets, and Society*. London: Seagull Books.

Hu A. (2017) On the Relationship Between Subjective Inequality and Generalized Trust. *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 49. P. 11—19. <http://doi.org/10.1016/j.rssm.2017.03.003>.

Janmaat J. G. (2013) Subjective Inequality: A Review of International Comparative Studies on People's Views About Inequality. *European Journal of Sociology*. Vol. 54. No. 3. P. 357—389. <http://doi.org/10.1017/S0003975613000209>.

Leigh A. (2006a) Does Equality Lead to Fraternity? *Economics Letters*. Vol. 93. No. 1. P. 121—125. <http://doi.org/10.1016/j.econlet.2006.04.003>.

Leigh A. (2006b) Trust, Inequality and Ethnic Heterogeneity. *Economic Record*. Vol. 82. No. 258. P. 268—280. <http://doi.org/10.1111/j.1475-4932.2006.00339.x>.

Nishi A., Shirado H., Rand D. G., Christakis N. A. (2015) Inequality and Visibility of Wealth in Experimental Social Networks. *Nature*. Vol. 526. No. 7573. P. 426—429. <http://doi.org/10.1038/nature15392>.

Putnam R. D. (2015) *Our Kids: The American Dream in Crisis*. New York, NY: Simon & Schuster.

Rothstein B., Stolle D. (2008) The State and Social Capital: An Institutional Theory of Generalized Trust. *Comparative Politics*. Vol. 40. No. 4. P. 441—459. <https://doi.org/10.5129/001041508X12911362383354>.

- Rotter J. B. (1967) A New Scale for the Measurement of Interpersonal Trust. *Journal of Personality*. Vol. 35. No. 4. P. 651—665. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1967.tb01454.x>.
- Tumin M. M. (1953) Some Principles of Stratification: A Critical Analysis. *American Sociological Review*. Vol. 18. No. 4. P. 387—394.
- Uslaner E. M. (2008) Where You Stand Depends on Where Your Grandparents Sat: The Inheritability of Generalized Trust. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 72. No. 4. P. 725—740. <https://doi.org/10.1093/poq/nfn058>.
- Uslaner E. M., Brown M. (2005) Inequality, Trust, and Civic Engagement. *American Politics Research*. Vol. 33. No. 6. P. 868—894. <https://doi.org/10.1177/1532673X04271903>.
- Whyte M. (2010) *Myth of the Social Volcano: Perceptions of Inequality and Distributive Injustice in Contemporary China*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Wilkinson R. G., Pickett K. E. (2009) Income Inequality and Social Dysfunction. *Annual Review of Sociology*. Vol. 35. No. 1. P. 493—511. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115926>.
- Yamagishi T. (2011) *Trust: The Evolutionary Game of Mind and Society*. Springer.
- Zak P. J., Knack S. (2001) Trust and Growth. *Economic Journal*. Vol. 111. No. 470. P. 291—321. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00609>.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль — август 2021 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 212—231.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): July — August 2021. (2021) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 212–231.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ИЮЛЬ — АВГУСТ 2021

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

РОССИЙСКИЙ КРЫМ: СЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ.....	213
ПОВЕСТКА 2021: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ НА ПАРТИЙНУЮ ПРОГРАММУ	215
СМЕНА ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ	216

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОТ БРАКА ДО РАЗВОДА: 1990—2021	218
ЗАРПЛАТА В «КОНВЕРТЕ»: ИСЧЕЗАЮЩАЯ НАТУРА?	220
ОДИНОЧЕСТВО И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ	222

ОБРАЗ ЖИЗНИ

БРАК, СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ, БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ: В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ	225
БОДИПОЗИТИВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВНЕШНОСТЬ	227
ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ: ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?	229

ПОЛИТИКА

РОССИЙСКИЙ КРЫМ: СЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ.....	213
ПОВЕСТКА 2021: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ НА ПАРТИЙНУЮ ПРОГРАММУ	215
СМЕНА ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ	216

РОССИЙСКИЙ КРЫМ: СЕМЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОССОЕДИНЕНИЯ

11—12 августа 2021 г.

Спустя семь лет после воссоединения Крыма с Россией жителей полуострова спросили, как бы они сейчас ответили на вопросы референдума о судьбе полуострова. Подавляющее большинство респондентов (88 %) поддержали бы присоединение Крыма к Российской Федерации, 5 % проголосовали бы за статус Автономной Республики Крым в составе Украины, а 7 % затруднились ответить. Воссоединение Крыма с Россией положительно оценивают 93 % крымчан, отрицательно к этому событию относится лишь 4 % опрошенных. Сравнивая положение дел в Крыму в годы его нахождения в составе Украины и России, абсолютное большинство жителей полуострова (89 %) полагают, что более успешно Крым начал развиваться сейчас, став частью Российской Федерации. Большинство крымчан (70 %) отметили, что воссоединение Крыма с Россией положительно сказалось на их жизни и жизни их семей. Положением дел в Республике Крым довольны три четверти ее жителей (75 %), пятая часть респондентов (21 %) — недовольны.

Рис. 1. Как Вы в целом оцениваете воссоединение Крыма с Российской Федерацией: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

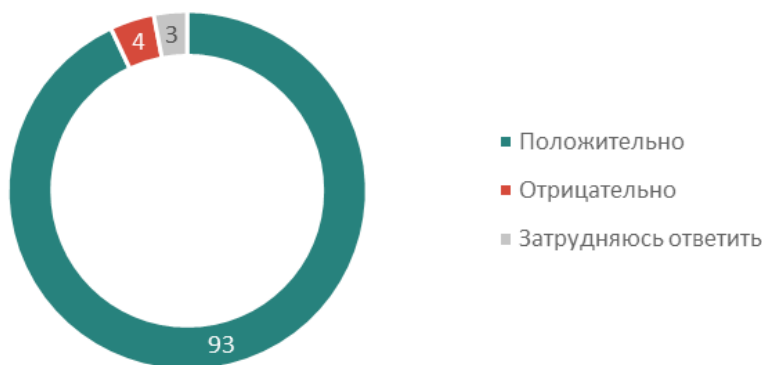
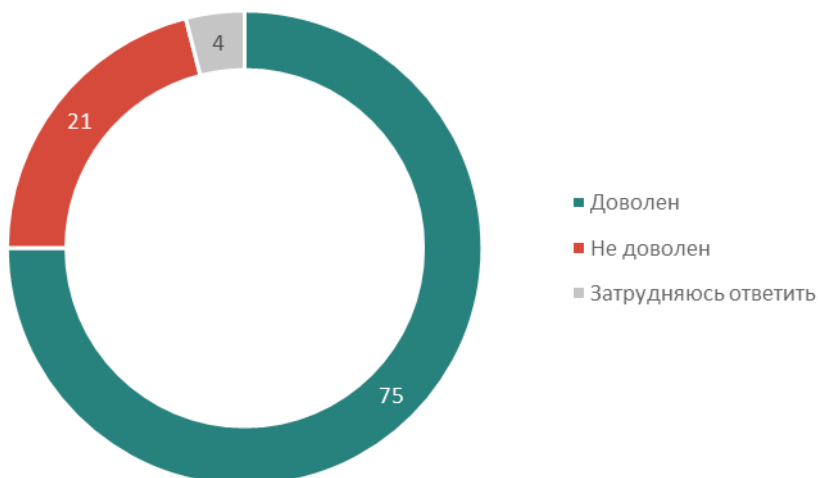

Рис. 2. Воссоединение Крыма с Россией сказалось или не сказалось на Вашей жизни, жизни Вашей семьи, и если сказалось, то как: положительно или отрицательно? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

Рис. 3. Если говорить про Республику Крым в целом, Вы довольны или не довольны положением дел в Республике? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ПОВЕСТКА 2021: ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАКАЗ НА ПАРТИЙНУЮ ПРОГРАММУ

25 августа 2021 г.

Большинство россиян (70%) в той или иной степени знакомятся с содержанием программ, с которыми партии идут на выборы. При этом только 13% респондентов внимательно их изучают, а 57% имеют лишь общее представление об их содержании. Не читают и не изучают программы партий 29% наших соотечественников. По мнению россиян, наиболее важные темы, которые должны быть отражены в программах политических партий, — здравоохранение (59%), положение пенсионеров (53%), образование (45%), а также оплата труда работающих (40%) и поддержка семьи и материнства (37%).

Рис. 4. А Вам в целом интересно или не интересно, с какой программой идут партии на выборы, какие требования они выдвигают? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

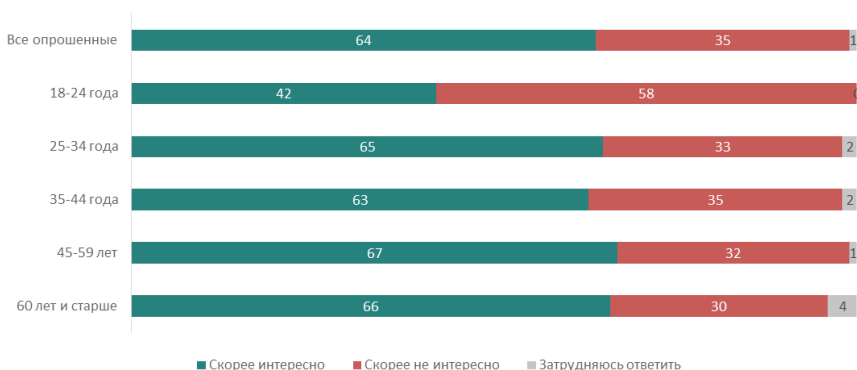

Рис. 5. По Вашему мнению, какие из этих тем являются наиболее важными, должны быть отражены в программах политических партий? (закрытый вопрос, до 5 ответов, приведен топ-10 ответов, в %)

СМЕНА ВЛАСТИ В АФГАНИСТАНЕ И ПОЗИЦИЯ РОССИИ

19 августа 2021 г.

Россиян попросили коротко охарактеризовать запрещенное в нашей стране террористическое движение «Талибан»: 24 % считают его террористической организацией, 15 % полагают, что движение исповедует религиозный радикализм, 8 % называют талибов бандитами и преступниками, 6 % напомнили, что в России эта организация запрещена. Подавляющее большинство респондентов (83 %) знают, что боевики «Талибана» недавно захватили власть в Афганистане и объявили о планах по воссозданию Исламского Эмирата Афганистан. Следят за новостями о конфликте в Афганистане две трети наших соотечественников (66%), при этом 19 % следят за событиями внимательно (31 % среди граждан в возрасте 60 лет и старше), а 47 % — время от времени (51 %—55 % среди россиян старшего поколения). Более половины россиян (60 %) полагают, что нашей стране не следует поддерживать ни свергнутое правительство Афганистана, ни новое правительство во главе с талибами. При этом 12 % респондентов считают, что нужно поддерживать свергнутое правительство, а 4 % — что Россия должна поддержать новое правительство Афганистана во главе с талибами.

Рис. 6. В последнее время в СМИ появились сообщения о талибах и движении «Талибан»¹. Как бы Вы охарактеризовали в двух-трех словах, кто такие талибы, что собой представляет движение «Талибан»? (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 2 %)

¹ Запрещенное в России террористическое движение.

Рис. 7 Как Вы считаете, какую позицию должна сейчас занимать Россия: поддерживать свергнутое Правительство Афганистана, поддерживать новое Правительство Афганистана во главе с талибами или не поддерживать ни ту, ни другую сторону? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОТ БРАКА ДО РАЗВОДА: 1990—2021	218
ЗАРПЛАТА В «КОНВЕРТЕ»: ИСЧЕЗАЮЩАЯ НАТУРА?	220
ОДИНОЧЕСТВО И КАК С НИМ БОРЬТЬСЯ	222

ОТ БРАКА ДО РАЗВОДА: 1990—2021

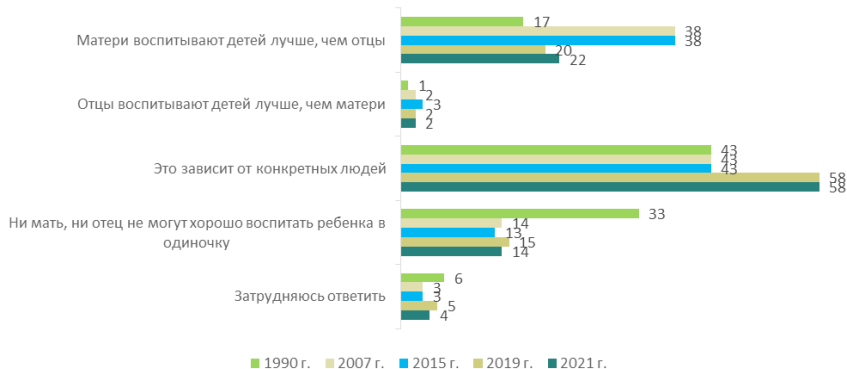
3 июля 2021 г.

Среди наиболее распространенных причин для развода россияне назвали бедность (33%), взаимное непонимание (15%), неверность одного из партнеров (14%), бытовые проблемы (10%), а также несовместимость характеров и пьянство (по 8%). Более половины респондентов (57%) считают, что принятие решения о разводе зависит от конкретного случая (48% в 2013 г., 36% в 1990 г.). Примерно четвертая часть наших соотечественников (27%) уверены, что разводиться можно только тогда, когда семья уже фактически распалась (39% в 1990 г.), 9% убеждены, что брак следует сохранить любой ценой (13% в 1990 г.), 5% полагают, что разводиться можно в любом случае и хуже от этого не будет (11% в 2013 г., 5% в 1990 г.). По мнению 39% россиян (28% в 2015 г., 29% в 1990 г.), непреодолимых препятствий для развода не бывает, это можно сделать всегда. При этом 31% опрошенных считают, что разводу может помешать невозможность «поделить» детей между родителями (32% в 2015 г., 25% в 1990 г.), 21% полагают, что этому может помешать материальная зависимость супругов друг от друга (26% в 2015 г., 7% в 1990 г.), 16% убеждены, что разводу могут помешать сложности с разделом жилья и другого имущества (26% в 2015 г., 10% в 1990 г.), а 15% сослались на этнические и религиозные обычаи (18% в 2015 г., 8% в 1990 г.). Более половины наших соотечественников (58%) убеждены, что вопрос о том, кому лучше оставлять детей после развода, зависит от конкретных людей, 22% считают, что матери воспитывают детей лучше, чем отцы, 14% ответили, что ни мать, ни отец не могут хорошо воспитать ребенка в одиночку, только 2% полагают, что отцы справляются с этой задачей лучше матерей. Тридцать лет назад мнение о том, что один родитель не может хорошо воспитать ребенка, разделяли треть опрошенных (33% в 1990 г.).

Рис. 1. Что, по Вашему мнению, чаще всего вынуждает людей к разводам? (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 3 %)

Рис. 2. Как Вы считаете, кому лучше оставлять детей после развода: матери или отцу? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ЗАРПЛАТА В «КОНВЕРТЕ»: ИСЧЕЗАЮЩАЯ НАТУРА?

5 августа 2021 г.

С пониманием относятся к тому, что некоторые работодатели выплачивают своим сотрудникам зарплату неофициально, «в конвертах», 45 % россиян (58 %—59 % среди молодежи, 53 % среди работающих граждан), и столько же наших соотечественников — 46 % — этого не приемлют (64 % среди граждан в возрасте 60 лет и старше). Подавляющее большинство респондентов (86 %) сообщили, что получают всю зарплату официально, 6 % ответили, что свою зарплату полностью получают «в конверте» (13 % среди сотрудников некоммерческих организаций, 12 % среди 18—24-летних, 8 % среди граждан в возрасте 60 лет и старше), а 5 % получают часть зарплаты официально, а часть — неофициально. Большинство наших соотечественников (65 %) утверждают, что не имеют опыта получения зарплаты «в конверте», однако с третью респондентов (34 %) такое случалось (43 %—49 % среди молодежи, 44 % среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга). По мнению россиян, чаще всего платят зарплату неофициально в сфере строительства и торговли (по 16 %), разнорабочим (14 %), работникам малого бизнеса (9 %) и трудящимся в сфере услуг (8 %). Респонденты полагают, что ответственность за то, что в нашей стране некоторые работники получают зарплату «в конвертах», в первую очередь лежит на государстве (32 %), работодателях (25 %) и налоговой системе (14 %).

Рис. 3. Некоторые работодатели выплачивают своим работникам зарплату неофициально, «в конвертах». Как Вы в целом относитесь к тому, что некоторые работодатели выплачивают своим работникам зарплату неофициально, «в конвертах»? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

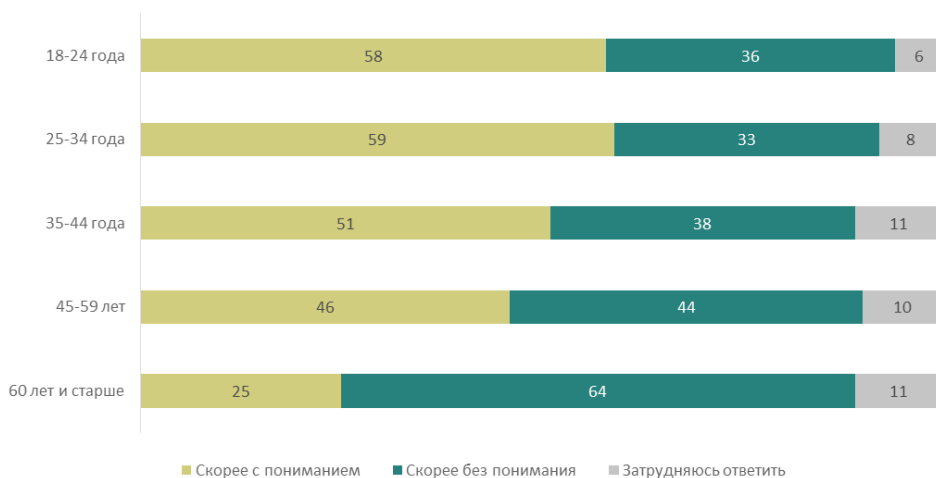

Рис. 4. А Вы лично получаете всю зарплату по официальной ведомости, или же Вам приходится получать всю зарплату или ее часть неофициально, «в конверте»? (в % от работающих — 56%)

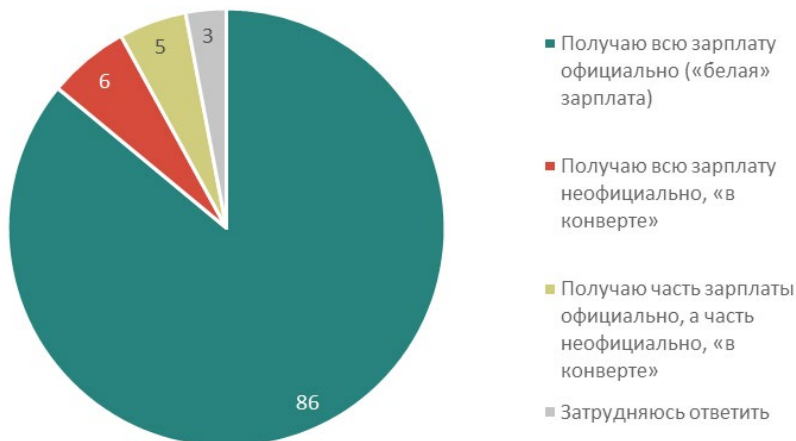

Рис. 5. На Ваш взгляд, людям каких профессий чаще всего платят зарплату неофициально, «в конвертах»? (в % от опрошенных, открытый вопрос, не более пяти ответов)

ОДИНОЧЕСТВО И КАК С НИМ БОРЬТЬСЯ

11 августа 2021 г.

За последние полгода 23% россиян ощущали себя одинокими, при этом 19% испытывают это чувство время от времени (37% среди 18—24-летних), а 4% — постоянно (7% среди людей 60 лет и старше), 76% не ощущали себя одинокими за последние полгода. По мнению наших соотечественников, чаще всего чувство одиночества возникает из-за нехватки общения (13%), из-за особенностей характера человека (11%), отсутствия друзей / близких людей (10%) или хобби (8%), а также из-за экономических проблем (7%). Те, кто за последние полгода испытывал чувство одиночества, считают основными причинами этого проблемы в семье и личной жизни, недостаток общения (по 11%), одинокое проживание (9%), отсутствие друзей и единомышленников, а также потерю близких (по 7%). Чтобы не испытывать одиночества, респонденты обычно общаются с друзьями и родными (62%), смотрят фильмы, читают книги и играют в компьютерные игры (35%), занимаются хобби и увлечениями (30%), погружаются с головой в работу (28%), а также занимаются спортом (19%). Две трети россиян (66%) считают, что среди их близких, друзей и коллег скорее много людей, разделяющих их взгляды на события в нашем обществе и государстве, 23% полагают, что таких скорее мало. За последние год-два 35% наших соотечественников стали меньше общаться «вживую» с друзьями и близкими, 13% стали общаться больше, а 52% сохранили общение на том же уровне.

Рис. 6. В разный период жизни все так или иначе могут чувствовать себя одиноко. Скажите, за последние полгода-год у Вас возникало или не возникало чувство одиночества, ощущение, что нет никого, с кем можно было бы поговорить или провести время? Если да, то как часто Вы испытывали это чувство? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

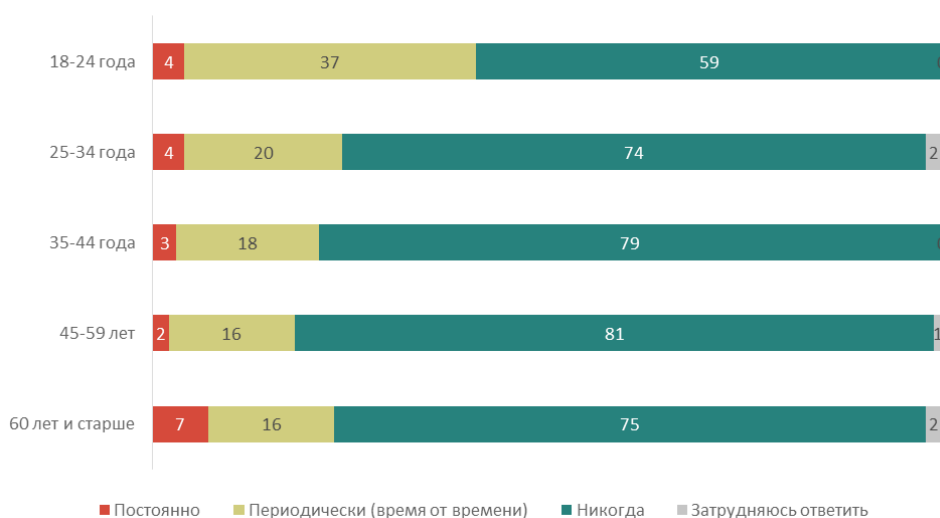

Рис. 7. Как Вы думаете, из-за чего люди время от времени ощущают себя одиноко? Вы можете дать несколько ответов (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 3 %)

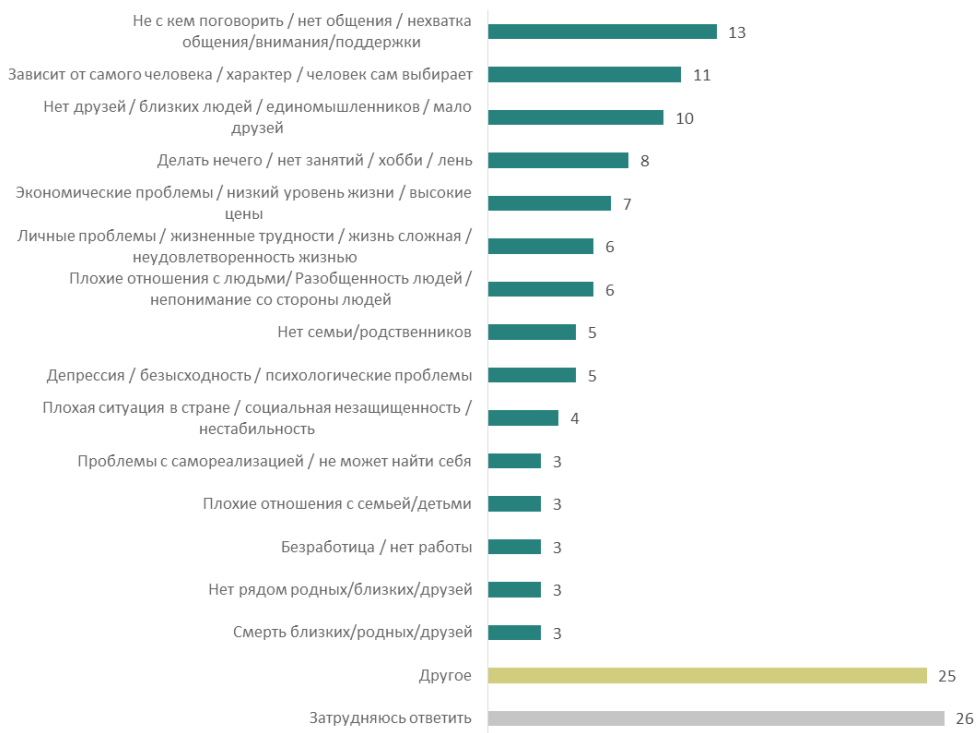

Рис. 8. Скажите, в последние год-два Вы стали больше или меньше «живую» общаться с друзьями, близкими? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

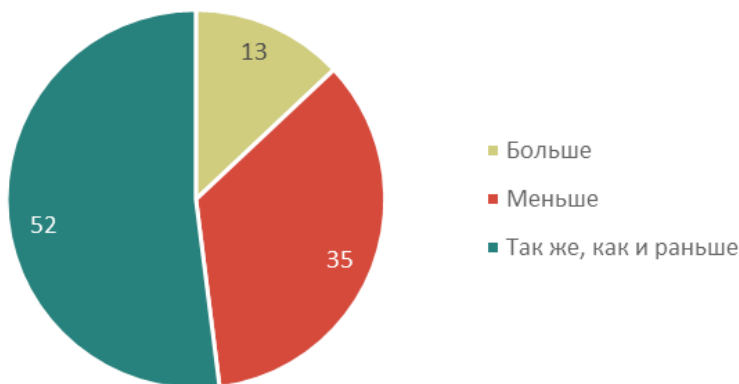
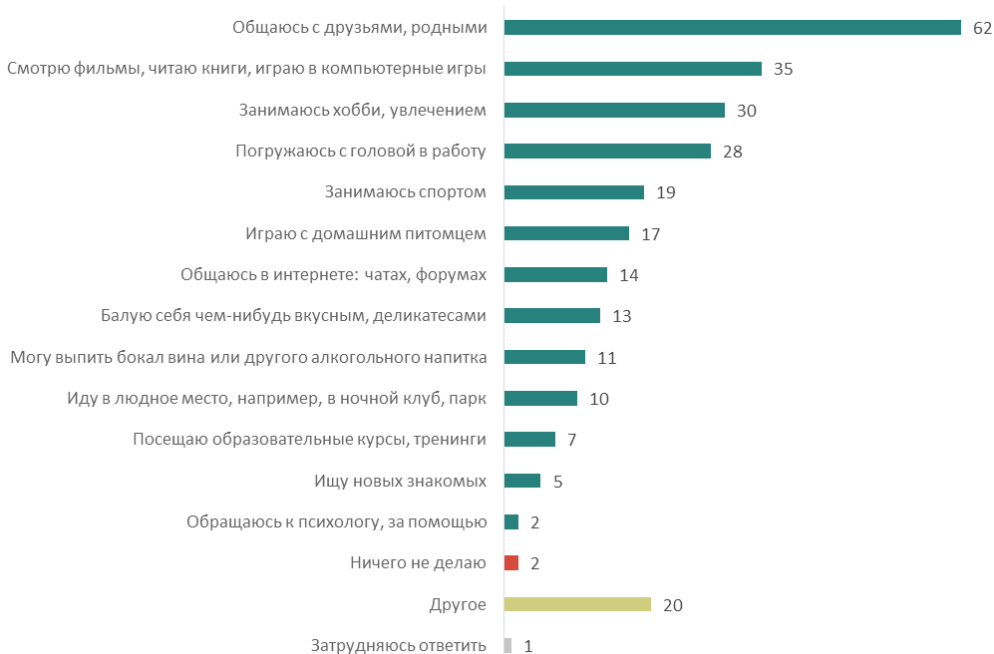

Рис. 9. Скажите, что Вы обычно делаете, чтобы не чувствовать себя одиноким? Вы можете выбрать несколько ответов (закрытый вопрос, любое число ответов, в % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

БРАК, СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ, БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ: В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ	225
БОДИПОЗИТИВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВНЕШНОСТЬ	227
ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ: ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?	229

**БРАК, СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ, БРАЧНЫЙ ВОЗРАСТ:
В ПОИСКАХ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ**

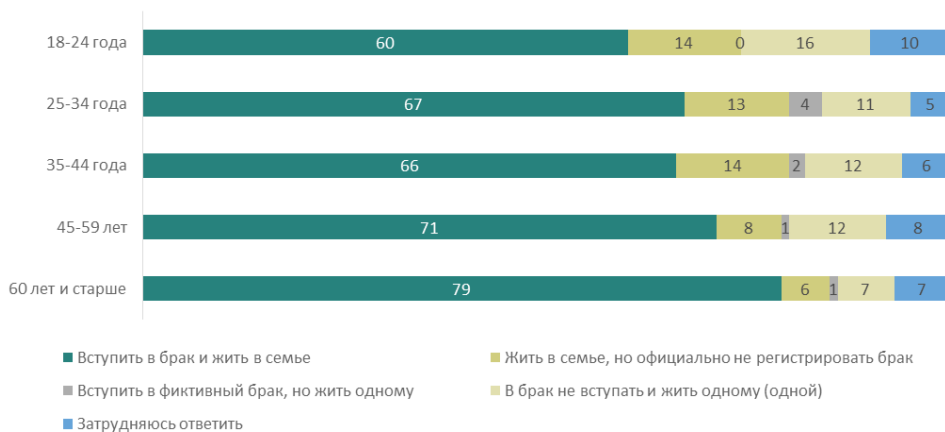
3 июля 2021 г.

Подавляющее большинство россиян (81 %) знают, что восьмого июля в России и некоторых других странах отмечается День семьи, любви и верности, приуроченный к православному дню памяти князя Петра и его жены Февронии, не знает о празднике каждый пятый (19 %). Две трети наших соотечественников (65 %) считают важным, чтобы в нашей стране официально отмечался День семьи, любви и верности, треть россиян (32 %) не считают это важным. По мнению большинства респондентов (71 %), в наши дни предпочтительнее вступить в брак и жить в семье. Однако 10 % опрошенных полагают, что следует жить в семье, но не регистрировать брак официально (13—14 % среди молодежи), 11 % считают, что лучше жить одному и в брак не вступать, а 2 % ответили, что предпочтительнее вступить в фиктивный брак, но жить одному. За четыре года несколько снизилась доля россиян, называющих предпочтительным вступление в брак и жизнь в семье (78 % в 2017 г. и 71 % в 2021 г.). В то же время выросла доля тех, кто предпочитает жить один, не вступая в брак (5 % в 2017 г. и 11 % в 2021 г.). Одиночество выбирает каждый пятый среди разведенных (20 %) и холостых россиян (19 %). В среднем наши соотечественники считают, что мужчине лучше всего жениться в 28 лет, а женщине выходить замуж — в 24 года. За последние четыре года среднее значение сдвинулось на год (в 2017 г. оно составляло 27 лет для мужчин и 23 года для женщин).

Рис. 1. Для Вас лично важно или не важно, чтобы в нашей стране официально отмечался День семьи, любви и верности? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Рис. 2. Как Вы считаете, что из перечисленного предпочтительнее в наши дни? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

БОДИПОЗИТИВ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ВНЕШНОСТЬ

9 июля 2021 г.

Более половины россиян (59%) никогда не слышали о таком явлении, как бодипозитив. Среди тех, кто знает о нем, 12% полагают, что оно выступает за принятие собственного тела со всеми его недостатками (23%—29% среди молодежи), 5% считают, что бодипозитив выступает за здоровое тело и ЗОЖ, 3% ответили, что оно против дискриминации по внешности, а 8% сказали, что слово им знакомо, но не смогли уточнить его значение. Более половины наших сограждан (61%, 77%—83% среди молодежи и 67% женщин) скорее согласны с тем, что бодипозитив избавляет людей от комплексов, связанных с особенностями внешности, 15% полагают, что он такие комплексы формирует. Две трети опрошенных (69%, 75%—79% среди молодежи, 75% женщин) считают, что бодипозитив воспитывает терпимое отношение общества к физическим особенностям людей, 11% убеждены, что он усиливает негативное отношение к людям с физическими особенностями (15%—16% среди молодежи). Почти половина россиян (49%) считают, что бодипозитив способствует соблюдению здорового образа жизни. Четверть опрошенных (25%) полагают, что он позволяет игнорировать здоровый образ жизни (47% среди 18—24-летних, по 35% среди граждан 25—34 лет и 35—44 лет).

Рис. 3. В последнее время в СМИ, интернете, на обложках популярных журналов или в рекламе можно увидеть фотографии моделей с особенностями внешности или тела, отличающимися от общепринятых стандартов красоты, например, с сильной пигментацией кожи, с избыточным весом и тому подобное. Как Вы к этому относитесь? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

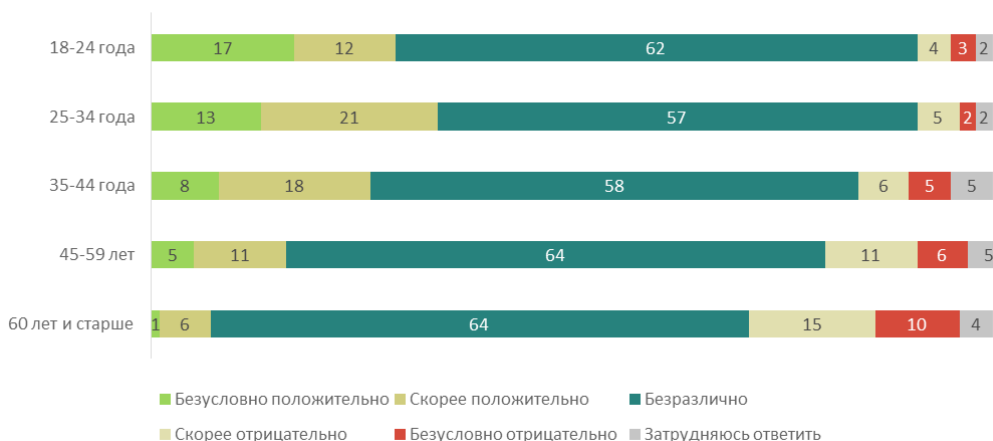

Рис. 4. Вы знаете, слышали или сейчас впервые слышите о таком общественном движении, как бодипозитив? Если слышали, то, по Вашему мнению, за что оно выступает? (открытый вопрос, до трех ответов, в % от всех опрошенных, представлены ответы, набравшие от 1%)

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ: ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

11 июля 2021 г.

Половина россиян (50 %) живут в месте своего проживания с самого рождения, а другая половина (49 %) переехали в него в какой-то момент своей жизни (59 % граждан в возрасте 60 лет и старше, 57 % жителей городов с населением 500—950 тыс.). В качестве основных причин для переезда сменившие город проживания респонденты называли семейные обстоятельства (ближе к родным/детям или переезд семьи, 25 %), работу (трудовая мобильность, 19 % vs 25 % в 2019 г.) и учебу (11 %). Большинство наших соотечественников (72 %) не хотели бы переезжать в другой населенный пункт страны на постоянное место жительства, тем не менее каждый четвертый (25 %) скорее хотел бы. Чаще других хотели бы переехать молодые люди (32 %—44 %) и жители городов с населением от 500 до 950 тыс. (36 %) и от 100 до 500 тыс. (33 %). Самые популярные российские города, куда хотели бы переехать респонденты, — это Москва (24 %), Санкт-Петербург и Краснодар (по 12 %). При этом в 2019 г. в Санкт-Петербург хотели переехать 15 % опрошенных, в Москву — 8 %, а в Краснодар — 6 %. Те, кто хотел бы переехать, в качестве причин указали более высокий уровень жизни (17 %, 15 % в 2019 г.), возможности найти работу (16 %, 18 % в 2019 г.), более хороший климат (15 %, 12 % в 2019 г.), а также возможность быть ближе к родственникам (9 %, 10 % в 2019 г.) и экологию (7 %, 13 % в 2019 г.). В свою очередь те, кто не хотел бы переезжать в другой город или населенный пункт России, чаще всего объясняли это тем, что их все устраивает (35 %, 27 % в 2019 г.), здесь живут их родные и друзья (17 %, 18 % в 2019 г.), здесь родные места (11 %, 13 % в 2019 г.), не позволяет возраст (10 % в 2021 и 2019 гг.) и тем, что они привыкли к месту (по 8 % в 2021 и 2019 гг.).

Рис. 5. Скажите, пожалуйста, хотели бы Вы переехать в другой населенный пункт России на постоянное место жительства или нет? (закрытый вопрос, один ответ, %)

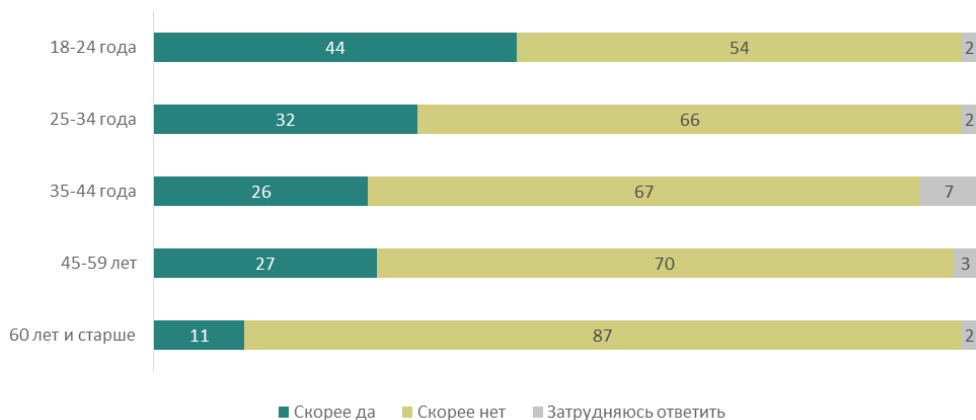

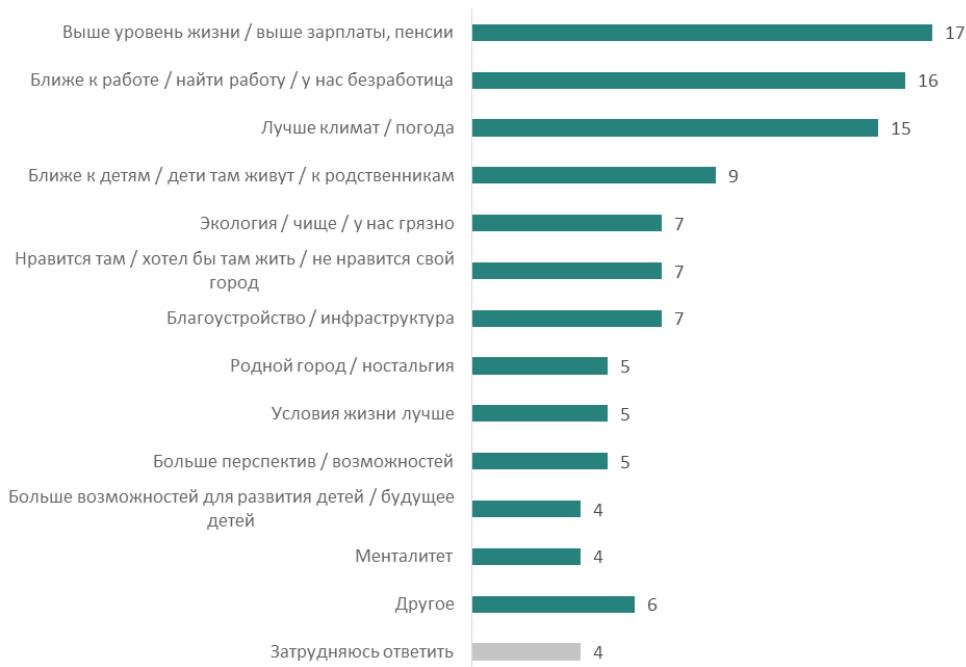
Рис. 6. Скажите, пожалуйста, Вы хотели бы переехать в город или загородную местность? (закрытый вопрос, один ответ, % от тех, кто декларирует желание переехать)

Рис. 7. Уточните, пожалуйста, в какой город / населенный пункт за городом Вы хотели бы переехать на постоянное место жительства? (открытый вопрос, один ответ, в % от тех, кто декларирует желание переехать, представлены ответы, набравшие от 2%)

Рис. 8. По каким причинам Вы хотели бы переехать в другой город / населенный пункт России? (открытый вопрос, до пяти ответов, % тех, кто декларирует желание переехать, представлены ответы, названные не менее чем 4% респондентов)

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1918](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1918)

Е. В. Тыканова, К. А. Тенишева

ВОСПРИЯТИЕ БЕСПОРЯДКА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В НОВЫХ ЖИЛЫХ МАССИВАХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Тыканова Е. В., Тенишева К. А. Восприятие беспорядка и социальный контроль в новых жилых массивах: опыт социологического исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 232—257. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1918>.

For citation:

Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2021) Perception of Disorder and Social Control in the New Condominiums: Results of a Sociological Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 232–257. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1918>. (In Russ.)

ВОСПРИЯТИЕ БЕСПОРЯДКА И СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В НОВЫХ ЖИЛЫХ МАССИВАХ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЫКАНОВА Елена Валерьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

ТЕНИШЕВА Ксения Алексеевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель, Департамент социологии, научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория «Социология образования и науки», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: ktenisheva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9715-8303>

Аннотация. В статье изучается восприятие безопасности, социального и физического беспорядка жильцами, а также возможных предпринимаемых ими форм социального контроля этого беспорядка в двух анклавных соседских поселениях. Опираясь на теоретические основания изучения беспорядка и социального контроля, мы проверили ряд гипотез на материалах анкетного опроса жильцов двух жилых комплексов — «Северная долина» на периферии Санкт-Петербурга и «Семь столиц» в Ленинградской области. Мы рассмотрели связь демографического, социального и экономического состава жильцов с ощущением безопасности; связь ощущения безопасности резидентов с тем, какой

PERCEPTION OF DISORDER AND SOCIAL CONTROL IN THE NEW CONDOMINIUMS: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

*Elena V. TYKANOVA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Senior Research Associate
E-MAIL: elenatykanova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1060-0064>

*Ksenia A. TENISHEVA*² — *Cand. Sci. (Soc.)*, Senior Lecturer, Department of Sociology; Research Associate, Laboratory of Sociology in Education and Science
E-MAIL: ktenisheva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9715-8303>

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

² HSE University — St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article studies the perception of safety, social and physical disorder by the local inhabitants, and of the forms of social control over this disorder in the two enclave neighborhoods. The authors derived a set of hypotheses from the theoretical propositions regarding the spread of social disorder and social control. The study employs the survey data collected across the inhabitants of two condominiums, «Severnaya dolina» located on the outskirts of Saint Petersburg and «Sem' stolits» located in the Leningrad region. The authors examined the relationship between the demographic, social, and economic composition of the residents and their perceived safety, the connection between the perceived safety of the residents and observation of the

порядок они наблюдают — социальный или физический, а также каково состояние социального контроля в случае правонарушений или нарушений социальных норм.

Методами обработки данных послужили описательная статистика (тест хи-квадрат, t-test, ANOVA) и бинарная логистическая регрессия. В результате мы пришли к выводам, что (1) наличие детей ведет к большей тревожности по поводу безопасности территорий; (2) недостаток мест для безопасных вечерних прогулок, проблемы с преступностью и нарушения общественного порядка снижают субъективную безопасность жильцов; (3) жильцы не различают угрозу от социального и физического беспорядка, для них важно, несет ли нарушение потенциальную угрозу для личной безопасности; (4) серьезные нарушения физического порядка создают общее ощущение нарушения норм разного типа, в том числе в форме преступлений; (5) социальный капитал не связан с местным контролем над беспорядком; (6) готовность к местному контролю связана с воспринимаемой безопасностью только в случае нарушений социального порядка; (7) недостаток публичного контроля (оперативности полиции) может компенсироваться местным контролем со стороны жильцов.

При сопоставлении эффектов было обнаружено, что воспринимаемая безопасность связана с наблюдаемыми нарушениями физического порядка, готовностью отпускать ребенка на прогулку одного, наработанным социальным капиталом резидентов, а также продолжительностью их проживания на конкретной территории.

social or physical order, and the state of social control in case of offenses or violations of social norms.

Descriptive statistics (chi-square test, t-test, ANOVA) and binary logistic regression were used as data processing methods. The authors conclude that (1) having children leads to greater anxiety about the safety of the neighborhood; (2) lack of places for safe evening walks, problems with crime and violations of social order lead to a decrease in the perceived safety of the residents; (3) residents do not distinguish between social and physical disorder, it is important for them whether the violation poses a potential threat to personal safety; (4) serious violations of the physical order create a general feeling of various norms violation, including in the form of crimes; (5) social capital is not associated with local social control; (6) willingness for local control is related to perceived security only in case of the violations of social order; (7) lack of public control (police responsiveness) can be compensated for by parochial control by residents.

When comparing the effects, the authors find that perceived safety is associated with the observed violations of the physical order, the willingness to let the child go for a walk alone, the residents' accumulated social capital, and the length of their residence.

Ключевые слова: социальный беспорядок, физический беспорядок, жилой комплекс, местный контроль, публичный контроль

Keywords: social disorder, physical disorder, condominium, parochial control, public control

Введение

Одним из измерений современной российской субурбанизации является стремительное разрастание на окраинах крупных российских городов новых высотных жилых комплексов, как правило, не выходящих за пределы ценовой категории экономкласса. И. Браде и коллеги описывают последовательные стадии московской субурбанизации, которая началась с возведением дорогостоящих особняков для городских элит в 1990-е годы, далее развивалась по сценарию строительства таунхаусов для молодых семей и развития городов-спутников, застроенных многоэтажным жильем по типу мегагородов, в середине 2000-х и в данный момент представлена ростом высотных жилых комплексов на городских окраинах [Brade, Makhrova, Nefedova, 2014]. В фокусе внимания этой статьи будут находиться именно такие жилые высотные ареалы на окраинах Санкт-Петербурга или расположенные на непосредственной границе с этим городом, которые представляют собой так называемые КОТ — «комплексное освоение территорий». Жилые кварталы по типу КОТ, как правило, реализуются одним застройщиком, который берет на себя обязательства возведения жилых строений, а также налаживания необходимой сопутствующей инфраструктуры. Л. Чернышева следующим образом характеризует КОТ: «Появление проектов КОТ по времени совпало с введением программы „Доступное и комфортное жилье — гражданам России“: проекты позиционировались как жилье экономкласса, недорогие малометражные квартиры, первое жилье для молодежи. Реализованные в этом формате проекты противопоставлялись точечной застройке и предполагали стратегию *greenfield development* — разработку незастроенных ранее территорий, преимущественно на городской периферии» [Чернышева, 2019: 41].

В медийном дискурсе распространено мнение о бесперспективности подобного рода высотного и безликого жилого строительства. Известные публичные лидеры мнений называют такие кварталы будущими «гетто», что, впрочем, не находит прямого подтверждения в рамках социологических исследований (см. подробнее [Чернышева, 2019]). Напротив, вместо присущей для «гетто» разобщенности резиденты новых жилых массивов в той или иной мере склонны к практикам «заботы» об общем пространстве и разнообразным кооперативным коллективным действиям на благо соседского поселения: онлайн, офлайн и в гибридных форматах [Звоновский, Меркулова, 2015; Тыканова, Тенишева, 2020; Чернышева, 2020]. Эти территориальные ареалы компактного расселения горожан могут испытывать множественные проблемы инфраструктурного характера: недостаточная транспортная доступность, отсутствие требуемого количества мест приложения труда, учреждений здравоохранения, торговых зон, школ, детских садов и пр. Между тем, как отмечают М. Линдблад и коллеги, жильцы практически любых соседских поселений всегда озабочены доступом к школам, возможностями для

трудова́й деятельности, стоимостью своей недви́жимости и т. д., но ничто более их не беспокоит так, как собственная безопасность [Lindblad, Manturuk, Quercia, 2013: 123]. Исследованию оценок защищенности от противоправных действий и уровня внешних, в том числе криминогенных угроз, различных социальных групп в современной России посвящено множество работ (см., например, [Фролова и др., 2015; Юдина и др., 2017; Шлыкова, 2018]). Особый интерес для нас представляет работа П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, направленная на изучение субъективной оценки «защищенности россиян от угроз, обусловленных криминогенной обстановкой в местах их постоянного проживания» [Козырева, Смирнов, 2019: 454]. Было установлено, что более высокая оценка такой защищенности присуща мужчинам; людям старшего возраста; проживающим в небольших населенных пунктах; гражданам с высоким уровнем: материального благосостояния, социального самочувствия и доверия к окружающим. Другой немаловажный фактор восприятия себя в безопасности — уровень доверия к правоохранительным структурам, который остается стабильно невысоким [Козырева, Смирнов, 2019].

Изучение социальных параметров восприятия безопасности, включая социальный и физический беспорядок, жильцами анклавных соседских поселений, а также возможных предпринимаемых ими форм социального контроля этого беспорядка (самостоятельные действия или обращение в полицию) — цель нашей статьи.

Социальный и физический соседский беспорядок

Постояльцы жилых комплексов в процессе их повседневного пользования прилегающими публичными пространствами (улицами, скверами, проездами, детскими площадками) могут сталкиваться с разнообразными проявлениями того, что может вызывать их беспокойство, трепет и даже страх, а также спровоцировать ограничение свободы реализации их практик. К таким проявлениям мы относим то, что в академических работах авторы описывают с помощью категории соседского беспорядка (англ. — *neighborhood disorder*) [Fuster et al., 2015].

Как правило, исследователи соседского беспорядка разделяют его на две основные формы — физический и социальный беспорядок. К ключевым признакам *физического беспорядка* можно отнести спектр видов ухудшения состояния окружающей среды: вандализм, граффити и тэги на стенах сооружений и домов, брошенные машины, а также заброшенные пустующие здания, видимое скопление мусора на улицах, в том числе использованных игл [Skogan, 1992; Sampson, Raudenbush, 1999; Steenbeek, Hipp, 2011; Fuster et al., 2015]. Р. Сэмпсон и С. Рауденбуш различают *физический беспорядок* и *физический упадок*. Тогда как физический беспорядок проявляется в виде грязи на улицах (мусор, разбитые бутылки, использованные презервативы), граффити, брошенных машин и пр., физический упадок относится скорее к структурным характеристикам состояния территории, которые произошли в связи с недостаточными институциональными вложениями и имеют более долговременные эффекты. Примерами физического упадка будут заброшенные здания, сгоревшие жилые дома, изношенная инфраструктура для досуга и пр. [Sampson, 2009; Sampson, Raudenbush, 2004].

Иная форма проявления беспорядка в соседском городском поселении — *социальный беспорядок*. Он охватывает такие явления в городских публичных про-

странствах, как употребление алкоголя, наркотиков, присутствие тех личностей, которые активно беспокоят или даже угрожают горожанам, уличная проституция, продажа наркотиков, драки и иные виды деятельности, создающие у горожан ощущение опасности [Skogan, 1992; Sampson, Raudenbush, 1999; Sampson, Raudenbush, 2004; Sampson, 2009]. К социальному беспорядку исследователи также склонны причислять высокий уровень шума и соседские конфликты [Kleinbans, Bolt, 2014]. Теория социальной дезорганизации отмечает, что социального беспорядка меньше в соседствах, которые отмечены резидентной стабильностью, высоким социально-экономическим статусом, а также этнической гомогенностью жильцов. Это происходит по причине большей развитости в них социальной сплоченности и, как следствие, — социального контроля [Steenbeek, Hipp, 2011: 2].

Мы обратимся к рассмотрению *восприятия* резидентами социального и физического беспорядка территорий изучаемых жилых комплексов, теоретические основы которого представим в следующем разделе.

Восприятие соседского беспорядка

Одинаково ли горожане воспринимают один и тот же наблюдаемый уровень беспорядка? Р. Тэйлор в этой связи утверждает, что объективный беспорядок напрямую не соотносится с субъективным беспорядком жильцов [Taylor, 2001]. Действительно, как отмечают Р. Клейханс и Г. Болт, тогда как признаки беспорядка видны и «объективны», интерпретация этих проявлений горожанами отнюдь не всегда однозначна [Kleinbans, Bolt, 2014: 740]. Подобное видение разделяют и Р. Сэмпсон и С. Раунденбуш: «Восприятие беспорядка социально сконструировано в большей мере, чем обусловлено фактическим уровнем этого беспорядка» [Sampson, Raudenbush, 2004: 323]. Они показывают, что расовая, этническая и классовая композиция соседства (наряду с объективными индикаторами: мусор, разбитые бутылки и пр.) может влиять на восприятие горожанами физического и социального порядка в соседских поселениях. Присутствие на территории соседства темнокожих, а также малообеспеченных резидентов ассоциировано у жильцов с восприятием на этой территории большего физического беспорядка [Sampson, Raudenbush, 2004]. Исследователи показывают, что восприятие беспорядка резидентами одного и того же соседства может различаться, что зависит как от характеристик соседства (как это было показано в исследовании выше), так и от самих индивидов. Возраст, раса, длительность проживания, опыт виктимизации, участие в делах соседства — это те характеристики индивидов, которые могут оказать влияние на «заметность» беспорядка для горожан [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997; Sampson, 2009; Zhang, Messner, Zhang, 2017]. Горожане, живущие в социально сплоченных кварталах, как правило, «видят» меньше меньшинств и сообщают о меньшем беспорядке, чем те, кто живет в менее сплоченных соседских сообществах [Wickes et al., 2013].

Согласно мнению Э. Фастера и коллег, как правило, исследователи обращаются к трем различным подходам исследования соседского беспорядка. Первый подход основывается на так называемой объективной перспективе и исходит из информации о соседствах, которую предоставляют государственные или

коммерческие базы данных. Второй, наиболее популярный подход, обращается к изучению восприятия резидентами физических и социальных характеристик их соседского поселения. Третий подход базируется на прямом систематическом обследовании характеристик соседства силами обученных исследователей [Fuster et al., 2015: 82—83]. Р. Сэмпсон и С. Рауденбуш предлагают методологический инструмент для измерения восприятия горожанами социального и физического беспорядка в районе. Он состоит из перечня закрытых вопросов с формулировкой «насколько большой проблемой» они считают мусор, граффити... (категория «Физический порядок»), а также употребление алкоголя, употребление и продажу наркотиков... (категория «социальный порядок»), с вариантами ответов: «большой проблемой», «в некоторой степени проблемой», «не является проблемой» [Sampson, Raudenbush, 2004: 324].

Ограничением эмпирических материалов, на которых основана данная статья, является отсутствие в нашем распоряжении данных государственной или коммерческой статистики, а также обследования физического пространства изучаемых территорий. В рамках нашего исследования мы проанализируем восприятие жильцами изучаемых ЖК уровней социального и физического беспорядка их соседского поселения. Для оценки представлений жильцов о социальном и физическом беспорядке в окрестностях их ЖК мы прибегли к описанной выше методике Р. Сэмпсона и С. Рауденбуша, однако расширили список индикаторов. Мы также планируем обсудить связь субъективной безопасности жильцов с проявлениями социального и физического беспорядка в публичных пространствах их соседских поселений.

Формы социального контроля

При наблюдении социального и/или физического беспорядка резиденты ЖК могут предпринять попытки совладания с ним: либо самостоятельно, либо прибегнув к внешней помощи. Иными словами, осуществить практики социального контроля над территорией.

По мнению А. Хантера, существует несколько уровней социального контроля, среди них:

1) *приватный контроль*, который отмечен персональными связями привязанности и погружен в личные отношения с членами семьи, друзьями и близкими;

2) *публичный контроль*, основанный на гражданских связях и базирующийся на государственных органах (как правило, правоохранительных); он также включает в себя возможность граждан получить доступ к общественным ресурсам, предоставляемым государственными учреждениями по их требованию;

3) промежуточную позицию между приватным и публичным занимает *местный контроль* (англ. — *parochial control*), осуществляемый силами соседей и знакомых [цит. по: Triplett, Gaine, Sun, 2003: 440—441].

Социальная сплоченность знакомых соседей в сочетании с их готовностью вмешаться в разрешение возникающих в их районе проблем обозначается термином «коллективное участие» (англ. — *collective efficacy*). Коллективное участие не всегда подразумевает наличие коллективного действия соседей: жильцы могут и не вмешиваться, но быть потенциально к этому готовы [Sampson, Raudenbush,

Earls, 1997]. Готовность вовлечься в коллективное действие на благо соседского сообщества может зависеть от ряда факторов: налаженные социальные связи (социальный капитал, или «эффект соседства»), генерализованное доверие, общеразделяемые ожидания соседей, продолжительность проживания, собственность на жилье, жилищная стабильность соседства, возраст, раса, этническая принадлежность и социально-экономический статус жильцов [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997; Boardman, Robert, 2000; Sampson, 2001; Larsen et al., 2004; Lindblad, Manturuk, Quercia 2013]. Л. Джанг и коллеги на основе исследования китайского опыта восприятия соседского беспорядка выделяют схожие с уже описанными выше формы соседского социального контроля:

- «коллективное участие» — коллективная инициативная деятельность соседей;
- полупубличный контроль — деятельность соседских комитетов;
- публичный контроль — активность районных полицейских участков.

Однако авторы добавляют принципиально новую форму — рыночный контроль, который осуществляется с помощью предоставления жильцам услуг обеспечения порядка по коммерческому контракту [Zhang, Messner, Zhang, 2017].

«Теория разбитых окон» Дж. Келлига и Дж. Уилсона — наиболее известная концепция, описывающая последующие социальные эффекты беспорядка. Согласно их мнению, физический и социальный беспорядок в районе приводят к страху горожан, который парализует их возможную активность для устранения этого беспорядка. Видимый беспорядок также сигнализирует об упадке в квартале социального контроля (со стороны как жильцов, так и полиции), что впоследствии может привести к повышению беспорядка и даже росту преступлений [Wilson, Kelling, 1982]. Одно из следствий теории разбитых окон состоит в том, что усилия полиции, направленные на уменьшение беспорядка, могут привести к усилению неформального социального контроля и в конечном счете предотвратить будущие более тяжкие преступления [Chappell, Monk-Turner, Payne, 2011]. Тем не менее исследование Р. Сэмпсона и С. Рауденбуша показывает, что воспринимаемый беспорядок обусловлен расовым и классовым составом района, а не только визуальными сигналами. В связи с этим попытки уменьшить беспорядок, убирая граффити, собирая мусор и устраняя наркодилеров и уличные банды, не уменьшит восприятие беспорядка и потенциально не повлияет на преступность и благополучие местных жителей [Sampson, Raudenbush 2004: 425]. Впоследствии голландские ученые провели шесть социальных экспериментов по эмпирической проверке теории разбитых окон. В результате этого экспериментального моделирования им удалось установить, что наличие признаков физического беспорядка действительно провоцирует больше случаев отклонений в социальном поведении в сравнении с ситуациями, когда такой беспорядок отсутствовал вовсе. Также авторы операционализировали так называемый эффект кросс-нормального торможения, когда нарушение одних норм влечет к дальнейшему нарушению других, а беспорядок распространяется от одного вида правонарушений к другим [Keizer, Lindenbergh, Steg, 2008].

В нашей статье мы намерены изучить, какое значение воспринимаемый беспорядок имеет для коллективного действия резидентов по его устранению: будут ли соседи при виде беспорядка самоорганизовываться (местный социальный кон-

троль), обратятся ли к правоохранительным органам / управляющей компании (публичный социальный контроль) или же предпочтут бездействие и апатию вкупе с усилением чувства страха?

Важно подчеркнуть, что спецификой изучаемых нами российский жилых комплексов, в отличие от зарубежных аналогов, описанных выше, является отсутствие такого фактора, как расовый состав. Мы предприняли попытку учесть этническое разнообразие резидентов КОТ, однако не получили достаточных данных для полноценной интерпретации значения этого фактора. Тем не менее, вслед за Р. Сэмпсоном, С. Раунденбушем и другими коллегами, мы включили иные параметры, которые в различной композиции могут оказывать влияние на восприятие жильцами КОТ безопасности, социального и физического порядка, а также на осуществление ими социального контроля в пределах их ареала проживания: гендер, возраст, социально-экономический состав, собственность на жилье, участие в делах соседства и резидентная стабильность. Выяснение экономического благосостояния жителей изучаемых нами КОТ — это отдельная и интересная задача, поскольку в данный момент не существует уверенных данных, которые бы описывали эти параметры резидентов анклавных окраинных поселений в субурбанизированных ареалах российских городов. Это позволит обозначить специфику тех КОТ, которые попали в поле нашего интереса, по отношению к уже широко описанным вариантам субурбанизации: «североамериканскому» типу со сравнительно низкоэтажной застройкой и разреженной плотностью заселения из числа представителей среднего и выше класса и так называемому европейскому типу, в котором субурбия зачастую включает семьи рабочего класса и не предполагает дом для отдельной семьи [Harding, Bloakland 2014: 140].

Эмпирические данные и метод

Эмпирическими материалами данной статьи послужили данные уличного опроса жителей двух КОТ («комплексное освоение территорий»): «Северная долина», находящегося на окраине Санкт-Петербурга вблизи последней станции метро Парнас, а также «Семь столиц» — ЖК «Вена» и «Лондон», расположенных в п. Кудрово Ленинградской области, непосредственно рядом с границей Санкт-Петербурга. Опрос проводился в мае 2019 г. среди совершеннолетних резидентов КОТ (допускался опрос подростков от 16 лет — до 5% от общей совокупности). Для сбора данных обследуемые территории были поделены на сегменты с учетом плотности их заселения¹.

В каждом полигоне были опрошены по 15—20 респондентов, проживающих в границах обозначенных сегментов, в зависимости от плотности заселения и соответствующего размера полигона. По причине отсутствия данных о генеральной совокупности жильцов в изучаемых ареалах респонденты отбирались с шагом в пять человек. В том случае, когда на пятый счет интервьюер обращался к нерезиденту КОТ, нерезиденту домов в избранном полигоне или несовершеннолетнему, отсчет начинался заново. Опрос проводился как в будние, так и в выходные дни, в дневное или раннее вечернее время. Таким образом, наша выборка — кла-

¹ Авторы выражают благодарность Татьяне Николаевне Адаменко за подготовку карт, содержащих разметку изучаемых территорий КОТ.

стерная стихийная, совокупный объем включает 405 наблюдений. Выборка была сбалансирована по районам: массив данных составляет 200 опрошенных в КОТ «Северная долина» на Парнасе и 205 — в КОТ «Семь столиц» в Кудрово².

КОТ «Семь столиц» в п. Кудрово Ленинградской области расположено в 2,5 км от конечной станции метрополитена «Улица Дыбенко» г. Санкт-Петербурга и включает: ЖК «Вена», достроенный в 2012 г. (18 новостроек, этажность варьируется от 8 до 25 этажей) и запущенный в эксплуатацию в 2018 г. ЖК «Лондон» (26 корпусов, от 10 до 25 этажей). КОТ «Северная долина» представляет собой 20 кварталов (от 15 до 25 этажей), первая линия домов расположена вблизи конечной станции метро «Парнас», возведение следующих очередей «Северной долины» на момент написания статьи продолжается. Мы выбрали эти два КОТ для нашего изучения в связи с тем, что они оба расположены на периферии Санкт-Петербурга или в непосредственной близости к его административной границе. С другой стороны, для нас были важны различия между этими двумя жилыми ареалами. В частности, регистрация резидентов — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области могла сказаться на доступе к публичному контролю правонарушений (оперативное полицейское реагирование). Тогда как различная высотность (и, следовательно, плотность расселения) имеет шансы повлиять на формирование социального капитала жильцов и осуществление ими коллективного действия (местный контроль).

Анкета содержала закрытые (в преимуществе) и открытые вопросы, в общей сложности 36 пунктов. В ней были представлены блоки вопросов, призванные измерить:

1) социальные и пр. характеристики состава жильцов дома: давность проживания респондентов, заселенность квартир в доме и представленность различных категорий проживающих (пожилые, молодые, мигранты и пр.), соотношение собственников и арендаторов в доме, наличие и деятельность проблемных жильцов в доме;

2) социальный капитал жильцов — эффект соседства (англ. — neighborhood effect): узнавание соседей в лицо, частота общения жильцов с соседями по этажу, лестничной клетке и дому, времяпрепровождение в компании соседей, существование клубов по интересам;

3) коллективное участие (англ. — collective efficacy) жильцов: необходимость самоорганизовываться для решения каких-либо проблем, виды этих проблем и успешность действий консолидированных жильцов, деятельность активистов, организация жильцами мероприятий, случаи кооперативной помощи жильцов нуждающимся;

4) оценку социальной и физической безопасности в окрестностях и субъективную безопасность жильцов: безопасность нахождения в публичных пространствах КОТ в дневное и вечернее время, социальные нарушения, преступность и физический беспорядок, реальный опыт столкновения с преступлениями;

5) оценку социального контроля: потенциальное вовлечение жильцов при различных видах правонарушений, соотношение самостоятельных действий (местный

² В данной статье мы будем употреблять названия «Северная долина» и Парнас, а также «Семь столиц» и Кудрово как синонимичные наименования территорий, подразумевая исследуемые КОТ.

контроль) и обращений в полицию (публичный контроль), оперативность осуществления публичного социального контроля;

б) данные о респонденте: профессиональный и семейный статус, наличие детей, уровень образования, оценка материального благополучия домохозяйства, статус владения жильем в КОТ, возрастная группа, пол.

Все использованные нами данные принадлежат НУЛ «Социология науки и образования» НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Авторы статьи являются разработчиками методики проведенного опроса. Методы статистического анализа количественных данных — описательная статистика (тест хи-квадрат, t-test, ANOVA) и бинарная логистическая регрессия. Так как выборки двух КОТ равны по объему и схожи по структуре, никаких дополнительных процедур для коррекции выборки (взвешивания, бутстраппинга) не проводилось. Целью нашей статьи является объяснение социальных параметров восприятия безопасности жильцов анклавных КОТ (учитывая восприятие социального и физического беспорядка), а также ее возможных социальных последствий в виде мобилизации ими социального контроля: местного или публичного.

В нашей статье мы намерены ответить на следующие вопросы:

- как жильцы оценивают безопасность на территории своих КОТ?
- с какими параметрами связана подобная субъективная безопасность жильцов?
- как субъективная безопасность в районе проживания связана с представлениями резидентов о социальном и физическом беспорядке на территории изученных КОТ?
- предпримут ли какие-либо действия соседи, если они столкнутся с определенными типами правонарушений: обратятся ли в полицию (публичный социальный контроль) или же предпримут некие действия самостоятельно (местный социальный контроль)?

Опираясь на наши теоретические ожидания, мы предполагаем, что:

1) давность проживания, социально-экономический состав, пол и иные параметры резидентов связаны с их субъективной безопасностью в пределах КОТ;

2) чем выше проявления беспорядка (в нашем случае — наблюдаемого респондентами), тем ниже субъективная безопасность жильцов;

3) восприятие жильцами потенциальных угроз вследствие наблюдения социального и физического беспорядков различается;

4) более высокий уровень воспринимаемого физического беспорядка на территориях КОТ связан с повышением воспринимаемого уровня социального беспорядка;

5) социальный капитал жильцов, а именно «эффект соседства», положительно связан с местным контролем над нарушениями общественного порядка;

6) готовность жильцов к местному социальному контролю положительно связана с воспринимаемой небезопасностью;

7) местный контроль тем выше, чем ниже оперативность полиции на поступивший от жильцов вызов (публичный контроль).

Ниже мы представим подтверждения или опровержения данным гипотезам на основе анализа наших данных.

Демографический, социальный и экономический состав жильцов

Данный параграф посвящен рассмотрению (в сравнительной перспективе) состава опрошенных жильцов по разнообразным параметрам: длительность их проживания — резидентная стабильность; возрастные характеристики; статус мигранта (приезжего из другой страны); гендер; форма собственности; семейное положение и тип занятости. В дополнение мы обратились к изучению представлений резидентов об их материальном положении, а также в целом о наиболее распространенных в их КОТ формах собственности на жилые помещения и степени их заселения.

На основе полученных данных складывается следующий портрет обоих КОТ и их среднестатистического жителя: это недавно (менее пяти лет назад) заселенные кварталы, большинство домов в которых до сих пор не заселены полностью, в них проживают преимущественно собственники среднего возраста (реже молодежь), состоящие в браке и работающие на момент опроса. Это люди с высшим образованием, оценивающие уровень своего благосостояния как средний. Ниже рассмотрим подробнее состав жильцов и приведем результаты детального сравнения КОТ по этому параметру.

В КОТ «Семь столиц» по сравнению с «Северной долиной» значительно меньше резидентов, проживающих в этом месте более пяти лет: 6,8% против 20% соответственно ($\chi^2 = 22,582$, $df = 4$, $p = ,000^3$). Стоит подчеркнуть, что в Кудрово, по мнению наших респондентов, несколько меньше полностью заселенных домов, чем в Парнасе: 22,4% против 35,5% ($\chi^2 = 9,874$, $df = 3$, $p = ,02$). В то время как число жильцов-мигрантов, приехавших из других регионов, в Парнасе превышает их количество по сравнению с Кудрово ($\chi^2 = 23,745$, $df = 1$, $p = ,000$).

Примерно в 40% случаев респонденты полагают, что в их доме проживает равное количество арендаторов и собственников. Случаев, когда арендаторов больше, чем собственников, намного меньше: 18,5%, что оказывается верным для обоих изученных КОТ ($\chi^2 = 9,894$, $df = 5$, $p = ,078$). Опрошенные в 66% случаев отнесли себя к собственникам и в 27,5% — к арендаторам жилых помещений. В остальном же собственниками выступают родственники респондентов — чаще всего родители, а также супруги, сиблинги и проч.

Выборка достаточно сбалансирована по гендеру: 41% опрошенных — мужчины и, соответственно, 59% — женщины. Половину опрошенных (47%) интервьюеры отнесли к средней возрастной категории, еще треть — к молодежи (от 18 до 30 лет), 15% — к пенсионерам и 5% к подросткам (от 16 до 18 лет). Более половины опрошенных (58%) состоят в браке; у 42% есть дети до 16 лет.

Мы также не наблюдаем существенных различий между районами в составе жильцов по типу занятости. В обоих КОТ большинство опрошенных работают (53,8%); еще 15% жильцов учатся; 12% находятся на пенсии, а 10% — в декретном отпуске или отпуске по уходу за ребенком ($\chi^2 = 11,328$, $df = 6$, $p = ,079$). Большая часть резидентов имеет высшее образование (56%), у 12% — неполное высшее, 18% получили среднее профессиональное и 13% — среднее образование.

³ Здесь и далее применяется пятипроцентный уровень значимости.

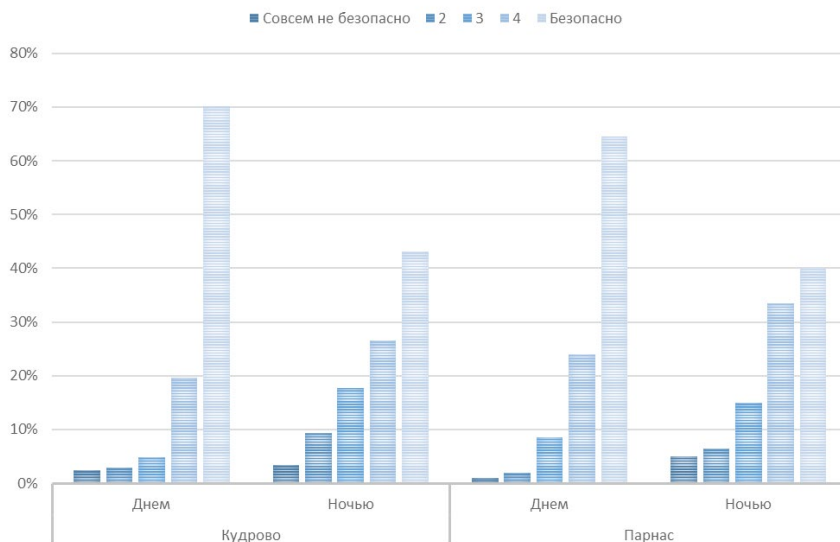
Благополучие большинства опрошенных мы можем оценить как среднее: 48% ответили, что «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, на более крупные покупки приходится откладывать»; еще 38% — что «покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает трудностей, но не купить квартиру». Тех, кто оценивает свое материальное положение как достаточно сложное («денег хватает только на приобретение продуктов питания») и как очень хорошее («денег достаточно, чтобы вообще ни в чем себе не отказывать»), — практически равное количество: 7% и 8% — соответственно. Различий между КОТ не обнаружено (хи-квадрат = 3,373, $df = 3$, $p = ,338$).

Субъективная безопасность жильцов

В этом разделе мы рассмотрим восприятие жильцами их физической безопасности в районах проживания — субъективную безопасность, а также ее возможную связь с различными характеристиками респондентов.

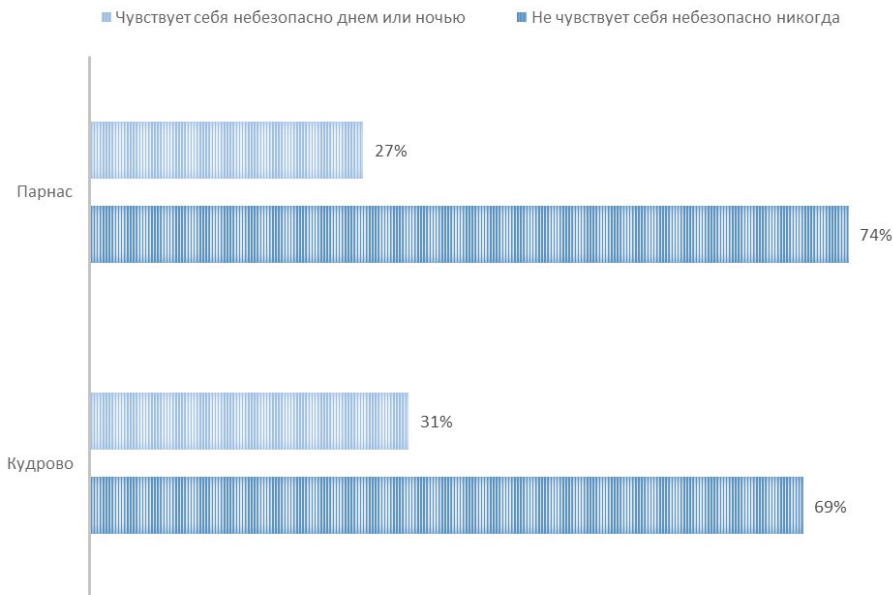
В целом жильцы изучаемых КОТ чувствуют себя вполне безопасно в любое время суток. Больше половины, а именно 67% опрошенных, считают, что в их районе днем абсолютно безопасно, 22% оценили район как «скорее безопасный». Лишь 4% сообщили, что не считают район безопасным, еще 7% выбрали срединный вариант ответа (см. рис. 1). Значимых различий между изученными КОТ мы не обнаружили (хи-квадрат = 4,909, $df = 4$, $p = ,297$).

Рис. 1. Оценка безопасности в своем районе днем и ночью, % от общего числа респондентов в КОТ

В ночное время суммарно 72% оценивают свой район как (абсолютно) безопасный; 21% — как (совсем) небезопасный, и 16% выбирают промежуточную категорию ответа (показатели для обоих КОТ не различаются: хи-квадрат = 3,938, $df = 4$, $p = ,414$).

Рис. 2. Распределение итоговой переменной для оценки воспринимаемой безопасности. Сравнение по КОТ (процент от опрошенных в каждом КОТ)

По причине малого числа респондентов, квалифицирующих свой район как небезопасный, для дальнейшего анализа мы создали новую кумулятивную переменную, дифференцирующую жильцов на тех, кто считает свой район недостаточно безопасным хотя бы в какое-либо время суток, и тех, кто считает район безопасным всегда⁴. В результате ответы с баллом от 1 (совсем небезопасно) по 3 (средний) были объединены в один вариант, а ответы 4 (скорее безопасно) и 5 баллов (абсолютно безопасно) — во второй (см. рис. 2).

Такая стратегия была избрана нами, поскольку мы считаем, что жильцы, которые хотя бы в какой-то мере чувствуют себя в собственном районе небезопасно, будут отличаться от тех, кто ощущает себя в нем достаточно комфортно. Соответственно, нам интересны факторы, связанные с этим чувством относительной (не)безопасности.

Результирующая переменная дает нам следующее распределение респондентов: 71% жильцов всегда чувствуют себя в безопасности; 29% испытывают чувство небезопасности хотя бы иногда (верно для обоих КОТ: хи-квадрат = ,948, $df = 1$, $p = ,330$). Данное обстоятельство статистически не связано с образованием, трудоустройством, материальным и семейным положением резидентов, а также наличием у них детей до 16 лет.

⁴ Следует пояснить, что на этапе предварительного анализа мы не обнаружили различий между теми, кто испытывает чувство небезопасности днем и ночью, что позволяет объединить эти категории для дальнейшего анализа.

Связь субъективной безопасности жильцов с проявлениями беспорядка

В данном параграфе мы оцениваем, как субъективная безопасность в районе проживания, а именно ее восприятие резидентами, может быть связана с их представлениями о социальном и физическом беспорядке на территории изученных КОТ.

Мы выяснили, что жильцы чувствуют себя в меньшей безопасности, если имеют опыт столкновения с преступностью / нарушениями порядка, считают их проблемой в своем районе, а также находят территорию небезопасной (указывают на наличие мест, куда жителям не стоит ходить днем и особенно вечером). Общее ощущение (не)безопасности связано с тем, считают ли жители свой район безопасным для детей и готовы ли отпускать их гулять одних. Наконец, чувство небезопасности присуще тем, кто наблюдает в своем доме/микрорайоне признаки угрозы для себя либо для физического окружения (состояния площадок и т. п.). Признаки нарушения социальных норм, такие как курение в неположенных местах, не связаны с уровнем воспринимаемой безопасности.

Согласно данным опроса, общее ощущение (не)безопасности значимо связано с тем, как жильцы воспринимают свой район: те, кто считает, что в округе нет или почти нет мест, куда не стоит ходить вечером, не испытывают тревоги вовсе (77%). В то же время около половины (52%) резидентов, которые считают, что такие места (очень) многочисленны, испытывают ощущение небезопасности хотя бы изредка (хи-квадрат = 32,864, $df = 3$, $p = ,000$).

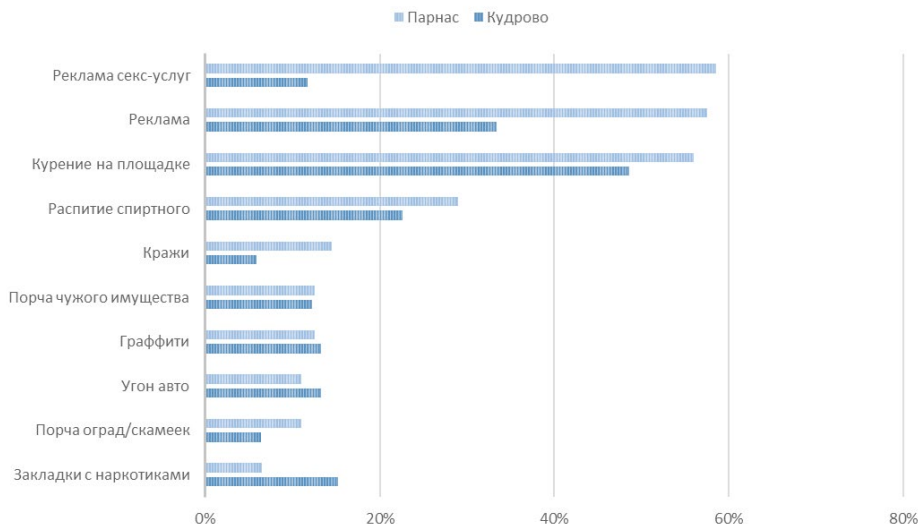
Дополнительным индикатором субъективной безопасности жильцов является вопрос, готовы ли родители отпустить детей гулять одних днем и вечером. Если днем отпустили бы ребенка гулять одного больше половины респондентов (58%), то вечером — только треть. В случае, если респондент испытывает ощущение небезопасности, он отпустит ребенка гулять с еще меньшей вероятностью (47% днем и только 11% — вечером). При этом для жильцов, имеющих детей до 16 лет, контраст только усиливается: днем им не разрешили бы гулять одним 40,5% респондентов, не испытывающих ощущения небезопасности, и 69,9% тех, кто сталкивается с этим чувством (хи-квадрат = 6,556, $df = 1$, $p = ,010$). Вечером не отпустили бы ребенка одного 55,8% и 92,7% родителей соответственно (при этом различие незначимо: хи-квадрат = 2,934, $df = 1$, $p = ,087$). В данном случае мы не можем себе позволить говорить о наличии тех или иных причинно-следственных связей. Скорее, здесь следует ожидать некий эндогенный эффект: общее чувство небезопасности может подпитывать тревогу за ребенка — и наоборот.

Ожидаемо с ощущением небезопасности значимо связана проблематизация преступности: среди тех жильцов, кто воспринимает преступность в своем районе как проблему, лишь 53,5% чувствуют себя в безопасности, в сравнении с 77% среди тех, кто ее не проблематизирует (хи-квадрат = 18,728, $df = 3$, $p = ,000$). Тот же эффект наблюдается и для проблематизации нарушений общественного порядка: те жильцы, которые видят в этих нарушениях проблему, чувствуют себя в безопасности в 1,88 раза реже, чем те, кто такой проблемы не наблюдает (хи-квадрат = 18,578, $df = 3$, $p = ,000$).

Чувство небезопасности также связано и с реальным опытом столкновения с преступностью (к сожалению, исходя из формулировки вопроса, мы не можем

утверждать, что речь идет именно о виктимизации): среди жильцов, не чувствующих себя в безопасности, 24% имели опыт столкновения с преступностью в районе проживания раз в год и чаще. Среди тех резидентов, кто чувствует себя в полной безопасности, с таким опытом мы обнаружили лишь 7% жильцов (хи-квадрат = 10,034, $df = 1$, $p = ,002$). Безусловно, опыт столкновения с преступностью значимо связан с проблематизацией и преступности, и нарушений общественного порядка.

Рис. 3. Распространенность случаев нарушения порядка (процент от респондентов каждого КОТ, ответивших, что сталкиваются с данным нарушением часто/очень часто)

Если посмотреть на связь воспринимаемой безопасности с конкретными типами нарушений социального и физического порядка, с которыми сталкивались наши респонденты (см. рис. 3), мы увидим, что ощущение небезопасности выше у тех из них, кто часто сталкивается со случаями курения (Кудрово; хи-квадрат = 10,252, $df = 4$, $p = ,036$), распития спиртных напитков во дворе (хи-квадрат = 23,815, $df = 4$, $p = ,000$), кражами (хи-квадрат = 25,834, $df = 4$, $p = ,000$), порчей чужого имущества (хи-квадрат = 22,657, $df = 4$, $p = ,000$), порчей скамеек / детских площадок (Парнас; хи-квадрат = 14,996, $df = 4$, $p = ,005$), закладками с наркотиками (Кудрово; хи-квадрат = 21,016, $df = 4$, $p = ,000$). Такой связи мы не обнаружили по параметрам: расклейка объявлений (хи-квадрат = 5,674, $df = 4$, $p = ,225$), в том числе реклама секс-услуг (хи-квадрат = 6,755, $df = 4$, $p = ,149$); нанесение граффити на стены (хи-квадрат = 4,922, $df = 4$, $p = ,295$) и пребывание во дворах бездомных (хи-квадрат = 3,510, $df = 4$, $p = ,476$). Таким образом, мы видим, что не все рассматриваемые ситуации напрямую связаны с воспринимаемой безопасностью, они не представляют потенциальной угрозы здоровью респондентов и не имеют отношения к порче имущества общего пользования. В данной ситуации разделение на социальный (курение, распитие алкоголя) и физический (порча имущества)

беспорядок особенного значения не несет. Жильцы скорее ориентируются на наличие угрозы лично для себя или физического окружения, чем на нарушение социальных норм разных типов, что расходится с мнением К. Кайзера, С. Линдерберга и Л. Стега [Keizer, Lindenberg, Steg, 2008]. Следует отдельно подчеркнуть, что для жильцов закладки с наркотиками часто сопряжены с порчей общего имущества — как на придомовой территории, так и в парадных. На основе имеющихся данных мы не можем дать объяснения такому результату, однако можем предположить, что классификация типов (бес)порядка и, соответственно, норм для современного российского города может отличаться от разработанной для американских условий: жильцы этих кварталов иначе видят допустимое и недопустимое и иначе проблематизируют различные ситуации.

Связь воспринимаемых нарушений с проявлениями социального и физического беспорядка

Мы задали нашим респондентам два вопроса: насколько большой проблемой в своей округе они считают преступность и нарушения общественного порядка (в соответствии с методикой Сэпмсона и Рауденбуша). Анализируя связь этих факторов с типами проявлений беспорядка, с которыми реально сталкивались жильцы, мы можем до некоторой степени реконструировать то, каким образом они категоризируют те или иные типы беспорядка — как преступления или же как нарушения общественного порядка?

Так, жильцы связывают практики курения в публичных пространствах их КОТ (хи-квадрат = 48,409 $df=12$, $p=.000$), так же, как и расклейку объявлений (хи-квадрат = 34,440 $df=12$, $p=.001$), именно с нарушением общественного порядка. Между тем, реклама секс-услуг в Парнасе статистически связана с восприятием нарушения общественного порядка (хи-квадрат = 26,579 $df=12$, $p=.009$), тогда как в Кудрово — с восприятием преступности (хи-квадрат = 22,490 $df=12$, $p=.032$). Более серьезные нарушения физического порядка — кражи, угоны автомобилей, порча чужого имущества — попадают в обе категории: они повышают воспринимаемый уровень как нарушения порядка, так и преступности. В эту же категорию попадает употребление спиртных напитков. Пребывание во дворах бездомных жильцы проблематизируют только в КОТ «Северная долина». Аналогичным образом, этот вид беспорядка оказывается статистически связан с обеими категориями: нарушением общественного порядка и преступностью.

В целом можно заключить, что серьезные нарушения физического порядка создают общее ощущение нарушения норм разного типа (и социальных, и юридических), в то время как нарушения скорее социальные — курение и расклейка объявлений — не связываются с общим представлением о преступности в этом районе. Ранее мы уже продемонстрировали, что именно серьезные нарушения порядка оказываются статистически связанными с большим уровнем воспринимаемой небезопасности.

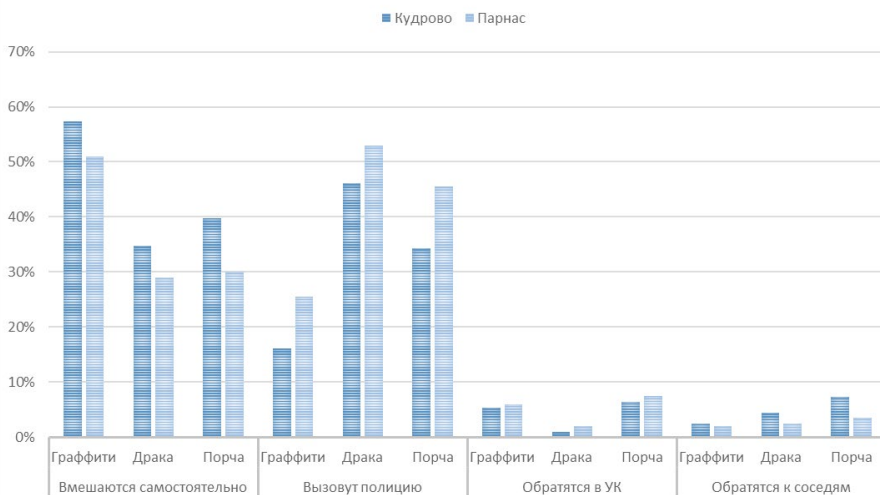
Местный и публичный социальный контроль

В ходе опроса мы выясняли, предпримут ли, по мнению респондента, какие-то действия его соседи, если они столкнутся с определенными типами правонару-

шений. В целом уровень готовности к местному контролю можно оценить как достаточно высокий: респонденты считают, что соседи отреагируют на нанесение граффити в 65 % случаев, на драку — в 67 %, на порчу чужого имущества — в 75 % случаев. Мы видим, что более серьезные правонарушения связаны с несколько большей коллективной действенностью.

Что, по мнению респондентов, готовы предпринять соседи в разных ситуациях? На рисунке 4 показано, что наиболее популярные стратегии — самостоятельное вмешательство и вызов полиции. При этом граффити практически не воспринимается как повод звонить в правоохранительные органы, в то время как порча имущества и особенно драка — весомая причина для звонка. Мы наблюдаем некоторое различие между двумя КОТ: хотя общие тенденции схожи, в Кудрово очевидно меньше шансов (по мнению респондентов), что соседи обратятся в полицию (различие значимо только для ситуации порчи имущества: $\chi^2 = 8,819$, $df = 3$, $p = ,032$).

Рис. 4. Что именно предпримут соседи в разных ситуациях — мнение респондентов, доля от опрошенных в каждом КОТ

Сама по себе готовность к местному социальному контролю практически не связана с воспринимаемой безопасностью: мы обнаруживаем связь чувства небезопасности только с готовностью что-либо предпринять в случае порчи чужого имущества ($\chi^2 = 13,715$, $df = 4$, $p = ,008$).

Примечательно, что местный контроль не связан с большинством типов нарушений физического порядка, но связан с социальным порядком: расклейкой объявлений ($\chi^2 = 16,438$, $df = 12$, $p = ,002$), в том числе реклам о предоставлении услуг интимного характера ($\chi^2 = 16,308$, $df = 12$, $p = ,003$). Можно предположить, что на агрегированном уровне мы могли бы обнаружить связь уровня воспринимаемой безопасности в районе со средним уровнем местного контроля. Однако наши данные не позволяют провести анализ подобного

рода. Вопреки нашим теоретическим ожиданиям мы не смогли обнаружить связи включенности в соседское сообщество (социальный капитал, «эффект соседства») с готовностью к осуществлению местного контроля.

Еще один важный показатель — публичный контроль. В опросе мы измеряли его через вопрос о том, насколько быстро полиция реагирует на вызовы жильцов. Мы обнаружили значимые различия между районами по этому показателю: в Кудрово шансы на приезд полиции оцениваются жителями как намного более низкие, чем на Парнасе, где 55 % респондентов считают, что полиция придет на вызов (довольно) оперативно. В Кудрово так ответили лишь 14 %, а 32,6 % выбрали вариант, что полиция может не отреагировать вовсе (хи-квадрат = 78,130, $df=4$, $p=,000$).

Обнаруживается связь оперативности полиции с проблематизацией преступности и нарушений социального порядка — но это верно только для Кудрово. Те жильцы, которые считают, что полиция может не отреагировать на вызов, чаще называют проблемами преступность (хи-квадрат = 21,900, $df=9$, $p=,009$) и нарушения порядка (хи-квадрат = 20,166, $df=9$, $p=,017$). Этот же тренд нашел отражение и выше: как было показано, в Кудрово жители меньше склонны считать, что в проблемной ситуации соседи вызовут правоохранительные органы. При этом неготовность прибегнуть к помощи полиции компенсируется более высокой готовностью к самостоятельному вмешательству. Мы можем рассматривать этот результат как косвенное подтверждение нашей гипотезы: снижение публичного контроля действительно связано с повышением местного контроля.

Сопоставление эффектов

Для сопоставления обнаруженных эффектов мы построили бинарную логистическую регрессионную модель, предсказывающую чувство небезопасности (см. табл. 1).

Таблица 1. **Бинарная логистическая регрессионная модель, предсказывающая чувство небезопасности в КОТ***

	Зависимая переменная: воспринимаемая (не)безопасность (0 — безопасно, 1 — небезопасно)		
	Отношение шансов	CI	p
(Константа)	0,01	0,00—0,08	<0,001
Кудрово	1,48	0,89—2,48	0,129
Порча оград (иногда, ср.: никогда)	1,68	0,99—2,86	0,056
Порча оград (часто, ср.: никогда)	2,99	1,21—7,45	0,017
Кражи (иногда, ср.: никогда)	1,89	1,11—3,21	0,018
Кражи (часто, ср.: никогда)	3,29	1,25—8,92	0,017
Распитие спиртного (иногда, ср.: никогда)	1,52	0,80—2,94	0,204
Распитие спиртного (часто, ср.: никогда)	3,31	1,64—6,85	0,001
Отпустили бы Вы ребёнка гулять одного во дворе вечером? (нет, ср.: да)	2,95	1,57—5,90	0,001

	Зависимая переменная: воспринимаемая (не)безопасность (0 — безопасно, 1 — небезопасно)		
	<i>Отношение шансов</i>	<i>CI</i>	<i>p</i>
Общаетесь с соседями по этажу (нет, ср.: да)	1,78	1,07—2,98	0,027
Как давно живете в доме? (менее года, ср.: менее полугода)	0,31	0,09—0,93	0,042
Как давно живете в доме? (1—2 года, ср.: менее полугода)	0,96	0,42—2,27	0,925
Как давно живете в доме? (2—5 лет, ср.: менее полугода)	0,70	0,29—1,74	0,439
Как давно живете в доме? (более 5 лет, ср.: менее полугода)	0,42	0,14—1,22	0,111
Пол (жен., ср.: муж.)	1,48	0,88—2,53	0,143
Оценка мат. положения (3 ср. 2)	1,09	0,42—2,97	0,867
Оценка мат. положения (4 ср. 2)	1,26	0,48—3,51	0,640
Оценка мат. положения (5 ср. 2)	0,77	0,18—3,12	0,721
Есть дети до 16 (нет, ср.: да)	0,68	0,40—1,14	0,146
Observations	398		
R ² Tjur	0,192		

* В скобках указаны референтные категории переменных, с которыми осуществляется сравнение.

Воспринимаемая безопасность значимо связана с факторами физического беспорядка: случаями порчи оград, кражами, распитием спиртных напитков во дворе (но только при наблюдении такого нарушения часто). Также нежелание отпускать ребенка одного гулять вечером является сильным предиктором небезопасности: для тех, кто не отпустил бы ребенка, шансы чувствовать себя небезопасно выше в 2,95 раза. Воспринимаемая безопасность оказывается связана и с одним показателем сплоченности местного сообщества / социального капитала: те, кто не общается с соседями по этажу, имеет более высокие шансы ощущать себя не в безопасности. Наконец, вносит некоторый вклад продолжительность проживания в доме: те, кто недавно переехал (проживает менее полугода), имеют значимо более высокие шансы испытывать чувство небезопасности — по сравнению с теми, кто прожил от полугода до года.

Ни район, ни пол, ни материальное положение респондента или наличие у него/ нее детей до 16 лет не оказывают эффекта на воспринимаемую безопасность при контроле по остальным факторам.

Заключение и дискуссия

Мы задались целью изучить восприятие безопасности, социального и физического беспорядка жильцами двух анклавных соседских поселений — жилых комплексов, а также возможных предпринимаемых ими форм социального контроля за наблюдаемым беспорядком. В частности, мы рассмотрели, как демографический, социальный и экономический состав жильцов может быть связан с ощущением безопасности. Нас интересовало, связано ли ощущение безопасности резидентов с тем, социальный или физический порядок они наблюдают и каково

состояние социального контроля (местная и публичная формы) в случае правонарушений или нарушений социальных норм. Опираясь на теоретические основания изучения беспорядка и социального контроля, мы выдвинули ряд гипотез и апробировали их на материалах анкетного опроса жильцов КОТ «Северная долина» у станции метро Парнас на периферии Санкт-Петербурга и КОТ «Семь столиц» в п. Кудрово Ленинградской области. В результате мы пришли к следующим выводам.

1) Предположение о том, что проявления беспорядка ведут к снижению субъективной безопасности жильцов, подтвердилось лишь в ряде случаев. Это верно для тех жильцов, которые заявляют о недостатке мест для безопасных вечерних прогулок, а также о проблемах с преступностью и нарушениями общественного порядка в окрестностях их жилого комплекса. К последним относятся такие действия, как распитие спиртных напитков во дворе, кражи, порча чужого имущества и скамеек / детских площадок («Северная долина»), закладки с наркотиками («Семь столиц»). Между тем нам не удалось обнаружить подобной связи по параметрам: расклейка объявлений, в том числе реклама секс-услуг; нанесение граффити на стены и пребывание во дворах бездомных.

2) Гипотеза, согласно которой жильцы будут по-разному различать угрозы вследствие наблюдения социального и физического беспорядка, не нашла подтверждения в наших данных. Жильцам не так важно, нарушается ли социальный порядок (курение, распитие алкоголя) или физический (порча имущества). Большее значение для них имеет иное обстоятельство: несет ли это нарушение потенциальную угрозу для их личной безопасности.

3) Гипотеза, согласно которой более высокий уровень физического беспорядка на территориях КОТ может быть связан с повышением воспринимаемого уровня социального беспорядка (аналог «теории разбитых окон»), подтвердилась только в случае представлений жильцов о преступности в районе их проживания. Так, серьезные нарушения физического порядка создают у жильцов общее ощущение нарушения норм разного типа, в том числе в форме преступлений.

4) К нашему изумлению, мы не смогли зафиксировать значения социального капитала жильцов в форме «эффекта соседства» для готовности жильцов осуществлять самостоятельные действия по совладанию с нарушениями общественного порядка, то есть местного социального контроля. В то время как в нашем предыдущем исследовании мы наблюдали достаточно высокий уровень соседского активизма (решение поломок в инфраструктуре, благоустройство, взаимопомощь и пр.) в этих же КОТ и обнаружили его взаимосвязь с «эффектом соседства» [Тыканова, Тенишева, 2020].

5) Готовность к местному контролю связана с воспринимаемой безопасностью, но это верно преимущественно для нарушений социального порядка. Тогда как местный контроль статистически не связан с большинством типов нарушений физика.

6) Предположение, основанное на том, что недостаток публичного контроля (оперативности реакции полиции на поступивший вызов) может компенсироваться местным контролем в виде того, что жильцы сами предпочтут вмешаться, подтвердилось. Мы зафиксировали достаточно низкий уровень восприятия публичного контроля в КОТ «Семь столиц», ввиду чего мы, вслед за исследованием

П. М. Козыревой и А. И. Смирнова [Козырева, Смирнов, 2019], можем предположить для данного соседского ареала наличие достаточно низкого уровня доверия к правоохранительным органам.

7) Гипотеза о том, что различные параметры жильцов связаны с их субъективной безопасностью, подтвердилась лишь частично. Мы не обнаружили связи с образованием, трудоустройством, материальным и семейным положением резидентов, в то время как наличие детей ведет к большей тревожности по поводу безопасности изучаемых территорий.

При сопоставлении эффектов мы обнаружили, что воспринимаемая безопасность жильцов связана с наблюдаемыми ими фактами нарушений физического порядка, готовностью отпускать ребенка на прогулку одного, наработанным социальным капиталом резидентов, а также продолжительностью их проживания — резидентной стабильностью.

Результаты нашей статьи во многом согласуются с международным опытом: вслед за [Sampson, Raudenbush, Earls, 1997; Sampson, 2009; Zhang, Messner, Zhang, 2017] мы показали, что воспринимаемая, субъективная безопасность в большой мере связана с опытом виктимизации / столкновения с различными видами нарушений порядка, а также с такой личной характеристикой респондентов, как наличие у них детей и длительность проживания в соседстве. При этом мы не смогли подтвердить одно из главных положений [Sampson, Raudenbush, 2004], согласно которому именно классовая и расовая композиция соседства будет предсказывать уровень субъективной безопасности. Воспринимаемый местными жителями состав их соседей (доля мигрантов, молодых, пожилых, арендаторов/собственников) оказался никак не связан с их чувством безопасности. Мы также не смогли установить связь коллективного участия ни с опытом столкновения с беспорядком, ни с субъективным чувством безопасности.

Мы нашли подтверждение теории «кросс-нормального торможения» [Keizer, Lindenberg, Steg, 2008] и показали, что для наших респондентов нарушение большинства норм вызывает повышение общего восприятия уровня беспорядка и преступности, за исключением курения в публичных пространствах и расклейки объявлений — они ассоциируются исключительно с нарушениями общественного порядка. Также мы видим признаки контекстуального восприятия норм: реклама секс-услуг в КОТ «Северная долина» воспринимается как более легкое нарушение порядка, чем в Кудрово, а пребывание в общественных местах бездомных проблематизируется только в КОТ «Северная долина», и опять же проявляется эффект «кросс-нормального торможения»: его связывают и с нарушением общественного порядка, и с преступностью. То есть индивиды воспринимают что-то как (не)нормальное не только в зависимости от общих представлений о нормах (прескриптивные нормы), но и в связи с контекстом и частотой нарушения конкретной нормы в их окружении (дескриптивные нормы).

Наконец, мы обнаружили связь разных типов социального контроля. В ситуациях низкого (воспринимаемого) публичного контроля со стороны полиции мы наблюдаем более высокую готовность соседей вмешаться в проблемные ситуации самостоятельно («местный контроль»), в то время как в районе с лучше функционирующими правоохранительными органами в более опасных ситуациях соседи

все же предпочитают вызвать полицию, а не действовать самим (стоит помнить, что речь идет о гипотетических, а не реальных случаях). Для детального уточнения этого механизма необходимо собрать больше данных о разных районах города и сопоставить разные формы коллективного участия с качеством публичного контроля.

Мы не можем однозначно утверждать, что полученные нами для двух КОТ результаты распространяемы на все подобные территории страны. Важно подчеркнуть, что новые жилые кварталы с высотной застройкой достаточно гетерогенны и могут существенно различаться между собой по основным показателям (состав жильцов, благоустройство, инфраструктура), что будет сказываться и на том, как жильцы относятся к своей безопасности и оценивают уровень физического и социального беспорядка в районе. Таким образом, мы ожидаем получить подобные результаты для КОТ, сходных с изученными по главным характеристикам: расположенных на границе мегаполиса, предлагающих относительно дешевое жилье в многоэтажных домах разной высотности, не имеющих собственного отделения полиции и заселенных преимущественно работающими людьми, молодежью и молодыми семьями с детьми. Имеющаяся в нашем распоряжении информация о процессах, происходящих в других подобных кварталах, достаточно скудна и требует дополнительных социологических исследований.

Список литературы (References)

Звоновский В. Б., Меркулова Д. Ю. Формы социальной активности в новых территориальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. Т. 125. № 1. С. 82—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.06>.

Zvonovskii V. B., Merkulova D. Y. (2015) Forms of Social Activity in New Territorial Communities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 125. No. 1. P. 82—90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.1.06>. (In Russ.)

Козырева П. М., Смирнов А. И. (Без)опасный квартал: как оценивается уровень уличной преступности // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 17 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2019. С. 454—477. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.19>.

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. (2019) How Dangerous are the Streets in the Neighborhood. In: *Reforming Russia*. Vol. 17. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: New Chronograph. P. 454—477. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2019.19>. (In Russ.)

Тыканова Е. В., Тенишева К. А. В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 7—35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>.

Tykanova E. V., Tenisheva K. A. (2020) Trapped by the “Neighborhood Effect”: Social Capital and Activism in the New Enclave Condominiums. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 2. P. 7—35. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.1>. (In Russ.)

Фролова Е. В., Медведева Н. В., Сеничева Л. В., Бондалетов В. В. Защищенность граждан от преступных посягательств в современной России: основные тенденции и детерминанты // *Всероссийский криминологический журнал*. 2015. Т. 9. № 3. С. 525—537. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).525-537](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537).

Frolova Ye.V., Medvedeva N.V., Senicheva L.V., Bondaletov V.V. (2015) The Security of Citizens Against Criminal Offences in Modern Russia: Key Tendencies and Determinants. *All-Russian Criminological Journal*. Vol. 9. No. 3. P. 525—537. [https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9\(3\).525-537](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(3).525-537). (In Russ.)

Чернышева Л. А. Онлайн и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2020. Т. 23. № 2. С. 36—66. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2>.

Chernysheva L. A. (2020) Online and Offline Conflicts Around Urban Commons: Caring for Urban Space in the Territory of a Large Housing Estate. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 23. No. 2. P. 36—66. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.2>. (In Russ.)

Чернышева Л. А. Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // *Городские исследования и практики*. 2019. Т. 4. № 2. С. 37—58. <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>.

Chernysheva L. A. (2019) Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates. *Urban Studies and Practices*. Vol. 4. No. 2. P. 37—58. <https://doi.org/10.17323/usp42201937-58>. (In Russ.)

Шлыкова Е. В. Субъективная оценка личной безопасности как показатель адаптированности к рискованной среде // *Социологический журнал*. 2018. № 3. С. 56—75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993>.

Shlykova E. V. (2018) Subjective Assessment of Personal Security as an Indicator of Adaptation to a Risky Environment. *Sociological Journal*. No. 3. P. 56—75. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5993>. (In Russ.)

Юдина Т. Н., Фролова Е. В., Танатова Д. К., Долгорукова И. В., Родимушкина О. В. Безопасность личности и виктимные опасения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. XX. № 1. С. 114—127.

Yudina T. N., Frolova Ye.V., Tanatova D. K., Dolgorukova I. V., Rodimushkina O. V. (2017) Personal Security and Victim Concerns. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XX. No. 1. P. 114—127. (In Russ.)

Boardman J. D., Robert S. A. (2000) Neighborhood Socioeconomic Status and Perceptions of Self-Efficacy. *Sociological Perspectives*. Vol. 43. No. 1. P. 117—136. <https://doi.org/10.2307/1389785>.

Brade I., Makhrova A., Nefedova T. (2014) Suburbanization of Moscow's Urban Region. In: *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Chichester: John Wiley and Sons, Ltd Published. P. 97—132. <https://doi.org/10.1002/9781118295861.ch4>.

Chappell A. T., Monk-Turner E., Payne B. K. (2011) Broken Windows or Window Breakers: The Influence of Physical and Social Disorder on Quality of Life. *Justice Quarterly*. Vol. 28. No. 3. P. 522—540.

Harding A., Blokland T. (2014) *Urban Theory: A Critical Introduction to Power, Cities and Urbanism in the 21st Century*. London: Sage. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12241>.

Keizer K., Lindenberg S., Steg L. (2008) The Spreading of Disorder. *Science*. Vol. 322. No. 5908. P. 1681—1685. <https://doi.org/10.1126/science.1161405>.

Kleinhans R., Bolt G. (2014) More Than Just Fear: On the Intricate Interplay Between Perceived Neighborhood Disorder, Collective Efficacy, and Action. *Journal of Urban Affairs*. Vol. 36. No. 3. P. 420—446. <https://doi.org/10.1111/juaf.12032>.

Larsen L., Harlan S. L., Bolin B., Hackett E. J., Hope D., Kirby A., Nelson A., Rex T. R., Wolf S. (2004) Bonding and Bridging: Understanding the Relationship Between Social Capital and Civic Action. *Journal of Planning Education and Research*. Vol. 24. No. 1. P. 64—77. <https://doi.org/10.1177/0739456X04267181>.

Lindblad M. R., Manturuk K. R., Quercia R. G. (2013) Sense of Community and Informal Social Control Among Lower Income Households: The Role of Homeownership and Collective Efficacy in Reducing Subjective Neighborhood Crime and Disorder. *American Journal of Community Psychology*. Vol. 51. No. 1—2. P. 123—139. <https://doi.org/10.1007/s10464-012-9507-9>.

Fuster E. G., Gracia E., Miguel J. M. T., López-Quílez A. (2015) Assessing Neighborhood Disorder: Validation of a Three-Factor Observational Scale. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. Vol. 7. No. 2. P. 81—89. <https://doi.org/10.1016/j.ejpal.2015.05.001>.

Sampson R. J. (2001) Crime and Public Safety: Insights From Community-Level Perspectives on Social Capital. In: Saegert S., Thompson P. J., Warren M. (eds.) *Social Capital and Poor Communities: Building and Using Social Assets to Combat Poverty*. New York: Russell Sage. P. 89—114.

Sampson R. J. (2009) Disparity and Diversity in the Contemporary City: Social (Dis) Order Revisited. *The British Journal of Sociology*. Vol. 60. No. 1. P. 1—38. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2009.01211.x>.

Sampson R. J., Raudenbush S. W. (2004) Seeing Disorder: Neighborhood Stigma and the Social Construction of “Broken Windows”. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 67. No. 4. P. 319—342. <https://doi.org/10.1177/019027250406700401>.

Sampson R. J., Raudenbush S. W., Earls F. (1997) Neighborhoods and Violent Crime: A Multilevel Study of Collective Efficacy. *Science*. Vol. 277. No. 5328. P. 918—924. <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>.

Sampson R. J., Raudenbush S. W. (1999) Systematic Social Observation of Public Spaces: A New Look at Disorder in Urban Neighborhoods. *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 3. P. 603—651. <https://doi.org/10.1086/210356>.

Skogan W. G. (1992) *Disorder and Decline: Crime and the Spiral of Decay in American Cities*. Berkley, Los Angeles: University of California Press.

Steenbeek W., Hipp J. R. (2011) A Longitudinal Test of Social Disorganization Theory: Feedback Effects Among Cohesion, Social Control, and Disorder. *Criminology*. Vol. 49. No. 3. P. 833—871. <https://doi.org/10.1111/j.1745-9125.2011.00241.x>.

Taylor R. (2001) *Breaking Away from Broken Windows: Baltimore Neighborhoods and the Nationwide Fight against Crime, Grime, Fear, and Decline*. Boulder: Westview Press.

Triplett R. A., Gainey R. R., Sun I. Y. (2003) Institutional Strength, Social Control and Neighborhood Crime Rates. *Theoretical Criminology*. Vol. 7. No. 4. P. 439—467. <https://doi.org/10.1177/13624806030074003>.

Wickes R., Hipp J. R., Zahnow R., Mazerolle L. (2013) “Seeing” Minorities and Perceptions of Disorder: Explicating the Mediating and Moderating Mechanisms of Social Cohesion. *Criminology*. Vol. 51. No. 3. P. 519—560. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12011>.

Wilson J. Q., Kelling G. L. (1982) Broken Windows. The Police and Neighborhood Safety. *Atlantic Monthly*. Vol. 249. No. 3. P. 29—38.

Zhang L., Messner S. F., Zhang S. (2017) Neighborhood Social Control and Perceptions of Crime and Disorder in Contemporary Urban China. *Criminology*. Vol. 55. No. 3. P. 631—663. <https://doi.org/10.1111/1745-9125.12142>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1678](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1678)

Н. С. Киреева

ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕРВИСОВ СОВМЕСТНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (ШЕРИНГА) ВЕЩЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАТИСТИКИ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ

Правильная ссылка на статью:

Киреева Н. С. Предпочтения пользователей сервисов совместного пользования (шеринга) вещей: результаты исследования статистики поисковых запросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 258—274. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1678>.

For citation:

Kireeva N. S. (2021) Preferences of Sharing Services Users: A Study of Search Queries Statistics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 258–274. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1678>. (In Russ.)

ПРЕДПОЧТЕНИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕРВИСОВ СОВМЕСТНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (ШЕРИНГА) ВЕЩЕЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАТИСТИКИ ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ

КИРЕЕВА Наталья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра предпринимательства и логистики, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия

E-MAIL: nskireeva@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-1008-7026

PREFERENCES OF SHARING SERVICES USERS: A STUDY OF SEARCH QUERIES STATISTICS

Natalia S. KIREEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Entrepreneurship and Logistics Department

E-MAIL: nskireeva@gmail.com

https://orcid.org/0000-0003-1008-7026

¹ Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. На основе анализа данных о поисковой активности, собранных с помощью инструментов Google Trends и «Яндекс. Подбор слов», в статье анализируются предпочтения российских пользователей сервисов шеринга вещей. Выявлены особенности их поискового интереса, представлены преимущества, получаемые обществом, владельцами и пользователями вещей от аренды товаров. Установлены ключевые мотивы посетителей сервисов шеринга вещей: бережливость и желание временно обладать более качественными и дорогостоящими предметами, чем они могут позволить себе купить. Исследование показало, что динамика популярности различных товаров у пользователей шеринга вещей неоднородна: например, быстрый рост спроса на квадроциклы и сноуборды в последние годы сменился снижением, а востребованность инструментов и платьев, наоборот, увеличилась. Основными препятствиями для развития аренды вещей выступают: ее высокая стоимость, низкая осведомленность потребителей, трудности с доставкой, большие затраты времени на поиск и получение товара,

Abstract. The article analyzes preferences of Russian users of things sharing services basing on the analysis of search activity data collected using Google Trends and «Yandex. Word selection». The author reveals the main features of search interest and reviews the benefits for society, owners and users of things from the lease of goods. According to the study results, the users of the sharing services are mostly motivated by thrift and the desire to temporarily possess more expensive items of better quality than they can afford to buy. The study showed that the dynamics of the popularity of shared goods differs across categories. For example, the rapid growth in demand for ATVs and snowboards has reverted in recent years, while the demand for tools and dresses, on the contrary, has increased. The main obstacles to the development of the goods' rental are its high cost, low consumer awareness, difficulties in logistics, long time necessary for search and delivery, and possible risks of damage. The article concludes that, on the one hand, Russian consumers are gradually realizing the benefits of sharing things, while on the other hand, the number of visitors

возможные риски его повреждения. В статье делается вывод, что, с одной стороны, российские потребители постепенно осознают преимущества шеринга вещей, а с другой — количество посетителей сайтов, предоставляющих услуги по аренде различных товаров, невелико и намного ниже, чем у сайтов торговых компаний. Таким образом, шеринг вещей, несмотря на быстрое развитие, пока не составляет заметную конкуренцию розничной торговле.

Ключевые слова: шеринговая экономика, шеринг вещей, предпочтения пользователей, Google Trends, поисковые запросы

to sites that provide rental services for various goods is small and much lower than that of the sites of trading companies. Thus, the sharing of things, despite the rapid development, does not yet constitute a noticeable competition for the retail sector.

Keywords: sharing economy, sharing things, user preferences, Google Trends, search queries

Введение

Шеринговая экономика (sharing economy) — новая социально-экономическая модель, меняющая отношение к собственности и потреблению, основанная на коллективном использовании товаров и услуг, бартере и аренде вместо владения. Шеринговая экономика исходит из идеи, что иногда удобнее платить за временный доступ к продукту, чем постоянно обладать им [Botsman, Rogers, 2010].

Не существует единого конвенционально закрепленного определения этого понятия и его корректного перевода на русский язык. Встречаются как использование калькированного англицизма «шеринговая экономика», так и попытки дать соответствующий содержательный перевод данного термина: «экономика совместного потребления», «долевая экономика», «разделяемая экономика», «экономика по требованию», «экономика участия», «коллаборативная экономика», «экономика обмена» и т. д. Многообразие подходов обусловлено гетерогенностью реализуемых проектов по совместному пользованию (шерингу) имуществом [Маркеева, 2017].

Концепция коллективного пользования вещами не нова. Библиотеки, приобретающие и хранящие книги для читателей, существуют с древнейших времен. Однако развитие цифровых технологий в последнее десятилетие дало мощный толчок для распространения шеринга вещей. С появлением онлайн-платформ, мобильных устройств и электронных транзакций потребительские товары стали намного более доступны для временного пользования [Belk, 2014; Frenken, 2017].

Помимо цифровых технологий, популярности шеринга способствуют социальные (смена ценностей, кризис вертикального доверия), экономические (рост неравенства, сокращение имущества среднего класса) и экологические (рост популярности рециклинга) факторы [Земскова, 2019].

В результате в России, как и в мире в целом, объем шеринговой экономики быстро растет. Так, объем услуг, оказываемых населению предприятиями по прокату, в последние десять лет увеличился более чем в три раза: в 2019 г. этот показатель, по данным Росстата, составил 18,7 млрд рублей, что на 34% больше, чем в 2018 г., и в 3,1 раза больше, чем в 2010 г.¹ По данным исследования, проведенного «ТИАР-Центром» и Российской ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК), объем транзакций P2P² аренды вещей по итогам 2019 г. составил около 220 млн руб. и показал рост в 22% по сравнению с 2018 г., и 275% — по сравнению с 2017 г.³ Шеринг вещей может принести обществу экологическую и экономическую выгоду за счет удовлетворения потребностей населения с использованием меньшего количества товаров [Tukker, 2015; Amasawa et al., 2020; Адактилос, Чаус, Молдован, 2018], что позволяет более эффективно использовать ресурсы и сократить отходы и выбросы, в частности выбросы парниковых газов [Amasawa et al., 2020].

В странах с развитой шеринговой экономикой (США, Германия) исследователи уделяют большое внимание поведению пользователей соответствующих сервисов. Выявлено, что на отношение потребителей к аренде вещей влияет множество факторов [Lawson et al., 2016; Becker-Leifhold, 2018], значительно различающихся в зависимости от культурных особенностей людей [Irana, Geiger, Schrader, 2018].

Для отечественной науки изучение шеринга вещей — относительно новая тема, ее комплексные исследования практически отсутствуют. Следует признать, что степень научной разработанности проблематики направлений развития и мотивации пользователей шеринга вещей не соответствуют интенсивности его роста.

Целью данного исследования выступает установление приоритетов пользователей и выявление потребительских тенденций на рынке шеринга вещей в России.

Основные задачи исследования:

- 1) определить уровень и структуру интереса интернет-пользователей к шерингу вещей;
- 2) исследовать характер и динамику наиболее популярных запросов пользователей;
- 3) оценить степень развитости рынка шеринга вещей;
- 4) выявить причины и ограничения развития шеринга вещей с позиции потребителя.

Мы будем выявлять предпочтения пользователей шеринга вещей на основе их запросов в интернете, а степень развития рынка шеринга вещей — на основании данных о посещаемости и дате создания сайтов шеринговых компаний.

Этапы и методы исследования

Популярность поисковых запросов интернет-пользователей часто рассматривается в качестве показателя, определяющего характеристики экономических процессов.

¹ Подробнее см.: Объем бытовых услуг населению (оперативные данные) с 2017 г. // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/57792> (дата обращения: 20.05.2020).

² P2P — peer-to-peer или person-to-person.

³ Подробнее см.: Экономика совместного потребления в России // TIARCENTER. 2020. 10 марта. URL: <https://tiarcenter.com/sharing-report-2019/> (дата обращения: 01.04.2021).

Популярность поисковых запросов используют, например, при исследовании туристских потоков [Charalampopoulos, Nastos, Didaskalou, 2017], уровня безработицы [Simionescu, Zimmermann, 2017], трудовой миграции [Веремчук, Розбицкий, 2019], криптовалюты [Kristoufek, 2013], прогнозирования макроэкономических переменных [Борочкин, 2013].

Если количественно оценить связь между информационными запросами людей и их поведением, то можно спрогнозировать будущее значение экономических переменных, например, чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором, общий уровень безработицы и т. д., еще до того момента, как органы государственной статистики зарегистрируют сделки по покупке каких-либо товаров, денежные переводы за границу или заключение трудовых договоров [там же].

Наиболее удобным инструментом изучения поисковых запросов интернет-пользователей считается сервис Google Trends (<https://trends.google.com>), показывающий степень популярности определенных ключевых слов в Google на множестве языков в разных регионах планеты. Данные о популярности поисковых запросов позволяют в реальном времени исследовать широкий спектр социально-экономических тенденций во всем мире и могут быть использованы для выработки своевременных, обоснованных и эффективных решений на благо общества [Askitas, 2015].

Плюсы анализа поисковых запросов с помощью Google Trends:

1) Данные поисковой активности позволяют определить наиболее устойчивые популярные запросы пользователей и получить широкий спектр информации о них [Askitas, 2015: 1].

2) Данные постоянно обновляются и доступны в режиме реального времени, благодаря чему можно быстро выявлять критические тенденции [Askitas, 2015: 1; Соколов, 2018:3].

В качестве минусов метода анализа поисковых запросов Google Trends Н. Аскитас выделяет следующие его характеристики [Askitas, 2015: 1]:

1) Данные являются собственностью компании Google и доступны только в обобщенном виде.

2) Методология поставляется без контроля версий и описана недостаточно подробно, что затрудняет анализ данных.

3) Географическое распределение данных о поисковых запросах может быть неточным из-за ошибок в определении расположения IP-адресов.

4) Значение ключевого слова может изменяться во времени и в разных регионах, что снижает пригодность данных для анализа.

5) Рейтинг страниц (page rank) поисковой системы Google меняется с течением времени, что может исказить данные, как и различные формы цензуры.

Чу Х. и Вариан Х. добавляют еще один недостаток [Choi, Varian, 2012: 3]:

6) Отчетные показатели Google Trends вычисляются с использованием метода выборки каждый раз заново, и поэтому результаты могут незначительно меняться изо дня в день.

Несмотря на имеющиеся минусы, анализ поисковых запросов с помощью Google Trends улучшает модели прогнозирования экономических переменных [Woo, Owen, 2019].

Использование анализа поисковых запросов с помощью Google Trends особенно актуально для исследования тех социально-экономических сфер, где ситуация быстро меняется, поскольку большинство экономических переменных публикуются с запозданием, что затрудняет точную оценку текущей ситуации. К таким сферам, например, относится шеринговая экономика и, в частности, шеринг вещей.

Наше исследование проводилось в мае 2020 г. Для решения второй и третьей задач исследования мы использовали инструменты Google Trends и «Яндекс. Подбор слов». На первом этапе работы были собраны статистические данные Google Trends о поисковых запросах, исходящих с территории России за десять лет: с мая 2010 г. по май 2020 г. Мы определили 25 самых популярных («топ») и столько же наиболее быстро набирающих популярность («в тренде») поисковых запросов, связанных со словами «аренда» и «прокат». Затем мы собрали и проанализировали статистические данные по каждому из этих запросов (за исключением аренды недвижимости и автотранспорта⁴).

На втором этапе нами были проанализированы запросы, связанные со словами «аренда» и «прокат», собранные с помощью поискового инструмента «Яндекс. Подбор слов» (<https://wordstat.yandex.ru>), который показывает количество запросов, включающих заданное слово или словосочетание, по всем регионам России за месяц на определенную дату (в нашем случае — на 19 мая 2020 г.⁵). Отсутствие в исследовании данных о поисковых запросах, содержащих слова «аренда» и «прокат», в другие периоды времени объясняется спецификой инструмента «Яндекс. Подбор слов». Дело в том, что он не предоставляет возможности определения рейтинга запросов по количеству показов в месяц в различные периоды времени. Тем не менее «Яндекс. Подбор слов» дает более глубокий срез поисковых запросов, нежели Google Trends.

Для решения третьей задачи исследования нами были проанализированы данные о создании и посещаемости наиболее популярных сайтов, предоставляющих услуги по аренде вещей. К таким ресурсам мы отнесли те, что находятся в топ-10 поиска Google по запросам «аренда», «прокат» и связанным с ними тегам — «топ» и «в тренде». На третьем этапе исследования мы собрали сведения о дате создания таких сайтов. В качестве источника данных об их регистрации использовался сервис Whois компании Ru-Center — одного из крупнейших в России регистраторов доменных имен и хостинг-провайдеров⁶. Мы не включили в выборку сайты, для которых аренда вещей не выступает основным направлением деятельности, а именно: интернет-сервисы для размещения объявлений о продаже товаров (например, Avito), сайты государственных органов власти (например, официальный сайт мэра и правительства Москвы), справочных систем (например, «Википедия») и розничных компаний.

На четвертом этапе мы собрали и изучили сведения о посещаемости отобранных сайтов. Материалом для анализа стали соответствующие данные компаний

⁴ Запросы по аренде недвижимости и автотранспорта не рассматривались, поскольку темой нашего исследования выступают предпочтения пользователей сервисов совместного пользования (шеринга) вещей.

⁵ Дата была выбрана произвольно.

⁶ Подробнее о сервисе Whois см.: URL: <https://www.nic.ru/whois> (дата обращения: 19.05.2020).

SimilarWeb⁷ и 2IP⁸ за апрель⁹ 2020 г. Выбор этих интернет-сервисов обусловлен тем, что они предоставляют услуги по веб-аналитике, пользуются популярностью у исследователей и дают свободный доступ к данным.

Наконец, для выявления причин и ограничений развития шеринга вещей с позиции потребителя (первая задача исследования) мы провели анализ и обобщили результаты проектов, реализованных «ТИАР-Центром» и Российской ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК)¹⁰, а также журналом «Эксперт»¹¹.

Результаты исследования

Быстрое развитие рынка шеринга вещей связано с рядом преимуществ, получаемых пользователями и владельцами имущества. Работы, посвященные изучению этих преимуществ, как и факторов, сдерживающих развитие шеринга, в отечественной социальной науке практически отсутствуют. Данная тема затрагивалась, пожалуй, только в исследованиях шеринговой экономики, выполненных «ТИАР-Центром» и Российской ассоциацией электронных коммуникаций (РАЭК), а также в серии интервью, проведенных журналом «Эксперт» с представителями шеринговых компаний.

Согласно выводам «ТИАР-Центра» и РАЭК, пользователи шеринговых сервисов предпочитают арендовать вещи, а не покупать их по следующим причинам¹²:

1) Возможность сэкономить — если ожидается, что вещь будет использоваться очень редко.

2) Возможность воспользоваться вещью здесь и сейчас, а не копить средства на ее приобретение в течение долгого времени.

3) Возможность протестировать вещь перед покупкой.

Согласно выводам¹³, полученным в ходе анализа интервью с представителями шеринговых компаний, основными мотивами их клиентов, помимо желания сэкономить, оказываются потребность в повышении качества жизни и социальная ответственность. Часто пользователи предпочитают арендовать более качественные товары, чем покупать дешевые.

Шеринг вещей дает преимущества не только их пользователям, но и обществу в целом благодаря более эффективному использованию ресурсов и сокращению объемов отходов и вредных выбросов. Преимущества шеринга вещей перечислены на рисунке 1.

⁷ Подробнее об инструменте см.: URL: <https://www.similarweb.com/top-websites> (дата обращения: 19.05.2020).

⁸ Подробнее об инструменте см.: URL: <https://2ip.ru/site-statistics> (дата обращения: 19.05.2020).

⁹ Указанные сервисы предоставляют данные о посещаемости за предыдущий месяц, возможность выбрать необходимый период отсутствует.

¹⁰ Экономика совместного потребления в России // TIARCENTER. 2018. 21 ноября. URL: <https://tiarcenter.com/sharing-economy-research> (дата обращения: 01.04.2021); Экономика совместного потребления в России // TIARCENTER. 2020. 10 марта. URL: <https://tiarcenter.com/sharing-report-2019> (дата обращения: 01.04.2021).

¹¹ Инкижинова С. Бедным хочется купить, обеспеченным — получить удовольствие // Эксперт. 2020. 16 марта. URL: <https://expert.ru/expert/2020/12/bednym-hochetsya-kupit-obespechennyim-poluchit-udovolstvie/> (дата обращения: 21.03.2021).

¹² Экономика совместного потребления в России 2018: модели, отрасли, тренды // TIARCENTER. РАЭК. 2018. URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-nov2018.pdf> (дата обращения: 20.05.2020).

¹³ Там же.

Рис. 1. Преимущества шеринга вещей

Среди факторов, препятствующих развитию шеринга вещей (см. рис. 2), можно выделить следующие:

1) Стоимость аренды, которая вызывает заинтересованность потребителя, если ее цена составляет 10%—20% розничной стоимости продукта (что бывает нечасто). Если вещь предлагается арендовать за треть ее розничной цены и более, то пользователи не видят в этом смысла.

2) Трудности с доставкой и большие временные затраты на поиск и получение товара¹⁴.

3) Недостаточная осведомленность пользователей о подобных сервисах, опасения владельцев, что арендаторы испортят сдаваемые им вещи, страх арендаторов повредить чужое имущество¹⁵.

Определим далее предпочтения российских пользователей сервисов шеринга вещей с помощью оценки уровня и анализа структуры их интереса к отдельным категориям товаров. Рассмотрим, как менялся интерес пользователей к шерингу вещей, на основе статистики поисковых запросов Google Trends, исходящих с территории России, за десять лет: с мая 2010 г. по май 2020 г. На трех графиках (см. рис. 3—5) представлены запросы, сгруппированные по категориям вещей: одежда, спорттовары, инструменты и оборудование. Числа обозначают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю в таблице для определен-

¹⁴ Там же.

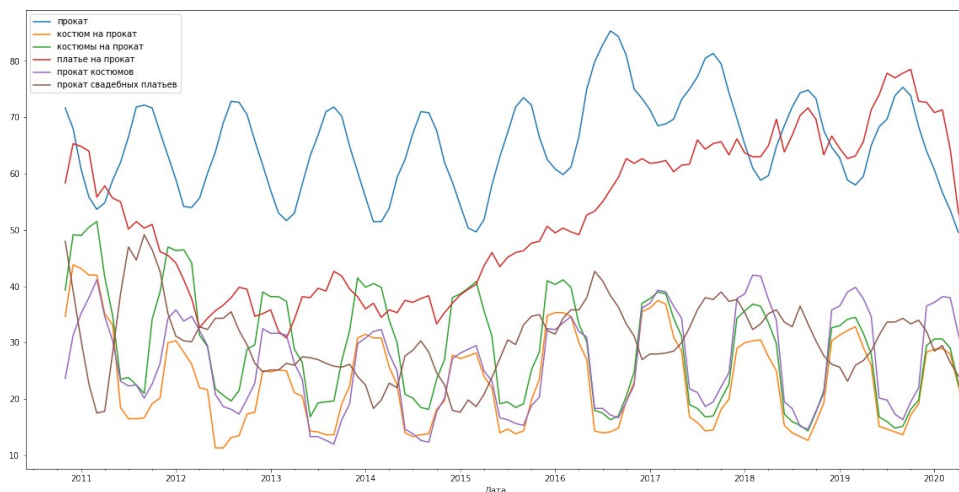
¹⁵ Там же.

ного периода времени. Наивысший уровень популярности запроса обозначен ста баллами, вдвое меньший уровень популярности запроса — пятидесятью.

Рис. 2. Факторы, сдерживающие развитие шеринга вещей

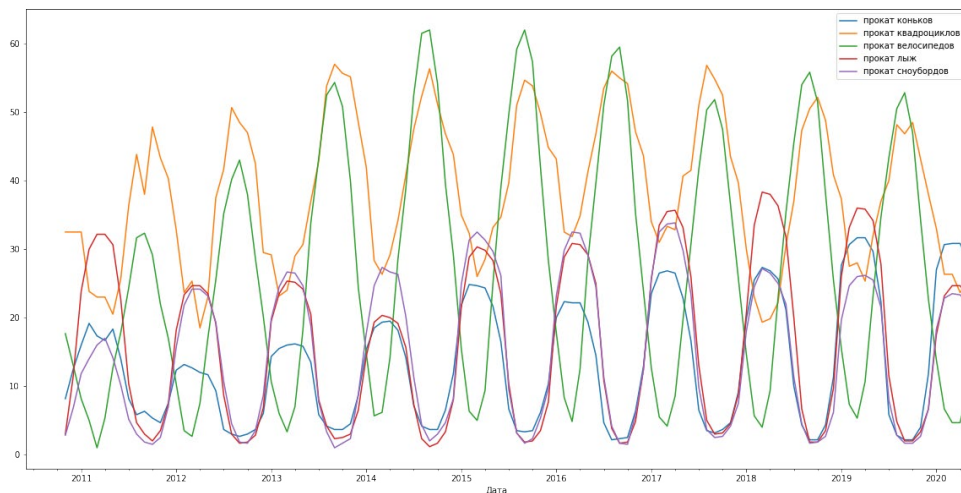

Рис. 3. График скользящих средних для популярности поисковых запросов, сгруппированных по категории «одежда»

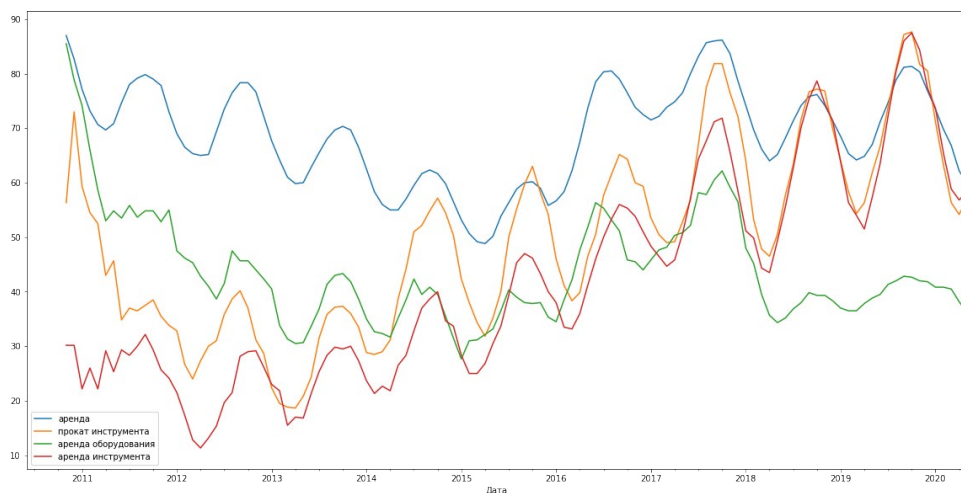
Из рисунка 3 видно, что в 2015—2016 гг. выросла популярность запроса «прокат», но затем этот тренд пошел на снижение. Популярность запросов «прокат свадебных платьев», «костюм на прокат», «прокат костюмов» стабильна на протяжении последних десяти лет. Популярность запроса «платье на прокат» с 2016 г. демонстрирует позитивную динамику. В начале 2020 г. произошло падение интереса пользователей к прокату одежды, вызванное, по-видимому, пандемией COVID-19 и связанными с ней карантинными ограничениями.

Рис. 4. График скользящих средних для популярности поисковых запросов, сгруппированных по категории «спорттовары»

Анализируя данные, представленные на рисунке 4, можно отметить, что количество запросов «прокат велосипедов» росло вплоть до 2015 г., «прокат квадроциклов» — до 2016 г., «прокат сноубордов» — до 2017 г., «прокат лыж» — до 2018 г. Затем тренд сменился на отрицательный. Популярность запроса «прокат коньков» с 2014 г. увеличивается (стабильно позитивный тренд).

Рис. 5. График скользящих средних для популярности поисковых запросов, сгруппированных по категории «инструменты и оборудование»

Из рисунка 5 видно, что в 2016—2017 гг. произошло увеличение популярности запроса «аренда», затем этот тренд пошел на снижение. У популярности запросов «прокат инструмента» и «аренда инструмента» с 2014 г. сохраняется позитивный тренд.

Причины снижения числа поисковых запросов «аренда», «прокат», «прокат велосипедов», «прокат сноубордов», «прокат лыж» могут быть различными. Мы предполагаем, что одним из возможных факторов оказывается сокращение группы новых или нерегулярных пользователей, которые вводят в строку поиска высокочастотные запросы, попадающие в топ. В отличие от них постоянные клиенты шеринговых сервисов делают низкочастотные запросы или используют приложение. Так, приложение «Велобайк» (городской велопрокат г. Москвы) было скачано в GooglePlay более 500 000 раз, URent (прокат велосипедов на юге России и самокатов в различных городах) — тоже более 500 000 раз, LuckyBike (прокат велосипедов в Адлере, Белгороде, Владимире, Екатеринбурге и других городах России) — более 100 000 раз, SmartBike (прокат велосипедов в Санкт-Петербурге) — более 50 000 раз¹⁶.

Еще одной возможной причиной может быть то, что пользователи сокращают аренду товаров, без которых можно обойтись (например, квадроциклов и сноубордов) из-за снижения реальных доходов.

Увеличение количества запросов, связанных с арендой платьев, инструмента и оборудования, также может быть связано со снижением реальных доходов, поскольку пользователи все больше предпочитают арендовать, а не покупать товары, без которых трудно обойтись (инструменты, одежда).

Таким образом, для прояснения причин снижения популярности некоторых поисковых запросов (например, «прокат велосипедов», «прокат квадроциклов», «прокат сноубордов», «прокат лыж») требуются дальнейшие исследования.

Интерес пользователей, согласно популярным запросам, связанным с шерингом вещей, изменяется сезонно. Наиболее ярко проявляется сезонность у запросов, относящихся к прокату спортивных товаров (например, «прокат лыж»). Исходя из этого, сервисам шеринга вещей необходимо учитывать сезонность при формировании своего ассортимента. На рисунке 6 представлен график зависимости значений коэффициентов автокорреляции от величины лага для популярности запроса «прокат велосипедов»¹⁷. На оси Y отложены коэффициенты автокорреляции и доверительные интервалы, на оси X — величина лага.

Итак, анализ значений автокорреляционной функции (см. рис. 6) позволяет сделать вывод о наличии во временном ряде линейной тенденции и сезонных колебаний периодичностью в 12 месяцев.

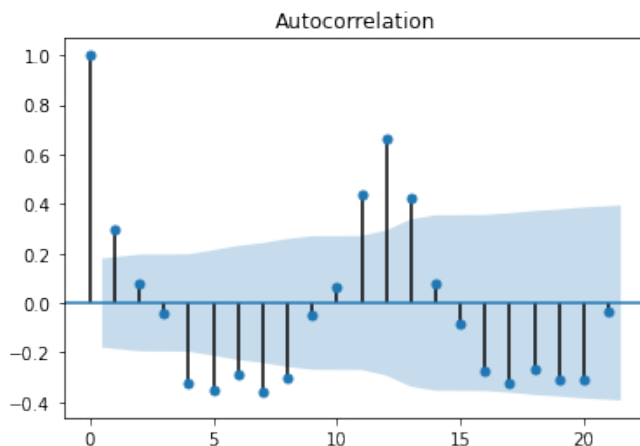
На втором этапе исследования, используя сервис «Яндекс. Подбор слов», мы определяли уровень и структуру интереса пользователей к шерингу вещей. Данный инструмент демонстрирует количество показов в месяц, которое можно получить,

¹⁶ Данные собраны автором в Google Play: URL: <https://play.google.com> (дата обращения: 20.04.2021).

¹⁷ В ходе исследования для всех наиболее популярных запросов со словами «аренда»/«прокат» были построены коррелограммы и проведена оценка значимости коэффициентов автокорреляции. Выявлено, что наиболее ярко выражена сезонность у запросов, связанных с прокатом спортивных товаров, например, «прокат лыж», «прокат велосипедов». Чтобы не перегружать статью, в ней приведен лишь один график автокорреляции.

выбрав определенные запросы в качестве ключевой фразы. Нас интересовали наиболее популярные поисковые запросы со словами «аренда» или «прокат» по России в целом за месяц на дату 19 мая 2020 г. В результате мы выявили наиболее востребованные пользователями товары.

Рис. 6. Коррелограмма популярности запроса «прокат велосипедов»

Как видно из таблицы 1, первое место по количеству поисковых запросов занимают средства передвижения (велосипеды, самокаты, электросамокаты, квадроциклы и др.). На втором месте по популярности находятся инструменты и оборудование. На третьем месте — одежда.

Таблица 1. Количество показов за месяц по наименованиям товаров

Наименование товаров в сочетании со словами «аренда» или «прокат»	Количество показов в месяц
Велосипеды, самокаты, квадроциклы и др.	170 956
Инструменты и оборудование (перфораторы, пилы, генераторы, лестницы и др.)	139 484
Одежда (костюмы, платья, в т. ч. свадебные и др.)	81 933
Мебель (столы, кресла и др.)	25 994
Садовая техника (мотоблоки, культиваторы и др.)	25 423
Спорттовары (тренажеры, беговые дорожки и др.)	22 784
Бытовая техника (холодильники, пылесосы и др.)	18 589
Часы	18 518
Компьютерная техника (компьютеры, ноутбуки, принтеры и др.)	17 932
Кальяны	16 741
Фототехника (фотокамеры и др.)	13 773
Игры и приставки	13 511
Детские товары (коляски, игрушки и др.)	10 394
Палатки	7 421

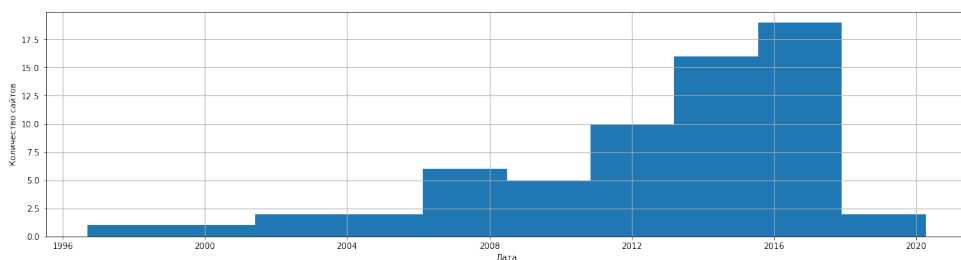
Наименование товаров в сочетании со словами «аренда» или «прокат»	Количество показов в месяц
Металлоискатели	6 346
Мангалы	5 340
Биотуалеты	4 482
Костыли	3 702
Весы	3 428

На основе полученных данных можно сделать вывод, что значительную долю в потребительском спросе занимают вещи, которые будут использоваться ситуативно (костюмы, часы, платья). Заметная часть также приходится на товары, которые применяются сезонно (велосипеды, мангалы) или разово (мотоблоки, перфораторы, фототехника, игровые приставки), или в период поездки (палатки, биотуалеты, коляски).

Далее оценим динамику интереса российских пользователей сервисов шеринга вещей с помощью анализа посещаемости и даты создания сайтов компаний, оказывающих услуги по шерингу вещей.

Результатом третьего этапа исследования стало определение и анализ периода регистрации самых посещаемых сайтов, предоставляющих услуги по шерингу вещей. В качестве наиболее популярных сайтов были выбраны те, которые находятся в топ-10 поиска Google по запросам «аренда» и «прокат». Поскольку на рейтинг сайта в поисковой выдаче Google влияет известность компании, можно предположить, что компании из топ-10 входят в число лидеров на рынке шеринга вещей. Источником данных о регистрации сайта выступил сервис Whois компании RU-CENTER (АО «Региональный Сетевой Информационный Центр»)¹⁸. Гистограмма распределения числа сайтов по дате их регистрации представлена на рисунке 7.

Рис 7. Гистограмма распределения числа сайтов по дате их регистрации в России за период 1996—2021 гг.

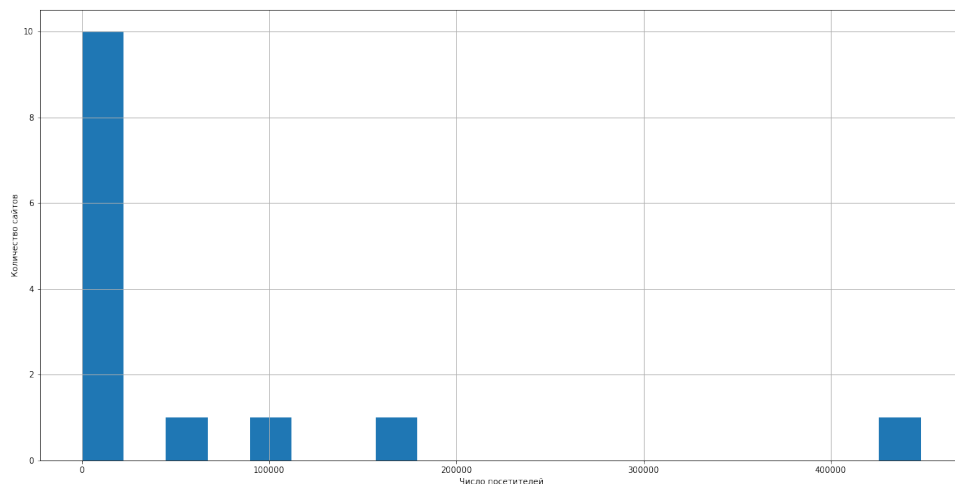
Подавляющее большинство сайтов из топ-10 Google по самым популярным запросам, связанным с шерингом вещей, было создано в период с 2012 по 2017 г. Более трети компаний — молодые, их сайты появились менее десяти лет назад. Пик регистрации приходится на 2016—2017 гг. Таким образом, можно сделать

¹⁸ Подробнее о сервисе Whois см.: URL: <https://www.nic.ru/whois> (дата обращения: 19.05.2020).

вывод, что лидерами на рынке шеринга вещей являются молодые компании, созданные в последние 10—15 лет.

Четвертый этап нашего исследования включал анализ посещаемости сайтов, предоставляющих услуги по аренде вещей, за апрель 2020 г. Источниками данных выступили интернет-сервисы компаний SimilarWeb¹⁹ и 2IP²⁰, занимающихся веб-аналитикой (см. рис. 8).

Рис. 8. Гистограмма распределения числа сайтов по количеству визитов их посетителей

Как видно из рисунка 8, посещаемость подавляющего большинства сайтов, входящих в топ-10 Google по запросам, связанным с шерингом вещей, не превышает 100 тыс. визитов в месяц. Таким образом, популярность интернет-сервисов по шерингу вещей невелика и сильно отстает от посещаемости сайтов торговых компаний. Для сравнения нами были выбраны интернет-магазины, предлагающие аналогичные товары, с доступной статистикой посещений. Источниками данных выступили уже упоминаемые выше сервисы компаний SimilarWeb и 2IP. Как показал наш анализ, в апреле 2020 г. посещаемость сайтов «Все инструменты» (<https://www.vseinstrumenti.ru>) и «Петрович» (<https://petrovich.ru>), которые продают строительные материалы и инструменты, а также оказывают услуги по аренде последних, составила 16,4 млн и 4,0 млн визитов соответственно. Это в десятки раз больше, чем посещаемость сайтов компаний, сдающих инструменты в аренду. Количество визитов на сайты «Квадро Экстрим» (<https://kvadro-extrim.ru/>) и Pro-kvad (<https://pro-kvad.ru/>), предлагающие квадроциклы в аренду, не превышает 500 в месяц. Это в разы меньше, чем у магазинов по продаже квадроциклов, например, у ATV4x4 (<http://www.atv4x4.ru/>) и Stels (<https://stelsbicycle.ru/>). Популярность компаний по аренде велосипедов — например, Kruti-Pedali ([¹⁹ Подробнее см.: URL: <https://www.similarweb.com/top-websites> \(дата обращения: 19.05.2020\).](https://www.kruti-</p></div><div data-bbox=)

²⁰ Подробнее см.: URL: <https://2ip.ru/site-statistics> (дата обращения: 19.05.2020).

pedali.ru/) и «Оливер Байкс» (<https://bikerentalmoscow.com/>), — ниже, чем у сайтов крупных магазинов по продаже велосипедов — например, «ВелоСтрана» (<https://www.velostrana.ru/>) и «ВелоСклад» (<https://www.velosklad.ru/>).

Итак, проведенное исследование подтверждает активное развитие рынка шеринга вещей: количество соответствующих запросов возрастает. Несмотря на то, что структура интереса к тем или иным товарам напрокат подвержена сезонным колебаниям, в целом этот интерес демонстрирует возрастающий тренд; появляется все больше компаний, предлагающих услуги шеринга вещей.

Заключение

Российские потребители постепенно осознают преимущества шеринга вещей и склоняются к их использованию вместо владения ими. Это происходит потому, что в перечень преимуществ шеринга входят следующие возможности: сэкономить; воспользоваться премиальным товаром или предметом роскоши по приемлемой цене; получить вещь здесь и сейчас, а не копить деньги; протестировать вещь перед покупкой; не нести затраты на поддержание вещи в товарном состоянии и ее хранение; не нести риски утраты или повреждения вещи в период неиспользования; сэкономить пространство в жилище или гараже.

Основными препятствиями для развития шеринга вещей оказываются: высокая стоимость аренды; невысокая осведомленность потребителей о ее преимуществах; трудности с доставкой; большие затраты времени на поиск и получение вещи; возможные риски повреждения арендуемых товаров.

Наиболее востребованные на российском рынке шеринга средства передвижения — велосипеды, самокаты, квадроциклы и др. Следующие по популярности — товары, используемые потребителями ситуативно (костюмы, часы, платье). Замыкают список наиболее востребованных вещи, потребность в которых имеет ярко выраженную сезонность (например, мангалы), а также те, которые будут применяться разово (например, мотоблоки, перфораторы, фототехника, игровые приставки) или в период поездки (палатки, биотуалеты, коляски).

Структура спроса у пользователей шеринга вещей неоднородна. На некоторые товары (например, костюмы) сохраняется стабильный спрос. Быстрый рост интереса к отдельным категориям вещей (например, квадроциклам и сноубордам) в последние два-пять лет сменился снижением. Популярность ряда других товарных групп (например, инструментов) растет. Поскольку спрос на наиболее востребованные товары имеет выраженную годовую сезонность, сервисы шеринга вещей должны учитывать этот факт при формировании ассортимента товаров.

Лидерами на рынке шеринга вещей выступают молодые компании, созданные преимущественно в период с 2012 по 2017 г. Посещаемость сайтов, предоставляющих товары в аренду, невелика и сильно отстает от посещаемости сайтов торговых компаний. Объем рынка аренды вещей незначителен, однако быстро расширяется.

Список литературы (References)

Адактилос А. Д., Чаус М. С., Молдован А. А. Шеринговая экономика // *Economics*. 2018. № 4. С. 95—100.

Adaktilos A. D., Chaus M. S., Moldovan A. A. (2018) Schering Economics. *Economics*. No. 4. P. 95—100. (In Russ.)

Борочкин А. А. Использование статистики поисковых запросов в сети Интернет для краткосрочного прогнозирования макроэкономических переменных // Деньги и кредит. 2013. № 8. С. 28—32.

Borochkin A. A. (2013) Using the Statistics of Search Queries on the Internet for Short-Term Forecasting of Macroeconomic Variables. *Money and Credit*. No. 8. P. 28—32.

Веремчук А. В., Розбицький М. А. Оцінка потенціалу «великих даних» для дослідження трудової міграції // Демографія та соціальна економіка. 2019. № 1. С. 197—208. <https://doi.org/10.15407/dse2019.01.196>.

Veremchuk A. V., Rozbitsky M. A. (2019) Estimation of Big Data in Labor Migration Research. *Demography and Social Economy*. No. 1. P. 197—208. <https://doi.org/10.15407/dse2019.01.196>. (In Ukr.)

Земскова Е. С. Шеринг как отражение ценностных ориентиров потребителя в цифровой экономике // Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 17—27.

Zemskova E. S. (2019) Sharing as the Reflection of Consumer Values in Digital Economy. *Economics and Environmental Management*. No. 3. P. 17—27. (In Russ.)

Маркеева А. В. Экономика участия (sharing economy): проблемы и перспективы развития // Инновации. 2017. № 8. С. 73—80.

Markeeva A. V. (2017) The Economy of Participation (Sharing Economy): Problems and Development Prospects. *Innovations*. No. 8. P. 73—80. (In Russ.)

Соколов С. В. Применение веб-аналитического инструментария Google Trends в социогуманитарных и библиотковедческих исследованиях // Библиосфера. 2018. № 4. С. 3—9.

Sokolov S. V. (2018) The Use of Web-Analytical Tools Google Trends in Socio-Humanitarian and Library Research. *Bibliosphere*. No. 4. P. 3—9. (In Russ.) <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2018-4-3-9>

Amasawa E., Shibata T., Sugiyama H., Hirao M. (2020) Environmental Potential of Reusing, Renting, and Sharing Consumer Products: Systematic Analysis Approach. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 242. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.118487>.

Askitas N. (2015) Google Search Activity Data and Breaking Trends. *IZA World of Labor*. No. 206. <https://doi.org/10.15185/izawol.206>.

Becker-Leifhold C. V. (2018) The Role of Values in Collaborative Fashion Consumption — A Critical Investigation Through the Lenses of the Theory of Planned Behavior. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 199. P. 781—791. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.06.296>.

Belk R. (2014) You Are What You Can Access: Sharing and Collaborative Consumption Online. *Journal of Business Research*. Vol. 67. No. 8. P. 1595—1600. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2013.10.001>.

- Botsman R., Rogers R. (2010) What's Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. New York: Harper Collins Publishers.
- Charalampopoulos I., Nastos P., Didaskalou E. (2017) Human Thermal Conditions and North Europeans' Web Searching Behavior (Google Trends) on Mediterranean Touristic Destinations. *Urban Science*. Vol. 1. No. 8. <https://doi.org/10.3390/urbansci1010008>.
- Choi H., Varian, H. (2012) Predicting the Present with Google Trends. *Economic Record*. Vol. 88. No. s1. P. 2—9. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4932.2012.00809.x>.
- Frenken K. (2017) Political Economies and Environmental Futures for the Sharing Economy. *Philosophical Transactions of the Royal Society A*. Vol. 375. No. 2095. <https://doi.org/10.1098/rsta.2016.0367>.
- Irana S., Geiger S., Schrader U. (2018) Collaborative Fashion Consumption — A Cross-Cultural Study between Tehran and Berlin. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 212. P. 313—323. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2018.11.163>.
- Kristoufek L. (2013) Bitcoin Meets Google Trends and Wikipedia: Quantifying the Relationship between Phenomena of the Internet Era. *Scientific Reports*. No. 3. <https://doi.org/10.1038/srep03415>.
- Lawson S. J., Gleim M. R., Perren R., Hwang J. (2016) Freedom from Ownership: An Exploration of Access-Based Consumption. *Journal of Business Research*. Vol. 69. No. 8. P. 2615—2623. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2016.04.021>.
- Simionescu M., Zimmermann K. F. (2017) Big Data and Unemployment Analysis. *GLO Discussion Paper*. No. 81. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:zbw:glodps:81> (дата обращения: 04.08.2021).
- Tukker A. (2015) Product Services for a Resource-Efficient and Circular Economy — A Review. *Journal of Cleaner Production*. Vol. 97. P. 76—91. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2013.11.049>.
- Woo J., Owen A. L. (2019) Forecasting Private Consumption with Google Trends Data. *Journal of Forecasting*. Vol. 38. No. 2. P. 81—91. <https://doi.org/10.1002/for.2559>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1925](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1925)

А. С. Адельфинский

ПРИЧИНЫ БЕГОВОГО БУМА 2010-х: КЕЙС-СТАДИ КРУПНЕЙШЕГО МАРАФОНА РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Адельфинский А. С. Причины бегового бума 2010-х: кейс-стади крупнейшего марафона России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 275—299. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1925>.

For citation:

Adelfinsky A. S. (2021) Causes of the 2010 Running Boom: Case Study of the Russia's Largest Marathon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 275–299. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1925>. (In Russ.)

ПРИЧИНЫ БЕГОВОГО БУМА 2010-х: КЕЙС-СТАДИ КРУПНЕЙШЕГО МАРА- ФОНА РОССИИ

*АДЕЛЬФИНСКИЙ Андрей Станиславо-
вич — кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика и бизнес»,
МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия
E-MAIL: adelfi@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0690-8848>*

Аннотация. В статье изучен кейс трансформации крупнейшего марафона России (в 1981—2012 гг. Московский международный марафон мира, с 2013 г. — Московский марафон). С 2011 по 2016 г. число его участников выросло в восемь раз. Масштабность изменений заставляет говорить о фитнес-буме 2010-х годов. Пресса присуждает лавры успеха возникшему малому бизнесу по организации массовых событий — но заслуженно ли?

Методы исследования: анализ беговой статистики и документов — календарей, результатов и положений массовых забегов; анализ публикаций в прессе и интернете; включенное наблюдение в практике бега.

Результаты кейс-стади выявили четыре ведущих фактора бегового бума. Во-первых, это наследие фитнес-бума 1970—1980-х годов, позволяющее говорить о 2010-х как о второй волне. Во-вторых, кампании по популяризации массового бега транснациональных брендов Nike и Adidas, создавшие «точку входа» в практику массового бега. Подробно описана кампания Nike We Run Moscow 2010—2015. В-третьих, трансформация медиасреды, облегчившая распространение

CAUSES OF THE 2010 RUNNING BOOM: CASE STUDY OF THE RUSSIA'S LARGEST MARATHON

*Andrey S. ADELFINSKY¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economics and Business
E-MAIL: adelfi@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0690-8848>*

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the case of the transformation of the largest marathon in Russia (in 1981—2012: Moscow International Peace Marathon, since 2013 — Moscow Marathon). From 2011 to 2016, the number of its participants increased eightfold. The extent of the changes made us talk about the fitness boom of the 2010s. The press awards the laurels of success to the emerging small business in the field of organization of mass events — but is it true? In our research we used the following methods: analysis of running statistics and documents — calendars, results and regulations of mass races; analysis of publications in the press and on the Internet; overt observation in the running. The case study revealed four leading drivers of the running boom. Firstly, it is the legacy of the 1970s and 1980s fitness boom, allowing to speak of the 2010s as the second wave. Secondly, the campaigns for popularization of mass running undertaken by the multinational brands Nike and Adidas have created an “entry point” into the mass running practice. Nike We Run Moscow campaign 2010—2015 is described in detail. Thirdly, the transformation of media made it easier for these campaigns to spread. Fourthly, the change in the local political situation that influenced the

этих кампаний. В-четвертых, изменение локальной политической конъюнктуры, повлиявшее на траекторию бума. Следствием первоначального роста и еще одним дополнительным фактором фитнес-бума действительно стали «предприниматели от бега», но их появление связано с перераспределением административных ресурсов, а не с открытием «новой ниши». Возникли побочные эффекты предпринимательства: джентрификация бега, коммерциализация с 18-кратным ростом взносов, снижение доступности участия.

Обсуждение развивает дискуссию о моделях спорта. Мы полагаем, что пропагандировать «физкультуру ради здоровья» беспредметно, а причина низкого уровня вовлеченности — сложившаяся проолимпийская модель, дисфункциональная для неэлитного спорта. Необходимо внедрение экспрессивной модели и репозиционирование массового спорта, что отчасти уже произошло. Процесс коммерциализации массового бега позволяет задать вопрос о расхождении дискурса власти (на развитие спорта) и реальной ситуации.

Ключевые слова: беговой бум, марфон, массовый спорт, кейс-стади, социология спорта, джентрификация спорта, коммерциализация спорта, управление спортом, фитнес-бум

trajectory of the boom. “Entrepreneurs from running” were the consequence of the initial growth hence also contributing to the fitness boom. Their emergence is associated with the change of lobbying groups rather than with their opening of a “new niche”. Side effects of entrepreneurship have emerged: gentrification of the run, its commercialization with an 18-fold increase in entry fees, thus reducing accessibility to participation. The study contributes to the discussion of sport models. We conclude that promoting “physical education for health” is pointless. We consider that the currently prevailing pro-Olympic model is the reason for low engagement of population into sports, and that it is dysfunctional for non-elite. We state that the introduction of an expressive model and repositioning of mass sports is needed (which in part has already happened). The process of commercialization of mass running raises the question about the discrepancy between the statements of the authorities (on the development of sports) and the real situation.

Keywords: running boom, fitness boom, marathon, mass participation sport, sociology of sport, commercialization of sport, sport policy, gentrification of sport

Модное увлечение молодых?

«Бег трусцой из утреннего моциона пенсионеров превратился в модное увлечение молодых», — утверждает недавняя статья в «Ведомостях»¹. Действительно, статистика участия в крупнейшем российском пробеге (до 2012 г. — Московский международный марафон мира (ММММ), с 2013 г. — Московский марафон (ММ)) демонстрирует бурный рост в первой половине 2010-х годов, причем за счет притока молодежи. В чем причины и каковы драйверы этого бегового бума? Изменения позитивны или есть социальные издержки? Почему молодые прониклись увлечением «пенсионеров»?

Причины моды на бег и здоровый образ жизни (ЗОЖ) обсуждались в ряде публикаций прессы. Растущая популярность бега в 2014 г. была темой журналистских расследований, где феномен «моды на бег» увязывался с открытием бизнесом новой рыночной ниши. Объяснение причин роста указывало на предпринимателей-инициаторов «перезагрузки» главного марафона России, начавших работать с молодой аудиторией, и создавших в 2013 г. новые «более яркие» забеги серии ММ — якобы так была создана мода на бег и открыта пустовавшая прежде рыночная ниша². Однако, несмотря на растущий в академическом сообществе интерес к теме ЗОЖ, фитнес-бум 2010-х почти не рассматривался в отечественной научной литературе. Таким образом, наше исследование (включая его более ранние варианты [Адельфинский, 2016, 2018]) — это, возможно, первая попытка его осмысления.

Цель данной статьи — через описание случая трансформации крупнейшего марафона России представить объяснение причин, драйверов и следствий бегового бума 2010-х годов. А также понять, как данная трансформация соотносится, во-первых, с проблемой противоречий олимпийского и массового сегментов спортивной отрасли и, во-вторых, с проблемой коммерциализации европейской модели спорта.

Структура работы выстроена согласно логике собранного материала. Результаты в целом описывают случай трансформации Московского марафона (из ММММ в ММ) и крупнейших серий беговых событий Москвы. После обзора литературы и гипотезы прессы следует описание выявленных факторов бегового бума 2010-х. Это наследие фитнес-бума 1970—1980-х, глобальная кампания по продвижению бега Nike, новые медиа, перемены во власти. Приведена динамика цен и возрастного профиля участников. Отмечены социальные издержки, включая 18-кратный рост взносов. В заключение дается общая интерпретация кейса.

Обзор литературы

Беговой бум 2010-х годов в отечественной научной литературе почти не рассматривался. До сих пор исследователи анализировали преимущественно физиологические параметры бегунов, методики тренировок, медицинское обеспечение забегов, труд волонтеров, элементы соответствующих рекламных кампаний и т. д.

¹ Макушева М. Бегом за преодолением // Ведомости. 2020. 23 сентября. URL: <http://vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/22/840853-begom-preodoleniem> (дата обращения: 10.08.2021).

² Мамедова Д. Все побежали. Кто и как зарабатывает на Московском марафоне? // Коммерсантъ Секрет Фирмы. 2014. № 11. С. 30. URL: <http://kommersant.ru/doc/2590706> (дата обращения: 10.08.2021).

[Олефиренко, Буглак, Золотарева, Люлько, 2019; Пономарев, 2017; Рябкова, Кондрашова 2018; Слугин 2013; Климкович 2018; Михель, 2018]. Московский марафон упоминается лишь как подтверждение интереса поколения Y к теме ЗОЖ [Аверина, 2019].

Зарубежные исследования социально-экономических аспектов массового бега сосредоточены преимущественно на собственных странах и России не касаются. Мы судим по недавней обзорной статье западноевропейских авторов [Scheerder, Breedveld, Borgers, 2015a] и списку цитирующих ее текстов. В ряде работ сообщается о возобновлении роста числа массовых пробегов и их финишеров после стагнации 1990-х годов, что рассматривается как свидетельство второй волны бегового бума на рубеже XX и XXI веков [Bezold, 2006; van Bottenburg, Hover, Scheerder, 2010; Scheerder, Breedveld, Borgers, 2015b; Hover, van der Werff, Breedveld, 2015; Nilson et al., 2021]. В данных работах изучались в основном характеристики беговой аудитории. Таким образом, речь шла скорее о следствиях, а не о причинах бума. В свою очередь, более раннее исследование о развитии Нью-Йоркского марафона П. Купер построено с опорой на концепцию «видимой руки» А. Чандлера-мл. [Cooper, 1992, 1998]. Мы намерены придерживаться того же подхода, то есть искать конкретные причины и акторов перемен.

Дизайн и методы исследования

Объектом нашего изучения выступает ММММ/ММ, причем не как единичный марафон, а как крупнейшая серия пробегов в спортивном календаре Москвы 2000-х и 2010-х годов. В основу исследования положена стратегия изучения случая (кейс-стади). Авторы ряда обзорных работ подчеркивали гибкость данной стратегии, ее мультипарадигмальность, мультиметодичность, фрагментарность и разнообразие эмпирической базы, нарративную форму изложения результатов, а также ее холизм и контекстуальность [Полухина, 2013; Козина, Сережкина, 2015].

Для получения эмпирических данных мы использовали ряд методов. Во-первых, включенное наблюдение в циклических видах спорта, и начиная с 2003 г. — в массовых забегах. Это позволило вести сбор фактов и неформально общаться со стейкхолдерами бегового «поля». Во-вторых, мы собирали и анализировали беговую статистику и документы — календари, протоколы и положения забегов, имеющиеся на ресурсе «ПробЕГ в России и в мире»³. Нас интересовали: число участников, их профиль по возрасту и времени финиша, размер стартовых взносов, организаторы и локации беговых событий. В-третьих, мы анализировали уже опубликованные научные и публицистические статьи. В частности, запрос «московский марафон» к базе данных федеральной прессы «Интегрум» (<http://integrum.ru/>) за 2010—2016 гг. выявляет 122 статьи; к базе данных РИНЦ (<http://elibrary.ru/>) — 10 научных статей. Таким образом, возможная субъективность включенного наблюдения компенсируется тем, что второй и третий методы обеспечивают нас верифицируемой информацией с возможностью ее количественной оценки.

³ Ресурс «ПробЕГ в России и в мире» был основан в 2003 г. группой бегунов-любителей как путеводитель по беговой жизни СНГ и де-факто является единственным источником статистики по массовому бегу РФ. Подробнее см.: URL: <http://probeg.org/> (дата обращения: 06.08.2021).

Версия прессы

В 2014 г. журналисты изданий «Коммерсантъ Секрет Фирмы»⁴, «PROспорт»⁵ и «Огонек»⁶ одинаково описывали причины бегового бума. «Бег стал модным явлением в столице, а предприниматель Дмитрий Тарасов — самым успешным организатором коммерческих забегов», — утверждал «Коммерсантъ Секрет Фирмы»⁷. Выясняя причины роста, журналистское расследование Д. Мамедовой указывало на открытие бизнесом новой рыночной ниши: «До недавнего времени <...> забеги организовывали <...> муниципалитеты или спортивные ассоциации. Все изменилось, когда новую нишу заметили предприниматели»⁸. Герой статьи — директор ММ и агентства «Новая атлетика» Д. Тарасов признался, что был вдохновлен бизнес-стратегией «голубого океана»⁹: «Зимой 2010-го <...> пришел к выводу, что коммерческие забеги — это и есть „голубой океан“. В России тогда никто не рассматривал бег как бизнес»¹⁰. Уже весной 2010 г., как сообщает «Коммерсантъ Секрет Фирмы», «не новичок в спортивном менеджменте <...> учредил [свое агентство] и познакомился с маркетинг-директором Nike в России. Тарасову повезло: стратегия [Nike] предусматривала расходы на продвижение товаров для бега и вовлечение в этот вид спорта новых участников»¹¹. О бизнес-успехе ММ свидетельствовал анализ экономики проекта, а подтверждением общего успеха был новый всероссийский рекорд массовости участия на ММ против ММММ¹².

Будущие «секреты производства» проекта ММ озвучивались при его анонсе в 2013 г.: «Аналогичные мероприятия уже проводятся в Лондоне, Париже, Токио, Нью-Йорке. В России же данный забег первый», — сообщала пресса в 2013 г., утверждая, что для любителей бега это «возможность принять участие в качественном мероприятии, которых так не хватает в России»¹³. Другое издание уточняло: «Первый Московский марафон — замена ММММ. Организует все по-прежнему правительство Москвы, только теперь им помогают новые люди, знающие толк в марафонах»¹⁴. Подчеркивались новинки ММ: «Впервые проведут пять подгото-

⁴ Мамедова Д. Все побежали: Кто и как зарабатывает на Московском марафоне? // Коммерсантъ Секрет фирмы. 2014. № 11. С. 30. URL: <http://kommersant.ru/doc/2590706> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵ Калинина Н. Красота среди бегущих // PROспорт. 2014. № 11. С. 134—137.

⁶ Беляев А. Бег снова в моде // Огонек. 2014. № 36. С. 44. URL: <http://kommersant.ru/doc/2562549> (дата обращения: 10.08.2021).

⁷ Мамедова Д. Все побежали: Кто и как зарабатывает на Московском марафоне? // Коммерсантъ Секрет фирмы. 2014. № 11. С. 30. URL: <http://kommersant.ru/doc/2590706> (дата обращения: 10.08.2021).

⁸ Там же.

⁹ Речь о маркетинговой стратегии, описанной в книге У. Ч. Ким и П. Моборн «Стратегия голубого океана: как создать свободную рыночную нишу и перестать бояться конкурентов» (М.: НППО, 2005).

¹⁰ Мамедова Д. Все побежали: Кто и как зарабатывает на Московском марафоне? // Коммерсантъ Секрет фирмы. 2014. № 11. С. 30. URL: <http://kommersant.ru/doc/2590706> (дата обращения: 10.08.2021).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Коган В. Бег днем и ночью. Московский марафон пройдет по главным улицам и бульварам столицы // Новые Известия. 2013. 4 апреля. № 60. URL: <http://newizv.ru/news/society/04-04-2013/180502-beg-dnem-i-nochju> (дата обращения: 10.08.2021).

¹⁴ Вяхорева В. Бег в Москве. Каким будет новый Московский марафон // Афиша Daily. 2013. 4 апреля. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/kakim-budet-novij-moskovskij-marafon/> (дата обращения: 10.08.2021).

вительных [забегов]», онлайн-тайминг, уникальная трасса¹⁵. Активно отмечались недостатки замещаемого ММММ. Журналисты писали о ежегодном снижении его популярности: «Бегунов было человек 300, в основном старички 50—60 лет и старше. Молодежь марафон упорно игнорировала»¹⁶. Кроме Д. Тарасова, активно комментировала замену ММММ креативный директор ММ А. Боярская: «Московский марафон мира проходил 32 года подряд и был прекрасной традицией, которую нам совершенно не хотелось нарушать. Но с организацией были проблемы — оттенок советской культуры не в самых лучших проявлениях»¹⁷. Схожая позиция заявлена А. Боярской и в интервью 2016 г. На вопрос «Приходилось ли <...> встречаться с советской системой беговых клубов?» она отвечает: «Главное отличие в том, что советский спорт очень сильно ориентирован на результат. Если ты бегаешь иначе, не назло рекордам, то тебе не с нами <...>. В Москве существовал Международный марафон мира с адским дизайном и ужасной организацией. Это было жалкое зрелище: кругами по набережной бежали несколько сотен человек... Но при этом все приверженцы старой школы были убеждены, что все у них хорошо и ничего менять не надо <...>. В итоге мы с Тарасовым <...>»¹⁸.

Итак, версия прессы вкратце такова: предприниматель создал привлекательный для молодой аудитории новый продукт участие в мероприятиях некоего «нового качества» — благодаря этому возникла «мода на бег» и открылась новая рыночная ниша. Возьмем эту версию как гипотезу и проведем кейс-стади, где отправной точкой будет «перезагрузка» крупнейшей серии пробегов России и появление «первого» Московского марафона.

Озвученная версия о предпринимателе вызывает ряд вопросов — о точности фактов и полноте их изложения; о наличии более широкого контекста происходивших событий; об уточнении «нового качества» забегов; о конкретизации «оттенков советской культуры». Те единичные статьи, противоречащие этой версии, обсудим ниже. Анализ же начнем с изучения вопроса о «советской системе беговых клубов», поставленного в процитированном выше интервью.

Наследие фитнес-бума 1970-х и 1980-х

Ориентированный на результат советский спорт как отрасль и советская «система» беговых клубов в реальности имели разный генезис и были антагонистами по сути. К концу советской эпохи функциональный смысл отечественной отрасли физической культуры и спорта (ФКиС) — спорткомитетов, федераций, добровольных спортивных обществ, секций и спортшкол — действительно свелся лишь к обеспечению высших достижений и результата на Олимпийских играх. «Все, даже формирование секций в самых глухих городах, выводится на решение головной задачи: рекорды, золотые медали», — писал Ю. П. Власов об институциональной

¹⁵ Там же.

¹⁶ Бессребренников А. Новый марафон // Петровка, 38. № 33—34. 2013. 4—11 сентября. URL: <http://petrovka-38.com/arkhiv/item/noviy-marafon> (дата обращения: 10.08.2021).

¹⁷ Вяхорева В. Бег в Москве. Каким будет новый Московский марафон // Афиша Daily. 2013. 4 апреля. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/kakim-budet-novij-moskovskij-marafon/> (дата обращения: 10.08.2021).

¹⁸ Миронов Ф. Москва — город пьющий или бегающий? // Афиша Daily. 2016. 3 августа. URL: <http://daily.afisha.ru/cities/2499-kuda-pribezhal-moskvy-aktivisty-podvodyat-itogi-sportivnogo-buma/> (дата обращения: 10.08.2021).

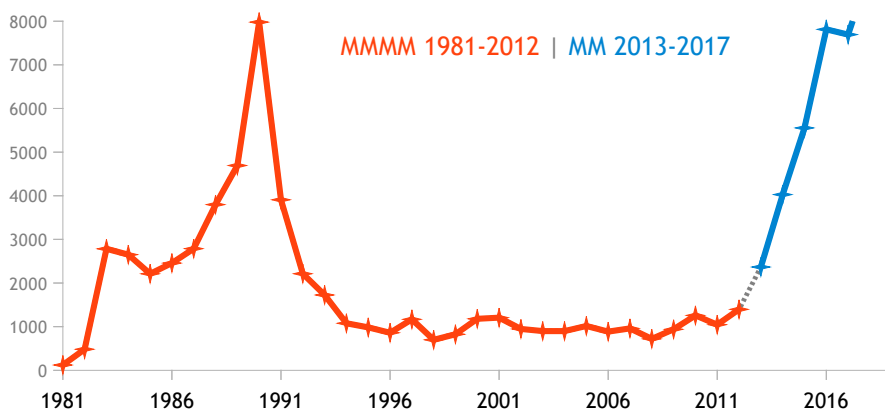
организации отрасли, сложившейся к концу 1970-х¹⁹. Но первопричиной виделась не абстрактная советская культура, а реальная практика международного олимпийского движения с его рекордистской (традиционно-согнзательной, про-олимпийской) моделью, в логике которой цель участия в спорте — выиграть, победить, а сам спорт — пирамида отборочных соревнований с вершиной в виде олимпиады. В этой логике отрасль ФКиС развивалась в 1950—1960-х годах после вступления в олимпийское движение, что привело к утрате изначальной установки на массовость участия, сложившейся в 1920-х и 1930-х годах. А. А. Исаев отмечал, что хотя для массового спорта России проблема негативного влияния реального олимпизма приобрела наиболее острый характер, она свойственна также и для западных стран [Исаев, 2002].

Советские клубы любителей бега и лыж (КЛБ и ЛК) возникли уже как часть нового глобального феномена, не укладывавшегося в олимпийскую модель. Феномен получил разные названия: программа «Спорт для всех», ЗОЖ, фитнес- и беговой бум и т. п. По сути, речь шла об иной, *экспрессивной* модели спорта. В 1970-х и 1980-х годах этот «спорт для всех» обрел форму открытых соревнований по бегу, триатлону, лыжам, велоспорту и т. п., отличительной чертой которых стал открытый допуск без селекции по мастерству или возрасту, а также демократичные временные лимиты. Если в *рекордистской* модели цель участия — победить соперника, то в *экспрессивной* победа может трактоваться иначе — как свой результат, свое достижение, победа над собой, над дистанцией или обстоятельствами. Это создает цель участия для ординарных атлетов (то есть для всех желающих), чья карьера развивается не от значка ГТО к олимпийской медали, но от 5 км — к марафонам, триатлонам и многодневным гонкам на базе календаря подобных событий. Эксперты рекомендовали занимающимся выстраивание календаря из 24 стартов в год, участие в которых придает осязаемый смысл регулярным тренировкам. Спортивный календарь наполняется индивидуально: любители со стажем способны бегать полумарафоны еженедельно, новичкам предлагают готовиться к 5 км не менее двух месяцев [Адельфинский, 2014, 2021].

Первые советские КЛБ возникли в 1970-х годах. В основном это была самодеятельная активность любителей бега, лыжного спорта и т. п., создававших подобные открытые соревнования для самих себя. Бурный рост начался в 1980-х: движение КЛБ и ЛК обрело скромную поддержку власти — подобные клубы стали создаваться при предприятиях. В газете «Советский спорт» и журнале «Легкая атлетика» возникли рубрики КЛБ/ЗОЖ, был учрежден ряд массовых мероприятий. Пробег «Труд» из состязания элитных стайеров трансформировался в открытое событие. В 1981 г. был основан Московский международный марафон мира, ставший ведущим советским пробегом. К началу 1990-х движение КЛБ заметно выросло, но для отрасли ФКиС этот феномен так и остался периферийным элементом, с уничижительным отношением как к «массовке» со стороны спортивных работников. Эксперты ратовали за независимое системное развитие «спорта для всех» как новой формы, чего, однако так и не произошло [Чернов, Кузнецов, Каширцев, 1992].

¹⁹ Власов Ю. П. Зачем нам нужен спорт? // Советская культура. 1988. 23 апреля. С. 8.

Рис. 1. Число финишеров крупнейшего пробега России, ММММ/ММ 42 км

Мы полагаем, что причины спада отечественного фитнес-бума вызваны издержками трансформации экономики в 1990-х годах. При этом система ФКиС сохранилась, по сути, неизменной, имея бюджетную привязку. Напротив, большинство КЛБ прекратили существование вслед за реформой предприятий и секвестром социальных программ. Отдельные клубы сумели выжить на энтузиазме их членов в основном как малые группы. Также сохранился ряд массовых мероприятий, имевших поддержку городских властей. В частности, в Москве это крупнейшие серии пробега — ММММ и «Труд-Лужники». Число финишеров ММММ на дистанции 42,195 км хорошо отражает динамику бегового бума СССР и России в целом — рост в 1980-х, а затем резкий спад в 1991—1993 гг. до некоего уровня, остававшегося стабильным (см. рис. 1). Почему же вовлечения новых участников удалось добиться лишь в 2010-х? Полагаем, ключевой причиной стала успешная рекламная кампания по продвижению бега, а вовсе не открытие «голубого океана» предпринимателями.

Транснациональная кампания Nike по продвижению бега в 2000-х и 2010-х

«События удивительные стали происходить в беговом мире Москвы, — записал в дневнике сооснователь ресурса Probeg.org Владимир Метелкин. — Сначала компания Nike начала двигаться в сторону бегунов, разродившись... серией! Но вот сдвинулся с места великий спортивный монстр Adidas! На 25.09.2010, в субботу, Adidas Challenge — на день раньше Nike Run. Что-то будет?»²⁰ Описываемые события — запуск московской кампании по продвижению субкультуры бега, ранее развернутой фирмой Nike на развитых рынках. В 2003—2005 гг. кампания проводилась в ряде городов Северной Америки как Nike Run Hit Wonder, в 2008—2009 гг. — уже в 27 городах мира как Nike + Human Race, а начиная с 2010 г. —

²⁰ Метелкин В. Adidas Challenge, 4.1км–19.50 // Блог факультативных занятий спортом. 2010. 25 сентября. URL: <http://wild-archiv2007-2013.blogspot.com/> (дата обращения: 10.08.2021).

на растущих рынках как Nike We Run²¹. Ее ключевыми элементами стали типовая ивент-программа и некое креативное решение с героем как ролевой моделью.

Героем кампании Nike Run в Торонто в 2003 г. стал начинающий бегун, молодой мужчина не в лучшей форме, но настроенный финишировать в Nike Run, даже если умрет. В течение 9 недель он рассказывал о своей подготовке к 10-километровому пробегу, приглашая желающих присоединиться. В качестве средств медиапродвижения использовались утреннее шоу на радио, колонка в бесплатной газете и наружная реклама. Целью кампании было вдохновить среднего горожанина встать с дивана, сподвигнув городское сообщество к разговорам о бегунах, нынешних и будущих. А также, конечно, привести на сайт или в точки продаж компании для регистрации на забег Nike Run 10 км, создав тесную связь между продукцией Nike и событием. Кампания увенчалась успехом, собрав более 7500 бегунов, а также сделав ее героя городской знаменитостью²².

Ивент-программа — вторая, более типовая часть беговых кампаний Nike, которую, очевидно, обеспечивают учреждаемые агентства-подрядчики. Так, агентство Lulu Live было создано для организации мероприятий Nike Run Hit Wonder в 2003 г. на Северо-Западе США с целью представить бег новой аудитории свежим способом, создав преимущества для бренда Nike. Эта цель реализовывалась путем организации программ 7-недельных бесплатных тренировок с кульминацией в виде 5- и 10-километровых массовых пробегов с концертным оформлением. Роль агентства заключалась в контроле и управлении субподрядчиками, планировании и реализации всех элементов событий, оперируя для этого бюджетом ивент-программы²³. Де-факто агентство было менеджером проекта, оформленным в качестве независимой фирмы.

Российская адаптация кампании: Nike Run Moscow в 2010—2015 гг.

Кампания Nike We Run в Москве стартовала весной 2010 г. Рекламные постеры в столичных вузах предлагали вступить в движение «Я бегу», примкнув к соответствующей группе во «ВКонтакте». Группа информировала о тренировках, маршрутах и забегах проекта. Дважды в неделю в десяти парках все желающие занимались «под руководством профессиональных тренеров»²⁴. Информацию подтверждает дневник В. Метелкина: «С положительными эмоциями узнал <...> что Nike решила вложить деньги в развитие любительского бега <...> продюсировав проект „Я бегу“, наняв инструкторами десяток вчерашних студентов <...> [ставших]

²¹ Подробнее см.: Nike Run Hit Wonder Race Returns for 2005 National Tour // Nike.com. 2005. June 7. URL: <http://news.nike.com/news/nike-run-hit-wonder-race-returns-for-2005-national-tour> (дата обращения: 10.08.2021); Runners Unite for Nike+ Human Race 2009 // Nike.com. 2009. October 24. URL: <http://news.nike.com/news/runners-unite-for-nike-human-race-2009> (дата обращения: 10.08.2021); We Run Photo Gallery // Nike.com. 2012. August 13. URL: <https://news.nike.com/news/we-run-2011-photo-gallery> (дата обращения: 10.08.2021).

²² Billiam J. Nike's «Running Guy» Comes to Life on Radio // JamesGang.com. 2007. URL: <https://www.jamesgang.com/billiam/nikerunning2007.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

²³ Stevens G. L. Nike Run Hit Wonder 2004 // LuLuLive.net. 2008. URL: <http://lululive.net/experience/detail.php?c=2410899> (дата обращения: 10.08.2021).

²⁴ Кампания для Nike продолжилась «забегом в отрыв» // Sostav.ru. 2010. 16 августа. URL: <http://sostav.ru/news/2010/08/16/cod4/> (дата обращения: 10.08.2021).

проводить занятия среди начинающих»²⁵. Управляло ивент-программой новоучрежденное агентство-подрядчик «Новая атлетика» (то есть Д. Тарасов), его сайт NewRunners.ru публиковал пресс-релизы забегов. О главном пробеге Nike Run Moscow 2010 можно найти массу отчетов: «Задача участников <...> пробежать <...> 5 км <...>. После награждения всех <...> ждал главный приз — праздничный концерт <...> Cheese People, Run Run Run и <...> Софи Эллис-Бекстор»²⁶.

Героиней московской кампании Nike в 2011 г. стала 25-летняя журналистка, модель и актриса Александра Боярская-Уэйтт, автор блога о жизни в Лондоне. Ранее не занимаясь бегом, в июне 2011 г. она начала первые регулярные пробежки. Медиаинструменты кампании: новый блог NikeMarathon²⁷, группы в соцсетях, ряд изданий. За месяц до Nike Run Moscow 2011 в одной из статей всем желающим предложили бежать его вместе с Боярской, рассказав о девушке, которая уже два месяца «удивляет френдленту <...> не только заметками о <...> лондонской жизни, но и отчетами о беговых тренировках», готовится бежать 21,1 км на Nike Women's Marathon в Сан-Франциско, «искренне повествуя о радостях и трудностях на пути»²⁸. Предисловие статьи подчеркивает рекламный месседж: «Скорее бег фигурирует в текстах, как способ по-новому посмотреть на город, на отношения с другими <...> и самим собой»²⁹. В статье можно увидеть и ролевую модель: «Среднестатистический бегун в Лондоне — девушка или молодой человек лет 30—35, бегают два или три раза в неделю в парке вечером <...> по 4—5 миль; иногда принимает участие в соревнованиях на 5, 10 или полумарафонские дистанции [21,1 км]...»³⁰

«В парке Горького откроется беговой клуб принципиально нового типа»³¹, — сообщила пресса в апреле 2012 г. Созданный Nike клуб располагал станцией для переодевания и хранения вещей и был бесплатным. Как и ранее, предлагалось участвовать в тренировках к финальному забегу на 10 км. Уже в мае инсайдеры рассказывали об очевидном успехе клуба и проекта в целом: «[На тренировку] собралось больше пятидесяти человек, а в первый сезон начинали семь или десять»³². Идентичные станции возникли в Филях и Сокольниках.

Московская кампания Nike We Run продолжалась с 2010 по 2015 гг., модифицируясь по мере развития. Она подразумевала организацию не одного старта, а регулярные тренировки и участие в серии забегов. Например, в 2012 г. серия началась 15 июля с пробега на 3 км (Level 1: Run for likes), 12 августа — уже на 5 км (Level 2: Величие в каждом), 26 августа — на 7 км (Level 3: Get ready)

²⁵ Метелкин В. Day Run (Nike), 5 км = 17.43 SB // Блог факультативных занятий спортом. 2010. 28 августа. URL: <http://wld-archiv2007-2013.blogspot.com/> (дата обращения: 10.08.2021).

²⁶ Воронина А. МГТУ МАМИ на Run Moscow 2010 // Автомеханик. 2010. № 8 (68). С. 5.

²⁷ Waitt А. Блог Ready, Steady, Go! URL: <http://nikemarathon-blog.tumblr.com/> (дата обращения: 10.08.2021).

²⁸ Меньше слов, больше бега: Александра Боярская-Уэйтт о беге // Look At Me. 2011. 18 августа. URL: <http://lookatme.ru/flow/posts/nike/133739-menshe-slov-bolshe-bega-aleksandra-boyarskaya-ueytt-o-bege> (дата обращения: 10.08.2021).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Рагоза Д. В парке Горького откроется беговой клуб принципиально нового типа // Москва-онлайн. 2012. 18 апреля. URL: http://molnet.ru/mos/ru/culture/o_46190 (дата обращения: 10.08.2021).

³² Там же.

и затем 16 сентября — финальный пробег на 10 км (собственно Nike Run Moscow). Подобное регулярное участие и составляет практику бега, но отличием схемы Nike стал фокус на начинающих. Активная рекламная и PR поддержка наблюдалась в 2010—2012 гг. под разными названиями: «Беги в отрыв» в 2010 г., «Меньше слов, больше бега» в 2011 г., «Ты против себя» в 2012 г. Затраты Nike лишь на наружную рекламу в эти годы суммарно оцениваются в 13,8 млн руб., или 480 тыс. долл., по данным мониторинга ЭСПАР (<http://espar.ru>). Как видим, кампания Nike в Москве была локальной адаптацией глобальной кампании. Отметим, что в публикациях об истории успеха ММ его предыстория (то есть западные и российские кампании Nike) почти не упомянута. В лучшем случае о ней говорится косвенно, строкой или парой слов, как о части биографии директора ММ, характеризующей его как эксперта (будто бы его познания просветили корпорацию Nike).

Изменения коммуникационной среды

Трансформация медиасреды — следующее значимый фактор бегового бума. В 1980-е годы важную роль для продвижения массового бега и для самих любителей бега и триатлона играла рубрика КЛБ/ЗОЖ газеты «Советский спорт». Схожая рубрика поддерживалась в журнале «Легкая атлетика», официальном издании Госкомспорта СССР и профильной федерации. Однако уже в 1990-е годы число клубов и активных атлетов-любителей заметно снизилось. Упала покупательская способность населения и тиражи ведущих изданий. «Советский спорт» и «Легкая атлетика» сузили тематику, уйдя от массовости к мастерству. С середины 1990-х годов регулярно освещать тему массового бега, в частности публиковать календарь марафонов и пробегов, начал журнал «Бег и мы» Б. Прокопьева. Однако, несмотря на ценность этого издания для целевой аудитории, его влияние сложно сравнить с широкоэвентальным эффектом «Советского спорта», одной из ведущих газет СССР с тиражом более четырех миллионов экземпляров. Субкультура бега отчасти замкнулась внутри себя.

В 2000-х годах все большую значимость начала обретать новая коммуникационная среда — интернет. В 1998 г. число ее российских пользователей составляло всего 1,5 млн человек. В 2004 г. проникновение интернета выросло до 15 % населения РФ, а к 2013 г. — уже до 60 %. Таким образом, появился простой способ распространения информации, благодаря которому в 2004 г. всего одному волонтеру (автору статьи) удалось запустить успешную кампанию по продвижению триатлона при нулевом бюджете³³. Для массового бега в 2003 г. важным событием стало появление ресурса Probeg.org, ставшего публиковать календарь пробегов в России и СНГ и вести статистику бегового движения. В 2000-х годах сайт поддерживался на волонтерских началах группой всего из пяти бегунов-любителей.

В 2010-х годах рост числа смартфонов и соцсетей изменил взаимодействие аудитории с медиасредой. Если ранее новый бегун-любитель был проактивен, то есть искал информацию сам, то теперь возможность участия «открывалась» через новостные ленты соцсетей. Новое поколение бегунов в 2012 г. рассказывало похожие истории: «Случайно увидела в социальной сети, что подруга бегаёт»;

³³ Шахматов А. Ветеранское и любительское движение // Триатлон. 2011. № 1. С. 50—54. URL: <http://federalbook.ru/files/ARHIV/Triathlon/triathlon-magazin.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

«Просматривал френдленту „ВКонтакте“, узнал, что приятель занялся»; «Листал Facebook, наткнулся на статью»³⁴. Бренд-директор Nike Russia М. Джинко сообщил, что успех Nike Run Moscow 2012 был достигнут «во многом благодаря социальным сетям и сарафанному радио»³⁵.

Рис. 2. Участники Nike Run Moscow 2012 г. в момент старта³⁶

Параллельно собственную программу продвижения бега реализовывал бренд Adidas. Компания провела пробеги Adidas Challenge 2010 (дистанция 3 км и 5 км; 292 финишера), Adidas Moscow Half Marathon 2011 (10 км и 21,1 км; 916 финишеров), Adidas Energy Run 2013 и Adidas Run High! 2015. Первая беговая станция Adidas возникла в 2013 г. на площадке «Лужники» и затем еще в ряде парков. В 2015 г. была проведена кампания «Разбуди район»³⁷.

Эффективность кампаний по вовлечению новой аудитории в практику бега можно оценить по числу финишеров Nike Run Moscow, а качество вовлечения — по деталям из заметок В. Метелкина. Если в 2011 г. «добежало до финиша по любой траектории» в забеге на 10 км 1 526 человек и на 5 км — 4 890 человек, то в 2012 г. «пробежало, нигде не срезав», дистанцию 10 км — уже 9 125 человек³⁸.

³⁴ Подробности включенного наблюдения изложены в другой статье [Adelfinsky, 2021].

³⁵ Зарубежные спикеры: Massimo Giunco, Массимо Джинко, директор по развитию бренда компании Nike Russia. См.: [Лекция в рамках программы Менеджмент в игровых видах спорта RMA]//RMA.ru. 2012. 15 ноября. URL: http://rma.ru/sport/foreign_speakers.php/15718/ (дата обращения: 10.08.2021).

³⁶ Источник: сайт Пробег. URL: http://probeg.org/new/img/1347872633_1.jpeg (дата обращения: 10.08.2021).

³⁷ «Разбуди свой спальный район»: как Adidas и TBWAMoscow меняли взгляды москвичей на бег // ADVERTology. Наука о рекламе. 2015. 1 декабря. URL: <http://www.advertology.ru/article134434.htm> (дата обращения: 10.08.2021).

³⁸ Метелкин В. III Nike Run Moscow, 10km = 35.24 PB // Блог факультативных занятий спортом. 2012. 16 сентября. URL: <http://wild-archiv2007-2013.blogspot.com/> (дата обращения: 10.08.2021).

Для сравнения: в 2000-е годы крупнейший регулярный пробег на 10 км (забег-спутник ММММ) собирал порядка 1,2—1,6 тыс. человек (см. табл. 1). Можно констатировать, что успех был достигнут уже к 2012 г., еще до предпринимателя Тарасова с его идеей «коммерческих забегов» (см. рис. 2). Подчеркнем, что забеги Nike и Adidas в 2010—2015 гг., а также тренировки для подготовки к ним были бесплатны.

Таблица 1. *Пробеги Nike Run Moscow³⁹ и ММММ/ММ, 2007—2014 гг.*

Кол-во финишеров/Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Nike Run Moscow 10 км	—	—	—	—	1526	9125	8947	8328
Nike Run Moscow 5 км	—	—	—	н. д. *	4890	—	—	—
Nike Run Moscow, принято заявок	—	—	—	12000	17000	22000	н. д.	н. д.
ММММ ММ 10 км	1161	1025	1569	1459	1398	1743	2412	5302
ММММ ММ 42 км	778	719	854	1136	981	1214	2367	4031

* Нет данных по числу заявок или участников.

Конъюнктура власти и метаморфоза крупнейших забегов Москвы

Изменения в политической конъюнктуре также оказались значимым фактором и для кампаний по продвижению бега, и для появления якобы «первого в России» марафона. В марте-апреле 2011 г. произошло обновление топ-менеджмента в Правительстве Москвы и аффилированных структурах. Департамент культуры Москвы возглавил С. Капков (взамен С. Худякова), Департамент физической культуры и спорта — А. Воробьев (взамен М. Степанянца), Спортивный комплекс «Лужники» — А. Пронин (взамен В. Алешина). Обновление крупнейших парков Москвы и введение бесплатного входа превратило их в элементы культуры досуга 2010-х. Частью реформы парков стало появление беговых станций Nike, где тренировки в рекордные дни собирали уже до 200 атлетов. На эту связь прямо указывает А. Боярская: «Катя Кибовская из дирекции <...> увидела [мой блог] <...> и пригласила <...> делать беговой клуб<...> роль реформатора сыграл Капков <...> [они] — причина того, что туристический центр Москвы сместился <...> в Парк культуры»⁴⁰.

Другое явное следствие перемен во власти — изменение бегового «поля»⁴¹ Москвы в 2012—2013 гг. Двух организаторов крупнейших серий пробегов Москвы, В. Шиханова (1939 года рождения) и Б. Фадеева (1933 года рождения), последовательно замещает один — Д. Тарасов (1977 года рождения). Вначале, в 2012 г. Тарасов со своим агентством «Новая Атлетика» стал организатором серии забегов «Труд-Лужники»⁴², сменив директора АНО «Лужники Олимп» В. Шиханова.

³⁹ Источник: заметки В. Метелкина, а также Радкевич А. Статистика бегового движения в России // Личный блог А. Радкевича. 2015. 7 мая. URL: <http://akmych.org/blog/753> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴⁰ Миронов Ф. Александра Боярская о беге, комбинации пива с крепким и конце закрытых сообществ // Афиша Daily. 2013. 23 октября. URL: <http://daily.afisha.ru/archive/gorod/changes/aleksandra-boyaruskaya-o-bege-kombinacii-piva-s-krepkim-i-konce-zakrytyh-soobshchestv/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴¹ Речь о совокупности беговых соревнований, где термин «поле» более приемлем, нежели «рынок».

⁴² Серию «Труд-Лужники» составляли «Марафон Лужники», «Пробег Труд», «Пробег Россия», «Беги и улыбайся».

Секрет омоложения кадров раскрыт в статье «Коммерсанта»: «Александр Пронин <...> хотел реанимировать марафон „Лужники“. Тарасов <...> убеждал <...> что нет смысла перекрывать центр города ради 300 дедушек, которые воспринимают марафон как советскую традицию здорового образа жизни»⁴³. Тарасов предложил новому директору комплекса «Лужники» вовлекать молодежь и делать шоу-мероприятие, «организовал интернет-регистрацию <...> и начал работу с соцсетями»⁴⁴. Общее число участников «Марафона Лужники» выросло с 600 человек в 2011 г. до 1041 в 2012 г. Мы полагаем, задача привлечения новой аудитории решилась благодаря «переливу» клиентской базы Nike Run Moscow, что и обеспечило дальнейший административный успех для Тарасова.

В 2013 г., когда пресса объявила «первый в России марафон» и то, что «первые проведут пять подготовительных забегов»⁴⁵, — по сути, не возникло новых беговых событий вообще. Де-факто Д. Тарасов, уже управляя целой серией забегов и «Марафоном Лужники», лишь заместил конкурента за административный ресурс — главу АНО «Фонд ММММ» Б. Фадеева⁴⁶. Мы полагаем, созданный Nike подрядчик решил стать единственным подрядчиком по организации крупнейших забегов для города Москвы, «подвинув» прежних игроков (см. табл. 2). Впрочем, что привело для Тарасова к прекращению работы с Nike. Важны детали: площадкой Nike Run Moscow в 2011—2012 гг. служил комплекс «Лужники»; и в апреле 2013 г. первый ММ презентовала А. Боярская — посол Nike. Однако летом 2013 г. компания Adidas (прямой конкурент Nike) была объявлена спонсором ММ. В сентябре якобы «первый в России» марафон стартовал с территории «Лужников» по центру города, а Nike Run Moscow переместился на периферийную территорию ВДНХ.

Таблица 2. Трансформация крупнейших беговых серий Москвы: 2011 vs 2013—2014

Серии ММММ и «Лужников», 2011	Серия ММ «Новой Атлетики», 2013	Серия ММ «Новой Атлетики», 2014
XIX ММпМ 10/21 км (14 мая)	I Первый забег 5 км (7 апреля)	II Первый забег 5 км (6 апреля)
XV Марафон Лужники 10/42 км (22 мая)	III Весенний гром 10/21 км (12 мая)	I Московский полумарафон 10/21 км (18 мая)
LXI Пробег Труд 5/21 км (25 июня)	I Ночной забег 10 км (22 июня)	II Ночной забег 10 км (26 июля)
XVI Пробег Россия 15 км (6 августа)	IV Осенний гром 10/21 км (4 августа)	I Музыкальный полумарафон 10/21 км (17 августа)
XVII Бег и улыбайся 6 км (3 сентября)	I Красочный забег 6 км (25 августа)	II Красочный забег 6 км (21 июня)
XXXI ММММ 10/42 км (18 сентября)	I ММ 10/42 км (15 сентября)	II ММ 10/42 км (21 сентября)

⁴³ Мамедова Д. Все побежали: Кто и как зарабатывает на Московском марафоне? // Коммерсантъ Секрет фирмы. 2014. № 11. С. 30. URL: <http://kommersant.ru/doc/2590706> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Вяхорева В. Бег в Москве. Каким будет новый Московский марафон // Афиша Daily. 2013. 4 апреля. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/archive/kakim-budet-novij-moskovskij-marafon/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴⁶ Основу серии АНО «Фонд ММММ» составляли ММММ и ММпМ (Московский Международный полумарафон мира).

Беговая статистика: возрастной состав и стоимость участия

Перераспределение административного ресурса трансформировало беговое «поле». В 2011 г. пробеги двух серий («Труд-Лужники» и ММММ) обеспечили 41 % всех человеко-участий на массовых пробегах Москвы. В 2016 г. пробеги уже одной серии ММ — 65 %⁴⁷. Причем утверждения про «300 дедушек» и «акцент на результат» для прежних пробегов явно некорректны (см. рис. 3 и рис. 4). В 2011 г. на двух дистанциях ММММ стартовало 2 650 атлетов от 15 до 85 лет, средний возраст и время финиша на марафоне — 40 лет и 3 часа 59 минут, лимит времени — 6 часов. Аналогичные числа характерны и для западных марафонов.

Рис. 3. Рост и омоложение крупнейшего пробега России, ММММ/ММ 42 км

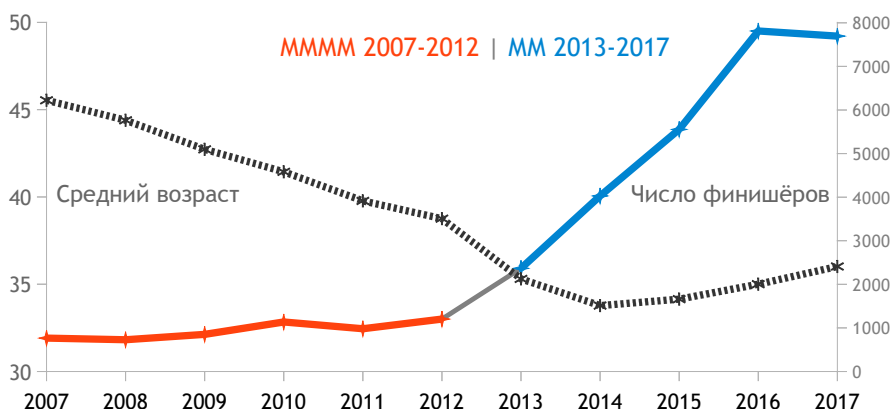
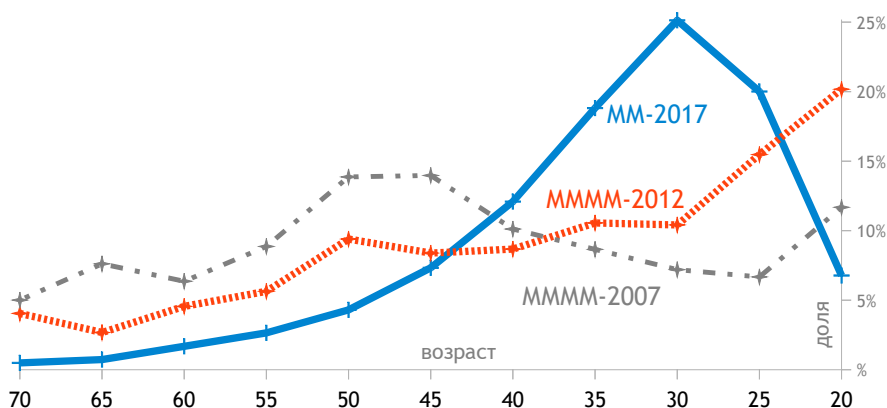

Рис. 4. Изменение возрастного профиля ММММ/ММ, 42 км: 2007 vs 2012 vs 2017

⁴⁷ Мы учли пробеги со 100 финишерами и более на дистанциях от 6 до 42 км, упомянутые Probeg.org. В 2011 г. состоялось 10 596 человеко-участий, в 2016 г. — 53 063.

Что касается возрастного профиля, то ММММ 2007 также похож на западные марафоны с той поправкой, что пик участия сдвинут на пять лет к более старшей аудитории. (Как пример можно взять Берлинский марафон.) Однако на ММММ 2012 пик участия приходится уже на 20—29-летних.

С течением времени возросло не только число бегающих, но и стартовые взносы. В 2011—2012 гг. взносы серии ММММ за дистанции 10 км и 21,1 км составляли 100 руб. и 150 руб. соответственно, за марафон — 250—300 руб. в зависимости от времени оплаты. Серия ММ «Новой атлетики» подняла диапазон цен вначале до 500—2000 руб., а затем, в 2016 г., уже до 1000—4000 руб. (см. табл. 3). Поскольку любители бега стартуют не разово, а зачастую еженедельно, можно оценить величину стоимости регулярного участия. Трансформация крупнейших беговых серий повлияла на все беговое «поле», где взносы выросли до уровня ММ. Это позволяет использовать цены ММ для расчета общей стоимости участия в практике бега. Оценка стоимости 24 стартов в год (по плану 15 × 10 км, 7 × 21 км и 2 × 42 км)⁴⁸ демонстрирует рост с 2950—3050 руб. до 29 500—55 500 руб. Таким образом, стоимость увлечения бегом за пять лет выросла в 10—18 раз. При этом МРОТ г. Москвы как показатель стоимости жизни вырос лишь в 1,6 раза.

Таблица 3. Рост стоимости участия в ММММ—ММ с 2011 по 2016 гг. (взнос, руб.)

Дистанция	ММММ 2011—2012	ММ 2013—2014	ММ 2015	ММ 2016
10 км	100	1000/750/500	1500/1100/700	2000/1500/1000
21 км	150	1000/750/500	1500/1100	2500/2000/1500
42 км	250/200	2000/1300/1000	3000/1800/1200	4000/3000/2000
За 24 гонки	2950/3050			29500/55500

Дискуссия о «новом качестве»

Порожден ли беговой бум неким «новым качеством» Московского марафона? Полагаем, качественные изменения коснулись лишь механизма заявки на пробеги, оплаты взноса и технологии учета времени. Благодаря внедрению IT-решений предварительные результаты соревнований стали быстрее появляться онлайн. Также медали финишера стали чуть больше. При этом форма оплаты и рост суммы взносов снизили потребительскую и экономическую доступность бега.

Изменились ли качественно впечатления от процесса участия в «новых» забегах? Полагаем, нет. И старые, и новые пробеги предлагали возможность участия вне связи с мастерством, практиковали демократичные лимиты времени и подведение итогов по возрастам. Объективное изучение вопроса имеет некоторую сложность. И «новые», и «старые» бегуны неоднородны по опыту, по платежеспособности, по вовлеченности в сектор фитнес-услуг и т. д. Для «новых» бегунов отношение к «старым забегам» базируется не на опыте, а скорее на неких до-

⁴⁸ Оценка автора, см. также [Adelfinsky, 2021].

мыслах. Стереотипы о беговом движении 2000-х как об «утреннем моционе пенсионеров»⁴⁹, что «любили бегать пенсионеры в трико с вытянутыми коленками»⁵⁰, похоже, порождены бенефициарами трансформации крупнейших беговых серий. На отношении «старых» бегунов к новым пробегам может влиять возникшая экономическая недоступность.

Легко показать, что «адский дизайн» и «ужасная организация», по утверждениям создателей ММ свойственные ММММ⁵¹, в действительности можно отнести и на счет новых пробегов. Среди публикаций СМИ есть и те немногие, что противоречат общей картине о новых людях с гораздо лучшей экспертизой. Русская служба ВВС откликнулась на «первый качественный» в России пробег статьей «Первый блин Московского марафона», где были отмечены грубые ошибки в длине обеих дистанций (взамен 10 км и 42,195 км — 11,7 км и 43,5 км соответственно), нехватка еды и километровых отметок, путаница на старте, недельная задержка с результатами, отсутствие памятных медалей, застрявших на таможне⁵². Эти ошибки признал сам Д. Тарасов: «Мы молодая команда, не обладающая большим опытом <...>. Конечно, у нас многое не получилось»⁵³. Претензии в адрес ММ и «Новой Атлетики» активно озвучивались и бегунами, которые жаловались на заметно выросший взнос (о чем упоминалась и в прессе), неудобство регистрации, негибкость сервиса, ощущение снижения качества, требования медсправок: «Питание на троечку, почти одна вода, редко сок и изотоник <...> исчез старый добрый <...> чаек и хлеб» (2012); «ММММ справок не требовал, сейчас развели тягомотину. Неподалеку уже сидят, продают...» (2015); «Надо платить заранее и еще лишний раз приезжать — раньше даже перед стартом номера давали» (2014); «Девочка приехала на один день из Сибири — отправили восвояси» (2013)⁵⁴. Грубые недочеты дебютного ММ (например, длина дистанции) затем были исправлены. Однако журналисты и блогеры продолжали отмечать неприятные моменты ММ: в 2015 г. бегунам на 10 км отказали в питье, лидера забега по ошибке остановили перед самым финишем — мол, «дальше нельзя»⁵⁵; в 2016 г. — двухчасовое стояние под дождем при выдаче стартовых пакетов и сорок минут в ожидании старта, ставшая хронической проблема с качеством итоговых результатов⁵⁶ и т. д. Озвученные

⁴⁹ Макушева М. Бегом за преодолением // Ведомости. 2020. 23 сентября. URL: <http://vedomosti.ru/opinion/articles/2020/09/22/840853-begom-preodoleniem> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵⁰ Корнеева Ю. Джоггинг — модное увлечение городских жителей // BFM.ru. 2015. 25 мая. URL: <http://bfm.ru/news/293773> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵¹ Мионов Ф. Москва — город пьющий или бегающий? // Афиша Daily. 2016. 3 августа. URL: <http://daily.afisha.ru/cities/2499-kuda-pribezhalo-moskvu-aktivisty-podvodyat-itogi-sportivnogo-buma/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵² Нехезин В. Первый блин Московского марафона // Русская служба ВВС. 2013. 27 сентября. URL: http://bbc.com/russian/russia/2013/09/130927_first_moscow_marathon (дата обращения: 10.08.2021).

⁵³ Там же.

⁵⁴ Подробности включенного наблюдения изложены в другой статье [Adelfinsky, 2021].

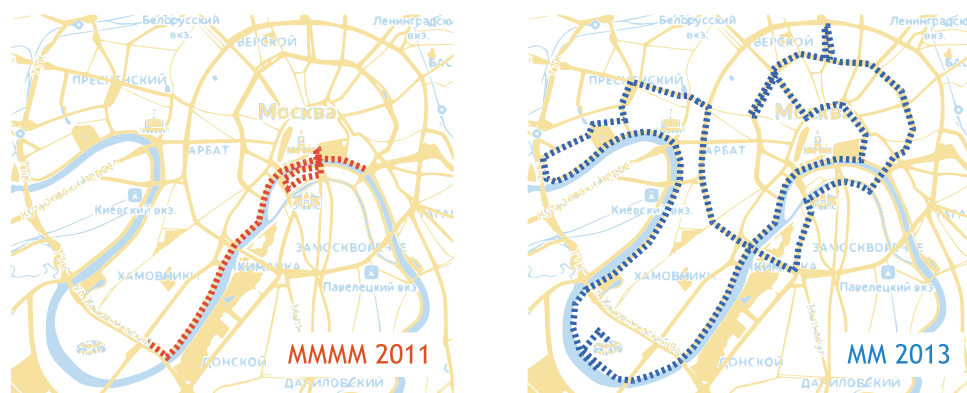
⁵⁵ Гусейнова М., Парняков В. На Московском марафоне 2015 опять проблемы: полиция, вода, бардак на трассе и, как всегда, результаты // SkiRun.ru. 2015. 20 сентября. URL: <http://skirun.ru/2015/09/20/moscow-marathon-2015-itogi/> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵⁶ Гусейнова М. На ММ-2016 установлен рекорд России! Почему этому не стоит радоваться // SkiRun.ru. 2016. 12 октября. URL: <http://skirun.ru/articles/20459-moscow-marathon-2016-ustanovlen-rokord-rossii-pochemu-etomu-nestoit-radovatsa> (дата обращения: 10.08.2021); Гусейнова М. Странная статистика результатов на Московском марафоне 2016 // SkiRun.ru. 2016. 3 октября. URL: <http://skirun.ru/articles/20378-strannaya-statistika-resultatov-na-moscow-marathon-2016> (дата обращения: 10.08.2021).

позиции можно считать субъективными, впрочем, как и резкую критику ММММ со стороны основателей ММ.

Однако есть пункты, где можно искать объективные критерии оценки. Это дизайн трассы, а также историческая репрезентация главного марафона России. Новая трасса стала медленнее. Среднее время финишера на ММ против ММММ хуже на 15 минут при схожем стандартном отклонении. Полагаем, причина не в мастерстве «новых» бегунов, а в неудачном дизайне новой трассы ММ с холмистым рельефом. Пологая трасса ММММ обеспечивала лучшее личное время, возделенное большинству участников. Антипатии горожан к новой трассе ММ с «перекрытием половины Москвы» выявляет сервис «Яндекс. Пробки», фиксируя поток жалоб в стиле: «Гори в аду, прекрасный Спорткомитет!», «Бегут на расслабоне. Шустрее давайте!», «Достали уже, идиоты...», «Бегают!!! В лесу нельзя, что ли???»», «А может, бегунов на стадион?»⁵⁷. Причем до 2013 г. подобного не наблюдалось в связи с крупными забегами. Причина в том, что ММММ и «Марафон Лужники» использовали трассы по набережным центра, обычно в два круга маятником, что слабо влияло на трафик. Инициаторы ММ настояли на кольцевой трассе в один круг с максимальным охватом достопримечательностей, что требует гораздо больших ресурсов от городских властей, а также парализует трафик внутри Садового кольца и окрестных районов. Причем назвать «адским» дизайн конкретно ММММ-2012 (тот, что критиковала А. Боярская) можно расценить как оскорбление чувств верующих. Русская Православная церковь в 2012 г. отмечала 200-летие избавления Москвы от Наполеона. Поскольку частью трассы ММММ овладел крестный ход к чудотворной Смоленской иконе Божией Матери, число кругов марафона увеличили.

Рис. 5. Трассы марафонов ММММ 2011 г. и ММ 2013 г.

Репрезентация истории бегового движения — еще одна странность ММ. Зарубежные столицы гордятся летописями своих марафонов. В Москве же номинально

⁵⁷ Макаревич П. Хотел написать пост... что организаторы ММ — молодцы... А потом вспомнил про вот эти скриншоты...//Fb.com. 2014. 21 сентября. URL: <http://facebook.com/pavel.makarevich.5/posts/812676668772611> (дата обращения: 10.08.2021).

упразднена история старейших пробегов — объявлены якобы «первые» забеги, «аналогичные западным». Однако речь о наследующих друг друга событиях; а фитнес-бум и на Западе, и в СССР развивался одновременно. Обнуление истории марафонов в России огорчило экспертов и прежних участников, сравнивших это с «взрывом храма Христа Спасителя» и «сносом Ипатьевского дома»^{58,59}.

Очевидная причина непатриотичной исторической репрезентации и неудачного дизайна трассы — отсутствие опыта у инициаторов «первого в России» марафона. В 2000-х годах Д. Тарасов не являлся ни организатором пробегов, ни бегуном. Иногда его представляли как «чемпиона Европы 2007 и бронзового призера Олимпийских игр в Пекине»⁶⁰ — и он действительно был менеджером женской сборной по баскетболу. Полагаем, «люди, знающие толк в марафонах», познакомились с субкультурой бега лишь вследствие найма в проект Nike We Run.

Заключение. Беговой бум как снятие информационной ширмы?

Итак, почему в 2010-х увлечение бегом обрело популярность, охватив молодое поколение? Полагаем, на беговой бум оказал влияние ряд факторов. Во-первых, драйвером стали кампании по продвижению практики дистанционного бега 2010—2015 гг., развернутые крупными брендами спортивной экипировки в московском регионе. Ведущую роль сыграли забеги Nike Run Moscow и их кампании «Беги в отрыв», «Меньше слов, больше бега», «Ты против себя». Помимо этого, следует упомянуть забеги Adidas и их кампанию «Разбуди район». Будучи нацелены на молодую аудиторию, кампании Nike и Adidas предлагали регулярные групповые тренировки и участие в пробегах, причем на бесплатной основе.

Во-вторых, сохранившееся до 2000-х годов и продолжавшее развиваться наследие бегового бума 1980-х стало очевидной базой для бегового бума 2010-х, что позволяет говорить о последнем как о второй волне. В московском регионе речь идет о пробегах серий ММММ, «Труд-Лужники», «Космический марафон», «Семь холмов» и др., клубов «Парсек», «Муравей», «Альфа-Битца» и др., а также информационных ресурсах наподобие «Бег и мы», «Бегай с нами», Probeg.org, — таким образом, практика дистанционного бега уже существовала в ее современном виде.

В-третьих, трансформация медиасреды, использование смартфонов и социальных сетей облегчили распространение информации.

В-четвертых, на траекторию бегового бума важное влияние оказала политическая конъюнктура, а именно смена в 2011 г. ряда чиновников Москвы, включая руководителей ведомств культуры, спорта и комплекса «Лужники». Новый баланс власти кардинально изменил доступ к административным ресурсам, значимым для практики массового бега.

Изложенное позволяет обсудить причины скромной популярности бега в 2000-х годах. Опираясь на социологические исследования, К. Чернов, В. Кузнецов и Ю. Каширцев [Чернов, Кузнецов, Каширцев, 1992] отмечали, что до 80 %

⁵⁸ Ревинский Д. Московский марафон — организация глазами участника // Diesell.livejournal.com. 2013. 22 сентября. URL: <http://diesell.livejournal.com/444816.html> (дата обращения: 10.08.2021).

⁵⁹ Арустамов А. Первый год без ММММ // XCsport.ru. 2013. 14 сентября. URL: http://xcsport.ru/blogs/messeges/messeges_2987.html (дата обращения: 10.08.2021).

⁶⁰ Конвенция 3start 2016. 11—13 марта. Официальная брошюра. М.: RTE-group. С. 7.

лиц юношеского возраста и до 55% взрослых младше 45 лет испытывают потребность в достижениях при занятиях спортом. Мотив «ради здоровья» не был для них значимым, а ЕВСК⁶¹ как официальная система мотиваций отрасли ФКиС посильных достижений не предлагала [там же]. В то же время современная практика дистанционного бега и подобных видов спорта в целом зиждется на представлениях о факте финиша как о достижении, чем создается линейка целей и потенциальный мотив для всех. Данные представления разделяются организаторами забегов и большинством их участников, соответствуя так называемой *экспрессивной* модели спорта [Adelfinsky, 2021]. В свою очередь, П. Виноградов [Виноградов, 1991, 2013], изучая вопросы пропаганды ЗОЖ и массового спорта, указывал на потенциальные возможности СМИ, равно и на то, что они почти не использовались. Порядка 95% сообщений прессы на тему ФКиС как в 1990 г., так и в 2009 г. повествовали лишь об итогах соревнований элиты [там же]. Этим поддерживалось *рекордистское* представление о спорте в целом, а практика массового бега продолжала представляться как некая «физкультура». По сути, необходимо было приоткрыть информационный занавес над практикой бега, создаваемый медиа и официальной системой ФКиС, сосредоточенной на элитном спорте. Отсюда вывод: пропагандировать молодежи ЗОЖ ради здоровья малоэффективно, требуется внедрение *экспрессивной* модели для массового спорта в целом, — что отчасти и случилось. Полагаем, наша статья вносит также вклад в опровержение «евангельского мифа» о мотивирующей роли элитного спорта [Grix, Carmichael, 2012; De Cocq et al., 2018]. Ввиду очевидной «видимой руки» нет оснований искать «невидимую руку» Олимпиады или Мундиаля.

Логичен вопрос: были ли предприниматели еще одним, пятым фактором? Полагаем, что активность малых бизнесов на «поле» массовых видов стала следствием первичного роста участия в спорте, и лишь затем — новым драйвером фитнес-бума. Речь о двух направлениях. Во-первых, это коммерческие школы обучения бегу, велоспорту, лыжам, триатлону, плаванию и т. д. Во-вторых, это коммерческие забеги и провайдеры ивент-услуг (в том числе и «Новая атлетика»). Беговой бум включал два параллельных процесса. Первый — это рост популярности бега. Кампании брендов вовлекали молодежь, создавая «окно входа» в существовавшую практику. Вклад внесли и возникшие бизнесы «на бегу». Итогом стал 8-кратный рост участия в пробегах за пять лет на фоне прежнего стабильного периода. Второй процесс — это начавшаяся коммерциализация бега. Эффектом активности малых бизнесов стала *джентрификация*⁶² практики («бег стал атрибутом современного преуспевающего человека»⁶³) с 18-кратным ростом стартовых взносов. Возникает вопрос о причинах роста цен, поскольку забеги «нового качества» возникли уже в 2012 г. Вероятно, увлекшиеся «джентри» создавали новый спрос, что и позволило повышать стоимость. Это выводит на проблему коммерциализации

⁶¹ Единая всероссийская спортивная квалификация, т. е. система спортивных званий и разрядов.

⁶² Джентрификацию как понятие в отечественном лексиконе пока ассоциируют с урбанистикой, однако на Западе его используют гораздо шире, в том числе в работах по спорту [Halon, Cohen, 2006; Cox, 2008; Fawbert, 2010; Fürtjes, 2013]. В частности, в книге П. Купер этому посвящена целая глава: *Gentrification of the Marathon* [Cooper, 1998].

⁶³ Андрей Кричмара: «Бег — атрибут преуспевающего человека» // Yarsport.ru. 2016. 19 июня. URL: <http://yarsport.ru/other/legkaya-atletika/andrey-krichmara-beg-atribut-preuspevayuschego-cheloveka> (дата обращения: 10.08.2021).

так называемой *европейской модели спорта*⁶⁴. Однако детальное рассмотрение явления требует отдельного исследования.

Тем не менее уже сейчас 18-кратный рост стоимости участия в потенциально наиболее доступном виде спорта позволяет задать вопрос, соответствует ли произошедшее декларируемым целям государственной политики? Можно также спросить, как соотносится с концепцией патриотического воспитания упразднение истории старейших пробегов Москвы и объявление взамен «новых», «аналогичных западным»? Кто помешал продолжить счет Московских марафонов с 1981 г. и тем более «Пробега Труд» — с 1951 г.? Полагаем, эти вопросы можно задать не только руководителям спорта, но множеству представителей управленческой элиты России, также подхваченных фитнес-бумом.

Список литературы (References)

Аверина М. В. Анализ влияния социокультурных факторов развития общества на формирование спортивных предпочтений поколений Y и Z // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. Вып. 2. С. 162—175.

Averina M. V. (2019) Analysis of the Influence of Socio-Cultural Factors of the Society Development on the Formation of Sports Preferences of Generations Y and Z. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. No.2. P. 162—175. (In Russ.)

Адельфинский А. С. Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018.

Adelfinsky A. S. (2018) Despite the Records. An Inquiry into Mass Participation Sports. Moscow: Delo RANEPА. (In Russ.)

Адельфинский А. С. Социально-экономическая модель развития массовых видов спорта в России: дисс. ... канд. экон. наук. М.: МГУ, 2014.

Adelfinsky A. S. (2014) Socio-Economic Model of the Mass Participation Sports Development in Russia: PhD Thesis (Economics and National Economy Management). Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)

Адельфинский А. С. Экономический контекст проблемы «богатых» и «бедных» в массовом спорте и следствия для стратегического управления отраслью // Стратегическое антикризисное управление: глобальные вызовы и роль государства. Сборник VI Международной научно-практической конференции. М.: Перо, 2016. С. 572—578.

Adelfinsky A. S. (2016) The Problem of “Rich” and “Poor” in Mass Participation Sports and Its Implications for the Strategic Governance of Sports Industry. In: *Strategic Anti-Crisis Governance: Global Challenges and the Role of the State. Collection of the VI International Scientific and Practical Conference*. Moscow: Pero. P. 572—578. (In Russ.)

Виноградов П. А. Анализируя газетные страницы // Теория и практика физической культуры. 1991. № 1. С. 50—52.

⁶⁴ См. [Andreff, Staudohar, 2000; Nafziger, 2008; Andreff, 2011; Адельфинский, 2014, 2016].

Vinogradov P. A. (1991) Analyzing Newspaper Pages. *Theory and Practice of Physical Culture*. No. 1. P. 50—52. (In Russ.)

Виноградов П. А., Окуньков Ю. В. О состоянии и тенденциях развития физической культуры и массового спорта в российской федерации (по результатам социологических исследований). М.: Советский спорт, 2013.

Vinogradov P. A., Okunkov Yu. V. (2013) On the State and Trends in the Development of Physical Culture and Mass Sports in the Russian Federation (Based on the Results of Sociological Research). Moscow: Sovetsky Sport. (In Russ.)

Исаев А. А. Спортивная политика России. М.: Советский спорт, 2002.

Isaev A. A. (2002) Sports Policy of Russia. Moscow: Soviet Sport. (In Russ.)

Климкович Е. В. Социально-культурный проект как инструмент формирования здорового образа жизни москвича // Вестник Университета Правительства Москвы. 2018. № 2. С. 12—15.

Klimkovich E. V. (2018) Socio-Cultural Project as a Tool of Shaping a Healthy Lifestyle of a Muscovites. *Bulletin of the University of the Government of Moscow*. No. 2. P. 12—15. (In Russ.)

Козина И. М., Сержкина Е. В. Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 64—73.

Kozina I. M., Serezhkina E. V. (2015) Case-Study Concept in Social Sciences and French Traditions of Labor Organization Monographic Studies. *Sociological Studies*. No. 1. P. 64—73. (In Russ.)

Михель Д. В. Массовый спорт изнутри: опыт включенного наблюдения, представленный ученым-энтузиастом триатлона. Рецензия на книгу: Адельфинский А. С. Назло рекордам. Опыт исследования массового спорта. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018 // Социология власти. 2018. Т. 30. № 2. С. 270—281. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-2-270-281>.

Mikhel D. V. (2018) Mass Sport from the Inside: A Participant Observation Experience Presented by A Scientist and Triathlete. Review: Adelfinskiy A. S. (2018) In Spite of Records. Mass Sport Investigation Experience, Moscow: Delo RANEPА. *Sociology of Power*. Vol. 30. No. 2. P. 270—281. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2018-2-270-281>. (In Russ.)

Олефиренко С. С., Буглак Г. Н., Золотарева В. И., Люлько О. М. Медицинское обеспечение марафона // Colloquium-journal. 2019. № 6. С. 26—28. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10112>.

Olefirenko S. S., Buglak G. N., Zolotareva V. I., Lyulko O. M. (2019) Medical Support of the Marathon. *Colloquium-journal*. No. 6. P. 26—28. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10112>. (In Russ.)

Полухина Е. В. Case-study как исследовательская стратегия // Case-study — образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте: сборник научных статей. СПб.: НИУ ВШЭ СПб, 2013. С. 5—12.

Polukhina E. V. (2013) Case-Study as a Research Strategy. In: *Case-Study — Educational and Research Experience in an Interdisciplinary Context*. Saint Petersburg: HSE. P. 5—12. (In Russ.)

Пономарев А. В. Разметка изображений массового мероприятия его участниками на основе нематериального стимулирования // Информационно-управляющие системы. 2017. № 3. С. 105—114. <https://doi.org/10.15217/issn1684-8853.2017.3.105>.

Ponomarev A. V. (2017) Tagging Public Event Images based on Non-Monetary Incentives. *Control in Social and Economic Systems*. No. 3. P. 105—114. (In Russ.)

Рябкова Н. И., Кондрашова А. О. Новый аспект работы волонтеров СпбГЭУ в сотрудничестве с «Зенит-Ареной» // Волонтер. 2018. № 4. С. 74—89. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/volonter_2018-no4.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

Ryabkova N. I., Kondrashova A. O. (2018) New Aspect of Volunteers Working Cooperation With Zenit-Arena. *Volunteer*. No. 4. P. 74—89. URL: https://unecon.ru/sites/default/files/volonter_2018-no4.pdf (accessed: 10.08.2021). (In Russ.)

Слугин И. А. Технологии воздействия на массовое поведение посредством социальных медиа // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 17. С. 105—117.

Slugin I. A. (2013) Technologies of Influence on Mass Behavior Through Social Media. *Business. Society. Power*. No. 17. P. 105—117. (In Russ.)

Чернов К. Л., Кузнецов В. К., Каширцев Ю. А. Проблемы массового спорта // Теория и практика физической культуры. 1992. № 1. С. 34—36.

Chernov K. L., Kuznetsov V. K., Kashirtsev Yu. A. (1992) Problems of Mass Sports. *Theory and Practice of Physical Culture*. No. 1. P. 34—36. (In Russ.)

Adelfinsky A. (2021) Ordinary, Adequate, and Crazy: Reconsidering the “Pyramid” Metaphor for Mass-participation Sports. *The Russian Sociological Review*. Vol. 20. No. 2. P. 224—249. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2021-2-224-249>.

Andreff W. (2011) Some Comparative Economics of the Organization of Sports: Competition and Regulation in North American vs. European Professional Team Sports Leagues. *The European Journal of Comparative Economics*. Vol. 1. No. 8. P. 3—27.

Andreff W., Staudohar P. D. (2000). The Evolving European Model of Professional Sports Finance. *Journal of Sports Economics*. Vol. 1. No. 3. P. 257—276. <https://doi.org/10.1177/152700250000100304>.

Bezold T. (2006) How Is the Marathon Boom Managed? In: D. Papadimitriou (ed.) *Book of Abstracts of the 14th EASM European Sport Management Congress*. Cyprus: Nicosia. P. 49—51. URL: <http://easm.net/download/2006/7ca69c967088c5b-c531b8836b98089c4.pdf> (accessed: 10.08.2021).

Cooper P. L. (1998) *The American Marathon*. Syracuse: Syracuse University Press.

Cooper P. L. (1992) The “Visible Hand” on the Footrace: Fred Lebow and the Marketing of the Marathon. *Journal of Sport History*. Vol. 19. No. 3. P. 244—256. URL: <http://jstor.org/stable/43609652> (accessed: 10.08.2021).

Cox P. (2013) Class and Competition: The Gentrification of Sport Cycling. In: Dawson T., Thurston K. (eds.) *The Bicycle Reader*. No. 2. Spring.

De Cocq S., De Bosscher V., Derom I., De Rycke J. (2018) Elite Sport and Sport for All: An Epistemological Paradox. In: *Managing Sport in a Changing Europe: Book of Abstracts, European Association for Sport Management*. P. 283—284.

Fawbert J. (2011) Social Inclusion and Social Exclusion: ‘Gentrification’ of Football Fandom. In: Long, J., Fitzgerald H., Millward P. (eds.) *Delivering Equality in Sport and Leisure*. P. 35—48.

Fürtjes O. (2013) Gentrifizierung des Stadionpublikums seit den 1990er Jahren? Fußball und der Mythos vom Proletariersport / The Gentrification of Football Since the 1990s? The Myth of Football as a Working-Class Sport. *Sport und Gesellschaft*. Vol. 10. No. 1. P. 27—54. <https://doi.org/10.1515/sug-2013-0103>.

Grix J., Carmichael F. (2012) Why do Governments Invest in Elite Sport? A Polemic. *International Journal of Sport Policy and Politics*. Vol. 4. No. 1. P. 73—90.

Halnon K. B., Cohen S. (2006) Muscles, Motorcycles and Tattoos: Gentrification in a New Frontier. *Journal of Consumer Culture*. Vol. 6. No. 1. P. 33—56. <https://doi.org/10.1177/1469540506062721>.

Hover P., van der Werff H., Breedveld K. (2015) The Netherlands: Rising Participation Rates, Shifting Segments. In: Scheerder J., Breedveld K., Borgers J. (eds.) *Running Across Europe: The Rise and Size of one of the Largest Sport Markets*. Houndmills; New York: Palgrave Macmillan. P. 187—207. https://doi.org/10.1057/9781137446374_9.

Nafziger J. A. R. (2008) A Comparison of the European and North American Models of Sports Organisation. *The International Sports Law Journal*. No. 3—4. P. 100—107.

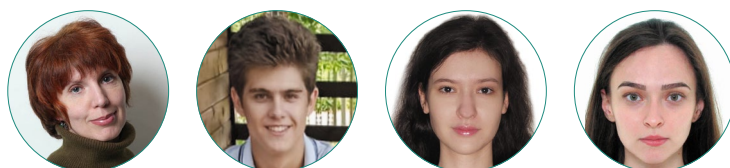
Nilson F., Lundkvist E., Wagnsson S., Gustafsson H. (2021) Has the Second ‘Running Boom’ Democratized Running? A Study on the Sociodemographic Characteristics of Finishers at the World’s Largest Half Marathon. *Sport in Society*. Vol. 24. No. 4. P. 659—669. <https://doi.org/10.1080/17430437.2019.1703687>.

van Bottenburg M., Hover P., Scheerder J. (2010) Don’t Miss the Next Boat. Changes and Challenges of the Second Wave of Running for European Athletics’ Member Federations. Utrecht: Utrecht School of Governance. URL: <http://dspace.library.uu.nl/handle/1874/305749> (accessed: 10.08.2021).

Scheerder J., Breedveld K., Borgers J. (eds) (2015a) *Running Across Europe: The Rise and Size of One of the Largest Sport Markets*. Houndmills; New York, NY: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137446374>.

Scheerder J., Breedveld K., Borgers J. (2015b) Who Is Doing a Run with the Running Boom? In: Scheerder J., Breedveld K., Borgers J. (eds.) *Running Across Europe: The Rise and Size of one of the Largest Sport Markets*. Houndmills; New York, NY: Palgrave Macmillan. P. 1—27. https://doi.org/10.1057/9781137446374_1.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1841](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841)

С. Ю. Барсукова, А. В. Звягинцев, Л. С. Лаптиева, Э. И. Сафиуллина

МОТИВЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Правильная ссылка на статью:

Барсукова С. Ю., Звягинцев А. В., Лаптиева Л. С., Сафиуллина Э. И. Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 300—318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841>.

For citation:

Barsukova S. Y., Zvyagintsev A. V., Laptieva L. S., Safiullina E. I. (2021) Motives of Youth Participation in Election Campaigns. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 300–318. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841>. (In Russ.)

МОТИВЫ УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: svbars@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2696-4882>

ЗВЯГИНЦЕВ Арсений Васильевич — студент, Гарвард-колледж, Кембридж, США
E-MAIL: zvyagintsev.a@liceum1535.ru

ЛАПТИЕВА Лидия Сергеевна — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: l.laptieva@inbox.ru

САФИУЛЛИНА Эвелина Ильдаровна — студентка магистерской программы «Коммуникационный дизайн», факультет коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: eve-lin@mail.ru

Аннотация. Сочетание слов «молодежь» и «политика» часто вызывает ассоциацию с митингами и акциями протеста. И это справедливо, учитывая средний возраст участников таких акций. Однако в данной статье речь пойдет не о протестах, а о выполнении молодыми людьми определенной работы в рамках избирательных кампаний.

Молодые люди распространяют агитационные листовки, собирают подписи в поддержку своих кандидатов, организуют встречи с избирателями и т. д. Их

MOTIVES OF YOUTH PARTICIPATION IN ELECTION CAMPAIGNS

Svetlana Yu. BARSUKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: svbars@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2696-4882>

Arseniy V. ZVYAGINTSEV² — Student
E-MAIL: zvyagintsev.a@liceum1535.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Lidiya S. LAPTIEVA¹ — Student
E-MAIL: l.laptieva@inbox.ru

Evelina I. SAFIULLINA¹ — Master student, Faculty of Communications, Media, and Design
E-MAIL: eve-lin@mail.ru

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Harvard College, Cambridge, USA

Abstract. The combination of the words «youth» and «politics» is often associated with rallies and protests. And this is true, given the average age of participants in such actions. However, this article is not about protests, but about young people doing certain work in the framework of election campaigns.

Young people distribute campaign leaflets, collect signatures in support of their candidates, organize meetings with voters, etc. They can be easily recognized by their bright clothes with party symbols

легко узнать по яркой одежде с партийной символикой или бейджами с именами кандидатов. Таких молодых людей обычно называют политическими волонтерами. Главный вопрос статьи состоит в том, насколько справедливо относить их к волонтерам. Что ими движет? На каких условиях они занимаются этой деятельностью?

Эмпирическая база статьи включает 31 интервью с молодыми людьми в возрасте до 28 лет (школьниками, студентами, аспирантами, молодыми работниками), которые участвовали в избирательных кампаниях различного уровня.

Наше исследование выявило несколько форм участия молодежи в избирательных кампаниях, таких как наблюдатели на избирательных участках, члены избирательных комиссий, уличные агитаторы, их координаторы и сотрудники избирательных штабов. Эти виды деятельности различны с точки зрения их функциональности, условий труда и оплаты.

Интервью позволили определить мотивы молодых людей, работающих в избирательных кампаниях. Было выделено пять типов мотивации: (1) хорошо провести время («потусоваться»), (2) внести вклад в построение карьеры, (3) заработать деньги, (4) предотвратить нарушения во время голосования («за честные выборы»), (5) помочь кандидатам или партиям, политическую позицию которых разделяет молодой человек.

Таким образом, спектр стимулов достаточно широк, и деятельность участников избирательных кампаний может

or badges with the names of candidates. These young people are commonly referred to as political volunteers. The main questions of the article are: How fair it is to classify them as volunteers. What drives them? Under what conditions do they engage in this activity?

The empirical base of the article includes 31 interviews with young people aged under 28 years old (schoolchildren, students, graduate students, young workers), who participated in election campaigns at various levels.

The study identified several forms of youth participation in election campaigns, such as observers at voting points, members of election commissions, street agitators, their coordinators, and campaign staff. These activities are different in terms of their functionality, working conditions, and pay.

The interviews allowed to determine five types of motivation of young people working in election campaigns: (1) to have a good time («to hang out»), (2) to contribute to building a career, (3) to make money, (4) to prevent voting irregularities («for fair elections»), (5) to help candidates or parties whose political position is shared by the young person.

Thus, the range of incentives is quite wide, and the activities of election campaigners may not be related to their political beliefs or ideas about the benefits to society. The activity of young people participating in the campaigns of opposition candidates is usually based on their political position, which does not exclude remuneration, but makes it an optional element of this activity. Pro-government political candidates attract young people

быть не связана с их политическими убеждениями или представлениями о пользе для общества. Активность молодежи, участвующей в кампаниях оппозиционных кандидатов, как правило, базируется на их политической позиции, что не исключает оплату труда, но делает ее необязательным элементом этой деятельности. Провластные политические кандидаты привлекают молодежь к участию в своих кампаниях, используя либо административное принуждение, либо материальные стимулы и обещания карьерного роста.

Ключевые слова: волонтерство, политическая активность молодежи, избирательные кампании, политические технологии, мотивы участия

Благодарность. Статья написана в рамках совместного проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Автономной некоммерческой организации «Экспертный институт социальных исследований» (АНО ЭИСИ) (проект № 20-011-33048).

Молодежь и политика

В научной литературе участие молодежи в избирательном процессе, как правило, рассматривается с точки зрения ее электоральной активности. Обсуждаются мотивы, побуждающие молодых людей голосовать или, наоборот, игнорировать выборы. В частности, многократно зафиксирована относительно низкая электоральная явка молодежи по сравнению со старшим поколением. Основным фактором электорального абсентеизма считается неверие молодежи в честность выборов, уверенность в фальсификации результатов голосования [Мартынова, 2013; Горшков, Шереги, 2010].

Но возможна и более широкая постановка проблемы. Речь идет о политизации молодежи. Особенно популярной эта тема стала после протестных выступлений по результатам выборов 2011—2012 гг. [Волков, 2012]. Расхожей точкой зрения является приписывание молодежи и особенно подросткам повышенной критичности суждений [Собкин, 2008: 180]. Впрочем, протестные настроения не имеют отчетливой возрастной локализации: «...Уровень распространения в обществе протестных настроений <...> достаточно равномерно распределен

to participate in their campaigns, using either administrative coercion or material incentives and promises of career growth.

Keywords: volunteering, political activity of youth, election campaigns, political technology, motives for participation

Acknowledgments. The study is funded under the project «Participation of young volunteers in election campaigns: a form of politicization of youth or a ‘black box’ of Russian electoral practice?» supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR).

и в возрастном, и в образовательном разрезах» [Бызов, 2013: 52]. Этот вывод подтверждают данные «Левада-центра»: весной 2021 г. в очередной раз зафиксировано более активное выражение протестных настроений в молодежной среде (до 25 лет), при этом «разрыв между молодой и старшей возрастной группой становится меньше»¹.

Безусловно, от настроений до действий — огромная пропасть, и именно молодые люди преодолевают ее в первую очередь. Очередным поводом для протестов послужили выборы в Мосгордуму в 2019 г., когда ядро протестующих составили молодые люди с отчетливыми политическими лозунгами [Жолесников, Волков, 2019]. Однако такие акции носят эпизодический характер и являются реакцией на вопиющие «казусы» избирательного процесса. В целом же уровень политизации российской молодежи некоторые исследователи расценивают как крайне низкий. Так, по данным «Левада-центра» (май 2021 г.) в акциях протеста с политическими требованиями, скорее всего, примут участие 21 %, а в протестах против падения уровня жизни 25 % молодых людей в возрасте 18—24 года².

Таким образом, на пересечении понятий «молодежь» и «избирательный процесс» оказываются *электоральная* и *протестная* активность молодых людей. На эту тему проводится много исследований.

В электоральные периоды молодые люди активно вовлекаются в организацию и проведение избирательных кампаний в органы представительной и исполнительной власти. Они раздают агитационные листовки, собирают подписи за кандидата, привлекают внимание к кандидату яркой одеждой с соответствующей символикой и т. д. Эта деятельность становится популярным методом ведения избирательных кампаний и часто обозначается словом «политическое волонтерство».

Впрочем, формы участия молодых людей в электоральном процессе не сводятся к уличной агитации. Они могут работать в штабах, а также входить в состав участковых избирательных комиссий или присутствовать на участке в день голосования в качестве наблюдателей.

Процесс вовлечения молодежи в избирательные кампании остается «белым пятном» наших знаний о том, как молодежь соприкасается с политическими технологиями и какие делает выводы. Ведь возможность оказаться внутри избирательной «кухни» оказывает на молодых людей сильное воздействие, стимулируя или блокируя интерес к политическим процессам.

Заметим, что привлечение молодых людей к ведению избирательных кампаний не является российским изобретением. Это массовая практика во многих зарубежных странах. Так, в США партии активно привлекают студентов к агитации в своих избирательных кампаниях. Как правило, волонтеры работают в штабе (обзванивают голосующих, фиксируют общественные пожелания), а также ходят по домам и общаются с избирателями.

Европейские политики переняли многие практики американских политических кампаний, в том числе характер деятельности волонтеров. Интересен опыт

¹ Протестные настроения // Левада-центр. 2021. 8 июня. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/08/protestnye-nastroeniya-2/> (дата обращения: 14.08.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

² Там же.

Великобритании, где участие волонтеров в избирательных кампаниях — достаточно массовое явление [Бидерман, 2009]. В частности, они активно участвуют в поквартирном обходе жителей. Помимо этого, волонтеры организуют массовые шествия в поддержку кандидата и участвуют в «импровизированных» массовых дискуссиях с прохожими. Однако в Великобритании местное законодательство запрещает оплату труда агитаторов. Предполагается безвозмездная помощь кандидатам в предвыборной кампании, но и там были зафиксированы случаи выдачи заработной платы волонтерам.

И в Соединенных Штатах, и в европейских странах важную роль в привлечении волонтеров для участия в избирательных кампаниях играют социальные сети, с помощью которых удавалось привлечь десятки тысяч волонтеров. Широко распространен опыт привлечения молодежи, уже имевшей опыт волонтерства в рамках других мероприятий, не обязательно политического характера. Например, в 2015 г. в Великобритании активно рекрутировали волонтеров, участвовавших в организации лондонской Олимпиады 2012 г. Энтузиазм агитаторов поддерживался регулярными тренингами и встречами с видными политическими деятелями [Минченко, 2015].

Активно привлекают молодежь и в российских избирательных кампаниях [Малкин, Сучков, 2006]. В чем состоит российская специфика? Насколько применимо к такой деятельности понятие политического волонтерства? Фокус статьи приходится на *мотивацию участия молодежи в избирательных кампаниях*. Без этого знания невозможно оценить корректность использования понятия «волонтерство» применительно к такой деятельности, а также судить, является ли такая деятельность проявлением политизации молодежи.

Эмпирическая база. В рамках исследования мы собрали 31 интервью с молодыми людьми, которым на момент участия в избирательных кампаниях в том или ином качестве было не более 28 лет. Этот возрастной критерий мы определили, исходя из самоидентификации респондентов, откликнувшихся на призыв рассказать о том, как, будучи молодыми людьми, они принимали участие в избирательных кампаниях. Заметим, что этот возрастной порог не соответствует официальному определению молодежи на государственном уровне³. Мы не ограничивались каким-то одним регионом, хронологическим периодом или уровнем выборов. Наши информанты — люди, которые, будучи школьниками, студентами, аспирантами и молодыми специалистами, участвовали в избирательных кампаниях разного уровня. Их опыт получен в кампаниях, проходивших в Москве, Новосибирске, Ульяновской области и Краснодарском крае.

Интервью проходили с сентября по декабрь 2020 г. в ZOOM под запись, затем транскрибировались. Продолжительность интервью составляла от 35 до 70 минут. Для поиска информантов был сформирован краткий анонс исследования, размещенный в Facebook, с призывом помочь с поиском респондентов.

Анализ интервью позволил выявить *пять мотивационных типов*, принципиально различающихся ответом на вопрос: «Почему молодые люди тратят время, силы, творческую энергию на участие в избирательной кампании?»

³ До недавнего времени в соответствии с постановлением «Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации» к категории молодежи в России относились граждане от 14 до 30 лет, однако 11 ноября 2020 г. Государственная дума одобрила проект о повышении возраста молодежи до 35 лет.

Рассмотрим эти мотивационные типы подробнее.

Тусовщики

Этот мотивационный тип отличается манерой участия в интервью, эмоциональным фоном: частые улыбки, шутки, смешные зарисовки, которыми запомнились выборы. Избирательная кампания в изложении этих информантов синонимична веселому, иногда опасному приключению.

Типичны фразы, описывающие ситуацию, в которой принималось решение поработать на выборах: «лето, все разъехались, делать было нечего», «заняться нечем было», «я подумала, почему бы и нет». Этот мотив ярко выражен среди школьников и студентов, у которых летом каникулы. Политические идеалы, симпатии к определенным политическим силам не упоминаются как первопричина активности в рамках избирательной кампании. Кампания воспринимается как интересный формат досуга, где собираются молодые люди для необременительной работы в летнее время.

Представители этого мотивационного типа выбирают те формы деятельности, которые могут расширить знакомства и подарить острые ощущения: уличная агитация, поквартирные обходы, работа в штабе. Здесь что ни день, то приключение.

У нас было, что на агитаторов бомжи напали. <...> Однажды было, что мужик дверь открыл, а у него в руках нож. Оказалось, он просто на кухне что-то делал, но девушка наша тогда сильно испугалась. (М., 21 год, студент)

Я много приколов могу рассказать, весело было. (Ж., 18 лет, студентка)

Важным достоинством такой деятельности, с точки зрения «тусовщика», является ее коллективная форма. В целях безопасности молодым людям запрещают заниматься уличной агитацией или обходом квартир по одиночке. У них есть напарники, бригадиры, сменщики, то есть сообщество, с которым они коммуницируют по ходу деятельности. Завязываются отношения, что важно для этого мотивационного типа.

Я тогда со многими познакомился, потом общались, некоторые хороший бизнес сделали... <...> Это вначале идешь вслепую, а потом все перезнакомятся и уже выбирают, с кем вместе на кубе стоять. (М., 28 лет, молодой специалист)

Примечательно, что «тусовщики» не всегда могут вспомнить, кого и куда выбрали при их непосредственном участии.

- Кажется, в Думу.
- Какую? Государственную или региональную?
- Ну... Они разные? (Смеется.) (Ж., 20 лет, студентка)

Этот мотивационный тип наименее критически настроен по отношению к власти, тема «нечестных выборов» не вызывает интереса и заинтересованного обсуждения.

Избирательная кампания ассоциируется не с политическим процессом, а с периодом, когда можно находиться в потоке общения и часто решать внештатные задачи. Возникает чувство, что «жизнь бьет ключом», — и это важно для данного мотивационного типа. Например, кого-то из агитаторов задержала полиция или консьержка вызвала управдома. Серьезной опасности они не чувствуют, так как воспринимают себя как рядовых исполнителей, проблемы которых могут и должны решать кураторы из штаба.

Все листовки, кроме «Единой России» тут же срывали, поэтому надо было клеить их ночью. <...> Темно, тихо, и мы такие с листовками — как революционеры. (М., 22 года, аспирант)

«Тусовщики» не склонны выполнять работу наблюдателей в день голосования или членов избирательных комиссий: это непродолжительная работа, отношения не успевают завязаться. Наблюдатели сидят молча, даже на обед и в туалет ходят по очереди. Они встречаются всего на один день. В наших интервью не было ни одного случая, когда бы отношения наблюдателей длились после завершения выборов.

Что касается участковых избирательных комиссий (УИК), то в их составе преимущественно работники школ и объектов социальной инфраструктуры (библиотек, домов культуры). Как правило, это немолодые женщины. «Тусовщики» не воспринимают членство в УИК как способ интересно провести время, утолить жажду общения.

Что такое комиссия? Это завуч и учителя. Там тусить не с кем. (М., 26 лет, аспирант)

Таким образом, любителям тусовок не место среди наблюдателей и членов участковых избирательных комиссий. Они находят свой кураж в уличной стихии и в деятельности штабов.

Карьеристы

Основной мотив участия в избирательной кампании может быть связан с построением карьеры. Назовем таких молодых людей карьеристами, не вкладывая в это слово никакой негативной коннотации. При этом возможны три карьерных пути.

Первый путь — карьера политтехнолога или узкого специалиста (орговика, спичрайтера и пр.), привлекаемого для организации и проведения избирательных кампаний. Нацеленные на такую карьеру молодые люди участвуют в кампаниях, чтобы понять, «как это устроено и как это делается». Они видят избирательную кампанию изнутри, получают уникальный опыт, заводят знакомства, которые расценивают как шанс на вход в это профессиональное поле.

- *Первую свою кампанию я почти бесплатно отработал, за чисто символические деньги. А потом меня позвали работать в Новосибирск, когда там выборы были.*
- *И вы поехали?*

— Конечно. А зачем я тогда бесплатно на них работал? В Новосибирске уже платили нормально, и суточные там были. Мне вообще нравится идея ездить по стране и делать везде социологию, я уже руку набил. (М., 25 лет, аспирант)

Второй возможный карьерный трек связан с политической деятельностью, включая работу в аппарате партии. Один наш респондент после участия в избирательной кампании бросил учебу в институте и начал работать в аппарате одного политического деятеля.

Третий вариант — использование выборов как трамплина для карьеры вне политической сферы.

Зачем пошла? Знаете, говорят, что у женщины должно быть несколько мужчин: муж, любовник, юрист, врач. А если к ним добавить своего депутата, так совсем круто будет. (Ж., 28 лет, сотрудница фирмы)

И это шутка лишь отчасти. Студенты рассказывали, какое впечатление на их преподавателей производили селфи, сделанные в ходе избирательной кампании с известными политиками, которые появлялись в штабе.

Особенно ценной для карьеры воспринимают работу на победу «Единой России». В нашем исследовании зафиксирован случай, когда молодая студентка, будущая журналистка, стала медианаблюдателем, получив соответствующую аккредитацию от областной избирательной комиссии. И хотя формально она не брала на себя обязательств освещать в выгодном свете правящую партию, тем не менее она уловила неформальные пожелания и регулярно в социальных сетях выкладывала материалы, сфокусированные на представителях этой партии. Брала у них интервью, фотографировала их в позитивном контексте и размещала эти материалы во «ВКонтакте» и в Instagram. В итоге университетские одноклассники объявили ей бойкот:

Начали писать гадости в комментариях... Было очень неприятно. Я пыталась объяснить, что мне за это не платят. (Ж., 19 лет, студентка)

Но девушка знала, зачем и во имя чего она это терпит. Ей вручили грамоту за подписью председателя избирательной комиссии области и отправили на форум для молодых активистов. Там она встретила близких по духу молодых людей и укрепилась в уверенности, что она на правильном пути.

Что характерно, эта девушка особенно отчетливо волновалась по поводу нашего разговора.

— А можно спросить? Вы полностью все анонимно напишете?

— Да, я гарантирую.

— Я переживаю не за себя, а за организацию [Молодежный общественный совет]. Она хоть и легальная, но сейчас ужесточился контроль, и желательно все спрашивать у председателя. Я могу ему сказать про наше интервью? (Ж., 19 лет, студентка)

Однако такой прессинг не смущает, поскольку участие в избирательной кампании открыло новые горизонты.

Я раньше думала, что моя филология точно не связана с политической сферой. Сейчас я понимаю, что в этом русле можно развиваться. (Ж., 19 лет, студентка)

«Карьеристы» могут работать в избирательных кампаниях бесплатно или за деньги, симпатизировать своим кандидатам или критически их оценивать, но главное, что их выделяет, — это желание воспользоваться этим опытом для дальнейшей карьеры.

Отдельно стоит упомянуть тех молодых людей, которые работают в государственных структурах и не могут отказаться от участия в избирательных кампаниях без ущерба для своей карьеры. То, что избирательный процесс в России тесно связан с государственными структурами, ни для кого не секрет. Такая сращенность — грубое искажение идеи честных выборов, однако оно повсеместно и, фактически, легитимно. Молодые специалисты региональных, городских, районных администраций «командируются» в избирательные штабы провластных кандидатов.

В нашем исследовании есть показательный кейс. Молодой сотрудник регионального министерства сельского хозяйства весь период избирательной кампании занимался только выборами, обеспечивая победу «правильных» кандидатов от «Единой России». Никаких формальных трудовых договоров, подтверждающих его работу в рамках избирательной кампании, не существовало. Все это время — около двух месяцев — молодой человек числился на работе в министерстве и получал там зарплату. Его участие в избирательной кампании носило для него добровольно-принудительный характер, он не мог отказаться без последствий для своей карьеры в министерстве. В случае победы продвигаемых кандидатов обещали хорошо заплатить. Правда, не заплатили, сославшись на то, что победа оказалась не очень внушительной.

Аналогичный кейс зафиксирован в Московской области, где молодую сотрудницу библиотеки отправили агитировать за кандидатов в Московскую областную думу от «Единой России». В течение двух недель она на улице раздавала агитационно-раздаточный материал. Этот труд не оплачивался, но по основному месту работу ей продолжали начислять заработную плату.

...Ты можешь отказаться, но ты сам понимаешь все последствия <...>. Поэтому лучше идти и не выступать. (Ж., 27 лет, сотрудник библиотеки)

Таким образом, карьерный мотив участия в избирательных кампаниях может иметь двоякий смысл. С одной стороны, это ключ к новым возможностям. С другой стороны, это способ сохранить работу и продемонстрировать лояльность в структурах, где молодых специалистов «командируют» на выборы так же регулярно, как студентов в советское время на картошку.

Желание заработать деньги

Можно ли воспринимать избирательную кампанию как источник заработка? Наши информанты дают утвердительный ответ. Некоторые молодые люди участвуют в избирательной кампании преимущественно ради денег.

Молодые люди, мотивированные деньгами, категорически не берут на себя роль наблюдателей или членов УИК. Наблюдателям, как правило, не платят (или платят символические деньги). Наблюдатель в день голосования может получить примерно столько же, сколько зарабатывает работник «Макдональдса» за час. Членам УИК гарантированно платят, но это скромные деньги: около 3—4 тыс. рублей за несколько дней работы. В УИК идут не за деньгами: либо по принуждению, либо в силу гражданской позиции.

Принято считать, что уличные агитаторы работают бесплатно. Такое мнение сформировали СМИ, называя этих ребят волонтерами. Однако есть нюансы. Труд уличных агитаторов действительно может быть безвозмездным (мы зафиксировали такие случаи), а может оплачиваться скромно или щедро в зависимости от бюджета кампании.

Как правило, оппозиционные кандидаты не имеют бюджета для оплаты труда уличных агитаторов. А если даже финансовые возможности имеются, то протестная риторика взывает к гражданским чувствам, что делает разговор о деньгах неуместным. В некоторых оппозиционных штабах наиболее трудолюбивых волонтеров премировали ужином с популярным политиком.

Нужно отметить, что даже если оппозиционные кандидаты смогли наполнить бюджет, например с помощью фандрайзинга, то его использование всегда находится на особом контроле. Нарушения в финансовой сфере могут стать поводом для репрессий. В этом смысле оплата труда агитаторов создает повышенные риски: их состав быстро меняется, некоторым нет 14 лет, кто-то работает всего несколько дней и уходит, что затрудняет учет нагрузки, и пр. Проще работать в рамках договоров о безвозмездном оказании услуг, а оплату проводить в неформальном режиме. Впрочем, возможны варианты.

Другими словами, заработать в качестве уличных агитаторов можно на любом фронте, оппозиция не исключение. Однако оппозиционные кандидаты, используя материальные стимулы, активно взывают к гражданской позиции. Тем самым они менее привлекательны для ориентированных только на заработок.

Какие деньги? Вам нравится, что в стране коррупция и вот это все? Мне не нравится. Я поэтому пошла к ним. Откуда у них деньги, если они с коррупцией борются? Там все бесплатно работали. (Ж., 28 лет, безработная)

Однако в других кампаниях, включая кампании системной оппозиции, платят, и порой щедро. Для молодых людей это могут быть неплохие деньги. Например, летом 2016 г. уличные агитаторы-школьники одного кандидата от партии «Яблоко» получили примерно по 60 тыс. руб. за время кампании: стоявшие «на кубах» получили повременно, а «ходоки по квартирам» — сдельно. Вряд ли школьники имеют альтернативные возможности заработать сопоставимые деньги.

Можно сформулировать как правило: чем более молодые люди симпатизируют политическим идеям того или иного кандидата, тем больше их готовность работать бесплатно. Это не исключает, что их труд будет оплачен. Например, уличные агитаторы А. Навального на выборах мэра Москвы в 2013 г. работали бесплатно. И, наоборот, если кандидат малоинтересен молодежи, отношение к нему ней-

тральное или даже критическое, то уличные агитаторы из молодежной среды привлекаются преимущественно за счет денег. Избрание мэром Москвы в 2018 г. С. Собянина сопровождалось массовым «политическим волонтерством», однако это была возмездная деятельность [Барсукова, Ионова, Сафиуллина, 2020].

Характерно, что наем уличных агитаторов обходится, как правило, без формальных контрактов. На оплату их труда идут деньги теневого фонда избирательной кампании [Gel'man, 1998; Барсукова, Денисова-Шмидт, 2020]. «Мы что-то подписывали, но точной цифры там точно не было» (М., 19 лет, студент). Как вариант, может подписываться договор о безвозмездном оказании услуг. Теневой характер трудовых отношений связан в том числе с тем, что состав уличных агитаторов постоянно меняется (многие отказываются через несколько дней) и документальное оформление отношений найма существенно увеличило бы административные издержки.

В целом обсуждение финансовой стороны деятельности четко разграничивало мотивационные типы. Политизированные молодые люди воспринимали интервью как возможность высказать свои политические взгляды, аргументировать свою позицию. На вопрос про деньги они реагировали с раздражением, как будто их сбивают с темы, которая им интересна, и предлагают обсудить нечто несущественное. На «денежный вопрос» отвечали односложно, стараясь побыстрее покончить с темой, которая им неинтересна. Те же, кто участвовал в избирательной кампании ради денег, активно и в деталях обсуждали финансовую сторону своей деятельности. Они в подробностях описывали свои первоначальные договоренности (почти всегда неформальные) и волнения, опасения, что их «кинут». Весь ход кампании излагался как эмоциональные качели «заплатят — не заплатят».

Постоянно ходили слухи, что нам не заплатят. То говорили, что платить будут раз в две недели, то что каждую неделю... (Ж., 22 года, студентка)

Там с этим как-то странно было. Обещали заплатить, но просили никому не говорить, сколько мне обещали... Я потом узнала, что нам по-разному всем говорили. (Ж., 17 лет, школьница)

В наших интервью нет случая, когда бы не заплатили тем, кому обещали. Другое дело, что могли заплатить меньше и с задержкой, но совсем не заплатить не решались. Видимо, это связано с опасениями ответных действий. Ведь любой, даже самый низовой участник избирательной кампании, становится невольным свидетелем множества нарушений. Наши информанты рассказывали, как участвовали в срывах билбордов, поджоге листовок, передаче консьержкам взяток, чтобы они относили листовки конкурентов в мусоропровод, и пр. Такая информация не подлежит огласке, поэтому ее носителям не могут не заплатить обещанное.

Если уличные агитаторы могли как получать, так и не получать вознаграждение в зависимости от политического спектра (оппозиционеры часто не платили), то труд их руководителей (координаторов, бригадиров, кураторов) практически всегда оплачивался. Еще больше зарабатывают сотрудники штабов. Возникает коллизия: уличный агитатор работает бесплатно, «за идею», а его руководитель

получает деньги. Оправдание этого факта восходит в тому, что координационная деятельность воспринимается как ответственная и нервная работа, часто без выходных, за которую при любых политических убеждениях оправданно получать зарплату.

...Они могут по желанию выходить на куб, а я в штаб ходил, как на работу. И на мне материальная ответственность была — диктофоны, раздаточные материалы, те же футболки и бейсболки... (М., 22 года, студент)

Подчеркнем, что «желание заработать деньги» не означает полную аполитичность, однако решение участвовать в избирательной кампании принимается на основе рассуждений о возможности заработать. Данный мотивационный тип может критично оценивать фигуру кандидата или партию, за которую он агитирует голосовать.

— У нас еще тот урод был. Мы его называли «токсичный». Даже непонятно, как такой чел продвинулся. Он вообще не умел с людьми разговаривать. На встречах с избирателями за него стыдно было даже. Главное, мы по квартирам бегаем, зазываем народ, всякие хорошие слова про него говорим, а он приходит и орет.

— Так зачем вы за него агитировали?

— Как говорится, деньги не пахнут. Этот «токсичный» платил нормально. (М., 22 года, студент)

Описываемый кандидат проиграл выборы, о чем наш информант рассказал с нескрываемой радостью. Главное — что за работу заплатили, как обещали.

Поборники честных выборов

Мотив добиваться честного голосования характерен для молодых людей, участвующих в избирательном процессе в качестве наблюдателей и членов участковых избирательных комиссий. Собственно, только этот стимул и может объяснить готовность молодых людей «инвестировать свое время в чувство, что ты следуешь своим идеалам, что благодаря тебе выборы на этом участке прошли честно» (М., 27 лет, сотрудник фирмы).

При всем обывательском скептицизме эта деятельность если и не устраняет, то сдерживает фальсификацию результатов голосования. «...В некоторых случаях итоги голосования на соседних участках — на одних наблюдатели были, а на других не было — разнились настолько, что дать этим несоответствиям какое-то иное вразумительное объяснение, кроме жульничества при подсчете, весьма затруднительно» [Коргунюк, 2008: 181—182].

Формально в стране с 2015 г. устранили внепартийное наблюдение за ходом голосования [Скокова, 2015], однако для данной мотивации не важно, кто уполномочил вести наблюдение, какая партия.

Мне хотелось предотвратить фальсификации. И в этом смысле все равно, от какой партии ты придешь на участок. Просто законодательство устроено таким образом,

что есть ограниченное число партий, которые могут отправлять своих наблюдателей на выборы. Никакой симпатии к «Справедливой России» у меня не было. Но я пошел от них, потому что хотел способствовать честным выборам. (М., 25 лет, аспирант)

Наблюдатели на избирательных участках — это люди с повышенной социальной и гражданской активностью [Скокова, 2015, 2016]. Наблюдатель находится в позиции арбитра, который стоит над схваткой и следит за тем, чтобы победил сильнейший. И сильнейшим может оказаться политическая сила, которая не вызывает симпатии. Представители этого мотивационного типа готовы жертвовать собственными политическими предпочтениями ради торжества формальной процедуры. В шкале предпочтений соблюдение закона стоит выше победы той политической силы, за которую они голосуют.

Некоторые наблюдатели с нескрываемой гордостью рассказывали, как пресекали нарушение процедуры голосования. В наших интервью есть примеры коллективной самоорганизации молодежи по обеспечению честных выборов в целом округе. В округ входили более полусотни избирательных участков. И ребята смогли договориться, скоординироваться, призвать друзей и собственными силами полностью покрыть весь округ своими наблюдателями.

Однако этот мотивационный тип оказался уязвим с точки зрения возможности разочарования. Движимые идеей честных выборов, столкнувшись с нарушениями, которые они не смогли предотвратить, молодые люди реагировали болезненно. Они разуверились в честности выборов вплоть до того, что приняли решение больше не участвовать в них ни в каком качестве.

Я помню, была членом избирательной комиссии, сидела и выдавала бюллетени. Под конец дня выборов прилетели тетки из администрации, охали, кудахтали, что за кого-то не хватает голосов. Было понятно, что они хотят изменить ход выборов. Но я промолчала, побоялась вступить в конфликт. Мы все были так приучены. Тогда я еще не умела отстаивать свои убеждения. И после того я для себя приняла решение, что выборы — они нечестные и я участвовать в них не буду. И с тех пор моя позиция неизменна. На выборы я не хожу, считаю это бесполезной тратой времени. (Ж., 21 год, студентка)

Среди тех, кто ориентирован на честные выборы и работал непосредственно на избирательных участках, проскальзывают ноты разочарования.

Вот я поработала в избирательной комиссии и точно поняла, что это все — глухо. Кто-то свой протест выражал тем, что писал в бюллетене «против всех». Но я уверена, что это бесполезно. Как ты кидаешь свой бюллетень, так его и вынут, если кому надо. (Ж., 25 лет, аспирантка)

Мотив обеспечения честных выборов не свойственен тем, кто работает уличными агитаторами, в избирательных штабах. Они нацелены на победу «своего» кандидата, им приходится срывать листовки конкурентов, публиковать фейковые новости, участвовать в подкупе избирателей и пр. Конечно, не все задействованные в избирательной кампании агитаторы занимаются этим, но они знают, что

такие практики имеют место. Агитировать за честные выборы, находясь внутри штаба или работая с населением, это позиция столь же странная, как сбор картофеля в белых перчатках. Поборникам честных выборов не место в избирательном штабе.

Борцы за политические убеждения

Некоторые молодые люди участвуют в избирательных кампаниях ради победы конкретного кандидата, отстаивающего их политические позиции. Особенно ярко выражен этот мотив среди оппозиционно настроенной молодежи. В этом случае возможна бесплатная деятельность во имя победы «своего» кандидата.

Я очень активно агитировал за Навального, когда тот баллотировался на мэра. Получал агитационные материалы, пытался раздавать в метро, вести разговоры с людьми. Я тогда работал на фул-тайм, и после работы занимался такой агитацией. Примерно два месяца перед выборами довольно активно этим занимался. Это совершенное волонтерство, полностью бесплатно, это была такая мощная инициатива снизу. (М., 27 лет, молодой специалист)

Как меня могли заинтересовать деньгами? Я тогда работал в иностранной фирме, снимал квартиру в центре. Что мне могли предложить? И потом, за деньги на такое не пойдешь... Ты стоишь, агитируешь за Навального, а тебе некоторые чуть ли в лицо не плюют, козлом называют. Ну какие тут деньги? Не смешите меня. Там все за идею работали. (М., 27 лет, сотрудник иностранной компании)

Важно, что идейно заряженные молодые люди, готовые бесплатно работать на победу «своего» кандидата, встречались именно в оппозиционном политическом спектре. В избирательных кампаниях провластных кандидатов уличным агитаторам, как правило, платили.

Та же логика прослеживается в действиях координаторов уличных агитаторов и членов штабов. Некоторые из них декларировали, что готовы были бы работать за существенно меньшие деньги, потому что в основе лежали политические идеалы. Это резко отделяет политизированных молодых людей от тех, кто боролся за победу кандидата лишь ради премии.

Мотивационный тип «борец за политические убеждения» обнаружен только в оппозиционном поле. Горячих защитников и проводников провластных кандидатов встретить не удалось. Молодые люди, поработавшие на избирательной кампании провластных кандидатов, утрачивали иллюзии относительно политической конкуренции, если они у них были. Все они опирались на административный ресурс и понимали его значение для итогов выборов. Саму идею честных выборов такие молодые люди расценивали как иллюзорную.

Управление внутренней политики распределило по отраслям, кого надо выбрать. У нас министерство сельского и лесного хозяйства, вот нам и достались два фермера, которых надо было протолкнуть в региональный парламент. Состав законодательного собрания области был определен задолго до выборов. <...> Мы продвигали кандидатов

от «Единой России». В работу нашу входило мешать конкурентам всеми способами. Например, узнаешь, что на какой-то площади в поселке КРПФ хочет собрать свое собрание. Звонишь к главе поселения: «Делай что хочешь. Хочешь — выставку комбайнов устраивай, хочешь — перекопай всю площадь, хочешь — закрой под покраску». И закрывал. А куда ему деваться? (М., 28 лет, молодой специалист)

Таким образом, среди наших респондентов встречались и политизированные молодые люди, действия которых с полным основанием можно отнести к политическому волонтерству. Их поведение в ходе интервью отличалось тем, что они явно скучали при обсуждении вопросов организации и оплаты их деятельности, но активно и развернуто отвечали на вопросы, связанные с политической позицией «своего» кандидата. Они старались перевести формат интервью от обсуждения собственного опыта к дискуссии о положении дел в стране и состоянии политической сферы. Другие мотивационные типы много и охотно обсуждали свой опыт участия в избирательной кампании, практически полностью игнорируя политическую повестку.

Среди наших респондентов были те, кто в момент интервью находился за рубежом на учебе, стажировке или эмигрировал. Отметим интересный факт (не претендуя на обобщение): это были именно те молодые люди, которые объясняют свой опыт участия в избирательных кампаниях политическими убеждениями или желанием обеспечить честные выборы. «Тусовщики» или «любители денег» не эмигрировали.

Заключение

Наше исследование показало, что сам факт активного участия молодых людей в избирательных кампаниях не является однозначным маркером политизации молодежи. Многие функциональные роли в ходе электорального цикла выполняются вне всякой связи с политическими взглядами. Вполне возможно, что яркими агитаторами, ответственными координаторами и эффективными штабными работниками становятся деполитизированные молодые люди, пришедшие пообщаться и/или подзаработать.

Исследование выявило разнообразие мотивационных установок молодежи, участвующей в проведении избирательных кампаний. Это желание потусоваться, заработать деньги, поспособствовать своей карьере, а также стремление обеспечить честные выборы или привести к победе кандидата, чью политическую позицию молодой человек разделяет.

Политический спектр кандидата в депутаты если и не детерминирует, то в значительной степени предопределяет концентрацию носителей той или иной мотивационной установки среди молодых людей, участвующих в избирательной кампании. Среди наших респондентов политические суждения высказывали только те, кто принимал участие в организации выборов несистемной оппозиции. Участники избирательных кампаний провластных кандидатов или системной оппозиции, как правило, были равнодушны как к лозунгам, так и к исходу выборов, среди них более представлен карьерный и денежный мотивы.

Политизированные молодые люди, работающие «за идею» (бесплатно), встречаются преимущественно в кампаниях несистемной оппозиции, которая может

позволить себе не платить ввиду популярности у молодежи. Но и там это касается низовых уровней. Чем выше уровень деятельности (бригадиры, штабисты), тем более инструментально молодые люди относятся к выборам, воспринимая их как возможность «подзаработать на политике» или использовать этот опыт для карьеры.

Волонтерство и участие молодежи в избирательных кампаниях не являются тождественными понятиями, равно как не являются и исключаящими друг друга. Сущность волонтерства составляют добровольность и безвозмездность помощи на регулярной основе [Азарова, Яницкий, 2008; Кудринская, 2006; Нежина и др., 2014; Снаан, 1996]. Среди участников избирательных кампаний есть политические волонтеры в полном смысле этого слова, однако ими состав участников не ограничен.

Представители разных мотивационных типов предпочитают разные формы активности в ходе избирательных кампаний. «Тусовщики», «любители денег» и политические активисты предпочитают уличную агитацию и работу в штабе. «Карьеристы» стремятся быть на виду у начальства и попасть в поле зрения политических лидеров, и потому стараются попасть в штаб. Поборники честных выборов выбирают позицию наблюдателя или члена участковой избирательной комиссии.

Список литературы (References)

- Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120—125.
- Azarova E. S., Yanitskiy M. S. (2008) Psychological Determinants of Volunteer's Activity. *Tomsk State University Journal*. No. 306. P. 120—125. (In Russ.)
- Барсукова С. Ю., Денисова-Шмидт Е.В. «Политические инвестиции» бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 110—125. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08>.
- Barsukova S. Yu., Denisova-Schmidt E.V. (2020) Political "Investments" by Businesses in Russia, or Why Does Business Finance Election Campaigns? *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 110—125. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08>. (In Russ.)
- Барсукова С. Ю., Ионова Д., Сафиуллина Э. Мобилизация студентов-агитаторов во время предвыборной кампании Сергея Собянина на пост мэра Москвы в 2018 году // ЭКО. 2020. Т. 50. № 2. С. 158—171. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-158-171>.
- Barsukova S. Yu., Ionova D., Safiullina E. (2020) Mobilization of Student Agitators During the Election Campaign of Sergei Sobyenin for Mayor of Moscow in 2018. *ECO*. Vol. 50. No. 2. P. 158—171. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-158-171>. (In Russ.)
- Бидерман К. Координация работы добровольцев и менеджмент волонтерских программ в Великобритании. М. 2009.
- Biedermann K. (2009) Volunteer Coordination and Management of Volunteer Programs in the UK. Moscow. (In Russ.)

Бызов Л. Г. Избирательный цикл 2011/2012 гг. через призму ценностных и идейных противоречий общества (Часть II) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3. С. 51—60. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1554/1322> (дата обращения: 03.08.2021).

Byzov L. G. 2011—2012 Election Cycle through Value and Ideological Contradictions of Society (Part 1). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 51—60. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1554/1322> (accessed: 03.08.2021). (In Russ.)

Волков Д. А. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник Общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3—4. С. 141—185.

Volkov D. (2012) Protest Movement in Russia Through the Eyes of Its Leaders and Activists. *The Russian Public Opinion Herald: Data. Analysis. Discussions*. No. 3—4. P. 141—185. (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 1. С. 5—36. URL: [https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/95/2010_1\(95\)_2_Gorwkov_Weregi.pdf](https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/95/2010_1(95)_2_Gorwkov_Weregi.pdf) (дата обращения: 03.08.2021).

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2010) Value Orientations, Moral Attitudes and Civic Engagement of Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 5—36. URL: [https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/95/2010_1\(95\)_2_Gorwkov_Weregi.pdf](https://book.wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2010/95/2010_1(95)_2_Gorwkov_Weregi.pdf) (accessed: 03.08.2021). (In Russ.)

Колесников А., Волков Д. Мы ждем перемен — 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения // Московский центр Карнеги. 2019. URL: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> (дата обращения: 03.08.2021).

Kolesnikov A., Volkov D. (2019) We Are Waiting for Changes — 2. Why and How the Demand for Radical Changes Is Formed. Carnegie Moscow Center. URL: <https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> (accessed: 03.08.2021). (In Russ.)

Коргунюк Ю. Г. Сумерки электоральной инженерии (К партийно-политическим итогам думской кампании 2007 г.) // Полития. 2008. № 1. С. 169—192. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunuk-2008-1.pdf (дата обращения: 03.08.2021).

Korgunyuk Yu. G. (2008) Twilights of Electoral Engineering Towards Party-Political Results of the State Duma Election Campaign 2007. *Politeia*. No. 1. P. 169—192. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Korgunuk-2008-1.pdf (accessed: 03.08.2021). (In Russ.)

Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 15—22.

Kudrinskaya L. A. (2006) Volunteer Labor: Essence, Functions, Specificity. *Sociological Studies*. No. 5. P. 15—22. (In Russ.)

Мартынова А. В. Мотивы участия/не участия студентов и учащихся в выборах депутатов Государственной Думы РФ (2011 г.) и Президента РФ (2012 г.) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2013. № 4. С. 139—151. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1534/1302> (дата обращения: 03.08.2021).

Martynova A. (2013) Motives of Participation/Non-Participation of Students and Youth in the 2011 State Duma Elections and the 2012 Presidential Elections. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 5—36. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1534/1302> (accessed: 03.08.2021). (In Russ.)

Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М.: Русская панорама, 2006.
Malkin E., Suchkov E. (2006) *Political Technologies*. Moscow: Russian Panorama. (In Russ.)

Минченко Е. Н. Как выигрывают выборы в США, Великобритании и Евросоюзе: анализ политических технологий. М.: Паблис, 2015.

Minchenko E. N. (2015) *How to Win Elections in the USA, Great Britain and the European Union: An Analysis of Political Technologies*. Moscow: Publis. (In Russ.)

Нежина Т. Г., Петухова К. А., Чечеткина Н. И., Миндарова И. С. Мотивация участия молодежи в волонтерском движении // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 49—71.

Nezhina T., Petukhova K., Chechetkina N., Mindarova I. (2014) Motivation of Youth Participation in the Volunteer Movement. *Public Administration Issues*. No. 3. P. 49—71. (In Russ.)

Скокова Ю. А. Наблюдатели на выборах в России // *Социологические исследования*. 2015. № 10. С. 57—63.

Skokova Y. A. (2015) Observers at the Elections in Russia. *Sociological Studies*. No. 10. P. 57—63. (In Russ.)

Скокова Ю. А. Динамика развития общественного движения наблюдателей на выборах: результаты исследования 2011—2016 гг. // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. № 3. С. 65—79.

Skokova Y. A. (2016) The Dynamics of the Social Movement of Election Observers (2011—2016). *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 3. P. 65—79. (In Russ.)

Собкин В. С. Подросток и политика: изменение ценностных ориентаций // *Вопросы образования*. 2008. № 4. С. 180—216.

Sobkin B. S. (2008) Teenagers and Politics: a Change of Values. *Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 180—216. (In Russ.)

Snaan R. A., Handy F., Wadsworth M. (1996) Defining Who Is a Volunteer: Conceptual and Empirical Considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 25. No. 3. P. 364—383. <https://doi.org/10.1177/0899764096253006>.

Gel'man V. (1998) The Iceberg of Russian Political Finance. In: Burnell P., Ware A. (eds.) *Funding Democratization*. Manchester, New York: Manchester University Press. P. 158—179.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1832](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832)

Н. А. Нартова, А. М. Фатехов

ПЕРЕХОД ВО ВЗРОСЛОСТЬ РОССИЙСКИХ МИЛЛЕНИАЛОВ: НА ПУТИ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ К ОБРЕТЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПОТЕРЕ ОПТИМИЗМА?

Правильная ссылка на статью:

Нартова Н. А., Фатехов А. М. Переход во взрослость российских миллениалов: на пути от получения образования к обретению ответственности и потере оптимизма? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 319—344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>.

For citation:

Nartova N. A., Fatekhov A. M. (2021) The Transition Into Adulthood of Russian Millennials: On the Way From Getting an Education to Gaining Responsibility and Losing Optimism? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 319–344. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1832>. (In Russ.)

ПЕРЕХОД ВО ВЗРОСЛОСТЬ РОССИЙСКИХ МИЛЛЕНИАЛОВ: НА ПУТИ ОТ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ К ОБРЕТЕНИЮ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПОТЕРЕ ОПТИМИЗМА?

*НАРТОВА Надежда Андреевна — старший научный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: nnartova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9026-3047>*

*ФАТЕХОВ Александр Маратович — стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: amfatekhov@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8945-732X>*

Аннотация. В современном мире молодость выступает не только и не столько автономным этапом жизни человека, сколько периодом обретения компетенций и навыков, необходимых для взрослой жизни. Взрослость же рассматривается как ценность и цель, достижение которой дает человеку статус полноценного члена общества и «полноценной» личности. Классическая модель перехода во взрослость, сформировавшаяся в середине XX века, все менее релевантна изменившимся условиям современности. Актуальная социологическая дискуссия показывает, что достижение взрослости все так же связано с прохождением социодемографических этапов, однако их последовательность и временная разметка в рамках биографий меняются. Более того, возрастает значение субъективно

THE TRANSITION INTO ADULTHOOD OF RUSSIAN MILLENNIALS: ON THE WAY FROM GETTING AN EDUCATION TO GAINING RESPONSIBILITY AND LOSING OPTIMISM?

*Nadezhda A. NARTOVA¹ — Senior Research Fellow, Centre for Youth Studies
E-MAIL: nnartova@hse.ru
<http://orcid.org/0000-0001-9026-3047>*

*Alexander M. FATEKHOV¹ — Research Assistant, Centre for Youth Studies
E-MAIL: amfatekhov@edu.hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8945-732X>*

¹ HSE University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. Today youthfulness is not only an autonomous stage of life course, but a period of acquiring the competences and skills necessary for adult life. Adulthood is seen as a goal and value, the achievement of which gives a person the status of a full member of society and a «full» personality. The classical model of the transition to adulthood, which was formed in the middle of the 20th century, is becoming less and less relevant in the changed conditions of modernity. Current sociological discussion shows that achieving adulthood is also linked to socio-demographic stages, but their sequence and temporality are changing within biographies. Moreover, subjectively experienced characteristics of growing up, such as autonomy and responsibility, are becoming increasingly important.

переживаемых характеристик взросления, таких как обретение автономности и ответственности.

Опираясь на доступные данные всероссийских репрезентативных ежемесячных опросов «Курьер» за 2018—2019 гг. и исследования «Российское «Поколение Z»: Установки и ценности», авторы анализируют переход во взрослость российского поколения миллениалов и демонстрируют, что для современной российской молодежи транзичия во взрослость начинается с получения образования и выхода на рынок труда, сопровождается повышением ответственности, но приводит к снижению удовлетворенности жизнью, ухудшению настроения и потере оптимизма.

Ключевые слова: молодежь, взросление, взрослость, поколение, миллениалы

Based on the available data from the all-Russian representative monthly surveys «Courier» and the research «Russian Generation Z: Settings and Values», the article analyses the transition to adulthood of the Russian millennials and demonstrates that for today's Russian youth, the transition to adulthood begins with education and entry into the labour market, is accompanied by an increase of responsibility, but also leads to a decrease in life satisfaction, a worsening of moods and loss of optimism.

Keywords: youth, transition to adulthood, adulthood, generation, millennials

Введение

Концепция жизненного курса предполагает, что человеческая жизнь организована как цепь последовательных этапов, каждый из которых подвергается социокультурной регуляции, наделяется определенными ролями и статусами, связывается со специфическими внутренними логиками проживания. Безусловно, возможности социальной деконструкции возраста ограничены, и жизненные этапы так или иначе связаны с био-физиологическими основаниями жизни человека [Twigg, 2004], однако ключевую роль в наделинии значениями особенно срединных этапов, таких как молодость и взрослость, играют все-таки социальные интерпретации, которые историчны, контекстуальны и изменчивы.

В современной западной культуре молодость рассматривается как переходный этап от детства к взрослости. Ее наделяют характеристиками неустойчивости, частичной зависимости, динамики, уязвимости [Carpenter, Mojab, 2017; Smith et al., 2011]. Ю. Зубок и В. Чупров пишут, что «особенности социального положения и сознания молодых людей — неустойчивость, переходность, лабильность» [Зубок, Чупров, 2020: 14]. Молодость — это не столько автономный период жизни, сколько нахождение «между». Е. Павленко подчеркивает, что «молодость — это такое символическое пространство, которое уже не управляется категоризацией „ребенок“, но и не может быть проинтерпретировано через категорию „взрослости“, что оставляет подростков и молодежь в позиции амбивалентности» [Павленко, 2016: 265].

Взрослость же, в свою очередь, связывается с метафорой «полноценной личности» (full personhood) [Blatterer, 2007: 776]. Взрослость дает доступ ко множеству ресурсов, пространств и статусов, в том числе тех, которые не доступны для других возрастных категорий. Взрослость дарует автономию и позицию полноценного гражданина [Kravchenko, 2015: 304]. Г. Блаттерер указывает, что взрослость в современном обществе обозначает статус человека как полноправного партнера по взаимодействию [Blatterer, 2007: 780].

Получение статуса взрослого не происходит одновременно, а связано с относительно длительным периодом перехода во взрослость. Е. Митрофанова определяет взросление как «комплексный процесс трансформации ребенка и обретения им опыта и статусов, позволяющих занять самостоятельную позицию в обществе» [Митрофанова, 2019: 55]. Дж. Арнетт называет молодость периодом нарождающейся взрослости [Arnett, 2014]. Иначе говоря, молодость — это обретение навыков и компетенций для взрослой жизни. Задача молодых — пройти через этот этап жизни и стать победителями, то есть взрослыми. Цель молодости — взрослость.

«Классическая модель» взрослости, обеспечиваемая довольно быстрым последовательным прохождением юношами и девушками в возрасте 20—25 лет ряда этапов, таких как отделение от родителей, выход на рынок труда, брак и рождение детей, сформировалась во второй половине XX века [Blatterer, 2007]. Несмотря на то, что структурные условия с 1970-х годов существенным образом изменились, неспособность или невозможность такого перехода молодежью проблематизируется и порождает моральные паники вокруг молодежи, которой приписывается инфантильность [Ардельянова, Саидов, 2018; Мамычева, 2010]. Индивидуализация, прекаризация, изменение структуры рынков труда и жилья, развитие социальных медиа и потребления во многом размывают границы между жизненными этапами, поскольку в этих одинаково нестабильных и рискованных условиях протекают жизни как хронологически молодых, так и хронологически взрослых [Hayward, 2013]. Более того, современная рыночная культура, ориентированная на динамизм, гибкость и мобильность, конституирует молодежный образ жизни как универсальный [Blatterer, 2010]. Однако это не приводит к пересмотру концепций «молодости» и «взрослости» или отказу от них. Взрослость в социологии сохраняет свое функционирование как предзаданная и стабильная категория, оставаясь в культуре целью и благом, к которой нужно стремиться [Blatterer, 2007].

В фокусе данной статьи анализ перехода во взрослость российского поколения миллениалов, а именно молодежи, рожденной в период с 1980 по 2000 г. [Радаев, 2019]. Взросление этого поколения интересно по нескольким причинам. Во-первых, их молодость происходит в относительно стабильных условиях новой России, что структурно существенным образом отличает контекст их взросления от поколения их родителей и прауродителей. Во-вторых, данное поколение в целом заметно отличается от предшествующих по своему образу жизни и ценностям [Омельченко, 2020; Радаев, 2019]. В-третьих, именно на долю этого поколения пришлась основная современная дискуссия о Питерах Пенах, кидалтах и других персонажах, не желающих взрослеть.

На основании вторичного анализа количественных данных мы выясняем, совершает ли современная российская молодежь конвенциональный переход

во взрослость по сложившейся модели взросления, связанной с ключевыми событиями и с персональными характеристиками, и как она себя чувствует в этой взрослости.

Переход во взрослость: теоретические основания исследования

Современная дискуссия о взрослении выстраивается вокруг двух ключевых перспектив: анализа социо-демографических событий перехода во взрослость и персонифицированного понимания взросления. Первая перспектива основывается на классической модели взросления и предполагает, что достижение взрослости связано с прохождением ряда «значимых событий, меняющих социальный статус человека и устройство его жизни» [Митрофанова, 2019: 56], выступающих маркерами взрослости. Такими событиями традиционно считаются: получение образования, выход на рынок труда, отделение от родителей, создание собственной семьи и рождение детей. Данные транзисии могут рассматриваться как по отдельности [O'Reilly et al., 2018; Irwin, Nilsen, 2018; Patrick, Schulenberg, O'Malley, 2016; Долгова, Митрофанова, 2015], так и в той или иной совокупности [Krahn et al., 2018; Beattie, 2017; Berzin, Marco, 2010]. Особый интерес в рамках данной перспективы представляют исследования, в которых процессуальность взросления анализируется через возраст наступления стартовых событий, их последовательность и продолжительность периода от первого до последнего. Так, Х. Кран и коллеги, анализируя возраст наступления транзитных событий для когорты 1967 г.в Канаде, вводят понятия «первая ступень взросления», в которую включают работу на полную занятость, окончание формального образования и уход из родительского дома, и «вторая ступени взросления», куда относятся партнерство, рождение детей и покупка собственного дома [Krahn et al., 2018: 910]. Кран и коллеги указывают на то, что между первой и второй ступенями появляется значительный временной разрыв, и если события первой ступени наступают довольно быстро, то события второй откладываются на более поздний возраст [ibid.: 914]. И хотя, как подчеркивают исследователи, значительная часть когорты совершила переход во взрослость в целом в рамках традиционных возрастных норм, они добавочно выделяют еще четыре профиля транзисии [ibid.: 915]:

- «быстрые взрослые» (проходят все этапы быстрее сверстников),
- «неуверенные взрослые» (начали работать сразу по окончании школы, но другие переходы отложили во времени),
- «взрослые студенты» (совершили большинство переходов вовремя, кроме получения образования),
- «задержавшиеся взрослые» (которые много времени и сил потратили на учебу, соответственно, завершили этот этап позже, чем в среднем, и другие события у них наступили также позднее).

В целом Х. Кран и коллеги говорят, что уже для когорты, чья молодость пришлась на 1990-е годы, взросление становится более индивидуализированным, пролонгированным и нелинейным, чем это представлено в классических моделях середины XX века [ibid.: 907].

Для понимания российского контекста важна работа Е. Митрофановой [Митрофанова, 2019], в которой автор анализирует специфику перехода во взрос-

лость шести советских и постсоветских поколений. В отличие от Х. Крана и коллег, Е. Митрофанова не определяет события перехода как ступени, а группирует их как «социоэкономические (завершение получения образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома) и демографические (первое партнерство, первый брак, рождение первого ребенка)» [там же: 59], что позволяет ей увидеть изменения в моделях взросления в разных исторических и институциональных условиях. Исследовательница выделяет три модели взросления россиян:

- «советскую» (поколения 1940—1949, 1950—1959, 1960—1969 г. р.), которая близка к «традиционной модели» и характеризуется тем, что «события наступают в молодых возрастах; интенсивность — малые интервалы между событиями; последовательность наступления событий простая и предсказуемая» [там же: 70];
- «переходную» (поколения 1930—1939 и 1970—1979 г. р.), которая выстраивалась в периоды перемен и нестабильности, когда «индивиды откладывают наступление одних событий и приоритизируют наступление других» [там же: 68];
- «постсоветскую» (поколения 1980—1986 г. р.), которая приближается к «современной», где «тайминг — откладывание событий на более поздние возрасты; интенсивность — рост интервалов между событиями; последовательность наступления событий сложная и непредсказуемая» [там же: 70].

Е. Митрофанова подчеркивает, что в целом «границы взросления меняются очень медленно» и «в среднем для россиян характерно наступление стартовых событий в интервале от 17—18 и до 25—27 лет» [там же: 62], однако последовательность, интенсивность и их тайминг меняются. Про самое молодое в своем исследовании поколение автор пишет: «Стандартные социэкономические события у поколения 80-х годов рождения наступают примерно в тех же возрастах и с той же интенсивностью, что и у двух предыдущих поколений. Возраст первого трудоустройства немного откладывается, но это объясняется более длительным получением профессионального образования. Среди первых демографических событий предпочтение чаще отдается партнерствам, тогда как события, требующие принятия более долгосрочной ответственности (браки и деторождения), откладываются на более поздние возрасты» [там же: 67]. При этом Е. Митрофанова подчеркивает, что «молодежь не уклоняется от взросления, но, становясь активным участником этого процесса, начинает менять его структуру и календарь» [там же: 67].

Второй подход к изучению взросления вырос из исследований «нарастающей взрослости» Дж. Арнетта [Arnett, 2014] и базируется на реконструкции конвенционально разделяемых, но персонально, лично переживаемых характеристиках взросления. Арнетт показывает, что для современной молодежи взрослость связана с тремя ключевыми аспектами: принятием ответственности за себя, возможностью независимых решений и обретением финансовой независимости [ibid.: 313]. Процесс становления взрослым — это, по сути, процесс обретения самостоятельности, научения «жить одному» [ibid.: 332]. Исследование И. Питти показывает, что для молодых итальянцев взрослость в первую очередь определяется через «ответственность» и «независимость» [Pitti, 2017: 1230]. Это роднит их с родителями, которые так же описывают взрослость через эти две

ключевые категории. Однако если для родительского поколения, людей вполне уже реализующих взрослость, ответственность — это ответственность за других, то для молодых людей важнее, что их признают готовыми взять на себя ответственность [ibid.: 1230]. Независимость же для молодежи связана с образом жизни и потреблением, а также с экономической независимостью, в то время как для взрослых — с более абстрактными выборами, касающимися приватной и публичной жизни [ibid.: 1231]. Питти указывает, что девушки и взрослые женщины «особенно подчеркивали независимость как фундаментальный элемент их взрослого статуса» [ibid.: 1231]. Российское исследование конструирования возраста девушками и женщинами также показывает, что взрослость во многом связывается ими с возможностью и способностью автономных и независимых действий [Omelchenko, Nartova, Krupets, 2018]. Е. Павленко и А. Якубовская в своей работе, посвященной пониманию взрослости среди учащихся СТО и старшекласников, приходят к выводу, что «среди основных интерпретаций: взрослость как определяемая средой иерархическая категория, взрослость как умение контролировать себя, как умение брать на себя ответственность и принимать самостоятельные решения, как финансовая независимость» [Павленко, Якубовская, 2020: 388]. К. Ч. Вогт, анализируя биографические интервью с молодыми норвежцами, показывает, что их способ артикуляции своего взросления связан в первую очередь со словарем «индивидуального выбора» и «персональной ответственности», в отличие от старшего поколения, которое свое взросление и выбор трудовой траектории рассматривало как детерминированные семьей и условиями локального сообщества [Vogt, 2018]. При этом исследователи подчеркивают, что персонифицированное понимание взрослости не отменяет прохождения молодежью традиционных этапов взросления, скорее обогащает взросление, делает его более рефлексивным, варибельным, гибким [Walsh, Keary, Gleeson, 2019].

Говоря об исследованиях взросления, важно уточнить, что в варибельности переходов во взрослость существенную роль играют структурные условия и наличествующие ресурсы. Национальные институциональные контексты, включая реализуемые государствами молодежные политики, задают «режимы перехода» [Walther, 2006], которые во многом определяют траектории для молодежи в ее взрослении [Чернова, Шпаковская, 2020]. Более того, социо-экономическое, культурное, расовое неравенство между разными группами молодежи, будет одним открывать новые возможности, другим — закрывать перспективы. Например, выходцы из высокодоходных семей пролонгируют время на образование, поскольку родители могут платить за обучение и поддерживать детей в этот период, а молодежь из низкодоходных семей, наоборот, стимулируется к быстрому получению образования и раннему выходу на рынок труда [Kravchenko, 2015: 307]. Множественные изменения, происходящие в современном мире, осложняют для молодежи не только транзицию, но и конечную точку назначения — ту взрослость, которую они смогут реализовывать, — усиливая риски прекаризации, социальной незащищенности, бедности [ibid.: 314]. Возможно, поэтому молодежь иногда рассматривает взрослость «скорее, как что-то неизбежное, чем желаемое и предвкушаемое» [Павленко, Якубовская,

2020: 388]. Хотя, как отмечает Л. Уолш с коллегами в своем исследовании, «для всех поколений нестабильность — стабильный нарратив» [Walsh, Keary, Gleeson, 2019: 481]. Вероятно, в силу этого взросление, связанное с обретением самостоятельности, принятием ответственности через прохождение ряда жизненных этапов, остается задачей для любого поколения, требующей научиться совладать с окружающим миром.

Методология и эмпирическая база исследования

В фокусе данной статьи¹ переход к взрослости современной российской молодежи. Переход к взрослости сопровождается как проживанием определенного ряда социо-демографических событий, так и обретением ряда субъективно переживаемых характеристик. Опираясь на доступные данные всероссийских репрезентативных ежемесячных опросов «Курьер»², проводимых автономной некоммерческой организацией «Аналитический Центр Юрия Левады» (АНО «Левада-Центр»³), и данные исследования «Российское „Поколение Z“: Установки и ценности»⁴, проведенного Фондом им. Фридриха Эберта, в качестве объективизированных маркеров взросления нами рассматриваются «классические» социо-демографические события: получение образования, выход на рынок труда, отделение от родителей, начало совместной жизни с партнером, брак и рождение детей. Данные маркеры позволяют описать общую траекторию взросления российской молодежи. В качестве субъективизированных маркеров взросления нами рассматриваются индивидуально оцениваемые чувства ответственности за других — за происходящее в семье, на работе, в доме и т. д. Достижение статуса взрослого в культуре наделяется высокой ценностью и связано с обретением автономии, независимости и полноценного членства в обществе, поэтому в качестве «контрольных» маркеров, позволяющих оценить субъективно переживаемое становление агентности, мы рассматриваем возможности в планировании будущего, удовлетворенность наличествующей жизнью, ожидание перемен в жизни, текущее настроение.

Объектом данного исследования выступает поколение «миллениалов» — современная российская молодежь, рожденная в период с 1980 по 2000 г., чье взросление пришлось на период политической и экономической стабилизации. Однако данное поколение не однородно, различные возрастные группы находятся на разных этапах взросления, так, 20-летние только начинают свой переход, а 40-летние его уже практически завершили. Поэтому в поколении миллениалов мы выделили три возрастные когорты, которые в 2020 г. находятся в возрасте

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ», реализуемого Центром молодежных исследований НИУ ВШЭ СПб в 2020—2022 гг. при поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Данные доступны в Едином архиве экономических и социологических данных URL: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=32&en=0> (дата обращения: 16.08.2021).

³ Российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента.

⁴ Возможность использования данных исследования «Российское „Поколение Z“: Установки и ценности» для научных целей любезно предоставлена Фондом им. Фридриха Эберта Центру молодежных исследований. Данные опроса находятся на портале Фонда Фридриха Эберта. URL: <https://www.fes-russia.org/proekty/pokolenie-z/> (дата обращения: 16.08.2021).

двадцати, тридцати и сорока лет, включая пограничные хронологические возраста, то есть люди 1997—2002, 1987—1992 и 1978—1982 годов рождения соответственно. Для удобства эти группы мы условно называем: «младшая» — 18—23 г., «средняя» — 28—33 г. и «старшая» — 38—42 г. В качестве контрольной группы, которая позволяет увидеть специфику взросления нынешней молодежи, выделена когорта «взрослых», а именно предыдущее «миллениалам» «поколение X» [Радаев, 2019] — люди в возрасте 43—60 лет на момент исследования.

Данные из всероссийских репрезентативных ежемесячных опросов «Курьер» за 2018—2019 гг. отбирались в соответствии с возрастными когортами, заданными в исследовании так, чтобы на момент проведения исследования, то есть в 2020 г., возраст респондентов соответствовал определенным нами возрастным интервалам. Данные отобранных волн «Курьера», использованные для анализа субъективизированных маркеров взросления, сливались в общий массив с группировкой по переменным, повторяющимся в этих волнах с соблюдением возрастных интервалов.

В рамках исследования «Российское „Поколение Z“: Установки и ценности» за май и июнь 2019 г. были опрошены 1500 респондентов в возрасте от 14 до 29 лет. Из этого массива были отобраны респонденты старше 18 лет, итоговая выборка составила 1041 человека. Данные этого исследования использовались для анализа объективизированных маркеров взросления.

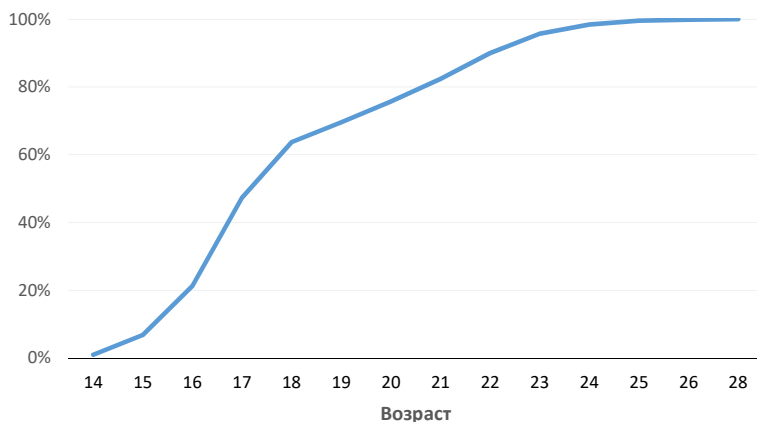
При подготовке эмпирических данных к анализу были посчитаны меры центральной тенденции и вариации, рассчитаны описательные статистики, таблицы сопряженности, проведены Хи-квадрат и Z-тесты для проверки гипотез о различиях значений анализируемых показателей между возрастными категориями.

Наше исследование не претендует на полноту описания всех нюансов взросления российской молодежи. Более того, анализ существенно ограничен наличествующими данными, в том числе разницей в доступных для описания возрастных группах в «Курьере» и исследовании «Российское „Поколение Z“: Установки и ценности». Последнее включает молодежь только до 29 лет. Соответственно, мы не можем отследить наступление социо-демографических событий в более поздних возрастах. Наша цель — скорее наметить пунктиром общие тенденции во взрослении российской молодежи сегодня.

Взросление как реализация социо-демографических событий

Одним из ключевых маркеров взросления является получение образования. У абсолютного большинства опрошенных (98,3%) молодых россиян в возрасте от 18 до 29 лет в жизни произошло такое событие, как выпуск из одного или нескольких учебных заведений — школы, колледжа или университета. К 18 годам у 50% опрошенных наступило завершение одного из учебных заведений, наиболее вероятно — школы и/или колледжа, а к 22 годам у 90% опрошенных наступило завершение образования, вероятнее всего — завершение учебы в высшем учебном заведении (см. рис. 1). Респондентам также задавался вопрос о наступлении в их жизни такого события, как отчисление из учебного заведения. У абсолютного большинства опрошенных (96,9%) это событие не происходило вовсе.

Рис. 1. Накопленный процент по произошедшему в жизни молодежи событию: окончили школу/колледж/университет

Наиболее распространенный достигнутый уровень образования россиян в целом — среднее профессиональное образование (см. табл. 1). Такое образование есть у 42,5% взрослого (старше 18 лет) населения России. Высшее образование имеют 27,9% всего населения, а 17,8% завершили получение образования после средней школы.

Таблица 1. Ваше образование?

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все на- селение
Начальное или ниже, неполная средняя школа (7—8, сейчас 9 классов)	5,4	2	2,8	2	4,3
Средняя школа (10, сейчас 11 классов)	40,2	13,3	13,5	17,1	17,8
Начальное профессиональное образование	5,1	4	4,8	5,3	4,9
Среднее профессиональное образование	33,3	38,3	42,8	47,2	42,5
Неполное высшее (не менее трех курсов вуза)	8,7	3	2,3	1,9	2,6
Высшее	7,4	39,3	33,8	26,5	27,9
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	448	699	828	2025	6438

Источник: Курьер 2019—02/05/09/12.

Характерно, что наибольшая доля опрошенных по возрастным группам, чей уровень образования ограничивается средней школой, обнаруживается в младшей возрастной когорте. На момент опроса 40,2 % респондентов младшей группы имели в качестве максимального уровня полученного образования среднюю школу. Очевидно, что довольно большая доля из этих людей еще продолжает образовательный процесс. Кроме этого, существует также значимое различие в долях респондентов, получивших среднее профессиональное образование, между младшей и контрольной возрастными когортами. Меньшая доля представителей младшей возрастной когорты получила среднее профессиональное образование.

Среди выделенных в данном исследовании возрастных когорт средняя группа училась в среднем дольше остальных (см. табл. 2). Представители этой возрастной группы учились во всех образовательных учреждениях в совокупности в среднем 13,7 лет. ANOVA-тест, позволяющий установить, значимо ли различаются средние значения в подгруппах, показал, что между выделенными когортами среднее количество лет, затрачиваемых на образование, различается статистически значимо. Проведенный после этого теста *post-hoc* анализ показал, что младшая возрастная когорта молодежи училась на момент проведения исследования статистически значимо меньше каждой из остальных когорт — в среднем они потратили 12,3 лет на учебу. Это закономерно, учитывая, что часть из них продолжает обучение. При этом средняя возрастная когорта статистически значимо дольше училась во всех учебных заведениях, чем все остальные когорты, кроме старшей — с ней разница не значима. Контрольная группа «взрослых» училась в среднем статистически значимо меньшее количество лет, чем средняя когорта молодежи, но с остальными группами разница не значима.

Таблица 2. Сколько лет в целом Вы учились во всех учебных заведениях?

	Младшая 18—23	Средняя 28—33	Старшая 38—42	Контрольная 43—60	Все население
Среднее кол-во лет, затраченных на образование	12,3	13,7	13,6	13,0	13,2
Объем выборки, человек	93	190	196	512	1626

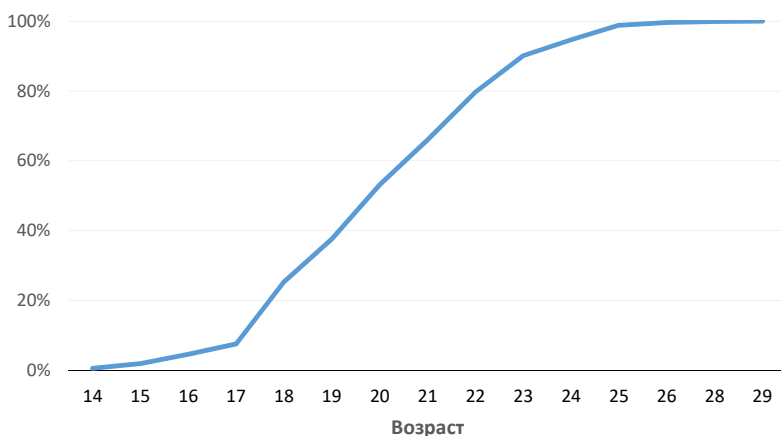
Источник: Курьер 2019—01.

Несмотря на то, что преждевременно делать выводы о достигаемом уровне образования младшей возрастной когортой, поскольку многие ее представители до сих пор продолжают образовательный процесс, можно заметить, что чем младше рассматриваемое поколение — тем меньшая доля его представителей имеет среднее образование и большая доля получает высшее образование. Кроме того, 62 % опрошенной в исследовании «Российское „Поколение Z“: установки и ценности» молодежи в возрасте от 18 до 29 лет заявляют, что максимальный уровень образования, который они хотели бы получить, — высшее (бакалавриат, специалитет или магистратура).

Таким образом, можно сказать, что один из ключевых маркеров взросления — получение образования — достигается российской молодежью. При этом она тратит больше времени на образование, чем старшие поколения, и достигаемый ею уровень формального образования выше. Среди 30- и 40-летних статистически значимо большая группа респондентов имеет высшее образование по сравнению с представителями контрольной группы взрослых поколения X.

После завершения основного образования молодежь выходит на рынок труда. У 90% из числа тех, у кого произошел выход на рынок труда, это событие наступило к 22 годам (см. рис. 2). При этом 27% опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет отмечают, что такое событие, как начало первой работы на полную ставку, в их жизни еще не происходило. Из них 71% составляют люди в возрасте до 21 года. Среди молодежи старше 21 года не начинали работать на постоянной работе всего 8,6% респондентов.

Рис. 2. Накопленный процент по произошедшему в жизни молодежи событию: начали работать на первой работе на полную ставку

Младшая возрастная когорта молодежи в большинстве своем сконцентрирована на образовательном процессе (см. табл. 3) — 53% опрошенных 18—23 лет отмечают статус учащегося или студента в качестве своего рода занятий. Среди молодежи средней и старшей возрастных когорт большинство опрошенных заняты в должностях, соответствующих специалисту (без руководящих функций) или рабочего — таков род занятий 25%—29% представителей данных групп молодежи, а в совокупности специалисты и рабочие составляют более половины от всех опрошенных в данных возрастных группах.

Как уже отмечалось, уровень образования в более молодых возрастных когортах (не считая тех, кто в настоящий момент получает образование) выше, чем в более старших. Это различие обнаруживается и в характере занятости. Так, в старшей молодежной когорте доля специалистов без специального образования выше, чем среди средней, а в средней выше доля специалистов с образованием,

чем в старшей и контрольной. Кроме того, характерно, что в средней возрастной когорте молодежи обнаруживается более высокая, чем в остальных когортах, доля тех, чей основной род занятий — уход за ребенком (13,2%).

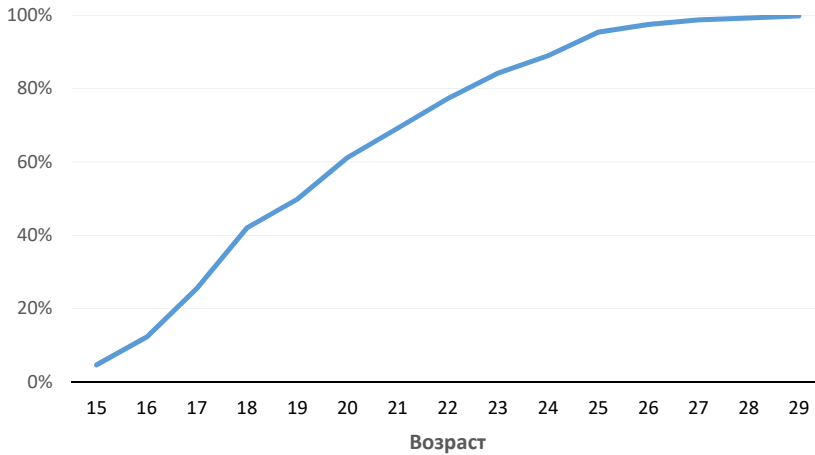
Таблица 3. Каков род Ваших занятий? Если работаете в разных местах — то по основному месту работы, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
Независимый предприниматель, самозанятый	2,5	6,6	7,6	5,4	4,7
Руководитель, управленческий работник	2,1	6	6,3	4,1	4
Специалист без руководящих функций (со спец. образ.)	10,4	29,9	25,4	18,9	19,1
Служащий без специального образования	8,1	10	14,7	12,1	10,1
Рабочий (в том числе мастер, бригадир), в т. ч. в сельском хозяйстве	13,5	26,4	29,8	27,2	21,1
Учащийся, студент	53	0,5	0	0	4,1
Пенсионер (неработающий) по старости/выслуге лет	0	0,1	0,1	17,9	22,8
Пенсионер (неработающий) по инвалидности	0	0,9	2,3	4,7	3,6
Веду домашнее хозяйство, ухаживаю за ребенком	3,7	13,2	7	3,7	5,5
Не работаю и ищу работу	4,9	5,3	5,8	4,1	3,8
Не работаю и не ищу работу	1,8	1,1	1,2	1,9	1,3
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	653	1006	1213	3100	10339

Источник: Курьер 2019.

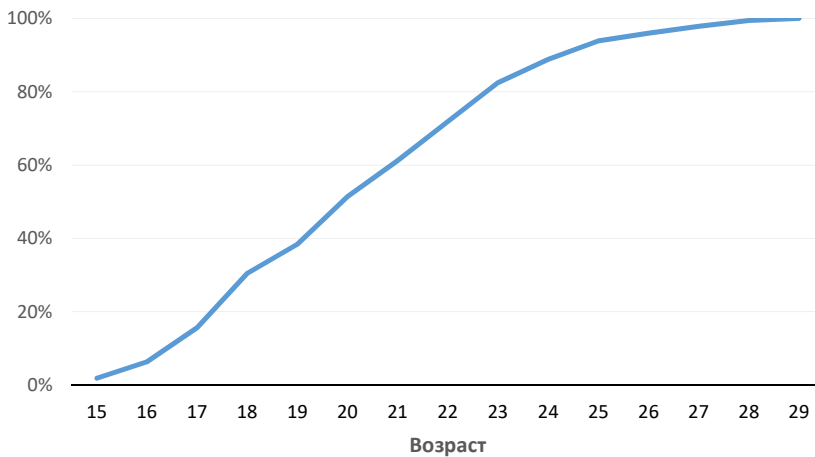
Следующим этапом взросления молодежи является переезд от родителей. У 90% молодежи из числа тех, у кого он наступил, данная транзикация происходит на год позже начала первой работы на полную ставку, то есть в 24 года. Однако можно отметить (см. рис. 3) некий скачок доли тех, кто уехал из родительского дома в возрасте 17 лет. Вероятнее всего, он связан с поступлением в учебное заведение и поселением в общежитии, поскольку в данном возрасте эти события могут совпасть друг с другом. Стоит отметить, что переезд от родителей не происходил в жизни 44,5% российской молодежи в возрасте от 18 до 29 лет.

Рис. 3. Накопленный процент по произошедшему в жизни молодежи событию: съехали от родителей

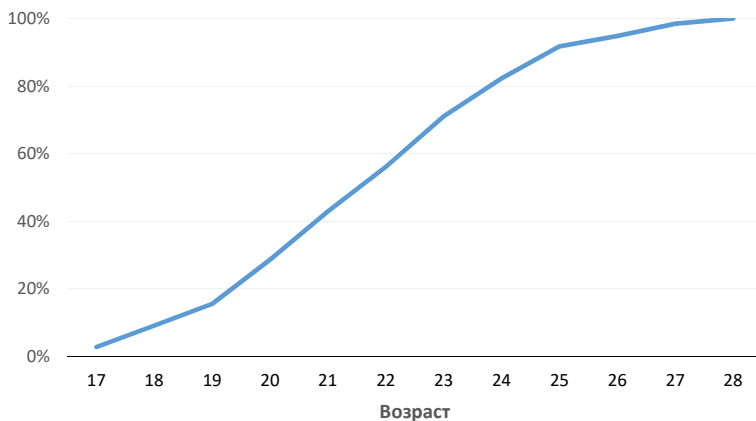
Примерно в этот же период жизни молодежь начинает совместно проживать с партнером/партнершей. У 90% из тех, у кого в жизни наступило такое событие (доля таких людей составляет 47,4% от всей выборки старше 18 лет), это произошло к 24 годам (см. рис. 4).

Рис. 4. Накопленный процент по произошедшему в жизни молодежи событию: начали жить с партнером/партнершей

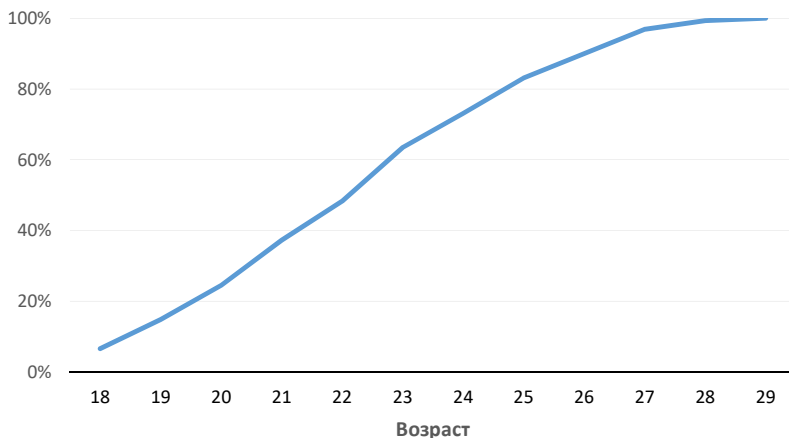
Зачастую начало совместной жизни с партнером/партнершей сопровождается браком: у 90 % из тех, кто женился или вышел замуж, это событие также наступило к 24 годам (см. рис. 5). Но доля тех, кто до 29 лет так и не вступил в брак, выше, чем тех, кто не начал партнерства. В брак не вступили 68,2 % опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет, в то время как без партнера/партнерши живут только 52,6 %.

Рис. 5. Накопленный процент по произошедшему в жизни молодежи событию: женились/вышли замуж

Что касается рождения ребенка, то до 29 лет первый ребенок появился только у 28 % опрошенной молодежи. При этом у 90 % из тех, у кого в жизни это событие произошло, оно наступило к 25 годам (см. рис. 6).

Рисунок 6. Накопленный процент по произошедшему в жизни молодежи событию: родился первый ребенок

О тех, у кого не наступило то или иное социо-демографическое событие, важно сказать следующее. Среди не вышедшей на рынок труда молодежи больше женщин, чем мужчин (59,4% и 40,6% соответственно). Медианный возраст не начавших работать на полную ставку — 19 лет. Доля молодых старше 21 года среди тех, кто пока не начал работать, всего 20%. У большинства опрошенных из данной категории среднее образование. Кроме этого, в данной группе доля тех, у кого не наступали в жизни следующие хронологически ожидаемые события (переезд, брак, рождение детей), выше, чем в целом по выборке. На основании этих данных можно предположить, что для молодежи, которая не вышла на рынок труда и находится в процессе получения профессионального образования, достижение других маркеров взросления пока остается недоступным.

Среди тех, кто не переехал от родителей, практически равные доли мужчин и женщин (50,8% и 49,2% соответственно). Медианный возраст живущих в родительской семье составляет 22 года. Более половины молодежи в данной группе имеют уровень образования выше школьного (19% — специалисты или бакалавры, 3,3% — магистры или выше, 29,9% — выпускники колледжей или техникумов, 6% — не окончили университет). Начали работать на полную ставку 58,5% из них. 47,2% опрошенных из этой группы молодежи заявляют, что могут без труда покупать товары повседневного спроса, тогда как покупка товаров длительного потребления для них затруднительна; 32,2% могут покупать более дорогие вещи, но не такие, как квартира или машина. Сделать на этом материале убедительные предположения, почему молодежь не отделяется от родителей, сложно. Среди причин может быть финансовое обеспечение в первое время после выхода на рынок труда, которого недостаточно для отделения от родителей, либо привычное удобство жизни в родительской семье.

Среди тех, кто не вступил в брак, также обнаруживаются равные доли по полу, медианный возраст аналогично предыдущей группе составляет 22 года, остальные характеристики в среднем слабо отличаются от общих значений по выборке. Это дает возможность предположить, что среди тех, кто пока не вступил в брак, нет каких-то особых случаев, просто молодежь не рассматривает это событие как одну из первоочередных целей и откладывает брак на более поздний возраст.

Таблица 4. Наступление в жизни молодежи от 18 до 29 лет такого события как... (%)

	Окончили школу/ колледж/ университет	Отчислились из школы/ колледжа/ университета	Начали свою первую временную работу (неполная ставка)	Начали свою первую работу на полную ставку	Съехали от родителей	Начали снимать квартиру / платить по ипотеке	Начали жить с партнером/ партнершей	Женились/ вышли замуж	У Вас родился первый ребенок
Не происходило	1,7	96,3	26,6	27,2	43,5	62,2	47,4	67,6	71,5
Происходило	97,8	3,5	72,1	72,3	55,7	37,1	51,8	32,2	28,1
Нет ответа	0,5	0,2	1,2	0,5	0,8	0,7	0,9	0,2	0,4

Источник: Российское «Поколение Z»: Установки и ценности.

Данные свидетельствуют (см. табл. 4) о том, что большинство российской молодежи к 29 годам достигает только части объективизированных маркеров взросле-

ния, проживая лишь часть социо-демографических событий. Подавляющее большинство молодежи оканчивает школу, получает профессиональное образование и выходит на рынок труда в позиции специалиста среднего уровня или рабочего. Около половины опрошенных молодых переезжают от родителей и начинают жить с партнером/партнершей. Вместе с тем такие этапы перехода во взрослость, как вступление в брак и рождение детей, большинство не успевает пройти в возрасте до 29 лет.

Взросление как ответственность

Ответственность за других — один из ключевых субъективизированных маркеров взрослости. Данные показывают, что взросление сопровождается повышением чувства ответственности у молодежи (см. табл. 5). Например, 75,4% молодежи средней возрастной когорты и 79,8% старшей в полной мере чувствуют ответственность за происходящее в своей семье, тогда как среди младшей возрастной когорты доля тех, кто в полной мере чувствует ответственность, составляет 50%.

Таблица 5. В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в Вашей семье?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. В полной мере	50	75,4	79,8	74,9	71,8
2. В значительной мере	35	18,3	15	18,6	19,6
3. В незначительной мере	12,4	3,7	2,7	3,6	5,2
4. Совершенно не чувствую	2,2	2,3	2	2	2,5
5. Затрудняюсь ответить	0,4	0,3	0,5	0,9	0,8
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	226	350	406	1009	3209

Источник: Курьер 2018—11, Курьер 2019—09.

В то же время общий уровень ответственности за происходящее на работе ниже, чем за то, что происходит в семье (см. табл. 6). Тем не менее здесь также обнаруживается динамика повышения ответственности у средней и старшей групп по сравнению с младшей.

Таблица 6. В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит у Вас на работе?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. В полной мере	18,1	34,3	32,8	28,5	25,2
2. В значительной мере	29,2	31,1	31,8	25,2	23,7
3. В незначительной мере	19,5	18	20	18,7	16,5
4. Совершенно не чувствую	10,2	10,6	10,8	10,8	14,1
5. Затрудняюсь ответить	23	6	4,7	16,7	20,6
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	226	350	406	1009	3209

Источник: Курьер 2018—11, Курьер 2019—09.

Наиболее частым ответом на вопрос о том, в какой мере респонденты чувствуют ответственность за происходящее в доме, во дворе, где они живут, стал «в незначительной мере» — его дали около трети респондентов каждой из выделенных групп молодежи (см. табл. 7). Однако и по данному показателю можно обнаружить тенденцию к большему чувству ответственности у людей более старшего возраста. Здесь наибольшие различия наблюдаются между представителями младшей и контрольной возрастной когортами. Причем в последней доля тех, кто в полной мере ощущает ответственность за то, что происходит в месте, в котором они живут, превышает долю ответивших таким же образом в младшей группе в два раза (31,8% против 16,8% соответственно).

Таблица 7. В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в доме, во дворе, где Вы живете?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. В полной мере	16,8	27,1	27,3	31,8	28,1
2. В значительной мере	25,7	28	29,3	24	25,6
3. В незначительной мере	34,1	31,1	32,5	29,6	30,1
4. Совершенно не чувствую	20,4	13,1	9,9	12,9	14,4
5. Затрудняюсь ответить	3,1	0,6	1	1,7	1,7
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	226	350	406	1009	3209

Источник: Курьер 2018—11, Курьер 2019—09.

В меньшей степени россияне и российская молодежь чувствуют ответственность за происходящее в городе, районе, а еще меньший уровень чувства ответственности наблюдается у опрошенных за происходящее в стране (см. табл. 8 и табл. 9). Причем в данных показателях различия между возрастными когортами сглаживаются.

Таблица 8. В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в Вашем городе/районе?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. В полной мере	9,3	14,3	14,3	16,1	14,6
2. В значительной мере	16,8	20,3	18	15,4	17,7
3. В незначительной мере	44,2	40,6	41,9	38,6	37,4
4. Совершенно не чувствую	27,9	23,7	23,4	28	28
5. Затрудняюсь ответить	1,8	1,1	2,5	2	2,3
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	226	350	406	1009	3209

Источник: Курьер 2018—11, Курьер 2019—09.

Таблица 9. В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в стране?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. В полной мере	9,7	14	12,3	14,1	13,4
2. В значительной мере	15,9	14,3	15,5	13,2	15,3
3. В незначительной мере	33,6	31,4	33,3	28,9	28,5
4. Совершенно не чувствую	38,1	38,3	35,7	39,6	39,3
5. Затрудняюсь ответить	2,7	2	3,2	4,2	3,5
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	226	350	406	1009	3209

Источник: Курьер 2018—11, Курьер 2019—09.

Рост ответственности молодежи за происходящее в семье и на работе, безусловно, связан с соответствующими транзичиями. Меньше всего чувствуют ответственность 20-летние, которые в большинстве своем живут в родительской семье, делегируя ответственность за ее функционирование старшим, не получая, возможно, полного допуска к принятию решений. Кроме того, представители этой возрастной когорты еще не вышли полноценно на рынок труда, часть из них не имеет работы вовсе, а часть занимает стартовые позиции, не предполагающие высокий уровень личной ответственности. Однако с возрастом, накапливая жизненный, в том числе семейный и трудовой опыт, молодежь все больше чувствует ответственность. 30- и 40-летние россияне испытывают чувство ответственности за эти сферы в той же мере, что и «взрослая» контрольная когорта. Укорененность и распространение личной ответственности и на дом, и на двор растет на протяжении всей жизни. Меньше всего чувствуют ответственность за эти пространства самые молодые, а больше всего — люди в возрасте 43—60 лет. При этом и молодые, и взрослые россияне дистанцируются от того, что лежит за пределами их индивидуальной жизни, и не испытывают особой ответственности за происходящее в городе или стране. Таким образом, можно сказать, что взросление российской молодежи сопровождается увеличением личной ответственности за других в основном только в подконтрольных им жизненных пространствах.

Взрослость как неопределенность, стабильность и уныние?

Взрослость — это не только прохождение социо-демографических событий и рост ответственности, она также предполагает полноценный социальный и гражданский статус и автономию, возможность распоряжаться своей жизнью. Более того, взрослость, пишет Г. Блаттерер, «обещает» большее понимание себя и большую уверенность в себе, которые приходят с накоплением социальных компетенций [Blatterer, 2007: 776]. Например, планирование будущего связано с пониманием своих ресурсов и возможностью действовать [Leccardi, 2012] Если мы посмотрим на данные опросов, то увидим, что наибольшая доля молодых россиян планируют свое будущее на год-два вперед — такой ответ дают порядка 42% респондентов в каждой возрастной когорте среди миллениалов (см. табл. 10). При этом младшая и средняя когорты статистически значимо чаще, чем представители

старшей, отмечают, что могут планировать свое будущее на ближайшие пять-шесть лет. В то время как у контрольной «взрослой» группы «поколения X» наблюдается иной модальный ответ — они не знают, что с ними будет даже в ближайшие месяцы.

Таблица 10. На сколько лет вперед Вы можете планировать свое будущее?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. На много лет вперед	6,6	3,8	6,2	3,2	4,2
2. На ближайшие пять-шесть лет	20,8	18,5	12,1	10,3	13,7
3. На ближайшие год-два	42,5	42,5	42,8	38,3	37
4. Не знаю, что со мной будет даже в ближайшие месяцы	26,5	30,6	35,8	44,6	41,1
5. Затрудняюсь ответить	3,5	4,6	3,1	3,7	4,1
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	226	372	355	1014	3209

Источник: Курьер 2017—13, Курьер 2018—11.

При этом наибольшая доля и молодежи, и взрослых на вопрос об ожиданиях изменений в жизни через год отвечают, что будут жить так же, как и сейчас (см. табл. 11). Вариация доли ответивших таким образом в выделенных когортах слабая и колеблется между 46% и 49%. Однако в младшей возрастной когорте сумма оптимистичных ответов — «Значительно лучше» и «Несколько лучше» — статистически значительно превышает сумму подобных ожиданий в других когортах.

Таблица 11. Через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас?, %

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. Значительно лучше	8,7	4,8	4,0	2,7	3,8
2. Несколько лучше	19,9	15,5	15,3	12,1	14,7
3. Так же, как и сейчас	46,7	47,1	46,2	48,8	48,3
4. Несколько хуже	16,5	22,1	22,9	22,7	21,3
5. Значительно хуже	2,9	6,6	7,1	8,3	7,0
6. Затрудняюсь ответить	5,3	4,0	4,5	5,3	4,9
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	552	833	1015	2570	8783

Источник: Курьер 2018—02, Курьер 2018—05, Курьер 2018—07, Курьер 2018—11, Курьер 2018—13.

Важно подчеркнуть, что настрой на улучшение жизни молодой когорты и отсутствие ожиданий каких-либо изменений в старших группах — это не характеристики конкретных возрастных когорт, а эффект возраста. Десять лет назад те же возрастные группы показывали схожее распределение ответов по данному показателю (см. табл. 11). То есть люди, относящиеся к младшей возрастной группе

на тот момент, сегодня попадают в среднюю группу, а средняя группа в 2010 г. — в старшую в настоящее время. И мы видим, что их установки сместились в сторону пессимизма.

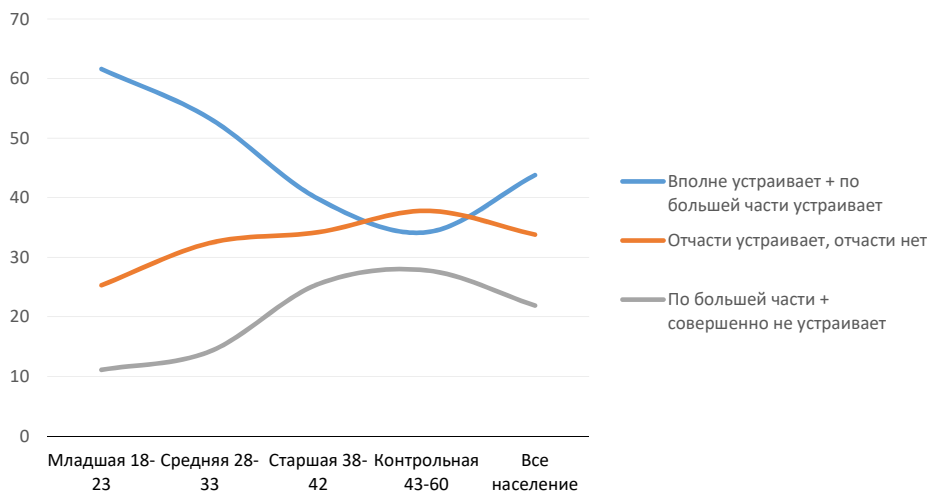
Таблица 11. **Через год Вы (Ваша семья) будете жить лучше или хуже, чем сейчас? (2010 год), %**

	Младшая 18—23	Средняя 28—33	Все население
1. Значительно лучше	12,6	4,5	4,8
2. Несколько лучше	28,9	24,5	18,8
3. Так же, как и сейчас	39,6	43,2	47,6
4. Несколько хуже	3,1	5,8	8,5
5. Значительно хуже	1,3	0,6	2,2
6. Затрудняюсь ответить	14,5	21,3	18,2
Сумма	100	100	100
Объем выборки, чел.	159	155	1619

Источник: Курьер 2010—12.

Данные опроса показывают, что не только долгосрочность планов, настрой на позитивные изменения, но и удовлетворенность жизнью снижается по мере взросления (см. рис. 7). При этом схожая тенденция отмечалась и в 2011 г. [Гудков и др., 2011]. Иначе говоря, это вопрос не того, что какая-то из когорт просто более удовлетворена жизнью, чем другие, а того, что чем старше становятся россияне, тем меньше они удовлетворены своей жизнью.

Рис. 7. **Если говорить в целом, в какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?⁵, %**

⁵ Источник: Курьер 2018—13.

Кроме этого, среди молодежи младшей из рассматриваемых когорт обнаруживается наибольшая доля тех, кто отмечает свое настроение как прекрасное (см. табл. 12). Их доля статистически значимо превышает соответствующие доли в средней, старшей и контрольной когортах. Большинство же говорят, что находятся в нормальном, ровном состоянии — такой ответ дают 61 %—64 % опрошенных. Доля тех, кто испытывает напряжение или раздражение, растет от младшей к старшей и контрольной возрастным когортам.

Таблица 12. **Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни? (% , сумма по столбцу)**

	Младшая (18—23)	Средняя (28—33)	Старшая (38—42)	Контрольная (43—60)	Все население
1. Прекрасное настроение	23,0	15,6	14,0	8,4	11,9
2. Нормальное, ровное состояние	61,4	62,9	61,0	64,0	62,9
3. Испытываю напряжение, раздражение	12,3	18,6	21,6	21,5	19,7
4. Испытываю страх, тоску	3,3	2,3	2,9	5,3	4,7
5. Затрудняюсь ответить	0,0	0,6	0,6	0,7	0,8
Сумма	100	100	100	100	100
Объем выборки, чел.	552	833	1015	2570	8783

Источник: Курьер 2018—02, Курьер 2018—05, Курьер 2018—07, Курьер 2018—11, Курьер 2018—13.

Взросление в современной России связано с сужением горизонтов планирования, снижением ожидания позитивных изменений в жизни, ростом неудовлетворенности и плохого настроения. Важно подчеркнуть, что данные тенденции связаны именно с возрастным эффектом, а не с поколенческими различиями.

Заключение

Переход во взрослость российского поколения миллениалов в первую очередь сопряжен с получением образования и выходом на рынок труда. До 30 лет эти события переживает большинство молодежи. При этом затраченное на образование время и его уровень у молодого поколения выше, чем у старших возрастных когорт. Это вполне соответствует мировым тенденциям. Дж. Бессант с коллегами указывают на то, что становление неоллиберального капитализма с идеями личной ответственности за свою жизнь принуждает молодежь к инвестированию в образование, суля не вполне реализуемые обещания лучшей жизни [Bessant, Farthing, Watts, 2017]. Звучащие иногда обвинения молодежи в инфантильности и нежелании работать не находят подтверждения в опыте ни российской, ни европейской молодежи, которая наделяет работу высокой ценностью и стремится к ней [O'Reilly et al., 2018].

Переезд от родителей и начало совместного проживания с партнером/партнершей молодые совершают после получения образования и начала работы на полную ставку. Однако эти транзиции переживает только примерно половина россиян до 29 лет. В то же время такие демографические события, как брак и рождение первого ребенка, до 29 лет происходят только у трети молодежи. К сожалению, используемые нами для анализа данные не позволяют отследить наступление

этих событий в более поздних возрастах. Но общая тенденция откладывания вступления в брак и рождения детей характерна в целом для второго демографического поворота в современном обществе [Демографическая модернизация России, 2006]. Исследователи советских и российских поколений показывают, что чем моложе поколение, тем позже происходит отделение от родителей, а также демографические события [Митрофанова, 2019; Долгова, Митрофанова, 2015]. Полагаем что и мы наблюдаем в поколении миллениалов продолжение, а, возможно, и усиление данной тенденции.

Анализ объективизированных маркеров взрослости показывает, что взросление российской молодежи растягивается во времени. Ее взросление начинается с получения образования и работы, в то время как брак и деторождение откладываются во времени, за пределы «молодого» возраста, выступая, вероятно, уже реализацией взрослого этапа жизни, нежели подготовкой к нему. При этом взросление для российских миллениалов, так же как и для молодежи в других европейских и северо-американских странах [Pitti, 2017; Arnett, 2014], сопровождается ростом чувства ответственности за других. И эта ответственность индивидуализированная, непосредственно связанная с теми сферами жизни, на которые молодежь может влиять, — семья, работа, дом.

Однако, как показывают используемые здесь данные, достижение взрослости сопровождается для россиян потерей жизненного оптимизма. С увеличением возраста сокращаются горизонты планирования, люди в меньшей степени ориентируются на ожидание позитивных перемен. Более того, они реже пребывают в хорошем настроении и чаще, чем в молодости, испытывают негативные эмоции.

Можно сказать, что молодые россияне взрослеют не так, как их родители и бабушки с дедушками, но так, как взрослеют их ровесники во многих других странах в современном мире. Они долго учатся, активно начинают работать, откладывают брак и рождение детей на более поздний срок, становясь с возрастом более ответственными. Однако то, как они чувствуют себя по мере взросления, делает актуальным большой вопрос: а стоит ли наделять взрослость значением важности завершения пути, стоит ли к ней стремиться? Если опираться на субъективные ощущения удовлетворенностью жизнью и настроения 40-летних, то взрослость выглядит скорее как стагнация и уныние, чем обретение уверенности в себе, автономии, потенциала реализации. Очевидно, что у используемых в статье данных количественных замеров и опросов недостаточно интерпретационных ресурсов. Вероятно, дополнение предложенных здесь результирующих суждений качественными данными разговора с представителями выделенных групп помогли бы четче и ярче прописать обозначенное противоречие: молодость как некая промежуточная позиция «невзрослости» и взрослость как желаемый «пункт назначения» оборачиваются незавершенной транзицией. Если придерживаться такого подхода, то взрослость выглядит унылым и застывшим местом, реализация потенциала которого ставится под вопрос. Может быть, пришло время перенести фокус внимания исследователей с молодости на взрослость. Представляется, что проведение таких исследований как в качественной, так и количественной методологиях помогло бы рассмотреть разнообразие взрослостей и их смыслов для проживающих этот период жизни современников.

Список литературы (References)

- Ардельянова Я. А., Саидов Б. Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. 2018. № 4. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.4.6>.
- Ardelyanova Y., Saidov B. (2018) Factors and Conditions of the Infantilization of the Modern Youth. *Theory and Practice of Social Development*. No. 4. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.4.6>. (In Russ.)
- Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011.
- Gudkov L., Dubin B., Zorkaya N. (2011) Youth of Russia. Moscow: Moscow School of Political Studies. (In Russ.)
- Демографическая модернизация России, 1900—2000 / под ред. Вишневого А. Г. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- Vishnevsky A. (ed.) (2006) Demographic Modernization of Russia, 1900—2000. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)
- Долгова А. А., Митрофанова Е. С. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. 2015. Т. 16. № 5. С. 46—70.
- Dolgova A., Mitrofanova E. (2015) Leaving the Parental Home in Russia: Intergenerational Aspects. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 16. No. 5. P. 46—76. (In Russ.)
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>.
- Zubok J. A., Chuprov V. I. (2020) Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)
- Мамычева Д. И. Трансформации категорий «Детство» и «Взрослость» в современной культуре // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2010. № 3. С. 75—80
- Mamycheva D. (2010) Transformations of the Categories “Childhood” and “Adulthood” in Modern Culture. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. No. 3. P. 75—80. (In Russ.)
- Митрофанова, Е. С. Модели взросления разных поколений россиян // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6. № 4. С. 53—82.
- Mitrofanova E. (2019) Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 53—82. (In Russ.)
- Омельченко Е. Л. Вместо введения. 25 лет молодежных исследований: глобальные имена — локальные тренды // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / под. ред. Омельченко Е. Л. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 29—91.
- Omelchenko E. (2020) Instead of an Introduction. 25 Years of Youth Research: Global Names — Local Trends. In: Omelchenko E. (ed.) *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarities*. Moscow: HSE Publishing House. P. 29—91. (In Russ.)

Павленко Е. С. Взросление как процесс формирования идентичности: возможности анализа нарративов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 258—269.

Pavlenko E. (2016) Life Trajectory as a Process of Identity Formation: The Potential of Narrative Analysis. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 16. No. 2. P. 258—269. (In Russ.)

Павленко Е. С., Якубовская А. А. Интерпретации взросления и формирование образовательных траекторий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>.

Pavlenko E., Yakubovskaya A. (2020) Interpretations of Adulthood and Formation of Educational Trajectories. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 376—390. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1604>. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev V. (2019) Millennials: How Russian Society is Changing. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>.

Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Institution-Reared Children and Their Transition to Adulthood. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 94—118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1618>. (In Russ.)

Arnett J. J. (2014) *Emerging Adulthood. The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press.

Beattie I. R. (2017) Tracking Women's Transitions to Adulthood: Race, Curricular Tracking, and Young Adult Outcomes. *Youth and Society*. Vol. 49. No. 1. P. 96—117. <https://doi.org/10.1177/0044118X14527467>.

Berzin S. C., Marco De A. C. (2010) Understanding the Impact of Poverty on Critical Events in Emerging Adulthood. *Youth and Society*. Vol. 42. No. 2. P. 278—300. <https://doi.org/10.1177/0044118X09351909>.

Bessant J., Farthing R., Watts R. (2017) *The precarious generation. A political economy of young people*. London, New York: Routledge.

Blatterer H. (2010) The Changing Semantics of Youth and Adulthood. *Cultural Sociology*. Vol. 4. No.1. P. 63—79. <https://doi.org/10.1177/1749975509356755>.

Blatterer H. (2007) Contemporary Adulthood: Reconceptualising an Uncontested Category. *Current Sociology*. Vol. 55. No. 6. P. 771—792. <https://doi.org/10.1177/0011392107081985>.

Carpenter S., Mojab S. (eds.) (2017) *Youth as/in Crisis. Young People, Public Policy, and the Politics of Learning*. Rotterdam, Boston, Taipei: Sense Publishers.

- Hayward K. (2013) Life Stage Dissolution' in Anglo-American Advertising and Popular Culture: Kidults, Lil' Britneys and Middle Youths. *The Sociological Review*. Vol. 61. No. 3. P. 525—548. <https://doi.org/10.1111/1467-954X.12032>.
- Krahn H. J., Chai C., Fang S., Galambos N. L., Johnson M. D. (2018) Quick, Uncertain, and Delayed Adults: Timing, Sequencing and Duration of Youth-Adult Transitions in Canada. *Journal of Youth Studies*. Vol. 21. No. 7. P. 905—921. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1421750>.
- Kravchenko Z. (2015) Transition Into Adulthood and Inequalities: The Institutional Perspective. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 303—316.
- Leccardi C. (2012) Changing Time Experience, Changing Biographies and New Youth Values. In: Hahn-Bleibtreu M., Molgat M. Opladen (eds.) *Youth Policy in a Changing World. From Theory to Practice*. Berlin, Toronto: Barbara Budrich Publishers. P. 225—237.
- Omelchenko E. L., Nartova N., Krupets Y. (2018) Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women. *Young*. Vol. 26. No. 1. P. 34—50. <https://doi.org/10.1177/1103308816680305>.
- O'Reilly J., Leschke J., Ortlieb R., Seeleib-Kaiser M., Villa P. (eds.) (2018) *Youth Labour in Transition: Inequalities, Mobility, and Policies in Europe*. Oxford: Oxford University Press.
- Patrick M. E., Schulenberg J. E., O'Malley P.M. (2016) High School Substance Use as a Predictor of College Attendance, Completion, and Dropout: A National Multicohort Longitudinal Study. *Youth and Society*. Vol. 48. No. 3. P. 425—447. <https://doi.org/10.1177/0044118X13508961>.
- Pitti I. (2017) What Does Being an Adult Mean? Comparing Young People's and Adults' Representations of Adulthood. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 9. P. 1225—1241. <https://doi.org/10.1080/13676261.2017.1317336>.
- Smith C., Christoffersen K., Davidson H., Herzog P.S. (2011) *Lost in Transition: The Dark Side of Emerging Adulthood*. Oxford: Oxford University Press.
- Irwin S., Nilsen A. (eds.) (2018) *Transition to Adulthood Through Recession. Youth and Inequality in a European Comparative Perspective*. London, New York: Routledge.
- Twigg J. (2004) The Body, Gender, and Age: Feminist Insights in Social Gerontology. *Journal of Aging Studies*. Vol. 18. No. 1. P. 59—73. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2003.09.001>.
- Vogt K. C. (2018) From Job-Seekers to Self-Searchers: Changing Contexts and Understandings of School-to-Work Transitions. *Young*. Vol. 26. No. 4_s. P. 18S-33S. <https://doi.org/10.1177/1103308817741006>.
- Walsh L., Keary A., Gleeson J. (2019) Non-linear Transitions: An Intergenerational Longitudinal Study of Today's Young Women in Education and Work. *Young*. Vol. 27. No. 5. P. 468—485. <https://doi.org/10.1177/1103308818817632>.
- Walther A. (2006) Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts. *Young*. Vol. 14. No. 2. P. 119—139. <https://doi.org/10.1177/1103308806062737>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1822](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822)

А. А. Максименко, О. С. Дейнека, Л. Н. Духанина, М. В. Сапоровская

ФАББИНГ: ОСОБЕННОСТИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Правильная ссылка на статью:

Максименко А. А., Дейнека О. С., Духанина Л. Н., Сапоровская М. В. Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 345—362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>.

For citation:

Maksimenko A. A., Deineka O. S., Dukhanina L. N., Saporovskaya M. V. (2021) Phubbing: Peculiarities of Addictive Behavior of the Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 345–362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>. (In Russ.)

ФАББИНГ: ОСОБЕННОСТИ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

МАКСИМЕНКО Александр Александрович — доктор социологических наук, кандидат психологических наук, профессор департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

*E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>*

ДЕЙНЕКА Ольга Сергеевна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры политической психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

*E-MAIL: osdeyneka@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>*

ДУХАНИНА Любовь Николаевна — доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, заслуженный деятель народного просвещения, заведующая кафедрой педагогики и методики естественнонаучного образования, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия

*E-MAIL: Duhanina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6389-3497>*

САПОРОВСКАЯ Мария Вячеславовна — доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной психологии, Костромской государственный университет, Кострома, Россия

*E-MAIL: saporov35@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>*

PHUBBING: PECULIARITIES OF ADDICTIVE BEHAVIOR OF THE YOUTH

Aleksandr A. MAKSIMENKO¹ — Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Psyc.), Professor at the School of Psychology

*E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>*

Olga S. DEINEKA² — Dr. Sci. (Psyc.), Professor at the Department of Political Psychology

*E-MAIL: osdeyneka@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8224-2190>*

Lubov N. DUKHANINA³ — Dr. Sci. (Ped.), Cand. Sci. (Hist.), Head of the Department of Pedagogy and Methods of Natural Science Education

*E-MAIL: Duhanina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6389-3497>*

Maria V. SAPOROVSKAYA⁴ — Dr. Sci. (Psyc.), Professor, Head of the Department of Social Psychology

*E-MAIL: saporov35@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

³ National Research Nuclear University "MEPHI", Moscow, Russia

⁴ Kostroma State University, Kostroma, Russia

Аннотация. В статье обобщены результаты зарубежных социологических и психологических исследований фаббинг-поведения и интернет-зависимости за последние 10 лет. Описаны результаты эмпирического исследования российской молодежи ($N=525$), выполненного авторами в 2019 г. с целью выявления аддикции от смартфонов и проявлений фаббинга в контексте межличностной зависимости (методика Р. Гиршфильда). В вопросе приняли участие молодые люди из разных регионов России (72% девушек и 28% юношей; средний возраст 22,3 года). Подтверждены и конкретизированы половозрастные различия в зависимостях от гаджетов у молодежи. Выявлена связь фаббинг-поведения с неуверенностью в себе и потребностью в эмоциональной опоре и одобрении.

Ключевые слова: фаббинг, зависимость от смартфона, игнорирование партнера, аддиктивное поведение, фаббинг-поведение, жертва фаббинга

Abstract. The article reviews the results of foreign sociological and psychological studies on phubbing behavior and Internet addiction over the past 10 years. We represent the results of an empirical study of Russian youth ($N=525$) carried out in 2019 with the aim of identifying their addiction from smartphones and manifestations of phubbing in the context of interpersonal dependence (method by R. Girshfield). The survey involved young people from different regions of Russia (72% of girls and 28% of boys; average age 22.3 years). In conclusion age and sex differences in dependence on gadgets among the youth have been confirmed and specified. We also reveal the relationship between phubbing behavior and self-doubt and the need for emotional support.

Keywords: phubbing, smartphone addiction, ignoring a partner, addictive behavior, phubbing victim

Введение

Зависимость от смартфонов и интернета охватывает все больше молодежи. Как свидетельствуют эксперты — врачи, психологи, педагоги, в поведении интернет- и смартфоно-зависимых молодых людей проявляются те же симптомы, что и в поведении химически зависимых людей, со схожими факторами риска и последствиями. Жертвами подобных увлечений, утверждают авторы многочисленных разрозненных зарубежных исследований¹, чаще становятся импульсивные молодые люди с высокой тревожностью и низкой самооценкой.

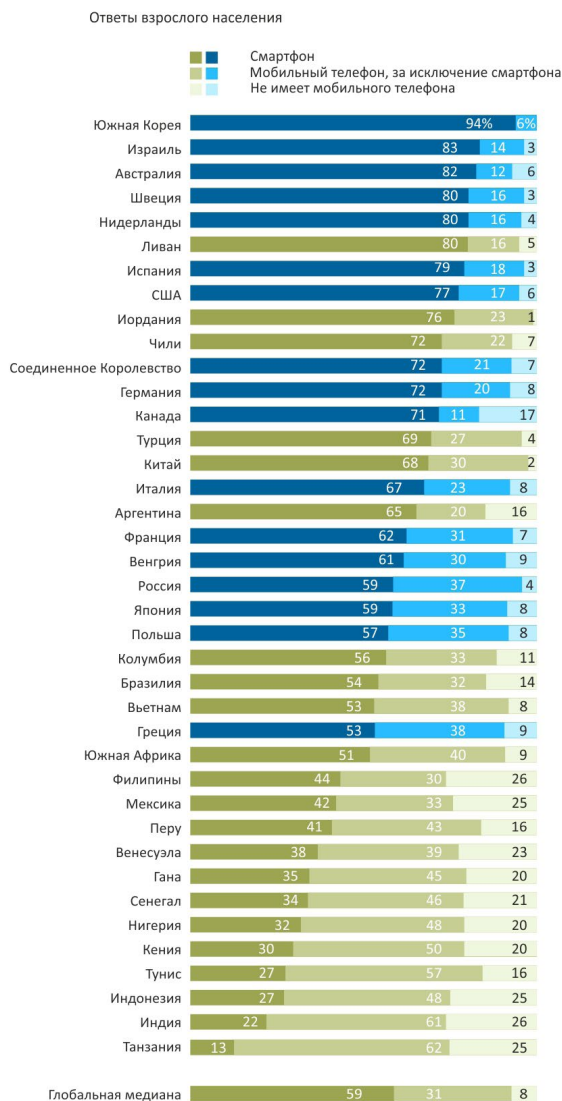
Согласно всемирному исследованию Pew Research Center, 59% опрошенных взрослых в 2018 г. были владельцами смартфонов, 31% пользовались простыми мобильными телефонами, 8% не имели мобильного телефона². При этом экраны

¹ Российские исследователи также обращаются в последние годы к этой теме. См., например: Крюкова Т. Л., Екимчик О. А. Фаббинг как угроза благополучию близких отношений // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 61—76; Шахов В. О., Сапоровская М. В., Екимчик О. А. Взаимосвязь фаббинга и психологического благополучия на разных возрастных этапах // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: материалы V Междунар. науч. конф. Кострома, 26—28 сент. 2019 г.: в 2 т. / отв. ред.: М. В. Сапоровская, Т. Л. Крюкова, С. А. Хазова. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. Т. 2.

² Smartphone Ownership on the Rise in Emerging Economies // Pew Research Center. 2018. 19 June. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2018/06/19/2-smartphone-ownership-on-the-rise-in-emerging-economies/> (дата обращения: 30.08.2021).

смартфонов за последние пять лет увеличились в среднем на 20%, все интенсивнее вовлекая людей в виртуальное общение³.

Рис. 1. Проникновение смартфонов в повседневную жизнь людей⁴

³ М. Видео-Эльдорадо: за пять лет экраны смартфонов увеличились на 20% // Retail Loyalty. 2020. 21 января. URL: <https://retail-loyalty.org/news/m-video-eldorado-za-pyat-let-ekrany-smartfonov-uvlechilis-na-20/> (дата обращения: 30.08.2021).

⁴ Smartphone Ownership on the Rise in Emerging Economies // Pew Research Center. 2018. 19 June. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2018/06/19/2-smartphone-ownership-on-the-rise-in-emerging-economies/> (дата обращения: 30.08.2021).

В 2018 г. страной с самым высоким проникновением смартфонов в жизнь людей стала Южная Корея (см. рис. 1). В ней 94 % взрослых пользовались смартфонами и лишь 6 % — телефонами. На втором месте находился Израиль (83 %), на третьем — Австралия с 82 %, США — на восьмом месте с 77 % пользователей смартфонов, а Россия вместе с Японией делили двадцатое и двадцать первое места с 59 %.

Динамика уникальных загрузок приложений через AppStore и Google Play с 2016 по 2019 г. представлена на рисунке 2, который иллюстрирует лидерство среди скачиваемого контента социальных сетей и мессенджеров, позволяющих в режиме реального времени общаться с широким кругом друзей⁵.

Рис. 2. Лидерство по числу загрузок приложений через App Store и Google Play с 2016 по 2019 г.⁶
 MOST DOWNLOADED APPS (2016-2019)

Очевидны возможности, которые предоставляют смартфоны и о которых пишут ученые [Islam, Mazumder, 2010]: они обеспечивают и обслуживают коммуникации (интернет, почту, социальные сети), игры (приключения, казино, «экшен»), мультимедиа (графику, медиаплееры), так называемую результативную повседневность (календарь, калькулятор, «напоминки»), путешествия (карты, переводчики, гиды), утилиты (диспетчер задач, диспетчер звонков).

В то же время следует иметь в виду и негативное влияние смартфонов на здоровье, психику и поведение людей. В этой связи исследователи выделяют: использование мобильных телефонов за рулем автотранспортных средств [Brown,

⁵ Отдельно стоит отметить статус «дружбы» в социальных сетях. Эксперты рекомендуют называть малоизвестных людей, одобрительно реагирующих на фотографии, контент и статусы, «подписчиками». При этом юридическая зарубежная практика данного вопроса довольно противоречива. Так, в 2015 г. Европейский суд принял аргументы бельгийца, апеллирующего к тому, что адвокат его бывшей жены, требующей алименты, являлся другом судьи на Facebook, однако в 2017 г. во Франции Верховный суд не разделил точку зрения заявителя, подавшего отвод адвокатской коллегии, состоявшей из шести членов, «друживших» на Facebook, аргументировав это тем, что «дружить в социальных сетях обозначает общение между людьми, связанными общими интересами или родом деятельности». Социологи, опросив жителей Великобритании, смогли создать перечень объективных критериев «настоящей дружбы»: трехлетний стаж, семь-девять звонков или личных сообщений в неделю, реальные встречи примерно два-три раза в месяц, а также совместное времяпрепровождение: торжества (свадьбы, поминки, помолвки, встречи по знаменательным событиям) и путешествия [Décieux, Heinen, Willems, 2019].

⁶ Источник: Jones K. Ranked: The World's Most Downloaded Apps. *Visual Capitalist*. 2020. January 25. URL: <https://www.visualcapitalist.com/ranked-most-downloaded-apps/> (дата обращения: 17.08.2021).

Green, Harper, 2001], вредный эффект излучения от девайса [Sandstrom, Dunn, 2014], распыление внимания (отсутствие концентрации) в течение школьных занятий у детей [Hiscock, 2004; Selwyn, 2013], боли в запястье, шее, спине, сухость в глазах [Kwon, Kim, Cho, Yang, 2013], небезопасное сексуальное поведение [Choi, 2016], головные боли, забывчивость, характерный звук «кликов» в ушах [Balicki et al., 2005], влияние на ментальное здоровье [Choi, Lee, Ha, 2012].

Использование мобильного телефона водителями автотранспортных средств и пешеходами — отдельная проблема, которая создает угрозу жизни как для окружающих, так и для самих пользователей смартфонов. Поэтому с конца 10-х годов XXI века в порядке частных инициатив стали появляться предупреждающие знаки о возможных подобных рисках для жизни людей (см. рис. 3).

Одной из новых проблем коммуникации и социализации, на первый взгляд кажущейся менее опасной, чем сосредоточенность на смартфоне пешехода или водителя, становится фаббинг, суть которого состоит в игнорировании собеседника при отвлечении на общение посредством мобильного телефона.

Термин «фаббинг» (phubbing) представляет собой сочетание английских слов «телефон» (phone) и «пренебрежительное отношение» (snubbing). Фаббинг характеризуется невербальной реакцией между беседующими людьми, связанной с отвлечением на свой мобильный телефон и потерей зрительного контакта и интереса к собеседнику [Rothwell, 2016; Jackson, 2010]. В такой диаде взаимодействующих людей ролевая структура определяется следующим образом: человек, которого игнорируют (жертва фаббинга), обозначается как «фабби» (phubbee), а тот, кто осуществляет фаббинг, — как «фаббер» (phubber).

Рис. 3. Дорожные предупреждающие знаки в районе станции метро «Румянцево», г. Москва⁷

⁷ Источник: Знаки «Осторожно! Люди со смартфонами» установили рядом с офисным центром Comcity в Москве // Агентство городских новостей Москва. 2020. 24 января. URL <https://www.mskagency.ru/materials/2966819> (дата обращения: 30.08.2021).

Мощной детерминантой фаббинга считается интернет-зависимость как постоянное неконтролируемое компульсивное поведение, проникающее во все сферы жизни [Karadag et al., 2016]. Люди проводят в онлайн-среде все больше времени, общаясь и социализируясь [Shin, 2015; Tynes, Mitchell, 2014], играя и развлекаясь [Battol, Mahmood, 2010; Doh, Wang, 2014], совершая покупки [Huseynov, Yildirim, 2016; Verma, Jain, 2015], удовлетворяя свои желания в поисках сексуального контента [Bond, 2011; Ouytselets., 2017]. Масштабы и темпы зависимости характеризуются следующими показателями: 39% взрослого населения США от 18 до 29 лет и 36% взрослых от 30 до 49 лет находятся онлайн постоянно⁸. Поколение постмиллениалов (поколение Z [Strauss, Howe, 2008]) еще больше подвержено риску стать интернет-зависимыми с самого молодого возраста [Ozkan, Solmaz, 2015].

Фаббинг и межличностные отношения

Фаббинг становится практически нормой поведения в молодежной среде и при этом он ведет к негативным последствиям в межличностном взаимодействии [Chotpitayasunondh, Douglas, 2018b], обедняет его содержание и качество⁹. Коммуникаторы испытывают меньшее удовлетворение от общения и взаимодействия [Vanden Abeele, Antheunis, Schouten, 2016], меньше доверяют партнеру при таком общении [Cameron, Webster, 2011], чувствуют себя менее близкими людьми [Misra et al., 2016], испытывают ревность [Krasnova et al., 2016] и спад настроения [Roberts, David, 2016].

Возможности, предоставляемые смартфонами (доступ к мессенджерам и социальным пабликам), несколько смягчают психологический дискомфорт от фаббинга по сравнению с отвлечением партнера по общению на СМИ (например, печатные). Когда люди используют мобильный телефон во время социальных контактов, они также могут участвовать во взаимодействии с другими собеседниками, находящимися вне их непосредственной офлайн-социальной среды. Человека, читающего газету во время общения, можно сравнить с визави, использующим смартфон. Первая ситуация воспринимается как более грубое отчуждение. При этом собеседник, одновременно общающийся с кем-либо еще через смартфон, воспринимает присутствие своего отсутствующего друга таким же интересным и значимым, как присутствующего.

М. Бозлен [Boelen, 2014] отмечает сложившийся социальный парадокс: с одной стороны, у людей есть постоянное желание лично общаться с себе подобными, с другой стороны, проводя с кем-либо время в зрительном контакте, они мысленно отсутствуют, общаясь с кем-то еще посредством коммуникационных технологий. С. Плант называет это слиянием физического и виртуального в одном моменте и в одном месте¹⁰.

⁸ Bruk D. (2018) This Sobering New Study Says You're Probably an Internet Addict. *Best Life*. March 19. URL: <https://bestlifeonline.com/sobering-new-study-internet-addict/> (дата обращения: 17.08.2021).

⁹ Ranie L., Zickuhr K. (2015) Americans' Views on Mobile Etiquette. *Pew Research Centre*. August 26. URL: <http://www.pewinternet.org/2015/08/26/americans-views-on-mobile-etiquette/> (дата обращения: 17.08.2021).

¹⁰ Plant S. (2001) On the Mobile: The Effects of Mobile Telephones on Social and Individual Life (Report). *Motorola*. URL: <http://classes.dma.ucla.edu/Winter03/104/docs/splant.pdf> (дата обращения: 17.08.2021).

Один из собеседников может вызвать чувство неприятия у другого в силу того, что фаббинг-поведение первого будет восприниматься как грубое и неуважительное [Turkle, 2017]. Считается, что использование мобильного телефона во время общения «лицом к лицу» создает ситуацию социального отсутствия в пространстве коммуникации. Е. Кац и М. Аахус [Katz, Aakhus, 2002] назвали этот феномен отсутствующим присутствием, когда пользователи мобильных телефонов физически находятся в социальном общении лицом к лицу, но в их психическом периферийном пространстве, совмещенном с электронным девайсом, оказывается кто-то еще. Следовательно, пользователь гаджета социально и психологически перемещен в другое место в ущерб непосредственному личному общению. Иным языком, отвлечение на мобильный телефон провоцирует у собеседника чувство социального неприятия, остракизма, раздражения, ухудшает настроение и ущемляет чувство собственного достоинства [Williams, Cheung, Choi, 2000], потому что его исключают из диалога, «ставят на паузу» [Turkle, 2017]. Даже присутствие мобильного телефона в поле зрения собеседников снижает качество коммуникации и близость в общении [Przybylski, Weinstein, 2012].

В поисках деталей, связанных с психологическим дискомфортом от фаббинг-поведения, М. Боэлен [Boelen, 2014] различает фаббинг в ситуациях, когда отвлекающийся на смартфон говорит или когда слушает. При этом, по мнению некоторых исследователей [Knapp, Hall, Horgan, 2010], зрительный контакт для слушающего более важен, чем для того, кто говорит.

Исследование Э. Чизмеси [Cizmeci, 2017], проведенное в Турции, подтвердило выявленную ранее [Roberts, David, 2016] взаимосвязь между фаббингом и удовлетворенностью взаимоотношениями в парах. Согласно полученным данным, незамужние женщины сильнее ощущают фаббинг-поведение своих партнеров, чем неженатые мужчины. Однако при этом они больше удовлетворены отношениями, поскольку в большей степени ориентированы на будущее, строят смелые планы. Таким образом, выкристаллизовался культурный фактор, объясняющий, почему не состоящие в браке женщины, с одной стороны, чувствовали себя недовольными, но в то же время были более удовлетворены отношениями, чем мужчины. Кроме того, обнаружено, что с увеличением продолжительности отношений растет негатив от партнерского фаббинга и уменьшается удовлетворенность отношениями. Неожиданный результат исследования состоял в том, что использование технологических устройств не оказывает отрицательного влияния на удовлетворенность отношениями, прежде всего добрачного, романтического периода, особенно у тех пар, кто честен, открыт и не вводит в заблуждение своих партнеров. Однако если люди постоянно наблюдают вокруг себя подобное поведение и часто попадают в ситуацию жертвы фаббинга, они начинают воспринимать его как социально приемлемое.

Ж. Робертс и М. Дэвид [Roberts, David, 2016], изучая партнерский фаббинг (partner phubbing или rphubbing) и удовлетворенность романтическими отношениями, приходят к выводу, что в последнее время люди всех возрастных групп уделяют все больше внимания электронным гаджетам в ущерб человеческому общению. Также исследователи предложили удобный опросник партнерского фаббинга из девяти пунктов и концептуальную модель процесса, посредством его

показав, как партнерский фаббинг влияет на удовлетворенность партнерскими отношениями и появление депрессии, что подтверждается данными, полученными и другими исследователями [Utami, Anam, Noorrizki, 2021].

Личностные, гендерные и возрастные различия зависимости от смартфона и фаббинга

Личностные предпосылки интернет-зависимости и фаббинга активно изучаются. Так, А. Кайис с соавторами [Kayis et al., 2016], Ю. Чжоу с коллегами [Zhou et al., 2016] и, ранее, Р. Сервидио [Servidio, 2014] показали, что интернет-зависимость отрицательно связана с дружелюбием и добросовестностью. При этом, согласно исследованиям Б. Замани с соавторами [Zamani, Abedini, Kheradmand, 2011], интернет-зависимость больше выражена у экстравертов и положительно коррелирует с невротизмом.

Также установлена корреляционная связь между смартфон-аддикцией, самооценкой и социальной тревогой: люди с низкой самооценкой и более высокой социальной тревогой чаще страдают смартфон-аддикцией [Lee et al., 2014; Shaw, Gant, 2002]. Фаббинг-поведение коррелирует с интернет-зависимостью и боязнью что-либо пропустить, а самообладание, напротив, снижает его проявления [Chotpitayasunondh, Douglas, 2018b]. Е. Карадаг с соавторами [Karadag et al., 2015] на выборке из 409 студентов доказали, что фаббинг-поведение взаимосвязано с аддикциями от мобильного телефона, СМС-сообщений, социальных сетей и интернета, то есть нашли общий знаменатель зависимости от гаджетов.

В поисках связей фаббинга с личностными особенностями пользователей коллеги из Азии [T'ng, Ho, Low, 2018] дополнили пятифакторную модель личности — открытость мышления, экстраверсия, негативная эмоциональность, дружелюбие и добросовестность [Mowen, 2000] — копинг-стратегиями и апробировали ее на выборке из 421 студента университета Малайзии. Оказалось, что среди интернет-зависимых меньше открытых, дружелюбных и добросовестных людей, но была выявлена значимая взаимосвязь между интернет-зависимостью и эмоционально-ориентированными копинг-стратегиями. Что касается фаббинг-поведения, то были получены положительные связи между ним и интернет-зависимостью, а также негативной эмоциональностью и предубежденностью. В дальнейшем исследователи [T'ng, Ho, Low, 2018] рекомендуют поэкспериментировать с выявлением взаимосвязи фаббинг-поведения с социальной тревожностью, стремлением к острым ощущениям, удовлетворенностью взаимоотношениями, достижениями в работе, стилями приверженности, избеганием неудачи. Таким образом, личностные предпосылки фаббинга изучены пока недостаточно.

Исследование гендерных различий в моделях использования технологий и социальных сетей [Thelwall et al., 2010] показало, что женщины оперируют смартфонами и IT-технологиями в основном для социального контакта, поддержания тесных отношений и самообразования, в то время как мужчины, как правило, сосредоточены на онлайн-играх и развлечениях. Дж. Билльё, М. Линден, Л. Роша [Billieux, Linden, Rochat, 2008] обнаружили, что женщины чаще зависят от мобильного телефона. Оказалось, что у женщин фаббинг-поведение значимо чаще переходит в пренебрежительную привычку: они с большей частотой и длительностью

отвлекаются на смартфон во время общения с собеседником, однако при этом сами чаще выступают в роли жертвы фаббинга [Chotpitayasunondh, Douglas, 2016].

Исследователи выявили корреляционную связь зависимости от смартфона с возрастом в сторону уменьшения [Pugh, 2017]. С. Хауг [Haug et al, 2015] с коллегами на выборке швейцарской молодежи показал, что зависимость от смартфонов выше у пятнадцатилетних, чем у девятнадцатилетних и более старших молодых людей. Кроме того, ими же было выявлено, что более короткий период до первого утреннего просмотра смартфона и указание на то, что социальная сеть — самая часто используемая его функция, свидетельствуют о более высокой степени зависимости от смартфона. А вот потребление табака и алкоголя никак не связано с подобной зависимостью.

Дизайн эмпирического исследования

С целью выявления степени зависимости от смартфонов и проявлений фаббинга у российской молодежи костромским областным региональным отделением Российского общества социологов осенью 2019 г. был проведен онлайн-опрос девушек и юношей 17—29 лет. Дополнительно определялись показатели межличностной зависимости.

Было опрошено 525 человек из разных регионов России (42 % составили жители г. Костромы) с помощью электронной формы анкеты, которую волонтеры костромского отделения Российского общества социологов рассылали пользователям социальной сети «ВКонтакте».

Методический инструментарий исследования составили:

1) опросник фаббинг-зависимости (phubbing addiction scale), разработанный В. Чотпитаясунондх и К. Дуглас [Chotpitayasunondh, Douglas, 2018a], в авторском переводе и адаптации;

2) опросник межличностной зависимости (Interpersonal Dependency Inventory) Р. Гиршфильда в адаптации О. Макушиной¹¹.

Результаты исследования и обсуждение

Описательные статистики данных опросника фаббинг-зависимости показали в целом умеренный уровень проявлений фаббинга у представителей российской молодежи. Если для наглядности перевести полученные по 5-балльной шкале опросника фаббинг-зависимости средние показатели в проценты, то можно констатировать, что больше 25 % респондентов имеют привычку «листать» телефон во время общения. Около 20 % отметили, что окружающим не нравится, когда они «копаются» в телефонах, а 26 % убеждены, что не раздражают партнера, когда заняты своим мобильным устройством. У 75 % молодых людей телефон всегда под рукой, причем 56 % проверяют его, как только проснулись утром, 33 % чувствуют себя неполноценными без телефона. Только 18 % молодых людей отмечают, что их увлечение телефоном становится все сильнее с каждым днем, а 27 % респондентов полагают, что он отнимает у них время от учебной, профессиональной и личной жизни.

¹¹ Макушина О. П. Методы психологического изучения девиантного поведения. Воронеж, 2005. С. 32.

Две уточняющие части опросника фаббинг-зависимости, предназначенные для выявления ролей в фаббинг-поведении, показали, что молодые люди не считают себя фабберами, но предъявляют претензии к другим и отмечают, что другие постоянно проверяют свой телефон, используют его, чтобы выйти в интернет, размещают свои мобильные устройства так, чтобы видеть их, и что другим людям сложно оставить свой телефон в покое.

Анализ полученных нами данных позволил выявить половозрастные особенности проявлений фаббинга. Более молодые респонденты значимо чаще, чем старшие, подтверждали зависимость от своих смартфонов: «я чувствую себя неполноценным без моего мобильного телефона» ($p < 0,01$); «время, отведенное на социальную, личную или профессиональную деятельность, уменьшается из-за мобильного телефона» ($p < 0,001$). Они также констатировали, что ощущают себя жертвами фаббинга: «мне кажется, что другие люди постоянно обращают внимание на свой телефон, а не на меня» ($p < 0,001$).

Кроме того, девушки чаще сообщали о своей зависимости от смартфона, чем юноши: «когда я просыпаюсь утром, я сначала проверяю сообщения на моем телефоне» ($p < 0,001$); «увлечение моим мобильным телефоном увеличивается с каждым днем» ($p < 0,01$). Схожие результаты получены и другими исследователями. Так, Е. Карадаг с соавторами [Karadag et al., 2015] на выборке в 409 студентов обнаружил, что женщины имеют большую зависимость от смартфона, чем мужчины, и что чем старше респонденты, тем меньше они проявляют фаббинг по отношению к собеседнику.

Дополнительный анализ данных позволил нам конкретизировать выявленные гендерные различия в зависимости российской молодежи от смартфонов. Для юношей гаджет — это больше демонстрация доминирования в отношениях: «я чувствую себя довольным, когда я обращаю внимание на свой телефон вместо других людей» ($p < 0,001$). Для девушек гаджет — это устройство, скорее воплощающее зависимость от него и невысокий самоконтроль: «я обращаю внимание на свой телефон дольше, чем намереваюсь это сделать» ($p < 0,001$), а также повышенную тревожность: «я чувствую беспокойство, если мой телефон не рядом» ($p < 0,001$); «я кладу свой телефон, чтобы его видеть» ($p < 0,01$). В этой связи гаджет может рассматриваться как некая метафора беспокойного и бесцеремонного ребенка, который не успокоится, пока не получит очередную порцию внимания к себе [Roberts, David, 2016].

Как показал корреляционный анализ (см. табл. 1), у молодежи зависимость от гаджета и потребность в эмоциональной опоре на других людей, а также неуверенность в себе демонстрируют статистически значимую связь.

Факторный анализ¹² данных опросника фаббинг-зависимости и теста Р. Гиршфильда позволил выделить три фактора (см. табл. 2).

¹² Метод главных компонент; вращение методом varimax raw; на основании критерия Кайзера.

Таблица 1. Фрагмент корреляционной матрицы данных опросника фаббинг-зависимости и теста межличностной зависимости Р. Гиршфильда

Утверждения опросника о зависимости от смартфона	Эмоциональная опора на других	Неуверенность в себе	Стремление к автономии
Я чувствую себя неполноценным без моего мобильного телефона	,293**	,252**	,029
Увлечение моим мобильным телефоном увеличивается с каждым днем	,229**	,239**	,023
Время, отведенное на социальную, личную или профессиональную деятельность, уменьшается из-за моего мобильного телефона	,206**	,264**	,054

** — при $p < 0,01$.

Таблица 2. Результаты факторного анализа данных опроса

Утверждения опросника и показатели теста межличностной зависимости	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Когда я вместе с другими, я начинаю «листать» свой телефон	,666	-,331	-,084
Когда я со своими друзьями, я всегда занят своим мобильным телефоном	,633	-,472	-,330
Люди жалуются на то, что я часто копаюсь в моем мобильном телефоне	,664	-,259	-,055
Я занят своим мобильным телефоном, даже когда я общаюсь со своими друзьями	,708	-,415	-,249
Я не думаю, что раздражаю своего партнера, когда я занят(а) своим мобильным телефоном	,280	-,046	,087
Мой телефон всегда под рукой	,373	,075	,619
Когда я просыпаюсь утром, я сначала проверяю сообщения на моем телефоне	,486	,159	,567
Я чувствую себя неполноценным(ой) без моего мобильного телефона	,611	,212	,329
Увлечение моим мобильным телефоном увеличивается с каждым днем	,674	,005	,093
Время, отведенное на социальную, личную или профессиональную деятельность, уменьшается из-за моего мобильного телефона	,528	,187	,102
Эмоциональная опора на других	,464	,649	-,263
Неуверенность в себе	,489	,609	-,417
Стремление к автономии	,167	,362	-,270

Первый, наиболее весомый фактор, который мы назвали фактором «смартфоно-зависимости», сформировали проявления фаббинга и зависимости от гаджетов: «я занят со своим мобильным телефоном, даже когда я общаюсь со своими друзьями» (0,708); «когда я вместе с другими, я начинаю „листать“ свой телефон» (0,666), а также фиксация тенденции роста такой зависимости — «увлечение моим мобильным телефоном увеличивается с каждым днем» (0,674).

Кроме того, в фактор вошел запрос на эмоциональную опору на других людей. Часто трудности установления эмоциональной связи, смущение от живого контакта и неуверенность в себе формируют у молодежи привычку переключаться на виртуальное общение. В этом случае смартфон служит своего рода «запасным выходом», «форточкой», когда можно, приоткрыв окно в душном замкнутом пространстве, выйти из коммуникации, происходящей «здесь и сейчас», покинуть ситуацию, поставив ее на паузу, снять болезненное напряжение, разбавив его виртуальным общением. Это как раз то «отсутствующее присутствие», о котором пишут наши западные коллеги [Gergen, 2002].

Смартфон дает лишь иллюзию эмоциональной опоры, поскольку полная эмоциональная привязанность, как с реальным собеседником, так и с виртуальным, не формируется. Однако теперь эту привязанность можно фрагментировать, «пролистывать», «переключать» выбором опции меню смартфона. Это непрерывная ротация виртуальных и реальных собеседников запускает постоянную перезагрузку эмоциональных сюжетов и сюжетных линий с регламентируемой дозой привязанности. Возникает парадокс: современные подростки, испытывая зависимость от смартфонов, в то же время, возможно, неосознанно фрагментируют, дозируют, дробят эмоциональную привязанность, не избегая ее вовсе, но подменяя ее новым набором образов и новых знакомств, расширяя круг общения. Кроме того, смартфоны становятся для молодежи самостоятельным спутником, который постоянно требуют внимания (как японская игрушка «тамагочи»), он «всегда под рукой». Это «подручный» — один из главных героев мультсериала «Клуб Микки Мауса», суперкомпьютер, который всегда готов помочь Микки и его друзьям найти ответы на любые вопросы.

Второй фактор — фактор межличностной зависимости, напротив, показывает, что неуверенные в себе и зависимые люди не всегда используют гаджеты в качестве поведенческой защиты, поскольку последние не решают проблем общения.

Третий фактор, фактор контроля своего телефона, отражает ситуацию, когда использование гаджета носит инструментальный характер без связи с психологическими проблемами пользователя. В него вошли степени согласия с утверждениями о контроле: «мой телефон всегда под рукой» (0,619); «когда я просыпаюсь утром, я сначала проверяю сообщения на моем телефоне» (0,567), а также признак «неуверенность в себе» с отрицательным знаком (–0,417).

Таким образом, контроль своих гаджетов может быть привычкой, а неуверенность в себе не всегда купируется зависимостью от гаджетов, обремененной фаббинг-поведением.

Выводы

Как показал обзор зарубежных источников по теме фаббинга, зависимость молодежи от смартфонов имеет нарастающую тенденцию. Причем представители поколения Z, согласно мнению экспертов, больше подвержены риску стать интернет-зависимыми с самого юного возраста.

Основной детерминантой фаббинг-поведения оказывается интернет-зависимость как неконтролируемое компульсивное ежедневное поведение, которое сопровождает все сферы жизни современного молодого человека. Интернет-

зависимость, как показали работы зарубежных исследователей, отрицательно коррелирует с дружелюбием и добросовестностью.

Согласно работам зарубежных авторов, женщины чаще имеют негативный опыт пребывания в роли «фабби» (жертвы фаббинга), при этом у них же подобное поведение быстрее начинает восприниматься как нормальное — они в целом чаще и дольше отвлекаются на смартфоны во время общения с собеседником. Люди всех возрастных групп уделяют все больше внимания своим электронным гаджетам в ущерб человеческому общению.

Партнерский фаббинг влияет на удовлетворенность отношениями в паре и появление депрессии. Кроме того, обнаружено, что люди с тревожной привязанностью могут чрезмерно эмоционально реагировать на партнерский фаббинг, что снижает уровень удовлетворенности отношениями. Зрительный контакт, интимность разговора, а также качество коммуникации и близость в общении искажаются при фаббинг-поведении.

В проведенном нами эмпирическом исследовании российской молодежи были выявлены проявления фаббинг-поведения, причем респонденты в большинстве своем отрицают их у себя и замечают у других. Также удалось зафиксировать половозрастные различия в степени зависимости от гаджетов у молодежи: девушки оказались более зависимыми от смартфонов, чем юноши, а более старшие представители молодежи в меньшей степени зависимы от мобильных телефонов, чем более юные. Кроме того, выявлена высокозначимая связь фаббинг-поведения с неуверенностью в себе и потребностью в эмоциональной опоре и одобрении.

В дальнейшем нам представляется актуальным исследование взаимосвязи фаббинга и влюбленности как вида межличностной зависимости; роли гаджетов, выступающих в одних ситуациях катализаторами конфликтов, а в других — ингибиторами; а также релевантных копинг-стратегий в аддикциях, обусловленных смартфонами.

Учитывая парадокс, связанный с тем, что фаббинг-поведение негативно влияет на качество общения, а эмоционально обедненное, невключенное общение вызывает тревогу, неуверенность в себе, защитную агрессию, которые усиливают фаббинг-поведение, следует в учебном и воспитательном процессе подростков и молодежи предлагать способы снятия такого «замкнутого круга» взаимоотношений между людьми.

Список литературы (References)

Balikci K., CemOzcan I., Turgut-Balik D., Balik H. H. (2005) Survey Study on Some Neurological Symptoms and Sensations Experienced by Long Term Users of Mobile Phones. *Pathologie Biologie*. Vol. 53. No. 1. P. 30—34. <https://doi.org/10.1016/j.patbio.2003.12.002>.

Batool S. H., Mahmood K. (2010) Entertainment, Communication or Academic Use? A survey of Internet Cafe Users in Lahore, Pakistan. *Information Development*. Vol. 26. No. 2. P. 141—147. <https://doi.org/10.1177/0266666910366650>.

Boelen M. (2014) “Hello! I Am Sitting Right in Front of You...”: The Influence of Phubbing Behaviour on Perceived Affiliation during Face-to-Face Conversations in Social Settings (Masterthesis; Degree granted by Tilburg University). Tilburg, NL: Universiteit van Tilburg.

Bond E. (2011) The Mobile Phone = Bike Shed? Children, Sex and Mobile Phones. *New Media and Society*. Vol. 13. No. 4. P. 587—604. <https://doi.org/10.1177/1461444810377919>.

Cameron A. F., Webster J. (2011) Relational Outcomes of Multicommuting: Integrating Incivility and Social Exchange Perspectives. *Organization Science*. Vol. 22. No. 3. P. 754—771. <https://doi.org/10.1287/orsc.1100.0540>.

Choi H. S., Lee H. K., Ha J. (2012) The Influence of Smartphone Addiction on Mental Health, Campus Life and Personal Relations — Focusing on K University Students. *Journal of Korean Data & Information Science Society*. Vol. 23. No. 5. P. 1005—1015. <https://doi.org/10.7465/jkdi.2012.23.5.1005>.

Chotpitayasunondh V., Douglas K. M. (2016) How “Phubbing” Becomes the Norm: The Antecedents and Consequences of Snubbing via Smartphone. *Computers in Human Behavior*. Vol. 63. P. 9—18. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.018>.

Chotpitayasunondh V., Douglas K. M. (2018a) Measuring Phone Snubbing Behavior: Development and Validation of the Generic Scale of Phubbing (GSP) and the Generic Scale of Being Phubbed (GSBP). *Computers in Human Behavior*. Vol. 88. P. 5—17. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.06.020>.

Chotpitayasunondh V., Douglas K. M. (2018b) The Effects of “Phubbing” on Social Interaction. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 48. No. 6. P. 304—316. <https://doi.org/10.1111/jasp.12506>.

Cizmecci E. (2017) Disconnected, Though Satisfied: Pphubbing Behavior and Relationship Satisfaction. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication — TOJDAC*. Vol. 7. No. 2. <https://doi.org/10.7456/10702100/018>.

Doh Y. Y., Wang S. L. (2014) From Separation to Integration: Identity Development of Korean Adult Players in Online Game World. *Games and Culture*. Vol. 9. No. 1. P. 30—57. <https://doi.org/10.1177/1555412013498301>.

Billieux J., Van Der Linden M., Rochat L. (2008) The Role of Impulsivity in Actual and Problematic Use of the Mobile Phone. *Applied Cognitive Psychology*. Vol. 22. No. 9. P. 1195—1210.

Brown B., Green N., Harper R. (2001) *Wireless World: Social and Interaction Aspects of the Mobile Age*. New York, NY: Springer.

Choi E. P., Wong J. Y., Lo H. H., Wong W., Chio J. H., Fong D. Y. (2016) The Impacts of Using Smartphone Dating Applications on Sexual Risk Behaviours in College Students in Hong Kong. *PLoS One*. Vol. 11. e0165394. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0165394>.

Décieux J. P., Heinen A., Willems H. (2019) Social Media and Its Role in Friendship-driven Interactions among Young People: A Mixed Methods Study. *YOUNG*. Vol. 27. No. 1. P. 18—31. <https://doi.org/10.1177/1103308818755516>.

Gergen K. J. (2002) The Challenge of Absent Presence. In: *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 227—241. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489471.018>.

Haug S., Castro R. P., Kwon M., Filler A., Kowatsch T., Schaub M. P. (2015) Smartphone Use and Smartphone Addiction Among Young People in Switzerland. *Journal of Behavioral Addiction*. Vol. 4. P. 299—307.

Hiscock D. (2004) CellPhones in Class: This, Too, Shall Pass. *Community College Week*. Vol. 16. No. 16. P. 4—5.

Strauss W., Howe N. (2008) Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York, NY: William Morrow.

Huseynov F., Yildirim S. (2016) Internet Users' Attitudes toward Business-to-Consumer Online Shopping: A Survey. *Information Development*. Vol. 32. No. 3. P. 452—465. <https://doi.org/10.1177/0266666914554812>.

Islam R., Islam R., Mazumder T. (2010) Mobile Application and Its Global Impact. *International Journal of Engineering and Technology*. Vol. 10. No. 6. P. 104—111.

Jackson R. I. (2010) Encyclopedia of Identity. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.

Karadag E., Tosuntas S. B., Erzen E., Duru P., Bostan N., Sahin B. M., Culha I., Babadag B. (2015) Determinants of Phubbing, Which is the Sum of Many Virtual Addictions: A Structural Equation Model. *Journal of Behavioral Addictions*. Vol. 4. No. 2. P. 60—74. <https://doi.org/10.1556/2006.4.2015.005>.

Karadag E., Tosuntas S. B., Erzen E., Duru P., Bostan N., Sahin B. M., Culha I., Babadag B. (2016) The Virtual World's Current Addiction: Phubbing. *Addicta: The Turkish Journal on Addictions*. Vol. 3. P. 250—269. <https://doi.org/10.15805/addicta.2016.3.0013>.

Katz J. E., Aakhus M. (2002) Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Kayış A. R., Satici S. A., Yılmaz M. F., Şimşek D., Ceyhan E., Bakioglu F. (2016) Big Five-Personality Trait and Internet Addiction: A Meta-Analytic Review. *Computers in Human Behavior*. Vol. 63. P. 35—40. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.012>.

Krasnova H., Abramova O., Notter I., Baumann A. (2016) Why Phubbing Is Toxic for Your Relationship: Understanding the Role of Smartphone Jealousy among “Generation Y” Users. In: *European Conference on Information Systems (ECIS) 2016 Proceedings. Research Paper No. 109*. URL: https://aisel.aisnet.org/ecis2016_rp/109 (дата обращения: 17.08.2021).

Knapp M. L., Hall J., Horgan T. G. (2010). Nonverbal Communication in Human Interaction. Boston, MA: Wadsworth, Cengage Learning.

Kwon M., Kim D.-J., Cho H., Yang S. (2013) The Smartphone Addiction Scale: Development and Validation of a Short Version for Adolescents. *Plos One*. Vol. 8. No. 12. e83558. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0083558>.

Lee Y. K., Chang C. T., Lin Y., Cheng Z. H. (2014) The Dark Side of Smartphone Usage: Psychological Traits, Compulsive Behavior and Technostress. *Computers in Human Behavior*. Vol. 31. P. 373—383. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.047>.

Misra Sh., Cheng L., Genevie J., Yuan M. (2016) The iPhone Effect: The Quality of In-Person Social Interactions in the Presence of Mobile Devices. *Environment and Behavior*. Vol. 48. No. 2. P. 275—298. <https://doi.org/10.1177/0013916514539755>.

Mowen J. C. (2000). The 3M Model of Motivation and Personality: Theory and Empirical Application to Consumer Behavior. Boston, MA: Springer.

Ouytsel J. V., Ponnet K., Walrave M., d'Haenens L. (2017) Adolescent Sexting from a Social Learning Perspective. *Telematics and Informatics*. Vol. 34. № 1. P. 287—298. <https://doi.org/10.1016/j.tele.2016.05.009>.

Ozkan M., Solmaz B. (2015). Mobile Addiction of Generation Z and its Effects on their Social Lives: (An Application among University Students in the 18—23 Age Group). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Vol. 205. P. 92—98.

Przybylski A. K., Weinstein N. (2012) Can You Connect with Me Now? How the Presence of Mobile Communication Technology Influences Face-to-Face Conversation Quality. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 30. No. 3. P. 237—246. <https://doi.org/10.1177/0265407512453827>.

Pugh S. (2017) Investigating the Relationship between Smartphone Addiction, Social Anxiety, Self-Esteem, Age & Gender (Bachelors Final Year Project). Dublin: Dublin Business School. URL: <http://hdl.handle.net/10788/3329> (дата обращения: 17.08.2021).

Roberts J. A., David M. E. (2016) My Life Has Become a Major Distraction from My Cell Phone: Partner Phubbing and Relationship Satisfaction Among Romantic Partners. *Computers in Human Behavior*. Vol. 54. P. 134—141. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.058>.

Rothwell J. D. (2016) In the Company of Others: An Introduction to Communication. New York: Oxford University Press.

Sandstrom G. M., Dunn E. W. (2014) Social Interactions and Well-Being: The Surprising Power of Weak Ties. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 40. No. 7. P. 910—922. <http://dx.doi.org/10.1177/0146167214529799>.

Selwyn N. (2013) Education in a Digital World: Global Perspectives on Technology and Education. New York, NY: Routledge.

Servidio R. (2014) Exploring the Effects of Demographic Factors, Internet Usage and Personality Traits on Internet Addiction in a Sample of Italian University Students. *Computers in Human Behavior*. Vol. 35. P. 85—92. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.02.024>.

Shaw L. H., Gant L. M. (2002) In Defense of the Internet: The Relationship between Internet Communication and Depression, Loneliness, Self-Esteem and Perceived Social Support. *CyberPsychology and Behavior*. Vol. 5. No. 2. P. 157—171. <https://doi.org/10.1089/10949310275377055>.

Shin W. (2015) Parental Socialization of Children's Internet Use: A Qualitative Approach. *New Media and Society*. Vol. 17. No. 5. P. 649—665. <https://doi.org/10.1177/1461444813516833>.

Thelwall M., Buckley K., Paltoglou G., Cai D., Kappas A. (2010) Sentiment Strength Detection in Short Informal Text. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. Vol. 61. No. 12. P. 2544—2558. <https://doi.org/10.1002/asi.21416>.

Tynes B. M., Mitchell K. J. (2014) Black Youth Beyond the Digital Divide: Age and Gender Differences in Internet Use, Communication Patterns, and Victimization. *Journal of Black Psychology*. Vol. 40. No. 3. P. 291—307. <https://doi.org/10.1177/0095798413487555>.

T'ng S.T., Ho K. H., Low S. K. (2018) Are You «Phubbing» Me? The Determinants of Phubbing Behavior and Assessment of Measurement Invariance across Sex Differences. *International and Multidisciplinary Journal of Social Sciences*. Vol. 7. No. 2. P. 159—190. <https://doi.org/10.17583/rimcis.2018.3318>.

Turkle S. (2017) *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other*. New York, NY: Basic Books.

Utami M., Anam M. K., Noorrizki R. D. (2021) The Relationship Between Phubbing and Romantic Relationship Satisfaction: A Literature Review. *KnE Social Sciences*. P. 370—385. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i15.8226>.

Vanden Abeele M. M. P., Antheunis M. L., Schouten A. P. (2016) The Effect of Mobile Messaging during a Conversation on Impression Formation and Interaction Quality. *Computers in Human Behavior*. Vol. 62. P. 562—569. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.04.005>.

Verma P., Jain S. (2015) Skills Augmenting Online Shopping Behavior: A Study of Need for Cognition Positive Segment. *Business Perspectives and Research*. Vol. 3. No. 2. P. 126—145. <https://doi.org/10.1177/2278533715578556>.

Williams K. D., Cheung C. K. T., Choi W. (2000) Cyberostracism: Effects of Being Ignored over the Internet. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 79. No. 5. P. 748—762. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.79.5.748>.

Zamani B. E., Abedini Y., Kheradmand A. (2011) Internet Addiction Based on Personality Characteristics of High School Students in Kerman, Iran. *Addict Health*. Vol. 3. No. 3—4. P. 85—91. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/24494121/>.

Zhou Y. Y., Li D. P., Li X., Wang Y. H., Zhao L. Y. (2016) Big Five Personality and Adolescent Internet Addiction: The Mediating Role of Coping Style. *Addictive Behaviors*. Vol. 64. P. 42—48. <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2016.08.009>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1740](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740)

С. И. Чудинов, Г. Н. Сербина, Ю. О. Мундриевская

**СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СКУЛШУТЕРОВ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»
НА ПРИМЕРЕ ФАНАТСКОГО СООБЩЕСТВА
«КЕРЧЕНСКОГО СТРЕЛКА»**

Правильная ссылка на статью:

Чудинов С. И., Сербина Г. Н., Мундриевская Ю. О. Сетевая организация скулшутеров в социальной сети «ВКонтакте» на примере фанатского сообщества «керченского стрелка» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 363—383. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>.

For citation:

Chudinov S. I., Serbina G. N., Mundrievskaya Y. O. (2021) School Shooting Network on VKontakte: Case Study of a Fan Community Dedicated to “Kerch Shooter”. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 363–383. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1740>. (In Russ.)

СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СКУЛШУТЕ- РОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАК- ТЕ» НА ПРИМЕРЕ ФАНАТСКОГО СООБ- ЩЕСТВА «КЕРЧЕНСКОГО СТРЕЛКА»

ЧУДИНОВ Сергей Иванович — канди-
дат философских наук, доцент, научный
сотрудник Центра прикладного анализа
больших данных, Томский государствен-
ный университет, Томск, Россия; доцент
кафедры философии и истории, Си-
бирский государственный университет
телекоммуникаций и информатики, Но-
восибирск, Россия; доцент кафедры ин-
формационной безопасности, Сибирский
государственный университет геосистем и
технологий, Новосибирск, Россия
E-MAIL: personally@ngs.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>

СЕРБИНА Галина Николаевна — заме-
ститель директора Научной библиотеки
(сопровождение научно-образователь-
ной деятельности), Томский государ-
ственный университет, Томск, Россия
E-MAIL: serbina@lib.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0196-6010>

МУНДРИЕВСКАЯ Юлия Олеговна —
младший научный сотрудник Центра
прикладного анализа больших данных,
Томский государственный университет,
Томск, Россия
E-MAIL: muo@data.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8255-3124>

Аннотация. В статье поставлена цель
исследования сетевой структуры вир-
туальных сообществ, транслирующих
субкультуру скулшутеров на примере
одного из российских фанатских со-
обществ, посвященных памяти Влади-

SCHOOL SHOOTING NETWORK ON VKONTAKTE: CASE STUDY OF A FAN COMMUNITY DEDICATED TO “KERCH SHOOTER”

Sergey I. CHUDINOV^{1,2,3} — *Cand. Sci.*
(*Philos.*), *Research Fellow at the Center*
for Applied Big Data Analysis; Associate
Professor at the Department of Philoso-
phy and History; Associate Professor at
the Department of Information Security
E-MAIL: personally@ngs.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3958-0383>

*Galina N. SERBINA*¹ — *Deputy Direc-*
tor for Education & Research Support,
Tomsk State University Research Library
E-MAIL: serbina@lib.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0196-6010>

*Yuliya O. MUNDRIEVSKAYA*¹ — *Junior Re-*
search Fellow at the Center for Applied
Big Data Analysis
E-MAIL: muo@data.tsu.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8255-3124>

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russia

² Siberian State University of Telecommunications
and Information Science, Novosibirsk, Russia

³ Siberian State University of Geosystems
and Technologies, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article aims to study the
network structure of virtual communities
related to the subculture of school shoot-
ers, on the example of one of the Russian
fan groups dedicated to the memory of
Vladislav Roslyakov, who is the most fa-

слава Рослякова — наиболее известного исполнителя массового расстрела учебного заведения в России. В проведенном исследовании на основе метода социально-сетевого анализа выявлены ключевые сетевые характеристики избранного сообщества; определены социодемографические параметры и географическая локализация участников сообщества (по открытым данным пользователей); составлен и проанализирован топ общих подписок участников сети и их друзей после блокировки сообщества с целью охарактеризовать однородность тематических интересов и организационно-коммуникативную интегрированность сообщества.

Результаты исследования показывают, что в молодежной аудитории Рунета, интересующейся девиантным контентом, формируется онлайн-субкультура, соединяющая тематику Колумбайна с «культом» местных шутеров, таких как «керченский стрелок» Росляков. В социальной сети «ВКонтакте» пользователи с девиантными интересами обнаруживают достаточно широкий круг общения, при этом во многом остаются одиночками. Онлайн-субкультура скулшутеров выходит за рамки формального членства в соответствующих виртуальных сообществах и может в десятки раз превышать количество действующих подписчиков. Анализ подписок участников рассматриваемого сообщества на другие сообщества показывает, что группа довольно консолидирована по тематическим интересам, в круг которых вовлечена часть друзей ее участников. Однако эта сеть слабо организована и не представляет собой тесно интегрированной коммуникативной среды.

mous performer of the mass shooting in an educational institution in Russia. In our study, based on the method of social network analysis, we firstly identified the key network characteristics of the selected community. Secondly, we determined sociodemographic parameters and the geographic localization of its participants (based on open data). Thirdly, we compiled and analyzed the top general subscriptions of the network members and their friends after the community was blocked. The latter allowed us to characterize the homogeneity of thematic interests and the organizational and communicative integration of the studied group.

The results of the study show that an online subculture is formed within the youth audience of Runet interested in deviant content, connecting the Columbine theme with the “cult” of local shooters, such as the Kerch one — Roslyakov. On the VKontakte social network, users with deviant interests find a fairly wide circle of communication, while remaining mostly socially isolated loners. The online subculture of school shooters goes beyond formal membership in the corresponding virtual communities and can exceed the number of active subscribers dozens of times. The analysis of subscriptions of the group members shows that it is quite consolidated by thematic interests, shared by a part of their friends. However, the network is poorly organized and does not represent a tightly integrated communication environment.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, деструктивные девиантные сообщества, девиантные онлайн-сообщества, виртуальные фанатские сообщества скулшутеров, «культ» скулшутеров, скулшутинг в России, Владислав Росляков, ВКонтакте, субкультура Колумбайн

Keywords: social network analysis, destructive deviant communities, deviant online communities, virtual fandoms of school shooters, “cult” of school shooters, school shooting in Russia, Vladislav Roslyakov, VKontakte, Columbine sub-culture

Введение

Согласно исследованию российских социальных сетей, проведенному InfoWatch и Kribrum, результаты которого были озвучены в докладе Натальи Касперской, к марту 2019 г. в русскоязычные деструктивные сообщества с тематикой школьных расстрелов, убийств и убийц было вовлечено 470 тыс. пользователей, включая прирост в 125 тыс. аккаунтов за предыдущий год (с марта 2018 г.). Среди них доля подростковой аудитории составляет 112 тыс., включая прирост за указанный период в 20 тыс. человек [Касперская, 2019].

По данным того же доклада, весной 2019 г. совокупное число подростков, вовлеченных в различные «деструктивные движения» в Рунете, составило 7 млн то есть 40 % общего числа пользователей данной возрастной категории [там же].

Тематика скулшутинга (от англ. school shooting, «школьная стрельба» — акт нападения на школу, где исполнителем чаще всего выступает ученик школы, применяющий огнестрельное оружие), даже объединенная с группами, посвященными серийным убийцам и смежным темам, занимает только третье место во «вселенной» деструктивного контента социальных сетей. Первое и второе места заняты контентом, связанным с субкультурой А.У.Е. и «ультрадвижением» и пропагандой наркотических средств [там же]. Несмотря на это, первая из упомянутых тематик вызывает наибольшие опасения в плане общественной безопасности из-за более высокого потенциала инспирирования реальных актов массового насилия, что было продемонстрировано событиями в России с 2014 по 2019 гг. (период зарождения и всплеска атак скулшутеров).

Субкультура скулшутеров, начиная как минимум с событий Колумбайна (англ. Columbine, массовое убийство в школе «Колумбайн», США, совершенное двумя учениками 20 апреля 1999 г. с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств), была тесно связана с медиатизацией насилия. В настоящее же время, как демонстрируют многочисленные публикации, она активно дигитализируется и продолжает свое существование в качестве онлайн-субкультуры [Peshkovskaya et al., 2021: 714]. Некоторые исследования утверждают, что сознание большинства скулшутеров с 2005 г. радикализуется в виртуальных сообществах с соответствующей тематикой [Semenov, Veijalainen, Kyrö, 2010: 257].

Согласно обзору Ф. Зоммера, В. Лойшнера и Х. Шайтхауэра множество академических исследований свидетельствует о значительном удельном весе в мотивации скулшутеров таких факторов, как переживание интенсивных конфликтов и проблематичных отношений со сверстниками и учителями не только на террито-

рии школы, но и на периферии школьной социальной жизни [Sommer, Leuschner, Scheithauer, 2014: 3—4]. Сюда включаются физическое запугивание (так называемый буллинг), вербальное и невербальное отвержение сверстниками, в отдельных случаях — отвержение на романтической почве и др. Все эти обстоятельства приводят к одному интегральному результату — восприятию потенциальными скулшутерами самих себя в качестве «маргинализованных жертв» [ibid.: 3].

О том же говорят выводы, сделанные в книге К. Ньюман и ее соавторов, согласно которым скулшутеры — это «юноши» (как известно, подавляющую часть скулшутеров во всем мире составляют подростки мужского пола), в случае которых «совпал ряд неудачных обстоятельств» [Newman et al., 2004: 229]. Среди этих обстоятельств на первое место поставлена их социальная маргинальность, или, точнее, восприятие шутерами самих себя в качестве «экстремально маргинальных» в тех «социальных мирах, которые имеют к ним отношение» [ibid.].

При этом, как показывает Т. Шибутани, маргинализованная личность не обязательно одинока, поскольку подобные личности, разделяющие общие интересы и наклонности, могут создавать маргинальные сообщества и субкультуры [Shibutani, 2009: 575—581]. Исследования на стыке поведенческой экономики и социальной психологии демонстрируют, что человек негативно воспринимает отвержение группой и стремится стать частью сообщества — уже существующего или вновь организованного [Peshkovskaya, Myagkov, 2020; Peshkovskaya, Babkina, Myagkov, 2019; Peshkovskaya, Babkina, Myagkov, 2018]. И хотя этот вывод был сделан в контексте культурной маргинализации мигрантов и исследований в области социальной психологии, в значительной степени он подходит и к нашей ситуации социально маргинализованных подростков, становящихся изгоями в собственном молодежном сообществе.

Субкультура скулшутеров за последние годы в значительной степени виртуализировалась. Большая часть исполнителей массовых расстрелов школ и других учебных заведений (за последние несколько лет) были активно вовлечены в информационно-коммуникационную среду социальных сетей и мессенджеров. К примеру, Владислав Росляков (наиболее известный исполнитель массового расстрела учебного заведения в России, совершивший нападение на Керченский политехнический колледж в октябре 2018 г.) имел трудности в общении со сверстниками в классе, но при этом был активным пользователем социальных сетей.

В виртуальном пространстве личности с девиантными наклонностями не только обнаруживают друзей по интересам, но и формируют своеобразные сетевые структуры, дающие возможности «творческой» трансформации глобальной колумбайновской субкультуры в семиотический гибрид с яркими локальными особенностями. Последние, как правило, выражаются прежде всего в медиаконтенте местных шутеров и формирующихся вокруг этих фигур онлайн-«культурах».

В интерпретации понятия субкультуры мы опираемся на исследования сетей фанатов скулшутеров и глубоко интересующихся подобной тематикой, которые провели Дж. Райтанен и А. Оксанен с соавторами [Oksanen, Hawdon, Räsänen, 2014; Raitanen, Oksanen, 2018]. Данные авторы определяют субкультуру как группу или более широкое сообщество, которое разделяет общие ценности, использует символы и знаки для самоидентификации, при этом подрывая хотя бы в некото-

рой степени нормы доминирующего общества или основной его части [Oksanen, Hawdon, Räsänen, 2014: 56; Raitanen, Oksanen, 2018: 196]. Они отмечают, что даже в случае девиантных субкультур обнаруживаются относительно стабильные социальные ритуалы, «истории» и символы, что также справедливо и в отношении онлайн-контекста. Подобную субкультуру, функционирующую в онлайн-режиме, отличают анонимность участников и отсутствие географической близости (они могут быть локализованы в различных странах) [Oksanen, Hawdon, Räsänen, 2014: 56]. Платформы социальных сетей только создают условия для коммуникации и социального взаимодействия, а виртуальные субкультуры формируются тогда, когда появляются «активные участники», которые используют одни и те же знаки и символы [Raitanen, Oksanen, 2018: 197]. Как показывают Дж. Райтанен и А. Оксанен, онлайн-сообщества, посвященные тематике скулштинга и функционирующие в крупнейших социальных сетях (таких как YouTube и др.), отличаются использованием устойчивых символов и знаков, специфического языка (центральной объединяющей темой выступают атаки в школе Колумбайн и личности их исполнителей) и участием в дискуссиях, которые могут быть признаны девиантными с точки зрения основной части общества [ibid.: 196].

В представленном ниже исследовании мы обратимся к теме виртуальных сообществ, посвященных скулшутерам, которые обнаруживаются в российских социальных сетях. Наличие целого сегмента таких сообществ в крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте», демонстрирующей циркуляцию устойчивого набора знаков и символов (связанных с историей нападения на школу Колумбайн и личностями исполнителей преступления); трансляцию собственного языка и деструктивных мировоззренческих установок, отвергающих привычную систему ценностей со стороны активных пользователей, свидетельствует о формировании субкультурного движения скулшутеров в коммуникационном пространстве Рунета. При этом мы концентрируем наше внимание на сетевой организации сообществ, транслирующих субкультуру скулшутеров в социальных медиа и продуцирующих ее новые, адаптированные к локальному социокультурному контексту формы. Цель исследования сводится к рассмотрению сетевой структуры онлайн-сообществ скулшутеров на примере одного из российских виртуальных фанатских сообществ, посвященных памяти Владислава Рослякова. Сообщество «Группа памяти о Владе», функционировавшее в социальной сети «ВКонтакте», было обнаружено в результате мониторинга в июне 2019 г. Оно функционировало до октября 2019 г., после чего было заблокировано администрацией платформы. Данные по участникам сообщества и его сетевой структуре были собраны с помощью системы мониторинга социальных медиа InfoWatch Kribrum. Граф, визуализирующий сетевую структуру сообщества (граф 1), был создан с использованием пакета программного обеспечения Gephi.

В предлагаемом исследовании нас будет интересовать достижение следующих задач.

Первой задачей станет выявление сетевых характеристик избранного сообщества, что позволит на конкретном примере онлайн-«культа» конкретного школьного стрелка понять, насколько его фанаты интегрированы или же изолированы в виртуальном пространстве. Второй задачей станет определение социодемогра-

фических характеристик и географической локализации участников сообщества (по открытым данным пользователей) с целью охарактеризовать социальный состав его подписчиков и выявить степень их однородности по возрастным и другим критериям. Для получения дополнительных данных, которые бы позволили подтвердить или скорректировать выводы, мы рассмотрим сетевые взаимосвязи участников сообщества с их ближайшим окружением (друзьями, не входящими в сообщество, часть из которых предположительно вовлечена в девиантную тематику) и составим топ подписок участников сети после блокировки сообщества. Это станет третьей задачей исследования, выполнение которой позволит понять, имел ли место массовый переход участников сообщества в другие близкие по тематике сообщества (уже существующие или же вновь созданные), что может быть маркером их организационной интегрированности. Помимо этого, мы сравним тематику топа подписок участников избранного сообщества с тематикой топа подписок участников расширенной сети, чтобы выявить, насколько границы девиантного сообщества шире формального участия в группе и разделяют ли друзья участников «Группы памяти о Владе» их девиантные интересы.

Последовательное достижение данных задач позволит на примере избранного девиантного сообщества выяснить, какие пользователи объединяются вокруг необычного интереса к тематике скулшутинга, какие сетевые взаимоотношения между ними складываются и насколько потенциально широка социальная база таких сообществ. В конце концов мы поймем, так ли одиноки девиантные личности и насколько они интегрированы в виртуальное коммуникационное пространство социальных сетей.

Основные направления исследований скулшутинга

Виртуальная субкультура, связанная с увлечением тематикой скулшутинга, давно привлекает внимание исследователей, но при этом следует констатировать факт крайней неравномерности распределения этого внимания в отношении частных аспектов данного социокультурного феномена.

Проведенный нами аналитический обзор академической литературы показывает, что феномен скулшутинга рассматривается в нескольких основных ракурсах. Первое направление связано с проблемой взаимодействия массмедиа и скулшутинга. Многие исследователи концентрируют свои интересы на анализе того вклада, который делают СМИ и социальные медиа как в косвенное распространение пропаганды скулшутинга (соответственно, невольно влияя на увеличение количества подобных атак со стороны подражателей шутеров в будущем) [Lee, 2018; Muschert, Carr, 2006; Jetter, Walker, 2018], так и в «купирование» психологической травмы и моральной паники непосредственных свидетелей и широкой публики, которую подвергают в шоковое состояние массовые убийства [Lindgren, 2010; Paton, Figeac, 2015].

Значительное внимание ученых и экспертов также вызывает круг вопросов, связанных с поиском психологической и психиатрической основы мотивации внешне иррационального и «безмотивного» агрессивного поведения скулшутеров [Scheithauer et al., 2006; Appelbaum, 2013; Sommer, Leuschner, Scheithauer, 2014; Knoll, Annas, 2016; Schildkraut, Elsass, Meredith, 2018; Langman, 2009, 2015]. При

этом первые два направления в американской литературе часто переплетаются с проблемой взаимовлияния количества атак скулшутеров и изменений в законодательном регулировании оборота огнестрельного оружия (Gun Control) [Metzl, MacLeish, 2015; Gius, 2018; Luca, Malhotra, Poliquin, 2020].

Отдельным направлением исследования феномена скулшутинга выступают попытки концептуализации, соединения различных социальных и психологических факторов в единую объяснительную схему, в рамках которой рационализируется поведение скулшутеров [Newman et al., 2004; Levin, Madfis, 2009; Heitmeyer, Böckler, Seeger, 2013].

Что же касается тематики, которая наиболее близка нашему непосредственному предмету рассмотрения (а именно, исследование виртуальных девиантных сообществ, связанных с трансляцией субкультуры скулшутеров, и их сетевой структуры), то данная группа проблем пока не оформилась в систематически разрабатываемое отдельное направление исследований скулшутинга. Существует ряд публикаций, которые представляют результаты анализа онлайн-субкультуры скулшутеров и медиаконтента этих сообществ без использования метода сетевого анализа [Sumiala, Tikka, 2010; Sumiala, 2011; Lindgren, 2010; Raitanen, Oksanen, 2018]. В области изучения структуры виртуальных сообществ скулшутеров имеются лишь единичные публикации [Semenov, Veijalainen, Kuppö, 2010; Sumiala, 2010; Мацута и др., 2020]. Остальные исследования, посвященные анализу виртуальных девиантных сообществ и их сетевой структуры, практически не затрагивают скулшутеров, вкладывая в понятие девиантных сообществ максимально широкий смысл. В его рамки включаются сообщества, связанные со всевозможными девиациями — от провоцирующих анорексию сообществ и сообществ потребителей «контента для взрослых» до политизированных «групп ненависти» [Coletto, 2016; Bryant, 2011: 525—526].

Сетевые характеристики сообщества «Группа памяти о Владе»

Рассматриваемое нами сообщество «Группа памяти о Владе» объединяло 133 участника. При этом 33% аккаунтов представляют собой закрытые профили. Открытым аккаунтам (89 узлов) соответствует 361 связь (см. табл. 1).

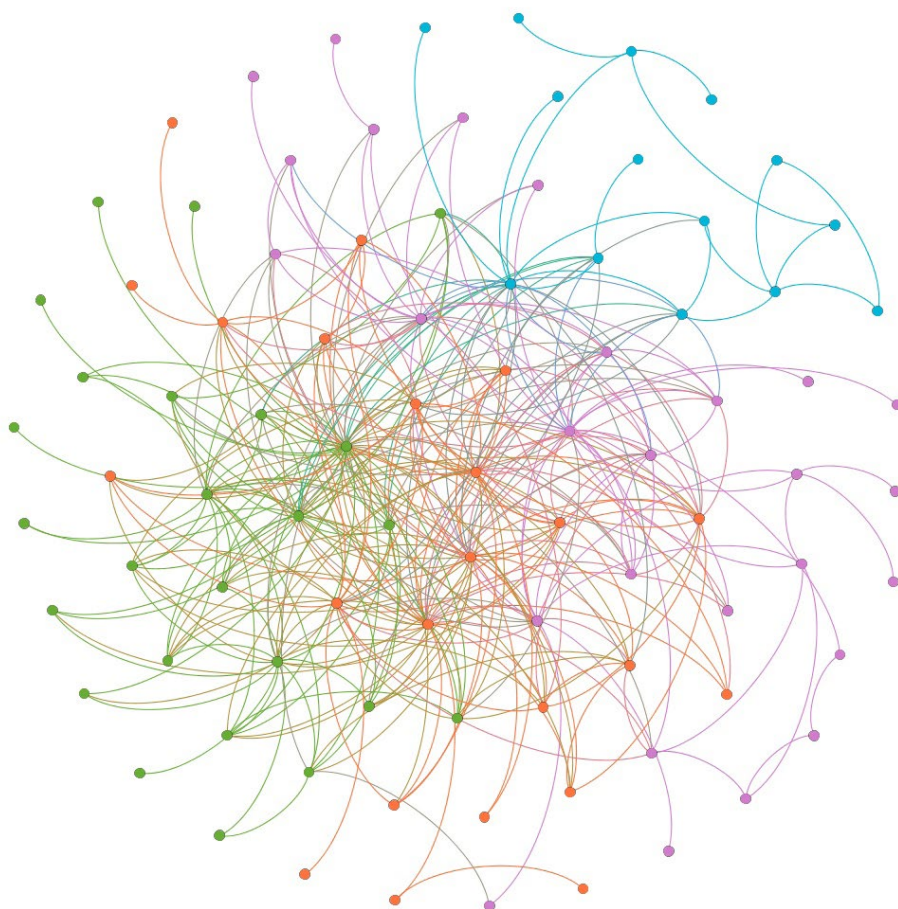
Таблица 1. Сетевые характеристики сообщества «Группа памяти о Владе»

Средняя степень	Средний коэффициент кластеризации	Средняя длина пути	Кол-во узлов	Кол-во связей	Плотность (в процентах)	Коэффициент модульности
8,112	0,488	2,547	89	361	0,092 (10%)	0,233

В сети можно выделить шесть кластеров, то есть групп узлов, которые имеют более интенсивное взаимодействие между собой (см. рис. 1). Коэффициент модульности равняется 0,23. При этом в кластерах едва ли можно обнаружить бесспорных лидеров, которые могли бы быть признаны в качестве организаторов группы. Имеется только один коммуникативный лидер, имеющий 52 связи,

что составляет максимальный показатель по количеству связей (наличие друзей внутри сети) у участников сообщества. В среднем на каждого участника сети приходится 8—9 связей, а 25 % участников имеют низкое количество связей — 2—3. Степенное распределение показывает, что среднее число друзей у участников сети колеблется в диапазоне от 5 до 10 человек. В сети отсутствуют изолянты, то есть распространяемая в сети информация потенциально достигает все узлы. Плотность графа (0,092 или 10 %) также свидетельствует о низкой интенсивности взаимодействия и связанности участников сообщества. Помимо этого, следует отметить любопытный факт, характеризующий структуру сети. Взаимодействие между кластерами в основном происходит через участников сообщества, которые находятся на периферии сети.

Рис. 1. Сетевая структура сообщества «Группа памяти Влада» с выделением кластеров

Социально-демографический профиль участников сообщества

Работа с данными профилей участников сообщества «Группа памяти о Владе» как в случае любой другой группы, транслирующей онлайн-субкультуру скулшутеров в российских социальных сетях, затруднена тем обстоятельством, что большинство участников, боясь возможных преследований со стороны правоохранительных структур и надзорных органов в сфере массовых коммуникаций, стремятся максимально анонимизировать свой профиль. Обычно на личных страницах подписчиков и участников колумбайн-сообществ во «ВКонтакте» можно обнаружить лингвистические и семиотические маркеры, свидетельствующие об их идентификации с субкультурой скулшутеров (заключенные в именах пользователей, например, содержащих фамилию известных шутеров; комментариях, намекающих на их осведомленность о том, что их профилем могут интересоваться такие службы, как ФСБ), но личные данные представлены крайне скудно и/или же сознательно фальсифицированы.

Только 39% (52 человека) подписчиков группы указали в своих профилях возраст. По предоставленным самими пользователями данным можно судить, что в группе доминируют подростки, так как 52% (27 человек) от числа тех, кто раскрыл свой возраст, относятся в категории младше 18 лет. 31% (16 человек) из числа указавших возраст относятся к возрастной категории от 19 до 22 лет. Страну и города проживания указали только 64% и 48% пользователей соответственно, при этом часть из них явно завуалировали свою географическую локализацию, прописав в профиле США и географические наименования мест, которые ассоциируются с истоками колумбайновской субкультуры (Littleton, Columbine).

Пожалуй, только один параметр можно считать самым достоверным — это гендерная принадлежность. По этому параметру группа может считаться преимущественно мужской (56% участников указали мужской пол).

Исходя из гипотезы о том, что состав участников онлайн-субкультуры скулшутеров может быть шире формального членства в сообществе (поскольку состав участников субкультуры по глубине и характеру интереса к данной тематике, как показывают отдельные исследования, неоднороден [Raitanen, Oksanen, 2018]), мы предположили, что вокруг сообщества может быть пул пользователей, в различной степени втянутых в орбиту данной субкультуры без прямого участия в группе. Для проверки этой догадки был проведен сетевой анализ всех друзей участников сообщества и имеющихся связей между ними.

Степень интегрированности участников сетевого сообщества, однородность по интересам

Было обнаружено, что сеть, включающая в себя друзей подписчиков сообщества, посвященного Рослякову, гораздо более обширна: она объединяет 7427 узлов и аккумулирует 210 656 связей. Конечно же, такая сеть гораздо более разнородна по интересам участников и далеко не все ее участники могут проявлять интерес к колумбайновской тематике. Однако если учесть, что в эту сеть входят друзья тех подписчиков, которые через свой аккаунт не скрывают откровенный интерес к скулшутинговой тематике, а также что в среднем на каждого пользователя приходится 56 связей (друзей), следует сделать вывод, что данная сеть

может быть пулом пользователей, в той или иной степени вовлеченных в субкультуру скулшутеров. Этот вывод подтверждает наличие 1,8% заблокированных и удаленных аккаунтов, которые, предположительно, активно распространяли запрещенные материалы.

Что касается внутренней интегрированности такой сети, то ее параметры свидетельствуют о слабой связанности пользователей друг с другом и об отсутствии организационных центров. Плотность сети — менее 1%, коэффициент модульности — 0,59. Эти параметры говорят о слабом пересечении/отсутствии пересечения коммуникативных кругов участников группы. 1030 узлов (13,8% всех узлов сети) полностью изолированы от других узлов или же имеют минимальное количество связей (от 0 до 3). В сети выделяется 12 кластеров, при этом фактически отсутствуют коммуникативные лидеры, связывающие различные кластеры друг с другом.

Таким образом, расширенная сеть участников «Группы памяти о Владе» и их друзей представляет собой довольно разнородную коммуникативную среду, состоящую в массе своей из слабо связанных друг с другом пользователей. Для окончательного подтверждения данного вывода или же возможности его корректировки мы провели еще один этап сетевого анализа, на котором создали топ подписок участников сети после блокировки сообщества. Полученные данные должны были помочь в ответе на ряд вопросов:

а) насколько поведение участников сети консолидировано, перетекают ли они массово в другие скулшутинговые или иные сообщества с девиантным содержанием?

б) какая тематика больше всего интересует участников сети, насколько их интересы общие?

Сбор данных производился по следующей методике. Для верификации релевантности данных топ общих подписок был составлен в трех вариантах, различающихся по охвату аудитории, в которую были включены:

- 1) участники исходного сообщества «Группа памяти о Владе» (133 пользователя);
- 2) участники сообщества и их друзья (7426 пользователей);
- 3) самый крупный кластер расширенной сети (участников сообщества и их друзей) (1533 пользователя).

Помимо этого, для выявления характера перехода (его массовости и согласованности) участников «Группы памяти о Владе» после ее блокировки в другие наиболее близкие по тематике сообщества были составлены перечни подписок (участников исходного сообщества), в которых размер группы составляет менее 1000 человек. Привязка к конкретному размеру сообществ обусловлена предположением о малочисленности колумбайновских сообществ. Как показывает практика мониторинга таких сообществ во «ВКонтакте», по количеству участников, они, как правило, не превышают 1000 человек, а чаще всего это группы в пределах 100 человек. В ранее упомянутых топах подписок такие сообщества могли быть упущены из-за крайне малого количества подписок на них в общей совокупности подписок, среди которых лидируют паблики с более широкой и популярной, как правило развлекательной, тематикой.

Контент-анализ сообществ, вошедших в топ-30 среди участников «Группы памяти о Владе» (см. табл. 2) показал, что пользователей интересует в первую очередь

контент депрессивной и суицидальной направленности, в том числе пропагандирующий эстетику смерти. Количество подписанных в сообществах с подобной тематикой составило 39,7 % от совокупного количества общих подписчиков во всех топ-группах. На второе место вышли развлекательные паблики без депрессивного и деструктивного контента (25,5%), на третье — сообщества с тематикой true crime (паблики, специализирующиеся на изложении информации о фигурах маньяков и историях преступлений серийных убийц) (16,7 %), на четвертом месте — сообщества с шок-контентом — истории и факты, которые вызывают отвращение или ужас, вводят в состояние шока (12,7 %). Также стоит отметить, что небольшое количество общих подписчиков (2%) было обнаружено в паблике о группе KMFDM, музыкальное творчество которой имеет определенную популярность среди скелшутеров [Semenov, Veijalainen, Kuprö, 2010: 258].

Таблица 2. **Топ-30 общих подписок участников сообщества «Группа памяти о Владе» (133 пользователя)**

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
life is peacemaking	264 436	14
/murderous wires	59 857	11
Серийные убийцы маньяки	140 868	11
4ch inc.	5 793 015	10
Леонардо Дай Винчик	10 799 156	10
Criminal Журнал преступлений	86 047	9
кровь на озоновой кости	151 068	9
Мир Маньяков и Серийных Убийц	342 786	9
голубая папка	2 283 008	7
чсв давит	106 421	7
Рифмы и Панчи	4 114 672	7
разве так можно?	265 148	7
1999's	35 199	6
заставь меня хоть что-то почувствовать	109 994	6
poair	71 290	6
причины моего психического расстройства	1 269 990	5
diarasson	38 547	5
FOR THE LAST TIME	54 894	5
ТВОЁ ВПШ	2 304 335	5
GIRL MEMES	2 591 390	5
СТЫД	3 403 981	5
мои дети снова оказались мертвы?	198 684	5
astro geeks	751 153	5
рефлексия наших чувств	1 309 037	5

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
ЗАСТЫДИ И ХВАСТАЙ	2 151 338	5
° * ❖ • ♥. элли не признает, что она больна • °	72 868	5
от тебя тошнит	94 212	5
рв♥та° ❖.	182 185	5
pull back	197 926	5
KMFDM	3 778	5

Топ-30 подписок расширенной сети (включающей друзей участников исходного сообщества) (см. табл. 3) показывает значительно различающуюся с предыдущей картину интересов подписчиков. Это связано, прежде всего, с большим количеством разнородных участников сети, из-за чего в топовые паблики вышли наиболее популярные и массовые. Однако сквозь господствующую массу развлекательных пабликов, не связанных с каким-либо деструктивным контентом, пробивается пара групп с депрессивным контентом (4,9% от совокупного числа общих подписчиков в выборке). К ним относятся «голубая папка» и «причины моего психического расстройства».

Таблица 3. Топ-30 подписок участников сообщества «Группа памяти о Владе» и их друзей (7426 пользователей)

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
Леонардо Дай Винчик	10 815 184	1 168
4ch inc.	5 797 416	808
Овсянка, сэр!	4 746 926	804
MDK	11 461 930	703
Рифмы и Панчи	4 116 731	661
ПОЗОР 14+	4 621 983	627
Бот Максим	5 604 881	595
Команда ВКонтакте	11 027 690	554
СТЫД	3 405 315	479
Я тебя хочу	7 268 872	426
ПРИКОЛЫ Смеяка	11 330 646	423
Бог фотешопа	2 929 246	420
Смейся до слёз: D	11 260 516	412
Новинки Музыки 2020 Лучшая Музыка	17 583 510	408
На Случай Важных Переговоров	3 926 849	396
Арт Бот	3 442 130	379
НЕНОРМАЛЬНО	2 748 666	374
WebM	1 921 771	359
ОРУ, СЭР!	2 210 437	357

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
Музыка ВКонтакте	4 918 296	356
ЩЕБЕСТАН	1 892 416	355
Комментатор от Бога	2 285 759	353
ТВОЁ ВПШ	2 306 443	350
КиноКайф — Лучшие фильмы	11 798 665	349
MORGENSHTERN	1 751 344	349
голубая папка	2 282 738	349
NR.Music	5 260 288	341
Корпорация зла	8 252 767	338
причины моего психического расстройства	1 269 208	319
Vine Video	6 129 208	315

При сужении анализируемой аудитории, ограниченной только одним самым крупным кластером расширенной сети, картина снова меняется в сторону увеличения пабликов с девиантным контентом (см. табл. 4).

Таблица 4. **Топ-30 подписок участников самого крупного кластера сообщества «Группа памяти о Владе» и их друзей (1553 пользователя)**

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
Леонардо Дай Винчик	10 815 322	207
4ch inc.	5 797 402	178
Овсянка, сэр!	4 746 942	147
Рифмы и Панчи	4 116 764	121
MDK	11 462 045	120
ПОЗОР 14+	4 621 995	115
Бот Максим	5 604 925	115
Мир Маньяков и Серийных Убийц	3 42 727	113
голубая папка	2 282 727	112
СТЫД	3 405 753	107
ТВОЁ ВПШ	2 306 465	101
причины моего психического расстройства	1 269 203	100
Команда ВКонтакте	11 027 703	95
Комментатор от Бога	2 285 751	88
рефлексия наших чувств	1 308 772	88
Френдзона	1 131 585	87
WebM	1 921 784	85
life is peacemaking	264 723	84
НЕНОРМАЛЬНО	2 748 663	84
Бог фотшопа	2 929 232	83

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
ОРУ, СЭР!	2 210 384	78
GIRL MEMES	2 590 601	78
Дэд пейдж	680 499	76
Хочу признаться	1 013 412	74
На Случай Важных Переговоров	3 926 852	73
Анонимный чат ВКонтакте	1 181 195	73
АГРЕССИВНЫЕ НА*** МЕМЫ!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!	435 656	70
Че	1 953 729	70
Арт Бот	3 442 116	69
Отбросы этого поколения	1 520 605	67

Паблики с депрессивным содержанием в таблице 4 составляют 9,5% от совокупного количества общих подписчиков. К этой доле следует добавить 6,4% общих подписчиков, интересующихся тематикой true crime, и в итоге получаем почти 16% подписчиков, увлеченных деструктивной девиантной тематикой. Также можно отметить интерес у 2,8% подписчиков к шок-контенту, то есть тематике, близкой девиантному контенту, но в данном исследовании в него не включенной.

В представленных ниже таблицах 5 и 6 отображены подписки и общее количество подписанных участников на родственные виртуальные девиантные сообщества, также транслирующие колумбайновскую субкультуру. Среди них — 29 заблокированных и 9 функционирующих пабликов. Основная масса пабликов аккумулирует только по одному общему с исходным сообществом подписчику.

Таблица 5. Подписки участников сообщества «Группа памяти о Владе» — группы до 1000 участников, заблокированные (выборка колумбайновских пабликов)

Наименование сообщества	Количество общих участников
esthetic columbine	4
We are trenchcoat mafia 2.0	3
апрельский натурал эрекшн	3
Columbine	2
one day in april	2
сохры клмб	2
true crime	2
Храм колумбайнера 0.2	1
Клуб любителей Ярика	1
Владислав Росляков инфач	1
христофор КОЛУМБiner	1
april'99	1
Columbine	1

Наименование сообщества	Количество общих участников
Рубимся в DOOM Колумбайн	1
Columbine Pizzeria	1
Храм Колумбайнера 0.3	1
Natural Selection	1
Оффники колумбайна	1
Trenchcoat mafia	1
не колумбайн	1
Трахи с Яриком и Данилой	1
Рубимся в DOOM Колумбайн	1
Резерв	1
Вратх	1
История двух мальчиков которые ВЗОРВАЛИ школу	1
клуб фанатов ирино444ки яровой\\тайное общество	1
капец!!!! да это резерв и что	1
Vodkareb	1
черный вратх	1

Таблица 6. Подписки участников сообщества «Группа памяти о Владе» — группы до 1000 участников, действующие (выборка колумбайновских пабликов)

Наименование сообщества	Всего участников	Количество общих участников
Даблваниш	23	2
Kdkjzjzjnsbz	29	2
True Crime Shop	1	1
Columbine veterans	19	1
фсб прив третий раз))	22	1
.natural selection.	23	1
Фан группа Яровой	26	1
Ненависть	33	1
КЕРЧЕНСКИЕ ПРОСТИТУТКИ 2.0	39	1

Обсуждение полученных данных

Все незакрытые сообщества «выжили» в условиях цензурных ограничений по той причине, что они в основном представляют собой неактивные, не заполненные контентом, как правило, резервные паблики, которые по каким-то причинам были оставлены своими администраторами в таком состоянии. Они идентифицируются в качестве колумбайновских сообществ по некоторым косвенным признакам — соответствующего содержания дисклеймеров и составу участников

(с характерными никами и статусами). К примеру, паблик с названием «ненависть» имеет дисклеймер следующего содержания: «сообщество не пропагандирует экстремизм, только ненависть». При этом администратор представлен аватаркой, где изображен человек в балаклаве и военном камуфляже с автоматом.

Единственное функционирующее сообщество и одновременно самое большое среди незаблокированных колумбайновских пабликов («Columbine veterans») объединяет 39 участников и содержит 288 записей (по состоянию на 14 июля 2020 г.). В нем, как и в других колумбайн-сообществах отсутствуют какие-либо прямые призывы к насилию и открытая моральная апология актов скулшутинга. Весь его контент сводится к ленте мемов, созданных путем извлечения отдельных образов из манги разных жанров, объединенных единими тематическими мотивами: это шокирующие образы насилия и убийств, искалеченных трупов, зомби и монструозных существ, переплетающиеся с сексуальными образами.

Результаты анализа подписок участников исходного сообщества и их друзей показали, что после блокировки паблика его участники массового не перешли в какое-либо другое вновь созданное или уже функционирующее сообщество (или несколько сообществ). В таблицах 5 и 6 обнаруживается большое количество колумбайновских пабликов, большая часть из которых уже заблокирована из-за нарушения правил социальной сети. Анализ подписок на данные сообщества показал, что общих подписчиков в новых сообществах практически нет. Другими словами, многие участники исходного сообщества перешли в другие колумбайновские группы, но поодиночке. Это означает отсутствие координации поведения пользователей «Группы памяти о Владе» из какого-либо одного или нескольких центров.

При этом тематические интересы исходного сообщества более консолидированы, нежели интересы расширенной сети, включающей в себя друзей участников сообщества. Участники «Группы памяти о Владе» в большей степени интересуются девиантным контентом: 56,4% от общего количества пользователей сообщества подписаны на другие девиантные сообщества, тогда как в случае расширенной сети это только почти 5%, а в самом крупном кластере этой сети — 16%. При этом тематика девиантного контента во многом совпадает во всех трех сетевых аудиториях: преимущественный интерес вызывают паблики с депрессивной (а в случае исходного сообщества также и суицидальной тематикой) и тематикой true crime.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в российских социальных сетях обнаруживаются признаки, свидетельствующие о тенденции формирования и распространения собственной онлайн-субкультуры, связанной с интересом к скулшутингу. Анализ одного из фанатских сообществ во «ВКонтакте», посвященных Рослякову, показывает наложение российских реалий на компоненты глобальной онлайн-субкультуры, привязанной к тематике Колумбайна. Интерес к исполнителям атак Колумбайна в «Группе памяти о Владе» замещается «культуром» Рослякова как наиболее резонансной местной фигурой школьного стрелка (эта тенденция в российских социальных сетях впервые была зафиксирована Я. Амелиной [Амелина, 2019: 91—97]). При этом характер коммуникации, су-

ществующий в изученном сообществе, схож с другими примерами зарубежных онлайн-сообществ фанатов школьных стрелков.

Социально-сетевой анализ сообщества, посвященного Рослякову, был задуман как пилотная часть более обширного исследования — анализа 18 сообществ девиантных виртуальных сообществ скулшутеровской и депрессивно-суицидальной тематики, итоги которого в ближайшее время будут подведены и отражены в будущих публикациях нашего коллектива. Поэтому результаты и выводы данного исследования носят ограниченный и предварительный характер.

Как показывают полученные данные, участники рассмотренной сети — пользователи с девиантными интересами с довольно широким кругом онлайн-общения, при этом остающиеся во многом одиночками. Этот противоречивый на первый взгляд вывод необходимо объяснить более детально.

Что касается широты коммуникативного пространства, здесь следует отметить, что в случае «Группы памяти о Владе» онлайн-субкультура скулшутеров выходит за рамки формального членства в виртуальном сообществе, так как среди ближайших друзей участников обнаруживаются сотни, а возможно, и тысячи пользователей, которые в разной степени приобщены к скулшутеровской или родственным девиантным онлайн-субкультурам. Так что малочисленность сообщества обманчива, поскольку в действительности его потенциальная социальная база, вероятно, более значительна и может в десятки раз превышать количество действующих подписчиков.

Другое утверждение в вышеприведенном выводе (об одиночестве участников скулшутеровского сообщества) означает, что пользователи с девиантными интересами крайне слабо интегрированы и имеют слабые связи с большинством других подписчиков сообщества. Среди них не обнаруживаются организационные центры и их поведение в сети вряд ли каким-либо образом массово координируется. Об этом свидетельствуют основные сетевые характеристики «Группы памяти о Владе» и результаты анализа топов подписок участников сообщества и расширенной сети (состоящей из участников сообщества и их друзей). Эти результаты показали, что участники сообщества после его блокировки не переместились массово в какое-то одно или несколько родственных сообществ.

Насколько представленные выводы адекватны в случае других виртуальных групп скулшутеров, также малочисленных (периодически обнаруживаемые в ходе мониторинга паблики в среднем аккумулируют не более 100 человек), можно будет сказать после завершения следующих этапов нашего исследования девиантных сообществ в социальной сети «ВКонтакте».

Список литературы (References)

Амелина Я. А. Бенефис ненависти. Как «колумбайнеры» и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи. М.: Издатель А. В. Воробьев.

Amelina Ya. A. (2019) Hatred Benefice. How 'Columbiners' and the Kerch Killer Vladislav Roslyakov Became 'Heroes' for Russian Destructive Youth. Moscow: Publisher A. V. Vorob'yov. (In Russ.)

Касперская Н. Проблема деструктивных движений в Рунете. 28.03.2019. URL: https://tagileparhiya.ru/wp-content/uploads/2019/12/forum_tsg_kasperskaya_destruktivnye_techenia_28_03_2019.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

Kasperskaya N. (2019) The Problem of Destructive Movements in Runet. https://tagileparhiya.ru/wp-content/uploads/2019/12/forum_tsg_kasperskaya_destruktivnye_techenia_28_03_2019.pdf. (accessed: 15.08.2021). (In Russ.)

Мацута В. В., Мундриевская Ю. О., Сербина Г. Н., Мищенко Е. С. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скул-шутинга) // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 2. С. 90—101. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3763848>.

Matsuta V. V., Mundryevskaya Y. O., Serbina G. N., Mischenko E. S. (2020) Analysis of the Text Content of Deviant Online Communities (on the Example of School Shooting Communities). *Humanitarian Scientific Bulletin*. No. 2. P. 90—101. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3763848>. (In Russ.)

Appelbaum P. S. (2013) Public Safety, Mental Disorders, and Guns. *JAMA Psychiatry*. Vol. 70. No. 6. P. 565—566. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2013.315>.

Bryant C. D. (ed.) (2011) *The Routledge Handbook of Deviant Behaviour*. London, New York, NY: Routledge.

Coletto M., Aiello L. M., Lucchese C., Silvestri F. (2016) On the Behaviour of Deviant Communities in Online Social Networks. In: *10th International AAAI Conference on Web and Social Media (ICWSM-16)*. Cologne, Germany. 17—20 May 2016. URL: <https://www.cnr.it/en/focus/074-33/deviant-communities-in-social-media> (accessed 25.08.2021).

Gius M. (2018) The Effects of State and Federal Gun Control Laws on School Shootings. *Applied Economics Letters*. Vol. 25. No. 5. P. 317—320. <https://doi.org/10.1080/13504851.2017.1319555>.

Heitmeyer W., Böckler N., Seeger T. (2013) Social Disintegration, Loss of Control, and School Shootings. In: Böckler N., Seeger T., Sitzer P., Heitmeyer W. (eds.) *School Shootings: International Research, Case Studies, and Concepts for Prevention*. New York, NY: Springer Science+Business Media. P. 27—54.

Jetter M., Walker J. K. (2018) The Effect of Media Coverage on Mass Shootings. IZA DP. No. 11900. Bonn: IZA — Institute of Labor Economics. URL: <http://ftp.iza.org/dp11900.pdf> (accessed 25.08.2021).

Knoll IV J. L., Annas G. D. (2016) Mass Shootings and Mental Illness. In: Gold L. H., Simon R. I. (eds.) *Gun Violence and Mental Illness*. Arlington, VA: American Psychiatric Association. P. 81—104.

Langman P. (2009) *Why Kids Kill: Inside the Minds of School Shooters*. New York, NY: Palgrave Macmillan.

Langman P. (2015) *School Shooters. Understanding High School, College, and Adult Perpetrators*. London: Rowman & Littlefield.

- Lee K. J. (2018) Social Media's Influence on Frequency of Incidents. *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. Vol. 9. No. 2. P. 27—35.
- Levin J., Madfis E. (2009) Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*. Vol. 52. No. 9. P. 1227—1245.
- Lindgren S. (2010) YouTube Gunmen? Mapping Participatory Media Discourse on School Shooting Videos. *Media, Culture & Society*. Vol. 33. No. 1. P. 1—14.
- Luca M., Malhotra D., Poliquin C. (2020) The Impact of Mass Shootings on Gun Policy. *Journal of Public Economics*. Vol. 181. Art. 104083. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2019.104083>.
- Metzl J. M., MacLeish K.T. (2015) Mental Illness, Mass Shootings, and the Politics of American Firearms. *American Journal of Public Health*. Vol. 105. No. 2. P. 240—249.
- Muschert G. W., Carr D. (2006) Media Salience and Frame Changing Across Events: Coverage of Nine School Shootings, 1997—2001. *J&MC Quarterly*. Vol. 83. No. 4. P. 747—766.
- Newman K.S., Fox C., Harding D., Mehta J., Roth W. (2004) Rampage: The Social Roots of School Shootings. New York: Basic Books.
- Oksanen A., Hawdon J., Räsänen P. (2014) Glamorizing Rampage Online: School Shooting Fan Communities on YouTube. *Technology in Society*. Vol. 39. P. 55—67. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2014.08.001>.
- Paton N., Figeac J. (2015) Muddled Boundaries of Digital Shrines. *Popular Communication*. Vol. 14. No. 1. P. 251—271. <https://doi.org/10.1080/15405702.2015.1019072>.
- Raitanen J., Oksanen A. (2018) Global Online Subculture Surrounding School Shootings. *American Behavioral Scientist*. Vol. 62. No. 2. P. 195—209.
- Peshkovskaya A., Mundryevskaya Y., Serbina G., Matsuta V., Goiko V., Feshchenko A. (2021) Followers of School Shooting Online Communities in Russia: Age, Gender, Anonymity and Regulations. In: Arai K., Kapoor S., Bhatia R. (eds.) *Intelligent Systems and Applications. IntelliSys 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 1252. Springer, Cham. P. 713—716. https://doi.org/10.1007/978-3-030-55190-2_58.
- Peshkovskaya A., Myagkov M. (2020) Eye Gaze Patterns of Decision Process in Prosocial Behavior. *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. Vol. 14. 525087. <https://doi.org/10.3389/fnbeh.2020.525087>.
- Peshkovskaya A., Babkina T., Myagkov, M. (2018) Social Context Reveals Gender Differences in Cooperative Behavior. *Journal of Bioeconomics*. Vol. 20. P. 213—225. <https://doi.org/10.1007/s10818-018-9271-5>.
- Peshkovskaya A., Babkina T., Myagkov M. (2019) Gender Effects and Cooperation in Collective Action: A Laboratory Experiment. *Rationality and Society*. Vol. 31. No. 3. P. 337—353. <https://doi.org/10.1177/1043463119858788>.

Scheithauer H., Hayer T., Petermann F., Jugert G. (2006) Physical, Verbal and Relational Forms of Bullying Among Students From Germany: Gender-, Age-differences and Correlates. *Aggressive Behavior*. Vol. 32. No. 3. P. 261—275.

Semenov A., Veijalainen J., Kyppö J. (2010) Analysing the Presence of School-shooting Related Communities at Social Media Sites. *International Journal of Multimedia Intelligence and Security*. Vol. 1. No. 3. P. 232—268. <http://dx.doi.org/10.1504/IJMIS.2010.037540>.

Shibutani T. (2009) *Society and Personality: An Interactionist Approach to Social Psychology*. New Brunswick, London: Transaction Publishers.

Shildkraut J., Elsass H. J., Meredith K. (2018) Mass Shootings and the Media: Why All Events are not Created Equal. *Journal of Crime and Justice*. Vol. 41. No. 3. P. 223—243.

Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. (2014) Bullying, Romantic Rejection, and Conflicts with Teachers: The Crucial Role of Social Dynamics in the Development of School Shootings — A Systematic Review. *International Journal of Developmental Science*. No. 8. P. 3—24.

Sumiala J. (2011) Circulating Communities Online: The Case of the Kauhajoki School Shootings. *M/C Journal*. Vol. 14. No. 2. <https://doi.org/10.5204/mcj.321>.

Sumiala J., Tikka M. (2010) 'Web First' to Death: The Media Logic of the School Shootings in the Era of Uncertainty. *Nordicom Review*. Vol. 31. No. 2. P. 17—29.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1908](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1908)

О. Е. Акимова, С. К. Волков, Е. Г. Ефимов

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ОЦЕНКА МНЕНИЙ ЦЕНТЕНИАЛОВ

Правильная ссылка на статью:

Акимова О. Е., Волков С. К., Ефимов Е. Г. Привлекательность российских территорий: оценка мнений центениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 384—404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1908>.

For citation:

Akimova O. E., Volkov S. K., Efimov E. G. (2021) The Appeal of Russian Regions: Views of the Generation Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 384–404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1908>. (In Russ.)

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: ОЦЕНКА МНЕНИЙ ЦЕНТЕНИАЛОВ

АКИМОВА Ольга Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

E-MAIL: akimovann25@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6967-7608>

ВОЛКОВ Сергей Константинович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и предпринимательство», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

E-MAIL: ambiente2@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4852-145X>

ЕФИМОВ Евгений Геннадиевич — доктор социологических наук, профессор кафедры «История, культура и социология», Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия

E-MAIL: ez07@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1843-7449>

Аннотация. Статья посвящена выявлению факторов привлекательности российских территорий как места проживания с позиции поколения центениалов. Эмпирической базой исследования выступают данные опроса, проведенного методом онлайн-анкетирования в июле и августе 2020 г. среди студентов шести вузов Волгограда ($N=974$). Подбор респондентов осуществлялся методом неслучайной выборки («снежного кома»). Средний возраст опрошенных составил 19 лет, что позволяет рассматривать их как представителей поколения центе-

THE APPEAL OF RUSSIAN REGIONS: VIEWS OF THE GENERATION Z

Olga E. AKIMOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economy and Entrepreneurship

E-MAIL: akimovann25@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6967-7608>

Sergei K. VOLKOV¹ — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor at the Department of Economy and Entrepreneurship

E-MAIL: ambiente2@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4852-145X>

Evgeni G. EFIMOV¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor at the Department of History, Culture and Sociology

E-MAIL: ez07@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1843-7449>

¹ Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article focuses on identifying factors of attractiveness of Russian territories as a place of residence from the standpoint of the generation Z. The empirical basis of the study is an online survey conducted in July–August 2020 among students of six Volgograd universities ($N=974$). All the respondents belong to generation Z (average age 19) and were selected by the method of non-random sampling (“snowball”). The participants of the study had to choose the priority factors (based on the author's model) that make certain territories attractive for living.

ниалов. Респондентам предлагалось выбрать приоритетные факторы привлекательности территорий из предложенных в авторской модели.

Главным фактором привлекательности для опрошенных стал экономический (уровень заработной платы, трудоустройство и т.д.). Другими факторами в порядке убывания были названы: социальный, географический, культурно-досуговый, технологический и политический. В качестве рекомендаций авторы, с опорой на примеры зарубежного опыта, делают акцент на возможность стимулирования развития городской среды по ряду показателей для удержания молодежи (проактивная образовательная модель, развитие «креативных» отраслей экономики, формирование чистой экосистемы). Подчеркивается системный характер эффектов реформирования проблемных сфер, возможность стимулирования молодежи к региональной оседлости через создание комфортной городской среды.

Ключевые слова: региональное развитие, факторы привлекательности территории, теория поколений, миграция населения, города

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-18-00271 «Логика, институты и стратегии развития «сжимающихся» старопромышленных городов: синтез гетеродоксальных подходов».

According to the results, the main factor of attractiveness is the economic one (the level of wages, employment, etc.). Other factors which were named are the following (in descending order): social, geographic, cultural and leisure, technological and political. In conclusion, the authors give recommendations on stimulating the development of the urban environment to attract and retain young people (a proactive educational model, “creative” sectors of the economy, healthy ecosystem). The authors emphasize the importance of a comfortable urban environment to stimulate young people to settle in the region and point out that reforms in problematic areas have effects of systemic nature.

Keywords: regional development, factors of territory attractiveness, theory of generations, cities, human migration

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00271 “Logic, institutions and strategies of ‘shrinking’ former industrial cities: the synthesis of heterodox approaches”.

Введение

Перед большинством российских регионов и их руководителями остро стоит вопрос о привлечении дополнительных ресурсов развития, прежде всего человеческих. Данное обстоятельство обостряется отрицательной динамикой прироста населения [Рыбаковский, 2018], оттоком населения [Шагалкина и др., 2019; Ионцев, Рязанцев, Ионцева, 2016], дефицитным бюджетом [Поварова, 2017] и ограничениями внешней среды развития [Оборин, 2018; Климанов, Варданян, 2019]. Вымывание человеческого капитала из регионов не только грозит социально-экономическими проблемами развития субъектов РФ, но и с точки зрения национальной безопасности представляет серьезный геополитический вызов целостности страны.

Дополнительную актуальность проблеме оттока населения из регионов придает тот факт, что по итогу 2019 г. Росстат обнародовал статистику об уменьшении численности постоянного населения в российских регионах. Лидеры по убыли населения — Саратовская область (19 тыс. человек), Омская область (17,6 тыс.), Кемеровская область (16,5 тыс.), Волгоградская область (15,8 тыс.) и Алтайский край (15,8 тыс.)¹. Несмотря на то, что тенденция сокращения численности населения в данных регионах прослеживается уже давно, федеральная власть только сейчас начала предпринимать шаги по выявлению причин данных процессов. Так, в Государственной думе под руководством А. В. Жукова, первого заместителя председателя ГД, была создана рабочая группа по изучению неблагоприятной демографической ситуации в названных регионах РФ и выработке мер по ее улучшению. Регионов, лидирующих по убыли молодежи, гораздо больше. По данным Росстата, к их числу можно отнести Башкортан и Татарстан, Удмуртскую Республику, Тюменскую, Челябинскую, Архангельскую, Кировскую, Нижегородскую, Свердловскую, Саратовскую, Волгоградскую, Ростовскую области, Пермский и Краснодарский край². Этот факт, по мнению авторов настоящего исследования, может свидетельствовать о том, что ситуация достигла критического состояния и нуждается в срочном решении, а также о том, что исследования по изучению факторов, причин и тенденций оттока населения приобретают особую актуальность в разрезе отдельных регионов и даже конкретных поселений. Особую значимость приобретает оценка мнений центениалов, которые, согласно теории поколений, пришли на смену миллениалам. Немногочисленные исследования центениалов говорят о том, что данное поколение существенно отличается от всех предыдущих [Карпан, 2020], и это необходимо учитывать при разработке стратегии улучшения демографической ситуации и сокращения оттока населения.

Целью настоящего исследования является выявление факторов привлекательности российских территорий как места проживания с позиции поколения центениалов и выработка возможных рекомендаций для органов государственной власти с целью разработки проактивных стратегий пространственного развития. Исследование проводилось на примере Волгограда (город-миллионник).

¹ Росстат назвал регионы-лидеры по убыли населения // РИА Новости. 2020. 2 февраля. URL: <https://ria.ru/20200202/1564165411.html> (дата обращения: 26.08.2021).

² Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // Витрина статистических данных. 2018—2020. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278006/> (дата обращения: 26.08.2021).

Генезис теории поколений

Теория поколений имеет давнюю историю. Как и во многих других теориях, в ней выделяются количественный и качественный подходы. Основоположителем количественного подхода можно назвать Огюста Конта, который предлагал измерять историческую действительность интервалами в 15, 25, 30 лет с позиции отдельных периодов жизни семьи [Конт, 2012]. Основоположителями качественной теории принято считать немецкого философа Вильгельма Дильтея [Dilthey, 1924] и немецкого социолога Карла Мангейма. В 1928 г. Карл Мангейм впервые в своем эссе «Проблема поколений» рассмотрел поколение как социологический феномен. Он дал определение термину «поколение», а также выявил, что значимые исторические события или социально-историческая среда формируют опыт молодежи, который определяет их жизненную мотивацию, нравственные ценности и поступки. Поколение определяется им как слой людей, сходство которых в большой мере обусловлено сходством жизненного опыта [Мангейм, 1998: 16]. Впоследствии испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет доказал, что поколенческие структуры крайне важны, поскольку общепринятые традиции определенных поколений выступают как главная сила, ограничивающая человеческий выбор [Ортега-и-Гассет, 2002].

В 1991 г. появилось исследование Уильяма Штрауса и Нила Хоува «Поколения» («Generations»), в котором описывались поколенческие циклы США, начиная с XV века [Strauss, Howe, 1991]. С позиции исторических событий авторы выделили архетипы, соответствующие каждой эпохе, а также представили свое определение термина «поколение». В цикле «Миллениума» ими было выделено четыре поколения: бэби-бумеры, поколение X, поколение Y, поколение Z [ibid.]. Несмотря на критику данной теории, она получила распространение во многих странах мира, была проверена в ЮАР, в европейских и азиатских странах, России и доказала свою универсальность.

В России социологическое изучение поколений с помощью глубинных биографических полуструктурированных интервью началось в 1990 г. в Институте социологии РАН в рамках проекта «Век социальной мобильности в России», результаты которого были отражены лишь в 1996 г. в работе В. Семенов и Е. Фотеевой «Судьбы людей: Россия XX век: биографии семей как объект социологического исследования» [Семенова, Фотеева, 1996]. Впоследствии В. Семенова продолжила изучение последнего советского поколения, что нашло отражение в исследовании «Социальная динамика поколений: проблема и реальность» [Семенова, 2009].

Первое масштабное исследование поколения «бэби-бумеров» было проведено антропологом Алексеем Юрчаком [Yurchak, 2006], позже работы в данном направлении были продолжены социологом Михаилом Анипкиным [Анипкин, 2018]. О значимости поколенческой истории России неоднократно писал Теодор Шанин, профессор Московской высшей школы социальных и экономических наук. Ученый утверждал, что «есть периоды, когда важность поколенческого разделения общества резко увеличивается. Так, во время кризисов вопрос о разнице между поколениями становится центральным <...>. Без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и влияния поколенчества

на наше понимание истории и на историю нельзя понять многое из происходящего» [Шанин, 2005: 10—11].

В настоящее время в России запущен проект «Теория поколений в России — Regenerations», координатором которого выступает Евгения Шамис. В его рамках проводятся различные исследования поколений X, Y и Z с позиции маркетинга, рекламы, выявления портрета потребителя и сотрудника, возможности управления поколениями и т. д. [Шамис, Никонов, 2017].

Стоит отметить, что во многих зарубежных исследованиях поколений перво-степенное внимание уделяется историческому, социальному и поведенческому аспектам. Ученых прежде всего интересует, какие исторические события способствовали формированию поколений, каковы их ценности, мотивация, особенности поведения, восприятия и анализа информации [Miller, 2011; Aanestad, 1993]. В России, в отличие от западных стран, данные исследований о поколениях используются не только в научных, но и в практических целях: в маркетинге, образовании, работе с персоналом. Большое число статей посвящено управлению персоналом и его мотивации, технологиям и особенностям ведения образовательного процесса в контексте теории поколений [Радаев, 2019; Кириллова, Гусева, 2015; Асташова, 2014; Ueberwimmer, Blyznuuk, 2016]. Многие компании разрабатывают и внедряют различные технологии подбора персонала в зависимости от принадлежности к тому или иному поколению.

В научной среде в последнее время развернулась активная дискуссия относительно определения поколения центениалов. Так, Марина Мирошкина полагает, что смена поколений в России носит дискретный характер. Представителей поколения Z, родившихся в интервале с 2004 по 2024 г., она называет цифровым поколением, или поколением Путина [Мирошкина, 2017]. Алексей Юрчак полагает, что «цифровое поколение» — это поколение периода 2000—2020 гг., рожденное во времена развития цифровых технологий, что обуславливает совершенно иные условия социализации, становления личности и взаимодействия с миром, неразрывно связанные с интернетом [Юрчак, 2014]. По мнению Валерии Захаровой, «поколение Z в России гораздо больше соотносится с поколением Z в других странах. Если для поколения X в нашей стране были присущи яркие особенности, вызванные глобальной исторической переменой — развалом СССР, то для Z всеохватывающее влияние интернета характерно и для нашей страны, и для мира в целом» [Захарова, 2019: 53]. В российских реалиях поколению Z (центениалам) соответствует молодежь, родившаяся в 2000—2020 гг. Это поколение, которое «рождается в период кризиса, когда общая угроза стирает некоторые социальные и политические противоречия, но создает высокую степень объединения общества, агрессивные государственные институты и этику самопожертвования» [Ожиганова, 2015: 94].

В последнее время все большее число исследователей интересуют вопросы зависимости цифрового поколения от цифровых технологий, социальных сетей и медиа [Цымбаленко, Макеев, 2015; Лapidус, Гостилович, Омарова, 2020], а также вопросы обучения цифрового поколения — каковы особенности преподавания современным студентам, каким образом они делают выбор в пользу того или иного учебного заведения, что определяет их выбор. Например, исследование Марины

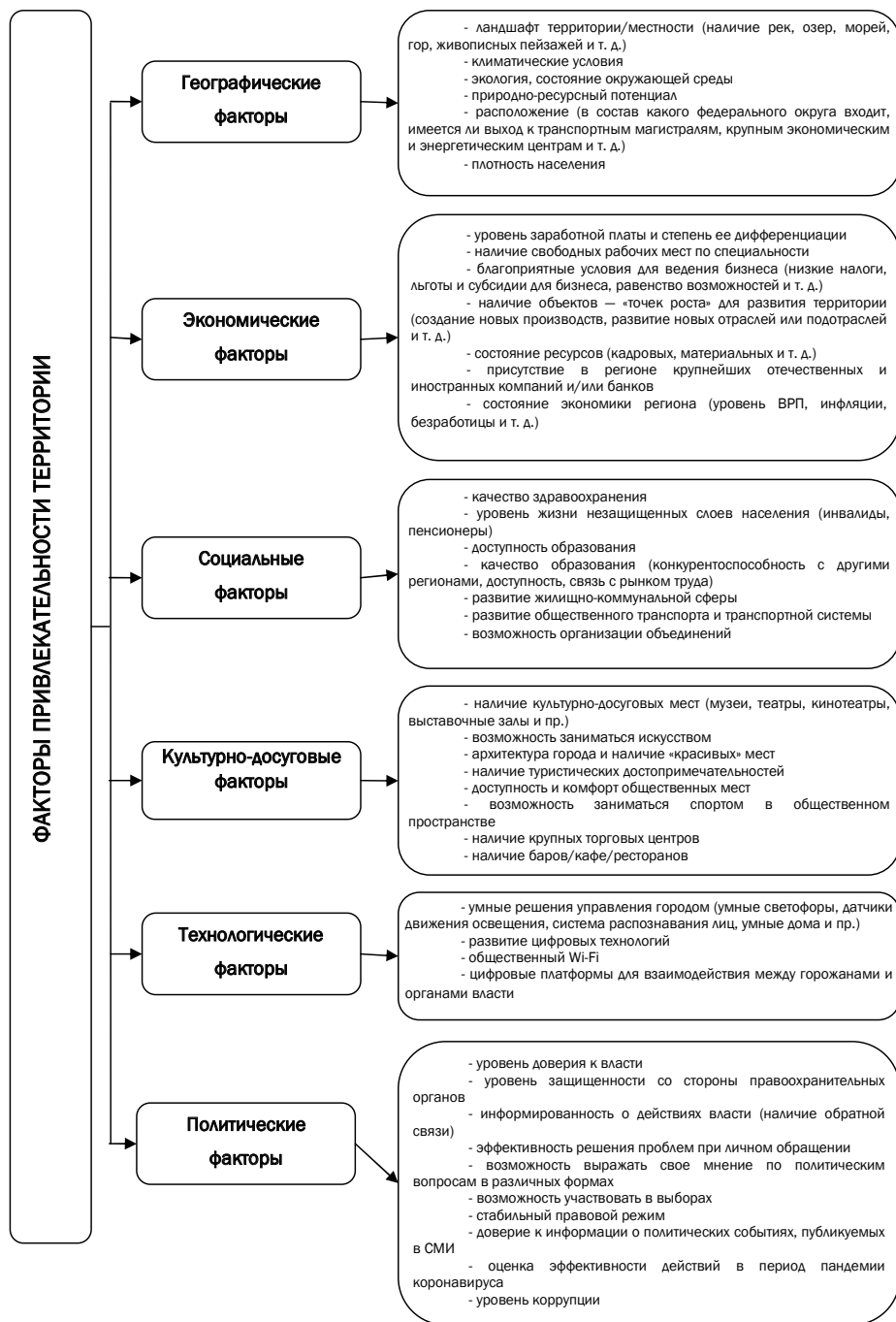
Воробьевой подчеркивает значимость новых образовательных технологий в процессе обучения: представители цифрового поколения хотели бы сосредоточиться на творчестве в классе, им важна креативность, они учатся лучше, когда вовлечены в процесс создания чего-то нового, когда они чувствуют сопричастность [Воробьева, 2019: 110]. Ряд ученых пытались составить портрет абитуриента и студента поколения Z, а также определить механизм работы преподавателей с представителями цифрового поколения [Коатс, 2011; Ярмак, Дерюгин, 2019; Горшков, Шереги, 2010; Захарова, 2019].

При этом практически ни одно из исследований не затрагивает особенностей экономического развития территорий с позиции теории поколений, особенно с учетом мнения центениалов. Из всего многообразия современных научных работ можно выделить как минимум две затрагивающие проблемы миграции населения, в том числе молодежи, из провинциальных городов. М. Гильтман, В. Пить, М. Батырева и Е. Сумик из Тюменского государственного университета провели эмпирический анализ отношения занятых в возрасте 24—64 года к городам их проживания, который показал наличие прямой связи между этим отношением и удовлетворенностью такими характеристиками, как развитые архитектура и градостроительство, эффективная система управления городом, хорошие ландшафты и озеленение [Гильтман и др., 2020]. Однако данное исследование затрагивало занятое взрослое население, а характеристики привлекательности не были сведены в обобщающие группы. Второе исследование, проведенное А. Одинцовым, А. Шипициным и А. Марченко из Волгоградского государственного социально-педагогического университета, направлено на выявление причин и тенденций центростремительной миграции молодежи из российской провинции [Одинцов, Шипицин, Марченко, 2020]. Однако в данной работе нет фокуса на исследовании именно центениалов, а респонденты самостоятельно оценивали Волгоград в сравнении с другими регионами, то есть объединенные факторы привлекательности не выявлялись. Безусловно, оба эти исследования в той или иной степени представляют интерес для нашей работы, однако нам хотелось бы понять, что привлекает именно центениалов в месте их проживания, какие факторы привлекательности территории наиболее значимы для них, насколько часто они меняют место жительства, какие сферы экономической деятельности получают свое развитие при поколении Z, как следует менять экономическую инфраструктуру и т. д.

Методология исследования

Анализ отечественных работ по выявлению причин привлекательности регионов выявил гипертрофированный интерес исследователей к вопросам их инвестиционной привлекательности [Сафиуллин, 2009; Мякшин, 2014; Емельянова, Харчикова, 2019] в ущерб выявлению и обоснованию факторов, способствующих удержанию местного населения и привлечению новых жителей. В этой связи мы выделили шесть групп факторов привлекательности территории с позиции населения: географические, экономические, социальные, культурно-досуговые, технологические и политические (см. рис. 1). Каждый из этих факторов включал в себя ряд базовых характеристик (подфакторов).

Рис. 1. **Факторы привлекательности территории**

Далее мы провели социологическое исследование с целью выявления наиболее значимых факторов привлекательности российских территорий как места проживания с позиции поколения центениалов. Сбор данных проводился методом анкетирования в период с 8 июля по 11 августа 2020 г. Опрос был анонимным, использовалась онлайн-анкета, созданная на платформе «Яндекс. Формы» (<https://yandex.ru/forms/>). Выбор формата опроса был обусловлен невозможностью проведения очных встреч и бесед с респондентами в силу неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной пандемией коронавируса. Важность изучения учащихся вузов как потенциально значимой силы в развитии региона и необходимость апробации новых подходов к исследованию поколения центениалов определили выбор студентов-центениалов в качестве объекта нашего исследования. Рекрутинг респондентов проводился через информирование учащихся сотрудниками вузов по каналам электронной коммуникации (почта, мессенджеры). В опросе приняли участие 974 студента из шести вузов города: Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ), Волгоградский государственный университет (ВолГУ), Волгоградский государственный социально-педагогический университет (ВГСПУ), Волгоградский государственный аграрный университет (ВолГГАУ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ). Географическая принадлежность студентов включала жителей Волгоградской области (из Волгограда, городов областного значения — Волжский, Камышин, Михайловка и др., сел и хуторов), а также, в единичных случаях, обучающихся в волгоградских вузах иностранных студентов и учащихся из других российских регионов (Москва, Астрахань и т. д.). В исследовании использовалась неслучайная выборка (метод «снежного кома»). Социально демографический состав был представлен следующими показателями: мужчины — 564, женщины — 412; бакалавры — 736, специалитет — 176, магистранты — 64; средний возраст респондентов — 19 лет. Задача репрезентативности выборки не ставилась. Результаты исследования могут распространяться только на выборочную совокупность и использоваться как справочные.

Результаты исследования

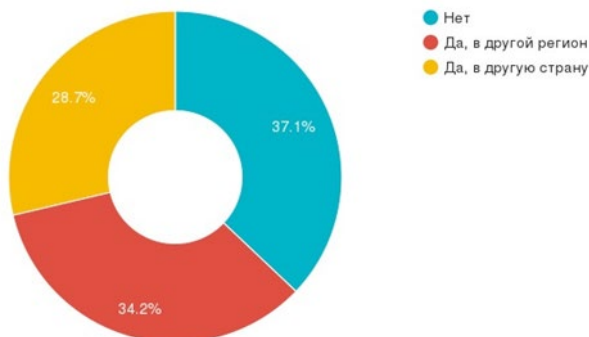
В анкете, помимо паспортной части, были представлены два блока вопросов. Первый включал переменные, оценивающие мобильность центениалов, их готовность к смене места проживания. Данный блок содержал открытые вопросы, в которых респондентам предлагалось назвать предпочтительные варианты эмиграции. Он также включал вопросы о миграции в сельскую местность, где в случае утвердительного или отрицательного ответа предлагалось указать причины сделанного выбора. Ответы на открытые вопросы анализировались через подсчет слов в общем массиве ответов респондентов. Во втором блоке вопросов респондентам нужно было ранжировать по степени важности предложенные авторами факторы привлекательности территории.

Опрос показал, что все центениалы являются активными пользователями интернета — 96,4% пользуются им ежедневно. Это соответствует как отечественным, так и западным характеристикам данного поколения [Rue, 2018]. При этом, несмо-

тря на общий рост в последние годы востребованности интернета у всех возрастных групп³, согласно опросу Фонда «Общественное мнение», молодежь использует его активнее, в том числе для доставки готовой еды, продуктов и товаров⁴.

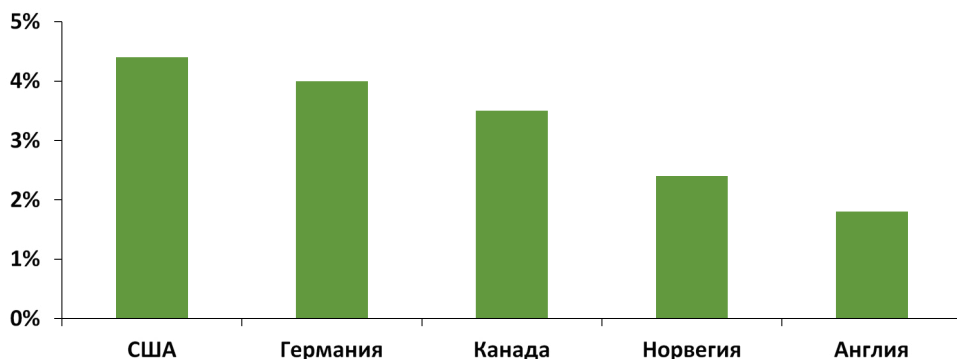
Доля центениалов, не готовых к перемене места жительства (37,2%) меньше, чем совокупная доля тех, кто хочет уехать в другой регион (34,2%) или в другую страну (28,8%) (см. рис. 2).

Рис. 2. **Готовность центениалов к перемене места жительства**

Среди привлекательных для эмиграции стран с большим отрывом лидируют США, ФРГ и Канада (см. рис. 3), а среди российских регионов и городов — Москва и Санкт-Петербург, а также Краснодарский край. В топ-5 привлекательных регионов вошли также Ростов-на-Дону и Республика Татарстан (см. рис. 4).

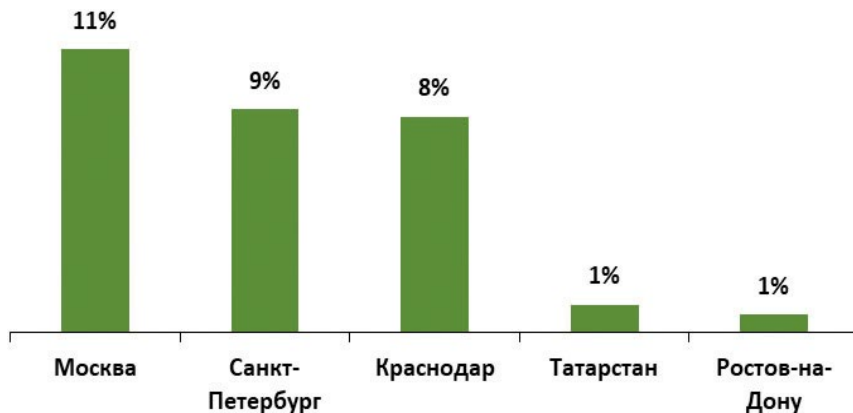
Рис. 3. **Наиболее привлекательные для миграции центениалов из Волгоградской области страны**

³ Жизнь без компьютера — уходящая натура? (аналитический обзор) // ВЦИОМ. 2020. 6 августа. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10394> (дата обращения: 27.08.2021).

⁴ Интернет и онлайн-сервисы // ФОМ. 2020. 31 мая. URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14402> (дата обращения: 27.08.2021).

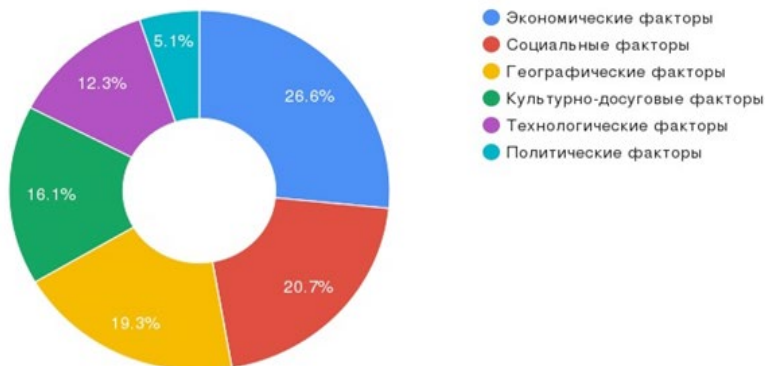
Рис. 4. Наиболее привлекательные для миграции центениалов из Волгоградской области регионы РФ

В ходе опроса респондентам предлагалось выбрать из предложенных факторов привлекательности территории те, которые они считают решающими при выборе места проживания. В анкете были перечислены шесть факторов: экономический, социальный, географический, культурно-досуговый, технологический, политический, и участникам опроса сначала нужно было выбрать три из них, а затем в рамках выбранных факторов проранжировать их критерии по степени значимости (для представления о перечне критериев см. рис. 1). Необходимость данного ограничения обусловлена задачей выявления наиболее значимых факторов регионального развития с целью изучения их возможной трансформации.

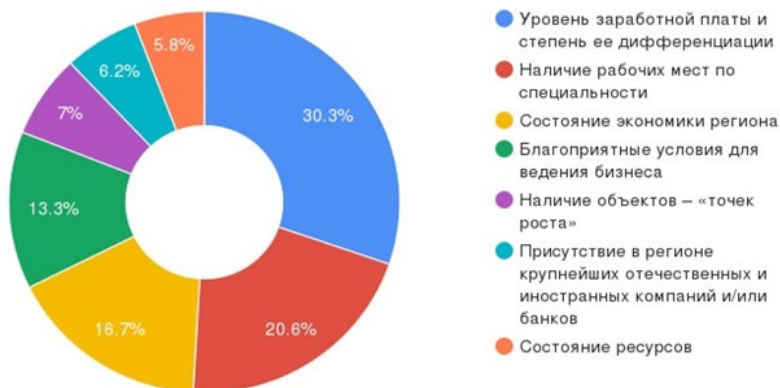
На первом месте по важности для респондентов оказался экономический фактор (26,6%) (см. рис. 5), внутри которого выделяются уровень заработной платы и степень ее дифференциации (30,2%), а также наличие свободных рабочих мест по специальности (20,6%) (см. рис. 6).

Рис. 5. Распределение факторов привлекательности территории по значимости для центениалов

Таким образом, присутствие на рынке труда рабочих мест не является для молодежи самодостаточным условием, поскольку предъявляются требования и к определенному уровню зарплат. В то же время для центениалов, принадлежащих западной культуре, характерны требования не только к зарплате, но и к условиям труда, которые должны быть гибкими и позволять строить карьеру по нескольким направлениям [Schroth, 2019]. Это может служить объяснением оттока центениалов из регионов в крупные города, где рынок труда отвечает их потребностям как по уровню зарплат, так и по качеству самих условий труда.

Рис. 6. **Значимость экономических подфакторов для центениалов Волгоградской области**

Среди социальных факторов большинство респондентов выделяют качество здравоохранения (22,3%) и образования (18,5%). Повышенное внимание к проблеме медицинского обслуживания населения может быть обусловлено пандемией COVID-19, однако в целом этот результат соответствует уже известному наблюдению о бережном отношении центениалов к своему здоровью⁵. Важность образования напрямую связана с его ролью в увеличении социальной мобильности.

В географическом факторе (19,3%) решающая роль отводится климатическим условиям, а также экологии. Отметим, что в условиях городского пространства, в котором проживают большинство респондентов, речь может идти не только о региональных природно-климатических условиях, но и об оценке мероприятий по изменению городской среды.

Три вышеуказанных параметра приоритетны для опрошенных, в то время как культурно-досуговые, технологические и политические факторы не вызывают особого интереса. Среди культурно-досуговых факторов респонденты выделяют наличие культурно-досуговых и «красивых» мест. Незначительная роль культурного фактора может объясняться тем, что посещение тех или иных городских мест

⁵ Ценности поколений в России на 2020 год // Rugenerations — российская школа теории поколений. 2020. 17 июня. URL: <https://rugenerations.su/2020/06/17/ценности-разных-поколений-в-россии-на-20/> (дата обращения: 27.08.2021).

не считается приоритетным для поколения, социализация которого проходила в виртуальной среде. Среди технических факторов выделяют развитие цифровых технологий и «умное управление городом», но их в целом незначительная доля может объясняться акцентом на использовании персональных гаджетов. Политический фактор региональной привлекательности оценивался респондентами как наименее значимый (5,1%). Для поколения центениалов важную роль играет эгоцентризм, объясняющий их нацеленность на анализ тех параметров, которые имеют значение для них в настоящий период времени и ближайшем будущем [Rue, 2018]. Поэтому политическое участие для них актуально в той мере, в которой это затрагивает их непосредственные интересы, что может вызывать «всплески» политической активности в контексте разных тем.

Для получения информации о возможных каналах социальной мобильности в рамках региона был сформулирован открытый вопрос об условиях проживания в сельской местности. Респондентов можно условно разделить на две группы. К первой относятся те, кто указал в качестве причин нежелания ехать в сельскую местность конкретные факторы развития, прежде всего технический («нет нормального интернета»; «потому что в сельской местности часто не ловит связь» и т. д.) и экономический («трудно с работой»; «отсутствие рабочих мест» и т. д.). Вторая группа никак не обосновала свое нежелание жить в сельской местности, выразив лишь общее негативное отношение к данной перспективе («патамушта», «не нравится», «не хочется», «нет желания» и т. д.). При описании преимуществ проживания в сельской местности подавляющее большинство респондентов отмечали экологические условия («свежий воздух», «чистый воздух», «природа» и т. д.), что также подтверждает важность географического фактора.

Обсуждение и рекомендации

Полученные в ходе исследования данные позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций для повышения уровня привлекательности российских территорий для проживания центениалов. Эти рекомендации могут лечь в основу проактивных стратегий социально-экономического развития российских регионов.

Для центениалов главным фактором привлекательности территории выступают экономические стимулы — уровень заработной платы, наличие в регионе рабочих мест по специальности, возможность ведения бизнеса. Поэтому первоочередная задача регионального менеджмента заключается в том, чтобы обеспечить институциональные, инфраструктурные и нормативно-правовые условия для развития и диверсификации экономики и создания привлекательных для молодежи рабочих мест. Вопрос о структуре рынка труда и трудовых предпочтений поколения центениалов — это тема отдельного исследования. Однако уже сейчас понятно, что без удовлетворения базовой необходимости в материальном благополучии центениалов говорить о более высоких потребностях не приходится. Очевидно, что формирование привлекательного рынка труда предполагает его трансформацию и замещение привычных отраслей экономики новыми (креативными), что также потребует трансформации региональных систем подготовки специалистов (системы высшего и среднего профессионального образования).

Второй крупный блок факторов привлекательности регионов для проживания центениалов — социальный. Новое поколение не только хочет получать достойную заработную плату и профессионально развиваться, но и предъявляет повышенные требования к качеству жизни и уровню оказания социальных услуг. Высокое качество здравоохранения, доступность и качество образования (как высшего, так и школьного), улучшение системы жилищно-коммунальной сферы — это те направления, на которые необходимо обратить внимание региональным властям, если они хотят развития экономики своих территорий за счет удержания и привлечения новых жителей. Высококачественные специалисты стремятся в те регионы, где существует развитая система социальной поддержки. Дополнительного изучения и анализа требует миграционный процесс абитуриентов из регионов в столичные вузы. Очевидно, что региональным университетам не хватает гибкости и адаптивности к запросам молодого поколения. Трансформация региональных вузов в сторону диверсификации и модернизации портфеля образовательных программ становится необходимым условием не только развития, но и выживания региональной системы высшего образования. Необходима не реактивная, а проактивная модель развития университетов в регионах.

Географический блок факторов привлекательности территории играет также важную роль. Климатические условия оказывают непосредственное влияние на выбор центениалами места их проживания. И хотя на географическое положение территорий трудно воздействовать со стороны региональных администраций, в их власти сделать жизнь более комфортной. В международной практике есть много примеров, когда муниципальные и региональные власти вкладываются в развитие инфраструктуры для повышения комфорта проживания местных жителей. К примеру, власти города Оклахома (США), расположенного посреди пустыни, для борьбы с пылью в городе создали по его периметру сеть искусственных озер, выступающих в качестве естественных фильтров. В итоге в городе практически нет пыли (в чем один из авторов данного исследования мог лично убедиться во время стажировки по программе «Открытый мир» в 2014 г.). Или пример города Дубай (ОАЭ), где в условиях экстремальной жары власти оборудовали кондиционерами все общественные места, вплоть до остановок общественного транспорта.

Стремление центениалов жить в экологически чистых местах — это не единичная история про Грету Тунберг, а общий тренд поколения⁶. В этой связи региональным властям следует предпринять все возможные меры по формированию чистой экосистемы своих территорий. Необходим пересмотр градостроительного подхода к проектированию современных городов. Советское наследие в виде грязных производств (фабрики, заводы, сборочные цеха, промышленные зоны и пр.) в черте города наносят не только экологический вред, но и негативно сказываются на привлекательности для потенциальных жителей и туристов. По возможности необходимо отказаться от энерго- и ресурсозатратных производств в черте города и вынести их далеко за территорию проживания местных жителей. Наличие пустующих земельных площадей в большинстве регионов страны позво-

⁶ Barbiroglio E. Generation Z Fears Climate Change More Than Anything Else // Forbes. 2019. December 9. URL: <https://www.forbes.com/sites/emanuelabarbiroglio/2019/12/09/generation-z-fears-climate-change-more-than-anything-else/#3f54c877501b> (дата обращения: 12.08.2020).

ляет это сделать безболезненно и без задействования дополнительного капитала. Привлекательный ландшафт российских территорий позволит не только повысить качество жизни местного населения, но будет и способствовать развитию туризма.

Современные исследователи утверждают, что наличие в городе общественных пространств и досуговых мест оказывается конкурентным преимуществом в борьбе за привлечение туристов, способствует кластеризации креативных специалистов и повышает уровень счастья местных жителей [Florida, Mellander, Stolarick, 2011; Florida, Mellander, Rentfrow, 2013]. В условиях снижения реальных доходов населения и покупательной способности создание общественных пространств становится фактором уменьшения социальной напряженности. Люди должны иметь возможность получать качественные общественные блага. Эстетическая красота современных российских городов оставляет желать лучшего. Большинство из них представляют собой шаблонные проекты советской эпохи с четко обозначенным историческим центром города (как правило, где и расположены большинство достопримечательностей и общественных пространств) и обширными спальными районами (в которых развита только инфраструктура массового потребления). Необходимы девелоперские проекты по повышению уровня комфорта городских пространств.

Стимулирование малого и среднего бизнеса (торговые центры, лофтовые пространства, бары, кафе и рестораны) даст мультипликативный эффект не только с точки зрения экономической эффективности предпринимательства, но и будет способствовать удовлетворению социально-культурных потребностей жителей городов.

Вопреки нашим ожиданиям технологические факторы привлекательности территорий не столь важны для центениалов. Между тем данное обстоятельство требует дополнительных исследований в контексте межрегиональных сравнений — особенно в сравнении со столичными регионами. Поколение центениалов называют цифровыми аборигенами, поколением, которое не мыслит своего существования без использования цифровых технологий и различного рода гаджетов. Мы убеждены, что развитие цифровых технологий, повсеместный доступ к интернету, формирование цифровых платформ для взаимодействия между горожанами и различными городскими службами/сервисами станет неотъемлемой частью городов будущего. Уже сейчас мы наблюдаем тренд на трансформацию городского хозяйства в сторону «умного» устойчивого развития. Концепция «умный город» становится магистральной в развитии зарубежных территорий. Умные цифровые города должны формировать благоприятную экосистему для эффективного развития предпринимательства и обеспечить возможность для жителей участвовать в социальной жизни своих муниципалитетов [Basle, 2016].

Заключение

Поколение центениалов стремится в те регионы (города), где выше не только уровень жизни (экономические факторы), но и ее качество (социальные и культурно-досуговые факторы). Развитие территорий зависит от человеческого капитала, сконцентрированного в их границах, поэтому региональным властям необходимо создавать экономические условия для реализации базовых нужд населения и формировать комфортную и развитую городскую среду с широким набором

бесплатных социальных благ. Совершенно очевидно, что без создания креативной и комфортной экосистемы современных городов и сельских поселений удержать молодое поколение в границах региональных образований будет очень сложно. Это влечет за собой проблему вымывания и стагнации человеческого капитала в ряде регионов, а также несет угрозу территориальной целостности.

Несмотря на актуальность и практическую значимость нашего исследования, оно не лишено методологических ограничений. Во-первых, опрос проводился в условиях неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки, вызванной пандемией коронавируса, после продолжительного периода самоизоляции, что естественным образом сказалось на уровне благосостояния большинства жителей страны. Уменьшение реального дохода в расчете на отдельную семью могло отразиться на чистоте исследования из-за искусственного обострения значимости экономических факторов, которые, может быть, не играли бы принципиальную роль год/полгода назад. Во-вторых, опрос проводился в Волгограде — дотационном регионе с достаточно неблагоприятной ситуацией с точки зрения социально-экономического развития. В рейтинге российских регионов по доходам населения за первое полугодие 2020 г. он занимает 60-е место (из 85). Доля населения, проживающего за чертой бедности и за чертой крайней бедности, составляет 12,9% и 1,4% соответственно⁷. Данное обстоятельство накладывает методологические ограничения и влияет на изначальный пессимистичный настрой респондентов. В-третьих, для более качественного анализа факторов привлекательности российских территорий с позиции центениалов необходимо провести очные фокус-группы, что даст возможность детального и многоаспектного выявления мотивов поведения респондентов.

Осознавая данные ограничения и учитывая перспективность и многоаспектность данного направления исследования, мы видим его как один из этапов широкой исследовательской программы по изучению социально-экономических и поведенческих характеристик центениалов с точки зрения их участия в экономических процессах территорий. Перспективными направлениями для дальнейших исследований могут быть следующие: межрегиональное исследование социально-экономических и поведенческих характеристик центениалов и их сравнение, выявление трудовых предпочтений центениалов, сравнительный анализ городских и сельских центениалов.

Список литературы (References)

Анипкин М. Поколение лишних людей: антропологический портрет последнего советского поколения // Неприкосновенный запас. 2018. № 117. С. 290—308.

Anipkin M. (2018) Generation of Superfluous People: An Anthropological Portrait of the Last Soviet Generation. *Emergency Reserve*. No. 117. P. 290—308. (In Russ.)

Асташова Ю. В. Теория поколений в маркетинге // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8. № 1. С. 108—114.

⁷ Рейтинг регионов по доходам населения — 2020 // РИА Рейтинг. 2020. 7 июля. URL: <https://riarating.ru/infografika/20200707/630174723.html> (дата обращения: 27.08.2021).

Astashova Yu.V. (2014) The Theory of Generations in Marketing. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*. Vol. 8. No. 1. P. 108—114. (In Russ.)

Воробьева М. В. Особенности и обучение I-поколения (поколения Z) // Педагогическое образование и наука. 2019. № 5. С. 108—112.

Vorobieva M. V. (2019) Features and Training of the I-Generation (Generation Z). *Pedagogical Education and Science*. No. 5. P. 108—112. (In Russ.)

Гильтман М. А., Пить В. В., Батырева М. В., Сумик Е. А. В каких городах нам нравится жить? Эмпирический анализ отношения занятых к городам // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1. С. 111—130.

Giltman M. A., Pit V. V., Batyreva M. V., Sumik E. A. (2020) What Cities Do We Like to Live In? Empirical Analysis of the Attitude of the Employed to Cities. *Journal of the New Economic Association*. No. 1. P. 111—130. (In Russ.)

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. (2010) Youth of Russia: a Sociological Portrait. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)

Емельянова Е. В., Харчикова Н. В. Инновационный потенциал регионов Центрального федерального округа: оценка основных тенденций и перспектив развития // Экономика в промышленности. 2019. Т. 12. № 4. С. 443—454.

Emelyanova E. V., Kharchikova N. V. (2019) The Innovative Potential of the Regions of the Central Federal District: An Assessment of the Main Trends and Development Prospects. *Economy in Industry*. Vol. 12. No. 4. P. 443—454. (In Russ.)

Захарова В. А. Студенты поколения Z: реальность и будущее // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2019. № 4. С. 47—55. <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.4.5>.

Zakharova V. A. (2019) Generation Z Students: Reality and the Future. *Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*. No. 4. P. 47—55. <https://doi.org/10.17805/trudy.2019.4.5>. (In Russ.)

Ионцев В. А., Рязанцев С. В., Ионцева С. В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона. 2016. № 12. С. 499—509.

Iontsev V. A., Ryazantsev S. V., Iontseva S. V. (2016) New Trends and Forms of Emigration From Russia. *Economy of the Region*. No. 12. P. 499—509. (In Russ.)

Кириллова О. Г., Гусева Е. В. Место теории поколений в развитии современной теории управления персоналом // Экономика устойчивого развития. 2015. № 3. С. 273—278.

Kirillova O. G., Guseva E. V. (2015) The Place of the Theory of Generations in the Development of Modern Theory of Personnel Management. *Economics of Sustainable Development*. No. 3. P. 273—278. (In Russ.)

Климанов В. В., Варданян В. Ш. Прогнозы регионов России в условиях экономических санкций // Региональная экономика. Юг России. 2019. № 3. С. 25—33.

Klimanov V. V., Vardanyan V. Sh. (2019) Forecasts of Russian regions in the context of economic sanctions. *Regional Economy. South of Russia*. No. 3. P. 25—33. (In Russ.)

Коатс Дж. Поколения и стили обучения / пер. с англ. Л. Е. Колбачева. М.: Межгосударственная ассоциация последипломного образования. 2011.

Coates J. Generations and Learning Styles / Transl. from English L. E. Kolbachev. Moscow: Interstate Association of Postgraduate Education. (In Russ.)

Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. И. А. Шапиро; под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Cont O. General Overview of Positivism. Ed. E. L. Radlova. Ed. 3rd. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)

Лapidус Л. В., Гостилович А. О., Омарова Ш. А. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения // Государственное управление. 2020. № 83. С. 271—293. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10119>.

Lapidus L. V., Gostilovich A. O., Omarova Sh. A. (2020) Features of Digital Technologies Penetration into Generation Z Life: Values, Behavioral Patterns and Consumer Habits of the Internet Generation. *Public Administration*. No. 83. P. 271—293. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2020-10119>. (In Russ.)

Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2. С. 7—47.

Mannheim K. (1998) The Problem of Generations. *New Literary Observer*. No. 2. P. 7—47. (In Russ.)

Мирошкина М. Р. Интерпретация теории поколений в контексте российского образования // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 30—35.

Miroshkina M. R. (2017) Interpretation of the Theory of Generations in the Context of Russian Education. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. No. 6. P. 30—35. (In Russ.)

Мякшин В. Н. Факторы инвестиционной привлекательности региона и их оценка // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 14. С. 23—33.

Myakshin V. N. (2014) Factors of Investment Attractiveness of the Region and Their Assessment. *Regional Economy: Theory and Practice*. No. 14. P. 23—33. (In Russ.)

Оборин М. С. Управление агропромышленным комплексом и сельским хозяйством регионов России в условиях санкций // Экономика строительства и природопользования. 2018. № 4. С. 99—107.

Oborin M. S. (2018) Management of the Agro-Industrial Complex and Agriculture of the Regions of Russia Under the Conditions of Sanctions. *Economics of Construction and Environmental Management*. No. 4. P. 99—107. (In Russ.)

Одинцов А. В., Шипицин А. И., Марченко А. Ю. Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской области) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>.

Odintsov A. V., Shipitsin A. I., Marchenko A. Yu. (2020) Centripetal Migration of Young People From the Russian Provinces: Causes and Trends (On the Example of the Volgograd Region). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 335—354. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788>. (In Russ.)

Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94—97. URL: <https://bibs-science.ru/articles/ar550.pdf> (дата обращения: 26.08.2021).
Ozhiganova E. M. (2015) The Theory of Generations by N. Hove and W. Strauss. Possibilities of Practical Application. *Business Education in the Knowledge Economy*. No. 1. P. 94—97. URL: <https://bibs-science.ru/articles/ar550.pdf> (accessed: 26.08.2021). (In Russ.)

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: Издательство АСТ, 2002.

Ortega-and-Gasset H. (2002) *Revolt of the Masses*. Moscow: AST Publishing House.

Поварова А. И. Исполнение бюджетов регионов в 2016 году: кризис не преодолен // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 4. С. 144—161.

Povarova A. I. (2017) Execution of Regional Budgets in 2016: The Crisis Has Not Been Overcome. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 4. P. 144—161. (In Russ.)

Радаев, М. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.

Radaev, M. (2019) *Millennials: How Russian Society is Changing*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Рыбаковский О. Л. Демографическая динамика России: основные понятия, показатели, итоги за 1946—2017 // Народонаселение. 2018. № 4. С. 14—22.

Rybakovsky O. L. (2018) Demographic Dynamics of Russia: Basic Concepts, Indicators, Results for 1946—2017. *Population*. No. 4. P. 14—22. (In Russ.)

Сафиуллин А. Р. Инвестиционная привлекательность территории как фактор ее конкурентоспособности // Экономические стратегии. 2009. Т. 11. № 8. С. 140—149.

Safiullin A. R. (2009) Investment Attractiveness of the Territory as a Factor of Its Competitiveness. *Economic Strategies*. Vol. 11. No. 8. P. 140—149. (In Russ.)

Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: РОССПЭН, 2009.

Semenova V. V. (2009) *Social Dynamics of Generations: Problem and Reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Семенова В. В., Фотева Е. В. Судьбы людей: Россия XX век: биографии семей как объект социологического исследования. М.: Институт социологии РАН, 1996.

Semenova V. V., Foteeva E. V. (2015) *Fates of People: Russia XX Century: Biographies of Families as an Object of Sociological Research*. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Цымбаленко С. Б., Макеев П. Цифровое поколение — медийный портрет подростка // Народное образование. 2015. № 3. С. 201—212.

Tsymbalenko S. B., Makeev P. (2015) Digital Generation — A Media Portrait of a Teenager. *Public Education*. No. 3. P. 201—212. (In Russ.)

Шагалкина М. В., Латуха М. О., Мицкевич Е. А., Строгетская Е. В. Факторы миграционных намерений талантливых выпускников ведущих вузов России // Российский журнал менеджмента. 2019. Т. 17. № 4. С. 445—466.

Shahalkina M. V., Latukha M. O., Mitskevich E. A., Strogetsckaya E. V. (2019) Factors of Migration Intentions of Talented Graduates from Leading Russian Universities. *Russian Management Journal*. Vol. 17. No. 4. P. 445—466. (In Russ.)

Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Х. М.: Литрес, 2016.

Shamis E., Nikonov E. (2016) Theory of Generations. Unusual H. Moscow: Litres. (In Russ.)

Шанин Т. История поколений и поколенческая история России // Человек. Общество. Управление. 2005. № 3. С. 6—25.

Shanin T. (2005) History of Generations and Generational History of Russia. *Man. Society. Control*. No. 3. P. 6—25. (In Russ.)

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Yurchak A. (2014) It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)

Ярмак О. В., Дерюгин П. П., Ярмак В. Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5, № 4. С. 53—64.

Yarmak O. V., Deryugin P. P., Yarmak V. E. (2019) Social Portrait of a Modern Student. *Discourse*. Vol. 5. No. 4. P. 53—64. (In Russ.)

Basle M. (2016) Smarter Cities' Attractiveness. Testing New Criteria or Facets: "Data Scientists" and "Data Platforms". *Journal of the Knowledge Economy*. No. 12. P. 268—278. <https://doi.org/10.1007/s13132-016-0398-0>.

Dilthey W. (1924) Ueber das Studium der Geschichte der Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und dem Staat. In: *W. Dilthey: Gesammelte Schriften. Bd. 5—6: Die geistige Welt*. Leipzig; Berlin: Teubner. S. 36—41.

Florida R., Mellander C., Rentfrow P. J. (2013) The Happiness of Cities. *Regional Studies*. Vol. 47. No. 4. P. 613—627. <https://doi.org/10.1080/00343404.2011.589830>.

Florida R., Mellander C., Stolarick K. (2011) Beautiful Places: The Role of Perceived Aesthetic Beauty in Community Satisfaction. *Regional Studies*. Vol. 45. No. 1. P. 33—48. <https://doi.org/10.1080/00343404.2010.486784>.

Kaplan E. (2020) The Millennial/Gen Z Leftists Are Emerging: Are Sociologists Ready for Them? *Sociological Perspectives*. Vol. 63. No. 3. P. 408—427. <https://doi.org/10.1177/0731121420915868>.

Miller J. D. (2011) Active, Balanced, and Happy: These Young Americans Are Not Bowling Alone. *The Generation X Report*. Vol. 1. No. 1. URL: https://lsay.org/GenX_Rept_Iss1.pdf (accessed: 22.08.2021).

Aanestad G. (1993) The Bust Generation: A Cohort Analysis: A Dissertation Submitted to the Graduate Division of the University of Hawaii in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Political Sciences. URL: <https://scholarspace.manoa.hawaii.edu/handle/10125/10141> (accessed: 22.08.2021).

Rue P. (2018) Make Way, Millennials, Here Comes Gen Z. In: *About Campus: Enriching the Student Learning Experience*. Vol. 23. No. 3. P. 5—12. <https://doi.org/10.1177/1086482218804251>.

Schroth H. (2019) Are You Ready for Gen Z in the Workplace? *California Management Review*. Vol. 61. No. 3. P. 5—18. <https://doi.org/10.1177/0008125619841006>.

Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, NY: William Morrow & Company.

Ueberwimmer M., Blyznyuk T. (2016) The Generation Theory: A Cross-Cultural Approach. *Economics of Development*. No. 2. P. 44—48. URL: http://www.ed.ksue.edu.ua/ER/knt/eu162_78/e162ueb.pdf (accessed: 22.08.2021).

Yurchak A. (2006) *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901)

К. И. Казенин, И. В. Стародубровская

ДАГЕСТАНСКИЕ МИГРАНТЫ В АСТРАХАНИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

Правильная ссылка на статью:

Казенин К. И., Стародубровская И. В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 405—428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>.

For citation:

Kazenin K. I., Starodubrovskaya I. V. (2021) Daghestanian Migrants in Astrakhan: A Study of Integration Processes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 405–428. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901>. (In Russ.)

ДАГЕСТАНСКИЕ МИГРАНТЫ В АСТРАХАНИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ

КАЗЕНИН Константин Игоревич — кандидат филологических наук, директор центра региональных исследований ИПЭИ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; доцент кафедры демографии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: kz@ranepa.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

СТАРОДУБРОВСКАЯ Ирина Викторовна — кандидат экономических наук, руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, Москва, Россия
E-MAIL: irinavstar@gmail.com

Аннотация. В статье на примере мигрантов из Дагестана, проживающих в Астрахани, рассматриваются характеристики замкнутого переселенческого сообщества. Основной исследовательский вопрос состоит в том, насколько стабильна в современных городских условиях социальная замкнутость диаспоры. Рассматриваются факторы, способствующие сохранению или, наоборот, уменьшению такой замкнутости. Также выделяются группы внутри диаспоры, в наибольшей степени расположенные к развитию контактов с другими частями городского социума, к ускоренной адаптации на новом месте проживания. Исследование основано на количественном

DAGHESTANIAN MIGRANTS IN ASTRAKHAN: A STUDY OF INTEGRATION PROCESSES

Konstantin I. KAZENIN^{1,2} — Cand. Sci. (Appl. Ling.), Director of the Center for Regional Studies; Associate Professor at the Department of Demography
E-MAIL: kz@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>

Irina V. STARODUBROVSKAYA³ — Cand. Sci. (Econ.), Research Director for Political Economy and Regional Development
E-MAIL: irinavstar@gmail.com

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

³ The Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy, Moscow, Russia

Abstract. On the example of migrants from Dagestan living in Astrakhan, the article examines characteristics of a closed resettlement community. The main research question is how stable the social isolation of the diaspora in contemporary urban environment is. The study identifies factors which contribute to the preservation or, conversely, the reduction of such isolation. Within the diaspora we emphasize groups inclined to develop contacts with other parts of the urban community and accelerate adaptation to a new place of residence. The study is based on quantitative and qualitative surveys conducted by the authors in Astrakhan in 2020. The findings are discussed in the perspective of the

и качественном опросах, проведенных авторами в Астрахани в 2020 г. Полученные выводы обсуждаются в свете политики по адаптации инокультурных мигрантов в регионах РФ.

Ключевые слова: миграция, этничность, адаптация мигрантов, переселенческие сообщества, Северный Кавказ

Благодарность. Статья отражает результаты исследования в рамках НИР Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара и РАНХиГС.

policy for foreign migrants adaptation in regions of the Russian Federation.

Keywords: migration, ethnicity, adaptation of migrants, migrant communities, North Caucasus

Acknowledgments. The article is based on results of research carried out at The Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy and RANEP.

1. Введение

Рост миграции населения, наблюдающийся в последние десятилетия как в мировом масштабе, так и внутри отдельных стран, имеет множество социальных последствий. Часть из них связана с образованием переселенческих сообществ, характеризующихся высокой степенью социальной замкнутости. Члены таких сообществ более интенсивно контактируют друг с другом, чем с представителями принимающего социума, предпочитают заключать браки внутри своего сообщества, больше ориентируются на взаимодействие с членами своего сообщества в сфере хозяйства, бизнеса и т. д. Такие тенденции часто затрудняют интеграцию переселенцев на новом месте жительства, способствуя сохранению значительных контрастов между мигрантами и коренным населением по семейному укладу, поведенческим практикам, культуре и т. д. [Андронов, 2014; Grönqvist, 2006; Hartog, Zorlu, 2009 и мн. др.]. Замкнутые переселенческие сообщества оказывают влияние и на общий социальный климат принимающей территории. Их наличие негативно влияет на оценку местными жителями качества жизни в своем населенном пункте, регионе, а нередко приводит и к серьезной межэтнической, межконфессиональной напряженности (см., напр., [Зайончковская др., 2014]).

В этом контексте особое значение приобретает оценка «стабильности» замкнутых переселенческих сообществ. Означает ли возникновение такого сообщества, что его жители в долгосрочной перспективе сохранят социокультурную «отделенность» от населения принимающей территории? Какие факторы могут способствовать «размыканию» замкнутых сообществ, какие группы внутри них могут стать «локомотивами» этого процесса? Что, напротив, «консервирует» замкнутые сообщества в их противопоставленности остальному населению? На российском эмпирическом материале такие вопросы до сих пор обсуждались довольно мало. Особенно очевиден дефицит исследований этих проблем применительно к внутренней миграции, притом что ряд имеющихся работ указывает на наличие достаточно серьезных проблем в интеграции некоторых групп внутрироссийских мигрантов [Мукомель, 2015, 2016].

Возникновение замкнутых переселенческих сообществ характерно, в частности, для миграции населения республик Северного Кавказа в другие регионы России (история этих миграционных потоков и их этнокультурные характеристики на примере Дагестана наиболее подробно рассмотрены в [Карпов, Капустина, 2011]). В настоящей статье делается попытка рассмотреть сформулированные выше вопросы для сообщества переселенцев дагестанского происхождения в городе Астрахань. Выбор предмета исследования обусловлен, с одной стороны, тем, что ряд характеристик дагестанской диаспоры Астрахани указывает на достаточно замкнутый характер ее существования в городской среде (подробнее см. раздел 2). Вместе с тем опыт нескольких десятилетий проживания в городе открыл перед дагестанской диаспорой возможности для усвоения новых социальных практик, способствовал расширению контактов за пределами переселенческого сообщества. Кроме того, изменение экономических реалий в городе не позволяет переселенцам и их потомкам по-прежнему полностью замыкаться на тех видах экономической деятельности, которые были характерны для диаспоры с первых лет ее существования. Это приводит к более тесному взаимодействию с другими представителями городского социума. Налицо достаточно существенные факторы, поддерживающие замкнутость диаспоры, но одновременно нарастает роль факторов, способствующих ее «размыканию». Взаимодействие этих разнонаправленных факторов представляет большой интерес для исследования.

Статья построена следующим образом. В разделе 2 кратко характеризуется дагестанская диаспора в Астрахани, история ее формирования и нынешнее состояние. В разделе 3 рассматриваются теоретические основания исследования, определяются критерии замкнутости диаспор и представлены имеющиеся в литературе гипотезы о факторах, способствующих уменьшению их замкнутости. В разделе 4 кратко представлена методология полевого исследования, проведенного авторами в Астрахани в 2020 г., и излагаются основные результаты качественного и количественного компонента этого исследования. В разделе 5 содержится обсуждение этих результатов в свете теоретических предпосылок, обсуждаемых в разделе 3.

2. Дагестанская диаспора Астрахани: общая характеристика

Исторически сложившаяся как мультикультурный город на перекрестке торговых путей, Астрахань в 1990-х годах стала местом достаточно массовой миграции, в первую очередь с Северного Кавказа и особенно из Дагестана. На настоящий момент народы Дагестана в совокупности составляют в регионе четвертую по численности этническую группу [Сызранов, 2016]. С 1989 по 2010 г., согласно данным переписей населения, общины аварцев и лезгин в городе выросли, соответственно, в 4 и 2,6 раза. Костяк миграции составили жители трех дагестанских горных аварских сел — Кванада (Цумадинский район), Нижнее Инхело и Кванхидатль (Ботлихский район). Основываясь на экспертных оценках, можно сделать вывод, что в Астрахани проживает более 300 семей из Кванады, 200—250 семей из Нижнего Инхело, от 200 до 300 семей из Кванхидатля. Даже на общем фоне Дагестана все эти села отличаются своей традиционностью и закрытостью, а также высоким уровнем религиозности. В период вооруженных конфликтов в Чечне

достаточно значимой была также миграция в город из этой республики (причем не только чеченцев, но и, например, ногайцев). Сейчас основной миграционный поток с Северного Кавказа связан с образовательной миграцией — вузы Астрахани считаются престижными в этом регионе.

Еще одной особенностью Астрахани, интересной с точки зрения изучения миграции, является формирование на территории города переселенческих анклавов. Статистика, на основе которой можно было бы более точно оценить степень резидентной концентрации мигрантов, отсутствует, поэтому выделение территории и основные характеристики мигрантских анклавов мы выявляли в ходе качественного исследования. Наиболее очевидны два подобных анклава. Один из них — Большие Исады — расположен практически в центре города, рядом с крупными рынками. Здесь доминируют выходцы из тех трех сел, о которых говорилось выше. Анклав имеет тенденцию к «расползанию», в том числе в направлении Медицинской академии — самого популярного среди кавказцев высшего учебного заведения города. Микрорайон Бабаевского — анклав совсем иного типа. Он находится на окраине города, для него характерна многоэтажная застройка, цены на жилье ниже, чем в центральных районах. Здесь проживают работники Газпрома, приехавшие в Астрахань еще в 1980-х годах для работы в газовой промышленности. Выходцы с Северного Кавказа в этом районе, в отличие от Больших Исад, не являются большинством населения, хотя, по имеющимся оценкам, концентрируются в большей мере, чем в среднем по городу. Так, этнический состав самой крупной школы микрорайона, по данным школьной администрации, демонстрирует долю детей северокавказских этносов на уровне около 10%. Кандидатом на роль третьего анклава являются поселки с преобладанием частной застройки в северной части города в районе реки Кривая Болда. По данным представителей органов городского самоуправления, с которыми мы общались, там сейчас растет число выходцев из Дагестана.

Если на первом этапе интенсивной миграции дагестанцев в город их расселение носило выраженный анклавный характер, то на сегодня немало этнических дагестанцев проживает и в городских районах с низкой долей дагестанского населения. В первую очередь это характерно для тех, чья трудовая деятельность в городе не связана с рыночной торговлей¹.

Несмотря на столь сложную миграционную историю, Астрахань нельзя назвать конфликтным городом. Наиболее острые конфликты между местным населением и мигрантами, связанные с конкуренцией в сфере торговли, борьбой за земельные и другие хозяйственные ресурсы, а также с переделом «сфер влияния» в криминальном мире, остались в 1990-х. Начиная со второй половины 2000-х, по оценкам городских властей, такие конфликты в городе практически отсутствовали. Не были выявлены какие-либо свидетельства их присутствия и в ходе нашей полевой работы.

¹ Важно подчеркнуть, что социальная замкнутость переселенческого сообщества в том понимании, которое было представлено выше, не требует обязательного компактного проживания его членов, «анклавности» их размещения на принимающей территории. Однако многочисленные исследования особенностей расселения мигрантов позволяют ожидать, что наличие в городе анклавов будет фактором, поддерживающим связи внутри переселенческой общины и тем самым влияющим на ее интеграцию в городе (см., напр., [Вендина, 2004; Demintseva, 2017]).

3. Теоретические предпосылки исследования

Проблемы замкнутости и «размыкания» переселенческих сообществ тесно связаны с процессами, характеризующимися в науке как «ассимиляция» или «интеграция». Тем самым в анализе этих процессов необходимо учитывать результаты теоретических разработок по данным вопросам.

Вопрос о том, как мигранты ассимилируются в инокультурной среде, интересовал исследователей примерно с начала XX века. Первопроходцем здесь была Чикагская социологическая школа, разработавшая модель «цикла расовых отношений»: движения к неизбежной ассимиляции мигрантов через конфликт и аккомодацию [Парк, 2011а, 2015]. Ассимиляция понималась представителями Чикагской школы не как стирание всех признаков этнического происхождения, но как установление тесных личных связей, дружбы, браков между представителями различных этнических групп, что приводит к их включению в единую «мы-группу». Немалое внимание обращалось на барьеры ассимиляции, в том числе такие, как дискриминация и социальное дистанцирование со стороны доминирующей группы, особенно по отношению к видимым меньшинствам. Люис Вирт отмечал разные позиции различных меньшинств в отношении ассимиляции. Применительно к мигрантам интересно предложенное им разделение плюралистических меньшинств, борющихся за равные права с доминантной группой при сохранении культурной автономии, и ассимиляционных меньшинств, добивающихся полного принятия себя доминантной группой и слияния с более широким обществом [Вирт, 2005].

До сих пор интересен анализ представителями Чикагской школы взаимосвязи процессов адаптации мигрантов и пространственных характеристик их расселения. Неотъемлемой чертой американских городов они считали «гетто и иммигрантские колонии — районы, сохраняющие более или менее чуждую и экзотическую культуру» [Парк, 2011б]. Но постепенно гетто размываются — энергичные и амбициозные люди, а также последующие поколения мигрантов стремятся вырваться из мигрантских районов в широкий мир. Однако разрушение гетто — процесс далеко не линейный. В то же время выход из гетто актуализирует ситуацию культурного конфликта, приводящего к серьезным проблемам, связанным с различием семейных норм и норм городской среды, а также с дискриминацией и социальной дистанцией.

Опубликованные в 1970-х годах антропологические исследования городов в различных регионах мира и положения в них мигрантов подтвердили многообразие траекторий адаптации мигрантов в городах. В частности, было показано, что дискриминируемые сообщества обычно адаптируются сложнее, чаще ориентируются на сохранение традиционных, во многом сельских моделей отношений и поддерживают этнический бизнес [Shack, 1973]. В то же время в мигрантских сообществах, где родители стремились к быстрой вертикальной мобильности детей (высоким заработкам, квалифицированной работе), несмотря на изначальную замкнутость и недоверие к чужакам, адаптация происходила гораздо быстрее, сопровождаясь при этом межпоколенческим конфликтом [Mangin, 1973].

В целом с конца 1960-х годов ассимиляционные подходы на несколько десятилетий вышли из моды. Они стали оцениваться как «устаревшая теория, которая

навязывает этноцентричные и патерналистские требования меньшинствам, борющимся за сохранение собственной культурной и этнической самобытности» [Alba, Nee, 1997]. Распространились марксистские интерпретации проблемы мигрантов, а также мультикультуралистские подходы.

Однако в 1990-х годах на фоне кризиса мультикультурализма ассимиляционные теории и близкие к ним интеграционные подходы получили второе дыхание. В то же время в этот период произошел отход от линейного отождествления ассимиляции с успехом и отказа от ассимиляции — с отсутствием перспектив для мигрантов. Так, в рамках теории сегментной ассимиляции утверждалось, что ассимиляция мигрантов может происходить не только в культуру мейнстрима, но и в контркультуру маргинальных слоев, отрицающих ценности образования и вертикальной мобильности. По сравнению с последней осознанное сохранение ценностей и солидарности мигрантского сообщества авторы теории сегментной ассимиляции считают более предпочтительным вариантом [Портес, Чжоу, 2017; Portes, Rumbaut, 2001].

В качестве альтернативы современным ассимиляционным теориям можно рассматривать теорию трансмиграции, поставившую под вопрос саму единицу анализа, использовавшуюся в теории ассимиляции, — национальное государство. В рамках этой теории утверждается, что мигрант, по сути, не принадлежит полностью принимающему обществу, поскольку по-прежнему сохраняет тесные связи со своей родиной [Glick, Basch, Szanton Blanc, 1995]. Более того система коммуникаций между мигрантами может включать две страны и более. «Их социальная сеть <...> часто охватывает несколько стран, иногда даже несколько континентов» [Dijkstra, Geuijen, Ruijter, 2001]. Применительно к нашему исследованию это означает, что для получения полной картины необходимо рассматривать социальные связи мигрантов и их потомков как на принимающей территории, так и на их исторической родине.

Поскольку одной из задач нашего исследования является определение тех социальных групп внутри переселенческого сообщества, которые быстрее других интегрируются в принимающий социум, преодолевают диаспоральную замкнутость, для нас также представляют интерес теоретические представления о том, каков может быть состав этих групп. Из многообразия исследовательских наработок по данной проблеме мы будем ориентироваться на результаты, полученные в исследованиях демографического поведения мигрантов сравнительно с населением принимающей территории (обзор таких исследований см. в [Казенин, 2017]). Этот выбор обусловлен двумя причинами. С одной стороны, в сфере демографического поведения (брачности, рождаемости и т. п.) масштабы различий между мигрантами и коренными жителями легче поддаются измерению, чем во многих других сферах. Соответственно, здесь возможны и более надежные механизмы по проверке гипотез о группах внутри переселенческого сообщества, быстрее воспринимающих образцы поведения населения принимающей территории. С другой стороны, очевидно, что такие демографические параметры, как возраст мужчин и женщин при вступлении в брак, число детей у женщины к различным возрастам и т. д., представляют не только демографический интерес, но и коррелируют с базовыми характеристиками уклада семьи, построения жизненных стратегий, ценностными ориентирами и т. д. (ср. [Forste, Tienda, 1996]). Поэтому, если некоторая группа

внутри мигрантского сообщества демонстрирует повышенную готовность к восприятию брачно-репродуктивных практик коренного населения, это с большой вероятностью означает и более полное восприятие этой группой целого комплекса социальных норм и культурных ориентиров, с которыми она сталкивается на принимающей территории.

На сегодняшний день на различном материале подтвердились следующие гипотезы о группах мигрантов, быстрее и с большей вероятностью ассимилирующихся с принимающим социумом по брачно-репродуктивному поведению:

1. *Мигранты второго и «полуторного» поколений.* Большую способность к ассимиляции по демографическому поведению демонстрируют те представители мигрантского сообщества, которые родились на принимающей территории (второе поколение мигрантов), или те, кто переехал на нее в достаточно раннем возрасте (в качестве «точки отсечения» обычно рассматривается 15-летний возраст на момент переезда; мигрантов, переехавших до этого возраста, часто называют мигрантами «полуторного поколения») — см., например, [Crul, Schneider, Lelie, 2012], где последовательно демонстрируется эта закономерность для ряда стран Евросоюза. С другой стороны, из данной тенденции имеются значимые и привлекающие большое внимание исследователей исключения. Так, для определенных переселенческих сообществ наблюдается сохранение во втором и последующих поколениях серьезных контрастов с принимающим социумом по брачно-репродуктивному поведению (ср. обсуждение возможных причин этого явления в [Parrado, 2011] для потомков мексиканских мигрантов в США, [Hampshire, Blell, Simpson, 2011] для потомков мигрантов из Пакистана в Великобритании).

2. *Мигранты с более высоким уровнем образования.* Высокий уровень образования в общем случае ускоряет ассимиляцию с коренным населением как минимум по двум причинам. С одной стороны, образование помогает развивать социальные контакты за пределами диаспоры и тем самым открывает более широкие возможности для обучения (social learning) жизненным практикам, нехарактерным для диаспоры. С другой стороны, давая мигранту новые индивидуальные возможности на принимающей территории, образование делает его более «защищенным» от давления (social pressure) диаспоры при построении своей жизненной стратегии, включая вопросы брака и семьи (о понятии «социальное давление» и его роли в формировании демографического поведения индивида см., например, [Montgomery, Casterline, 1996]; о том, почему именно мигранты с низким уровнем образования наиболее «уязвимы» для социального давления диаспоры, см., например, [Salway, 2007]).

3. *Мигранты, дисперсно проживающие на принимающей территории.* Ряд исследований последних лет представил количественные подтверждения того, что мигранты, проживающие вне тех городских кварталов, где концентрация представителей их диаспоры наиболее высока, в большей степени уподобляются коренному населению по целому ряду параметров демографического поведения (см. [Wilson, Kuha, 2018], где эта закономерность эмпирически обосновывается на примере современного Лондона).

Во всех указанных работах, обосновывающих «ускоренную» демографическую ассимиляцию перечисленных групп, в качестве одной из причин этого явления

называется «разомкнутость» их социальных контактов: среди тех жителей города, с которыми члены этих групп регулярно контактируют, доля не относящихся к переселенческому сообществу в общем случае выше, чем у других групп мигрантов (о методике исследования сети контактов мигрантов см., например, [Ryan, D'Angelo, 2017] и ссылки в указанной работе). Учитывая важность сети социальных контактов мигранта для процессов его интеграции на принимающей территории, ниже мы сопоставляем социальные контакты мигрантов разных групп по степени их «замкнутости» в диаспоре. Конкретный состав количественных параметров сети контактов мигранта, которые мы, учитывая опыт имеющихся исследований, будем использовать в нашем анализе, представлен в следующем разделе.

Определенные трудности для исследователя в данной сфере возникают в связи с тем, что научная терминология в ней не устоялась и характеризуется как схожими определениями, даваемыми разным терминам, так и различными значениями одного и того же термина у разных авторов. Так, под ассимиляцией может пониматься как вписывание мигрантов в культуру мейнстрима принимающего общества, так и в другие культурные сегменты, в том числе в контркультуру; как полная потеря прежней культурной идентичности, так и процесс постепенного культурного сближения с представителями принимающего сообщества, связанного с близкими контактами с его представителями. Е. Варшавер вообще отмечает, что под ассимиляцией в США сейчас понимают «чуть ли не диаметрально противоположные вещи, чем это было 100 лет назад»². Интеграция часто употребляется как синоним ассимиляции, однако иногда противопоставляется ей как стратегия, предусматривающая одновременно восприятие культуры принимающего сообщества и сохранение собственной культурной идентичности. В то же время процессы ассимиляции и интеграции могут восприниматься как комплексно, так и дифференцированно для различных сфер. Выделяют культурную (восприятие знаний, культурных норм и компетенций), структурную (включение в систему позиций и статусов), социальную (включение в близкие круги общения, дружба, браки) и идентификационную (ощущение принадлежности к «мы-группе») ассимиляцию. Не менее многозначен и термин «адаптация» — под ним могут понимать как «недоинтеграцию», так и процесс выбора стратегии встраивания в принимающее сообщество, есть и другие значения. В результате сложилась практика, при которой каждый исследователь в своих публикациях определяет, в каких значениях он использует тот или иной термин.

В настоящей работе мы обращаем внимание на следующие аспекты встраивания северокавказских мигрантов в принимающее сообщество Астрахани:

- приближение норм поведения мигрантов к принятым в принимающем сообществе;
- вхождение мигрантов в первичные группы членов принимающего сообщества (дружба, браки);
- восприятие знаний и норм, необходимых для достижения успеха в рамках принимающего сообщества.

² Варшавер Е. Интеграция, ассимиляция или как это назвать? Какими словами описывать отношения мигрантов с принимающим сообществом // Republic.Ru. 2021. 20 апреля. URL: www.Republic.ru/posts/100180 (дата обращения: 22.08.2021).

Все эти процессы вполне описываются термином «ассимиляция» в умеренном его понимании, не предполагающем потерю культурной идентичности, или термином «интеграция» как синонимом такого понимания ассимиляции. Именно в подобном значении мы используем эти термины в статье. Необходимо также отметить, что в данном случае они характеризуют в первую очередь направленность процесса, а не его конечный результат.

4. Результаты полевого исследования

Исследование современного состояния дагестанской диаспоры в Астрахани было проведено в 2019—2020 гг. как качественными, так и количественными методами³. На первом этапе было проведено качественное исследование. Оно позволило, с одной стороны, полевыми методами определить ключевые характеристики сообщества выходцев из Дагестана в Астрахани (основные исторические вехи формирования этого сообщества, его расселение, экономический профиль и т. д.), а с другой стороны, в ходе глубинных интервью выявить отношение переселенцев и их потомков к городу и условиям жизни в нем, их видение изменений, происходящих внутри диаспоры, в том числе в межпоколенческой динамике, и т. д. Всего качественным исследованием было охвачено около 100 человек, в том числе как сами мигранты — жители мигрантских анклавов (Больших Исад и микрорайона Бабаевского), школьники, студенты, бизнесмены, активисты общественных организаций, — так те, кто мог выступить экспертом, наблюдающим ситуацию со стороны, — преподаватели, работники органов местного самоуправления, религиозные деятели. Среди мигрантов в исследование были включены все возрастные группы, при этом наблюдался гендерный перекося в сторону лиц мужского пола при исследовании наиболее консервативных и закрытых сегментов дагестанской диаспоры (ряд интервью с женщинами, принадлежащими к таким частям диаспоры, провести, тем не менее, удалось — см. ниже).

Количественный опрос выходцев из Дагестана, проживающих в Астрахани, был проведен с сентября по ноябрь 2020 г. Цели количественного опроса были следующие:

— оценка основных социально-демографических параметров дагестанской диаспоры в Астрахани;

— выявление отношения респондентов к разным аспектам жизни города, включая межнациональные и межконфессиональные отношения, уровень дискриминации переселенцев и т. д.;

— исследование характера социальных связей респондентов в городе, оценка через них степени замкнутости дагестанской диаспоры.

Таким образом, цели качественного и количественного опросов во многом совпадали, два опроса представляли собой попытку оценить одни и те же характеристики дагестанской диаспоры разными социологическими методами.

В ходе количественного исследования был опрошен 491 респондент в возрасте от 15 до 70 лет. Распределение респондентов по полу и годам рождения (десятилетними группами) дано в таблице 1. Опрашивались респонденты, которые опре-

³ Авторы благодарны всем, без чьей помощи невозможно было бы проведение полевого исследования в Астрахани, в особенности — [Али Шарпаудинову](#), Эльдару Идрисову, Дженнет Джумаевой. Вся ответственность за результаты исследования и их интерпретацию, разумеется, лежит исключительно на авторах.

делили регион своего происхождения как Дагестан и сообщили, что в настоящее время проживают в Астрахани. Не имея точных данных об общей численности дагестанского населения в Астрахани на момент опроса, мы не можем определить, какая его доля попала в выборку. Принимая во внимание, что, согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., численность этнических дагестанцев (без учета ногайцев) в Астрахани не превышала 10 тысяч человек, и что, согласно данным нашего качественного исследования, кратного роста диаспоры с того времени определенно не наблюдалось, можно утверждать, что выборкой охвачено по крайней мере 2 % всего дагестанского населения города.

Таблица 1. *Распределение респондентов опроса по полу и году рождения*

Годы рождения	Мужчины	Женщины	Всего
1950—59	5	7	12
1960—69	16	27	43
1970—79	26	44	70
1980—89	64	60	124
1990—1999	98	74	172
2000—2005	46	24	70
Всего	255	236	491

С учетом того, что выходцы из Дагестана проживают в разных районах Астрахани, частично компактно, а частично дисперсно, и во всех районах проживания живут в соседстве с коренными жителями или выходцами из других регионов, стандартные «маршрутные» методики составления выборок для опросов, проводимых методом личного интервьюирования, были неприменимы. Разумеется, невозможно было применить и телефонные методики ввиду малой доли выходцев из Дагестана среди всего населения города и области. Практически единственной возможностью для проведения количественного исследования в этих условиях было использование метода снежного кома, когда каждый интервьюер начинал опрос в кругу своих контактов и далее расширял количество опрошенных за счет контактов своих первых респондентов.

При такой методике принципиальное значение имел подбор интервьюеров и размер выделяемых каждому из них квот на опрашиваемых респондентов. К участию в опросе были привлечены восемь интервьюеров дагестанского происхождения, постоянно проживающие в Астрахани. Каждый из них опрашивал респондентов, принадлежащих к определенной группе в составе дагестанского землячества, в которой имел наиболее широкие контакты. Выделение этих групп и закрепление за каждой группой определенной квоты в выборке производились на основе знаний о расселении и характере занятости дагестанского землячества, полученных в ходе качественного исследования. Основными группами, в которых интервьюеры опрашивали респондентов, были следующие: торговцы на рынке Большие Исады; учащаяся молодежь, проживающая в Астрахани с родителями или старшими родственниками; работники сельскохозяйственных и строительных предприятий, расположенных на окраине города; работники медицинских учреж-

дений; неработающие выходцы из Дагестана, проживающие в центральной части города; выходцы из Дагестана, проживающие в микрорайоне имени Бабаевского.

Половозрастное квотирование ни по каждой из групп, ни по выборке в целом не проводилось. Это было связано с тем, что половозрастная структура дагестанского землячества в Астрахани не была известна до опроса (данные текущего учета не содержат сведений об этническом составе населения, а данные Всероссийской переписи населения 2010 г., наряду с тем, что потеряли актуальность к моменту опроса, известны значительными искажениями количества северокавказского населения по регионам страны [Мкртчян, 2019]). Интервьюерам запрещалось опрашивать более одного человека в домохозяйстве. В целом можно утверждать, что опросом были охвачены наиболее крупные диаспоральные сообщества в пропорциях, определенных в ходе качественного исследования, и что половозрастное разнообразие респондентов, опрошенных в каждом сообществе на первом этапе применения метода снежного кома, не предопределило значительных смещений выборки по возрасту и полу.

4.1. Результаты количественного опроса

Распределение респондентов количественного опроса по основным социально-демографическим параметрам представлено в таблице 2. Из контрастов между полами можно заметить значительно более низкую по сравнению с мужчинами долю женщин, никогда не состоявших в браке (и прогнозируемую в этих условиях более низкую долю бездетных женщин). Это может быть объяснимо относительно низкой распространенностью миграции одиноких женщин, предопределенной характерными для дагестанского общества гендерными асимметриями. С теми же асимметриями можно связать более низкую долю женщин с высшим образованием и имеющих постоянную работу.

Таблица 2. *Распределение респондентов опроса по ряду социально-демографических параметров, %*

	Мужчины	Женщины
<i>Семейное положение</i>		
— никогда не состоял(а) в браке	44,1	20,2
— состоит в браке	52,8	73,4
— разведен(а), вдовец/вдова	3,1	6,4
<i>Количество детей</i>		
0	53,3	29,2
1	12,4	14,6
2	15,7	22,3
3	14,1	22,3
4+	4,4	8,9
<i>Уровень образования</i>		
— начальное	2,8	6,6
— неполное среднее	5,2	8,3
— среднее	33,9	55,9
— неполное высшее	14,5	7,4
— высшее	43,5	21,8

	Мужчины	Женщины
<i>Трудовая деятельность на момент опроса</i>		
— имеет свой бизнес	29,0	23,9
— имеет постоянную работу	40,3	29,5
— имеет непостоянные заработки	3,2	11,1
— учится	19,8	8,5
— занимается домашним хозяйством	2,0	19,7
— безработный (–ая)	5,6	7,3
<i>Время переезда в Астрахань</i>		
— в 15 лет и старше	67,0	66,2
— до 15 лет	23,0	24,8
— проживает с рождения	10,0	9,0

Как видно из таблицы 3, в целом респонденты были солидарны в позитивной оценке Астрахани как города. Доля тех, кто заявил, что он или его близкие сталкивались с теми или иными проблемами или сложностями, обусловленными недостатками городской сферы услуг или характером взаимоотношений в городе, также была довольно мала. То есть сообщество переселенцев в целом не воспринимает городскую среду как враждебную, агрессивную по отношению к себе.

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопросы о городской среде Астрахани и о своем опыте проживания в городе, %

	Да	Скорее, да	Скорее, нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Если говорить в целом, вам в этом городе нравится жить?	64,2	21,7	3,9	9,5	0,6
Как Вы считаете, Астрахань — удобный для жизни город?	60,9	19,9	6,8	11,4	1,0
Как Вы считаете, Астрахань — безопасный для жизни город?	67,3	20,1	3,5	7,5	1,7
	Да	Нет		Затрудняюсь ответить	
Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами при поиске жилья?	21,3	77,2		1,4	

Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами при устройстве детей в школу?	5,4	91,7	2,9
Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами при получении регистрации?	3,7	93,7	2,6
Приходилось ли вам, вашим родственникам в Астрахани сталкиваться с проблемами с доступом к медицинским услугам?	7,2	91,9	0,8
Были ли вы или ваши родственники свидетелями конфликтов на национальной, религиозной почве в Астрахани?	17,0	83,0	0,0

В ходе опроса также была сделана попытка оценить индикаторы, которые могут характеризовать степень замкнутости диаспоры. Использовались следующие параметры, определяемые индивидуально для респондентов:

- состояние в браке с представителем своей диаспоры или с человеком, не принадлежащим к ней;
- отношение к возможному браку своего ребенка с человеком, не относящимся к диаспоре;
- доля жителей города, относящихся к диаспоре, среди пяти человек (кроме близких родственников), с которыми респондент контактирует наиболее часто.

Хорошо известно, что в дагестанском обществе большую роль играют связи между выходцами из одного и того же села и людьми одной и той же национальности. Поэтому все перечисленные параметры тестировались не только применительно к дагестанской диаспоре в целом, но и к односельчанам и людям того же этноса, что респондент. Также, учитывая поликонфессиональный состав населения Астрахани, мы исследовали долю единоверцев-мусульман среди жителей города, с которыми респондент контактирует наиболее часто, и отношение к бракам детей с немусульманами. Эти параметры, однако, дополнительно характеризуют социаль-

ные контакты респондента в городе, не могут рассматриваться как индикаторы замкнутости диаспоры, поскольку к числу мусульман в городе относятся далеко не только выходцы из Дагестана.

В целом эти параметры продемонстрировали высокую степень замкнутости дагестанской диаспоры в городе. Среди респондентов, состоявших в браке на момент опроса, 90,4% заявили, что их супруг(а) одной с ними национальности, а 64,8% — что супруг(а) из одного с ними села. Среди респондентов, на момент опроса имевших хотя бы одного ребенка, 68,1% сочли важным, чтобы их дети вступили в брак с человеком одной с ними национальности, а для 95,7% оказалось важным, чтобы их дети заключили брак с единоверцем. Показательно распределение ответов на вопрос о числе выходцев из родного села, людей своей национальности, дагестанцев и мусульман среди тех пяти человек в Астрахани (кроме близких родственников), с которым респондент общается чаще всего (см. табл. 4). Легко видеть, что более чем у половины респондентов все пять человек, с которыми они чаще всего контактируют, являются дагестанцами и мусульманами. Почти половину составляют те, у кого четыре-пять человек в этом подмножестве контактов — люди одной с ними национальности.

Таблица 4. Распределение ответов о числе выходцев из родного села, людей своей национальности, дагестанцев и мусульман среди пяти человек, с которыми респондент общается больше всего, %

	0	1	2	3	4	5
Выходцы из родного села	35,6	12,3	13,0	9,1	2,4	27,6
Люди одной с респондентом национальности	11,6	9,4	14,9	15,4	4,3	44,3
Дагестанцы	5,5	8,9	14,7	12,3	6,0	52,6
Мусульмане	2,1	2,9	10,6	11,0	5,6	53,9

С достаточно высокой степенью замкнутости переселенческого сообщества гармонирует интенсивность связей его представителей с исторической родиной. В общей сложности 87,2% мужчин и 81,6% женщин сообщили, что бывают в Дагестане хотя бы раз в год. Доля тех, кто ездит туда более двух раз в год, среди мужчин составила 41%, среди женщин — 29,5%.

Исходя из гипотез о группах внутри диаспор, способных к более быстрой и успешной адаптации (см. раздел 3), мы сопоставили степень замкнутости социальных контактов у мигрантов второго и полуторного поколений и у мигрантов первого поколения, а также у мигрантов с высшим и неполным высшим образованием сравнительно с мигрантами более низкого уровня образования. К сожалению, не удалось провести соответствующий анализ для групп мигрантов с разным характером расселения: значительные различия между районами Астрахани по типам застройки и пространственной организации не позволили предложить какой-либо единый параметр, который мог бы служить индикатором для степени

«анклавности» размещения дагестанских мигрантов, единым для всех районов их присутствия.

Дополнительно мы также сопоставляли характеристики социальных контактов у представителей дагестанской диаспоры в возрасте моложе 35 лет и в возрасте от 35 лет. Необходимость такого сопоставления была связана в первую очередь с теми процессами межпоколенческих изменений, которые характерны в настоящее время для дагестанского общества в целом. Они состоят в изменении ценностных ориентиров молодежи по сравнению со старшим поколением, в отходе молодого поколения от многих традиционных практик, которых жестко придерживались родители [Стародубровская, 2019]. Можно было предположить, что в этом контексте молодежь, независимо от того, к какому поколению мигрантов она принадлежит, будет более активно расширять свои социальные связи за пределами диаспоры. Кроме того, мы сопоставили социальные контакты женщин и мужчин независимо от возраста. Учитывая, что традиционный северокавказский семейный уклад предполагает значительные различия социальных ролей мужчин и женщин [Карпов, 2001], ожидалось и различия между ними по характеру социальных связей в городе.

Ввиду того, что распределение ответов на вопросы, связанные с общинной «замкнутостью», в большинстве случаев было далеко от нормального, использовался непараметрический критерий Манна-Уитни, позволяющий проверить гипотезу о том, что у разных групп респондентов распределение по некоторому признаку одинаково. Среди мужчин и женщин, а также среди мигрантов разных поколений (второе и «полуполное» рассматривались вместе, будучи противопоставлены первому) ни для одного параметра «замкнутости» критерий Манна-Уитни не обнаружил разницу в распределении. Более сложная картина обнаружилась при разделении респондентов по уровню образования (респонденты с высшим и неполным высшим образованием сопоставлялись с респондентами с более низким образовательным уровнем) и при разделении респондентов на возрастные группы моложе 35 лет и 35+. Результаты применения теста Манна-Уитни к этим группам отражены в таблице 5. Молодежь и более старшие респонденты значительно отличались по распределению ответов на вопросы о том, является ли супруг(а) выходцем из того же села и представителем той же национальности, что и респондент; также отличия между двумя этими группами были по распределению ответов на вопросы о том, важно ли, чтобы дети заключили браки с дагестанцами, и о том, каково число людей «своей» национальности среди пяти лиц, с которыми респондент контактирует чаще всего (в таблице 5 в случаях, когда тест не подтвердил наличие одинакового распределения между группами респондентов, указывается уровень значимости результата теста).

При этом во всех случаях обнаруженных различий распределение ответов среди молодежи говорило о большей «разомкнутости» этой группы. Так, доля состоявших в браке с человеком той же национальности (из всех женатых/замужних) среди молодежи составила 86%, а среди более старших респондентов — 95%; доля состоявших в браке с односельчанином — соответственно 57% и 72%. Доля тех, кому важен брак детей с дагестанцем, среди молодежи составила 51%, а среди более старших — 64%. Наконец, среднее число людей той же национальности,

что и респондент, среди пяти человек, контакты с которыми наиболее часты, у молодежи — 3,1, а у более старших — 3,6%. Интересно отметить, что по доле мусульман среди таких пяти человек молодые и старшие респонденты значимо не различаются.

Между образовательными группами контрасты по распределению были обнаружены с помощью теста Манна-Уитни для всех включенных в таблицу 5 вопросов, кроме вопросов о важности заключения детьми брака с дагестанцем и с мусульманином. Здесь также во всех случаях значимых различий более образованная группа характеризовалась большей «разомкнутостью» (процентные соотношения не приводятся по соображениям объема).

Таблица 5. Проверка гипотез об одинаковом распределении ответов в подмножествах респондентов с помощью непараметрического критерия Манна-Уитни

	Моложе 35 лет /35+		Имеющие / не имеющие высшее или неоконченное высшее образование	
	Подтверждается ли гипотеза об одинаковом распределении	Уровень значимости	Подтверждается ли гипотеза об одинаковом распределении	Уровень значимости
Супруг(а) той же национальности	Нет	99 %	Нет	95 %
Супруг(а) из того же села	Нет	99 %	Нет	99 %
Важен брак детей с человеком той же национальности	Да		Нет	95 %
Важен брак детей с дагестанцем	Нет	95 %	Да	
Важен брак детей с мусульманином	Да		Да	
<i>Доля среди пяти человек, с которыми чаще всего контактирует:</i>				
— односельчан	Да		Нет	99 %
— людей той же национальности	Нет	95 %	Нет	99 %
— выходцев из Дагестана	Да		Нет	99 %
— мусульман	Да		Нет	99 %

4.2. Результаты качественного исследования

Качественное исследование, как и количественное, продемонстрировало, что сообщества выходцев с Северного Кавказа (в первую очередь дагестанцев) отличаются большей традиционностью и замкнутостью. «Чем отличаются дети кавказские — они все-таки более уважительны к своим старшим, и они более

послушны...» (жен., сред. возр., Астрахань, 2020⁴); «Но у них все-таки все равно стараются за своих [выходить замуж]. Есть такие, которые отходят, но не девочки. Мальчики. <...> Девочки, они сразу понимают, что им бесполезно идти против семьи. Я не знаю такого случая» (жен., сред. возр., Астрахань, 2020).

Причем наиболее сильно традиционность проявляется в анклаве Большие Исады, среди выходцев из трех дагестанских горных сел — Кванада, Нижнее Инхело и Кванхидатль. Здесь сохраняются традиционные поколенческие и особенно гендерные иерархии. В подобной среде по-прежнему ограничивают образование девочек, могут отправлять их учиться в материнское село, рано посватать и выдать замуж по своему выбору, не обязательно в Астрахани, возможно — обратно на Северный Кавказ. Молодой кванадинец утверждал, что одна из его сестер училась до восьмого класса, другая — до шестого. «Отец сказал — все, типа ты уже взрослеешь, ты просто сиди дома. Тебе это не нужно, у тебя будет муж, который будет тебя обеспечивать. Тебе зачем это?» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Браки по-прежнему, как правило, организуются родителями, молодые до свадьбы не общаются. Сохраняется традиция браков среди односельчан. По-прежнему распространены близкородственные браки. Молодые люди критично относятся к кросс-кузенным бракам, но союз между троюродными все еще считается нормой. В подобном случае можно рассчитывать на помощь родственников с обеих сторон, поддержку в сложной ситуации. Разводы редки.

И все же ситуация постепенно меняется, город неизбежно оказывает свое эмансипирующее влияние. «Очень много уже традиции меняются, и если там раньше — чем быстрее мы тебя выдадим [замуж], тем лучше, то сейчас, наверное, все-таки слушают ребенка и его мнение. <...> Вот эта уважительность потерялась, уважительность к старшему поколению. <...> Мало этого сейчас. Меньше и меньше» (жен., сред. возр., Астрахань, 2020). И старшие, и молодые чувствуют, что происходит трансформация традиционных отношений, и что эта трансформация неизбежна. Пожилой представитель кванадинской диаспоры поделился своими наблюдениями об изменении брачной модели в каждом следующем поколении. Его родители не имели возможности выбора спутника жизни; у него самого был выбор из тех вариантов, которые предлагали старшие и родственники; дети уже могут возразить родителям, а внучка, по его мнению, вообще сама будет строить свои отношения. Молодые люди также ощущают грядущие перемены: «То же самое, допустим, то, что кванадинку брать — это постепенно меняется. Это изменяется. Может, лет через пятнадцать-двадцать этого даже уже не будет. И это плохо, с одной стороны. С другой стороны — нормально» (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Собственно, уже сейчас среди кванадинцев нередки случаи религиозных браков с девушками другой этнической принадлежности — но в качестве вторых жен. В то же время важность религиозной общности в браке, судя по всему, только возрастает. «Главное, чтобы религия была одинаковая» (школьница, Астрахань, 2019). «Для меня самое главное, чтобы это был человек моей религии, чтобы мой брак был благославлен» (студентка, Астрахань, 2019).

Нам удалось подробно обсудить вопросы эмансипирующего влияния города с тремя молодыми кванадинцами, двое из которых являются мигрантами второго

⁴ Респонденты в настоящем разделе охарактеризованы по следующим возрастным категориям: молодой возраст — до 35 лет; средний возраст — 35—59 лет; старший возраст — 60 лет и более.

поколения, а один — мигрантом первого поколения (студентом Медакадемии). Разрыв с прошлым рефлексруется ими очень отчетливо — жизнь в горах противопоставляется жизни в «светском обществе». *«Человек, который, к примеру, вырос в светском обществе, родился, рос, он процентов на семьдесят старается норм этого светского общества придерживаться. А тот человек, который приехал, к примеру, со своего села, оттуда с гор — у них там свои правила, свои понятия»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Перемещение в «иной мир», в «светский город» ассоциируется как с существенными плюсами, так и с ощутимыми угрозами.

Основной плюс, о котором говорили наши собеседники, связан с возможностью получить качественное образование. *«Плюс — что знания дают, как положено»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Причем образование рассматривается и как вертикальный лифт, и как насущная необходимость в современном обществе. *«Сейчас не то время, когда можно без образования что-то открыть, что-то сделать. <...> Я считаю, что дальше без образования молодежи только сложнее будет»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). В этом наши собеседники видят свое отличие от предшествующего поколения переселенцев в Астрахань, которым достаточно было «работать руками». Растущая роль образования влияет и на межпоколенческие отношения (образованные дети в большей мере стремятся сами принимать решения), и на время вступления в брак (позже, когда окончат вуз и смогут содержать семью).

В то же время «светский город» рассматривается как угроза перемен, нивелирования, потери собственной особой идентичности, как давление городского образа жизни. Неизбежность изменений преследует повсюду: уже аварки и даже некоторые кванадинки стали получать высшее образование (*«девочки учатся в других городах, сами по себе»*). Все меньше молодежи знает родные языки — понимают, но далеко не всегда говорят. И это вызывает отторжение, причем у первого поколения мигрантов больше, чем у второго. *«Если даже влияет, мы не хотим, чтобы на нас это влияло»* (муж., мол. возр., Астрахань, 2020). Отсюда — идеи, что детей надо воспитывать в деревне, в исламской среде, в окружении людей своей этнической принадлежности.

Нельзя отрицать, что эта трансформация очень непросто воспринимается теми, кто испытывает на себе давление перемен, вызывая эффект, названный Р. Парком «плавильный котел в головах». Особенно сложно девушкам, чья традиционная роль плохо сочетается с новым взглядом на мир и открывающимися благодаря образованию перспективам. Проще всего это продемонстрировать на конкретных примерах:

Информант 1. Школьница продвинутого лица, которая с подачи родителей считает, что по исламу девушка должна сидеть дома, готовить, убирать, даже не может заниматься спортом. Но при этом она хочет стать фотографом. И, судя по всему, сама не очень понимает, как у нее уживаются столь разные ориентиры.

Информант 2. Студентка престижного вуза, единственная в семье получающая высшее образование. Настояла на своем профессиональном выборе, живет в Астрахани одна. При этом понимает, что родители выдадут ее замуж по традициям их села, за незнакомого человека. Осознает, что для нее это решение будет сложным и болезненным, но пока гонит от себя эти мысли, стараясь сосредото-

точиться на учебе. И в будущем готовится совмещать плохо совместимые роли фактически из разных времен: делать успешную карьеру и быть традиционной кавказской женой. «Я себя пытаюсь приучить к жесткому режиму, чтобы, когда я выйду замуж, если вдруг мне муж разрешит работать, чтобы я могла вот прямо все успевать» (студентка, Астрахань, 2019). Однако не уверена, что ей разрешат работать, и не видит способа решить этот вопрос заранее, до свадьбы.

Информант 3. Молодая образованная женщина, пережившая травматичную историю насильственного брака по сговору родственников, которые выдали ее за сына друга отца, притом что сестре позволили замужество по любви с представителем другого этноса. О том, что выходит замуж, узнала за неделю. Муж издевался над ней и бил ее. В результате родственники, выдавшие ее замуж, сами настаивали на разводе. Дальше получила возможность самостоятельно устраивать личную жизнь.

Выводы

Проведенные количественный и качественный опросы позволяют сделать в целом схожие выводы, несколько дополняя и уточняя друг друга. Обе части исследования показали, что уровень социальной замкнутости дагестанской диаспоры в Астрахани весьма велик. Это проявляется в низкой частоте смешанных браков и в большой доле односельчан, представителей «своего» этноса и выходцев из Дагестана среди социальных контактов членов диаспоры. Также мы видели, что члены диаспоры сами осознают свою культурную «особость» на фоне города.

С другой стороны, эту ситуацию замкнутости никак нельзя на сегодня признать статичной. Количественное исследование показало, что ряд групп в составе диаспоры демонстрирует тенденцию к более интенсивным социальным связям с жителями города, «внешними» по отношению к переселенческому сообществу. К таким группам относятся молодежь и выходцы из Дагестана с высшим или неполным высшим образованием. А согласно результатам качественного исследования, молодое поколение выходцев из Дагестана, в особенности те его представители, которые родились в городе, признают, что полученное ими в городской среде воспитание достаточно существенно отличает их от родившихся в дагестанских селах. Более того, такие различия осознаются и как межпоколенческие. При этом образование, отнесенное количественным опросом к центральным факторам, препятствующим сохранению замкнутости сообщества, респондентами качественного опроса рассматривалось как важная причина различий между поколениями мигрантов. Однако это постепенное снижение замкнутости диаспоры не является ни линейным, ни психологически комфортным процессом. Конкретные примеры, которые мы имели возможность наблюдать в ходе качественного опроса, показали, что на жизненные траектории молодых представителей диаспоры оказывают влияние и традиционные нормы, и нормы, характерные для современного города, подчас ставя индивида в ситуацию непростого выбора и обеспечивая переменчивость норм, действующих во взаимоотношениях молодого и старшего поколений.

В свете теоретических проблем, обсуждаемых в разделе 3, полученные результаты представляют интерес в следующих аспектах.

Во-первых, наше исследование показало, что в условиях отсутствия дискриминации мигрантов и ассимиляционного давления на них происходит постепенная интеграция в том числе и представителей замкнутых переселенческих сообществ, причем эта интеграция характеризуется низкой конфликтностью, хотя все равно сопровождается достаточно высоким уровнем стресса (особенно у девушек). Можно также утверждать, что подобные условия способствуют интеграции в культуру мейнстрима, а не в контркультуру, поскольку система образования обеспечивает перспективу вертикальных лифтов и необходимую социализацию в принимающем обществе. В то же время в определенной мере интеграция происходит в мусульманскую культуру — так, для молодежи могут быть менее важны браки с односельчанами или в рамках своей этнической группы, но повышается важность религиозной общности супругов.

Во-вторых, исследование подтвердило более быструю интеграцию молодежи и более образованных членов мигрантского сообщества. В то же время не нашло подтверждения предположение о более быстрой и успешной интеграции в принимающий социум мигрантов второго и «полторного» поколений по сравнению с мигрантами первого поколения.

Список литературы (References)

Андронов И. С. Внешние мигранты в социальной структуре населения мегаполиса // Социология и право. 2014. № 1. С. 55—60.

Andronov I. S. (2014) External Migrants in the Social Structure of Megapolis Population. *Sociology and law*. No. 1. P. 55—60. (In Russ.)

Вендина, О. Москва этническая: грозит ли городу геттоизация? *Демоскоп Weekly* (177—178), 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php>

Vendina, O. Ethnic Moscow: Does Ghettoization Threaten the City? *Demoskop Weekly* (177—178), 2004. <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0177/tema05.php> (In Russ.)

Вирт Л. Проблема меньшинств // Вирт Л. Избранные работы по социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2005. С. 152—177.

Wirt L. (2005) The Problem of Minorities. In: Wirt L. Selected Studies in Sociology. Moscow: INION RAS. P. 152—177. (In Russ.)

Зайончковская Ж., Поletaев Д., Флоринская Ю., Доронина К. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605—606. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php> (дата обращения: 18.08.2021).

Zajonchkovskaja Zh., Poletaev D., Florinskaja Ju., Doronina K. (2014) Migrants in View of Moscovites. *Demoscope Weekly*. No. 605—606. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/tema01.php> (accessed: 18.08.2021). (In Russ.)

Казенин К. И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 6—79. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7528>.

Kazenin K. I. (2017) Fertility in Families of Migrants: Data, Hypotheses, Models (Foreign Literature Review). *Demographic Review*. Vol. 4. No. 4. P. 6—79. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7528>. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.

Karpov Ju. Ju. (2001) Female Sphere in Culture of the Peoples of the Caucasus. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. А. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение. 2011.

Karpov Ju. Ju., Kapustina E. L. (2011) Mountaineers After Mountains. Migration in Daghestan in the 20th — Beginning of the 21th Centuries: Its Social and Cultural Consequences and Perspectives. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>.

Mkrtychyan N. V. (2019) Migration in the North Caucasus and The Accuracy of Statistics. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>. (In Russ.)

Мукомель В. И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1. С. 79—92.

Mukomel V. I. (2015) Local 'Others': Country-Internal Interethnic Migrants in the Megapolis of Moscow. *Federalism*. No. 1. P. 79—92. (In Russ.)

Мукомель В. И. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 69—79.

Mukomel V. I. (2016) Problems of Integration of Country-Internal Interethnic Migrants in Russia. *Sociological Studies*. No. 5. P. 69—79.

Парк Р. Социология, сообщество и общество // Парк Р. Избранные очерки: Сборник переводов. М.: ИНИОН. 2011а. С. 80—114.

Park R. (2011a) Sociology, Community and Society. In: Park R. *Selected Studies (a Collection of Translations)*. Moscow: INION RAS. P. 80—114. (In Russ.)

Парк Р. Личность и культурный конфликт // Парк Р. Избранные очерки: Сборник переводов. М.: ИНИОН. 2011б. С. 201—216.

Park R. (2011b) Individual and the Cultural Conflict. In: Park R. *Selected Studies (a Collection of Translations)*. Moscow: INION RAS. P. 201—216. (In Russ.)

Портес А., Чжоу М. Новое второе поколение: сегментная ассимиляция и ее разновидности // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1. С. 122—141. Portes A., Zhou M. (2017) The New Second Generation: Segmental Assimilation and Its Types // *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1. P. 122—141. (In Russ.)

Стародубровская И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 37—54. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>.

Starodubrovskaya I. V. (2019) The Crisis of the Traditional North Caucasian Family in the Post-Soviet Period and Its Social Consequences. *Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 37—54. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56>. (In Russ.)

Сызранов А. В. Этническая ситуация в Астраханской области: история и современность // Политическое образование. 2016. URL: <http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 18.08.2021).

Syzranov A. V. (2016) Ethnic Situation in the Astrakhan Region: History and the Current State. *Political Education*. URL: <http://lawinrussia.ru/content/syzranov-av-etnicheskaya-situaciya-v-astrahanskoy-oblasti-istoriya-i-sovremennost> (accessed: 18.08.2021). (In Russ.)

Alba R., Nee V. (1997) Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration. *The International Migration Review*. Vol. 31. No. 4. P. 826—874. <https://doi.org/10.2307/2547416>.

Crul M., Schneider J., Lelie F. (eds.) (2012) *The European Second Generation Compared: Does the Integration Context Matter?* Amsterdam: Amsterdam University Press.

Demintseva E. (2017) Labour Migrants in Post-Soviet Moscow: Patterns of Settlement. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 43. No. 15. P. 2556—2572. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1294053>.

Dijkstra S., Geuijen R., Ruijter A. de. (2001) Multiculturalism and Social Integration in Europe. *International Political Science Review*. Vol. 22. No. 1. P. 55—84. <https://doi.org/10.1177/0192512101221004>.

Forste R., Tienda M. (1996) What's Behind Racial and Ethnic Fertility Differentials? *Population and Development Review*. Vol. 22 (Supplement). P. 109—133. <https://doi.org/10.2307/2808008>.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. (1995) From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*. Vol. 68. No. 1. P. 48—63. <https://doi.org/10.2307/3317464>.

Grönqvist H. (2006) Ethnic Enclaves and the Attainments of Immigrant Children. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 4. P. 369—382. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl002>.

Hampshire K., Bleil M., Simpson B. (2011) Navigating New Socio-Demographic Landscapes: Using Anthropological Demography to Understand the 'Persistence' of High and Early Fertility Among British Pakistanis. *European Journal of Population*. Vol. 28. No. 1. P. 39—63. <https://doi.org/10.1007/s10680-011-9252-z>.

Hartog J., Zorlu A. (2009) Ethnic Segregation in The Netherlands: An Analysis at Neighbourhood Level. *International Journal of Manpower*. Vol. 30. No. 1—2. P. 15—25. <https://doi.org/10.1108/01437720910948366>.

Lal B. B. (2015) Race Relations Cycle. In: *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Race, Ethnicity, and Nationalism*. URL: <https://doi.org/10.1002/9781118663202.wber-en598> (accessed: 18.08.2021).

Mangin W. (1973) Sociological, Cultural, and Political Characteristics of Some Urban Migrants in Peru. In: Southhall A. (ed.) *Urban Antropology: Cross-Cultutal Studies of Urbanization*. New York: Oxford University Press.

Montgomery M. R., Casterline J. B. (1996) Social Influence, Social Learning and New Models of Fertility. *Population and Development Review*. Vol. 22 (Supplement). P. 151—175. <https://doi.org/10.2307/2808010>.

Parrado E. A. (2011) How High is Hispanic/Mexican Fertility in the United States? Immigration and Tempo Considerations. *Demography*. Vol. 48. No. 3. P. 1059—1080. <https://doi.org/10.1007/s13524-011-0045-0>.

Portes A., Rumbaut R. (2001) *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press.

Ryan L., D'Angelo A. (2017) Changing Times: Migrants' Social Network Analysis and the Challenges of Longitudinal Research. *Social Networks*. Vol. 53. P. 148—158. <http://dx.doi.org/10.1016/j.socnet.2017.03.003>.

Salway S. M. (2007) Economic Activity Among UK Bangladeshi and Pakistani Women in the 1990s: Evidence for Continuity or Change in the Family Resources Survey. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 33. No. 5. P. 825—847. <https://doi.org/10.1080/13691830701359256>.

Shack W. A. (1973) Urban Ethnicity and the Cultural Process of Urbanization in Ethiopia. In: Southhall A. (ed.) *Urban Antropology: Cross-Cultutal Studies of Urbanization*. New York: Oxford University Press. P. 251—285.

Wilson B., Kuha J. (2018) Residential Segregation and the Fertility of Immigrants and Their Descendants. *Population, Space and Place*. Vol. 24. No. 3. <https://doi.org/10.1002/psp.2098>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1692](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1692)

Н. В. Латова

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Правильная ссылка на статью:

Латова Н. В. Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 429—450. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1692>.

For citation:

Latova N. V. (2021) Migration Attitudes and Preferences of Russian Specialists in the Context of the Human Capital Concept. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 429–450. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1692>. (In Russ.)

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

ЛАТОВА Наталия Валерьевна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: myshona@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9315-2588>

Аннотация. На материалах общероссийского опроса 2017 г. анализируются миграционные установки и предпочтения российских специалистов, влияющих и на человеческий капитал самих работников, и на потенциал национального экономического развития. Делается вывод, что наблюдаемая в России существенная миграционная мотивация специалистов работает на сокращение «квалификационной ямы». Однако представления специалистов о направлениях миграции, напротив, ведут к углублению «ямы», причем вторая тенденция по своим последствиям намного сильнее первой. Столицецентричная модель социально-экономического развития страны приводит к однонаправленному (центробежному) внутристрановому потоку мигрантов-специалистов. Их не привлекают варианты переезда в поселения меньше крупного областного центра. Такая миграция предположительно является одной из причин уменьшения реального миграционного потока российских специалистов. В итоге все преимущества специалистов, отмечаемые в западной научной литературе (лучшая подготовленность к миграции, более широкий территориальный охват в по-

MIGRATION ATTITUDES AND PREFERENCES OF RUSSIAN SPECIALISTS IN THE CONTEXT OF THE HUMAN CAPITAL CONCEPT

Nataliya V. LATOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Leading Researcher
E-MAIL: myshona@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9315-2588>

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. Based on the materials of the all-Russian survey conducted in 2017, the article analyzes the migration attitudes and preferences of Russian specialists, which affect their human capital and the potential for national economic development. We conclude that the migration motivation of specialists in Russia works to reduce the “skills mismatch”. However, the specialists' attitudes toward destinations of migration, on the contrary, lead to a deepening of the “gap”. Moreover, the second trend is much stronger in its consequences than the first one. The capital-centric model of the country's socio-economic development leads to a unidirectional (centrifugal) in-country flow of migrants-specialists. They are not appealed by options of moving to settlements different than a large regional center. Such kind of migration is one of the reasons for the decrease in the real migration flow of Russian specialists. As a result, all the advantages of specialists noted in Western scientific literature (better preparedness for migration, wider territorial coverage in search of a suitable place, better knowledge of technologies for effective job selection), in Russian reality, give them small odds. In general, in

исках подходящего места, лучшее знание технологий эффективного подбора работы), в российской действительности если и дают им преимущества, то небольшие. В целом в современной России миграционный поток специалистов может повысить отдачи от ранее полученного человеческого капитала (при варианте переезда в столичные мегаполисы) на индивидуальном уровне, но скорее за счет дальнейшего углубления дисбалансов на рынке труда на национальном уровне.

Ключевые слова: человеческий капитал, квалификационная яма, внутри-страновая миграция, миграционные установки, миграционная мотивация, миграционный опыт, спрос на миграцию, специалисты

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07172.

contemporary Russia, the migration flow of specialists can increase the return on the previously received human capital at the individual level (with the option of moving to metropolitan cities). However, this is likely to happen at the expense of further deepening labor market imbalances at the national level.

Keywords: human capital, skills mismatch, internal migration, migration attitudes, migration motivation, migration experience, demand for migration, specialists

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 19-29-07172.

Постановка исследовательской задачи

В 1960-е годы Теодор Шульц и Гэри Беккер [Becker, 1962; Schultz, 1961] ввели в научный дискурс концепцию человеческого капитала, в которой обучение рассматривается как инвестиции, приносящие «инвестору» на протяжении всей его жизни соответствующие отдачи (ренды). В реальности, принимая решение об образовании, человек не может точно просчитать все нюансы своих «инвестиций». В каких-то случаях полученного образования недостаточно для работы по выбранной специальности, в других — приобретенные знания, умения и навыки избыточны для выполнения профессиональных обязанностей. Более того, быстрый рост числа людей, получающих высшее образование, с неизбежностью приводит к тому, что их отношение к количеству соответствующих им рабочих мест постепенно сокращается. К тому же современные темпы технологического развития быстро амортизируют даже недавно полученные знания. В результате специалисты с подходящим для их профессии уровнем образования вынуждены заниматься трудовой деятельностью, используя накопленный ими ранее человеческий капитал лишь частично. Эти примеры — только часть несоответствий, возникающих между полученным в процессе образования человеческим капиталом и трудовой деятельностью.

Изучение описанного явления отразилось в научном дискурсе как исследование «квалификационной ямы» (skills mismatch) [McGuinness, Pouliakas, Redmond, 2018; The Skill Matching..., 2010]. Так называют проблему реализации людьми своих трудовых возможностей, а также несоответствия их навыков запросам рынка. Проблема «квалификационной ямы» имеет несколько измерений: с одной стороны, она напрямую затрагивает микроуровень (индивидуальные отдачи от человеческого капитала), с другой — непосредственно связана с мезо- и макроуровнем (спросом работодателей и национальным рынком труда в целом).

При этом сама проблема имеет глобальный масштаб: по последним данным, она касается каждого третьего работника, занятого на мировом рынке труда [Массовая уникальность..., 2019]. Не менее остро в сравнении с зарубежными странами проблема «квалификационной ямы» стоит и в России. Например, в научной литературе отмечается, что полученная российскими специалистами профессиональная подготовка все реже соответствует профилю выполняемой работы [Тихонова, 2020]. Если смотреть в целом, то «квалификационная яма» охватывает 33,9 млн россиян, то есть порядка 41—45 % всей рабочей силы [Массовая уникальность..., 2019: 20]. Аналитические данные подтверждаются и массовыми опросами: согласно выводам ВЦИОМ, «практически каждый второй опрошенный не работает по специальности»¹. Аналогичные результаты представлены в 2019 г. и компанией HeadHunter, причем уточняется, что из тех, кто не работает по специальности, но пытался заняться соответствующей профессиональной деятельностью, почти половина (45,0 %) отказались от нее из-за низкой зарплаты; эту же причину указали 37,0 % тех, кто даже не начинал трудиться по своей специальности².

В большинстве случаев решение проблемы «квалификационной ямы» связывается с необходимостью модернизации системы образования (см., например, [Скорев, Олейникова, 2020; Лазоренко, 2020]). Однако это явление требует комплексного подхода. Система образования в этом комплексе — ключевой, но далеко не единственный элемент. Одним из действенных способов согласования возможностей работника и требований рынка может стать территориальная мобильность.

Действительно, место проживания/работы — один из факторов, определяющих вероятность эффективной конвертации имеющихся у индивида знаний, умений и навыков в материальные блага. Данный фактор оказывает влияние повсеместно. Как бы ни был образован человек, если по месту проживания нет соответствующей его специализации и квалификации работы либо данная работа не дает ожидаемую отдачу на полученные в процессе обучения знания, то ему, вероятнее всего, придется выбрать альтернативный вариант трудовой занятости. Если этот вариант ищется в том же территориальном поселении, то формируется «квалификационная яма», сопровождающаяся низкими отдачами от уже накопленного человеческого капитала. В этом контексте особую актуальность приобретает

¹ Большая зарплата или работа по специальности? // ВЦИОМ. 2019. 15 апреля. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9655> (дата обращения: 28.09.2021).

² Больше половины студентов планируют работать по специальности // HeadHunter. 2019. 3 сентября. URL: <https://hh.ru/article/25298> (дата обращения: 28.09.2021).

миграция, поскольку она позволяет работникам получить больше возможностей трудоустройства, соответствующего их образованию и ожидаемым от него отдачам. При этом необходимо отслеживать, равномерны ли миграционные потоки и не образуют ли они региональных дисбалансов, то есть важно изучать «квалификационную яму» не только на микро-, но и на макроуровне.

Теоретические подходы и методология исследования

При использовании миграционного дискурса проблема «квалификационной ямы» смыкается с изучением как отдач от человеческого капитала, так и возможностей его актуализации и результативного применения. Этот ракурс изучения «квалификационной ямы» уже занял свою нишу в западной литературе: готовность к территориальной мобильности (вплоть до миграции) рассматривается в качестве одного из средств поиска подходящей работы и, следовательно, сокращения переобученности (см., например, [Büchel, van Ham, 2003; van Ham, Mulder, Hooimeijer, 2001; Iammarino, Marinelli, 2015; Alfano et al., 2019]).

Отметим, что для понимания трендов в отношении «квалификационной ямы» важно исследовать не только фактическую миграцию, но и пока еще нереализованные миграционные намерения. Решение о миграции не является спонтанным, особое значение для его принятия играют ментальные установки на переезд, на кардинальное изменение места проживания (то есть желание или готовность к переездам). Вместе с тем проблемы миграции серьезно и комплексно изучаются российскими исследователями в основном на данных статистики или переписях населения (например, из работ последних лет — [Зайончковская и др., 2019; Вакуленко, 2019; Kirillov, Makhrova, 2019]). При этом признается, что официальная статистика не дает достаточно информации о миграционных процессах, об индивидуальных предпочтениях и установках россиян в отношении миграции [Мукомель, 2018: 208]. Такого рода информация лучше улавливается социологическими опросами. Однако в тех масштабных социологических опросах, которые практикуются в России (например, «Левада-Центром»³ и ВЦИОМ), основной акцент ставится на трудовых аспектах миграции вообще, а также на трудовой миграции из-за рубежа. Миграция же *внутри* России (внутристрановая миграция) — редкая и нерегулярная тема таких социологических исследований⁴.

В итоге проблема миграционных установок оказывается далеко не самой популярной темой. Тем не менее в исследованиях отечественных обществоведов постепенно формируется направление социологического и социально-психологического изучения миграционных установок (см., например, [Миграция сельского населения, 1970; Рыбаковский, 2003; Кузнецова, 2013]). В этой традиции миграционные установки связывают с эффектом подражания [Скрипник, 2010], миграционным опытом [Зайончковская, Ноздрин, 2008], личностной

³ Российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента.

⁴ Об отношении к мигрантам — внутренним и внешним. Как россияне относятся к мигрантам из других регионов страны и из других стран // ФОМ. 2014. 24 июня. URL <http://fom.ru/Nastroeniya/11566> (дата обращения: 28.09.2021); Охота к перемене мест: зачем и почему? // ВЦИОМ. 2019. 30 октября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9976> (дата обращения: 28.09.2021); Внутрироссийская миграция // Левада-Центр. 2019. 29 мая. URL: <https://www.levada.ru/2019/05/29/vnutrirossijskaya-migratsiya/> (дата обращения: 28.09.2021) (данный материал создан и распространен российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента).

предрасположенностью к миграции [Данилова, 2010], восприятием территории [Лычко, Мосиенко, 2014] и т. д. В целом можно резюмировать, что миграционные установки формируются знанием о миграционном опыте окружающих людей, транслируемой в их среде миграционной мотивировкой, а также личной готовностью и предрасположенностью к изменению места жительства⁵.

Отметим наличие ряда работ, в которых тема миграционных установок в той или иной степени связывается с человеческим капиталом. Наиболее часто эти работы сфокусированы на исследованиях международной миграции («утечке мозгов») (например, [Симонян, 2017; Рязанцев и др., 2020]) или концентрируют внимание на региональных аспектах [Труфанов, 2018; Зайков, Каторин, Тамицкий, 2018]. В то же время недостаточно разработано исследование миграционных установок россиян в целом в контексте концепции человеческого капитала (с выходом на отдачу от полученных знаний и с учетом феномена «квалификационной ямы»).

Таким образом, задачи нашего исследования заключаются в изучении миграционных установок и предпочтений с целью дальнейшего понимания имеющегося в стране потенциала для частичного урегулирования проблемы «квалификационной ямы» и связанного с ней действенного использования человеческого капитала. При этом мы опираемся на научную литературу, в которой выделяют возраст, образование, материальное положение и т. д. в качестве детерминант, предопределяющих эффективность переезда [Greenwood, 1997]. В совокупности эти социальные характеристики формируют механизм, способный создать единый рынок труда или, наоборот, тормозить мобильность населения.

Проблема миграции как актуализации человеческого капитала более существенна и актуальна для высокообразованной профессиональной группы (специалистов). Во-первых, зачастую именно для них (обладающих узкоспециализированными навыками) подходящие рабочие места имеют меньшую пространственную концентрацию [van Ham, Hooimeijer, Mulder, 2001]. Во-вторых, представители этой группы обладают большими аналитическими способностями, а также лучшими умениями правильно организовать поиск подходящего места работы [Simpson, 1987; van Ham, Mulder, Hooimeijer, 2001]. Наконец, в-третьих, они с большей долей вероятности получают ожидаемую отдачу от миграции [Yankow, 2003; Korpi, Clark, 2015]. Кроме того, «квалификационная яма» затрагивает в первую очередь именно специалистов, поэтому дальнейший анализ мы сосредоточим на этой профессиональной группе.

Установки и предпочтения в отношении переезда с одного места на другое, как и многие другие субъективные характеристики человека, обладают высокой степенью инертности. Это позволяет не концентрировать внимание исследователя на максимально свежих данных, а обратиться к более-менее стабильному периоду развития страны, который не только предрасполагал к переездам с одного места на другое, но и давал возможность исследователю получить данные, не искаженные кризисным фоном и в то же время актуальные для функционирования социума в длительной перспективе.

⁵ Конечно, желание и готовность к миграции — еще не реальное действие, однако, согласно проведенным исследованиям, они являются хорошими предикторами к поведению людей [Markham, Pleck, 1986].

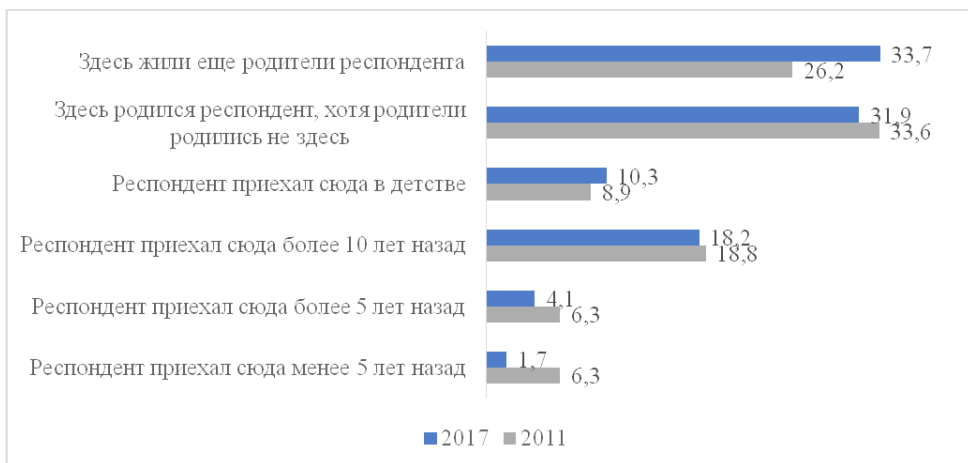
Исходя из этих соображений, эмпирической базой нашего анализа выбраны данные всероссийского мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведенного в мае 2017 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН⁶. Опрос охватил 4000 россиян в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Работаящих специалистов в общем составе опрошенных было 747 человек. Для сравнения использовались данные аналогичного опроса за 2011 г., в рамках которого опросили 271 специалиста.

Миграционный опыт российских специалистов

Чтобы составить первичное представление о том, какую роль играет миграция для специалистов, необходимо понять, каков ее примерный масштаб — насколько переезд с одного места проживания на другое популярен в этой профессиональной группе.

Данные исследования (см. рис. 1) демонстрируют, что в 2017 г. миграционного опыта не имели 33,7 % семей российских специалистов. Среди всех остальных специалистов 42,2 % знали о миграции по опыту своих родителей (хотя из них 10,3 % сами участвовали в миграции, но в том возрасте, когда самостоятельное решение о переезде не принимается). Оставшиеся 24,0 % специалистов имели представление о территориальной мобильности из своего личного опыта.

Рис. 1. Динамика миграционного поведения в семьях российских специалистов, 2011 и 2017 гг., %

Сравнение миграционной активности российских специалистов в 2017 г. с аналогичными данными за 2011 г. указывает на тенденцию к сокращению переездов

⁶ Использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ.

представителей данной профессиональной группы. Если в 2011 г. личный опыт миграции имели 31,4% опрошенных, то к 2017 г. таковых стало 24,0%. Причем, если количество мигрировавших более 10 лет назад за этот интервал времени практически не изменилось, то доля тех, кто мигрировал относительно недавно (не более 10 лет назад), сократилась вдвое. Отметим, что картина сокращения миграционного потока наблюдается не только в личном опыте специалистов, но и в их «наследственном опыте»: в 2011 г. семей, не имеющих никакого опыта смены места жительства на протяжении уже двух поколений, было 26,2%, а к 2017 г. стало 33,7%. В целом складывается впечатление, что популярность миграции в среде специалистов постепенно падает, а массовая миграция времен постсоветского периода страны сменяется оседлым образом жизни.

Для понимания возможных выгод от миграции отметим поселенческие различия в личном доходе специалистов: средний личный доход российских специалистов, проживавших в 2017 г. в столичных мегаполисах, составлял 55 376 руб., в то время как в областных центрах — 29 820 руб., в районных — 27 113 руб., в сельской местности — 25 738 руб. Следует ожидать, что эти поселенческие диспропорции стимулируют специалистов к внутренней миграции и должны увеличивать отдачу от человеческого капитала мигрировавших. Они же свидетельствуют о выгодности переезда в первую очередь в Москву и Санкт-Петербург в обход всех остальных вариантов, что, в свою очередь, может приводить к региональным дисбалансам.

В целом, судя по полученным данным, большинство мигрировавших специалистов на самом деле получили более высокую отдачу на человеческий капитал. Она относительно невелика для тех, у кого этот капитал менее качественный: среди специалистов, обучавшихся не более 15 лет, работники без опыта миграции получали ежемесячно в среднем 29 283 руб., а имеющие такой опыт — 32 055 руб. (на 9,5% больше). Но специалисты с более качественным человеческим капиталом (16 лет обучения) выигрывают от миграции гораздо сильнее: в этой группе немигрировавшие получали 31 557 руб., а мигрировавшие — 46 811 руб. (больше на 48,3%).

Итак, миграция среди специалистов — не отрицаемая, а скорее приемлемая жизненная траектория, причем она может играть роль механизма роста отдачи на имеющийся человеческий капитал и одновременно выполнять функции сокращения «квалификационной ямы». Огромная разница в среднедушевых личных доходах специалистов, живущих в столичных мегаполисах, и всех остальных представителей этой профессиональной группы может оказывать негативное влияние, концентрируя человеческий капитал в столицах в ущерб остальным типам поселений. Попробуем далее установить наличие/отсутствие связи между человеческим капиталом, с одной стороны, и миграционными установками и предпочтениями — с другой, а также понять, как они влияют на «квалификационную яму».

Есть основания полагать, что в современных условиях миграция среди российских специалистов тормозится некими обстоятельствами внутреннего или внешнего свойства. Конечно, значимым элементом выбора в дилемме «уехать или остаться» для представителей этой профессиональной группы в постсовет-

скую эпоху является возможность получения на новом месте дополнительных преимуществ, компенсирующих потери, в том числе и в социальном капитале, по старому месту жительства. Именно в этом отношении ситуация сегодня значимо отличается от ситуации тридцатилетней давности. Согласно данным исследования портала Superjob⁷, система послевузовского распределения (как система регулируемой миграции) выглядела для советских студентов привлекательной за счет получаемых с ее помощью материальных и социальных благ (жилье, прописка и т. д.). Аналогичные выводы о важности для студентов, закончивших обучение в вузе, наличия одновременно полученных при переезде преимуществ (уровень зарплаты, жилье, гарантированное трудоустройство по специальности и т. д.) сделаны и в совместном исследовании компании Smart Start и Технопарка Mail.Ru Group⁸. Тем не менее представляется, что данное объяснение — не единственный сдерживающий фактор. В ходе дальнейшего анализа мы попытаемся определить дополнительные ограничители, связанные с миграционными установками и предпочтениями.

Для проверки наших предположений обратимся к анализу миграционных предпочтений и установок специалистов на других подвыборках.

Миграционная мотивация в среде российских специалистов

Чтобы подтвердить или опровергнуть связь миграции с человеческим капиталом в окружении (среди друзей и близких знакомых) специалистов, определим причины, по которым они мигрируют, то есть ответим на вопрос, какова их миграционная мотивация.

Поскольку нас интересуют наиболее общие представления о миграции, циркулирующие в данной среде (причем не только среди обладающих личным опытом миграции), использовался вопрос о целях миграции родственников, друзей, знакомых и соседей, о которых респондент (таких в базе мониторинга 298 человек) знал, что они меняли свое место жительства в пределах России за последние три года⁹. В качестве возможных причин миграции были предложены следующие мотивы: «хорошая работа», «обучение», «личные обстоятельства», а также возможность указать любую другую цель. Так как у респондента мог быть не один знакомый-мигрант, да и цель у мигрировавших могла быть не одна, то допускалось на вопрос дать любое количество ответов.

Попытаемся понять, в среде каких подгрупп российских специалистов формируется уникальная миграционная мотивация в сравнении с другими подгруппами (см. табл. 1).

⁷ За возврат к системе распределения выпускников вузов выступают 68% россиян // SuperJob. 2010. 27 июля. URL: <http://www.superjob.ru/community/life/47660> (дата обращения: 21.08.2021).

⁸ Идею принудительного распределения выпускников вузов поддерживают лишь 18% студентов // Mail.Ru Group. 2014. 7 октября. URL: <https://corp.mail.ru/ru/press/infograph/9187/> (дата обращения: 21.08.2021).

⁹ Здесь и далее, рассуждая о предпочтениях и установках окружения респондента-специалиста, мы полагаем, что они в основном отражают желания и мнения специалистов в целом. Такая трактовка взаимосвязи человека и его окружения основывается на широко используемом во всем мире концепте социальной дистанции, в рамках которой российскими исследователями утверждается деление социального пространства России на дистанцированные друг от друга слои, обладающие определенным экономическим, культурным и социальным капиталом [Беляева, 2018].

Таблица 1. Мотивы внутрироссийской миграции родственников, друзей, знакомых и соседей разных подгрупп российских специалистов, 2017 г., % от имеющих таких знакомых (допускалось любое количество ответов)*

Характеристики самих респондентов		Мотивы миграции			
		Работа	Обучение	Личные обстоятельства	Другие
Возраст	18—30 лет	70,3	28,1	50,0	0,0
	31—40 лет	60,3	19,0	58,6	2,6
	Старше 40 лет	63,9	30,6	35,2	0,9
Материальное положение	Хорошо	63,5	27,0	47,6	0,0
	Удовлетворительно	61,2	27,1	46,3	1,1
	Плохо	78,4	13,5	56,8	5,4
Тип поселения	Москва и Санкт-Петербург	41,4	6,9	55,2	0,0
	Областной центр	70,3	19,8	46,5	2,0
	Районный центр	61,9	32,4	51,4	0,0
	ПГТ и село	67,9	32,1	39,6	3,8
Образование**	Магистратура, аспирантура и выше	63,6	22,7	50,0	4,5
	Остальные виды высшего образования	63,4	25,2	49,2	1,2
Всего		63,9	25,3	47,9	1,4

* Серым фоном выделены ячейки, в которых показатели превышали соответствующий показатель для специалистов в целом не менее чем на 6 п. п., аналогичным образом жирным курсивом выделены показатели, оказавшиеся меньше соответствующего показателя для специалистов в целом по крайней мере на 6 п. п. (6 п. п. выбрано здесь и далее как значение, заведомо превышающее величину статистической погрешности).

** Специалисты с неполным высшим и средним специальным образованием также участвовали в опросе, однако из-за малого количества было принято решение исключить их из анализа образовательного среза.

В целом в среде российских специалистов мотив «работа» при переезде с одного места проживания на другое имеет первостепенное значение (его отметили 63,9% имеющих в своем окружении недавно мигрировавших). На втором месте стоят «личные обстоятельства» (47,9%), а «обучение» — наименее популярный мотив (25,3%).

Хотя иерархия мотивов в основном едина для разных подгрупп специалистов, однако наблюдается существенная межгрупповая специфика — в первую очередь по типу поселения. Кроме того, на общем фоне выделяются специалисты в возрасте 18—30 лет и респонденты, отмечающие у себя плохое материальное обеспечение.

Среди друзей, знакомых и соседей российских специалистов, проживающих в Москве и Санкт-Петербурге, иерархия мотивов, приводящих к внутристрановой миграции, иная, чем среди всех остальных подгрупп: на первое место выходят «личные обстоятельства», а «работа» оказывается хотя и важной, но второстепенной причиной. В среде столичных специалистов существенно ниже доля меняющих место проживания ради работы (41,4% против 63,9% по группе в целом), а также ради обучения (6,9% против 25,3%). В свою очередь, в среде специалистов, проживающих в областных центрах, при миграции чаще ориентируются на работу,

чем по группе в целом (70,3% против 63,9%), а в поселениях всех остальных типов — повышенная доля заинтересованных в миграции ради обучения (порядка 32,1%—32,4% против 25,3%).

Такая специфика миграционной мотивации в среде специалистов из разных типов поселений ярко отражает их нужды. Специалистам двух столиц внутри-страновая миграция практически ничего не сулит с точки зрения возможностей наращивания человеческого капитала и получения отдачи от него. Они уже имеют доступ к лучшим учебным заведениям страны, а также к наиболее доходным рабочим местам. Специалисты из областных центров, как правило, также не обделены качественным вузовским образованием, однако проигрывают в получении отдачи на накопленный человеческий капитал (судя по нашим данным, почти в два раза!). Наконец, жители всех остальных территориальных поселений, прежде чем решать проблему с получением дохода на человеческий капитал, должны сначала стать как можно более конкурентноспособными по его качеству.

Другие две подгруппы российских специалистов выделяются на общем фоне тем, что в их среде миграционный мотив «работа» популярнее, чем среди всех остальных подгрупп.

Что касается молодежи, то здесь все закономерно. Чем моложе мигрант, тем больше у него времени не только компенсировать затраты на переезд, но и получить ощутимую отдачу. Менее тривиальна повышенная мотивация на миграцию ради работы (78,4% против 63,9%) среди специалистов, плохо материально обеспеченных. Отсутствие у них «подушки безопасности» повышает риски неэффективной миграции. Интересно и то, что в среде этой профессиональной подгруппы — повышенная доля и тех, кто мигрировал по «личным обстоятельствам». Трудно судить, что вкладывают респонденты в понятие «личные обстоятельства». Видимо, здесь собираются разнородные мотивы — бракосочетание с жителем другого региона, воссоединение семей (переезд родителей к детям или наоборот), забота о воспитании детей, климатические особенности, необходимые для здоровья, и т. д. В любом случае связь такого рода переезда с повышением отдачи от человеческого капитала, скорее всего, мала. Наконец, переезд ради обучения в среде этой подгруппы настолько непопулярен, что вполне можно говорить об отсутствии у них стремления к повышению качества человеческого капитала. По всей видимости, это именно тот случай, который подтверждает высказанное В. А. Аникиным предположение о регионально-поселенческих диспропорциях в распределении трудовых доходов населения, которые стимулируют рабочую силу к внутренней миграции без инвестиций в человеческий капитал [Аникин, 2018].

Итак, перед нами вырисовывается следующая картина. В среде специалистов работа как мотив для миграции наиболее популярна среди, с одной стороны, «сильной» подгруппы (молодежь в возрасте 18—30 лет), а с другой — «слабой» подгруппы (плохо материально обеспеченных). Во втором случае миграция не только более рискованна сама по себе, но и с высокой долей вероятности является механизмом замещения повышения качества человеческого капитала. В то же время в целом миграционная мотивация в среде специалистов во многом определяется их местом проживания (типом поселения) и ориентирована так, что при правильной стимуляции может стать механизмом сокращения «квалификационной ямы».

Центры притяжения в среде разных подгрупп российских специалистов

Определившись с миграционной мотивацией разных подгрупп российских специалистов, разберемся с центрами притяжения их миграционной активности. Ведь для мигранта правильный выбор нового места проживания — важный элемент результативности миграции. В этом плане «сильные» подгруппы могут себе позволить более рискованные варианты (возможность получения большей отдачи на человеческий капитал сопровождается и большими затратами, связанными с дорогостоящими вариантами проживания и переезда), в то время как «слабые» подгруппы должны бы ориентироваться на варианты попроще (хотя и менее прибыльные, но с повышенными для них шансами на результативность в целом).

Как и в случае с миграционными мотивами, мы наблюдаем особую специфику в миграционных потоках в зависимости от типа поселения опрошенных респондентов, а также в среде молодежи в возрасте 18—30 лет и в окружении тех, кто плохо материально обеспечен. Миграционная специфика появляется и у специалистов с образованием не ниже магистратуры (см. табл. 2).

Таблица 2. Миграционные потоки родственников, друзей, знакомых и соседей разных подгрупп российских специалистов*, 2017 г., % от имеющих таких знакомых (допускалось любое количество ответов)**

Характеристики самих респондентов		Место переезда знакомых им людей					
		В «дальнее зарубежье»	В страны СНГ	В Москву и Санкт-Петербург	В крупный областной центр	В районный центр, малый город	В село, деревню, ПГТ
Возраст	18—30 лет	15,7	6,0	69,9	33,7	10,8	3,6
	31—40 лет	23,5	6,5	52,9	31,2	12,9	5,9
	старше 40 лет	29,6	6,5	51,5	27,8	13,0	4,1
Материальное положение	хорошо	26,9	2,2	59,1	25,8	9,7	3,2
	удовлетворительно	22,6	8,0	55,8	29,2	15,0	4,0
	плохо	29,1	5,5	49,1	43,6	5,5	10,9
Тип поселения	Москва и Санкт-Петербург	42,7	22,7	24,0	10,7	9,3	2,7
	областной центр	28,4	2,7	64,2	31,1	10,8	2,7
	районный центр	13,2	1,6	62,0	36,4	14,0	7,0
	ПГТ и село	17,1	5,7	60,0	38,6	17,1	7,1
Образование	магистратура, аспирантура и выше	30,3	0,0	78,8	33,3	6,1	0,0
	остальные виды высшего образования	24,6	6,7	54,0	29,7	13,4	5,1
Всего		24,4	6,4	55,7	30,3	12,6	4,7

* Отвечая на соответствующий вопрос, формально респонденты должны были говорить как о тех, кто приехал в населенный пункт, где они проживают, так и о тех, кто из него уехал. Однако сравнение места проживания респондентов с их ответами о векторе миграции их знакомых показывает, что в подавляющем большинстве случаев респонденты, отвечая на вопросы о мигрантах среди их знакомых, говорили именно об уехавших.

** Серым фоном выделены ячейки, в которых показатели превышали соответствующий показатель для специалистов в целом не менее чем на 6 п. п., а жирным курсивом — оказавшиеся меньше показателя для специалистов по крайней мере на 6 п. п.

Анализ мест проживания специалистов в очередной раз демонстрирует наличие определенной зависимости. Хотя у большинства специалистов (за исключением проживающих в двух столицах) знакомые переезжают в Москву или Санкт-Петербург, тем не менее здесь наблюдается и ступенчатая модель предпочтений. В среде жителей *сельской местности и районных центров* заметна повышенная доля мигрирующих в крупный областной центр (36,4 % и 38,6 % против 30,3 % по группе в целом), в окружении жителей из *областных и районных центров* сильнее стремление переехать в Москву или Санкт-Петербург (62,0 % и 64,2 % против 55,7 %). А в среде специалистов из *двух столиц* самой большой популярностью пользуется миграция за рубеж, причем в «дальнее зарубежье» выезжает почти половина всех известных в этой среде мигрантов. Страны СНГ в столичной среде пользуются меньшей популярностью, чем «дальнее зарубежье», но в разы большей, чем среди жителей всех остальных поселений.

Российская столицецентричная структура социально-экономического развития страны привела к тому, что уже давно сформирован постоянный однонаправленный поток внутристрановой миграции, имеющий ступенчатый тип. В случае с профессиональными группами, обладающими не самым качественным человеческим капиталом (например, рабочими), этот поток носит более выраженную ступенчатую структуру (на место россиян, выезжающих в более крупный тип поселения, приезжают россияне из менее крупного) [Латова, 2020]. Что касается российских специалистов, то их ступенчатая миграция берет начало сразу с крупных облцентров, минуя ступень райцентров и малых городов. Именно у данной профессиональной группы хотя и есть конечная точка внутристрановой миграции (Москва и Санкт-Петербург), но границы миграции в этой точке размыты сильнее всего. Если среди российских столичных рабочих заграничная миграция не слишком популярна (в «дальнее зарубежье» выезжает 35,7 % их знакомых-мигрантов), то в случае с российскими специалистами из столичных мегаполисов миграционный поток в этом направлении среди их знакомых составляет уже 42,7 %.

Москва и Санкт-Петербург в целом больше популярны в среде «сильных» подгрупп — *молодежи* (69,9 %), а также *более образованных специалистов* (78,8 %). В окружении специалистов с *плохим материальным обеспечением* («слабая подгруппа»), с одной стороны, проявляют определенную рациональность, обращая внимание не только на столичные варианты миграции, но и на крупные областные центры. С другой стороны, родственники, друзья и знакомые представителей данной подгруппы часто оказываются «выдавленными» в сельскую местность (туда они уезжают в два раза чаще, чем по группе в целом).

Таким образом, выделенные нами центры притяжения российских специалистов дают основания предполагать, что миграция в этой среде помогает повышению отдачи от человеческого капитала. Впрочем, с учетом того, что подавляющая часть миграционных потоков и «сильных» подгрупп ориентирована не просто в одном направлении, а в одну точку («в Москву!»), это не способствует сокращению «квалификационной ямы» на национальном уровне.

Удовлетворенность спроса на миграцию среди российских специалистов и их подгрупп

До сих пор мы в основном вели речь о миграционных предпочтениях, транслируемых в среде российских специалистов. Однако нельзя исключать отсутствия значимого влияния общих представлений на реальные желания и нужды опрашиваемых вследствие постепенного понижения или даже отсутствия массового спроса на миграцию. Каков же реальный спрос на миграцию среди представителей изучаемой нами профессиональной группы?

Среди российских специалистов удовлетворены своим местом проживания 53,3% опрошенных, остальные же все в той или иной мере — потенциальные мигранты (см. табл. 3).

Таблица 3. *Желаемое место проживания российских специалистов, 2017 г., %**

Характеристики		Желаемое место проживания					
		Там же, где и сейчас	В другой стране мира	В Москве или Санкт-Петербурге	В другом городе России	В сельской местности	Затруднились ответить
Возраст	18—30 лет	45,0	10,7	17,2	7,1	1,4	18,6
	31—40 лет	51,9	4,8	12,0	11,6	2,0	17,7
	старше 40 лет	58,3	6,4	8,6	8,0	2,5	16,2
Материальное положение	Хорошо	52,9	4,3	13,0	10,1	2,2	17,4
	Удовлетворительно	57,8	4,9	10,2	7,7	1,8	17,7
	Плохо	31,0	18,0	16,0	16,0	4,0	15,0
Тип поселения	Москва и Санкт-Петербург	85,3	5,5	3,7	0,0	0,0	5,5
	Областной центр	52,1	9,3	10,9	6,6	3,1	17,9
	Районный центр	42,9	5,3	15,1	14,7	2,4	19,6
	ПГТ и село	48,5	4,4	12,5	11,8	1,5	21,3
Образование	Магистратура, аспирантура и выше	49,1	8,8	24,6	7,0	1,8	8,8
	Остальные виды высшего образования	53,3	6,5	10,5	9,4	2,1	18,1
Всего		53,3	6,6	11,5	9,2	2,1	17,3

* Серым фоном выделены ячейки, в которых показатели превышали соответствующий показатель для специалистов в целом не менее чем на 6 п. п., аналогичным образом жирным курсивом выделены показатели, оказавшиеся меньше соответствующего показателя для специалистов в целом по крайней мере на 6 п. п.

Конечно, далеко не все недовольные своим нынешним местом проживания сменяют его в будущем. 17,3% из них даже не уверены в том, где бы они хотели проживать. Однако 29,4% имеют сформировавшееся представление о желаемых местах проживания, среди которых большей популярностью пользуются, конечно, две столицы (11,5%).

В отличие от представлений и установок, формируемых окружением изучаемой нами профессиональной группы, их собственные желания не так жестко привязаны к поселенческой структуре. В большинстве случаев иерархия предпочтений по месту

проживания едина для специалистов из разных типов поселений: в подавляющей массе они не хотят жить в сельской местности, хотя допускают возможность проживания в любом другом городе страны (в несколько большей степени предпочитая Москву и Санкт-Петербург всем остальным городам). Закономерно, что специалисты, уже проживающие в столицах, с одной стороны, реже затрудняются с выбором желаемого места проживания (таковых лишь 5,5%), а с другой стороны, значительно больше уверены, что место проживания их устраивает (85,3% против 53,3% по группе в целом). Хотя среди столичных специалистов желание уехать за рубеж распространено не сильнее, чем у жителей других типов поселений, однако для них это практически единственный вариант смены места жительства (переезд в сельскую местность либо в другой город России они не рассматривают вовсе).

Две другие особенности миграционных предпочтений российских специалистов вполне ожидаемы: *молодежь* менее остальных возрастных подгрупп специалистов удовлетворена местом своего проживания (45,0%) и при этом чаще стремится в Москву и Санкт-Петербург. Такие же устремления демонстрируют и специалисты с *более качественным человеческим капиталом* (имеющие образование не ниже магистратуры) с тем отличием, что их желание переехать в столичные мегаполисы превышает общегрупповой показатель более чем в два раза.

Пожалуй, самые неоднозначные желания высказываются в подгруппе специалистов, оценивающих свое *материальное положение как плохое*. 69,0% из них неудовлетворены местом своего проживания. Часть рационально оценивает свои возможности и претендует на переезд в любой город страны, однако 18% ориентированы на выезд за рубеж. Такое желание покинуть страну в сочетании с плохим личным благосостоянием сопровождается чувством нереализованности своих способностей, неудовлетворенностью карьерными возможностями и возможностями профессиональной реализации, хотя сами эти специалисты и предпринимали определенные попытки (в основном связанные с самообразованием) к пополнению своих знаний. По всей видимости, выбор зарубежной миграции при ответе на вопрос о желаемом месте проживания является не столько осознанным решением стать эмигрантом, сколько обозначением протестной позиции наименее благополучных специалистов.

Касаясь проблемы «утечки мозгов», отметим, что складывается впечатление о малочисленности подгруппы специалистов, желающих уехать из страны (6,6%). Тем не менее, если не брать в расчет специалистов с плохим материальным обеспечением, обращает на себя внимание желание каждого десятого молодого специалиста (10,7%), а также каждого одиннадцатого с более качественным человеческим капиталом (8,8%) покинуть страну. На основе имеющихся у нас данных мы не можем судить, кто из российских специалистов реально выезжает за рубеж, однако есть основания полагать, что выезжают представители именно «*сильных*» подгрупп¹⁰.

Итак, в стране существует спрос на миграцию со стороны российских специалистов. Однако ориентация этого спроса вызывает скорее опасения, чем вселяет надежды относительно разрешения проблемы «квалификационной ямы».

¹⁰ Профессор кафедры демографии МГУ: из России эмигрируют самые сливки // Аргументы и Факты. 2020. 19 февраля. URL: https://aif.ru/society/people/professor_olga_vorobyova_uezzhayut_molodye_obrazovannye_nebednye (дата обращения: 21.08.2021).

Заключение

Миграционное поведение — реальные перемещения из одних мест в другие, а также потенциальная готовность (миграционные установки) к смене места жительства ради учебы, новой работы, лучших условий жизни и т. д. — является важной, но пока еще слабо изученной характеристикой российских специалистов. Обладание развитым человеческим капиталом повышает способность представителей этой профессиональной группы переезжать из одного места жительства в другое, позволяет им получать более качественное образование и работу, снижая их зависимость от уровня национального экономического развития. Однако в какой степени их миграционное поведение в сегодняшней России соответствует западной «норме»? Иначе говоря, насколько это поведение характеризуется активной территориальной мобильностью, а также насколько такая мобильность помогает решению общенациональной проблемы «квалификационной ямы»?

Примерно половина российских специалистов высказывает определенные сомнения в том, что нынешнее место проживания им нравится, давая тем самым основания считать их потенциальными мигрантами. Другими словами, в стране есть довольно обширный ресурс, с помощью которого можно было бы сократить «квалификационную яму», перераспределив его таким образом, чтобы, с одной стороны, решить проблему заинтересованности в накоплении качественного человеческого капитала (сопоставив его с адекватными отдами), а с другой — минимизировать диспропорции регионально-поселенческого развития страны (за счет региональных центров притяжения). Впрочем, на данный момент миграционные потоки формируются во многом спонтанно под воздействием как объективных внешних обстоятельств, так и субъективных установок и предпочтений россиян.

Миграционная мотивация и центры притяжения в среде специалистов находятся под влиянием типа поселения, где проживают представители этой профессиональной группы. При этом поселенческий срез в большинстве случаев формирует более-менее эффективную специфику мотивов внутристрановой миграции специалистов: представители «сильных» подгрупп мигрируют в первую очередь ради работы, в то время как в окружении «слабых» допускают смену места жительства и ради обучения. Заметно хуже обстоит ситуация с центрами притяжения. Столицецентричная модель социально-экономического развития страны приводит к однонаправленному (центробежному) потоку внутристрановых мигрантов, который в случае с рассматриваемой профессиональной группой усугубляется отторжением вариантов переезда ниже крупного областного центра, а также переходом внутристрановой миграции в межстрановую.

На фоне существующего высокого спроса на смену места жительства некоторое сокращение потока мигрантов среди российских специалистов выглядит противоречиво. Что же в российских условиях тормозит миграционную активность специалистов (делает для них более выгодным проживание на одном месте), хотя в целом такого рода активность приносит им скорее выгоды?

Можно предположить, что ступенчатая столицецентричная миграция и является одной (наравне с отсутствием стартовых преимуществ, практикуемых ранее при системе вузовского распределения) из причин уменьшения реального потока мигрантов среди российских специалистов. Ведь доходные и интересные

(с точки зрения соотношения миграционных выгод и рисков) рабочие места быстро заполняются коренными жителями, а также мигрантами более ранних миграционных волн, которые тоже постепенно приобретают статус коренных поселенцев.

Наконец, следует обратить внимание и еще на две тенденции. Первая из них связана с «утечкой мозгов», практически единственным возможным типом миграции для столичных специалистов, привлекающим внимание в первую очередь молодых представителей этой профессиональной группы и имеющих более качественный человеческий капитал. Вторая тенденция в противовес первой связана со «слабой» подгруппой (плохо материально обеспеченные специалисты), представители которой, судя по всему, с трудом находят себе применение, а миграция для них служит в определенной степени замещением наращиванию человеческого капитала. Именно в этой среде происходит больше всего случаев переезда в сельскую местность, что косвенно подтверждает их «выдавливание» с рынка труда.

Таким образом, мы наблюдаем разнонаправленные тенденции: распространность миграционной мотивации среди специалистов работает, казалось бы, на возможности сокращения «квалификационной ямы», однако центры притяжения этой миграции ведут к ее усугублению. Причем вторая тенденция не только глубоко укоренена в историческом прошлом страны, но и имеет значимые негативные последствия, которые позитивная миграционная мотивация не способна нивелировать. В итоге все преимущества специалистов, отмечаемые в западной научной литературе (лучшая подготовленность к миграции, более широкий территориальный охват в поисках подходящего места, лучшее знание технологий эффективного подбора работы), в российской действительности если и дают им некоторые преимущества, то небольшие. Миграционный поток специалистов может с определенной долей эффективности повысить отдачи от полученного человеческого капитала (при варианте переезда в столичные мегаполисы), но скорее за счет дальнейшего усугубления «квалификационной ямы» на национальном уровне.

В целом результаты представленного исследования дали комплексную картину миграционных установок российских специалистов. В первую очередь это касается их внутристрановой миграции, но также затронуло и проблему эмиграции. Ряд полученных результатов подтверждают ранее сделанные в обществоведческой литературе выводы (например, о превалировании ступенчатой столицецентричной миграции), но сама попытка связать миграционный дискурс с человеческим капиталом в ракурсе получаемых от него отдач и феноменом «квалификационной ямы» представляет, на наш взгляд, новые возможности в понимании назревающих в стране социально-экономических проблем. Последние данные по углублению «квалификационной ямы» во всем мире под влиянием пандемии, а также о ее специфике в России¹¹ еще больше повышают актуальность представленного подхода.

¹¹ COVID 19 еще больше углубил «квалификационную яму» по всему миру // Boston Consulting Group. 2020. 15 декабря. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/press/15december2020-covid-19-deepens-the-qualification-pit-further-around-world> (дата обращения: 21.08.2021).

Список литературы (References)

Аникин В. А. Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 2. С. 90—117. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117>.

Anikin V. A. (2018) Human Capital in Post-Crisis Russia: Status and Impact. *Journal of Institutional Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 90—117. <http://dx.doi.org/10.17835/2076-6297.2018.10.2.090-117>. (In Russ.)

Беляева Л. А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2018. Т. 18. № 1. С. 58—72. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72>.

Belyaeva L. A. (2018) Social Distances as a Feature of the Contemporary Russian Social Space. *RUDN Journal of Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 58—72. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-58-72>. (In Russ.)

Вакуленко Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 55. С. 113—138.

Vakulenko E. (2019) Motives for Internal Migration in Russia: What Has Changed in Recent Years? *Applied Econometrics*. Vol. 55. P. 113—138. (In Russ.)

Данилова З. А. Миграционные настроения населения байкальского региона (по материалам социологического исследования) // Проблемы прогнозирования. 2010. № 3. С. 115—118.

Danilova Z. A. (2010) The Population Migration Climate in the Baikal Region (Based on Sociological Research). *Problems of Forecasting*. No. 3. P. 115—118. (In Russ.)

Зайков К. С., Каторин И. В., Тамицкий А. М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 230—247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>.

Zaikov K. S., Katorin I. V., Tamitskii A. M. (2018) Migration Attitudes of the Students Enrolled in Arctic-Focused Higher Education Programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 11. No. 3. P. 230—247. <https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15>. (In Russ.)

Зайончковская Ж. А., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф., Абылкаликов С. И., Середкина Е. А. Миграционные процессы в России // Население России 2017: двадцать пятый ежегодный демографический доклад / Отв. ред.: Захаров С. В. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2019. Гл. 6. С. 382—458. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2124-3>.

Zayonchkovskaya Zh. A., Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V., Florinskaya Y. F., Abykalkikov S. I., Seredkina E. A. (2019) Migration Processes in Russia. In: Zakharov S. V. (ed.) *Russia's Population in 2017: 25rd Annual Demographic Report*. Moscow: HSE Publishing House. Ch. 6. P. 382—458. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2124-3>. (In Russ.)

Зайончковская Ж. А., Ноздрина Н. Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98—111.

Zaionchkovskaya Zh. A., Nozdrina N. N. (2008) The Migration Experience of the Population of Russian Regional Centers, Based on a Sociological Survey in 10 Cities. *Problems of Forecasting*. Vol. 4. P. 98—111. (In Russ.)

Кузнецова С. А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. Т. 4. № 4. С. 34—45.
Kuznetsova S. A. (2013) Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Social Psychology and Society*. Vol. 4. No. 4. P. 34—45. (In Russ.)

Лазоренко А. О. Сущность и этапы развития корпоративного университета // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 17. С. 276—285.

Lazorenko A. O. Essence and Stages of Corporate University Development. *Innovations. Science. Education*. 2020. No. 17. P. 276—285. (In Russ.)

Латова Н. В. Миграционные установки и предпочтения российских рабочих в контексте концепции человеческого капитала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 39—51. <https://doi.org/10.31857/S013216250010206-9>.

Latova N. V. (2020) Migration Attitudes and Preferences of the Russian Workers in the Context of Human Capital. *Sociological Studies*. Vol. 10. P. 39—51. <https://doi.org/10.31857/S013216250010206-9>. (In Russ.)

Лычко С. К., Мосиенко Н. Л. Привлекательность города как фактор формирования миграционных установок студентов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2014. Т. 14. № 1. С. 160—169.

Lychko S. K., Mosienko N. L. (2014) City Attractiveness as a Factor of Formation of Students' Attitudes to Migration. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Socioeconomic Sciences*. Vol. 14. No. 1. P. 160—169. (In Russ.)

Массовая уникальность — глобальный вызов в борьбе за таланты. World Skills Russia, BCG, Rosatom, 2019. URL: https://rosatom-academy.ru/documents/321/Массовая_уникальность.pdf (дата обращения: 21.08.2021).

World Skills Russia, BCG, Rosatom. (2019) Mission Talent — Mass Uniqueness: A Global Challenge for One Billion Workers. URL: https://rosatom-academy.ru/documents/321/Массовая_уникальность.pdf (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Миграция сельского населения. М.: Мысль, 1970.
Rural Migration. (1970) Moscow: Thought. (In Russ.)

Мукомель В. И. Миграционные исследования: социологическое измерение // Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / Под ред. Тишкова В. А.; сост. Синанов Б. А. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 200—210.

Mukomel V. I. (2018) Migration Studies: The Sociological Dimension. In: Tishkov V. A. (ed.); Sinanov B. A. (comp.) *Scientific Research in the Field of Ethnicity, Interethnic Relations and the History of National Politics. Materials of the Session of the Scientific Council of the RAS on Complex Problems of Ethnicity and Interethnic Relations, December 19, 2017, Moscow*. Moscow: IEA RAS. P. 200—210. (In Russ.)

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. Rybakovsky L. L. (2003) *The Population Migration (Theory Questions)*. Moscow: Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Плетнева Ю. Э., Очирова Г. Н. Уехать или остаться? Миграционные установки участников программы «Глобальное образование» // Социологические исследования. 2020. № 12. С. 65—74. <https://doi.org/10.31857/S013216250009483-4>.

Ryazantsev S. V., Rostovskaya T. K., Pletneva Yu. E., Ochirova G. N. (2020) To Leave or to Stay? Migration Attitudes of the Participants of «Global Education» Program. *Sociological Studies*. No. 12. P. 65—74. <https://doi.org/10.31857/S013216250009483-4>. (In Russ.)

Скрипник Е. О. Миграционные намерения городского населения Хабаровского края // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 42—57.

Skripnik E. O. (2010) Migration Intentions of the Urban Population of the Khabarovsk Region. *Spatial Economy*. № 4. P. 42—57. (In Russ.)

Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>.
Simonyan R. H. (2017) Migration Attitudes of Russian Youth: A Regional Dimension. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 313—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16>. (In Russ.)

Скорев М. М., Олейникова Н. С. Квалификационная яма: теоретический и методический подходы // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2. С. 23—25.

Skorev M. M., Oleynikova N. S. (2020) Qualification Pit: Theoretical and Methodical Approaches. *Science and Education: Economy; Entrepreneurship; Law and Management*. No. 2. P. 23—25. (In Russ.)

Тихонова Н. Е. Профессиональная структура современной России: особенности и динамика // Общественные науки и современность. 2020. № 3. С. 18—34. <https://doi.org/10.31857/S086904990010067-5>.

Tikhonova N. E. (2020) The Professional Structure of Modern Russia: Features and Dynamics. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 3. P. 18—34. <https://doi.org/10.31857/S086904990010067-5>. (In Russ.)

Труфанов Д. О. Миграционные установки студенческой молодежи как фактор деформации социального пространства региона // Образование: молодежь, конкурентоспособность. Сборник докладов Международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию юбилею академика Российской академии

образования, доктора философских наук, профессора Г. Ф. Шафранова-Куцева. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2018. С. 178—182.

Trufanov D. O. (2018) Migration Attitudes Students as a Factor of Deformation of Social Space of the Region. In: *Education: Youth, Competitiveness. Collection of Reports of the International Scientific-Practical Conference, Dedicated to the 80th Anniversary of Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Philosophy, Professor G. F. Shafranov-Kutsev*. Tyumen: Tyumen State University, P. 178—182. (In Russ.)

Alfano V., D'Uva M., De Simone E., Gaeta G. L. (2019) Should I Stay or Should I Go? Migration and Job-Skills Mismatch Among Italian Doctoral Recipients. *GLO Discussion Paper Series*. No. 340. URL: <https://ideas.repec.org/p/zbw/glodps/340.html> (accessed: 04.08.2021).

Becker G. S. (1962) Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5. P. 9—49.

Büchel F., van Ham M. (2003) Overeducation, Regional Labor Markets, And Spatial Flexibility. *Journal of Urban Economics*. Vol. 53. No. 3. P. 482—493. [https://doi.org/10.1016/S0094-1190\(03\)00008-1](https://doi.org/10.1016/S0094-1190(03)00008-1).

Greenwood M. J. (1997) Internal Migration in Developed Countries. *Handbook of Population and Family Economics*. Vol. 1. Part B. P. 647—720. [https://doi.org/10.1016/S1574-003X\(97\)80004-9](https://doi.org/10.1016/S1574-003X(97)80004-9).

Iammarino S., Marinelli E. (2015) Education — Job (Mis) Match and Interregional Migration: Italian University Graduates' Transition to Work. *Regional Studies*. Vol. 49. No. 5. P. 866—882. <https://doi.org/10.1080/00343404.2014.965135>.

Kirillov P. L., Makhrova A. G. (2019) Shifts in Interregional Proportions in Population Settlement Over the Territory of Russia in 2002—2017. *Population and Economics*. Vol. 3. No. 1. P. 21—37. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e34905>.

Korpi M., Clark W. A. V. (2015) Internal Migration and Human Capital Theory: To What Extent Is It Selective? *Economics Letters*. Vol. 136. P. 31—34. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2015.08.016>.

Markham W. T., Pleck J. H. (1986) Sex and Willingness to Move for Occupational. *The Sociological Quarterly*. Vol. 27. No. 1. P. 121—143. <https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1986.tb00253.x>.

McGuinness S., Pouliakas K., Redmond P. (2018) Skills Mismatch: Concepts, Measurement and Policy Approaches. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 32. No. 4. P. 985—1015. <https://doi.org/10.1111/joes.12254>.

Schultz T. W. (1961) Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 1. P. 1—17.

Simpson W. (1987) Workplace Location, Residential Location, and Urban Commuting. *Urban Studies*. Vol. 24. No. 2. P. 119—128. <https://doi.org/10.1080/713703872>.

The Skill Matching Challenge: Analysing Skill Mismatch and Policy Implications. (2010) Luxembourg: Publications Office. URL: http://www.cedefop.europa.eu/EN/Files/3056_en.pdf (accessed: 22.08.2021).

van Ham M., Hooimeijer P., Mulder C. H. (2001) Urban Form and Job Access: Disparate Realities in the Randstad. *Journal of Economic and Social Geography*. Vol. 92. No. 2. P. 231—246. <https://doi.org/10.1111/1467-9663.00152>.

van Ham M., Mulder C. H., Hooimeijer P. (2001) Spatial Flexibility in Job Mobility: Macrolevel Opportunities and Microlevel Restrictions. *Environment and Planning A*. Vol. 33. No. 5. P. 921—940. <https://doi.org/10.1068/a33164>.

Yankow J. J. (2003) Migration, Job Change and Wage Growth: A New Perspective on the Pecuniary Return to Geographic Mobility. *Journal of Regional Science*. Vol. 43. No. 3. P. 483—516. <https://doi.org/10.1111/1467-9787.00308>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1803](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1803)

В. М. Пешкова

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО. ЧАСТЬ I: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Транснациональное детство. Часть I: постановка вопроса и обзор основных теоретико-методологических подходов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 451—467. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1803>.

For citation:

Peshkova V. M. (2021) Transnational Childhood. Part I: The Review of Theoretical Approaches and Formulation of the Research Question . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 451–467. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1803>. (In Russ.)

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО. ЧАСТЬ I: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА И ОБЗОР ОСНОВНЫХ ТЕОРЕТИКО-МЕ- ТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

*ПЕШКОВА Вера Михайловна — канди-
дат исторических наук, старший науч-
ный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследователь-
ского социологического центра Россий-
ской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: pever@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>*

Аннотация. Статья содержит поста-
новку вопроса и обзор основных
теоретико-методологических подхо-
дов к изучению места и роли детей
мигрантов в современной междуна-
родной миграции. Понятие «дети ми-
грантов» охватывает не только тех, кто
приехал вместе с родителями, но и тех,
кто остался в отправляющей стране.
Это актуализирует вопрос о том, как
международная миграция в Россию
влияет на детей мигрантов «здесь»
и «там», как трансформирует понима-
ние и практики детства и каким обра-
зом влияет на миграцию их родителей
и миграционную ситуацию в целом.
Общей теоретической рамкой для из-
учения места и роли детей в миграции
выступает антропология и социология
детства. Отмечена необходимость при
изучении детей мигрантов и их детства
исходить из того, что дети, так же как
и взрослые, — активные субъекты
современной транснациональной ми-
грации. В связи с этим роль и место
детей мигрантов предлагается изучать
в контексте такого понятия, как «транс-
национальное детство». В статье при-
водится описание основных направ-
лений исследований детей в условиях
международной миграции. Среди них

TRANSNATIONAL CHILDHOOD. PART I: THE REVIEW OF THEORETICAL AP- PROACHES AND FORMULATION OF THE RESEARCH QUESTION

*Vera M. PESHKOVA¹ — Cand. Sci. (Hist.),
Senior Research Fellow
E-MAIL: pever@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>*

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the for-
mulation of a research question and re-
views main theoretical and methodolog-
ical approaches to the study of the place
and role of children in modern interna-
tional migration. The concept of “children
of migrants” covers not only those who
came to a new country with their parents,
but also those who remained in a send-
ing country. This raises the question of
how international migration to Russia
affects the children of migrants “here”
and “there”, how it transforms the un-
derstanding and practices of childhood,
and how it affects the migration of their
parents and the migration situation in
general. The theoretical framework for
the study is anthropology and sociology
of childhood. When studying children of
migrants and their childhood, we em-
phasize the need to proceed from the
fact that like adults, children are active
subjects of modern transnational migra-
tion. In this regard, we propose to study
the migrant children in the context of
such a concept as “transnational child-
hood”. The article overviews the follow-
ing research on children in the context
of international migration: studies of
generations, structural characteristics
of childhood in the context of migration,

исследования поколений, структурных характеристик детства в условиях миграции, практик воспитания в транснациональных социальных контекстах, распределения родительских ролей, поддержания семейных связей и организации заботы на расстоянии, изучение влияния переселения на благополучие семей мигрантов, а также образования детей мигрантов и их интеграции в стране миграции. Настоящая статья — первая часть текста, посвященного транснациональному детству в России. Во второй части, запланированной к публикации в одном из следующих номеров журнала, приводятся результаты полевого исследования роли и места детей в миграции из Средней Азии в России.

Ключевые слова: международная миграция, трудовая миграция, дети мигрантов, транснационализм, транснациональные социальные пространства, транснациональное детство

practices of upbringing in transnational social contexts, sharing of parental responsibilities, the maintenance of family ties and arranging care at a distance, the impact of resettlement on well-being of migrant families, as well as education and integration of migrant children into a recipient society. The article is the first part of a paper devoted to transnational childhood in Russia. Its second part is scheduled for publication in one of next issues of the journal and presents the results of a field study on the role and place of children in migration from Central Asia to Russia.

Keywords: children of migrants, Central Asia, labor migration, transnationalism, transnational social spaces, transnational childhood

Постановка исследовательского вопроса

Конец мая 2015 г. Рейсом Москва — Ош направляюсь в свою первую научную командировку в Среднюю Азию. Самолет вместимостью 200 с лишним человек полон. Примерно 25%-30% пассажиров составляют дети самых разных возрастов. В некоторых семьях по трое-четверо детей. Спрашиваю стюардессу, как обычно проходят рейсы между Москвой и Ошем: как часто среди пассажиров бывают дети и сколько их на рейсах между Россией и Кыргызстаном. Оказалось, что подобные перемещения детей — рядовое явление, особенно для летнего периода. Иными словами, одновременно с миром трудовых мигрантов со своими задачами и проблемами существует мир детей мигрантов, которые, так же как и взрослые, перемещаются между странами. Однако статистика и миграционные исследования не уделяют этому вопросу специального внимания. Начнем со статистики.

На протяжении последнего десятилетия на территории России находилось одновременно 10—11 млн временно пребывающих иностранных граждан. Максимальное число иностранцев пришлось на летне-осенний период 2013—2014 гг. — 11,4—11,8 млн человек [Ежемесячный мониторинг..., 2019: 61]. Более 80% от них составляют граждане стран СНГ, главным образом представители Украины и стран Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан), причем

на последних приходится почти половина всех временных внешних мигрантов (на лето 2019 г. 4,3 млн) [Ежемесячный мониторинг..., 2019: 39—40]. Поскольку это преимущественно трудовые мигранты, основными центрами их притяжения являются российские регионы, где есть рабочие места.

Для прошедшего десятилетия также характерен постепенный рост доли женщин-мигрантов: если среди мужчин 32,1% прибыли после 2013 г., то среди женщин — 40,6%, причем каждая пятая женщина — вдовая или разведенная [Мукомель, 2017: 71]. Данные Главного управления по делам миграции МВД, ведущего в настоящее время миграционную статистику, к сожалению, не содержат актуальных сведений о половозрастном составе мигрантов. В связи с этим обратимся к статистике Федеральной миграционной службы РФ, реализовывавшей государственную политику в сфере миграции в 2012—2016 гг. и собиравшей подобную информацию. Согласно ФМС, наибольшая доля женщин-мигрантов приходится на Беларусь и Казахстан, затем с небольшим отрывом идут Украина и Кыргызстан.

Феминизации миграции сопутствует и рост переселений с детьми [Александров и др., 2012: 49]. Причем доля женщин, находящихся в миграции с детьми, почти в десять раз выше при условии совместного выезда с мужем [Женщины-мигранты..., 2011: 34]. Но прежде чем привести статистические данные о количестве детей, укажем, что возрастные границы детства различаются в зависимости от культурного и юридического контекста. Если следовать определению Конвенции по правам ребенка, в среднем каждый девятый временно пребывающий на территории России иностранный гражданин — ребенок¹. В зависимости от страны происхождения доля детей варьируется. Наибольшая доля детей среди мигрантов из Кыргызстана и Казахстана, наименьшая — из Молдовы и Узбекистана. Если сравнивать страны Средней Азии, откуда идет основной поток трудовой миграции, на первом месте окажется Кыргызстан (почти каждый шестой мигрант — ребенок), на втором Таджикистан (каждый восьмой — ребенок) и, наконец, Узбекистан (6% — мигранты в возрасте до 17 лет) (см. табл. 1).

Таблица 1. Половозрастной состав иностранных мигрантов в России, 2013—2016 гг.

Страны	Численность иностранных граждан, чел.				Доля женщин, %				Доля мигрантов в возрасте до 17 лет, %			
	2013 январь	2014 октябрь	2015 ноябрь	2016 апрель	2013 январь	2014 октябрь	2015 ноябрь	2016 апрель	2013 январь	2014 октябрь	2015 ноябрь	2016 апрель
Армения	377757	528699	504971	471969	37,4	30,3	32,8	34,3	10,0	13,5	11,8	12,1
Азербайджан	591849	615609	532321	518819	33,4	31,9	34,2	34,7	14,2	14,2	14,2	13,1
Беларусь	309593	489365	634861	653593	35,0	41,6	43,5	43,4	7,0	11,5	13,0	12,7
Казахстан	537992	583799	685841	622142	43,8	41,8	40,8	36,7	13,4	17,2	17,0	15,6
Молдова	527360	2593952	517692	477949	33,1	33,4	34,6	35,3	5,6	8,4	9,1	8,8
Кыргызстан	540406	553675	526502	574194	40	38,8	39,5	38,8	10,2	17,3	19,0	16,8
Таджикистан	1019696	1152721	933155	878536	17,5	15,4	17,1	17,2	7,5	13,3	13,3	12
Узбекистан	2294397	2455274	1943384	1755781	18,3	17,3	18,8	18,7	4,6	7,0	7,4	6,2
Украина	1334653	585912	2566377	2487408	37,1	41,4	40,8	41,7	5,6	14,2	14,1	13,4

*Источник: данные ФМС РФ.

¹ Согласно Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 г., «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 26.08.2021).

Отсутствие официальной статистики о семейном статусе мигрантов и количестве детей, в том числе находящихся с ними в миграции, частично компенсируется данными различных социологических обследований. Согласно исследованию мигрантов в Москве 2014 г., только каждый пятый проживал со своими детьми. Таким образом, в среднем на 10 мигрантов, работающих в Москве, приходилось 1,3 ребенка [Зайончковская и др., 2014]. Эти данные переключаются с результатами другого исследования, согласно которому у большинства мигрантов из Средней Азии есть дети (в основном два-три ребенка в семье), но с детьми в миграции находится чуть более 20%: с одним ребенком — 11,6%, с двумя детьми — 6,8%, с тремя или четырьмя — 4,1% [Деминцева, Пешкова, 2014].

Однако понятие «дети мигрантов» охватывает не только тех, кто приехал вместе с родителями, но и тех, кто остался на родине. Дети, так же как и родители, включены во множественные социальные и экономические сети, пересекающие национальные границы, что создает разнообразие транснациональных практик, в которых члены семьи могут участвовать в определенные периоды времени по разные стороны границ. Иными словами, дети «здесь» и «там» являются одной из принципиальных составляющих транснационального социального поля современной международной миграции [Levitt, Schiller, 2004; Vertovec, 2009: 66—69] и попадают в область интереса и миграционных исследователей, и исследователей детей и детства.

Возникает вопрос: а как трудовая миграция в Россию влияет на детей мигрантов — тех, кто остается в отправляющей стране, и тех, кто находится в России? Как она трансформирует понимание и практики детства? И, наоборот, каким образом дети «здесь» и «там» влияют на миграцию их родителей? Моя задача — обратить внимание на место и роль детей мигрантов на примере наиболее многочисленной трудовой миграции из Средней Азии в Россию. Основная идея статьи в том, чтобы показать, что дети, как и их родители-мигранты, включаясь во множественные социальные и экономические сети, которые пересекают национальные границы, создают новые или усиливают существующие транснациональные социальные пространства и определяют современную миграцию в Россию как транснациональную,

Теоретико-методологические подходы к исследованию детей мигрантов и транснационального детства

Общей теоретической рамкой для изучения места и роли детей в миграции считается антропология и социология детства, начало которой было положено в работах французского историка повседневности Ф. Арьеса в 1960-е годы [Арьес, 1999]. Его основное положение состоит в том, что детство, а значит, и теоретические представления о воспитании, и практики воспитания детей — социальное явление, различающееся в разных культурных и исторических контекстах. В 1970-е годы произошел методологический поворот: детей стали воспринимать как людей, имеющих права, а не только как объект воспитания [James, Prout, 1997: 8]. Ключевые характеристики новой парадигмы: детство — это социальная конструкция; детство — такая же единица социального анализа, как класс, гендер, этничность; к изучению детства следует подходить из собственной логики анали-

за, а не из перспективы взрослых; дети — активные акторы в конструировании социальной жизни, причем не только собственной, но и жизни общества вокруг.

Хотя проблематика детей существует в миграционных исследованиях практически столько же, сколько и сами исследования, тем не менее долгое время она рассматривалась как что-то второстепенное, сопутствующее миграции взрослых индивидов, преимущественно мужчин как главных движущих сил миграции, а сами дети, как правило, представлялись жертвами и иждивенцами. Переход от исследования отдельных мигрантов, чаще всего мужчин как экономически мотивированных агентов, к женщинам и детям, а также в целом к семье и домохозяйству как единице миграционных исследований, ознаменовал и появление транснациональной парадигмы в области исследований миграции с начала 1990-х годов [Seeberg, Goździak, 2016].

Постепенно произошел переход от определения детей преимущественно как жертв или как средств осуществления миграции к признанию их субъектности, интерсекциональности и перформативности [Hart, 2008; Skelton, 2007; Huijsmans, 2011; Punch, 2012]. В то же время ряд исследователей призывает не преуменьшать и значение структурных факторов, определяющих агентскую деятельность. К ним, помимо собственно родителей и семьи в целом, относят культурный и социальный контекст, в том числе определяемый культурой уровень родительского контроля, социальную политику отправляющего и принимающего государств, миграционную политику в целом, условия получения гражданства, гендерное измерение и т. п. [Radziwinowiczovna, 2014].

Обзор англоязычных миграционных исследований показывает огромное разнообразие и сложность детской миграции и, соответственно, проблематики детей в условиях международной миграции. Начнем с того, что нет единого определения миграционного статуса несовершеннолетнего. В некоторых странах принято считать ребенка мигрантом, если его/ее бабушка по материнской линии родилась в иной стране. В одном из масштабных межстрановых исследований школьников PISA (Programme for International Student Assessment) мигрантом считается ребенок, оба родителя которого родились за пределами данной страны. В США мигрантами считаются те, у кого хотя бы один из родителей родился за пределами США [Александров и др., 2012: 17].

Достаточно широкое распространение получил поколенческий подход. Разделение на поколения проблематизируется в первую очередь при изучении различий в темпах и способах адаптации и интеграции [Rumbaut, 2004; Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993]. Например, мигранты в США делятся на несколько поколенческих групп в зависимости от возраста прибытия в страну. Принадлежность к поколению в свою очередь определяет опыт и степень адаптации [Rumbaut, 2004: 1169]. Кроме этого, следует учитывать различное время начала миграции и размер волны миграции [ibid.: 1199], что вполне актуально и для ситуации с внешней миграцией в Россию.

Нам ближе подход, согласно которому вместо «поколения» предлагается использовать понятие «детство», а дети рассматриваются не как пассивные «взрослые в процессе становления», а как агенты со своими собственными планами и взглядами [Seeberg, Goździak, 2016]. Причем многие дети сами не являются

мигрантами, но, участвуя в сетях поверх границ, часто играют центральную роль в транснациональной миграции членов их семей [Tyrrell, Kallis, 2015; Gardner, 2012: 5]. Место и роль детей в данном контексте обозначаются через понятие *contested childhood* или «взросление в условиях миграции», как наиболее точное определение состояния детей мигрантов, которые растут и взрослеют в мигрантском социальном пространстве [Seeberg, Goździak, 2016].

Не следует забывать и о структурных характеристиках детства в условиях миграции. Речь о том, что в каждой стране существуют свои модели семьи и, соответственно, отношения к детям. Иными словами, некоторые ценности транснациональных семей становятся проблемой только в контексте западного европейского общества, для которого семья является единицей национального государства. Например, в Сомали дети — часть больших семейных сетей, где решения, касающиеся детей, принимаются на благо коллектива, и ребенок, оставленный на попечении дальних родственников, не считается брошенным. Но то же самое правило в семьях мигрантов из Сомали для государственной системы принимающей страны Швеции является неприемлемым [Johnsdotter, 2015] и социально безответственным. Определенное влияние на структурные характеристики детства в условиях миграции оказывают отношение принимающего населения к миграции в целом и к иноэтничной миграции в частности, то есть предубеждения, дискриминация и расизм [Rastas, 2009], а также классовые характеристики мигрантов и принимающего населения [Bargłowski, Pustulka, 2018; Parreñas, 2005b; Lopez, 2010].

Проблематика детей мигрантов также актуализируется в исследованиях влияния миграции на благополучие семей переселенцев [Mazzucato, Schans, 2011; Abrego, 2009]. Здесь существуют два почти противоположных мнения. Первое: миграция родителей приводит к ухудшению условий жизни детей, которые, находясь под опекой разных людей, с большей вероятностью оказываются в неблагоприятной ситуации [Schmalzbauer, 2004]. Другие не видят прямой причинно-следственной связи между миграцией и снижением благосостояния семьи. Более того — в некоторых транснациональных семьях уровень благополучия детей выше, чем в тех, где родители не являются мигрантами [Cebotari, Mazzucato, Appiah, 2017].

Забота на расстоянии — еще одна популярная тема в исследованиях детей мигрантов. Она появилась в начале 1980-х годов в рамках изучения гендерных аспектов миграции. Здесь место и роль ребенка в миграции теоретизируются через «треугольник заботы» или взаимодействие между тремя участниками: «оставленными» детьми, родителями-мигрантами и родителями-немигрантами/опекунами или другими людьми, осуществляющими уход. Причем каждая сторона треугольника представляет собой как дискурсивное, так и материальное социальное пространство семейных отношений. Отдельное внимание уделяется стратегиям заботы на расстоянии, создающим ощущение «совместного присутствия», «близости в разлуке» или «виртуальной близости» [Olwig, 1999; Parreñas, 2005a; Wilding, 2006; Tymczuk, 2015; Cebotari, Mazzucato, Appiah, 2017; Suárez-Orozco, Todorova, Louie, 2002], тому, как под влиянием миграции трансформируются практики заботы [Graham et al., 2012; Parreñas, 2001; Parreñas, 2008; Poeze, Dankyi, Mazzucato, 2017], а также различиям в подходах к заботе в разных культурных и социальных контекстах [Johnsdotter, 2015: 93; Bargłowski, Pustulka, 2018]. Тема

заботы рассматривается и в более широком контексте глобального разделения труда. Имеется в виду, что миграционное движение преимущественно с юга на север и с востока на запад приводит к перераспределению «векторов заботы»: в семьях «глобального юга» опекуны воспитывают детей, чьи матери заботятся о детях или родителях «глобального севера» [Kovács, 2018].

Отдельная группа исследований посвящена изучению способов поддержания семейных связей и организации заботы с помощью современных информационных технологий и транснациональных методов коммуникации [Monini, 2018; Fresnoza-Flot, 2018; Veale, Donà, 2014; Parreñas, 2001; Parreñas, 2005a; Wilding, 2006]. Делается вывод, что благодаря мобильным технологиям произошло формирование «транснационального материнства», которое охватывает набор родительских стратегий по воспитанию и развитию эмоциональных связей на расстоянии [Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Parrenas, 2001]. Утверждается, что различные практики заботы на расстоянии создают ощущение эмоциональной близости родителей и детей в ситуации миграции, что совместимо с социальным присутствием и участием [Wilding, 2006; Tymczuk 2015; Carling, Menjívar, Schmalzbauer, 2012]. Противоположное мнение состоит в том, что виртуальная близость не компенсирует физическое разделение, «страдания оставленных детей» — неотъемлемая часть «логики экономики денежных переводов», а разделение с родителями для большинства детей становится травматическим опытом, определяющим характер и эмоциональное состояние несовершеннолетних [Castañeda, Buck, 2011, Baldassar, 2007].

Другое направление изучения заботы о детях мигрантов охватывает исследования распределения родительских ролей, их гендерные и поколенческие различия [Ducu, 2018]. Один из выводов состоит в том, что постепенный рост доли женщин-мигрантов приводит, с одной стороны, к «кризису заботы» [Parreñas, 2005b], с другой — к росту значимости участия мужчин в домашнем хозяйстве и воспитании детей в отправляющих мигрантов обществах [Graham et al., 2012]. Из-за миграции происходит трансформация институтов отцовства и материнства [Hondagneu-Sotelo, 1997; Barglowski, Pustulka, 2018; Tolstokorova, 2018], а также иногда и изменение ролей детей — в частности, старшие дети начинают выполнять родительские функции для своих младших братьев и сестер [Sørensen, Vammen, 2014; Cebotari, Mazzucato, Appiah, 2017].

Значительное место в исследованиях современной миграции и детей занимают работы, посвященные изучению практик воспитания в транснациональных социальных контекстах. Они включают в себя изучение места и роли владения родным языком и языком принимающей страны, которые в свою очередь рассматриваются как показатель включения детей в национальные и транснациональные социальные пространства [Upegui-Hernandez, 2014: 203], а также как один из показателей сохранения этнической идентификации не только самих несовершеннолетних, но и их родителей [Tyrrell, Gina, 2015; Orellana, 2009; Portes, Rumbaut, 2001]. Идентичности детей мигрантов, живущих как минимум между двумя культурно-этническими наборами практик, описываются с помощью таких понятий, как гибридная, дефисная, трансграничная и бикультурная идентичность [Upegui-Hernandez, 2014].

В целом дети мигрантов рассматриваются как наиболее динамичная часть взаимодействия между этнической идентичностью, интеграцией и транснациональными связями [Vathi, 2011; Rumbaut, 2004]. При этом особое внимание обращается на динамику и особенности воспитания в транснациональном социальном пространстве [Orellana et al., 2001; Carling, Menjívar, Schmalzbauer, 2012], на влияние норм страны эмиграции и принимающей страны на различные поколения мигрантов [Barglowski, 2015].

В американских исследованиях международной миграции также широко обсуждается проблематика, которая, вполне возможно, в ближайшие годы станет актуальна для России. Речь идет об образовательных, социальных и психологических последствиях миграции для студентов и детей, когда они возвращаются в страну происхождения своих родителей [Borjjan et al., 2016].

В целом образование детей мигрантов, особенно родительские стратегии и практики, направленные на образование, взаимодействие по этому поводу с образовательными и другими институтами принимающего общества, а также активность и роль этих институтов в интеграции переселенцев и их детей, относятся к числу наиболее разработанных направлений в зарубежных и отечественных миграционных исследованиях. Более того, в российских исследованиях детей мигрантов данная проблематика лидирует. Во-первых, изучается доступность образовательных услуг, а также интеграция детей мигрантов в школьную среду и успешность этого процесса; анализируются активность государственных и общественных институтов по взаимодействию с детьми мигрантов, а также различные аспекты их учета, социально-демографические характеристики и влияние на изменение школьного и городского пространств [Флоринская, 2012; Александров и др., 2012; Макаров, 2010; Сабирова, Андреева, 2014; Деминцева и др., 2017]. Другая группа работ посвящена различным видам услуг и их доступности детям мигрантов: в частности, в области здравоохранения [Александров и др., 2012], в области досуговых практик и внеучебной активности [Акифьева, 2014; Акифьева, 2015; Сабирова, Андреева, 2014].

В последние годы также появляются работы, посвященные изучению детей мигрантов из транснациональной перспективы, в рамках которой несовершеннолетние рассматриваются как важнейшие транснациональные агенты [Абашин, 2012]. Из этой перспективы анализируются особенности родительства на расстоянии, в том числе транснациональные практики, связывающие родителей и оставшихся дома детей [Темкина, 2005; Борисова, 2016]. В фокусе внимания также осмысление особенностей родительства, родительской заботы и практик заботы о детях на примере трудовых мигрантов из Средней Азии в Санкт-Петербурге [Бредникова, Сабирова, 2015]. Наконец, изучается связь транснациональных контекстов и интеграционных процессов, а именно траектории разных поколений мигрантов с интеграционной и транснациональной точек зрения [Akifyeva, 2015], а также социально-культурная идентификация детей мигрантов с точки зрения их места и роли в интеграции семей переселенцев [Барзгова, 2010].

Таким образом, в настоящее время в российских исследованиях детей мигрантов преобладает изучение особенностей их адаптации и интеграции в российское общество, прежде всего в образовательную среду. И только начинает форми-

роваться направление исследований детей мигрантов из транснациональной перспективы, которая, как представляется, позволяет наиболее комплексно проанализировать миграционные процессы и, в частности, то, каким образом дети создают и/или трансформируют не только свою жизнь и жизнь своих родителей, но и современную миграцию в целом.

В следующей части статьи, публикация которой запланирована в одном из следующих номеров журнала, делается попытка заполнить некоторые исследовательские пробелы в изучении места и роли детей в современной международной миграции в России на примере трудовой миграции из Средней Азии².

Список литературы (References)

Абашин С. Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3—13.

Abashin S. N. (2012) Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ethnographic Review*. No. 4. P. 3—13. (In Russ.)

Акифьева Р. Н. Досуговые практики и образовательные притязания: взаимосвязь с миграционной историей и ресурсами семьи // Демоскоп Weekly. 2014. № 611—612. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134212083> (дата обращения: 20.08.2021).

Akifyeva R. N. (2014) Leisure Practices and Educational Aspirations: Relationship With Migration History and Family Resources. *Demoscope Weekly*. No. 611—612. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134212083> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Акифьева Р. Н. Дети и родители-мигранты в Санкт-Петербурге: несогласованные линии поведения // Этнографическое обозрение. 2015. № 5. С. 117—134. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134214079> (дата обращения: 20.08.2021).

Akifieva R. N. (2015) Children and Their Migrant Parents in St. Petersburg: Divergent Lines of Behavior. *Ethnographic Review*. No. 5. P. 117—134. URL: <https://publications.hse.ru/articles/134214079> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Костенко В. В., Савельева С. С., Тенишева К. А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). 2012.

Alexandrov D. A., Ivanyushina V. A., Kostenko V. V., Savelyeva S. S., Tenisheva K. A. (2012) The State of Children of Migrants in Saint Petersburg. Moscow: United Nations Children's Fund (UNICEF).

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. 1999.

Ariès PH. (1999) A L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University.

² Использованы материалы научного проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» при финансовой поддержке РНФ № 14-18-02149 (2014—2016 гг.) и № 14-18-02149-П (2017—2018 гг.), под рук. С. Н. Абашина.

Баразгова Е. С., Вандышев М. Н., Лихачева Л. С. Противоречия в формировании социокультурной идентичности детей трансграничных мигрантов // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 229—240. URL: <http://hdl.handle.net/10995/18581> (дата обращения: 20.08.2021).

Barazgova E. S., Vandyshev M. N., Likhacheva L. S. (2010) Sociocultural Identity Formation Contradictions in the Transboundary Migrants' Children. *Izvestia. Ural State University Journal. Series 2. Humanities*. No. 1. P. 229—240. URL: <http://hdl.handle.net/10995/18581> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Борисова Е. В. Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 228—245. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

Borisova E. V. (2016) Parenting at a Distance: Transnational Practices in Migrant Families From Tajikistan. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 28. P. 228—245. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Бредникова О. Е., Сабирова Г. А. Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах // Антропологический форум. 2015. № 26. С. 127—152. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

Brednikova O. E., Sabirova G. A. (2015) Children in Migrant' Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts. *Forum for Anthropology and Culture*. No. 26. P. 127—152. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/026/brednikova_sabirova.pdf (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Деминцева Е. Б., Зеленова Д. А., Космидис Е. А., Опарин Д. А. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмосковья // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>.

Demintseva E. B., Zelenova D. A., Kosmidis E. A., Oparin D. A. (2017) Adaptation of Migrant Children in the Schools of Moscow and the Moscow Region. *Demographic Review*. Vol. 4. No. 4. P. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. (In Russ.)

Деминцева Е. Б., Пешкова В. М. Мигранты из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597—598. URL: <https://publications.hse.ru/articles/127308733> (дата обращения: 20.08.2021).

Demintseva E. B., Peshkova V. M. (2014) Migrants from Central Asia in Moscow. *Demoscope Weekly*. No. 597—598. URL: <https://publications.hse.ru/articles/127308733> (accessed: 20.08.2021). (In Russ.)

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — март 2019 г. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. URL:

<https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).

Monthly Monitoring of the Socio-Economic Situation and Well-Being of the Population: 2015 — March 2019. (2019) Moscow: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — август 2019 г. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (дата обращения: 21.08.2021).

Monthly Monitoring of the Socio-Economic Situation and Well-Being of the Population: 2015 — August 2019. (2019) Moscow: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Тюрюкановой Е. В. М.: МАКС Пресс, 2011.

Tyuryukanova E. V. (ed.) (2011) Women Migrants From the CIS Countries in Russia. Moscow: MAX Press.

Зайончковская Ж. А., Полетаев Д. А., Флоринская Ю. Ф., Доронина К. А. Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. 2014. № 605—606. URL: <https://publications.hse.ru/articles/141962229> (дата обращения: 21.08.2021).

Zajonchkovskaya J. A., Poletaev D. A., Florinskaya Yu. F., Doronina K. A. (2014) Migrants Through the Eyes of Muscovites. *Demoscope Weekly*. No. 605—606. URL: <https://publications.hse.ru/articles/141962229> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Макаров А. Я. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94—101. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf (дата обращения: 21.08.2021).

Makarov A. Ya. (2010) Specifics of Ethno-Cultural Adaptation Among Migrants' Children in Moscow Schools. *Sociological Studies*. No. 8. P. 94—101. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и экономика. 2017. Т. 14. № 6. С. 69—79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>.

Mukomel V. I. (2017) Migrants at the Russian Labor Market: Occupations, Mobility, Intensity of Labor and Wages. *Statistics and Economics*. Vol. 14. No. 6. P. 69—79. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2017-6-69-79>. (In Russ.)

Сабирова Г. А., Андреева Ю. В. Школьная дружеская компания подростка с миграционной историей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 1 С. 170—189. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_1/Sabirova_Andreyeva_2014_1.pdf (дата обращения: 21.08.2021).

Sabirova G.A, Andreeva Yu.V. (2014) School Friends of an Adolescent With Migrant Background. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 17. No. 1. P. 170—189. URL: http://jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_1/Sabirova_Andreyeva_2014_1.pdf (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Флоринская Ю. Ф. Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly. 2012. № 515—516. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (дата обращения: 21.08.2021).

Florinskaya Yu.F. (2012) Children of Migrants in Russia: Access to Education and Medicine. *Demoscope Weekly*. No. 515—516. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (accessed: 21.08.2021). (In Russ.)

Abrego L. (2009) Economic Well-Being in Salvadoran Transnational Families: How Gender Affects Remittances Practices. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 71. No. 4. P. 1070—1085. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2009.00653.x>.

Akifyeva R. N. (2015) Children and Parents in the Migration Context: Dissonant or Consonant Trajectories. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 103/HUM/2015. Basic Research Program Working Papers Series: HUMANITIES WP BRP 103/HUM/2015. *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2656098>.

Baldassar L. (2007) Transnational Families and the Provision of Moral and Emotional Support: The Relationship Between Truth and Distance. *Identities*. Vol. 14. No. 4. P. 385—409. <https://doi.org/10.1080/10702890701578423>.

Barglowski K., Pustulka P. (2018) Tightening Early Childcare Choices — Gender and Social Class Inequalities Among Polish Mothers in Germany and the UK. *Comparative Migration Studies*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0102-6>.

Barglowski K. (2015) Polish Migrants in Germany: Challenges and Inequalities in Raising Children in Transnational Social Spaces. *COMCAD Working Papers*. No. 131. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-50818-4> (accessed: 21.08.2021).

Borjian A., Muñoz de Cote L. M., van Dijk S., Houde P. (2016) Transnational Children in Mexico: Context of Migration and Adaptation. *Diaspora, Indigenous, and Minority Education*. Vol. 10. No. 1. P. 42—54. <https://doi.org/10.1080/15595692.2015.1084920>.

Carling J., Menjívar C., Schmalzbauer L. (2012) Central Themes in the Study of Transnational Parenthood. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 2. P. 191—217. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.646417>.

Castañeda, E., Buck L. (2011) Remittances, Transnational Parenting, and the Children Left Behind: Economic and Psychological Implications. *The Latin Americanist*. Vol. 55. No. 4. P. 85—110. <https://doi.org/10.1111/j.1557-203x.2011.01136.x>.

Cebotari V., Mazzucato V., Appiah E. A. (2017) A Longitudinal Analysis of Well-Being of Ghanaian Children in Transnational Families. *Child Development*. Vol. 89. No. 5. P. 1768—1785. <https://doi.10.1111/cdev.12879>.

Ducu V. (2018) Afterword: Gender Practices in Transnational Families. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 191—204. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_12.

Fresnoza-Flot A. (2018) Rethinking Children's Place(S) in Transnational Families: Mobile Childhoods in FilipiNo. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 11—24. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_2.

Gardner K. (2012) Transnational Migration and the Study of Children: An Introduction. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 6. P. 889—912. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.677170>.

Graham E., Jordan L. P., Yeoh B.S, Lam T., Asis M., Su-kamdi. (2012) Transnational Families and the Family Nexus: Perspectives of Indonesian and Filipino Children Left Behind by Migrant Parent(s). *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 44. No. 4. P. 793—815. <https://doi.org/10.1068/a44445>.

Hart J. (2008) Children's Participation and Development: Attending to the Political. *The International Journal of Children's Rights*. Vol. 16. No. 3. P. 407—418. <https://doi.org/10.1163/157181808X311231>.

Hondagneu-Sotelo P, Avila E. (1997) "I'm Here, but I'm There": The Meanings of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*. Vol. 11. No. 5. P. 548—571. <https://doi.org/10.1177/089124397011005003>.

Huijsmans R. (2011) Child Migration and Questions of Agency. *Development and Change*. Vol. 42. No. 5. P. 1307—1321. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2011.01729.x>.

James A., Prout A. (eds.) (1997) *Constructing and Reconstructing Childhood: Contemporary Issues in the Sociological Study of Childhood*. London: Falmer.

Johnsdotter S. (2015) European Somali Children Dumped? On Families, Parents, and Children in a Transnational Context. *European Journal of Social Work*. Vol. 18. No. 1. P. 81—96. <https://doi.org/10.1080/13691457.2013.844682>.

Kovács N. (2018) Transnational Migrant Entrepreneurs' Childcare Practices From the Carers' Perspective: Chinese Children in Hungarian Homes. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 25—42. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_3.

Levitt P, Schiller N. G. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *The International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1002—1039. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00227.x>.

Lopez Rodriguez M. (2010) Migration and a Quest for 'Normalcy'. Polish Migrant Mothers and the Capitalization of Meritocratic Opportunities in the UK. *Social Identities*. Vol. 16. No. 3. P. 339—358. <https://doi.org/10.1080/13504630.2010.482422>.

Mazzucato V., Schans D. (2011) Transnational Families and the Well-Being of Children: Conceptual and Methodological Challenges. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 73. No. 4. P. 704—712. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2011.00840.x>.

Monini C. (2018) Parenting From a Distance: The Shifting Topology of Care in the Net Era. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings*. International Perspectives on Migration. Vol. 15. Cham: Springer. P. 119—136. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_8.

Olwig K. F. (1999) Narratives of the Children Left Behind: Home and Identity in Globalised Caribbean Families. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 267—284. <https://doi.org/10.1080/1369183X.1999.9976685>.

Orellana M. F., Thorne B., Chee A., Eva Lam W. Sh. (2001) Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration. *Social Problems*. Vol. 48. No. 4. P. 572—591. <https://doi.org/10.1525/sp.2001.48.4.572>.

Orellana M. F. (2009) *Translating Childhoods: Immigrant Youth, Language and Culture*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.

Parreñas R. S. (2001) Mothering From a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families. *Feminist Studies*. Vol. 27. No. 2. P. 361—390. <https://doi.org/10.2307/3178765>.

Parreñas R. S. (2005a) Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks*. Vol. 5. No. 4. P. 317—336. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2005.00122.x>.

Parreñas R. S. (2005b) *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Parreñas R. S. (2008) Transnational Fathering: Gendered Conflicts, Distant Disciplining and Emotional Gaps. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 34. No. 7. P. 1057—1072. <https://doi.org/10.1080/13691830802230356>.

Poeze M., Dankyi E. R., Mazzucato V. (2017) Navigating Transnational Childcare Relationships: Migrant Parents and Their Children's Caregivers in the Origin Country. *Global Networks*. Vol. 17. No. 1. P. 111—129. <https://doi.org/10.1111/glob.12135>.

Portes A., Rumbaut R. G. (2001) *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley, CA: Sage.

Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.

Punch S. (2012) Studying Transnational Children: A Multi-Sited, Longitudinal, Ethnographic Approach. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 38. No. 6. P. 1007—1023. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2012.677181>.

Radziwinowiczovna A. (2014) Children of Sanchez 50 Year Later; Agency of Transnational Children. *Studia Migracyjne — Przegląd Polonijny*. Vol. 3. P. 33—50. URL: <http://www.migracje.uw.edu.pl/publikacje/children-of-sanchez-50-years-later-agency-of-transnational-children-2/> (accessed: 27.08.2021).

Rastas A. (2009) Racism in the Everyday Life of Finnish Children With Transnational Roots. *Barn*. Vol. 1. P. 29—43. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Racism-in-the-everyday-life-of-Finnish-children-Rastas/ffde41c35fe75115aa85498a11557d-087b8c8265> (accessed: 27.08.2021).

Rumbaut R. G. (2004) Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States. *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1160—1205. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x>.

Schmalzbauer L. (2004) Searching for Wages and Mothering from Afar: The Case of Honduran Transnational Families. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 5. P. 1317—1331. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00095.x>.

Seeberg M. L., Goździak E. M. (eds.) (2016) *Contested Childhoods: Growing up in Migrancy: Migration, Governance, Identities*. Cham: Springer Open IMISCOE Research Series. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-44610-3>.

Skelton T. (2007) Children, Young People, UNICEF and Participation. *Children's Geographies*. Vol. 5. No. 1—2. P. 165—181. <https://doi.org/10.1080/14733280601108338>.

Sørensen N. N., Vammen I. M. (2014) Who Cares? Transnational Families in Debates on Migration and Development. *New Diversities*. Vol. 16. No. 2. P. 89—108. URL: https://newdiversities.mmg.mpg.de/?page_id=1742 (accessed: 26.08.2021).

Suárez-Orozco C., Todorova I., Louie J. (2002) Making up for Lost Time: The Experience of Separation and Reunification among Immigrant Families. *Family Process*. Vol. 14. No. 4. P. 625—643. <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2002.00625.x>.

Tolstokorova A. (2018) Daddy's Dividends: Modernization of Fatherhood in Transnational Families of Ukrainian Migrant Women. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings. International Perspectives on Migration*. Vol. 15. Cham: Springer. P. 103—118. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_7.

Tymczuk A. (2015) The Temporality of Separation and Togetherness: Ukrainian Children Write about Life in Transnational Families. *Childhoods Today*. Vol. 9. No. 1. P. 1—18.

Tyrrell N., Kallis G. (2015) Children in Transnational Family. In: Laoire C. N., White A., Skelton T. (eds.) *Movement, Mobilities and Journeys. Geographies of Children and Young People*. Vol. 6. Singapore: Migration Springer Science+Business Media. P. 1—18.

Upegui-Hernandez D. (2014) *Growing Up Transnational: Colombian and Dominican Children of Immigrants in New York City (New Americans)*. El Paso, TX: LFB Scholarly Publishing.

Vathi Z. (2011) *The Children of Albanian Migrants in Europe: Ethnic Identity, Transnational Ties and Pathways of Integration*. Thesis/dissertation Doctoral thesis (DPhil), University of Sussex.

Veale A., Donà G. (eds.) (2014) *Child and Youth Migration: Mobility-in-Migration in an Era of Globalization*. New York, NY: Palgrave Macmillan.

Vertovec S. (2009) *Transnationalism*. London, New York: Routledge.

Wilding R. (2006) “Virtual” Intimacies? Families Communicating Across Transnational Contexts. *Global Networks*. Vol. 6. No. 2. P. 125—142. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2006.00137.x>.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1652](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652)

Н. В. Колесник

ГЕНДЕРНОЕ (НЕ)РАВЕНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Правильная ссылка на статью:

Колесник Н. В. Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 468—491. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>.

For citation:

Kolesnik N. V. (2021) Gender (In)Equality in the Political Power of Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 468–491. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>. (In Russ.)

ГЕНДЕРНОЕ (НЕ)РАВЕНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

КОЛЕСНИК Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, ученый секретарь, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: knv96@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

Аннотация. Статья посвящена проблеме гендерного (не)равенства в политической элите российских регионов. В первой части работы разбирается научная дискуссия относительно гендерного профиля политической власти. В частности, рассматриваются исследовательские подходы по поводу участия женщин в политическом процессе как в России, так и в зарубежных странах. В статье определено, что формирование политической элиты на региональном уровне не завершено в силу того, что в обществе продолжают социально-политические трансформации и гендерный профиль власти находится в динамичном состоянии.

Во второй части работы представлены результаты эмпирического исследования карьерных траекторий и образовательного уровня политической элиты десяти российских регионов (Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Костромская, Калининградская, Новосибирская и Ростовская области, Республика Дагестан, Хабаровский и Ставропольский края). Структурно-биографический анализ (649 биографий депутатов) позволил выявить гендерную специфику парламентов в исследуемых российских регионах. Согласно полученным данным, несмотря на то что женщины

GENDER (IN)EQUALITY IN THE POLITICAL POWER OF RUSSIAN REGIONS

*Natalya V. KOLESNIK*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Academic Secretary*
E-MAIL: knv96@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2323-6799>

¹ Sociological Institute of FCTAS RAS, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article focuses on the problem of gender (in)equality in the political elite of Russian regions. In the first part of the paper, we analyze the academic discussion on the gender profile of power. We review methodological approaches to the analysis of women's participation in politics in Russia and foreign countries. We conclude that in Russia, the formation of political elite at a regional level has not been completed. This is caused by continuing socio-political transformations in the society as well as a dynamic state of the power gender profile.

In the second part of the article, we represent results of our study on career trajectories and educational level of the political elite in ten Russian regions (Moscow and St. Petersburg, Leningrad, Kostroma, Kaliningrad, Novosibirsk and Rostov regions, the Republic of Dagestan, Khabarovsk and Stavropol regions). Based on biographical analysis (649 biographies of deputies) we identified the gender specificity of parliaments in studied territories of Russia. According to the data, although women are accepted in the structures of power, the political elite is reproduced on closed grounds. We found that the entry of women into a regional parliament is never accidental

«допускаются» во властные структуры, все же политическая элита воспроизводится на закрытых основаниях. Чаще всего попадание женщин в региональный парламент носит неслучайный характер и продолжает ее профессиональную траекторию (административную, партийную, экономическую). Наблюдается устойчивый процесс горизонтального перемещения с одной элитной позиции на другую. Показано, что в рассматриваемых регионах происходит профессионализация политической элиты и формируется пул политиков, в который входят и женщины-депутаты.

Даже в том случае, когда в парламентскую элиту попадает относительно значимое число женщин (от 30 % и выше), открытой конкуренции за место в парламенте между кандидатами в депутаты не происходит и гендерный профиль российской власти радикально не изменяется. В целом сохраняется старый гендерный порядок внутри российской политической элиты, которая преимущественно воспроизводится по типу квазициркуляции (в терминологии Д. Хигли). При этом политическая элита активно профессионализируется, переплетается с административной элитой и оказывается социально закрытой для притока новых персон.

Ключевые слова: гендер, элита, воспроизводство, социальный институт, российские регионы

but continues their professional trajectory (administrative, party-line, economic). Thus, the women are involved into a sustainable horizontal movement from one elite position to another. We show that in the regions under consideration a professional political elite which includes female deputies has been forming.

Even when a relatively significant number of women (30% and more) get into the parliamentary elite, there is no open competition between candidates for deputies, and the gender profile of the Russian government does not radically change. Within the Russian political elite, the old gender order remains, which is reproduced according to the type of quasi-circulation (in D. Higley's terminology). At the same time, the political elite is actively professionalizing, intertwining with the administrative elite, and is enclosed to the influx of new people.

Keywords: gender, elite, reproduction, gender order, social institution, Russian regions

Введение

В глобальном рейтинге Global Gender Gap по индексу «гендерного паритета» в 2017 г. Россия занимала 71 место среди 144 стран (для сравнения в 2006 г. — 44 место). Для расчета глобального индекса учитываются такие показатели, как участие и возможности женщин в политической, экономической сфере, уровень здоровья, доступ к образованию. Анализ показывает, что самые большие разрывы в данных между мужчинами и женщинами в мире наблюдаются именно в политической сфере. По индексу участия в политике российские женщины в 2017 г. занимали 108 место из 144 возможных: в российском парламенте было 105 женщин, 113 женщин занимали позиции в министерствах. За период с 2006 г. положение России по этому индексу в глобальном рейтинге улучшилось на 13 пунктов, и страна переместилась со 121 места в 2006 г. на 108 место в 2017 г.¹ При этом по уровню экономического участия (занятость и размер оплаты труда) в 2017 г. у российских женщин были более прочные позиции (21 место в 2017 г. и 44 место — в 2006 г.). Для сравнения: в 2018 г. в первую десятку рейтинга гендерного равенства входили Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Никарагуа, Руанда, Намибия, Филиппины, Новая Зеландия, Ирландия².

Как и в прошлом веке, большая российская политика по-прежнему не имеет женского лица, даже несмотря на то, что некоторые ключевые позиции на федеральном и региональном властном уровне занимают женщины (например, В. И. Матвиенко, Т. А. Голикова, О. Ю. Голодец, Э. А. Памфилова и др.)³. Эмпирические данные по участию российских женщин в политике демонстрируют, что показатель представленности женщин во властных структурах в постсоветский период снижается из года в год. Так, исследование Н. Л. Пушкаревой показывает, что в числе депутатов Государственной думы первого созыва (1993—1995 гг.) было 13,6% женщин, второго созыва (1995—1999 гг.) — 10%, третьего созыва (1999—2003 г.) — только 7,7% (для сравнения, в составе верхней палаты парламента в 2001 г. была одна женщина, а в 2002 г. — семь) [Пушкарева, 2008: 120]. При этом следует согласиться с мнением исследователей, что «апелляция к количественным показателям фактически сводит вопрос о женщинах как субъектах гендерной политики к простой арифметике: чем больше женщин-руководителей, тем больше гендерного равенства» [Середа, 2011: 94]. По мнению М. В. Середы, за таким статистическим пониманием гендерного равенства, которое доминирует в публичном и активистском дискурсе, скрывается допущение, «что все женщины обладают разделенным социальным опытом, обусловленным их „сущностью“ / гендерным порядком / структурой занятости, что способствует агрегированию различных интересов и формированию консолидированной позиции, включающей по умолчанию требование женской эмансипации» [там же: 94—95].

¹ The Global Gender Gap Report // World Economic Forum. 2017. November 2. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-gender-gap-report-2017> (дата обращения: 01.03.2020).

² Global Gender Gap Report // World Economic Forum. 2018. URL: <https://reports.weforum.org/global-gender-gap-report-2018/> (дата обращения: 01.03.2020).

³ В. И. Матвиенко — председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Т. А. Голикова — заместитель председателя правительства РФ, О. Ю. Голодец — заместитель председателя правительства РФ (до 15 января 2020 г.), Э. А. Памфилова — председатель ЦИК РФ.

Старый гендерный порядок воспроизводится в большинстве действующих социальных и политических институций, что неизбежно находит отражение в массовом сознании россиян. Если обратиться к результатам опросов общественного мнения, то в оценках российского гендерного порядка наблюдается устойчивое мнение, что в современном российском обществе не существует полного равенства в правах и обязанностях мужчин и женщин⁴. По результатам исследований, 62 % наших соотечественников считают, что российскому обществу необходимо стремиться к полному равенству прав мужчин и женщин, но только чуть более трети опрошенных выразили уверенность, что полное равенство прав возможно (45 % мужчин и 33 % женщин), и 59 % россиян утверждают, что нужно стремиться к полному равенству обязанностей мужчин и женщин⁵.

Академические дискуссии о гендерном равенстве

В академическом дискурсе фиксируется активное обсуждение вопросов гендерного равенства. Рассмотрим основные дискуссионные точки в российской и зарубежной науке. Введение гендера как аналитического инструмента и концепта в научный оборот обусловлено, прежде всего, важностью изучения проблематики гендерных различий и гендерных неравенств. В работах российских исследователей С. Г. Айвазовой, Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной, О. Г. Овчаровой, Н. А. Шведовой, Г. Г. Силласте, И. Н. Тартаковской, О. А. Хасбулатовой и др. авторов освещаются вопросы гендерного дисбаланса и гендерной асимметрии в политике и экономике, специфики участия женщин в политической жизни (см. [Айвазова, 2012; Здравомыслова, Темкина, 2003, 2007; Овчарова, 2007; Шведова, 2003; Силласте, 1994; Тартаковская, 2015, 2017; Хасбулатова, 2014]). Имеющиеся работы служат примером осознания важности гендерной проблематики в анализе власти и политических институций в контексте демократической перспективы и затрагивают аспекты степени влияния пола как фактора развития политической системы. Чаще всего подобные работы имеют междисциплинарный характер и представляют значимый для исследуемой нами проблематики анализ.

По нашему мнению, при исследовании гендерного вопроса необходимр включение и рассмотрение понятия «гендерный порядок». Российские социологи Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина определяют «гендерный порядок» как «систему неравенства и дифференциации, связанную с позициями разных групп мужчин и женщин в разных сферах экономики, политики и частной жизни. Гендерные отношения регулируются определенными правилами, существуют устойчивые, но подвергающиеся изменениям механизмы воспроизводства гендера» [Здравомыслова, Темкина, 2003: 300—301]. Анализируя гендерный порядок в советском обществе, исследователи приходят к выводу, что этот порядок был этакратическим и патримониальным, в нем сталкивались, сосуществовали старые и новые гендерные уклады [там же: 320].

Обращаясь к вопросам гендерного неравенства в современной России, исследователи, как правило, отмечают, что социально-экономическое положение жен-

⁴ Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель? (аналитический обзор) // ВЦИОМ. 2019. 20 марта. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9601/> (дата обращения: 12.12.2019).

⁵ Там же.

щин ухудшается, они вытесняются из сферы принятия решений, феминизируется бедность [Гнедаш, 2007]. По мнению Н. Л. Пушкаревой, которая анализировала представительство женщин и мужчин в органах государственной власти, там, где больше власти, — меньше женщин [Пушкарева, 2008]. Основной посыл работы Н. Л. Пушкаревой состоит в том, что «модернизация гендерной системы происходит на основе традиционной патриархальной концепции, постольку гендер продолжает рассматриваться через призму репродуктивно-биологических функций полов» [там же: 119]. Анализируя составы правительств, исследователь обращает внимание на то, что в «рассматриваемый период (1991—2006) в Российской Федерации в составе действующего правительства не было женщин. Женщин не было и нет среди руководителей республик, мэров крупнейших городов. Среди губернаторов, глав национальных автономий женщин нет. Нет ни одной женщины в Совете Безопасности. Примерно в трети регионов женщин вообще нет в законодательных собраниях» [там же: 122]⁶. По мнению автора, в обществе сложилась противоречивая ситуация, когда идеология равенства не отрицается, однако право быть избранной в реальной политической жизни для женщин практически отсутствует.

Во второй половине 1990-х годов появились исследования, в которых не только содержится описание и анализ той или иной субэлитной группы, но и вводится новое измерение элиты — гендерное [Колесник, 2009]. Практически первыми в рамках российской элитологии предприняли попытку обозначить проблему «стеклянного потолка» Н. Ю. Лапина и А. Е. Чирикова, когда в 2008 г. провели сравнительное исследование о женщинах на высших этапах власти в России и Франции [Чирикова, Лапина, 2009]. На примере Франции и двух российских регионов (Тамбовская область и Пермский край), используя преимущества техники глубинного интервью, авторы определили три модели продвижения женщин во власть во Франции и в России [там же]:

- 1) модель постепенного роста,
- 2) модель парашютирования (привлечение кандидатов во власть извне) и
- 3) модель наследования (характерна только для Франции).

Российские элитологи полагают, что центральную роль в «открытии» представительных органов власти для женщин во Франции сыграли политические акторы — партии, в частности Французская социалистическая партия (ФСП), которая одной из первых приняла решение закрепить на парламентских выборах 28% одномандатных округов за кандидатами-женщинами [там же: 17].

Иной подход к вопросу о формировании политической элиты предлагают исследователи в рамках теории рационального выбора, которая до недавнего времени была относительно популярна при объяснении процесса рекрутирования в американские законодательные органы. Сторонники данного подхода предполагают, что баллотирование кандидатов на различные должности происходит только в том случае, если имеются соответствующие возможности. По мнению П. Норрис

⁶ В целом разделяя точку зрения Н. Л. Пушкаревой по поводу гендерного равенства в современной России, следует отметить некоторую неточность в том, что в период 1991—2006 гг. в составе российского правительства женщины не были представлены. Известно, что в 1990-е годы высшие позиции в правительстве занимали, например, И. И. Гребешева (вице-премьер правительства РФ), Э. А. Памфилова (министр социальной защиты РФ), Л. Ф. Безлепкина (министр социальной защиты РФ), Т. Б. Дмитриева (министр здравоохранения РФ), Н. Л. Дементьева (министр культуры РФ), О. Г. Дмитриева (министр труда и социального развития РФ) и др.

и Д. Ловендуски, эти возможности определяются институциональной и политической ситуацией, особенностями структуры выборных должностей и правилами, определяющими способ их достижения. Далее авторы исследования обращают внимание на роль партий, количество выборных должностей на разных уровнях, текучесть кадров и степень партийной конкуренции в каждом штате и приходят к выводу, что указанные возможности различаются от штата к штату, от одного города к другому [Norris, Lovenduski, 2004: 21].

По мнению Р. Инглхарта и П. Норрис, основанием для роста гендерного равенства выступают культурные ценности, неизбежно влияющие на трансформацию традиционных представлений о роли мужчины и женщины. В первую очередь культурные ценности изменяются под влиянием модернизации, при переходе того или иного общества от аграрного к индустриальному и далее — от индустриального к постиндустриальному обществу [Inglehart, Norris, 2010]. Предложенная американскими учеными классификация обществ и государств показывает устойчивые взаимосвязи типа общества и уровня демократии: чем выше степень экономического развития, тем демократичнее государство [там же: 24]. При этом, используя данные по семидесяти странам мира, авторы исследования показывают вариации и корреляции между ростом гендерного равенства и богатством/бедностью общества, молодым и старым поколениями. Особое внимание в их работе уделено гендерному измерению политического участия: традиционный активизм через выборы и политические партии, гражданский активизм через общественные организации, движения и протестный активизм (петиции, бойкоты, демонстрации). Что касается гендерного равенства в элите, то авторы заключают, что в мире сохраняется мужское доминирование в традиционных политических элитах, таких как партии и парламенты [там же: 28].

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что в большинстве случаев авторы исследований по участию российских женщин в политике и выстраиванию их карьерных траекторий в политических институтах подчеркивают, что подобные практики носят аномальный характер. Существующие эмпирические исследования по гендерной асимметрии в российской политической системе создают «замкнутый объяснительный круг», когда институциональный порядок выступает основанием для исключения женщины из большой политики и незначительного присутствия женщин в малой политике (на уровне муниципальных и иных локальных органов власти). *Основная исследовательская проблема заключается в том, чтобы выявить особенности гендерного (не)равенства в политической элите в российских регионах⁷. В первую очередь работа нацелена на анализ специфики профессионального и образовательного профиля политической элиты рассматриваемых регионов через призму гендерной оптики.*

Методический инструментарий

Европейские исследователи Г. Бест и Д. Хигли обращают внимание на то, что изучение истории возникновения и социально-демографических характеристик политической элиты (социальное происхождение, возраст, пол, образование

⁷ В рамках исследования для идентификации политической элиты применяется позиционный подход, в соответствии с которым к ней отнесены депутаты региональных и федерального парламентов.

и карьера) считается доминирующим подходом в современной элитологии в силу доступности биографических данных [Best, Higley, 2018: 4]. С начала 1980-х годов ситуация в элитологии изменилась в силу цифровизации данных, возможности привлечения статистических методов и других достижений в области коммуникаций, которые позволили понять политические взгляды элиты, специфику межличностных сетей, практики процесса принятия решений. В этой связи, замечают Г. Бест и Д. Хигли, «исследования политических элит стали гораздо более многогранными и сосредоточены на том, что делают элиты, а не на том, откуда они берутся» [ibid.].

В этом смысле структурно-биографический метод, который нами используется, обладает рядом преимуществ и расширяет возможности в изучении такой закрытой социальной общности, как элита вообще и политическая элита в частности. Структурно-биографический метод сочетает в себе преимущества как формализованной «официальной биографии», так и возможность дополнить эту биографию «качественной» информацией из различных источников (в том числе и интервью в СМИ). Эмпирической основой исследования послужили объединенные в одно целое данные 649 биографий региональных депутатов. В среднем каждая биография занимает три-четыре страницы файла в формате MS Word, иногда текстовый объем одной биографии превышает десять страниц (общий объем данных более 2 500 страниц). На первом этапе работы биографические сведения по каждому депутату были введены в анкету, в которой содержатся переменные, отражающие основные социальные характеристики элиты. Информация для анкеты была собрана из открытых источников — официальные сайты региональных парламентов и других органов власти, социальные сети, СМИ и др. Если в биографии того или иного депутата встречались противоречивые фактологические данные, мы привлекали дополнительные источники информации либо вообще не учитывали такие сведения при обработке анкеты. На втором этапе работы все биографические данные были закодированы и обработаны с использованием статистического пакета SPSS. Полученная количественная информация в каждом из десяти исследуемых регионов полностью охватывает (до 100%) депутатский корпус, считающийся важным сегментом политической элиты. В базе данных представлены биографии депутатов региональных парламентов (2016—2021 гг.), депутатов Государственной думы РФ седьмого созыва, избранных от регионов и представителей регионов в Совете Федерации РФ, что в целом позволяет определить основные тренды в особенностях функционирования региональной политической элиты.

Региональная политическая элита представлена десятью субъектами РФ: Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Костромская, Калининградская, Новосибирская и Ростовская области, Республика Дагестан, Хабаровский и Ставропольский края. Отбор регионов осуществлялся по принципу «взаимодополнения», когда в выборке присутствуют северные и южные, бедные и богатые, центральные и приграничные, малые и крупные российские территории.

Итак, кто представляет политическую элиту? Данный вопрос относится к числу дискуссионных, начиная с позапрошлого века, когда попытки по его осмыслению предпринимали основоположники элитизма в лице Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса. В более поздних исследованиях зарубежных ученых фиксируется, что элиты и элитные структуры как таковые (и политические в том числе) в условиях

изменения социального и политического порядка неизбежно трансформируются и адаптируются к общественным изменениям. Исследователи Г. Бест и Д. Хигли формулируют, что политическую элиту представляют как отдельные лица, так и небольшие и относительно сплоченные группы, обладающие властью на национальном и наднациональном уровнях:

Политические элиты включают в себя знакомый триумвират «властной элиты», состоящий из ведущих бизнесменов, правительственных чиновников и военных лидеров <...>, а также лиц и групп, занимающих стратегические позиции в политических партиях и парламентах, крупных общественных организациях и профессиональных ассоциациях, важных медиакомпаниях и профсоюзах, религиозных и других иерархически структурированных институтах, достаточно сильных, чтобы влиять на процесс принятия политических решений. [Best, Higley, 2018: 3]

В нашем исследовании «политическая элита» определяется в рамках позиционного подхода, принятого в современной элитологии (более подробно о существующих подходах см. [Дука, 2015]). Согласно этому подходу, к элите относятся те, кто занимает высшие позиции в той или иной институции. Представители депутатского корпуса выступают одним из значимых сегментов политической элиты, однако далеко не единственным. Традиционно к политической элите относят лидеров партий, профессиональных, общественных, религиозных организаций, медиахолдингов и др. В этом смысле представители административной элиты — министры, руководители исполнительных органов власти — исследуемых регионов, несмотря на активные практики взаимодействия с политической элитой и их относительную зависимость друг от друга, не рассматривалась нами в качестве самостоятельного объекта исследования.

Результаты исследования

Общие характеристики региональной политической элиты

Прежде чем рассмотреть типичные карьерные траектории женщин в политике, проанализируем общие социально-демографические характеристики политической элиты десяти регионов. Сами по себе данные о доминировании мужчин в депутатском корпусе имеют малое отношение к прояснению гендерной проблематики, но тем не менее эти сведения показывают, что в десяти парламентах рассматриваемых регионов 85% депутатских мандатов принадлежат мужчинам и только 15% — женщинам (см. табл. 1). Среди мужчин преобладает возрастная когорта 51—60 лет (каждый третий депутат), женщины обретают мандат депутата чаще всего в этом же возрастном диапазоне. Обращает на себя внимание крайне малое количество молодых депутатов в политической элите десяти российских регионов (8%) и преобладание тех, кто относится к средней и старшей возрастной группе (от 40 лет и выше). На долю лиц предпенсионного возраста приходится примерно одинаковое число женщин и мужчин (35% и 29% соответственно). Анализ возрастных различий через гендерную призму показывает, что, несмотря на доминирование мужчин в региональных парламентах, в возрастных когортах наблюдается относительный гендерный паритет.

Таблица 1. Пол и возрастные когорты в политической элите, 2019 г.

Возрастные когорты	Пол			
	Мужской		Женский	
	N	%	N	%
21—30	5	0,9	3	3
31—40	63	11	6	6
41—50	146	26	22	22
51—60	181	32	35	35
61—70	135	24	27	27
71—85	28	5	8	8
Всего	558	85	101	15

Поскольку возраст и принадлежность к «политическим поколениям» относительно взаимосвязаны, то и в случае различия последних наблюдается гендерное равенство (см. табл. 2). Видно, что в общем массиве данных как среди мужчин, так и среди женщин преобладают «политическое поколение застоя» (1953—1964 года рождения) и «политическое поколение кризиса» (1972—1990 года рождения). Среди представителей «поколения застоя» мужчин чуть больше (39%), чем женщин (36%), среди «поколения кризиса» — 29% мужчин и 24% женщин соответственно (см. табл. 2). Анализ представителей законодательной власти в разрезе «политических поколений» показывает, что очевидны взаимосвязи между радикальными трансформациями в обществе и изменениями в характере профессиональных карьер. Определено, что в профессиональных карьерах депутатов «поколения застоя», как правило, наблюдается постепенное восхождение по карьерной лестнице, когда человек преодолевает ступеньку за ступенькой в рамках одной институции на протяжении своей жизни, практически не меняя сферы деятельности. В биографиях же депутатов «поколения кризиса и начала перестройки» наблюдается иная картина, и чаще всего фиксируются частые перемещения из одной профессиональной сферы в другую.

Таблица 2. Пол и политические поколения в политической элите, 2019 г.

Политические поколения / год рождения	Пол			
	Мужской		Женский	
	N	%	N	%
Военное поколение (1919—1933)	1	0,2	0	0
Поколение оттепели (1934—1952)	67	12	19	19
Поколение застоя (1953—1964)	106	19	22	22
Поколение кризиса (1972—1990)	161	29	24	24
Всего	550	85	101	15

При рассмотрении общих социально-демографических характеристик региональных парламентов стоит также обратить внимание и на правовой статус депутатов, например, в части возраста (предельный возраст без ограничений), личностных характеристик, профессиональной основы. В российской правовой практике не существует строгих ограничений по тому, с какого возраста можно баллотироваться в региональные депутаты, не установлен и предельно допустимый возраст для получения депутатского мандата. Например, решение по этому вопросу относится к прерогативе региональных парламентов, которые по-разному решают этот вопрос (с 18, 19, 20 лет и отсутствует предельный возраст). Если не существует предельных ограничений по возрасту, то не удивительно, что в общем массиве депутатского корпуса десяти регионов преобладают (среди как мужчин, так и женщин) представители среднего (41—60 лет) и старшего возрастов (от 60 лет и выше). Больше всего пенсионеров зафиксировано в парламентах Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирской области. Самый молодой депутат, которому на момент избрания был 21 год, работает в парламенте Санкт-Петербурга.

Оказывает влияние на социальные характеристики депутатов и такой внешний фактор, как тип избирательной системы. Как отмечают исследователи, при пропорциональной избирательной системе отбор кандидата на депутатский пост определяется не личностью кандидата, а авторитетом партии, от которой он выдвигается [Фомичева, 2014]. Согласно федеральному закону, особенностью формирования региональных законодательных собраний является то, что не существует обязательного порядка исполнения депутатом своих обязанностей. Это означает, что депутаты могут работать как в парламенте, так и на прежней работе (на постоянной основе)⁸. В современной России есть только два региональных профессиональных парламента (в Санкт-Петербурге и Чеченской республике), где депутаты состоят в штате законодательного органа власти. В других российских регионах вопрос о том, совмещать ли законодательную деятельность депутату с иной работой или нет, решается дифференцировано. Например, случай парламента Калининградской области показывает, что не более 22 депутатов из 40 могут профессионально совмещать парламентскую и другие виды деятельности⁹. Региональные законы определяют так называемые квоты для «профессиональных» депутатов, что оказывается объективным механизмом сдерживания процесса профессионализации политической элиты, когда депутатский корпус воспроизводится на закрытых основаниях. С другой стороны, эмпирические данные показывают, что «ядро» профессиональных депутатов, заседающих в парламентах от созыва к созыву, относительно устойчиво. Согласно данным по десяти российским регионам на 2019 г., впервые заняли региональное парламентское кресло 61 % депутатов, меньше всего обновился дагестанский парламент — там лишь 42 % депутатов впервые обрели мандат.

⁸ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.07.2020) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.08.2020).

⁹ «В случае если деятельность депутата областной Думы осуществляется на профессиональной постоянной основе, указанный депутат областной Думы не может заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации» (см.: Закон «О статусе депутата Калининградской областной Думы» // Калининградская областная Дума. 1995. 18 сентября. URL: <https://duma39.ru/duma/credentials/statuslaw.php> (дата обращения: 24.08.2021)).

В целом при оценке гендерных диспропорций в региональных парламентах следует отметить, что самыми феминизированными из исследованных нами legislatures оказались московский парламент (40 % женщин) и парламент Хабаровского края (32 %), где более 30 % депутатских мандатов имеют женщины¹⁰. Первичный анализ данных показывает, что в большинстве российских регионов существует гендерная диспропорция в политической элите. Так происходило и в более ранний период постсоветской истории, когда в законодательных собраниях РФ было не больше 9 % женщин: «например, в законодательных собраниях Новосибирской, Челябинской областей женщин вообще не было. Правда, в законодательном собрании Республики Карелия в числе депутатов было тогда 32 % женщин. Но со временем эти проценты снизились, и лишь в составе Московской городской думы в 2003 г. их было около 23 %» [Пушкарева, 2008: 120]. Что касается федерального уровня управления в РФ, то и здесь работает принцип «чем выше уровень власти, тем меньше женщин».

Карьерные траектории

При изучении гендерных аспектов в карьерных и жизненных траекториях политической элиты необходимо учитывать не только ее внутренние характеристики, но и социальный контекст, ибо он актуализирует и дифференцирует происходящее. Методологически важно для прояснения вопроса о карьерах и жизненных путях представителей политической элиты включение как количественных, так и качественных данных. Очевидно, что для перспективы исследования карьерных и жизненных траекторий депутатов интерес представляют события в биографии индивида, являющиеся одновременно результатом свершившегося перехода от «структуры без агентности» к «агентности внутри структуры» [Блоссфельд, Хьюинк, 2006], то есть социальная мобильность. Как отмечают Х.-П. Блоссфельд и И. Хьюинк, в исследованиях жизненного пути подчеркивается, что общественные структуры и институты напрямую связаны с уровнем индивидуального действия. В свою очередь, действия и поведение индивидов, объединенные социальными сетями, неизбежно влияют на изменение социальных и институциональных структур общества [там же]. Согласно подходу К. Майера, социальное происхождение, образование, профессиональная подготовка и начало трудовой жизни считаются главными факторами, определяющими индивидуальные биографии, поэтому они оцениваются как «социальные структуры жизненного пути» [там же: 16].

Эмпирические данные по депутатскому корпусу десяти российских регионов позволяют определить узловые моменты, точки перехода и начало профессиональной карьеры в жизненных путях представителей политической элиты. Профессиональная карьера составляет часть многомерного жизненного пути индивида и оказывает влияние на другие сферы его жизни, одновременно находясь в зависимости от них. Так, гендерный анализ биографий региональных

¹⁰ Гендерные квоты получили распространение в мире после принятия Пекинской декларации и Платформы действий в 1995 г. на четвертой Всемирной конференции по положению женщин, где были провозглашены равные права для мужчин и женщин. Основная идея гендерных квот состоит в увеличении политического представительства женщин, в том числе и в парламентах. Для формирования некоей критической массы женщины должны занимать от 30 % до 40 % мест.

депутатов показывает, что в зависимости от возраста среди мужчин и женщин наблюдается асимметрия при их вхождении в элиту. Женщины впервые гораздо позже занимают элитную позицию, чем мужчины. В молодой когорте региональных депутатов (от 18 до 40 лет) представлены 63 % мужчин и 41 % женщин, в группе среднего возраста наблюдается 55 % женщин и 36 % мужчин. Женщины достигают высоких позиций во властных иерархиях в среднем в более позднем возрасте. Это, вероятнее всего, показывает, что при планировании женщинами профессиональной траектории на первый план выходят иные аспекты жизненного сценария (возможно, что семья, брак). В этом смысле уместно вспомнить о биологических причинах низкой представленности женщин в большой политике. Сторонники биологического подхода считают, что «женщина сама ответственна за низкое участие в политике, поскольку у нее якобы не только отсутствует желание, но и происходит „естественное смещение“ интересов в область семейно-бытовых отношений, в частную/приватную сферу» [Колесник, 2009: 79].

Другое объяснение связано с тем, что на планирование профессиональной карьеры структурирующее влияние оказывают институты, в которых занята женщина. Исследования российских социологов А. Е. Чириковой и Н. Ю. Лапиной по женской элите показывают, что во Франции основным каналом для рекрутирования женщин в политическую элиту выступают структуры гражданского общества. По их мнению, если и будет происходить вовлечение французских женщин в большую политику, то это «будет, как и в прошлом, результатом комбинации различных факторов: борьбы самих женщин за свои права; модернизации общества и обновления его политических и экономических институтов. Все чаще женщины, представляющие гражданское общество, будут делать карьеру, медленно поднимаясь с низового уровня вверх по карьерной лестнице. В России складывается иная ситуация» [Чирикова, Лапина, 2009: 71—72].

В числе переменных, связанных с профессиональной деятельностью депутатов, есть такая как «номер элитной должности в биографии», позволяющая оценить не только степень профессионализации политической элиты, но количество новых депутатов в региональном парламенте в гендерном измерении. Данная переменная позволяет охарактеризовать обновляемость депутатского корпуса десяти российских регионов (см. табл. 3). Впервые занимают позицию депутата почти половина мужчин (50 %) и больше половины женщин (66 %). Во второй раз были избраны 22 % мужчин и 21 % женщин из всей депутатской общности исследуемых регионов. Среди тех, кто получил мандат регионального депутата в третий раз, женщин в три раза меньше, чем мужчин (14 % мужчин-депутатов и 4 % женщин-депутатов), а среди тех, для кого законодательная работа является профессией, — 14 % мужчин и 9 % женщин.

Если суммировать эти данные, то получится, что 50 % мужчин и 33 % женщин избирались в парламенты более чем два раза. Это подтверждает гипотезу о том, что и в условиях профессионализации региональных парламентов сохраняется гендерное неравенство. При оценке гендерной дифференциации в десяти региональных парламентах через призму профессионализации элиты следует отметить, что статус профессионального депутата (тот, кто избирался более одного раза) среди мужчин имеют почти половина (244 из 482), а среди женщин — почти в во-

семь раз меньше (32 женщины из 95). Таким образом, данные показывают, что если и происходит обновление регионального депутатского корпуса, то не за счет притока женщин.

Таблица 3. Пол и номер элитной позиции в биографии, 2019 г.

Номер данной элитной позиции в биографии	Пол			
	Мужской		Женский	
	Н	%	Н	%
Первый раз занимает эту позицию — «новичок» в этой должности	238	50	63	66
Второй раз	108	22	20	21
Третий раз	69	14	4	4
Четвертый и далее	67	14	8	9
Всего:	482	100	95	100

Другая переменная, связанная с характеристиками карьерных траекторий, — «предэлитная работа», позволяет определить, какая работа предшествует занятию первой элитной позиции представителем депутатского корпуса. В этом контексте анализ данных показывает, что в большинстве случаев женщины работают на высших иерархических позициях в сфере образования, культуры, здравоохранения и спорта — 28 % (мужчин там только 8 %), почти 18 % женщин рекрутируются в законодательный орган власти через высшие позиции в экономических институциях (мужчины гораздо чаще — 49 %). Интересны данные по позициям «помощник депутата, работник аппарата представительного органа федерального уровня» и «руководитель аппарата представительных органов федерального уровня», когда в рассматриваемых группах (позиция «предэлитная работа») женщин и мужчин примерно поровну (в первой группе по 1 % соответственно; во второй группе — 3 % мужчин и 4 % женщин).

В целом полученные данные позволяют определить, что наиболее часто представители политической элиты (как мужчины, так и женщины) до обретения депутатского мандата уже занимали высокие позиции в различных профессиональных институциях. Таким образом, происходит лишь их горизонтальное перемещение с одной высокой позиции на другую в рамках элитной общности региона. Если оценивать партийную принадлежность, то большинство женщин-депутатов выдвигаются от правящей партии «Единая Россия», и за последнее десятилетие ситуация с партийной принадлежностью женщин-депутатов кардинально не изменилась. Как писали по итогам исследования 2008 г. А. Е. Чирикова и Н. Ю. Лапина, «выборочный анализ гендерного состава региональных парламентов, проведенный нами в 20 регионах Российской Федерации, показал, что большинство женщин были избраны от „Единой России“» [там же: 11].

Анализ структурных биографий депутатов-женщин показывает, что чаще всего их рекрутирование в местные парламенты осуществляется через исполнительные ор-

ганы власти, сферы образования и здравоохранения¹¹. По данным Н. Ю. Лапиной и А. Е. Чириковой, именно «успехи, одержанные женщинами в исполнительной власти, стимулировали их продвижение в органы власти представительной» [там же: 20]. Российские исполнительные органы власти осуществляют роль одного из основных каналов по рекрутированию на депутатские позиции. Так, эмпирические данные показывают, что предэлитная активность, понимаемая как сфера деятельности, непосредственно предшествующая первой в биографии элитной должности, у 33 % женщин (и 28 % мужчин) происходила в политико-административной сфере, у 35 % женщин и 55 % мужчин — в хозяйственно-экономических структурах. Что касается других данных, то большинство женщин, представляющих политическую элиту десяти российских регионов, на момент попадания на депутатский пост занимали высшие позиции в сферах образования, культуры, здравоохранения, спорта (для сравнения — только 7 % мужчин занимали предэлитные позиции в указанных сферах, большинство мужчин-депутатов работали на высших экономических позициях — 49 %). Таким образом, нами определено, что у трети женщин-депутатов профессиональная социализация проходила в социальной сфере, и реже (18 %) — на высших позициях в экономических структурах.

Интерес для исследования представляет и «статусный запуск» в элитной карьере женщин-депутатов. Количественные данные в этом смысле имеют методические ограничения, и потому обратимся к индивидуальным биографиям представительниц политической элиты региона. Формализованные индивидуальные биографии, в частности, калининградских женщин-депутатов показывают, что свой профессиональный путь они начинали в социальной сфере, например, в дошкольных и школьных учреждениях. Выступает ли эта профессиональная предыстория основанием для попадания в депутатское кресло? Если немецкий исследователь К. Майер, рассуждая о жизненном пути, замечает важность «эндогенной причинной взаимосвязи», то Г. Рохер обращает внимание на источник контингентности — научающий «опыт» и решения, которые по сути своей ограничивают или расширяют спектр возможных выборов индивида [Блоссфельд, Хьюинк, 2006: 17]. В этой связи, несмотря на то что количественные данные показывают, что у большинства региональных женщин-депутатов вторичная социализация проходила в институциях социальной сферы, служит ли эта должностная позиция точкой для «статусного запуска», мы не можем ответить, не прибегая к анализу индивидуальных биографий.

Рассмотрение биографий калининградских женщин-депутатов шестого созыва (2016—2021 гг.), имеющих большой опыт работы в институциях социальной сферы, показывает, что при учете контингентности жизненного пути существуют и иные основания для вертикальных и горизонтальных перемещений. Например, случай женщины-депутата О. демонстрирует, что, занимая высокие позиции в органах исполнительной власти и возглавляя министерство социального профиля перед избранием в парламент, представительница политической элиты имела большой номенклатурный опыт, позволивший ей конвертировать его в работу на тех должностях в социальной сфере, которые традиционно занимают женщины. Руководящая

¹¹ Структурно-биографический анализ предполагает изучение структуры элиты на основе биографий ее представителей.

позиция еще в 1980-е годы в городском обкоме комсомола, по нашему мнению, могла стать поворотной точкой в жизненном пути, ибо далее в биографии депутата фиксируются лишь сведения о вертикальном перемещении с городского на региональный уровень управления (в течение десяти лет), и серьезных изменений в профессиональной траектории не наблюдается. После достижения высшей элитной позиции в региональных административных органах власти происходит лишь горизонтальное перемещение депутата внутри властных институций.

Второй случай биографии женщины-депутата В. также показывает, что профессиональная социализация происходила в рамках социальной сферы, в учреждениях образования, но далее случился поворот в биографии, и представительница политической элиты, прежде чем обрести депутатский мандат, длительное время возглавляла образовательное учреждение в структуре силового министерства. В этом случае мы имеем разорванную социализацию и опыт работы не только в социальных, но и военных учреждениях, что неизбежно накладывает отпечаток на социальный бэкграунд кандидата в депутаты.

Третий случай «социальной» биографии представительницы политической элиты демонстрирует «самый чистый» случай карьерного восхождения в рамках образовательных учреждений, когда имелся двадцатилетний опыт работы в дошкольном учреждении, и далее профессиональный опыт конвертировался в депутатскую позицию. Таким образом, даже схематичный анализ биографий политической элиты на предмет того, как связана карьера женщин-депутатов с традиционно упоминаемой в научной литературе социальной сферой как основным каналом рекрутирования на позицию регионального депутата, показывает, что из трех случаев только одна профессиональная биография оказывается примером карьерного восхождения в рамках одной социальной институции (дошкольного учреждения). В целом взаимовлияние и взаимосвязи, неизбежно возникающие в профессиональной сфере, по нашему мнению, необходимо учитывать при оценке карьерных траекторий женщин-депутатов.

Кроме рассмотрения индивидуальных биографий следует обратить внимание и на такой источник информации, как интервью политиков в СМИ. В них часто содержатся оценки, мнения о гендерной ситуации, позволяющие в данном исследовании привлекать такой эмпирический материал в качестве дополнительного. Анализ интервью с представителем калининградской политической элиты показывает, что в дискурсе женщины-депутата не существует проблемы гендерного неравенства, так как, по ее мнению, «пол на работе не важен», но «многие вещи, если говорить, допустим, про власть, женщины немного по-другому воспринимают. Нужно разумное сочетание мужского трезвого ума и женского восприятия каждой проблемы. Так что все зависит от самого человека, а не от пола»¹².

Образовательные траектории женщин

Образовательный уровень депутатов считается важной характеристикой при рассмотрении гендерного неравенства в политической элите. В пользу этого говорят многочисленные исследования, в которых образование рассматривается

¹² Марков И. Председатель калининградской облдумы рассказала, почему пол на работе не важен // Комсомольская правда. 2018. 19 декабря. URL: <https://www.kaliningrad.kp.ru/online/news/3333041/> (дата обращения 24.12. 2019).

как пропуск не только в большую политику, но и в политическую элиту. В частности, накопленный образовательный уровень позволяет элите длительное время оставаться особой культурной общностью, а разделяемые ценности, установки и взгляды способствуют укреплению социальных связей и снижению неопределенностей внутри элитных групп [Engelstad, 2018]. Обучение представителей европейской элиты в престижных (часто закрытых) учебных заведениях позволяет утверждать, что часто именно образование играет роль эксклюзивного канала для рекрутирования в политическую и экономическую элиту общества и оказывается способом ее самозакрытия [Hartmann, 2011].

В этой связи возникает вопрос, является ли образование значимым и выталкивающим фактором в российском процессе элитообразования. В условиях нестабильности современного российского общества образование неизбежно влияет на функционирование и устойчивость элиты как социальной общности. Поэтому образовательный статус депутатов в исследовании, наравне с карьерными траекториями, рассматривается как часть жизненного пути индивида. Однако в этих условиях важно обратить внимание на то, какую роль в вертикальных перемещениях региональной элиты играют образовательные институции. Каков образовательный профиль получаемого образования исследуемых нами депутатов и как это влияет на однородность социально-структурных характеристик политической элиты?

Эмпирические данные по первому высшему образованию в гендерном разрезе показывают, что основные образовательные профили у женщин и мужчин различаются. Среди женщин-депутатов преобладают те, кто имеет диплом медицинского (или ветеринарного) (18%), гуманитарного (28%) и экономического вузов (12%). В случае первого высшего образования, которое имеют мужчины-депутаты, характерен технологический уклон, когда преобладание специалистов с дипломами технического вуза очевидно (более 40%). Вторые позиции среди мужчин-депутатов занимают экономисты (15%), далее идут выпускники военных вузов (13%). Технологизация высшего образования региональной элиты не является новой характеристикой в ее облике. Более ранние наши исследования показывают, что в среде политико-административной элиты регионов в 2005—2007 гг. и в 2012 г. также преобладали «технари» (и далее шли экономисты и силовики), и это было в большей степени наследием советской структуры высшего образования. Мы зафиксировали, что в 2000-е годы в политико-административной элите регионов были представлены те, кто имел номенклатурный опыт работы¹³. Исследования О. Крыштановской также показывают, что 82% представителей региональной элиты (это не только депутаты) имели номенклатурное прошлое [Крыштановская, 1995]. Однако в более поздний период, начиная с 2000-х годов, доля депутатов, имеющих номенклатурный опыт, постепенно уменьшалась, но не исчезла вовсе. Эмпирические данные 2019 г. позволяют утверждать, что наиболее «номенклатурным» в исследовании оказался парламент Костромской

¹³ См.: Дука А. В., Быстрова А. С., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. (2008) Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Елисеева И. И. (ред.) Глобализация в российском обществе. СПб.: Нестор-История. С. 99—242, Быстрова А. С., Даугавет А. Б., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7. № 1. С. 76—122.

области — 20 %, и в меньшей степени — народное собрание Республики Дагестан (6 %). В среднем по выборке доля депутатов-номенклатурщиков составляет 12 %.

При обращении к типу второго высшего образования складывается иная картина (см. табл. 4). Второе высшее образование представители региональной элиты получают уже в более взрослом возрасте, занимая элитные позиции во властных институтах. Наиболее часто второе высшее образование связано с экономическими, управленческо-политическими и юридическими специальностями. Как и в целом по стране, в элитной региональной общности наблюдается рост выпускников-экономистов, управленцев и юристов. Эти процессы синхронизированы среди мужчин-депутатов и женщин-депутатов, когда фиксируется примерно одинаковое количество управленцев (более 40 %), экономистов (по 15 %), юристов (около 20 %).

Таблица 4. Пол и второе высшее образование, 2019 г. (%)

Тип высшего образования	Пол	
	Мужской	Женский
Финансово-экономическое	15	15
Управленческо-политическое	44	48
Гуманитарное	2	13
Техническое	6	0
Юридическое	20	17
Военное	9	0
Медицинское и ветеринарное	2	2
Другое	2	5
Всего	100	100

В ходе исследования мы зафиксировали такой показатель, как эндогенность, когда определялось совпадение региона нахождения парламента и места получения высшего образования. Ситуация по десяти регионам показывает, что в основном преобладает эндогенная элита: представители политической элиты получают высшее образование в регионе избрания депутатом местной легислатуры. При этом женщины-депутаты на фоне мужчин-депутатов более мобильны и чаще получают высшее образование за пределами региона — 68 % и 61 % соответственно.

Дополнительное образование и наличие ученой степени оказываются важными элементами образовательного капитала политической элиты десяти российских регионов. Полученные эмпирические данные показывают, что почти 30 % депутатов имеют дипломы кандидата наук и защищали диссертации по экономическим, юридическим и техническим специальностям. Эта тенденция весьма устойчива. Так, данные 2011—2016 гг. показывают, что представители политико-административной элиты российских регионов защищают кандидатские и докторские диссертации по экономическим направлениям [Колесник, 2019]. Интересен факт, что аналогичный образовательный порядок наблюдается и среди феде-

ральной элиты. Так, 45 % ее представителей имеют ученую степень доктора (199 докторов наук) или кандидата наук (375 кандидатов наук). Согласно вторичным данным, представители федеральной элиты чаще всего защищают диссертации по экономическим (217 человек) и юридическим (125 человек) наукам¹⁴.

Если рассматривать данные через призму гендерной оптики, то можно заметить, что среди мужчин и женщин наблюдается равенство тех, кто имеет кандидатскую степень (по 27 %), однако среди мужчин чуть меньше обладателей степени доктора наук, нежели среди женщин (7 % против 13%) (см. табл. 5). Расчеты в абсолютных величинах показывают, что в среднем остепененных среди мужчин-депутатов в пять раз больше, чем среди женщин-депутатов (168 против 30).

Таблица 5. Пол и наличие ученой степени, 2019 г. (%)

Ученая степень	Пол	
	Мужской	Женский
Наличие ученой степени	69	71
Отсутствие ученой степени	31	29
Всего	100	100

В большинстве случаев женщины становятся обладателями диплома кандидата наук сразу после получения высшего образования, что выглядит естественным в рамках образовательной траектории. Депутаты-мужчины, напротив, защищают кандидатские диссертации гораздо позже, после 40 лет, что становится, скорее всего, важным атрибутом продолжающейся профессиональной карьеры. Таким образом, анализ образовательных траекторий парламентской элиты десяти российских регионов показывает, что в целом женщины-депутаты представляют собой высокообразованную общность. Высшее образование женщины-депутаты чаще всего получают в нерегиональных вузах, в отличие от мужчин-депутатов, которые выбирают вузы по принципу «где родился там и пригодился». Что касается выбора специальностей для первого высшего образования, то здесь существенных различий не наблюдается: как мужчины, так и женщины чаще всего обучаются на факультетах «управления», «экономики» и «права».

Полученные данные фиксируют, что в регионах отсутствуют устойчивые пулы «элитных» вузов, в которых бы обучалось большинство представителей политической элиты региона и которые бы оказывали определенное влияние на характер взаимодействия внутриэлитной общности. Следует заметить, что наличие диплома о высшем образовании того или вуза не всегда эквивалентно качеству образования и тем более имеет малое отношение к эксклюзивности социального рекрутирования посредством элитного образования. В этой ситуации роль вытягивающих факторов берут на себя другие формальные и неформальные институции, благодаря которым те или кандидаты и обретают депутатские мандаты.

¹⁴ Рейтинги вузов по образованию представителей элиты государственного управления России-2014. Национальный рейтинг университетов Интерфакс // Финансовый университет при Правительстве РФ. 2014. URL: <http://www.fa.ru/NewsFiles/2014-07-01-vuzy-dlya-elit/GovElite.pdf> (дата обращения 23.08.2021).

Заключение

Исследование гендерного неравенства в региональной политической элите в современной России позволило определить мозаичность в депутатском корпусе с точки зрения представленности мужчин и женщин. Полученные данные дают возможность утверждать, что представители политической элиты — как мужчины, так и женщины — до обретения депутатского мандата уже занимали высокие позиции в различных профессиональных институциях, и происходило лишь их горизонтальное перемещение с одной элитной позиции на другую. Анализ структурных биографий женщин-депутатов показывает, что чаще всего рекрутирование в региональные парламенты осуществляется через исполнительные органы власти, сферы образования и здравоохранения. Среди мужчин и женщин наблюдается асимметрия при вхождении в элитную должность в зависимости от возраста: женщины гораздо позже впервые занимают элитную позицию, чем мужчины.

В десяти рассмотренных российских регионах преобладает эндогенная политическая элита, когда ее представители получают высшее образование в месте избрания депутатом местной легислатуры. Эмпирические данные по первому высшему образованию в гендерном разрезе позволяют сделать вывод, что основной образовательный профиль у женщин и мужчин различается. Среди женщин-депутатов по первому высшему образованию преобладают гуманитарии, медики, экономисты, среди мужчин — технические специалисты, экономисты, военные. Далее определено, что второе высшее образование представители региональной элиты чаще всего получают в более взрослом состоянии, уже занимая элитные позиции во властных институциях. Зачастую второе высшее образование связано с экономическими, управленческо-политическими и юридическими специальностями.

Количественный анализ биографий политической элиты показывает, что женщины-депутаты обычно рекрутируются из административной элиты, занимая высшие позиции в институциях социальной сферы. Введение же дополнительных качественных данных показало, что из трех случаев только одна профессиональная биография может быть примером карьерного восхождения в рамках социальной институции (сферы образования), и поэтому взаимовлияния и взаимосвязи, неизбежно возникающие в профессиональной сфере, необходимо учитывать при оценке карьерных траекторий женщин-депутатов.

Таким образом, рассмотренные региональные случаи гендерной представленности в легислатурах современной России показали, что даже если в парламенте и наблюдается гендерный паритет, то чаще всего элита обновляется по принципу замещения, когда обновления имеют имитационный характер [Best, Higley, 2018]). Эмпирические данные свидетельствуют, что политическая элита активно профессионализируется, переплетается с административной элитой и оказывается закрытой для притока новых персон на позиции не только в региональных, но и в столичных парламентах. В этой связи для объективного анализа необходимо вовлекать не только данные по социальной структуре парламентов, но и учитывать экономический и политический профили рассматриваемых регионов, вводить дополнительные индикаторы для измерения гендерного профиля российской власти.

В целом количественный анализ данных гендерной структуры десяти российских региональных парламентов не до конца проясняет, каковы причины существ-

вующей асимметрии в представленности мужчин и женщин во властных структурах, но позволяет выявить важные тенденции и определить направления для дальнейших дискуссий. Например, по-прежнему остаются открытыми вопросы о связи гендерного равенства с демократией и коррупцией: существуют ли они? Данные международных проектов показывают, что не только в государствах со старыми демократиями, но и в развивающихся странах имеются примеры гендерного паритета в национальных парламентах. Так, исследование Всемирного банка в начале 2000-х годов по 150 странам Европы, Африки и Азии продемонстрировало, что женщины более надежны и менее подвержены коррупции. Следует также отметить, что, хотя корреляция между вовлечением женщин в общественную жизнь и более низким уровнем коррупции не оспаривается, вторая волна исследований привела к уточнениям первоначальных результатов и поставила под сомнение направление причинно-следственной связи¹⁵. «Например, может возникнуть вопрос, являются ли женщины по своей сути менее коррумпированными, или именно демократия является основным условием того, что более широкое участие женщин в правительстве связано с меньшей коррупцией. Фактически страны, где женщины более представлены в правительстве, как правило, также имеют более либеральные демократические институты, обеспечивающие более эффективные проверки фактов коррупции, а также „более справедливые системы“, способствующие гендерному равенству»¹⁶.

Список литература (References)

Айвазова С. Г. Гендерные особенности политического поведения россиян в контексте избирательного цикла парламентских и президентских выборов 2011—2012 гг. // *Женщина в российском обществе*. 2012. № 3. С. 3—11.

Aivazova S. G. (2012) Gender Characteristics of the Political Behavior of Russians in the Context of the Electoral Cycle of the Parliamentary and Presidential Elections of 2011—2012. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 3—11. (In Russ.)

Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. IX. № 1. С. 15—44.

Blossfeld H.-P., Huinink I. (2006) Study of Life Paths in the Social Sciences: Topics, Concepts, Methods and Problems. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. IX. No. 1. P. 15—44. (In Russ.)

Гнедаш А. А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае) // *Новые направления политической науки: гендерная политология, институциональная политология, политическая экономия, социальная политика*. Москва: РАПН, РОССПЭН, 2007. С. 258—274.

¹⁵ Gender, Equality and Corruption: What Are the Linkages? (Policy Brief) // Transparency International. 2014. January. URL: https://www.transparency.org/whatwedo/publication/policy_position_01_2014_gender_equality_and_corruption_what_are_the_linkage (дата обращения: 21.08.2021).

¹⁶ Там же.

Gnedash A. A. (2007) Political and Administrative Elites of Post-Soviet Russia: Gender Dimension (Based on an Expert Survey in Krasnodar Region) In: *New Directions in Political Science: Gender Political Science, Institutional Political Science, Political Economy, Social policy*. Moscow: Russian Political Science Association, ROSSPEN. P. 258—274. (In Russ.)

Дука А. В. Вариантность социологии элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4. С. 5—23.

Duka A. V. (2015) Variation of the Sociology of Wlites. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XVIII. No. 4. P. 5—23. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3—4. С. 299—322.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2003) State Construction of Gender in Soviet Society. *Journal of Social Policy Research*. Vol. 1. No. 3—4. P. 299—322. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Патриархат и женская власть // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 68—95.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2007) Patriarchate and Women's Power. In: E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.) *Russian Gender Order: Sociological Approach*. St. Petersburg: European University in Saint Petersburg. P. 68—95. (In Russ.)

Колесник Н. В. Гендерные распределения в региональной элите (северо-запад и юг России) // Политическая экспертиза: Политекс. 2009. № 5. С. 72—87.

Kolesnik N. V. (2009) Gender Distributions in the Regional Elite (North-West and South of Russia). *Political Expertise: Polytex*. No. 5. P. 72—87. (In Russ.)

Колесник Н. В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 30—48.

Kolesnik N. V. (2019) Educational Trajectories of the Russian Elite: Regional Projection. *Universe of Russia*. V. 28. No. 4. P. 30—48. (In Russ.)

Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51—65.

Kryshstanovskaya O. (1995) Transformation of the Old Nomenclature into a New Russian Elite. *Social Sciences and Modernity*. No. 1. P. 51—65. (In Russ.)

Овчарова О. Г. Гендерная асимметрия в сфере политики: поиски институционального решения проблемы // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 5 (57). С. 214—219.

Ovcharova O. G. (2007) Gender Asymmetry in Politics: The Search for an Institutional Solution to the Problem. *Bulletin of the Saratov State Academy of Law*. No. 5 (57). P. 214—219. (In Russ.)

Пушкарева Н. Л. Где больше власти — там меньше женщин (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов

- власти РФ 1991—2006 гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 1. С. 117—127.
- Pushkareva N. L. (2008) Where There Is More Power, There Are Fewer Women (Gender Expertise of Legislation and Current Legislative Activity of the Highest Authorities of the Russian Federation 1991—2006). *Scientific Reports of Belgorod State University. Series: History. Political Science*. No. 1. P. 117—127. (In Russ.)
- Середа М. В. Женщины как субъект неотрадиционалистской гендерной политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 94—98.
- Sereda M. V. (2011) Women as a Subject of Neotraditional Gender Policy. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 94—98. (In Russ.)
- Силласте Г. Женские элиты России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 112—121.
- Sillaste G. (1994) Female Elites of Russia and Their Features. *Social Sciences and Modernity*. No. 1. P. 112—121. (In Russ.)
- Тартаковская И. Н. Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 84—93.
- Tartakovskaya I. N. (2015) Reproduction of Gender Order through Career Strategies: An Attempt at Intersectional Analysis. *Sociological Studies*. No. 5. P. 84—93. (In Russ.)
- Тартаковская И. Н. Женственность прекарности // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. № 14. С. 45—53.
- Tartakovskaya I. N. (2017) Femininity of Precarity. *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 14. P. 45—53. (In Russ.)
- Чирикова А. Е., Лапина Н. Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М.: Институт социологии РАН, 2009.
- Chirikova A. E., Lapina N. Yu. (2009) Woman on the Highest Floors of Government. Russian Practices and French Experience. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
- Шведова Н. А. Гендерная стратегия как фактор политической культуры // Создание институциональных структур для соблюдения принципа гендерного равенства в России. М.: Миг, 2003.
- Shvedova N. A. (2003) Gender Strategy as a Factor of Political Culture. In: *Creation of Institutional Structures for Observing the Principle of Gender Equality in Russia*. Moscow: Mig Publishing House. (In Russ.)
- Фомичева О. А. Особенности конституционного правового статуса депутатов регионального парламента // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 3. № 2. С. 231—242.
- Fomicheva O. A. (2014) Features of the Constitutional Legal Status of Deputies of the Regional Parliament. *Bulletin of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*. Vol. 3. No. 2. P. 231—242. (In Russ.)
- Хасбулатова О. А. Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // Женщина в российском обществе. 2014. № 4 (73). С. 3—10.

Khasbulatova O. A. (2014) Gender Approach as a Technology to Improve the Effectiveness of Personnel Policy. *Woman in Russian Society*. No. 4 (73). P. 3—10. (In Russ.)

Best H., Higley J. (2018) Introduction. In: H. Best, J. Higley (eds.) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan. P. 1—6.

Engelstad F. (2018) Models of Elite Integration. In: H. Best, J. Higley (eds.) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan. P. 53—68.

Hartmann M. (2011) Elites and Power Structure. In: Immerfall S., Therborn G. (eds.) *Handbook of European Societies: Social Transformations in the 21st Century*. New York, NY: Springer. P. 291—323.

Inglehart R., Norris P. (2010) *Rising Tide. Gender Equality and Cultural Change Around the World*. Cambridge, MA: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550362>.

Norris P., Lovenduski J. (2004) *Political Recruitment: Gender, Race, and Class in the British Parliament*. Cambridge, MA: Cambridge University Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2021.4.1871](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871)

А. О. Макаренцева, Н. И. Галиева, Д. М. Рогозин

(НЕ)ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 492—515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>.

For citation:

Makarentseva A. O., Galieva N. I., Rogozin D. M. (2021) Desire (Not) To Have Children in the Population Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 492–515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>. (In Russ.)

(НЕ)ЖЕЛАНИЕ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ В ЗЕРКАЛЕ ОПРОСОВ НАСЕЛЕНИЯ

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

ГАЛИЕВА Надежда Илшатовна — научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: galievana@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1967-3577>

РОГОЗИН Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, директор Центра полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

E-MAIL: nizgor@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

Аннотация. В представленной статье исследуются изменения в репродуктивном поведении населения современной России через призму предпочтений бездетности. Авторы рассматривают ответы на вопросы о желании иметь детей в соотношении с индивидуальными характеристиками респондентов, а также анализируют особенности коммуникации в ходе массового опроса, исследуют процес-

DESIRE (NOT) TO HAVE CHILDREN IN THE POPULATION SURVEYS

Alla O. MAKARENTSEVA¹ — *Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting*
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

Nadezhda I. GALIEVA¹ — *Researcher, Institute of Social Analysis and Forecasting*
E-MAIL: galievana@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1967-3577>

Dmitrii M. ROGOZIN¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Director of the Field Research Center*
E-MAIL: nizgor@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

¹ Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The article explores changes in the fertility behavior through the lens of childlessness preferences in modern Russia. The authors consider answers to the questions about the desire to have children in relation to the individual characteristics of the respondents and analyze the features of communication in the course of a quantitative population survey, investigating the processes of interpretation of questions and the formation

сы интерпретации вопросов и формирования ответов. Эмпирической базой работы выступают данные и аудиозаписи трех волн крупного общенационального репрезентативного опроса населения «Человек, семья, общество» (2015, 2017 и 2020 гг.).

Данные указывают на значительный рост числа респондентов, заявляющих о нежелании иметь детей. В целях повышения достоверности полученных результатов авторы используют комплексные индикаторы предпочтений бездетности, которые подтверждают выявленную тенденцию. Показано, что предпочтения бездетности формируются под влиянием двух направлений факторов: депривационного и модернизационного. Кроме того, наблюдается изменение социального портрета тех, кто не хочет иметь детей: если в 2017 г. он определялся преимущественно отсутствием супруга или партнера в домохозяйстве, то в 2020 г. — целым комплексом характеристик.

Интерпретируя рост предпочтений бездетности, авторы обращаются к анализу коммуникации между респондентами и интервьюерами. Показано, что вопрос о желании иметь детей легок и понятен для восприятия, но чрезвычайно сложен для поиска в памяти релевантной информации и формулирования суждения респондентом, а также для корректной записи развернутого ответа интервьюером. Нередко респонденты демонстрируют амбивалентную позицию «с одной стороны и с другой стороны», которая завершается конкретным ответом под влиянием текущей коммуникативной ситуации. Авторы полагают, что общий рост бездетных и малодетных устано-

of answers. The empirical basis of the work is the data and audio recordings of the three waves of a major nationwide representative survey «Person, Family, Society» (2015, 2017 and 2020).

The authors point to a significant increase in the number of respondents stating their desire not to have children. In order to improve the reliability of the results, the study uses multiple indicators of childlessness preferences, which confirm the revealed trend. Childlessness preferences are formed under the influence of two different processes, deprivation and modernization. In addition, there is a change in the social portrait of those who do not want to have children: while in 2017 preferred childlessness was determined mainly by the absence of a spouse or a partner in the household, in 2020 it is associated with a broad set of characteristics.

To interpret the growth of childlessness preferences, the authors perform an analysis of communication between respondents and interviewers. The question about the desire to have children is easy and understandable, but extremely difficult in terms of information retrieval and formulation of judgment by the respondent, and in terms of recording the detailed answer by the interviewer. Often, the respondent declares an ambivalent position answering with a construct «on the one hand, and on the other hand», and the final answer is formed under the influence of the current communicative situation. Finally, the authors believe that the overall growth of childless and dynamics of fertility intentions was intensified by the COVID-19 pandemic: against the background of spring quarantine, respondents were unprepared

вок был усилен пандемией коронавируса: на фоне весеннего карантина респонденты высказывались о неготовности к рассуждениям о рождении ребенка.

Ключевые слова: репродуктивные установки, бездетность, желание иметь детей, интервьюер, респондент, поведенческое кодирование коммуникации, массовый опрос

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2021 г.

for the very discussion about the birth of a child.

Keywords: reproductive intentions, childlessness, desire to have children, interviewer, respondent, behavioral coding of communication, quantitative survey

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme in 2021.

Предпочтения в отношении числа детей давно находятся в центре исследований репродуктивного поведения населения. Задачей настоящей работы стал поиск корректной интерпретации зафиксированного опросами роста числа мужчин и женщин, заявляющих о нежелании иметь детей. В статье предпринята попытка соединить демографический и социологический взгляды на исследования репродуктивных предпочтений. Классический демографический подход использует опросы населения как черный ящик — с одной стороны в него загружаются методологически выверенные (как правило, длинные и сложные) вопросы о репродуктивном поведении населения, а с другой — извлекаются количественные оценки. Демографический подход не подвергает сомнению валидность полученных оценок и не осмысляет коммуникацию респондента с интервьюером. Мы же обращаемся не только к анализу связей ответов о желании иметь детей с другими характеристиками респондента, но и к процессу внутреннего поиска, основанному на анализе особенностей коммуникации, понимании вопроса и формировании ответов.

В первой части статьи задана историческая рамка исследований репродуктивных установок и актуализации в них вопроса о предпочтениях бездетности. Во второй части представлен анализ опросных данных, а в завершении — разбор коммуникаций интервьюера и респондента, проведенный на основе транскрипций их диалогов. Источником данных выступают три волны общенационального репрезентативного опроса населения «Человек, семья, общество» (2015, 2017 и 2020 гг.), каждый из которых охватывал около 9500 респондентов. В 2020 г. опрос проходил с марта по май, в период распространения новой коронавирусной инфекции и введения режима изоляции для борьбы с ним. В этот период население еще не ожидало, что социальные и экономические ограничения будут столь длительными. Однако мы предполагаем, что длительные планы в этот период уже корректировались — не по причине реального изменения в материальном

положении или здоровье членов семьи, а по причине резкого роста субъективной неопределенности и тревожности.

Вопросный инструментарий трех волн обследования «Человек, семья, общество» примерно одинаков, он включает в себя вопросы о демографической политике, рождаемости, уходе за детьми, доходах, жилье, физическом самочувствии. Используемые показатели репродуктивных установок населения традиционны для количественных опросов о репродуктивном поведении. Преимущество этого опроса заключается в использовании CATI-технологии (computer assisted telephone interview), которая, помимо прочего, дает возможность использования аудиозаписей интервью в аналитических целях.

История вопроса: от исследований желания иметь несколько детей к исследованиям бездетности

Исследования предпочтений в отношении числа детей имеют длительную историю, вопросы об идеальном размере семьи включались в опросы населения еще в первой половине XX века [Neely, 1940]. Всплеск исследований репродуктивных установок пришелся на середину XX века, и он был спровоцирован массовым распространением практик контроля рождаемости [Freedman, Baumert, Bolte, 1959; Westoff, Mishler, Kelly, 1957]. Уже в этих исследованиях анализировалась проблема устойчивости предпочтений и специфики ответов респондента на вопросы в разных формулировках.

В советские опросы населения вопросы о репродуктивных установках включались с 1960-х годов. Исследователи пытались концептуально разделить показатели: «идеальное число детей — когнитивная компонента репродуктивной установки (ориентация на социальные нормы), желаемое — когнитивно-эмоциональная компонента, ожидаемое — практическая компонента (установка действия)» [Борисов, 1976: 204]. При этом рекомендовалось включать в обследования все три вопроса — желательно подряд¹ [Белова, Дарский, 1972]. Однако дальнейший опыт массовых опросов показал, что респонденты склонны подгонять желаемое число детей под то, которое они же называли идеальным, а ожидаемое — почти неизбежно оценивать более низко [Trent, 1980].

Несмотря на методологические проблемы, показатели репродуктивных установок дают ценный материал для исследований репродуктивного поведения населения. На эмпирическом уровне неоднократно подтверждена связь между установками в отношении рождения детей и фактическим поведением. Ряд авторов указывают на то, что сначала меняются установки, а затем поведение [Ajzen, Fishbein, 1980; Schoen et al., 1997].

В своих предыдущих работах мы подробно анализировали, как люди отвечают на вопрос о желаемом числе детей и что представляют собой «все необходимые условия»² [Тындик, 2015; Ипатова, Тындик, 2015]. В частности, мы пришли к выводу, что, начинаясь со слова «сколько» и заканчиваясь допущением обо «всех необходимых условиях», его формулировка изначально направляет ответ респон-

¹ Использовали их и Рональд Фридман, и Лоладжин Кумбс, полагая, что если ожидаемое и желаемое число детей совпадают, то ожидания более стабильны во времени [Freedman, Coombs, Vumpass, 1965].

² Формулировка: «Сколько всего детей вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые условия?».

дента в русло социально одобряемого поведения, то есть в сторону завышения числа детей. В такой форме респондента не спрашивают о самом желании иметь детей, формулировка практически не предполагает ответа «нисколько». Когда в массовых обследованиях появился вопрос о желаемом числе детей, добровольная бездетность не была предметом исследовательского интереса. В настоящее время установки на бездетность входят в наиболее актуальные вопросы изучения рождаемости.

Распространенность бездетности среди женщин в возрасте 30—34 и 40—44 лет за последние десятилетия выросла во многих европейских странах. Среди всех 40—44-летних женщин доля бездетных остается относительно низкой (около 10%) только в Болгарии, Чехии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Португалии, Румынии и России (в России речь идет о поколении 1960-х годов рождения, в следующем поколении она будет в интервале 11%—15%). Средний уровень бездетности в этом возрасте (11%—15%) наблюдается во Франции, Бельгии, Грузии, Германии, Норвегии, Словакии, Словении, Швеции и в США. Наконец, высокий уровень бездетности (около 20%) фиксируется сейчас в Австрии, Италии, Нидерландах и Великобритании [Miettinen et al., 2015].

Рост бездетности обеспечивается преимущественно увеличением числа добровольно бездетных. К таковым относят не только те пары или тех женщин, которые никогда не хотели иметь детей³, но и тех, кто «просто остался бездетным» [Toulemon, 1996: 9], а также тех, кто слишком долго откладывал рождение ребенка [Gobbi, 2013: 964]. Большинство же скорее остаются бездетными без явного обдумывания решения о том, становиться или не становиться родителем [Toulemon, 1996]. Поэтому в западной литературе все чаще используется термин «остающиеся бездетными», а не «выбирающие бездетность». Другими словами, ядро окончательно бездетных представляют не те, кто остался таковым в результате принятия решения не иметь детей, а те, кто никогда не принимал решения иметь детей «сейчас» [Keizer, Dykstra, Jansen, 2007]. Увеличение числа мужчин и женщин, планировавших рождение «когда-нибудь потом», но так и не начавших воплощать его в жизнь, становится ключевым фактором роста окончательной бездетности.

В России также отмечается рост бездетности, длительное время оставшейся на уровне 5%—7%. Если в когортах 1980-х гг. рождения уровень окончательной бездетности будет в пределах 10%—15%, то в когортах 1990-х годов рождения можно ожидать его увеличения в коридоре 15%—18% [Biryukova, Tyndik, 2015; Захаров, 2016]. Эта тенденция актуализирует исследования репродуктивных предпочтений населения в России, выявление социального портрета предпочитающих бездетность и рефлексию о формировании предпочтений бездетности.

Кто выбирает «нет»?

В трех волнах опроса «Человек, семья, общество» задавался вопрос о желании иметь детей в одинаковой формулировке: «Вы хотели бы иметь (еще) детей?». Доля бездетных респондентов до 44 лет, не желающих иметь детей, последовательно выросла с 5% в 2015 г. до 22% в 2020 г. (см. табл. 1).

³ Тех, кто уже в раннем возрасте заявлял о своем намерении не иметь детей, совсем немного среди общего числа бездетных [Keizer, Dykstra, Jansen, 2007: 2].

Таблица 1. Динамика ответов на вопрос о желании иметь детей среди бездетных респондентов в возрасте от 18 до 44 лет включительно, % по столбцу

Вы хотели бы иметь детей?	2015	2017	2020
Хотел(а) бы иметь детей	93	88	75
Не хотел(а) бы иметь детей	5	10	22
Затрудняюсь ответить	2	2	3
Итого, респондентов	1887	1758	1928

Этот рост можно интерпретировать по-разному: считать полученные показатели реальными оценками распространения добровольной бездетности, указывать на влияние периода проведения опроса [Макаренцева, 2020] или задаваться вопросом об измеримости желания иметь детей в принципе.

Из предшествующих исследований мы знаем, что добровольно бездетные имеют ряд отличительных характеристик. Во-первых, добровольная бездетность распространяется среди групп населения с высоким социально-профессиональным статусом, для которых конкуренция времени жизни особенно высока. Предпочтение бездетности формируется на основе высокого места карьеры и потребления развлечений в иерархии потребностей человека. Во-вторых, добровольная бездетность иногда формируется в социально неблагополучных слоях, когда индивид не может обеспечить рождение и воспитание детей экономически. В-третьих, добровольная бездетность тесно связана с неблагополучием в брачно-партнерских отношениях. В-четвертых, небольшая часть населения может быть отнесена к чайлд-фри — в этом случае выбор бездетности является следствием устойчивых ценностных убеждений, отличных от нормативных для общества. Если предположить, что наблюдаемый рост числа предпочитающих бездетность связан преимущественно с неопределенностью будущего или с изменениями в коммуникации интервьюеров и респондентов, то социальный портрет респондентов в опросе 2020 г. должен слабо коррелировать с отмеченными выше социальными характеристиками; эту гипотезу мы проверим на опросных данных. Кроме того, мы сравним характеристики предпочитающих бездетность в 2020 и 2017 гг.⁴ — с тем чтобы оценить направление изменения их социального портрета.

Таким образом, мы анализируем факторы, способствующие выбору ответа «нет» на вопрос «Вы бы хотели иметь детей?» в опросе 2020 г. Размер целевой выборки составляет 1928 респондентов в возрасте 18—44 года, из них 425 человек (22%) предварительно можно отнести к добровольно бездетным.

В ходе апробации моделей в список независимых переменных включалось множество факторов; характеристики родительской семьи, разные индикаторы материального положения, тип населенного пункта, индикаторы ценностных установок и т. п. В качестве итоговых были выбраны модели с максимальным количеством значимых переменных. Из них была исключена переменная пола

⁴ В 2015 г. размер целевой выборки недостаточен для анализа.

(как незначимая), но добавлена такая новая переменная, как уровень «цифровизации» — вовлеченность в пользование интернетом⁵.

Регрессионный анализ мы проводили на всей подвыборке и отдельно на подвыборке молодежи в возрасте 18—24 года. Апробация регрессионных моделей тестировала две гипотезы:

— предпочтение бездетности формируют депривированные группы. Для этого использовались такие индикаторы, как отсутствие супруга(и), невысокое материальное положение, отсутствие работы, низкий уровень образования, проживание в сельской местности;

— предпочтение бездетности формируют группы — форварды модернизации. Для этого использовались такие переменные, как проживание в крупнейших городах (Москве или Санкт-Петербурге), отрицательное отношение к религии, высокое материальное положение, высшее образование, отсутствие братьев и сестер (как индикатор малодетного окружения в детстве), высокое вовлечение в цифровую среду.

Нулевой гипотезой выступало предположение, что предпочтение бездетности в настоящий момент формируется под давлением социально-эпидемиологических обстоятельств и не имеет определенного социально-экономического портрета.

На полной выборке респонденты до 25 лет в выборе предпочтений бездетности не значимо отличаются от респондентов старше 35 лет, тогда как в средних возрастах (25—34 года) значимо реже говорят о нежелании иметь детей (см. табл. 2). Другими словами, мы видим U-образную зависимость по возрасту: «слишком рано об этом думать», «пора», «слишком поздно об этом думать».

Комплекс индикаторов депривации значимо увеличивает шансы предпочтений бездетности: образование ниже высшего (в 1,6 раза), отсутствие супруга (в 1,4 раза), невысокое материальное положение (в 1,3 раза).

Отношение к религии по-прежнему сильно регламентирует желание иметь детей: если респондент относит себя к неверующим или затрудняется ответить на вопрос о религии, то шансы на предпочтение им бездетности увеличиваются в 3,2 раза. Значимы также факторы отсутствия братьев и сестер и высокое вовлечение в пользование интернетом.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа на выборках 18—44 года в 2017 и 2020 гг., зависимая переменная — нежелание иметь детей

	2020			2017		
	В	Значимость	Exp(В)	В	Значимость	Exp(В)
18—24 года	0,149	0,410	1,161	0,946	0,000	2,576
25—29 лет	-0,508	0,015	0,602	0,421	0,107	1,523
30—34 года	-0,602	0,007	0,548	-0,478	0,159	0,620

⁵ Список индикаторов: «Как часто вы... часто, иногда, редко или никогда? 1) покупаете через интернет вещи (одежду, технику и другое); 2) используете интернет для работы из дома, подработки; 3) используете интернет для получения медицинской информации; 4) используете интернет для получения образования (онлайн-уроки)». Из этих индикаторов была сформирована комплексная дихотомическая переменная, которая принимает значение «1» в случае хотя бы однократного выбора ответа «часто».

	2020			2017		
	В	Значимость	Exp(В)	В	Значимость	Exp(В)
Образование ниже высшего	0,476	0,001	1,610	-0,005	0,979	0,995
Нет супруга	0,275	0,058	1,316	1,878	0,000	6,541
Материальное положение ниже «хорошего»	0,225	0,061	1,252	-0,046	0,783	0,955
Отсутствие сиблингов	0,249	0,077	1,283	0,014	0,948	1,014
Неверующий	1,166	0,000	3,208	1,041	0,000	2,831
Высокое вовлечение в пользование интернетом*	0,361	0,004	1,434	0,053	0,781	1,055

Примечание: референтные категории по всем переменным в таблице опущены.

* В 2017 г. данная переменная отсутствует, она заменена индикатором пользования интернетом каждый день и пользования социальными сетями.

Таким образом, на полной выборке предпочтения бездетности формируются под влиянием двух направлений факторов: депривационного и модернизационного. Сравнение с 2017 г. дает более полную картину. Тогда предпочтения бездетности были тесным образом связаны с отсутствием супруга/партнера в домохозяйстве (отношение шансов выше в 6,5 раза). Кроме этого фактора, значимы были только отношение к вере и молодой возраст.

Вернемся к 2020 г. и рассмотрим отдельно подвыборку молодежи. Значимыми в модели становятся следующие факторы (см. табл. 3):

— Образование ниже высшего или обучение на момент опроса: по сравнению с наличием высшего образования это повышает шансы выбора бездетности в 2,3—2,4 раза. Возможно, этот фактор отражает возраст респондента внутри небольшой возрастной группы, однако включение в регрессию линейной переменной возраста не показывает ее значимости;

— Отсутствие супруга отрицательно влияет на предпочтение бездетности, снижая шансы такого выбора в 0,6 раза. Этот фактор тоже косвенно связан с возрастом;

— Повышают отношение шансов выбора бездетности и другие индикаторы депривированности: невысокое материальное положение (в 1,3 раза) и отсутствие занятости (в 1,4);

— Самоидентификация респондента как неверующего повышает отношение шансов выбора бездетности в 3,2 раза, высокое вовлечение в использование интернета — в 1,8 раза.

Таким образом, в молодежной группе выбор бездетности связан преимущественно с депривационными характеристиками, предположительно усиленными возрастными ограничениями доступа к ресурсам. Другими словами, речь идет скорее об откладывании мыслей о деторождении, чем о предпочтении бездетности.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа на выборке респондентов в возрасте 18—24 лет, 2020 г., зависимая переменная — нежелание иметь детей

	B	Значимость	Exp(B)
Ниже высшего и не учится	0,840	0,006	2,316
Учится	0,885	0,003	2,424
Нет супруга	-0,372	0,094	0,689
Материальное положение ниже «хорошего»	0,276	0,088	1,318
Не работает	0,346	0,047	1,413
Неверующий	1,156	0,000	3,177
Высокое вовлечение в пользование интернетом	0,566	0,003	1,761

Примечание: референтные категории по всем переменным в таблице опущены.

После апробаций регрессионных моделей было решено усилить зависимую переменную, косвенно исключив откладывающих решение о том, иметь или не иметь детей. В 2020 г.⁶ респондентов спрашивали о согласии с нормативным утверждением «Это нормально, когда человек решает никогда не иметь детей — скорее согласен, скорее не согласен» (пересечение индикаторов представлено в табл. 4). В качестве новой зависимой переменной в регрессионном анализе выступает пересечение категорий из таблицы 4. Это 16,8% от целевой выборки бездетных респондентов до 45 лет, или 76% от прежней выборки респондентов, отрицательно ответивших на вопрос о желании иметь детей.

Таблица 4. Пересечение подмножеств индикаторов предпочтения бездетности, респонденты без детей в возрасте 18—44 лет, % по таблице

		Вы бы хотели иметь (еще) детей?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Это нормально, когда человек решает никогда не иметь детей	Скорее согласен	38,8	16,8	1,5
	Скорее не согласен	33,1	4,7	1,0
	Затрудняюсь ответить	3,2	0,6	0,3

В самой молодой возрастной группе значительно выше шансы выбора общенных предпочтений бездетности — в 5,3 раза по сравнению со старшей возрастной группой. Шансы предпочтений бездетности выше в столицах и ниже в сельской местности. Значительно влияние отсутствия супруга: оно повышает отношение шансов выбора предпочтений бездетности в 3,7 раза. В то же время утратил статистическую значимость фактор плохого материального положения и образования (убрано из модели). Отсутствие сиблингов, высокое вовлечение в пользование интернетом и самоидентификация в качестве неверующего сохранили свою значимость и силу влияния.

⁶ В анкете 2017 г. этого вопроса не было.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа на выборке респондентов в возрасте 18—44 лет, зависимая переменная — обобщенное предпочтение бездетности

	B	Значимость	Exp(B)
18—24 года	1,668	0,000	5,301
25—29 лет	0,631	0,006	1,880
30—34 года	0,166	0,490	1,180
Столицы (Москва, С.-Петербург)	0,483	0,006	1,621
Сельская местность	-0,395	0,063	0,674
Нет супруга	1,322	0,000	3,751
Материальное положение ниже «хорошего»	0,180	0,179	1,197
Нет братьев или сестер	0,371	0,013	1,450
Неверующий	1,499	0,000	4,475
Высокое вовлечение в пользование интернетом	0,469	0,001	1,599

Примечание: референтные категории по всем переменным в таблице опущены.

Таким образом, обобщенные предпочтения бездетности теснее связаны с модернизационными индикаторами, но в то же время сильным фактором остается наличие или отсутствие стабильных партнерских отношений. Можно говорить о том, что в некоторых случаях связь с партнерским статусом имеет обратное направление: например, чайлд-фри могут избегать долгосрочных партнерских союзов. Однако в большинстве случаев респонденты, даже отвечая на гипотетический вопрос о желании иметь детей, принимают во внимание реальные обстоятельства своей жизни.

Рассмотрев социальный портрет респондентов, заявляющих о нежелании иметь детей, обратимся к исследованию особенностей самой коммуникации между респондентом и интервьюером при ответе на вопросы о репродуктивных установках.

Надежность измерения

Позволяет ли такой инструмент, как опрос, измерить реальное состояние дел? Действительно ли растет доля тех, кто отказывается от родительского опыта? Или рост обусловлен ошибками измерения? Позволяет ли опрос адекватно регистрировать желания и представления взрослых?

Короткие реплики и однозначные высказывания дают мало аналитической информации, поэтому в каждом году проведения исследования мы выделили наиболее продолжительные интервью как индикаторы коммуникации с разговорчивым, как правило, раскрывающим свою позицию респондентом. Было отобрано по 25 % самых длительных интервью с бездетными и детными респондентами в каждом из трех вариантов ответов на вопрос о желании иметь детей: «хотел(а) бы», «не хотел(а) бы» и «затрудняюсь ответить». Случайным образом из каждой категории за каждый год было отобрано по 10 интервью с бездетными

и по 10 — с детными респондентами. Итого за три года в трех категориях было получено 90 ответов бездетных и 90 ответов детных о желании или нежелании иметь детей. Кодирование диалога интервьюера и респондента проведено по транскрипциям аудиозаписей. Сам опрос предполагает полностью стандартизированное интервью. Однако мы неоднократно говорили, что такой формат представляет собой не только сбор данных, но и коммуникацию, межличностное взаимодействие, в котором решается множество задач, от установления контакта до поддержания приятной и интересной респонденту беседы [Ипатова, Рогозин, 2014].

В своем анализе основное внимание мы уделяли отношению участников интервью к анкетному вопросу, определяющему и формирующему предмет разговора. Отклонятся ли интервьюер от опросного задания, задает ли вопрос в точности так, как он написан? Отвечает ли респондент в соответствии с вопросом или отклоняется, уходит от ответа? Уточняет ли интервьюер ответ? Задает ли респондент встречные вопросы? Демонстрирует ли свое непонимание? Объясняет ли интервьюер смысл вопроса? Другими словами, проходит ли коммуникация в простой стандартизированной, не вызывающей разночтения форме или отклоняется в сторону обыденного разговора, беседы? Приводят ли такие отклонения к смещениям, ошибкам регистрации ответов? Насколько часто совершаются коммуникативные ошибки? Угрожают ли они качеству измерения?

Кодируя отдельные элементы поведения интервьюера и респондента, мы получили возможность оценить качество коммуникации, а значит, и возможные риски смещений и ошибок, связанные как с поведением интервьюера и респондента, так и с формулировкой вопроса. Таким образом, основной методический вопрос о надежности и валидности опросного инструмента становится вопросом содержательным — насколько можно доверять полученным данным, опираться на них в исследованиях репродуктивного поведения россиян?

Поведенческое кодирование коммуникации

Поведенческое кодирование коммуникации [Рогозин, 2002: 14—17] позволило выделить три признака, или коммуникативных действия, для интервьюера и два — для респондента: (1) интервьюер уточняет ответ, (2) интервьюер объясняет вопрос, (3) интервьюер комментирует ответ респондента, (4) респондент аргументирует свой ответ, (5) респондент отвечает задумчиво, сомневается. Теоретически коммуникативные действия могут происходить в любом порядке, поэтому возможны шесть вариантов встречаемости: от отсутствия какого-либо признака в коммуникации до наличия всех пяти признаков.

Как показал анализ материалов, когда респондент говорит о желании иметь детей, чаще наблюдаются однозначные ответы, не сопровождаемые дополнительными комментариями и уточнениями: в 19 интервью не зафиксировано ни одного коммуникативного действия. Одно коммуникативное действие со стороны интервьюера или респондента наблюдалось, когда последний затруднялся с ответом — в 15 интервью. Более развернутая коммуникация происходит тогда, когда респондент говорит о нежелании иметь детей — в 14 интервью наблюдалось от двух до четырех действий (см. табл. 6).

Таблица 6. Количество закодированных коммуникативных действий для получения ответа на вопрос о желании иметь детей среди бездетных, абсолютные значения

Количество закодированных коммуникативных действий	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Ни одного	19	8	12	39
Одно	4	8	15	27
Два	5	9	1	15
Три	2	4	1	7
Четыре	0	1	1	2
Пять	0	0	0	0

Ни разу не были закодированы все пять коммуникативных действий в одной интеракции между интервьюером и респондентом. Последнее отчасти связано с поведением интервьюера, который выбирал ту или иную стратегию коммуникации. Так, объяснение вопроса ни разу не наблюдалось совместно с уточнением ответа или с комментариями к ответу.

Обычно затруднения с ответом иницируют коммуникацию. Интервьюер старается обеспечить адекватность ответа, сохранить разговор в формате стандартизированного интервью [Рогозин, Ипатов, Галиева, 2018: 248]. С одной стороны, интервьюер не сразу соглашается с таким ответом, поскольку в предлагаемом артикулируемом вопросе отсутствует такой вариант.

И.: Вы бы хотели иметь детей?

Р.: Это трудно сказать, потому что такой мир, в котором трудно воспитать ребенка. Да и вообще не понятно, что творится.

И.: То есть да, нет или...?

Р.: Нет, похоже.

И.: Нет. Угу. (Интервьюер не кодирует сразу сомнения респондента как затруднение, а уточняет ответ. Он не успевает договорить возможный вариант с затруднением, как респондент прерывает его с готовым; мужчина, 27 лет, бездетный, опрос 2015 г.)

С другой стороны, затруднение с ответом маркируется как несогласие с последним, уход от предлагаемой коммуникации, потому требует от респондента дополнительных усилий по обоснованию такового. В вопросе о желании иметь детей отрицательный ответ набирает существенно больше коммуникативных действий со стороны респондента, нежели положительный (см. табл. 7), что косвенно указывает на социальную нежелательность, неодобряемость такого выбора.

Желание иметь детей, напротив, оценивается как социально одобряемое, приемлемое и не требующее дополнительных объяснений:

И.: Вы хотели бы иметь детей?

Р.: Все хотят.

И.: Ну вы хотите, да?

Р.: Да.

И.: Хорошо. Есть мужчины, которые не хотят. (Интервьюер комментирует ответ, но лишь в качестве подтверждения того, что ответ принят, записан в анкету. Респондент прямо говорит о распространенности и безусловности положительного ответа: «Все хотят»; мужчина, 28 лет, бездетный, опрос 2015 г.)

Кодирование ответов на вопрос о желании иметь детей проходило на одинаковых выборках по 90 человек в каждый год. Год от года общее количество коммуникативных действий сокращается: с 26 в 2015 г. до 17 в 2020 г. (см. табл. 8).

Таблица 7. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения разных ответов на вопрос о желании иметь детей среди бездетных, абсолютные значения

Коммуникативные действия	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Интервьюер уточняет ответ	6	7	6	19
Интервьюер объясняет вопрос	3	3	1	7
Интервьюер комментирует ответ респондента	2	1	2	5
Респондент аргументирует свой ответ	1	7	4	12
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянuto	3	9	10	22
Итого	15	27	23	65

Таблица 8. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения ответа на вопрос о желании иметь детей в разные годы проведения опроса среди бездетных, абсолютные значения

Коммуникативные действия	2015	2017	2020	Всего
Интервьюер уточняет ответ	5	7	7	19
Интервьюер объясняет вопрос	1	4	2	7
Интервьюер комментирует ответ респондента	4	0	1	5
Респондент аргументирует свой ответ	5	5	2	12
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянuto	11	6	5	22
Итого	26	22	17	65

Рост количества бездетных, отказывающихся от детей в будущем, от опроса к опросу сопровождается снижением интенсивности коммуникации, что интерпретируется нами и как уменьшение коммуникативных сбоев и снижение социального неодобрения подобных ответов. Данное наблюдение вполне согласуется с тенденцией роста фактической бездетности.

Отложенное рождение детей

Во время прослушивания аудиозаписей мы обнаружили, что в 21 интервью из 90 (23%) респондент на вопрос «Вы хотели бы иметь (еще) детей?» дает ответ «пока нет», таким образом редуцируя вопрос до текущего момента. В восьми случаях при таком ответе интервьюеры зафиксировали его без уточнений и объяснений, еще семи респондентам интервьюеры объяснили вопрос или уточнили ответ, но респонденты все равно ответили «нет».

И.: Вы бы хотели иметь детей?

Р.: Пока нет.

И.: Нет вообще имеется в виду?

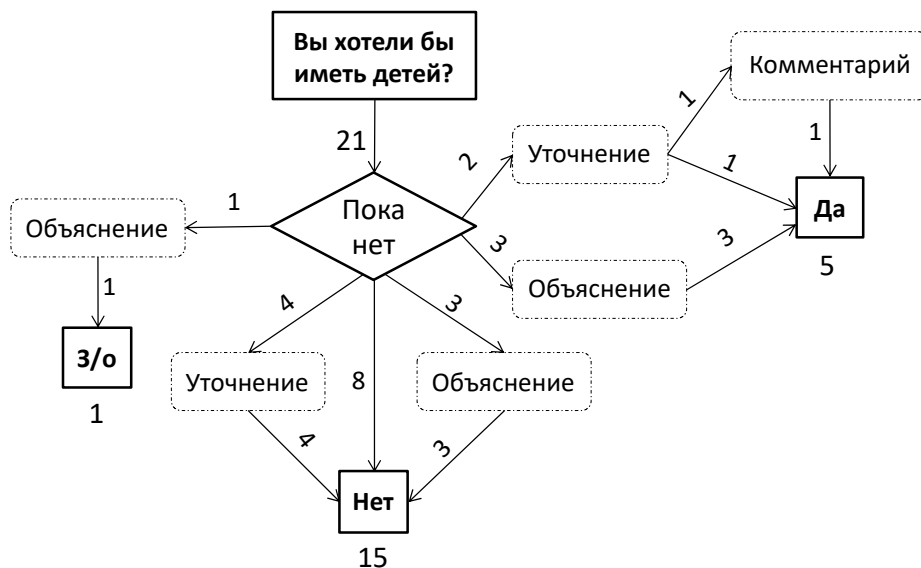
Р.: Ну как я могу ответить? Не знаю.

И.: Нет. Вы вообще хотели бы иметь детей?

Р.: Наверное ... нет. (Респондент сомневается в ответе, уточнение вопроса скорее указывает на неуверенность и нерасположенность говорить о каком-то решении, которого в принципе еще нет; женщина, 18 лет, бездетная, опрос 2017 г.)

Кроме того, после уточнений и объяснений вопроса пять респондентов ответили, что хотели бы иметь детей, а один респондент в итоге затруднился с ответом (см. рис. 1).

Рис. 1. Блок-схема коммуникативных переходов при получении ответа «пока нет» среди бездетных в возрасте 18—49 лет, абсолютные значения

Из 30 закодированных интервью в 2015 г. ответы «пока нет» дали 4 респондента (13%), в 2017 г. — 7 респондентов (23%), в 2020 г. — 10 респондентов (33%). Мы наблюдаем рост доли респондентов, редуцирующих вопрос до текущей ситуации.

Одновременно незначительно снижается коммуникативная активность интервьюеров, то есть они принимают подобное различие, и респондентов, которые не поясняют свой выбор. Это приводит к тому, что примерно четверть ответивших «пока нет» в принципе относятся позитивно к рождению детей и откладывают его из-за текущих неблагоприятных обстоятельств.

Неопределенность ответов

Исследователи отмечают, что ситуация с пандемией оказывает существенное влияние на рост неопределенности, приводит к отказу от долгосрочного планирования [Общество и пандемия..., 2020: 190—191], а следовательно — к отождествлению вопроса с текущим состоянием «здесь и сейчас». Однако этому противоречит рост числа таких ответов у бездетных в 2017 г. по сравнению с 2015 г. Другими словами, происходит смещение восприятия вопроса с общего представления о желательности детей до желания иметь детей в текущий момент.

И.: Вы бы хотели иметь детей?

Р.: Нуууу, мне для этого достатка сейчас не хватает...

И.: Тут сейчас не о достатке говорим, а хотели бы вы, чтобы дети у вас были, или нет?

Р.: Ну, вообще да, хотел бы. (Респондент вводит условие достатка, но интервьюер объясняет вопрос, после чего респондент соглашается, добавляя, что в целом он не против; мужчина, 36 лет, бездетный, опрос 2020 г.)

В первую очередь это связано с неопределенностью, отсутствием осмысленных убеждений о желательности или нежелательности детей. Большинство ответов даются бездетными в относительной форме с упоминанием условий или возможности изменить высказанную точку зрения. Как положительные, так и отрицательные ответы о желании иметь детей вполне могут быть изменены, если интервьюер продолжит разговор:

И.: Вы хотели бы иметь детей?

Р.: Пока еще нет. Рано.

И.: Ну, а в принципе-то хотели или нет?

Р.: Нууу, неет (смеется). (Вначале респондент уходит от ответа, обосновывая это тем, что на обозначенную тему еще рано думать. Затем со смехом высказывает несогласие иметь детей. Однако это высказывание не категорично и вполне может быть заменено на противоположное; женщина, 20 лет, бездетная, опрос 2015 г.)

Разговорная форма ответа на вопрос о желательности детей позволяет интервьюерам задавать вопрос, сохраняя привычный ритм коммуникации. Изменение порядка слов в вопросе («Вы хотели бы иметь детей?» или «Вы бы хотели иметь детей?») не приводит к каким-либо смещениям и искажениям восприятия. Вместе с тем формулировка вопроса, близкая к разговорной речи, подталкивает к рассуждениям, вводит в область неопределенности людей, не имеющих родительского опыта. Вопрос прост для восприятия и весьма сложен для поиска в памяти релевантной информации и формулирования суждения (подробнее об особенностях

восприятия вопроса см. [Рогозин, 2002]). Первой усложняющей дилеммой становится разговор о настоящем и конкретном или будущем и абстрактном; второй — граница между принципиальным несогласием иметь детей или вынужденностью, отказом из-за внешних обстоятельств. Кроме того, неопределенность будущего, неосознанность текущих поступков ставит отвечающих в весьма уязвимое положение, в котором легко перейти к риторическим приемам, заместить размышления шуткой, решение — иронией и смехом.

Респонденты с детьми

На ответы о планировании детей среди бездетных большое влияние может оказывать социальное окружение, бытующие в культуре нормы и представления: «иметь детей правильно, осмысленно»; «семья с ребенком полноценна»; «в старости кто-то должен ухаживать» и так далее. Социальное одобрение детности тем самым оказывает значительное влияние на утверждение о намерениях при фактической нерасположенности к рождению детей. Чтобы обнаружить и вычленить эффект социального одобрения, полезно рассмотреть представления и аргументацию детных родителей, изменение динамики их ответов за анализируемый период.

Количество родителей, желающих иметь еще детей, снижается год от года, и это согласуется с динамикой показателей среди бездетных (см. табл. 1 и 9). Однако число не желающих иметь еще детей увеличилось всего на 2 п. п., в то время как среди бездетных этот рост составил 12 п. п.

Таблица 9. Динамика ответов на вопрос о желании иметь еще детей среди детных респондентов в возрасте от 18 до 49 лет включительно, % по столбцу

Вы хотели бы еще иметь детей?	2015	2017	2020
Хотел(а) бы иметь детей	51	49	46
Не хотел(а) бы иметь детей	44	45	47
Затрудняюсь ответить	5	6	7
Итого, респондентов	2180	1844	1480

С одной стороны, родители демонстрируют более ответственный и осмысленный подход к рождению детей, с другой — их ответы меньше связаны с изменяющимися социально-экономическими условиями. Бытующая среди исследователей привычка искать и находить корреляции между экономическим положением и планированием детей требует переосмысления. Необходимо строить более сложные объяснительные модели, в которых экономическая компонента, возможно, станет второстепенной.

Вопрос о детях вызывает большую коммуникативную включенность детных (см. табл. 9) по сравнению с бездетными респондентами (см. табл. 6). Снижается число однозначных ответов без каких-либо комментариев; возрастает доля продолжительных разговоров с тремя и более коммуникативными действиями.

Таблица 9. Количество закодированных коммуникативных действий для получения ответа на вопрос о желании иметь детей среди детных респондентов, абсолютные значения

Количество закодированных коммуникативных действий	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Ни одного	7	14	4	25
Одно	6	9	11	26
Два	8	3	9	20
Три	5	1	6	12
Четыре	3	2	0	5
Пять	1	3	0	4

Разговор о детях становится предметным и осмысленным, желание соотносится с материальным достатком и разговор в целом переходит в размышление о текущем состоянии и общей обеспокоенности неустойчивым материальным положением.

И.: Скажите, вы бы хотели иметь еще детей? Да, нет.

Р.: Ой, такой сложный вопрос. Эээээ... мmmm... Можно я как-то по-своему отвечу? Если бы позволяло финансовое положение, если бы я понимала, что могу обеспечить этого ребенка, прокормить его, дать ему образование и как бы вот действительно время уделять ему. Сейчас я только одному уделяю ребенку время, а там надо будет двоим, за двоими вот это вот смотреть, то как бы да, хотела бы. А так... мmmm... опять же — все в деньги упирается, поэтому как бы особо и не хочется.

И.: [Имя], есть внутреннее желание? У вас есть желание иметь еще детей?

Р.: Ну, такое есть, да. (Женщина, 30 лет, один ребенок, опрос 2015 г.)

Изначальный отбор среди наиболее продолжительных ответов сместил выборку в сторону возрастных респондентов. Потому, кроме материальных затруднений, среди основных причин нежелания иметь еще детей упоминалось возрастное ограничение, неподходящий для рождения возраст. Чаще всего об этом говорили женщины около сорока лет и старше.

И.: А скажите, пожалуйста, вы бы хотели иметь еще детей?

Р.: Еще? Да нет, уже поздно.

И.: Ну, а если бы все-таки... в каком-то возрасте еще были репродуктивным? Если бы не поздно было, как вы выразились? Хотели бы?

Р.: Ой... хотелось бы, но сил бы уже не хватило на воспитание.

И.: Но вообще хотели бы, да?

Р.: Да. (Женщина, 43 года, двое детей, опрос 2015 г.)

Респонденты с детьми чуть реже отвечают с сомнением: 19 раз растянутый, неуверенный ответ зафиксирован в этой группе респондентов (см. табл. 10) и 22 — у бездетных (см. табл. 7). Однако у респондентов, имеющих детей, многократно увеличивается число аргументированных, развернутых ответов, что при-

водит интервьюера к необходимости гораздо чаще уточнять ответ: среди детных респондентов зафиксировано 40 уточнений, среди бездетных — 19.

Таблица 10. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения разных ответов на вопрос о желании иметь детей среди детных респондентов, абсолютные значения

Коммуникативные действия	Да, хочу детей	Нет, не хочу детей	Затрудняюсь ответить	Всего
Интервьюер уточняет ответ	9	13	18	40
Интервьюер объясняет вопрос	9	2	2	13
Интервьюер комментирует ответ респондента	3	3	1	7
Респондент аргументирует свой ответ	5	18	7	30
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянuto	6	9	4	19
Итого	32	45	32	109

Как и в случае с бездетными респондентами, наиболее насыщенное общение о желании иметь детей состоялось в 2015 г. (см. табл. 11). Последующее снижение интенсивности коммуникации навряд ли можно объяснить снижением социального неодобрения: наличие хотя бы одного ребенка — социальная норма, не требующая дополнительных обоснований или оправданий. Более того, социальным одобрением пользуются размышления о воспитании и достойном материальном обеспечении детей, а отсутствие таких возможностей становится значимым аргументом для отказа от расширения семьи.

Таблица 11. Наблюдаемые коммуникативные действия для получения ответа на вопрос о желании иметь детей в разные годы проведения опроса среди респондентов с детьми, абсолютные значения

Коммуникативные действия	2015	2017	2020	Всего
Интервьюер уточняет ответ	14	7	19	40
Интервьюер объясняет вопрос	5	4	4	13
Интервьюер комментирует ответ респондента	6	0	1	7
Респондент аргументирует свой ответ	13	8	9	30
Респондент отвечает задумчиво, с сомнением, растянuto	9	5	5	19
Итого	47	24	38	109

Рост интенсивности общения в 2020 г. в большей степени связан с увеличившейся обеспокоенностью материальным положением. Именно текущие затруднения и неопределенность будущего подталкивает семьи осторожно относиться к рождению, ограничивать свои желания.

И.: Вы хотели бы иметь еще детей?

Р: Сложный вопрос, очень сложный. Вы знаете, не от меня зависящий фактор, знаете. Я бы как бы вроде бы — да, и супруга — да, но вот социальное состояние, оно как бы не располагает к этому.

И.: Хорошо. (Мужчина, 36 лет, двое детей, опрос 2020 г.)

В такой коммуникативной ситуации интервьюеры реже задавали уточняющие вопросы о желании иметь детей в принципе, а если и задавали, то куда чаще получали отрицательный ответ.

И.: Вы бы хотели иметь еще детей?

Р: Ну, если бы платило государство достаточно денег, тогда я бы смогла их содержать, а не платить за квартиру по десять тысяч, тогда да, да хоть десять, а так — нет.

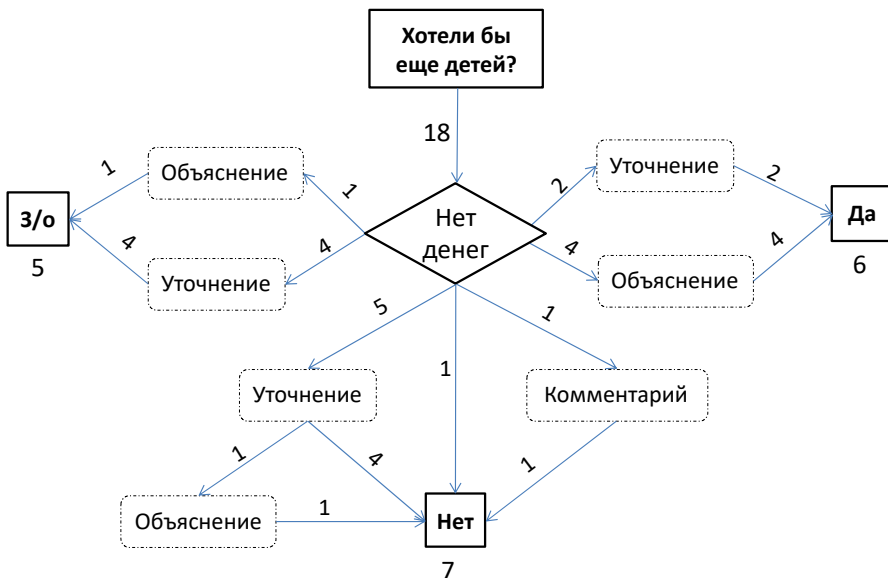
И.: Мммм, то есть какой можем ответ зафиксировать? Да либо нет?

Р: Нуууу, ннет, наверно, тогда.

И.: Угу. (Женщина, 25 лет, двое детей, опрос 2020 г.)

Снижение количества однозначных ответов, рассуждения и аргументы, сопровождающие все варианты ответов, подчеркивают значимость и осмысленность разговора о рождении детей среди детных респондентов, обыденность и привычность для них подобных вопросов.

Рис. 2. Блок-схема коммуникативных переходов при получении ответа «нет денег» среди респондентов с детьми в возрасте 18—49 лет, абсолютные значения

Итак, вопрос о планировании рождения детей весьма прост для восприятия. Он не раз задавался респондентам в обыденных ситуациях, возможно, проговаривался про себя. Но навряд ли у многих получал однозначные и простые ответы. Легкий и понятный, этот вопрос чрезвычайно сложен для поиска в памяти релевантной информации и формулирования суждения. В разговоре о планировании детей смешивается прошлое, настоящее и будущее, и отнюдь не всегда это смешение удается зафиксировать интервьюеру — понять, о чем действительно говорит собеседник.

Большинство ответов о планировании детей связываются с условиями жизни, текущими или предполагаемыми обстоятельствами. Речевая конструкция «если» всегда предполагает возможное изменение точки зрения, отрицает какую-либо жесткость в суждениях. Планирование детей — это не акт принятия рационального решения, а некоторая форма размышления над собственной жизнью, над особенностями своей семьи, спецификой социального окружения. Бездетные реже высказываются о нежелании иметь детей по сравнению с детными, но ответы и тех, и других относительно, неустойчивы, не сбалансированы некоторым набором однозначных и прямолинейных аргументов. Скорее речь идет об амбивалентной позиции «с одной стороны, с другой стороны», которая завершается ответом под влиянием условий текущей коммуникативной ситуации.

Общий рост популярности бездетных или малодетных установок в семьях был значительно усилен текущей ситуацией — пандемией COVID-19. Не столько риски здоровью, сколько возможное значительное ухудшение материального благополучия приводит к тому, что многие респонденты говорят о неготовности к рождению ребенка, страхе за его будущее.

Заключение

Предпочтения иметь или не иметь детей могут и должны использоваться в комплексе показателей репродуктивного поведения населения. Однако они не являются метаустановкой, а изменяются под влиянием возраста и в ответ на текущие обстоятельства жизни. Кроме того, их фиксация в ходе массового опроса также может быть результатом той или иной коммуникативной ситуации.

В течение наблюдаемого периода социальный портрет предпочитающих бездетность изменился явным образом. Если в 2017 г. ключевым определяющим фактором было отсутствие стабильных партнерских отношений, то сейчас данный выбор определяет целый комплекс факторов. Самое сильное влияние остается за религиозными установками. Вместе с тем выросло значение депривационных социально-экономических характеристик; возможно, это временное явление, коррелирующее с обстоятельствами эпидемиологического кризиса.

Включение в рассмотрение согласия с утверждением о «нормальности» бездетности меняет картину предпочтений. Респонденты, поддерживающие бездетный выбор как социальную норму и заявляющие о собственном нежелании иметь детей, тяготеют к группе «форвардов модернизации». Чаще это молодые, проживающие в столицах, не имевшие братьев и сестер, неверующие по самоопределению, сильно вовлеченные в мультизадачное пользование интернетом и не имеющие стабильных партнерских отношений. Использование более сильного показателя

предпочтений бездетности снижает долю таких респондентов всего с 22 % до 17 % и не отменяет его роста по сравнению с предыдущими годами опросов.

Социологический анализ косвенно подтвердил, что нежелание иметь детей остается социально нежелательным, неодобряемым выбором. Вместе с тем обстоятельства опроса 2020 г. провоцировали на увеличение числа ответов «пока нет» и на принятие интервьюерами этого варианта ответа. Многие ответы даются бездетными в относительной форме с упоминанием условий жизни или возможностей изменить высказанную точку зрения, а значит, не являются окончательным решением.

Все это говорит о том, что опрос 2020 г., скорее всего, несколько завышает долю не желающих иметь детей за счет тех, кто предпочитает отложить принятие этого решения. Это можно отнести на счет высокой неопределенности будущего в год пандемии коронавируса. Однако распространение добровольной бездетности — в ее широком понимании, в том числе с учетом «остающихся бездетными», — в России, несомненно, происходит.

Список литературы (References)

Белова В. А., Дарский Л. Е. Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.

Belova V. A., Darsky L. E. (1972) Opinion Statistics in the Study of Fertility. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Борисов В. А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.

Borisov V. A. (1976) Fertility Prospects. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Захаров С. В. Скромные демографические результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2 // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 6—26. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>.

Zakharov S. V. (2016) Modest Demographic Results of the Pronatalist Family Policy in the Context of Long-Term Evolution of Fertility in Russia. Part 2. *Demographic Review*. Vol. 3. No. 4. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203>. (In Russ.)

Ипатова А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. Социология. Этнология. 2015. Т. 24. № 4. С. 123—148.

Ipatova A. A., Tyndik A. O. (2015) Reproductive Age: 30 Years Old in Preferences and Biographies. *Mir Rossii*. Vol. 24. No. 4. (In Russ.)

Ипатова А. А., Rogozin Д. М. Условия коммуникативного успеха в стандартизированном телефонном интервью // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 21—54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>.

Ipatova A. A., Rogozin D. M. (2014) Conditions for Communicative Success in a Standardized Telephone Interview. *Sociologicheskij zhurnal*. No. 1. P. 21—54. <https://doi.org/10.19181/socjour.2014.1.480>. (In Russ.)

Макаренцева А. О. Влияние эпидемиологической ситуации на репродуктивные намерения населения // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 17(119). Июнь / под ред. Гуревича В. С., Дробышевского С. М., Колесникова А. В., Мау В. А., Синельникова-Мурылева С. Г. Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. С. 25—30.

Makarentseva A. O. (2020) The influence of the epidemiological situation on the reproductive intentions of the population. In: Gurevich V. S., Drobyshevskiy S. M., Kolesnikov A. V., Mau V. A., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.) *Monitoring the Economic Situation in Russia: Trends and Challenges of Socio-Economic Development*. 2020. No. 17(119). June. Gaidar Institute for Economic Policy, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. P. 25—30. (In Russ.)

Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / под ред. Мау В. А., Идрисова Г. И., Кузьминова Я. И., Радыгина А. Д., Садовниченко В. А., Синельникова-Мурылева С. Г. М., 2020.

Mau V. A., Idrissov G. I., Kuzminov Ya. I., Radygin A. D., Sadovnichy V. A., Sinelnikov-Murylev S. G. (eds.) (2020) *Society and Pandemic: Experience and Lessons in the Fight Against COVID-19 in Russia*. M. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.

Rogozin D. M. (2002) *Cognitive Analysis of the Survey Tool*. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. (In Russ.)

Рогозин Д., Ипатова А., Галиева Н. Стандартизированное (телефонное) интервью. М.: Пункт, 2018.

Rogozin D., Ipatova A., Galieva N. (2018) *Standardized (Telephone) Interview*. Moscow: Punkt. (In Russ.)

Тындик А. О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Дело РАНХиГС, 2015.

Tyndik A. O. (2015) *The Demographic Agenda of Modern Russia: The Structure and Reproduction of the Population*. Moscow; Delo RANEPА. (In Russ.)

Ajzen I., Fishbein M. (1980) *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Biryukova S. S., Tyndik A. O. (2015) Prevalence and Determinants of Childlessness in Russia and Moscow. *Genus*. Vol. 71. No. 1. P. 1—22.

Freedman R., Baumert G., Bolte M. (1959) Expected Family Size and Family Size Values in West Germany. *Population Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 136—150.

Freedman R., Coombs L. C., Bumpass L. (1965) Stability and Change in Expectations About Family Size: A longitudinal Study. *Demography*. Vol. 2. No. 1. P. 250—275.

Keizer R., Dykstra P.A., Jansen. M.D. (2008) Pathways Into Childlessness: Evidence of Gendered Life Course Dynamics. *Journal of Biosocial Science*. Vol. 40. No. 6. P. 863—878. <https://doi.org/10.1017/S0021932007002660>.

Miettinen A., Rotkirch A., Szalma I., Donno A., Tanturri M.-L. (2015) Increasing Childlessness in Europe: Time Trends and Country Differences. *Families and Societies. Working Paper Series*. No. 33.

Neely W. C. (1940) Family Attitudes of Denominational College and University Students, 1929 and 1936. *American Sociological Review*. Vol. 5. No. 4. P. 512—522.

Schoen R., Kim Y.J., Nathanson C. A., Fields J., Astone N. M. (1997) Why Do Americans Want Children? *Population and Development Review* Vol. 23. No. 2. P. 333—358. <https://doi.org/10.2307/2137548>.

Toulemon L. (1996) Very Few Couples Remain Voluntarily Childless. *Population An English Selection*. P. 1—27.

Trent R. B. (1980) Evidence Bearing on the Construct Validity of «Ideal Family Size». *Population and Environment*. Vol. 3. No. 3—4. P. 309—327.

Westoff C. F., Mishler E. G., Kelly E. L. (1957) Preferences in Size of Family and Eventual Fertility Twenty Years After. *American Journal of Sociology*. Vol. 62. No. 5. P. 491—497.

